И

А.Е. СУПРУН

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Допущено Министерством народного образования БССР в качестве учебного пособия для студентов филологических специальностей университетов

2-е издание, переработанное

Фундаментальная библиотека

Вітебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава

БГУ

00796777

Минск
«Вышэйшая школа»
1989

ББК 8.2-923
С89

Рецензенты:
кафедра славянской филологии Львовского государственного университета им. И. Франко,
академик АН СССР *Н. И. Толстой*

Супрун А. Е.
С89 Введение в славянскую филологию: Учеб. пособие для филол. спец. ун-тов.— 2-е изд., перераб.— Мн.: Выш. шк., 1989.—480 с.
ISBN 5-339-00174-1.

Даются сведения о славянских языках в современном мире, о жизни славян в древности, о возникновении славянской филологии. Пособие снабжено картами, библиографическими списками при разделах, указателями имен и праславянских слов.

Первое издание (авторы А. Е. Супрун, А. М. Калюта) вышло в 1981 г.

С $\frac{4602020100-098}{M304(03)-89}$ 42—89

ББК 8.2-923

ISBN 5-339-00174-1

© Издательство «Вышэйшая школа», 1981
© Издательство «Вышэйшая школа», 1989, с изменениями

Минск; Высшая школа, 1989

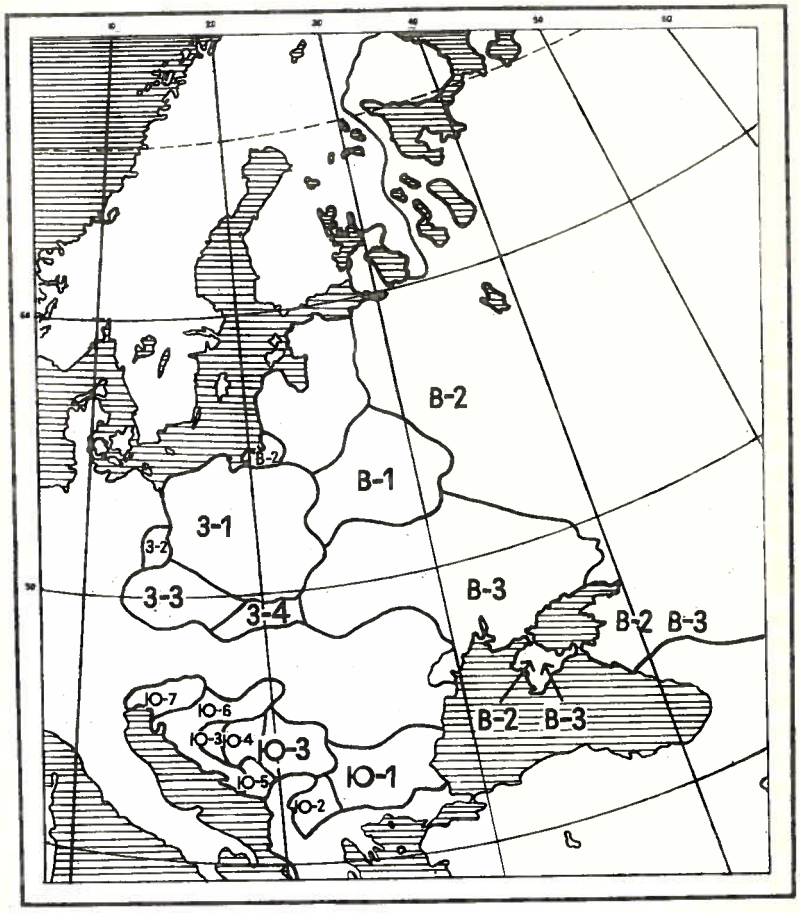
1. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1.1. ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

Славянские языки — пятая в мире (после китайской, индийской, германской и романской) по распространенности группа языков. К современным славянским языкам относятся (в порядке убывания числа носителей этих языков): русский, украинский, польский, сербскохорватский, чешский, белорусский, болгарский, словацкий, словенский, македонский, серболужицкий, а также некоторые микроязыки узкого распространения (например, язык югославских русинов). Кроме этих, живых, славянских языков, зафиксированы еще некоторые ныне не используемые (мертвые) языки.

Славянское население составляет три четверти населения СССР. Славянские языки — наиболее распространенные в Европе (около 240 млн. говорящих, в то время как на германских языках в Европе говорит порядка 180 млн., а на романских — 170 млн.). Общее количество носителей славянских языков в мире составляет 285—290 млн. человек. Точные данные привести затруднительно из-за неполноты данных по неславянским странам, в частности по США.

Славяне представляют собой группу народов, объединенную общностью происхождения и близостью языков. (Следует вместе с тем отметить определенную роль в этногенезе славян представителей других этнических групп: балтов, тюрок и др.) Несмотря на то, что уже полторы тысячи лет назад славяне расселились по различным территориям и в их языках выработались определенные различия, несмотря на то, что в течение столетий славяне жили в разных государствах, нередко в угнетенном положении, они сохранили память о единстве своего происхождения, близость своих языков и в той или иной мере чувство славянской общности. Если Руси (затем России) и Польше на протяжении длительного периода удавалось сохранить свои национальные государства (хотя в истории и этих славянских стран были тяжелые периоды, обусловленные



Современные славянские народы

В-1. Белорусы. В-2. Русские. В-3. Украинцы. З-1. Поляки. З-2. Серболужичане. З-3. Чехи. З-4. Словаки. Ю-1. Болгары. Ю-2. Македонцы. Ю-3. Сербы. Ю-4. Мусульмане (из боснийцев). Ю-5. Черногорцы. Ю-6. Хорваты. Ю-7. Словенцы.

татаро-монгольским игом на Руси в XIII—XV вв. и разделами Польши в конце XVIII в.), то другие славянские народы в течение длительных периодов не имели своей национальной государственности: южные славяне на протяжении столетий (XIV—XIX вв.) были под тяжелейшим

Таблица 1

Славяне в начале XX в.

(По данным на 1911 г. в кн.: *Флоринский Т. Д.* Этнографическая карта западного славянства и Западной Руси. Киев, 1911)

Название народов	Количество (в тыс. чел.)	По государствам и странам (в тыс. чел.)										
		Российская империя	Болгарское царство	Сербское королевство	Черногорское королевство	Австро-Венгерская империя	Турция	Германия	Румыния	Италия	Прочая Европа и Азия	Америка
Великорусы (русские)	69 400	69 200										
Малорусы (украинцы)	33 100	28 400				4 500					170	330
Белорусы	7 400	7 400										
Болгары	5 700	226	3 400			34	1 900		110		30	
Сербы и хорваты	9 773	2		2 800	260	5 855	550			6		300
Словенцы	1 500					1 325				43		132
Чехи	7 500	65				6 935		126			64	310
Словаки	2 740	2				2 358						380
Серболужичане	157							56*				11
								90**				
Поляки	21 700	9 800				4 900		3 900			100	3 000
Кашубы	370							222				148
Итого ... ***	159 420	115 100	3 400	2 800	260	25 600	2 450	4 500	130	50	600	4 500

* Саксония.

** Пруссия.

*** Суммарные цифры у Флоринского учитывают, видимо, небольшие группы, которые фигурируют иногда в графе «Америка и другие страны», «Россия и другие страны», а также произведенные им округления и потому не являются простой суммой столбца.

турецко-османским игом; чехи, словаки, словенцы, хорваты, а частично также поляки и украинцы оказались в рамках Австрийского и Венгерского государств, а затем Австро-Венгрии; серболужичане находились в Германии; украинцы и белорусы длительное время были на подчиненном положении в составе Речи Посполитой. Многие славянские народы в течение длительного времени оказывались разорванными (в составе различных государств). Так, к примеру, только после второй мировой войны, в 1945 г., после тысячелетнего перерыва, все украинские земли были объединены в единое Украинское Советское государство (перед второй мировой войной Западная Украина была в составе Польши, Северная Буковина и Южная Бессарабия — в составе Румынии, Закарпатская Украина — в составе Чехословакии; в начале XX в. значительная часть Украины была в составе Австро-Венгерской империи). Польша в XIX в. была разорвана между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией (Германией). Даже небольшой народ лужичан не только жил среди немцев, но и был разделен между Саксонией и Пруссией. В табл. 1 приведены данные о распределении славян по государствам в 1911 г.

Разобщенность славян усиливалась религиозными различиями. Если основная масса восточного и южного славянства была в прошлом православной, т. е. принадлежала к восточному крылу христианской церкви, то большинство западных славян, а также словенцы и хорваты были католиками. Некоторая часть украинцев и других славян была униатами, занимавшими промежуточное положение между этими церквами. Протестантское движение, которое имело в прошлом немалое распространение среди славян (гуситы в Чехии, кальвинисты в Польше и Белоруссии и др.), утратило свое значение, однако в XIX в. большинство серболужичан и значительная часть словаков и поляков были протестантами. Некоторая часть южных славян оказалась вынужденной принять в период турецкого господства мусульманство. В табл. 2 представлено распределение славян по религии в середине XIX в. В наше время, разумеется, для очень многих славян былая религиозная принадлежность уже утратила актуальное значение, но еще и сейчас она является довольно существенным фактором в духовной жизни народов.

Использование той или иной разновидности письменности у разных славянских народов связано с их былой

религиозной принадлежностью: латинская письменность принята у народов, где господствовала католическая религия или протестантство, а славянская (кирилловская, русская гражданская) письменность распространена среди православных христиан. Появление славянской письменности вообще, а следовательно и древнейшей славянской

Таблица 2

Славяне в середине XIX в.
(по данным «Славянского народоописания» П. Шафарика, 1849 г.)

Название народов (по современной терминологии)	Количество (в тыс. чел.)	Религиозная принадлежность (в тыс. чел.)				
		православные	униаты	католики	протестанты	мусульмане
Русские	35 314	35 314				
Украинцы	13 144	10 154	2 990			
Белорусы	2 726	2 376		350		
Болгары	3 587	3 287		50		250
Сербы, хорваты, боснийцы, черногорцы	6 095	2 880		2 665		550
Словенцы	1 151			1 138	13	
Поляки	9 365			8 923	442	
Чехи	4 414			4 270	144	
Словаки	2 753			1 953	800	
Серболужичане	142			10	132	
Всего...	78 691	54 011	2 990	19 359	1 531	800

азбуки — глаголицы, связано с принятием славянами христианства. Переход части южных славян в мусульманство, а татар-мусульман в Белоруссии и Литве на славянскую (белорусскую или польскую) речь обусловил использование для передачи славянских текстов средств арабского алфавита. В табл. 3 и 4 показаны основные способы передачи славянских звуковых систем средствами различных письменностей.

Сравнивая данные табл. 2, 1 и 5, можно увидеть, как значительно выросло «славянское племя» за последние полтораста лет. По сравнению с 40-ми гг. XIX в., когда Шафарик насчитывал менее 80 млн. славян в мире, теперь количество славян выросло в три с половиной раза и достигает почти 290 млн. человек. Особенно значительно выросло количество русских, поляков, украинцев, белорусов. Уменьшилось количество серболужичан, что связано с их расселением среди немцев небольшим коллективом.

Таблица 3

Передача звуков на письме в славянских языках

Звук	Глаголица	Кириллица	Гражданская азбука	Латиница	Белорусские китабы
1	2	3	4	5	6
Гласные					
a			a	a	
ja			я—Р,У, Бел, Бол		
'a			——— " ———	ä—Сц	
o			o	o	
jo,'o			ё—Р, Бел		
ǫ				ą—П	
e			э—Р, Бел	e	/
			е—У, Бол, С, М		
je, 'e			е—Р, Бел		
			є—У		
ę				ę—П	
i			и—Р, Бол, С, М	i—П, Х, Сн, Сл	
			і—У, Бел	і, у—Ч, Сц	
ji			ї—У		
y			ы—Р, Бел	y—П, Сл	
			и—У		
u			у	u	
				ó—П	

1	2	3	4	5	6
ju,'u			ю—Р,У, Бел,Бол		
ů; ô				ů—Ч, ô--Сц	
й			ў— Бел	ł—П, Сл	
ě				(ě—Ч, Сл)	
ъ			ъ— Бол		
ь					
Согласные					
l			л	l	
l'			љ— С, М	l'—Сц	
r			р	r	
ř				ř—Ч, Сл	
ŕ				ŕ—Нл	
m			м	m	
n			н	n	
ń			њ— С, М	ń—П, Сл, ň Ч, Сц	
j			й—Р,У, Бел,Бол	j	
			j — С, М		
			(ъ—Р; ь—У, Бел		
			ь—Р, Бел)		
b			б	b	
p			п	p	
v, w			в	v—Ч, Сц, Х, Сн	
				w—П, Сл	

1	2	3	4	5	6
f			*ф*	*f*	ف
g			*г — Р, Бол, С, М*	*g*	غ
h			*г — У, Бел*	*h — Ч, Сц, Сл*	ه
x			*х*	*сh — П, Ч, Сц, Сл*	ح
				h — Х, Сн, П	
k			*к*	*k*	ق
ḱ			*ḱ — М*		
ǵ			*ѓ — М*		
d			*д*	*d*	د
d'				*d' — Ч, Сц*	
t			*т*	*t*	ط
t'				*t' — Ч, Сц*	ت
s			*с*	*s*	س
ś				*ś — П, Нл*	ش
z			*з*	*z*	ض
ź				*ź — П, Сл*	ز
dz			*ѕ — М*		ظ
dź			*ђ — С*	*đ — Х*	
c			*ц*	*c*	ص
ć			*ћ — С*	*ć — П, Сл, Х*	
dž			*џ — С, М*		ج
č			*ч*	*č — Ч, Сц, Сл, Х, Сн*	چ
				cz — П	

1	2	3	4	5	6
ž			*ж*	*ž — Ч, Сц, Сл, Х, Сн*	ژ
				ż, rz — П	
š			*ш*	*š — Ч, Сц, Сл, Х, Сн*	ش
				sz — П	
št			*щ — Бол*		
š̄			*щ — Р*		
šč			*щ — У*		
Мягкость			*ь — Р, У, Бел, Бол*	*(j — Х, Сн;*	
				i — П, Сц)	

Примечание. В таблице не отмечаются диграфы, обозначающие аффрикаты типа *дж*, а также не указываются позиционные варианты обозначения звуков, не оговариваются специально различные позиции, в которых используются те или иные буквы. Не указаны заглавные и рукописные варианты букв.

Сокращенные обозначения современных славянских алфавитов: Р — русский, У — украинский, Бел — белорусский, Бол — болгарский, С — сербский, М — македонский, П — польский, Ч — чешский, Сц — словацкий, Сл — серболужицкий, Нл — нижнелужицкий, Вл — верхнелужицкий, Х — хорватский, Сн — словенский.

Арабские написания «белорусских китабов» даются по кн.: *Антонович А. К.* Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. С. 192—194. Приводятся обособленные написания.

Языковой характер славянской общности виден из данных табл. 5, где указано количество лиц, принадлежащих к тому или иному славянскому народу, и количество лиц, пользующихся тем или иным славянским языком. Как правило, некоторая часть представителей того или иного народа, проживающая в других странах, продолжая сознавать себя частью данного народа, вместе с тем уже не счи-

тает язык своего народа родным, а иногда даже не знает его. Этим объясняется некоторое уменьшение цифр второго столбца по сравнению с первым. Но русский язык, являющийся языком межнационального общения в нашей стране, а также выдвигающийся на положение одного из мировых языков, оказался родным для значительной части представителей нерусских народов СССР (16 млн. чел.), в связи с чем и общее количество носителей славянских языков даже превысило количество людей, относимых к числу славян по этнической принадлежности. В целом, однако, данные о носителях языков хорошо коррелируют с данными о национальной принадлежности.

Таблица 4

Алфавиты на кириллической основе	Алфавиты на латинской основе
ў — Бел	ą, ę, ż, ó — П
і, є — У	ů — Ч
ћ, ђ — С	ä, ö, l' — Сц
s, k, ŕ — М	ŕ — Нл
ъ — Р, Бол (в разн. знач.)	đ (Đ) — Х
ё, ы, э — Р, Бел	ń, ź, ł — П, Сл
і — У, Бел	ś — П, Нл
j, њ, љ, џ — С, М	ě — Ч, Сл
	ř — Ч, Вл
	t', d', ň — Ч, Сц

Примечание. В таблицу включены буквы, встречающиеся только в одном или двух современных славянских алфавитах; архаичные буквы, а также дополнительные надстрочные знаки, обозначающие долготы, интонацию и ударения, не учитывались (но ср. польские и словацкие знаки над *o*, обозначающие, однако, не ударение и не долготу). Серболужицкие алфавиты учтены и как алфавит одного народа (Сл), и раздельно (Нл, Вл). Более чем в двух славянских алфавитах на латинской основе встречаются буквы с дополнительными знаками: š, č, ž, ć.

Если еще немногим более ста лет тому назад большинство славянских народов не имело своей государственности, то в наше время государственностью обладают почти все славянские народы. С одной стороны, это однонациональные государства (Польская Народная Республика и Народная Республика Болгария), с другой — это государства, построенные по федеративному принципу, где, однако, каждая славянская нация обладает своей

Таблица 5

Славяне в 80-х гг. XX в.
(по данным Ежегодников БСЭ, итогов Всесоюзной переписи населения 1979 г. по кн.: Численность и состав населения СССР. М., 1985) *

Название народов	Количество (в млн. чел.)	Число говорящих на языке (в млн. чел.)	Данные переписей (в тыс. чел.)
			По переписи СССР 1979 г.
Русские **	143,0	159,0	137 397
Украинцы **	45,0	42,5	42 347
Белорусы **	10,5	9,3	9 463
Болгары	8,5	8,9	Население НРБ по переписи 1985 г. 8 943
			По переписи СФРЮ 1981 г.
Македонцы	1,6	1,5	1 340
Сербы	9,5		8 140
Хорваты	5,5		4 428
Мусульмане (из боснийцев)	2,1	17,0	2 000
Черногорцы	0,6		579
Словенцы	2,1	2,0	1 754
Поляки	43,0	39,0	Население ПНР по переписи 1978 г. 35 032
Кашубы			
			По переписи ЧССР 1980 г.
Чехи	10,4	10,0	9 823
Словаки	5,5	5,0	4 659
Серболужичане	0,1	0,1	

* Количество лиц, принадлежащих к тому или иному народу, указано по оценке на 1985 г. с учетом проживающих за рубежом.

** По переписи 1979 г., в СССР число говорящих на русском языке как родном составило 153 458 тыс., в том числе русских 137 182 тыс.; русским как вторым языком владело 61 168 тыс., в том числе русских 147 тыс. чел. Украинским языком как родным владело 35,5 млн. чел. и как вторым 6,5 млн.; белорусским языком как родным владело 7,4 млн. чел. и как вторым 1,6 млн. чел.; таким образом, украинским владело 42 млн. чел., а белорусским 9 млн. чел. В таблице в число говорящих на этих языках включались те, кто указал данный язык как родной или второй, а также ориентировочное число лиц данной национальности, проживающих за рубежом и пользующихся данным языком

национальной государственностью: СССР, включающий Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику, Украинскую Советскую Социалистическую Республику и Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (вместе с 12 другими, неславянскими республиками); ЧССР, включающая Чешскую и Словацкую социалистические республики; СФРЮ, включающая как отдельные республики Сербию, Хорватию, Боснию и Герцеговину, Черногорию, Македонию, Словению. СССР, УССР, БССР, ПНР, НРБ, ЧССР, СФРЮ являются членами Организации Объединенных Наций. В составе Германской Демократической Республики серболужичане, не составляющие нигде большинства населения, получили, однако, широкие возможности национального и культурного развития. Лишь сравнительно небольшие национальные группы славян-аборигенов в Австрии и Италии (главным образом словенцев и хорватов) вынуждены продолжать борьбу за свободное развитие своей национальной культуры, школы, за использование своего языка. Особо складываются в этом отношении судьбы славянских эмигрантов, наиболее значительная часть которых в конце XIX — начале XX в. вынуждена была покинуть свои родные земли в поисках куска хлеба и лучшей доли, которая далеко не всем им улыбнулась.

Все славянские страны, а также родина серболужичан ГДР встали на путь строительства социализма.

Близость славянских языков объясняется их происхождением из более или менее единого праславянского языка, а отчасти также общностью исторических судеб если не всех славян, то их отдельных групп. Так, к примеру, у болгар, сербов, македонцев имеется общий лексический фонд тюркских элементов, связанный с длительным пребыванием под турецким гнетом (XIV—XIX вв.). Имеются общие лексические элементы у поляков, украинцев, белорусов в связи с тем, что Украина и Белоруссия находились в составе Польского государства (XV—XVII вв.). Выработался общий фонд лексики у славянских народов Советского Союза, связанный с общностью экономики, культуры всего советского народа; вырабатывается и общий фонд лексики в языках народов Югославии.

Литература*

Кондрашов Н. А. Славянские языки. 3-е изд. М., 1986.

Энциклопедия славянской филологии. [Изд. Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук под ред. ординарного акад. И. В. Ягича; вып. 4.3 издан АН СССР под ред. акад. Е. Ф. Карского]. Спб.; Пг.; Л., 1908—1929. [Вышли выпуски: 1 (*Ягич И. В.* История славянской филологии. 1910); 2 (*Нидерле Л.* Обозрение современного славянства. 1909); 3 (Графика у славян: I. *Ягич И. В.* Вопрос о рунах у славян. II. *Гардтгаузен В.* Греческое письмо IX—X столетий. III. *Ягич И. В.* Глаголическое письмо. 1912); 4.1 (*Лавров П. А.* Палеографическое обозрение кирилловского письма. 1915); 4.2 (*Калужняцкий Е.* Кирилловское письмо у румын. 1915); 4.3 (*Сперанский М. Н.* Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. 1929); 5.2 (*Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. 1910); 10 (*Кульбакин С. М.* Грамматика церковнославянского языка по древнейшим памятникам. 1915); 11.1 (*Шахматов А. А.* Очерк древнейшего периода истории русского языка. 1915); 12 (*Будде Е. Ф.* Очерк истории современного литературного языка (XVII—XIX век). 1908)].

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1980.

Кравцов Н. И. Славянский фольклор. М., 1976.

Историческая типология славянских языков/Под ред. А. С. Мельничука. Киев, 1986.

Moszyński K. Kultura ludowa słowian. Wyd. 2. Warszawa, 1967—1969. T. 1—4.

История южных и западных славян. М., 1984.

Георгиев Е. Очерки по история на славянските литератури. София, 1958—1963. Ч. 1—2.

The Slavic Literary Languages: Formation and Development. New Haven. 1980.

Lehr-Spławiński T., Kuraszkiewicz W., Sławski F. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954.

Petr J. Základy slavistiky. Praha, 1984.

Horalek K. Úvod do studia slovanskych jazyků. Praha, 1962.

Moszyński L. Wstęp do filologii słowiańskiej. Warszawa, 1984.

Куцаров И. Увод в славянската филология: Езиковедска славистика. София, 1980. [На обложке: 1981.]

Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1975. Bd. 1 (A — B).

Калоева И. А. Советское славяноведение: Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. 1918—1960. М., 1963.

Славянское языкознание: Библиографический указатель литературы, изданной в СССР. М., 1963—1985. Ч. 1: 1918—1955, ч. 2: 1956—1960 (М., 1963); 1961—1965 (М., 1969); 1966—1970 (М., 1973); 1971—1975: В 2 кн. (М., 1980—1981); 1976—1978: В 3 кн. (М., 1985); 1979—1981: В 4 кн. (М., 1989). [Издание продолжается.]

* В дальнейшем при пользовании библиографическими списками в конце разделов следует иметь в виду, что указания на те или иные работы не повторяются, а потому книги, приведенные в разделах более общих (например, характеризующих подгруппы языков), следует учитывать и при подборе литературы по отдельным славянским языкам (народам, литературам).

1.2. ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Термин «праславянский язык» используется для обозначения языка древних славянских племен, на базе которого возникли в результате ряда преобразований отдельные славянские языки. Термин «праславянский» соотносителен с немецким термином *«urslavisch»*. Во французской литературе принят другой термин — *«slave commune»*, который у нас принято переводить как «общеславянский». Для нас этот термин представляется менее удачным, потому что он не содержит указания на происхождение: явление может быть общеславянским по распространению, но не по происхождению. В английской литературе иногда употребляется термин *«proto-slavic»*; в соответствии с нашей практикой этот термин следовало бы использовать для обозначения дославянского состояния. Использовавшийся у нас в 50-х гг. термин «славянский язык-основа» неудобен из-за громоздкости и невозможности образования от него прилагательного для обозначения принадлежащих этому языку фактов, а потому и не принят в научной практике. Термин «праславянский язык» равнозначен сочетанию «славянский праязык».

Древние славяне составляли определенную историческую общность. Показателем общности славянских племен была относительная общность диалектов, которыми пользовались эти племена, что в какой-то степени сохранилось и в более позднюю пору, когда отдельные группы славян оказались достаточно далеко друг от друга территориально, в рамках разных государственных образований. Однако следует отдавать себе отчет также в том, что праславянский язык никогда не был абсолютно единым: диалектное членение в нем ощущалось достаточно сильно. Так, к числу довольно древних диалектных различий в праславянском языке можно отнести качество *г* — взрывной (как в северновеликорусских говорах, польском, кашубском, нижнелужицком, а также в южных славянских языках) или фрикативный (как в южновеликорусских говорах, украинском, белорусском, чешском, словацком, верхнелужицком языках). С течением времени, по мере расселения славян на все больших территориях, возникали новые диалектные черты и усиливалась обособленность отдельных праславянских диалектов (см. 2.1.7).

Сведения о праславянском языке мы черпаем прежде

Народы Восточной Европы в середине IX в.

всего путем сравнения славянских языков между собой, а также путем сравнения с другими родственными индоевропейскими языками. Те факты, которые засвидетельствованы различными славянскими языками, могут отражать древние славянские явления, особенно если это

подтверждается явлениями других индоевропейских языков. Так, например, русскому и белорусскому *е* в слове *лето* и подобных в украинском соответствует *і (літо)*, в болгарском — *'а (лято)*, в польском — тоже *(lato)*, в то же время в других случаях во всех этих языках выступает *е* или *о*: рус. и укр. *озеро*, польск. *jezioro*, болг. *езеро* и т. д. Отсюда делается вывод, что на месте этих звуков, теперь совпавших в части славянских языков в звуке *е*, были две разные праславянские фонемы **е* и **ě*; сравнение с другими индоевропейскими языками подтверждает такое предположение, поскольку на месте **е* там выступает краткий гласный или его нынешнее отражение (рефлекс), а на месте **ě* — долгий гласный или его рефлекс.

Некоторые сведения о праславянском языке выявляются в процессе внутренней реконструкции на основании структурного анализа такого языкового состояния, которое характеризуется как праславянское. Если собственно славянские факты скорее указывают на поздний праславянский язык, а сравнение с другими индоевропейскими — на ранний праславянский, то его история в значительной мере восстанавливается путем установления относительной хронологии: такое-то явление *А* произошло после такого-то явления *В*, так как лишь условия, возникшие после явления *В*, обеспечивали возможность явления *А*: так, например, вторая палатализация заднеязычных, т. е. переход *g, k, x* в *z, c, s* перед передними гласными дифтонгического происхождения, могла произойти только после того, как дифтонг **oi* превратился в передний гласный *ě* или *і*. Вспомогательные данные о праславянском языке можно почерпнуть в словах, заимствованных из праславянского и в праславянский, в некоторых местных названиях (топонимах), изредка — в прямых сообщениях представителей других народов о жизни древних славян.

Исследования праславянского языка занимали славяноведение на протяжении всей его истории. По сути дела, восстановление праславянского языка составляет одну из центральных задач сравнительной грамматики славянских языков. Эта проблематика исследовалась в трудах А. Х. Востокова и Й. Добровского, А. Шлейхера и Ф. Миклошича, Ф. Ф. Фортунатова и А. А. Шахматова, Я. Розвадовского и А. И. Белича, Й. Зубатого и В. Поржезинского, Э. Бернекера и М. Фасмера. Из ученых нашего столетия, создавших обобщающие труды по проблемам праславянского языка, следует назвать А. Мейе, Р. Нахтигала, Н. Ван-Вейка, Р. Якобсона, Т. Лера-Сплавинского, Г. А. Ильинского, Л. А. Булаховского, В. Вондрака, Й. Микколу, Й. Коржинека, К. Горалека, И. Лекова, В. Георгиева, В. Махека, С. Б. Бернштейна, А. Вайана, З. Штибера, О. Н. Трубачева, Г. Бройера, Х. Бирнбаума и др.

Праславянский язык не был зафиксирован на письме. В памятниках первого славянского письменного языка — старославянского — отразились многие черты звукового и особенно грамматического строя праславянского языка позднего периода его существования, хотя некоторые языковые явления в старославянском не совпадают с праславянскими: от времени расселения славян и распада праславянского языка (середина I тысячелетия н. э.) до возникновения старославянского языка (IX в.) и создания на нем дошедших до нас письменных памятников прошло несколько столетий.

Для передачи звуков, форм слов праславянского языка в науке выработана транскрипция, в основу которой положен латинский алфавит с внесенными в него дополнительными знаками, передающими специфические славянские звуки. В табл. 6 представлены знаки праславянской транскрипции и русские обозначения или описания звуков, передающихся этими знаками. В скобках приводятся некоторые встречающиеся в практике варианты обозначений. Встречаются и некоторые другие обозначения, которые, однако, обычно специально объясняются. Для того чтобы обозначить гипотетический характер восстанавливаемых звуков, форм, слов, перед ними ставят астериск (звездочку: от греч. αστηρ 'звезда'). Иногда бывает целесообразным передать не целое слово, а только его часть, например корень или основу, тогда после нее ставится дефис, чтобы обозначить незаконченность слова.

Когда речь идет о происхождении праславянских звуков, форм или слов, приходится использовать также индоевропейскую транскрипцию. В этом случае знаки обычно используются в том же значении, что и в праславянской транскрипции, однако существуют некоторые дополнительные обозначения. Долгота гласных обозначается черточкой над буквой, а краткость — дужкой. Дужка под буквой обозначает ее неслоговой характер, а кружок (под знаками сонорных) — их слоговой характер. Мягкий характер заднеязычных обозначается апострофом (или его

Таблица 6

Праславянская транскрипция

Знак	Русское обозначение или толкование	Знак	Русское обозначение или толкование
a	а	o	о
b	б	ǫ(ō)	о носовое
c(ć)	ц (мягкое)	p	п
č(č́)	ч (мягкое)	r	р
d	д	ŕ	р мягкое
e	э (кратное)	r̥	р слоговое
ě(ä)	«ять» (долгий передний открытый)	s	с
ę(ē)	э (носовое)	ś	с мягкое
(f)	ф (в заимствованиях)	š(š́)	ш (мягкое)
g	г (взрывное)	t	т
(h)	г (фрикативное, диалектное)	u	у
i	и	v(w, u̯)	в (в скобках даны знаки, подчеркивающие билабиальность)
j	й («йот»)	x(ch)	х
k	к	y	ы
l(ł)	л (указывающий на твердость знак)	z	з
l'	л мягкое	ź	з мягкое
l̥	л слоговое	ž(ž́)	ж (мягкое)
m̥	м	ь(ĭ)	краткий гласный и
n	н	ъ(ŭ)	краткий гласный у
ń	н мягкое		

видоизменением) после знака согласного: лабиализованный характер этих согласных передается малой надстрочной буквой *ʷ* или *u̯*, например: *kʷ* или *kᵘ*. Придыхательный характер согласного обозначается постановкой *h* после знака соответствующего согласного (например, *dh*).

Хронологические рамки существования праславянского языка определяются не очень точно. По-видимому, около рубежа III и II тысячелетий до н. э. уже происходили процессы, ведшие к формированию праславянской языковой общности, к выделению ее среди других индоевропейских племен. Есть основания полагать, что в особо близких отношениях были носители славянских диалектов с носителями балтийских. Возможно, что в течение некоторого, скорее не очень продолжительного, времени существовало такое их единство, которое позволяет говорить о балто-славянском праязыке или балто-славянском периоде в развитии славянских и балтийских языков; этот вопрос, однако, еще требует дальнейших исследований.

Общими балто-славянскими языковыми процессами являются: 1) переход индоевропейских смягченных заднеязычных **g'*, **k'* в славянские свистящие **ź*, **ś* (балтские *ž*, *š*): греч. δεκα, слав. *desętь* (рус. *десять*), балт. лит. *dešimt* (процесс этот происходил также в других индоевропейских языках); 2) совпадение, как и в некоторых других индоевропейских языках, придыхательных звонких (или по другой точке зрения — придыхательных глухих) и непридыхательных взрывных звонких согласных (ср.: рус. *дом* и *дым* из и.-е. **dōm-* и **dhūm-* при лат. *domus* и *fumus*); 3) некоторые сходства в изменениях морфологии (в частности, в спряжении) и словообразования, а также в лексике. К концу II тысячелетия до н. э. происходит формирование собственно праславянских языковых черт. К этим чертам относятся: 1) преобразования в соотношении **o* и **a*, связанные с утратой их противопоставления по лабиальности (с этим связана и особенность, указанная в п. 3): совпадение долгих **ō*, **ā* в звуке **a*, который в большинстве славянских языков отражен в виде *a*, а кратких **ă*, **ŏ* в звуке **o*, который отражен в большинстве славянских языков в виде *o*, например: лат. *dō(num)*, праслав. **da(rъ)* 'дар', лат. *māter*, праслав. **mati* 'мать', лат. *hŏstis* 'чужеземец', праслав. **gostь* 'гость', лат. *măre*, праслав. **morje* 'море'; 2) сокращение (редукция) индоевропейских кратких закрытых гласных **ŭ*, **ĭ*, превращение их в праслав. **ъ*, **ь*: греч. λίνον, лит. *linai*, праслав. **lьnъ* 'лен'; лат. *muscus*, лит. *musai*, праслав. **mъxъ* 'мох'; 3) утрата лабиализации губным гласным **ū* и превращение его в **y*: санскр. *sūnúš*, лит. *sūnùs*, праслав. **synъ* 'сын'; 4) переход **s* после **i*, **u*, **r*, **k* в **x*: лит. *teisùs*, праслав. **tixъ* 'тихий'; 5) постепенное преобразование глагольной системы, приведшее к выработке нового славянского имперфекта.

Важнейшими процессами, которые происходили в системе праславянского языка, были звуковые изменения, связанные с тенденцией к превращению слога в основную звуковую единицу языка. Эта тенденция так и не осуществилась до конца. Она конкретизировалась в тенденции к восходящей звучности слога и тенденции к гармонии (сингармонизму) слога. Первая из названных тенденций проявилась в утрате конечных шумных согласных в слогах и преобразованиях в слоговой структуре, направ-

ленных на то, чтобы звуки в слоге располагались в направлении от менее звучных к более звучным (установились четыре ступени звучности: проточные, смычные, сонорные и гласные), в монофтонгизации закрытых дифтонгов, в появлении носовых гласных вместо нарушавших указанную тенденцию сочетаний гласных с носовыми согласными, в преобразованиях сочетаний типа **tort* и др. Вторая тенденция проявилась в изменениях непередних гласных после **j* в передние, в смягчении (палатализации) заднеязычных согласных перед передними гласными, в преобразованиях согласных в сочетаниях с **j* и других явлениях.

Изменения в звуковой системе привели к перестройке в системе склонения: вместо единых окончаний, которые присоединялись к разным типам основ имен, путем переразложения основ и окончаний выработались различные типы окончаний, а следовательно, различные типы склонения. Этот процесс протекал параллельно с процессом формирования трехродовой системы имен. В праславянском языке имена постепенно разделялись на два типа — существительные и прилагательные, окончательно выделившиеся в связи с развитием местоименного (членного) склонения, семантическая база которого закладывалась еще в балто-славянскую эпоху. В глагольной системе происходило формирование категории вида, одной из наиболее характерных для славянского глагола, при преобразовании залоговых отношений. Получило большое развитие префиксальное словообразование у глаголов, в то время как у имен развивалась система словообразовательных суффиксов. Закладывались семантические основы и возникали грамматические противоречия, обусловившие в будущем выделение числительных как особой части речи. Формировался и обогащался лексический фонд наречий, а семантическая структура местоимений подверглась преобразованиям. Закреплялись основные присущие славянским языкам модели простых предложений действительного (активного) типа и создавались предпосылки для развития сложного предложения.

Не все процессы, начинавшиеся в праславянскую эпоху, завершились в рамках праславянского языка. Некоторые из них протекали уже в отдельных группах славянских диалектов, хотя толчок для их развития был дан именно в праславянском языке. В области фонетики

первым таким звуковым процессом, захватившим своими преобразованиями и последствиями всю звуковую систему, был процесс падения **ъ*, **ь*: их утраты в слабой позиции и преобразований в нормальные гласные — в сильной. Этот процесс протекал уже по-разному в разных славянских языках. С ним коррелируют и другие преобразования в системе гласных: утрата во многих языках противопоставления долгих и кратких гласных, имевшихся в индоевропейском и сохранившихся в праславянском, утрата в большинстве языков носовых гласных, сокращение числа элементов в системе гласных, развитие во многих языках мягкости согласных и т. п. Для многих славянских языков оказался характерным путь преобразования трехчленной системы числа в двучленную (утрата двойственного числа), упрощение в системе прошедших времен, связанное с развитием категории вида, кристаллизация в особую часть речи числительных, развитие гипотаксиса (сложноподчиненных предложений) и некоторые другие грамматические процессы, хотя конкретные их формы неодинаковы в различных славянских языках.

Если первоначально праславянский язык был распространен на сравнительно ограниченной территории (крайние границы — между Одером и Днепром по 50—55 параллелям), то постепенно в I тысячелетии н. э. происходит расселение славян по более обширному пространству Восточной Европы и Балканского полуострова, завершившееся в основном к VI—VII вв. Эту дату и следует признать верхней хронологической границей существования праславянского языка. Уже в последние столетия существования относительно единого праславянского языка некоторые звуковые и грамматические процессы протекали по-разному в различных диалектных зонах. Наиболее яркими показателями древнейших различий славянских диалектно-языковых зон являются преобразования в звуковой системе. Совокупность различий в преобразованиях звуковой системы славянских языков позволяет наметить три группы будущих славянских языков, возникших на базе древних диалектов: восточную, западную и южную. По результатам изменений древних сочетаний **bj* и подобных; **dl, *tl; *gv-, *kv-*; второй палатализации *x* праславянский язык делят на две диалектные области: западную и восточную, которая затем разделяется на собственно восточную и южную. С другой стороны, некоторые явления, например судьба

Таблица 7

Важнейшие фонетические различия групп славянских языков

Праславянские формы	Восточнославянские формы	Западнославянские формы	Южнославянские формы
*dl, *tl	l	dl, tl,	l
*e-	o-	je-	e-
*bj, *pj,...	bl', pl',...	b', p',...	bl', pl'; b', p',...
*gvě-, *kvě-	zvě-, cvě-; kvě-	gvě-, kvě-	zvě-, cvě-
*tort,...	torot,...	trot, trat, tort,...	trat,...
*dj, *tj (*kt)	ž, č	dz/z, c	žd, dž, ǵ, j št, č, ḱ
*ъ, *ь (сильн.)	o, e	e	ъ, o, a; a, e
*ǫ	u	u; ǫ, ę	a, ъ, o, u
*ę	'a	e; ę, ǫ	e
*ě	e, ê, ie, i	e, 'a	e, 'a, ije
*x(ě$_2$)	s(ě$_2$)	ś(ě$_2$)	s(ě$_2$)
*ort-, *olt-	rot-, rat-, lot-, lat-	rot-, rat-, lot-, lat-	rat-, lat-

начальных сочетаний **ort-, *olt-*, объединяют восточные и западные славянские языки в северную подгруппу, противопоставляемую южной. Для обозримости некоторые древние звуковые различия представлены в табл. 7, которая, таким образом, дает характеристику древнейших звуковых различий групп славянских языков и некоторых позднейших звуковых инноваций (нововведений). См. еще 2.1.

Литература

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.

Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966.

Гаспаров Б. М., Сигалов П. С. Сравнительная грамматика славянских языков. Тарту, 1974. Т. 1—2.

Кузнецов П. С. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Нахтигал Р. Славянские языки. М., 1963.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Stieber Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia. Warszawa, 1969—1973. [II. 1: Fleksja imienna; II. 2: Fleksja werbalna.]

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. Lyon; Paris, 1950—1978. T. 1—5.

Bräuer H. Slavische Sprachwissenschaft. Berlin, 1961—1969. Bd. 1—3.

Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981.

Бирнбаум Х. Праславянский язык: Достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: В 2 ч. Тбилиси, 1984.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Савченко А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков. М., 1974.

Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974. Вып. 1. [Издание продолжается.]

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913. Bd. 1. [Издание не завершено.]

Etymologický slovník slovanských jazyků. Praha, 1973. T. 1. [Издание продолжается.]

Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974. T. 1. [Издание продолжается.]

Trautmann R. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1970.

Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959—1969. Bd. 1—2.

Słownik starożytności słowiańskich. Encyklopedyczny zarys kultury Słowian od czasów najdawniejszych do schyłku wieku XII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1961. T. 1. [Издание продолжается.]

Mały słownik kultury dawnych Słowian / Pod red. L. Leciejewicza Warszawa, 1972.

1.3. СТАРОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

Под старославянским языком в восточнославянской, чехословацкой, югославской и французской *(vieux slave)* лингвистике принято понимать язык древнейших славянских письменных памятников, появившихся на свет в X и частично XI в. В них в основном правильно употребляются буквы, обозначающие носовые гласные (юсы): для их переписчиков носовые гласные еще были реальностью. По большей части это памятники, созданные во второй половине IX в. создателями славянской письменности Константином Философом (Кириллом) и Мефодием и их непосредственными учениками, дошедшие в более поздних копиях (см. 3.2—3.3).

В болгарской науке, а также в трудах некоторых немецких ученых этот язык называют староболгарским. Хотя теперь и установлена болгарская, или, если учитывать, что родина Константина и Мефодия Солунь — Салоники находится в Эгейской Македонии, болгаро-македонская народная основа старославянского языка, в советской

науке традиционно закрепилось название «старославянский язык». Это название имеет глубокие исторические корни, так как еще в Житии Мефодия в сообщении о том, как византийский император предлагал Константину и Мефодию отправиться с проповеднической миссией в Моравию, записано: «Вы бо еста селуняне, а селуняне вси чисто словѣнскы глаголять». Очевидно, в пору создания первого письменного языка славян еще очень живо было представление об их языковом единстве, в том числе и на родине славянских первоучителей. В дореволюционной России старославянский язык называли старославянским. Так же его называют и теперь частично в Германии, в англоязычных странах, в Польше. Это название нельзя считать точным, поскольку сфера применения первого славянского письменного языка выходила за церковные рамки: язык этот использовался и в юридических актах, и в сфере тогдашней науки, например истории.

Количество старославянских памятников довольно ограниченно. Это несколько библейских текстов: четыре относительно хорошо сохранившихся списка Евангелия (Мариинский, Зографский, Ассеманиев кодексы и Саввина книга) и отдельные листки с евангельскими текстами, плохо сохранившийся текст части Нового завета, Энинский апостол, текст сборника духовных гимнов Псалтыри (Синайская и, возможно, фрагменты Слуцкой). Крупнейшим по размеру памятником является Супрасльская рукопись — сборник проповедей, житий, предназначенных для использования в церкви в марте (мартовская минея). Подобный характер имеет и Сборник Клоца, от которого до нас дошла лишь небольшая часть, содержащая, кроме прочего, проповедь, авторство которой приписывают Мефодию. Синайский требник (евхологий) содержит молитвы. Киевские листки — памятник с явными моравскими языковыми чертами — представляет собой текст обедни. Остальные старославянские памятники — это сохранившиеся отдельные листки богослужебных книг, а также несколько небольших надписей, сделанных на камне (см. 3.4).

Эти памятники входят в так называемый узкий канон старославянских текстов. Наряду с ними существует еще большая группа памятников, дошедших до нас в более поздних копиях — XI—XV вв., однако написанных или переведенных в кирилло-мефодиевский период или непосредственно после него. Таковы, например, «Проглас» (предисловие) к Евангелию, древнейший славянский юридический памятник «Закон судный людям», возможно, составленный Мефодием, сочинение монаха черноризца Храбра «О письменах», древние славянские переводы византийских хроник (летописей) Георгия Амартола и Иоанна Малалы и др. Отбирая источники для своего старославянского словаря, чехословацкие специалисты включили в их число более семи десятков памятников. Такой состав памятников опирается на широкое понимание старославянского языка как «раннего древнеславянского литературного языка».

Памятники старославянского языка не идентичны по языку. В языке этих памятников обнаруживаются диалектные различия, а также отражение исторических изменений за два столетия. Так, к примеру, в разной мере в памятниках отразились изменения в употреблении редуцированных гласных *ъ* и *ь*. Имеются лексические и грамматические варианты в аналогичных по содержанию старославянских текстах. Поэтому можно говорить о том, что отраженный в указанных памятниках язык также не отличается единством.

Памятники старославянского языка написаны двумя совершенно различными азбуками — кириллицей и глаголицей (Мариинский, Зографский, Ассеманиев кодексы, Синайские псалтырь и требник, Сборник Клоца и Киевские листки написаны глаголицей; Саввина книга, Супрасльская рукопись — кириллицей). Хотя глаголицей пользовались в печати еще в XIX в., большее распространение получила кириллица и ее трансформация — русская гражданская азбука с вариантами (например, сербская вуковица). Поэтому глаголические памятники обычно издают в кириллической транскрипции. Глаголица и кириллица помещены в табл. 3; вопрос об их происхождении и относительной древности, до конца еще не разрешенный современной наукой, освещается в разделе 3 этого пособия. Из особенностей старославянских азбук следует отметить наличие специальных букв для носовых и редуцированных гласных, для *ѣ* (в кириллице), для шипящих согласных, *б, ц, з,* отсутствующих в греческом, который был бесспорным источником большинства букв кириллицы, наличие букв для звуков, специфичных для греческого языка (Ф, Θ, ξ, Ψ), двухбуквенную передачу ЪІ *(ы)*, ОУ (в глаголице ОО) и др.

Существует несколько видов чтения старославянских букв (и текстов). Один из них — в максимальном приближении к тому предполагаемому звучанию, которым обладали эти буквы в кирилло-мефодиевский период: чтение *ъ, ь* как кратких *у (й)* и *и (ĭ)*, *ѣ* как открытого долгого переднего *ä* и т. п.; другой — чтение на церковнославянский манер с приближением к современному, но с сохранением произношения носовых гласных. Последнее чтение преобладает в нашей практике. Но так или иначе следует учитывать, что любое чтение старославянских текстов, конечно, условно, так как точно знать, каково было старославянское произношение, мы не сможем никогда.

Для памятников старославянского языка характерен ряд специфических языковых особенностей: 1) сохраняются, как уже отмечалось, носовые гласные; 2) в основном сохраняется, хотя и с нарушениями, особенно в некоторых памятниках, употребление редуцированных *ъ* и *ь*; 3) на месте праславянских сочетаний **dj, *tj* выступают *жд, шт (щ): межда, свѣща*; 4) сочетания губных согласных с **j* дают сочетания с *л: земля, люблѭ*; 5) *ѣ (ѣ)* имеет открытое произношение, поскольку в глаголице есть единый знак для *я* и *ѣ*; 6) развита система прошедших времен глагола: аорист *(несохъ)*, имперфект *(несѣахъ)*, перфект *(неслъ есмь)*, плюсквамперфект *(неслъ бѣахъ)*; 7) сохраняется двойственное число: *дъвѣ женѣ* 'две женщины'; 8) сохраняется склонение, включающее также звательный падеж, имеющий особые формы в единственном числе.

Первоначальные сведения о старославянском языке содержались уже в основополагающих трудах первых исследователей славянских языков в начале XIX в. — Й. Добровского и А. Х. Востокова. Последний блестяще издал древнейший датированный (1056/57 г.) славянский памятник русского извода старославянского языка — Остромирово евангелие. К тому времени уже был открыт И. Ассемани Ассеманиев (Ватиканский) кодекс. Е. Копитар издал Сборник Клоца. В. И. Григорович разыскал Зографский и Мариинский кодексы. И. И. Срезневский нашел и описал Саввину книгу и Киевские листки. На Синае были обнаружены Синайские псалтырь и требник.

Появляются на более солидной фактической базе описания старославянской фонетики и грамматики, сделанные великим немецким языковедом А. Шлейхером, а также А. Лескином, В. Вондраком, Ф. Ф. Фортунатовым, а позже

Н. С. Трубецким и другими учеными. Ф Миклошич создает первый старославянский словарь. В. Ягич образцово издает Мариинский и Зографский кодексы и создает капитальный труд по истории возникновения старославянского языка. В начале XX в. В. Н. Щепкин исследует и издает Саввину книгу, С. Северьянов — Супрасльскую рукопись и Синайскую псалтырь; эти издания позволяют более широкому кругу ученых исследовать факты старославянского языка (заменяя частично менее совершенные издания прошлого века). Позже, в середине нашего века, прекрасные издания старославянских памятников подготовили Й. Вайс и Й. Курц (Ассеманиев кодекс), Р. Нахтигал (Синайский требник), А. Достал (Сборник Клоца), К. Мирчев и Х. Кодов (Энинский апостол) и др.

Споры о происхождении глаголицы, начавшиеся еще в прошлом веке, в частности в работах П. Й. Шафарика, уступают место основательным исследованиям старославянской графики (В. Ягич, Е. Ф. Карский, В. Н. Щепкин, С. М. Кульбакин и др.). Осуществляется широкое фундаментальное исследование старославянского языка. Большой вклад в это исследование вносят крупнейшие слависты разных стран: французские ученые, великий французский лингвист А. Мейе, А. Вайан, Ж. Лепись, немецкие слависты П. Дильс, Г. Бильфельдт, Й. Ружичка и др., американец Г. Лант, голландец Н. Ван-Вейк, австрийцы Р. Аитцетмюллер и Л. Садник, швед А. Шёберг. После некоторого перерыва активные исследования по старославянскому языку ведутся в нашей стране (С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, А. С. Львов, Е. М. Верещагин, Р. М. Цейтлин, Л. П. Жуковская, М. М. Копыленко, А. А. Алексеев, М. Ф. Мурьянов, А. Е. Супрун, К. И. Ходова, Б. И. Скупский и многие другие); активно изучается старославянский язык в Чехословакии (кроме названных уже ученых, в частности Й. Курца, — К. Горалек, В. Мареш, Э. Благова, Р. Вечерка и др.), в Польше (С. Слоньский, Л. Мошиньский, М. Хоновска, Ф. Славский и др.), в Болгарии (К. Мирчев, Э. Георгиев, К. Куев, И. Дуйчев, Д. Мирчева, И. Гылыбов, Х. Кодов, А. Минчева, Э. Дограмаджиева, Й. Заимов и многие другие), в Югославии (А. И. Белич, О. Неделькович, Й. Хамм, Я. Зор и др.). Таким образом, те результаты, к которым мы теперь пришли в изучении старославянского языка,— итог труда ученых разных стран, результат длительного международного сотрудничества славистов.

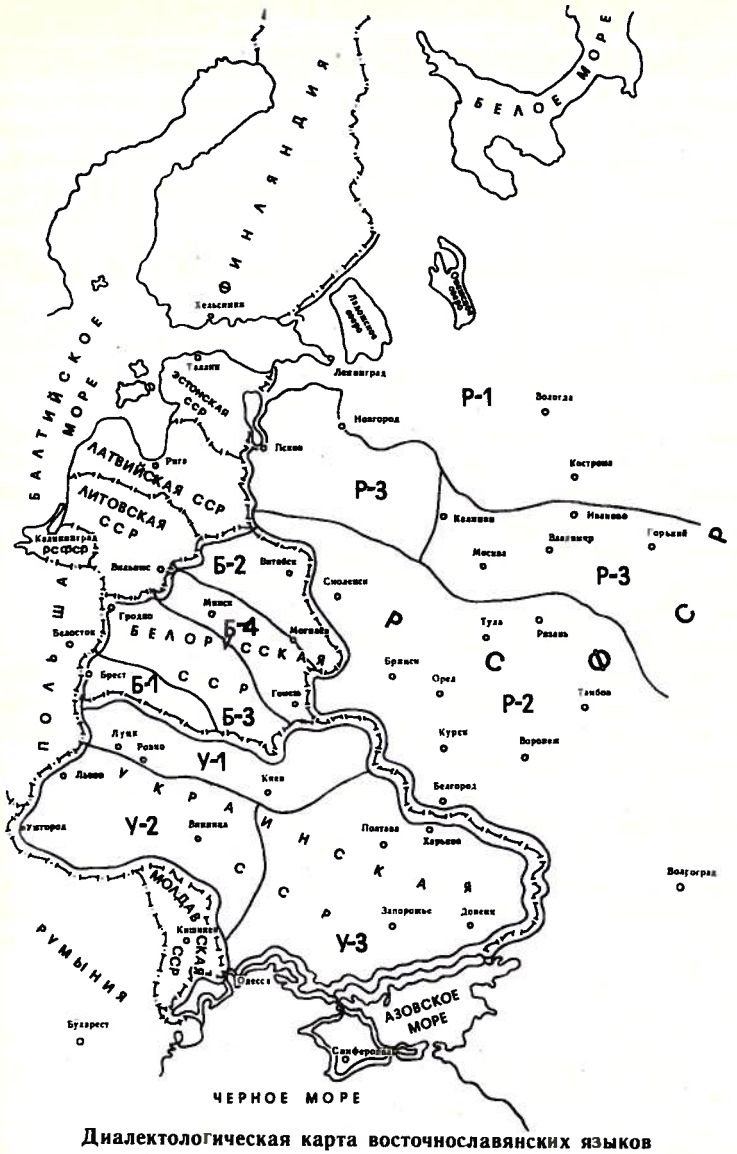
Литература

Вайан А. Руководство по старославянскому языку / Пер. с франц. В. В. Бородич. М., 1952.
Горшков А. И. Старославянский язык. 2-е изд. М., 1974.
Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986.
Ван-Вейк Н. История старославянского языка. М., 1957.
Diels P. Altkirchenslavische Grammatik. 2. Auflage. Heidelberg, 1963.
Sadnik L., Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg-' s-Gravenhage, 1955.
Slovnik jazyka staroslovenskeho. Praha, 1959. T. 1. [Издание продолжается.]

1.4. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1.4.1. Общие сведения

Русский, украинский и белорусский языки составляют восточную группу славянских языков, наиболее многочисленную по количеству говорящих. Носители восточнославянских диалектов в середине I тысячелетия н. э. стали распространяться на значительных территориях Восточной Европы, обособляясь от носителей других групп славянских диалектов. На базе восточнославянских диалектов в XI в. возник древнерусский литературный язык. Примерно до XIV в. сохранялась значительная степень общности восточнославянских диалектов, а также письменного языка. С течением времени в силу сложившейся исторической обстановки произошло обособление носителей возникавших восточнославянских языков. С XV в. в письменных памятниках уже довольно ярко отражаются черты, характерные для формировавшихся русского (великорусского), украинского и белорусского языков. На Украине и в Белоруссии в письменности отражались как общие формировавшимся языкам черты, так и специфические их особенности. Но в XVII—XVIII вв. здесь этот процесс замедляется, почему и говорят иногда о перерыве в традиции развития белорусского и украинского литературных языков. В литературе новый украинский и белорусский языки закрепляются лишь в XIX в., причем в силу отталкивания от письменной традиции они больше ориентируются на народно-разговорную речь. В развитии русского (великорусского) литературного языка перерыва в развитии письменной традиции не наступило. В памятниках письменности XVI—XVII вв. все большее отражение находит живая речь. Разрыв



Диалектологическая карта восточнославянских языков

Б. Белорусские диалекты:

Б-1. Полесский диалект. Б-2. Северо-восточный диалект. Б-3. Юго-восточный диалект. Б-4. Среднебелорусский диалект

Р. Русские диалекты:

Р-1. Северное (северновеликорусское) наречие. Р-2. Южное (южновеликорусское) наречие. Р-3. Среднерусские говоры

У. Украинские диалекты:

У-1. Северные [полесские] говоры. У-2. Юго-западные говоры. У-3. Юго-восточные говоры

с церковной традицией в светской письменности, появление на русском языке текстов самых разнообразных по содержанию и стилевой принадлежности ведут в XVIII в. к возникновению стремления более четкого стилевого размежевания и упорядочения. Но лишь в начале XIX в. происходит формирование нового русского литературного языка.

Взаимные отношения русского (великорусского), украинского и белорусского языков довольно сложны. Так, белорусский и русский языки объединяет значительная степень развития мягкости согласных; белорусский язык (в основной его массе) объединяется с южновеликорусскими говорами аканьем; южновеликорусские говоры, белорусский и украинский языки объединяются характерным фрикативным *г*, которому противопоставлено северновеликорусское (и русское литературное) взрывное *г*. В украинском языке, а также в северновеликорусских говорах распространено оканье. На пограничных территориях между белорусским и русским языками, между белорусским и украинским языками, а также между русским и украинским языками встречаются говоры, совмещающие в себе свойства соседних языков, так называемые переходные говоры. В украинском и белорусском языках, особенно в литературных их вариантах, значительное место занимает общая лексика (нередко польского происхождения), вместе с тем во всех трех восточнославянских языках имеется значительный общий лексический фонд, сложившийся в результате общего происхождения и параллельного развития, а также в результате параллельного развития при ведущей роли русского языка в наше время. Занимающая немаловажное место в русском лексиконе старославянская по происхождению лексика находит несколько больше соответствий в украинском, чем в белорусском языке. В то же время в области фонетики украинский, пожалуй, имеет больше новых явлений, чем более близко стоящие в этой области друг к другу белорусский и русский языки. Таким образом, можно в сумме говорить о примерно одинаковых отношениях между восточнославянскими языками. Базой близости восточнославянских языков является как общий фонд, унаследованный из правосточнославянского (древнерусского) языка, так и

общность многих позднейших изменений, связанная с общностью судеб восточнославянских народов. По-видимому, восточнославянские языки представляют собой наиболее тесно родственную группу славянских языков.

Литература

Языки народов СССР. М., 1966. Т. 1: Индоевропейские языки. С. 44—193. [Восточнославянские языки. Введение (П. С. Кузнецов); Русский язык (М. В. Панов); Украинский язык (И. К. Белодед, М. А. Жовтобрюх); Белорусский язык (Н. В. Бирилло, М. Г. Булахов, М. Р. Судник).]

Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков / Под ред. В. И. Борковского. М., 1968—1973. [Типы простого предложения, 1968; Члены предложения, 1968; Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными (авт. В. И. Борковский), 1972; Сложноподчиненные предложения, 1973.]

Булахов М. Г., Жовтобрюх М. А., Кодухов В. И. Восточнославянские языки. М., 1987.

Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.

Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.

1.4.2. Древнерусский язык

Термин «древнерусский язык» употребляется в двух близких, но не тождественных значениях. С одной стороны, древнерусский язык — это восточнославянский праязык, язык восточных славян до периода их распадения на три отдельных восточнославянских народа, т. е. примерно до XIII—XIV вв. Возникновение древнерусского языка в этом смысле слова относится к периоду распада праславянского языка и расселения восточных славян на более широкой, чем это было первоначально, территории. С другой стороны, термин «древнерусский язык» используется для обозначения письменного (литературного) языка восточных славян с периода его возникновения (XI в.) до распада (XIV в.), а иногда и до XVII в. С XIV, а особенно с XV в. в письменных памятниках уже достаточно ярко проявляются черты русского (великорусского), украинского и белорусского языков.

Древнерусский язык — язык восточнославянских племен — не мог быть абсолютно единым, как не были абсолютно едиными и другие распространенные на значительных территориях языки в те далекие времена. Вместе с тем можно говорить о ряде очень существенных языковых

признаков, характерных для древнерусского языка в целом: 1) полногласие, т. е. появление на месте праславянских сочетаний типа **tort* сочетаний с двумя гласными: *торот, толот, терет, телет (телот): борода, голова, береза, шеломъ;* 2) в группах **dl, *tl* выпадает *d* и *t*, остается *л: плелъ, шило;* 3) носовые гласные *ę,ǫ* утрачивают ринезм (носовой характер), заменяясь *я/а, у: пять, часть, путь;* 4) сочетания **dj, *tj* дали *ж* (укр., белор. также *дж*), *ч: межа,* белор. *сяджу,* укр. *роджу* 'рожу', *свеча;* 5) сочетания губных согласных с **j* дали их сочетания с *л: гублю, ловлю, кормлю, терплю;* 6) в древнерусском языке вплоть до XII в. сохранялись еще редуцированные *ъ, ь* как особые фонемы: переписчик Остромирова евангелия, например, употреблял их совершенно безошибочно как в сильной, так и в слабой позиции; в дальнейшем в слабой позиции *ъ, ь* выпали, а в сильной превратились соответственно в *о* и *е*; 7) начальные сочетания **gvě-, *kvě-* превратились в *звѣ-, цвѣ-: звезда, цветок;* но укр. и белор. формы *квітка, кветка* допускают двоякое объяснение: и как польские заимствования, и как отражение каких-то местных особенностей восточнославянского языка; 8) начальному *е* западнославянских и южнославянских языков соответствует начальное *о* в словах, следующий слог которых содержит *и, е, ь* или *ѣ: один, озеро, олень* (при болг. *един, езеро, елен* и т. п.); 9) начальные сочетания **ort-, *olt-* у восточных и у западных славян в определенных условиях (под древним нисходящим ударением) превращались в *рот-, лот-: рост, лодка;* 10) в древнерусском хорошо сохранялось «ять» *(ě, ѣ)*, которое в дальнейшем в украинском превратилось в *і*, в белорусском и южновеликорусских говорах — в *е*, в северновеликорусских говорах — часто в закрытое *ê* (в переходных украинско-белорусских диалектах Полесья нередко — дифтонг типа *ие̂*): *хлеб, сено; хліб, сіно; хлêб, сиê̂но.*

Письменный язык Древней Руси существовал в двух вариантах. Эти варианты четко различались в полярных случаях. С одной стороны, это религиозная литература, сочинявшаяся (или переписывавшаяся) на разновидности старославянского языка с некоторыми русскими элементами (так, например, хотя в соответствующих рукописях и применялись знаки для носовых гласных — юсы, употребляли их неверно, так как здесь написание не опиралось на живое произношение: неверное употребление юсов и является русизмом в старославянской речи). С другой

стороны, это деловая и частная переписка, которая велась на языке, близком к живому народному языку восточных славян, хотя и сюда могли проникать элементы старославянские. Между этими двумя полюсами — множество переходных случаев, представленных, в частности, юридическими документами типа сборников законов («Русская правда»), художественными произведениями, среди которых жемчужина древнерусской литературы — «Слово о полку Игореве», историческими сочинениями («Повесть временных лет» и другие летописи). Степень насыщенности их восточнославянскими или старославянскими элементами не только различна, но и варьируется внутри текста в зависимости от содержания данного текста, от стиля автора и т. п. Поскольку между двумя вариантами древнерусского литературного языка имелись значительные общие черты, существовала возможность понимания книжниками обоих вариантов.

Книжнославянский вариант литературного языка, оторванный от живительных соков своей народной основы, не имел значительного внутреннего развития: он лишь усваивал вносившиеся в него элементы, возникавшие внутри других источников. Развитие книжнославянского варианта сводится в значительной мере к освоению им народных восточнославянских элементов и развитию стилистических приемов на базе сочетания собственно книжнославянских и народных восточнославянских элементов. Внутреннего фонетического и грамматического развития в книжнославянском варианте не наблюдается. Иначе обстояло дело с народно-восточнославянским вариантом древнерусского литературного языка. Впитывая в себя необходимые лексические, синтаксические и стилистические средства книжной речи, этот вариант языка не был вместе с тем закрыт для влияния устной разговорной и устно-поэтической речи. Но самое главное, он отражал внутреннее самодвижение древнерусского языка как языка восточнославянской (древнерусской) народности.

Именно своеобразное двуязычие (диглоссия) древнерусских книжников наряду с наличием иностранных слов вызвало к жизни появление ряда своеобразных словарных пособий, в которых толковались непонятные (разного происхождения) слова церковных книг, в частности «Толкование неудобь познаваемым речам». Такого рода пособия были необходимы и в более поздний период, когда

в письменной речи как Западной Руси, так и Москвы все еще очень большое место занимали тексты, ориентированные на книжнославянскую традицию. И в первых грамматических пособиях у восточных славян отражалась эта потребность в обучении носителей народно-разговорного языка книжнославянскому варианту литературного языка: это были грамматики церковнославянского языка.

Древнерусский письменный язык пользовался, как правило, лишь одной из славянских азбук — кириллицей (см. раздел 3).

Исследованием древнерусского языка занимались многие выдающиеся отечественные ученые-филологи. В XIX в. один из создателей славянской филологии А. Х. Востоков опубликовал древнейший памятник древнерусского языка — Остромирово евангелие. Ф. И. Буслаев, а позже И. И. Срезневский, А. А. Потебня, Е. Ф. Карский, А. И. Соболевский изучали язык и письмо древнерусских памятников. Огромный вклад в анализ древнерусского языка был сделан гениальным русским лингвистом А. А. Шахматовым. Среди советских ученых, много сделавших для изучения древнерусского языка, следует назвать С. П. Обнорского, В. В. Виноградова, Л. П. Якубинского, Ф. П. Филина, Б. А. Ларина, В. И. Борковского, Л. А. Булаховского, Т. П. Ломтева, П. С. Кузнецова, Н. Н. Дурново, Р. И. Аванесова, А. С. Львова, Л. П. Жуковскую, Б. А. Успенского, В. В. Колесова, К. В. Горшкову, Г. А. Хабургаева, А. С. Мельничука, В. М. Русановского и др. Изучение древнерусского языка является фундаментом для построения истории каждого из восточнославянских языков.

Литература

Кожин А. Н. Литературный язык Киевской Руси. М., 1981.
Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Пг., 1915. Вып. 11.1.
Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и наречий.
Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969.
Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.
Лихачев Д. С. Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952.
Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958. Т. 1—3.

Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975. Вып. 1. [Издание продолжается.]
Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.: В 10 т. М., 1988. Т. 1. [Издание продолжается.]
История культуры Древней Руси: В 2 т. М.; Л., 1948—1951.
Дробленкова Н. Ф. Библиография советских русских работ по литературе XI—XVII вв.: 1917—1957. М.; Л., 1961.
Дробленкова Н. Ф. Библиография работ по древнерусской литературе, опубликованных в СССР. 1958—1967 гг. Л., 1978—1979. Ч. 1 (1958—1962 гг.). Ч. 2 (1963—1967).
Будовниц И. У. Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы. М., 1962.

1.4.3. Белорусский язык

Белорусский язык — национальный язык белорусов, наиболее распространенный язык в БССР. По данным переписи населения 1979 г., в СССР проживало 9463 тыс. белорусов, из которых 8020 тыс. владели белорусским языком как родным или как вторым; кроме них, в БССР знают белорусский язык как родной или второй 790 тыс. небелорусов. Таким образом, количество носителей белорусского языка составляло в СССР 8,8 млн. чел. В СССР белорусский язык — четвертый по числу говорящих (после русского, украинского и узбекского). За пределами Белоруссии наиболее значительные группы белорусов проживают в РСФСР, УССР, Казахстане и в прибалтийских республиках. За пределами СССР, по данным Белорусской Советской Энциклопедии, проживает около 1 млн. белорусов: около 200 тыс. в Польше, а кроме того — в США, Канаде, Аргентине и других странах. Часть из них, например в Польше, сохраняет свой родной язык.

Как и русские и украинцы, белорусы происходят из древнерусской народности. Еще в рамках Полоцкого и Туровского княжеств начинали складываться факторы, обособлявшие население этих и других территорий нынешней Белоруссии от остальной Киевской Руси. Эти факторы находившие отражение и в диалектных особенностях древнерусского языка, стали усиливаться с ростом феодальной раздробленности, приведшей в конечном счете вместе с другими социально-экономическими условиями к тому, что белорусские земли в XIII—XIV вв. вошли в Великое княжество Литовское. Отделение от Московской Руси и обособление от ряда украинских территорий вело к усилению диалектных черт, характерных для жителей белорус-

ских земель. На базе древнерусского письменного языка в Великом княжестве Литовском вырабатывается западнорусский письменный язык, бывший официальным государственным языком, в памятниках которого с большей или меньшей ясностью проявлялись белорусские или украинские черты. Тексты с более яркими белорусскими чертами относят к числу памятников старобелорусского языка. Это — варианты так называемого Литовского Статута (1529, 1566, 1588 гг.), летописи Авраамки и Быховца, Баркулабовская летопись, переводная Александрия, переводные повести о трех королях, о Тристане и др. С XV в. в Белоруссии открываются первые школы. В 1517 г. в Праге белорусский первопечатник Ф. Скорина из Полоцка издает первую белорусскую печатную книгу («Псалтырь»); в течение ближайших лет Скорина печатает библейские книги, а также «Малую подорожную книжицу» в Праге и Вильно. В языке Скорины наряду с книжнославянскими элементами значительное место заняли народные элементы белорусской речи.

В середине XVI в. на территории Белоруссии (в Бресте, Несвиже, Заславле и в других местах) появляются первые печатные станки. Печатающиеся здесь книги все больше отражают народный белорусский язык. Интересно, что если первая напечатанная в виленской типографии грамматика братьев Мамоничей «Граматыка словеньска языка» (1586) была ориентирована на книжнославянский язык, то уже в изданной в Вильно в 1596 г. «Грамматике словенской» Лаврентия Зизания даются толкования с применением элементов живого народного языка. В 1619 г. в Евье под Вильно (ныне Вевис в Литве) была издана грамматика Мелетия Смотрицкого, переиздававшаяся потом неоднократно. Во второй половине XVI в. в Белоруссии появляются и первые словари, в частности первый печатный словарь — «Лексис» уже упомянутого Лаврентия Зизания, в котором переводится более тысячи церковнославянских слов на тогдашний белорусский язык.

Однако в конце XVII в. белорусский язык утрачивает свои позиции в печати и образовании. Разумеется, народные массы продолжают пользоваться народным языком, но применение его в сфере литературы и деловой письменности падает: вместо него употребляется главным образом польский язык. Падение роли белорусского языка было связано с экономическим упадком Белоруссии, оказавшейся в результате Люблинской унии 1569 г. в составе Речи Посполитой. В результате длительного господства польских феодалов в Белоруссии значительная часть местного населения приняла католичество. Борьба за воссоединение с Россией не принесла успеха. Многочисленные войны, сопровождавшиеся к тому же эпидемиями, приводили к разрушению многих деревень и к уменьшению населения. Так, если в 1650 г. в Белоруссии жило 2,9 млн. чел., то уже около 1670 г. население составило 1,4 млн. К 1700 г. население возросло до 2,2 млн., но в результате Северной войны снизилось до 1,5 млн. Лишь к концу XVIII в. население вернулось к прежней цифре и превзошло ее: в 1791 г. здесь проживало 3,6 млн. чел. Перерыв в развитии белорусского литературного языка связан и с замедлением развития национальной литературы и культуры.

После трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. Белоруссия воссоединилась с Россией. В условиях царского режима это не означало расцвета национальной культуры, но влияние передовой русской литературы, получившей благодаря близости белорусского и русского языков большое распространение в Белоруссии, готовило почву для создания новой белорусской литературы. Вместе с тем возникли более благоприятные условия для развития хозяйства, что тоже способствовало в дальнейшем формированию национальной культуры и языка. Видным центром культурного развития был Виленский университет, находившийся в непосредственной близости от Белоруссии.

В первой половине XIX в. появляются собрания белорусского фольклора и первые произведения письменной литературы (Я. Чечот, В. Дунин-Марцинкевич, анонимные поэмы «Тарас на Парнасе» и «Энеида наизнанку»). Во второй половине XIX в. К. Калиновский и его соратники издают белорусскую газету «Мужицкая правда», появляются новые художественные произведения (Ф. Богушевича, Я. Лучины). Но решающий шаг в развитии белорусской литературы, а вместе с тем и литературного языка был сделан великими белорусскими поэтами Янкой Купалой и Якубом Коласом, а также М. Богдановичем и другими авторами в начале XX в.

Еще во второй половине XIX в. были собраны некоторые словарные материалы живого белорусского языка, а «Словарь белорусского наречия» И. И. Носовича, ориентированный в значительной мере на могилевские говоры, был

премирован и издан Петербургской Академией наук. В начале XX в. появляется доскональное описание звуков и грамматики белорусского языка с обращением к памятникам, народно-диалектной речи, а также к литературным источникам, созданное крупнейшим белорусским ученым-лингвистом Е. Ф. Карским (второй том его капитального филологического и этнографического труда «Белорусы»).

Великий Октябрь принес Белоруссии невиданные дотоле возможности социально-экономического и культурного развития. Белорусские дети получили возможность учиться на родном языке. Язык, использовавшийся до этого преимущественно лишь в повседневном обиходе и в художественной литературе, получил широкое функциональное развитие — стали нужны учебники и газеты, деловые документы и театральные представления на белорусском языке. В 1921 г. открыт созданный по ленинскому декрету Белорусский государственный университет, а в 1929 г. — Академия наук БССР. В это время в Белоруссии значительный вклад в развитие белорусской литературы внесли вместе с продолжавшими работать Янкой Купалой и Якубом Колосом Кузьма Чорный, Змитрок Бядуля, Эдуард Самуйлёнок и другие писатели. Вслед за первой скромной белорусской школьной грамматикой, подготовленной Б. Тарашкевичем, развернулась работа белорусских языковедов по собиранию материалов и подготовке словаря и грамматики белорусского языка. Выдающуюся роль в этой работе сыграли П. А. Бузук и Т. П. Ломтев. В 1939 г. в состав БССР вошли западнобелорусские земли, находившиеся с 1920 г. в составе панской Польши; таким образом, БССР объединила в своем составе все территории с преимущественно белорусским населением.

В 1941 г. мирный труд советских людей был прерван нападением на нашу страну фашистской Германии. Белоруссия была оккупирована фашистскими захватчиками. Белорусский народ встал на защиту завоеваний Октября. В республике возникло и окрепло сильнейшее партизанское движение, не дававшее захватчикам покоя в тылу. Борьба с фашистскими оккупантами была тяжелой. Каждый четвертый житель Белоруссии сложил голову в этой жестокой войне за свободу своего народа, народов нашей страны, всей Европы и всего человечества от коричневой чумы фашизма. С лица земли были стерты сотни деревень, разрушены города, уничтожена построенная нелегким трудом в советское время промышленность, разорено сельское хозяйство. Летом 1944 г. Белоруссия была освобождена. Республика стала залечивать тяжелые раны, нанесенные войной. Лишь спустя 25 лет после войны уровень населения достиг довоенного.

В послевоенные годы был осуществлен мощный индустриальный подъем республики, рост ее аграрных потенций. Белорусская культура достигла небывалой высоты. Успешно работают белорусские писатели — К. Крапива, И. Мележ, П. Глебка, П. Бровка, М. Танк, И. Шамякин, П. Панченко, А. Макаёнок, И. Науменко, В. Быков, Р. Бородулин и другие, развивается театр, кино, наука.

Крупными достижениями может гордиться белорусское языкознание. Выпущен диалектологический атлас, первый из завершенных атласов славянских языков, над созданием которого работал большой коллектив филологов, собиравших полевой материал, анализировавших и картографировавших его. Эту работу возглавляли московский лингвист Р. И. Аванесов, белорусский писатель К. Крапива, языковеды Ю. Ф. Мацкевич, Н. В. Бирилло, А. А. Кривицкий и др. Создатели атласа были удостоены Государственной премии СССР. Была создана академическая грамматика белорусского языка, в работе над которой активное участие принимали М. Г. Булахов, П. П. Шуба, А. И. Наркевич и др. Созданы капитальные работы по истории белорусского языка (Л. М. Шакун, А. И. Журавский, Ф. М. Янковский, А. П. Груцо, А. Н. Булыка, М. Г. Булахов и др.), его современному состоянию (Н. В. Бирилло, П. П. Шуба, А. Е. Михневич, М. Е. Тикоцкий, М. С. Евневич, А. Е. Баханьков, А. С. Аксамитов и др.).

Издан пятитомный (в 6 книгах) толковый словарь белорусского языка (М. Р. Судник, Н. П. Лобан, А. Е. Баханьков), нормативный белорусский словарь (под ред. Н. В. Бирилло), морфемный (А. М. Бордович и Л. М. Шакун), фразеологический (Ф. М. Янковский и др.) словари. Создаются этимологический (В. В. Мартынов, Р. В. Кравчук, А. Е. Супрун, Г. А. Цыхун и др.), частотный (А. Е. Супрун, Н. С. Можейко и др.), исторический (А. И. Журавский, А. М. Булыка и др.) и другие словари белорусского языка. Под руководством П. У. Бровки создана двенадцатитомная «Белорусская советская энциклопедия». Ведется широкое и глубокое исследование диалектной лексики и фразеологии (Ф. М. Янковский,

П. В. Стецко, Т. Ф. Стешкович, Г. Ф. Юрченко, А. А. Кривицкий, Ю. Ф. Мацкевич, И. Я. Яшкин, Т. С. Янкова, Г. А. Цыхун, Е. М. Романович, П. А. Михайлов, Е. С. Метельская, Е. М. Комаровский, Л. Ф. Шаталова и др.).

Проведено и ведется далее лингвистическое изучение Полесья (Н. И. Толстой, В. В. Мартынов, Н. П. Антропов и др.) и белорусско-украинских языковых отношений (В. В. Аниченко). Начато изучение особенностей русского языка в Белоруссии (А. Ф. Манаенкова, А. Е. Михневич и др.). Создано и успешно развивается общее и славянское языкознание в республике. Все эти успехи являются показателем того внимания, которое уделяется развитию науки и культуры белорусского народа, созидающего вместе с другими народами нашей страны свое настоящее и свое будущее.

В период возникновения новой белорусской литературы и современного белорусского литературного языка для письменной фиксации белорусской речи использовалась как славянская графика в форме русской гражданской азбуки с некоторыми видоизменениями, так и латиница в ее польском варианте. Так продолжалось вплоть до Октябрьской революции, когда с нормированием правил белорусской графики и орфографии закрепилось использование кириллицы в русском гражданском варианте. Важнейшей особенностью белорусских текстов на новом белорусском языке явилась их запись, ориентированная на фонетику; записанный таким способом текст сразу же отличался от польского или русского. Ориентация на фонетику соблюдалась при этом прежде всего в передаче системы гласных: отражались на письме аканье и яканье, т. е. произнесение безударных *о* и *е* как *а*. Вероятно, не без воздействия польского образца этимологические *т* и *д*, получавшие при смягчении характер аффрикат (смычно-проточных), стали на письме отражаться как в латинице, так и в кириллице в виде *ць (ć)* и *дзь (dź)*. Неслоговое *ў*, произносимое на месте этимологического *в* или *л* не перед гласным (т. е. в конце слова или перед согласным), также обозначалось специальным знаком (лат. *й*, кириллич. *ў*). Из вариантных обозначений русской дореволюционной азбуки для звука *и* была выбрана буква *і*. Ориентировка на произношение привела к фонетическому написанию *жы, чы, шы* (в соответствии с польским и в отличие от русского традиционного, подкрепляемого тем, что в русском написание *чи* является не только традиционным, но и фонетическим), соответственно используются и написания *жэ, шэ, чэ*, а также *цэ* (на месте этимологического *це* при написании *це* на месте этимологического *те*). Вместо русской буквы *щ* выступает сочетание *шч* с соответствующим твердым произношением. Разделительную функцию отсутствующего *ъ* в белорусской графике несет апостроф (').

Интересной страницей в истории белорусской графики является использование белорусскими (литовскими, польскими) татарами — потомками крымско-татарских пленников и переселенцев в Великом княжестве Литовском — арабской графики для передачи белорусских текстов. Аналогичное использование арабского алфавита для передачи славянской речи известно еще в Боснии. В настоящее время — главным образом вильнюсским профессором А. К. Антоновичем — описано и введено в научный оборот свыше двух десятков сборников и отдельных документов, выполненных арабской графикой на белорусском (а частично и на польском) языке белорусскими татарами в период XVII—XX вв. (см. табл. 3).

Белорусский язык имеет ряд отличительных черт в звуковой и грамматической системе, совокупность которых является специфичной по сравнению с другими восточнославянскими языками. В области фонетики: 1) дзеканье и цеканье. т. е. появление аффрикат вместо мягких *д* и *т*: *дзеці* 'дети', *ціха* 'тихо' и т. п.; 2) твердое *р*: мягкое *р* совпадает с твердым: *бура* 'буря', *гарачы* 'горячий'; 3) фрикативное *г*, как и в украинском языке, а также в южновеликорусских говорах: *гара, горад*; 4) аканье, отражаемое к тому же на письме: *нага* 'нога', *слова* 'слово'; 5) неслоговое *ў* на месте *л, в* и *у* после гласных: *пісаў* 'писал', *дзяўчо* 'девочка', *перанесці ўдар* 'перенести удар'; 6) твердое *ч* (как и в украинском): *чысты, чорны*; 7) сочетание **dj* дает в белорусском (как и в украинском) *дж*: *гляджу, асуджэнне*; 8) сочетания согласных с *j* дали (как и в украинском) во многих случаях долгие (первоначально — мягкие) согласные: *з соллю* 'с солью', *жыццё* 'жизнь' [ср. *житьё*]; 9) как и в украинском, губные согласные в конце слова отвердели: *сем, голуб*; 10) довольно часто выступают протетические звуки: *в-* перед губными гласными: *вуха* 'ухо', *вока* 'глаз' (ср. *око*); *а-, і-* перед сочетаниями согласных: *аржаны* 'ржаной', *ільняны* 'льня-

ной'; внутри слова также встречаются вставные звуки, например *j* между гласными: *радыё* 'радио', *піянер* 'пионер', *е* между согласными: *карабель* 'корабль'; 11) в некоторых случаях старые *ъ, ь* дали не *о, е,* а *ы, і: блохі — блыха* (др.-рус. *блъха*); редуцированные *ы, и* (на месте *ъ, ь* перед *j*) перешли в *ы, і,* а не в *о, е: мыю* 'мою' *лі* 'лей'; 12) *й* после *ы, і* в конце слова в прилагательных и повелительной форме глагола утрачивается: *стары* 'старый', *бі* 'бей'.

В области грамматики отличия белорусского языка от других восточнославянских касаются не столько грамматических категорий и даже не столько грамматических форм, сколько особенностей их употребления: частоты применения или сочетаемости. Из более общих грамматических отличий, а также из отличий более частных, но бросающихся в глаза можно указать: 1) редкость кратких форм прилагательных; 2) неупотребительность причастий настоящего времени страдательных и меньшее, чем в русском, использование причастий настоящего времени действительных, образуемых суффиксами *-уч-, -ач- (гаворачы);* 3) наличие так называемого сложного прошедшего, обозначающего обычно давно прошедшие действия (плюсквамперфект): *пісаў быў, прыносіла была*; 4) наличие в склонении мужского и женского рода чередований заднеязычных со свистящими: *луг — на лузе, мука — у муцэ, муха — аб мусе*; 5) упрощение склонения на *-мя*: возможность форм без наращения *-ен-: полымя — полымю, полымем* и т. д. (ср. рус. *пламя — пламенем* и т. п.); 6) различение в склонении родовых форм числительного *два: два — двух, двум..., дзве — дзвюх, дзвюм...*; 7) особые формы существительных при числительных *два, тры, чатыры,* не всегда совпадающие с множественным числом по ударению: *тры гады*; 8) своеобразные местоименные формы *гэты* 'этот', *гэны* 'тот'; 9) отсутствие элемента *н-* в местоимениях 3-го лица при склонении: *пра яго, пра іх*; 10) отсутствие, как и в украинском, конечного *т (ть>ць)* в глаголах I спряжения: *ён піша* 'он пишет'; 11) некоторые специфические конструкции, например *большы ад* (или *за) яго* 'больше его', 'больше, чем он', *захварэць на што* 'заболеть чем' и т. п.; 12) некоторые отличия в распределении слов по грамматическим (морфологическим) классам: например, *сабака* (как и в укр. *собака*), *боль, цень* 'тень' — мужского рода; *чарніла* (как и в укр. *чорнило*) — ед. ч. ср. р., а *дзверы* 'дверь' — только мн. ч. и т. п.

На основе материалов белорусского диалектологического атласа теперь имеется возможность получить довольно ясную картину территориальной группировки белорусских говоров. Прежде всего от основного массива белорусских говоров отделяется небольшая полесская группа говоров на крайнем юго-западе, для которой характерно в отличие от других белорусских говоров оканье, твердость согласных перед *е* и *и*, реализация былого *ѣ* в виде *и*, произнесение *е, о* в закрытом слоге как *и* и некоторые другие фонетические и морфологические черты. Основной диалектный массив белорусского языка четко выделяет два полярных диалекта — северо-восточный и юго-западный. Для северо-восточного диалекта характерны некоторые особенности произношения безударных гласных, односложное окончание творительного падежа женского рода на *-а: сцяной, жаной*; дательный падеж множественного числа на *-ам* и местный — на *-ах: к лясам, на нажах*; местный падеж прилагательных мужского и среднего рода на *-ым: аб маладым* и др. Для юго-западного диалекта характерны другие особенности произношения безударных гласных; на месте *ѣ* выступает закрытое *е* или дифтонг *ие* (*хліеб* и т. п.); двусложное окончание типа *жаною, сцяною*; дательный и местный падежи множественного числа на *-ом, -ох: лясом, гарадох*; прилагательные в местном падеже единственного числа мужского и среднего рода на *-ом: аб маладом.* Разумеется, могут быть названы и многие другие особенности этих двух диалектов. Наряду с указанными двумя диалектами несколько позднее их выработался третий — среднебелорусский диалект, в говорах которого совмещаются отдельные черты, присущие юго-западным и северо-восточным говорам. Среднебелорусским говорам присущи и некоторые черты, отсутствующие в других группах говоров: окончание творительного падежа множественного числа *-мы: дамамы, старымы*; безударное окончание *-аць* в 3-м лице множественного числа у глаголов I спряжения: *яны кажаць, сыпяць* и некоторые другие. Основой белорусского литературного языка стали среднебелорусские говоры.

Литература

Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
Кривицкий А. А., Михневич А. Е., Подлужный А. И. Белорусский язык для небелорусов. 2-е изд. Минск, 1978.

Граматыка беларускай мовы. Мінск, 1962—1966. Т. 1—2.
Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы: У 3 кн. Мінск, 1957—1961.
Беларуская граматыка. Мінск, 1985. Ч. 1—2.
Карский Е. Ф. Белорусы: Язык белорусского народа: В 2 кн. М., 1955—1956. Т. 1—3.
Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1967—1968. Т. 1—2. [Авт. 1-го т. А. И. Журавский; авт. 2-го т. И. И. Кремко, Е. К. Юревич, Е. И. Янович.]
Шакун Л. М. Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1984.
Янкоўскі Ф. М. Гістарычная граматыка беларускай мовы. Выд. 3-е. Мінск, 1989.
Дыялекталагічны атлас беларускай мовы: У 2 кн. Мінск, 1963.
Блінава Э., Мяцельская Е. Беларуская дыялекталогія. 2-е выд. Мінск, 1979.
Беларускае мовазнаўства: Бібліяграфічны ўказальнік (1825—1965). Мінск, 1967. [Издание продолжается.]
Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. Мінск, 1977—1984.
Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978. Т. 1. [Издание продолжается.]
Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982. Вып. 1. [Издание продолжается.]
Белорусско-русский словарь: В 2 т. Минск, 1988—1989.
Русско-белорусский словарь: В 2 т. Минск, 1982.
Беларускі фальклор: Хрэстаматыя. 3-е выд. Мінск, 1985.
Гринблат М. Я. Белорусы: Очерки происхождения и этнической истории. Минск, 1968.
История белорусской дооктябрьской литературы. Минск, 1977.
История белорусской советской литературы. Минск, 1977.
Лойка А. А. Гісторыя беларускай літаратуры: Дакастрычніцкі перыяд. Мінск, 1989. Ч. 1—2.
История Белорусской ССР. Минск, 1977.
Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Мінск, 1975. Т. 12: БССР.
Белорусская ССР: Краткая энциклопедия: В 5 т. Минск, 1978—1982.
Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі: У 5 т. Мінск, 1984—1988.

1.4.4. Русский язык

Русский язык — наиболее распространенный из славянских языков, язык межнационального общения народов СССР, один из мировых языков, национальный язык русских. По данным переписи 1979 г., русский язык считали своим родным 153,5 млн. чел. Кроме того, по данным этой переписи населения, 61,3 млн. чел. показали, что они владеют русским языком как вторым; следовательно, по данным переписи, русским языком в СССР владело не менее 214,8 млн. чел., т. е. 82 % всего населения страны (следует учитывать, что определенная часть людей могла бы указать русский язык в качестве третьего, а часть посчитала свое

владение русским языком недостаточным). В 1970 г., по данным переписи, русским языком как родным или вторым владело 183,8 млн. чел., т. е. 76 % населения СССР, так что доля владеющих русским языком выросла на 6 %. За рубежами СССР русские живут главным образом в США (около 800 тыс.), Канаде, а также в европейских странах (около 200 тыс.). Всего за рубежами нашей страны проживает, видимо, миллион — полтора миллиона русских, часть из которых сохраняет русский язык в качестве родного или второго. По данным переписи 1979 г., количество русских в СССР составило 137 млн. чел. Поэтому общее количество русских во всем мире в настоящее время составляет почти 140 млн. чел. (четвертое место в мире после китайцев, хиндустанцев, американцев). Оценивая распространенность русского языка, следует учитывать его международное значение. По данным МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), в мире около 20 млн. чел. изучает русский язык, а следовательно, несколько десятков миллионов человек на земном шаре неплохо владеет русским языком; общее количество людей, в той или иной мере знакомых с русским языком, составляет на Земле около полумиллиарда человек (В. В. Виноградов).

Как и белорусы и украинцы, русские произошли из древнерусской народности, сложившейся в результате распада родоплеменных отношений в связи с созданием государства вокруг Киева — Киевской Руси. Формирование русской (великорусской) народности происходило в XIV—XV вв. в связи с созданием и развитием централизованного Русского государства, боровшегося с монголо-татарским игом. После окончательной победы над татаро-монголами границы Русского государства с центром в Москве расширялись в XVI—XVII вв., в частности на восток — на Поволжье, Урал, Сибирь, а также на Северный Кавказ. На землях, присоединившихся к Русскому государству, происходило расселение русских и следовавшие за тем контакты с местным населением, в ходе которых осуществлялось взаимное обогащение навыками хозяйствования и культурными достижениями. Распространение русских происходило и далее, с возникновением и развитием капиталистических отношений в России в XVIII—XIX вв. В этот период происходит становление русской нации.

Русский (великорусский) язык выделяется из древнерусского языка в связи с усилением роли Владимирско-Суздальской и Новгородской Руси, а затем и с возникновением Московского государства, а также в связи с происшедшим государственным отделением Западной Руси. В XV—XVII вв. происходит усиление разговорно-народных элементов в книжнославянской речи, поскольку становится более распространенной и престижной деловая речь, базировавшаяся на народно-разговорной. Распространяется грамотность, появляется книгопечатание. Иван Федоров вместе с Петром Мстиславцем выпускают в 1564 г. в Москве первую русскую датированную книгу — «Апостол». Спустя почти сто лет, в 1647 г., выходит первая в Московской Руси книга нерелигиозного содержания — «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», а спустя два года — «Уложение» царя Алексея Михайловича — памятник юридического характера. В этих книгах, а также в художественных произведениях, дошедших до нас из XVII в., речь достаточно близка к разговорной, хотя и включает некоторые книжные элементы. В 1648 г. в Москве переиздается церковнославянская грамматика М. Смотрицкого. «Лексикон треязычный» Ф. Поликарпова, изданный в Москве в 1704 г., включал уже многие собственно русские элементы.

В рамках своих реформ Петр I осуществляет резкое разделение между церковной и гражданской печатью; он способствует изданию большого числа книг гражданского содержания, проводит реформу русской гражданской азбуки. На основании употреблявшихся в скорописи начертаний букв, с учетом принятых в то время начертаний латинских букв в Европе были предложены новые рисунки печатных букв, лично просмотренные и отобранные для внедрения Петром. Эти буквы составили гражданскую русскую азбуку, ставшую основой не только русской азбуки, но и всех славянских азбук, построенных на основании кириллицы: белорусской, украинской, болгарской, сербской, македонской, — а также графики ряда народов СССР (в частности, узбекской, казахской, азербайджанской, таджикской, киргизской, туркменской, молдавской и др.) и монгольской графики. В XVIII в. происходит бурный рост словаря и других выразительных средств русского языка. В связи с этим ощущается острая потребность в их нормализации. После некоторых предварительных опытов других авторов М. В. Ломоносов создает грамматику живого русского языка (1755—1757) и пытается нормализовать отбор выразительных средств в своей теории трех штилей.

Уже в произведениях писателей конца XVIII — начала XIX в. (Д. И. Фонвизин, Н. М. Карамзин и др.) русский литературный язык приближается к современному. Но в наиболее полном виде новый русский литературный язык получил воплощение в блистательном творчестве великого Пушкина. А. С. Пушкин в своих прозаических и стихотворных произведениях создал не только шедевры русской литературы, но и образцы новой русской литературной речи. В то же время и в том же направлении осуществлялось развитие языка литературы в произведениях И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова. Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов обогатили русский литературный язык широким отражением элементов живой речи различных сфер носителей русского языка. Немалое внимание вопросам языка уделял замечательный русский критик В. Г. Белинский.

Естественно, что к этому периоду относится и важный этап в развитии описаний русского языка, его грамматики и лексики. В конце 20 — начале 30-х гг. выходят грамматики Н. И. Греча и А. Х. Востокова. Еще в 1789—1794 гг. Академия Российская издала первый русский академический словарь в 6 книгах; в 1806—1822 гг. он был переиздан в исправленном виде. В 1847 г. (2-е изд. в 1867—1868 гг.) выходит «Словарь церковнославянского и русского языка», отразивший более широко богатства русской лексики: если в первом издании академического словаря было 34 237 заглавных слов, во втором — 51 388, то в словаре 1847 г. — 114 749 словарных статей.

Во второй половине XIX в. огромный вклад в художественное развитие человечества и в обогащение русского литературного языка вносят выдающиеся представители русской литературы И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. Н. Островский, И. А. Гончаров. Значительных успехов достигает и русская наука о языке. Еще в 1852 г. выходит «Опыт областного великорусского словаря», подготовленный Академией наук, вскоре к нему добавляется столь же объемистое дополнение (словарь и дополнение вместе включают 31 тыс. диалектных слов). А в 1863—1866 гг. В. И. Даль выпускает свой «Толковый словарь живого великорусского

языка» в четырех томах, включающий около двухсот тысяч слов и составляющий по сию пору непревзойденную сокровищницу русской лексики и замечательный памятник русской лексикографии. Словарь Даля неоднократно переиздавался (в частности, в 1989 г.— по второму, последнему прижизненному изданию). И. И. Срезневский собирает «Материалы для словаря древнерусского языка», широко привлекая к этой работе своих учеников (в частности, например, Н. Г. Чернышевского, составившего и опубликовавшего словарь к Ипатьевской летописи); фундаментальный труд ученого, обессмертивший его имя, вышел уже после его смерти, в 1890—1912 гг., благодаря усилиям дочери ученого О. И. Срезневской, других членов семьи и Отделения русского языка и словесности Академии наук.

Изучение грамматической структуры русского языка также поднимается на новую, более высокую ступень. Ф. И. Буслаев вносит в описание фактов русского языка исторический подход, а А. А. Потебня в своих вдумчивых, глубоких работах стремится проникнуть в содержательную сторону языковых явлений и их изменений. На рубеже XIX—XX вв. в России складывается очень сильная лингвистическая наука, среди представителей которой — Ф. Ф. Фортунатов, своими идеями вдохновивший Московскую лингвистическую школу, А. И. Соболевский, внесший крупнейший вклад в изучение истории русского языка, А. А. Шахматов, открывший своими великолепными трудами новый этап в описании современного русского литературного языка и сделавший не менее важный вклад в изучение его истории с учетом как письменных памятников, так и диалектных данных, И. А. Бодуэн де Куртенэ — слава русской и польской лингвистики, не прошедший мимо фактов современного русского языка, оставивший очень важные наблюдения по фонетике и морфологии, но, главное, определивший теоретические искания русских языковедов первой половины нашего века.

После Великой Октябрьской социалистической революции возникли предпосылки для широчайшего распространения норм русского литературного языка, для дальнейшего его развития в тесном единстве живой речи и сложившихся традиций. Ликвидация массовой неграмотности, всеобщее образование, теперь уже переходящее к среднему, открыли для широких масс русского народа письменную речь как одну из важных разновидностей использования

русского языка. В наше время сплошной грамотности и очень высокого образовательного уровня письменная речь вырастает вообще в особую, не вполне соотносимую с устной речью репрезентацию языка. Вместе с тем русский литературный язык усилиями таких писателей, как А. М. Горький, В. В. Маяковский, а также многих других идет навстречу живой устной речи. Советские лингвисты многое сделали для ликвидации вековой культурной отсталости, проявившейся в распространенной неграмотности. Ими были созданы учебники и учебные пособия, разработаны научные основы преподавания русского языка как родного, а позже и как второго. (Значителен вклад в эту работу А. М. Пешковского, Л. В. Щербы, М. Н. Петерсона и др.) Ими были созданы также новые словари русского языка, первый среди которых замечательный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, выпущенный в 1935—1940 гг. в ответ на прямое задание В. И. Ленина о создании словаря живого образцового русского языка. Как бы кратким вариантом этого словаря является очень популярный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова. А огромные богатства русской лексики получили отражение в большом (семнадцатитомном) академическом «Словаре современного русского литературного языка», в создании которого приняла участие группа советских лингвистов, удостоенных Ленинской премии: С. Г. Бархударов, С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, Ф. П. Филин, А. М. Бабкин и др.

Грамматическое описание русского языка значительно продвинулось вперед в советское время. Одной из вершин русской грамматической мысли стала книга В. В. Виноградова «Русский язык», вышедшая в 1947 г. Ее автор внес также огромный вклад в изучение истории русского литературного языка, в историческое исследование русской лексики, в теорию художественной речи, в изучение истории русской науки о языке. Были сделаны новые интересные шаги в изучении русской фонетики (Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. А. Богородицкий, М. В. Панов), лексики, словообразования, фразеологии, грамматики (В. Н. Сидоров, Г. О. Винокур, Н. М. Шанский, Ю. Н. Караулов, Д. Н. Шмелев, И. С. Улуханов, В. В. Лопатин, А. В. Бондарко и др.), значительные исследования осуществлены в области истории и диалектологии русского языка (В. И. Борковский, С. П. Обнорский, Б. А. Ларин,

П. С. Кузнецов, П. Я. Черных, Р. И. Аванесов, Н. А. Мещерский, Ф. П. Филин, Вал. В. Иванов, В. В. Колесов, А. А. Зализняк, Б. А. Успенский, К. В. Горшкова и др.). Развивается славянское (А. М. Селищев, С. Б. Бернштейн, О. Н. Трубачев, Н. И. Толстой и др.), индоевропейское (Вяч. Вс. Иванов, А. Н. Савченко, В. Н. Топоров, А. В. Десницкая, О. С. Широков и др.), общее (И. И. Мещанинов, Е. Д. Поливанов, Б. А. Серебренников, И. И. Ревзин, В. М. Солнцев, А. А. Леонтьев, Ю. С. Степанов, В. Н. Ярцева и др.) языкознание. В академической «Грамматике русского языка» (в 3 кн., 1952—1953) был создан подробный свод правил, а «Русская грамматика» (в 2 т., 1980), подготовленная под руководством Н. Ю. Шведовой, осуществила описание грамматической системы русского языка на современном научном уровне. Высок теоретический уровень компактного очерка М. В. Панова «Русский язык» в пятитомнике «Языки народов СССР».

Русская гражданская азбука стала образцом для пользующихся кириллицей славянских языков (кроме церковнославянского). В 1918 г. в нее были внесены некоторые упрощения: устранены буквы, затруднявшие освоение грамоты, поскольку они дублировали функции других букв, а следовательно, их написание подчинялось особым правилам или требовало заучивания: ѣ («ять»), дублировавшая *е*; *і*, ѵ (ижица), дублировавшие *и*; ѳ (фита), дублировавшая *ф*; отменено написание ъ для обозначения твердости согласного в конце слова. Главной особенностью русской графики является ее слоговой принцип: звуковое значение большинства букв существенно уточняется в зависимости от соседних букв. Известно двоякое значение букв *я, е, ю, ё;* двояким значением (мягкость или «разделительность») обладает *ь*; двоякое значение присуще также большинству букв, обозначающих согласные: они могут обозначать мягкие или твердые согласные *(б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х)*. Лишь буквы *ч, щ, й* всегда обозначают мягкие, а *ж, ш, ц* — всегда твердые. Пару букв *ы — и* можно толковать как обозначение одной и той же фонемы после твердых или после мягких.

Для русской орфографии характерен фонологический принцип: в большей части случаев обозначается фонема, причем так, как она бы звучала в сильной позиции (откуда возможность так называемых «проверяемых» написаний); отступлений от этого принципа не очень много (например, в приставках на *з-*). По этим признакам русская графика и орфография значительно отличается от сербской и македонской. От белорусской русская система письма более всего отличается тем, что белорусская орфография в передаче гласных базируется не на понимании фонемы в духе Московской фонологической школы, а на понимании фонемы в духе Ленинградской школы или, как обычно считают, на фонетическом принципе, почему в ней отражается аканье. Кроме того, в белорусской, а также в украинской графиках используются некоторые дополнительные к русской знаки (белор. *і*, укр. *і, ї, є*), не используются некоторые русские буквы (в белор. — *и, ъ, щ*; в укр. — *ы, ъ, э, ё*), а некоторые буквы имеют иное звуковое значение (белор. и укр. *г* проточное, *ч* твердое, укр. *е* не йотированное и др.).

Русскому языку присущ ряд черт, совокупность которых отличает его от других восточнославянских и прочих славянских языков: 1) в русском литературном языке и в северновеликорусских говорах *г* произносится как взрывной звук; 2) в русском литературном языке и в южновеликорусских говорах распространено аканье, т. е. неразличение *о* и *а* в безударном положении; 3) *ч* является мягким: *часть, чист*; 4) *ц* — только твердый: *целый, революция;* 5) сохраняется различение мягкого и твердого *р* во всех положениях: *пар — парь, рад — ряд*; 6) старые редуцированные *ы, и* (на месте *ъ, ь* перед *j*) превратились в русском языке под ударением в *о, е: мою* (при белор. *мыю*), *шея* (белор. *шыя*) и т. п.; 7) в отличие от белорусского в мягких *дь* и *ть* не развился проточный исход: *пить, дятел* и т. п.; 8) в случаях типа *братья, тенью* сохраняется сочетание согласного с *j*; 9) в первом и втором склонении с заднеязычным согласным в конце основы не происходит чередования этого согласного со свистящим: *по дороге, о пастухе*; 10) распространилось окончание *-а* в именительном падеже множественного числа слов мужского рода: *берега, профессора, катера* и т. п.; 11) в склонении прилагательных и местоимений в родительном падеже единственного числа мужского рода *г* произносится в окончании как *в*: *черного* — читается как *чёрнава*; 12) в инфинитиве *-ти* сохраняется только под ударением: *нести, вести*, но *плакать, тереть* и т. п.

При диалектном членении русского языка выделяются северное (северновеликорусское) наречие, южное (южновеликорусское) наречие, а также среднерусские говоры, сложившиеся между этими крупными группировками диалектов. В основу русского литературного языка положен московский говор, сложившийся как средневеликорусский. Эти группировки более четко могут быть выделены в Европейской части СССР на территориях, наиболее давно заселенных русскими. За пределами этих территорий, например в Сибири, сложились примыкающие к основным отмеченным диалектные группы, в которых господствующими оказываются те или иные черты, присущие крупным группам поселенцев. Так, при общем северновеликорусском характере речи старого населения Сибири (до второй половины XIX в.) в ней встречаются и некоторые южновеликорусские черты, получившие то или иное распространение. Для севернорусского наречия характерно: а) оканье, т. е. различение в безударных слогах *а* и *о*; б) заударное *е* перед твердыми согласными произносится как *о: озёро, полё;* в) взрывной характер *г*; г) твердое *-т* в глаголах 3-го лица настоящего времени: *носит, носят*; д) постпозитивные частицы *-от, -та* и т. п.: *дом-от, вода-та* (ср. болгарский и македонский артикль). Южнорусское наречие характеризуют следующие черты: а) аканье, т. е. неразличение безударных *о, а*; б) фрикативное (проточное) образование *г*; в) окончание *-е* в родительном падеже единственного числа женского рода: *у жене, с работе*; г) окончание *-ы* в именительном падеже среднего рода: *окны, пятны*; д) мягкое *-ть* в глаголах 3-го лица: *пишуть, несеть*. Среднерусские говоры характеризуются: а) взрывным характером произношения *г*; б) аканьем; в) совпадением окончаний I и II спряжения: *пашут, просют*. Среднерусские говоры менее едины, чем северные и южные. Все русские наречия разделяются на довольно разнообразные группы говоров. Так, северновеликорусское наречие включает западную (ладожско-тихвинскую) и восточные (вологодскую и костромскую) группы говоров, а также ряд расположенных между ними межзональных группировок; в южновеликорусских говорах выделяется западная группа, во многом примыкающая к белорусским говорам, курско-орловская, восточная (рязанская) и ряд других; среди средневеликорусских выделяются псковские и окающие новгородские, окающие владимирско-поволжские, акающие восточные среднерусские говоры, а также некоторые другие группы.

Литература

Грамматика русского языка: В 2 т. (3 кн.). М., 1960.
Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
Русская грамматика: В 2 т. М., 1980.
Виноградов В. В. Русский язык. 2-е изд. М., 1972.
Мещерский Н. А. История русского литературного языка. Л., 1981.
Историческая грамматика русского языка: Морфология. Глагол. М., 1982; Синтаксис. Простое предложение. М., 1978; Синтаксис. Сложное предложение. М., 1979. [Издание продолжается.]
Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка. М., 1964.
Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. 2-е изд. М., 1965.
Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950—1965.
Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. [Переиздание 2-го изд. (1880—1882).] М., 1978—1980.
Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965. Вып. 1. [Издание продолжается.]
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964—1973; 2-е изд. с 1986.
Этимологический словарь русского языка. М., 1963. Т. 1, вып. 1. [Издание продолжается.]
Русские: Историко-этнографический атлас. М., 1967.
Кравцов Н. И., Лазутин С. Г. Русское устное народное творчество. М., 1983.
Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А. М. Новиковой. М., 1986.
История русской литературы: В 4 т. Л., 1980—1983.
История русской литературы: В 10 т. (13 кн.). М.; Л., 1941—1956. [3 т. библиографии.] М., 1962—1968.
История русской советской литературы: В 3 т. М., 1958—1961.
Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т. 24, кн. 2: СССР.
Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

1.4.5. Украинский язык

Украинский язык — язык украинцев, один из наиболее распространенных славянских языков, а также второй по количеству говорящих язык народов СССР. Украинский язык — наиболее распространенный язык в УССР, где им, согласно данным переписи 1979 г., в качестве родного или второго владело 38,7 млн. чел. (78 % населения). Всего в СССР проживало 42 347 тыс. украинцев, из которых 37 928 тыс. считают украинский родным или вторым языком. За пределами УССР украинцы живут в РСФСР (3,7 млн.), Казахстане (0,9 млн.), Молдавии (0,6 млн.), Белоруссии (231 тыс.), в Узбекистане, Киргизии. Вне СССР украинцы живут в Польше (ок. 300 тыс.), Чехословакии и Румынии (по 70 тыс.), Югославии (40 тыс.), а также

в ряде других стран Европы и Америки: в США (ок. 1 млн.), Канаде (ок. 700 тыс.), Аргентине (ок. 150 тыс.), Бразилии (ок. 100 тыс.), в Австралии (ок. 30 тыс.); это в основном потомки эмигрантов, особенно из западной Украины, выехавших в эти страны в конце XIX — начале XX в. Таким образом, общее количество украинцев составляет 45 млн.

Вместе с русскими и белорусами украинцы происходят из древнерусской народности. В XII—XIV вв. в результате феодальной раздробленности стала складываться специфическая совокупность языковых черт, характеризующая украинский язык. Отдельные такие диалектные черты проявлялись уже в древних письменных памятниках, но комплекс их стал вырабатываться именно в указанный период. Одним из первых крупных письменных памятников, в котором проявились эти черты, является часть Ипатьевской летописи (составлена в первой половине XIV в., переписана ок. 1425 г.). С XIV—XV вв. украинцы выступают как самостоятельная этническая общность со специфическими чертами культуры и быта. В XIV в. большинство украинских земель оказалось под иноземным владычеством: Галицкой землей, а затем и Западной Волынью овладела Польша; Чернигово-Северская земля, Киевщина, Подолия и восточная часть Волыни были включены в Великое княжество Литовское (вошедшее позже в унию с Польшей); Закарпатская Русь еще раньше, в XI в., была захвачена Венгрией; Северная Буковина отошла в Молдавское княжество, а с XVI в. попала под власть турок. На юге Украины и в Крыму в XV в. возникло Крымское ханство. В то же время, как показывает уже упомянутая Галицко-Волынская Ипатьевская летопись, украинский народ сохранял идею единства Руси, его представители выступали вместе с другими братскими восточнославянскими народами, отстаивая свободу Руси от тевтонских рыцарей (под Грюнвальдом в 1410 г.), от турецких и татарских завоевателей. Само название «Украина», применявшееся первоначально к юго-западной окраине Руси, с XVI в. стало употребляться в официальных документах для обозначения всей территории украинского народа.

В рамках Великого княжества Литовского употреблялся возникший на базе древнерусского западнорусский письменный язык, являвшийся общим достоянием белорусов и украинцев. В этот язык с большей или меньшей интенсивностью проникали элементы живого белорусского или живого украинского языка, что и дает основания для отнесения одних памятников к истории украинского, а других — к истории белорусского языка. Имелись определенные различия в языке деловых актов и художественных произведений, в летописном и религиозно-полемическом творчестве. Большое количество актов с украинскими языковыми чертами используется в «Словаре староукраинского языка XIV—XV ст.». Примерами оригинальных произведений украинских авторов на рубеже XVI—XVII вв. могут служить произведения Ивана Вишенского, в более поздний период (конец XVII—XVIII вв.) — вирши Климентия Зиновьева, летопись Величко, а затем и произведения выдающегося украинского философа и поэта XVIII в. Григория Сковороды. Язык этих и многих других авторов, переводы произведений европейской литературы, например новелл Боккаччо, отражали определенные черты живого языка, но вместе с тем сильно были связаны с книжнославянской традицией.

Из авторов произведений лингвистической мысли, связанных с западнорусским письменным языком, наряду с упомянутыми уже уроженцем Львовщины Л. Зизанием и украинцем же по рождению М. Смотрицким следует назвать создателя интереснейшего памятника восточнославянской лексикографии Памву Берынду с его «Лексиконом славенороссским», изданным в 1627 г. в Киеве. Эти и другие памятники западнорусской грамматической традиции оказали значительное влияние на все развитие раннего восточнославянского языковедения. К XVII в. относятся латинско-славянский и славяно-латинский словари Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, оставшиеся, однако, до нашего времени в рукописи (изданы в 1973 г.), что значительно ограничило их влияние. Интерес представляет также «Грамматика славянская» И. Ужевича, сохранившаяся в двух рукописях в библиотеках Франции. Русский первопечатник И. Федоров после Москвы долгое время работал на Украине и стал также основателем украинского книгопечатания. Во Львове в 1574 г. им была выпущена первая восточнославянская печатная азбука-букварь (книжка не имеет заглавия, а потому называют ее по-разному: букварь, грамматика и пр.; сути дела это не меняет — это учебная книга для первоначального обучения грамоте).

Несмотря на тяжелые условия, на раздел между несколькими государственными образованиями, в XIV—XVII вв. происходила консолидация украинского народа, росло стремление к объединению и воссоединению всей Руси. Положение украинского народа ухудшилось после Люблинской унии 1569 г., когда значительная часть Украины была подчинена Польше и польские магнаты стали захватывать земли украинских крестьян, закрепощать их. По Брестской унии 1596 г. (расторгнутой в 1946 г. на церковном соборе во Львове) православная церковь на территории Речи Посполитой была объединена с католической в униатскую и подчинена римскому папе, что вызвало недовольство среди значительной части населения. Всеобщее недовольство различных слоев украинского народа господством польских панов вылилось в 1648—1654 гг. в освободительную войну украинского народа, возглавленную Богданом Хмельницким и приведшую в 1654 г. к воссоединению Украины с Россией. Однако последовавшие затем события, в частности война между Россией и Польшей, привели к тому, что в Галиции и на Правобережной Украине (кроме Киева) продолжалось господство польской шляхты и частично турок. Закарпатье по-прежнему оставалось в составе Венгерского королевства. В результате I раздела Польши в 1772 г. Австрия получила Галицию и Северную Буковину. По II и III разделам Правобережная Украина и Волынь вошли в состав России.

Укрепление экономических и культурных связей между значительной частью украинских земель, оказавшихся в составе России, способствовало формированию украинской нации. В начале XIX в. в произведениях полтавчанина И. П. Котляревского, в частности в его «Энеиде», получает одно из первых воплощений украинский литературный язык нового времени. В произведениях, по жанру принадлежавших к низкому штилю (в ломоносовской теории),— в травестии (перелицовке) «Энеиды» и в бытовой комедии «Наталка-Полтавка» — живая речь резко прорывается в украинскую литературу. Но лишь Т. Г. Шевченко синтезировал на базе народно-разговорной речи различные достижения словесности предшествующего периода; революционное слово великого кобзаря стало достоянием мировой литературы, а новый украинский литературный язык, базировавшийся на средненадднепровских говорах, сделался бесспорной реальностью. Он получил дальнейшее развитие в тонких лирических произведениях Леси Украинки, в многообразном творчестве ученого, писателя и поэта Ивана Франко, в прозе М. М. Коцюбинского и др.

Однако ни национальная культура, ни национальный язык не могли получить подлинного развития в условиях царской России и тем более разъединения народа между Россией и Австро-Венгрией. Лишь Октябрьская социалистическая революция открыла путь украинскому языку в школу, лишь после Великого Октября национальная культура украинского народа перестала быть этнографической диковинкой, а стала мощной и всесторонне развитой культурой одного из равных народов Советской страны. В годы Советской власти произошел колоссальный рост национального украинского языка, его разностороннее развитие, сделавшие его вполне соответствующим всем потребностям народа. В творчестве украинских прозаиков — А. Головко, Ю. Смолича, П. Панча, а позже А. Гончара, М. Стельмаха и др., драматурга А. Корнейчука воплотились значительные преобразования в литературной речи, отражающие расширение сферы духовной жизни народа. Творчество М. Рыльского, П. Тычины, В. Сосюры и других поэтов открыло новые возможности выражения самых глубинных мыслей и чувств в поэтическом слове.

На примере украинского языка в советское время легко проследить, что перевод не только взаимно обогащает души людские, но и содействует развитию языков. Язык, на который не делается переводов с других языков, оказывается в чем-то ущербным, так как в нем не развиваются некоторые очень важные в целостном ансамбле современного развитого языка явления, передающие коллективный опыт человечества. И потому в политическом и культурном отношении столь важными были не только переводы на украинский язык сочинений Маркса, Энгельса, Ленина, но и превосходные переводы вершин художественной литературы Востока и Запада. Востоковед академик А. Е. Крымский, а позже поэт М. Бажан открыли украинскому читателю многие замечательные строки восточной поэзии; М. Рыльский нашел выразительные средства для того, чтобы по-украински заговорил А. Мицкевич, на украинский язык переведена теперь вся основная мировая

классика, и это важно было не только для культурного роста народа, но и для развития его языка.

Дореволюционная украинская лингвистика имела определенные достижения: это и теоретические, а также исторические сочинения великого украинского языковеда А. А. Потебни, диалектологические разыскания К. П. Михальчука, историко-лингвистические работы П. И. Житецкого, это и собрания лексики в словаре Е. Желеховского и словаре под редакцией Б. Д. Гринченко, и работы И. Я. Франко, и труды замечательного русского языковеда А. А. Шахматова по вопросам украинского языка. Но наиболее значительных успехов украинское языкознание достигло в послереволюционное время. Многое сделал для развития науки об украинском языке крупный украинский лингвист, славист широкого профиля Л. А. Булаховский. Успешно работают в области украинистики И. К. Белодед, А. С. Мельничук, М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский, И. А. Дзендзелевский, В. И. Перебейнос, А. И. Багмут, И. И. Ковалик и многие другие лингвисты. Орденоносный Институт языковедения АН УССР им. А. А. Потебни подготовил пятитомное описание современного украинского литературного языка, издан одиннадцатитомный толковый словарь украинского языка, многотомные украинско-русский и русско-украинский словари, частотный словарь украинского языка, историческая грамматика и история литературного языка. Начата публикация этимологического словаря украинского языка и диалектологического атласа. Осуществлены экспериментально-фонетические исследования звуковой системы и интонации украинского языка, изучаются связи украинского языка с другими славянскими языками, и прежде всего с русским.

Украинский язык пользуется вариантом русской гражданской азбуки. Важнейшие отличия этого варианта от русской азбуки следующие. Для обозначения переднего закрытого гласного используется буква *і*; буква *и* обозначает гласный типа русского *ы*. Для обозначения сочетаний *йэ* или *э* после мягкого согласного (что случается в украинском языке редко) используется буква *є*; буква *е* обозначает примерно тот же звук, что русское *э*. Для передачи сочетания *йі* используется буква *ї*. В качестве разделительного знака используется апостроф. Буквы *ъ*, *ы*, *э* в украинском алфавите отсутствуют. Нет также буквы *ё*,

функции которой переданы сочетаниям букв *йо*, *ьо*: *його* ‘его’, *льон* ‘лён’.

Рядом отдельных черт, а также их совокупностью украинский язык характеризуется среди других славянских языков. Укажем некоторые такие черты в области фонетики: 1) старые *и* и *ы* совпали в одном звуке *и* (типа рус. *ы*): *син* ‘сын’, *синій* ‘синий’; 2) на месте *ѣ* («ять») выступает *і*: *сіно* ‘сено’, *хліб* ‘хлеб’; 3) *е* и *о* в закрытом слоге превратились в *і*: *ріг* ‘рог’, *сім* ‘семь’; 4) сохраняется различение *о* и *а* в безударных слогах; безударное *е* сближается с *и*: *на пе"чі* ‘на печи’; безударное *о* может ассимилятивно сближаться с *у*, если в ударном слоге выступает закрытый гласный: *на во"гню* ‘на огне’; 5) губные согласные, а также *р* на конце слога (и слова) отвердели: *вісім* ‘восемь’, *насип* ‘насыпь’, *цар* ‘царь’; *ч* (как и другие шипящие) отвердело: *чистий, чорний;* 6) *г* проточное: *гора;* 7) сочетание *рь* дает *ри*: *тривога* ‘тревога’; 8) как и в белорусском, сочетание **dj* дало *дж*: *народження, ходжу*; 9) редуцированные *и, ы* (*ъ, ь* перед *j*) дают *и*: *шия, мию*; 10) сочетание согласных *н, д, т, л, з, с, ц, ч, ш, ж* с *j* дало долгие мягкие согласные: *тінню* ‘тенью’, *колосся* ‘колосья’; 11) согласные не смягчаются перед *е, и*: *береза, пити* ‘пить’; перед *і* согласные (в том числе шипящие) смягчаются: *піч* ‘печь’, *літо* ‘лето’; 12) *в* — губно-губной, *л* после гласных превращается в *в*: *вовк* ‘волк’; мягкий *в* — губно-зубной: *вітер*; 13) после гласных и перед гласными *у, і* обычно превращаются в *в, й*: *був у нас — були в Остапа* ‘был у нас — были у Остапа’, *вона йде* ‘она идет’; 14) старый *ц* сохраняет мягкость, кроме положения перед *е, и*: *вулиця* ‘улица’, *молодець* ‘молодец’, но есть и твердое *ц* перед *е, и* и в некоторых заимствованиях: *дзеркальце* ‘зеркальце’, *палац* ‘дворец’; 15) звонкие в конце слова, как правило, не оглушаются.

В области грамматики можно отметить такие специфические черты: 1) в склонении существительных перед *і* из *ѣ* заднеязычные чередуются со свистящими: *у книзі* ‘в книге’, *на лузі* ‘на лугу’; 2) сохраняется склонение среднего рода на *-а, -я* (слова, обозначающие детенышей, и т. п.): *теля, теляти, теляті*...; 3) имеются особенности в распределении существительных по грамматическим (морфологическим) классам: *степ* ‘степь’ м. р.; *тиша* при рус. *тишь, тишина*; распространены существительные только множественного числа, обозначающие эмоции:

радощі ‘радость’, *гордощі* ‘гордость’; 4) в именительном и винительном падежах прилагательных употребляются для женского и среднего рода, а также для множественного числа стяженные формы: *молода* ‘молодая’, *веселе* ‘веселое’ (ср. кратк. рус. *весело*), *добрі* ‘хорошие’, *велику* ‘большую’; 5) унифицируется склонение числительных: *двох, трьох, п'ятьох, десятьох* — род. п.; 6) употребительно будущее синтетическое совершенного вида: *писатиму* ‘буду писать’ из др.-рус. *писати иму*; 7) употребительно давнопрошедшее (прежде прошедшее): *писав був* ‘писал (давно, однажды)’; 8) инфинитив образуется обычно при помощи суффикса *-ти: писати* ‘писать’, *співати* ‘петь’; 9) действительные причастия настоящего времени образуются при помощи суффиксов *-ач-, -яч-, -уч-, -юч-: благаючий* ‘вымаливающий’, *вабячий* ‘привлекающий’; 10) вставное (эпентетическое) *л* в глаголах 3-го лица множественного числа настоящего времени после губных: *люблять* ‘любят’, *ловлять* ‘ловят’; 11) как и в белорусском, в 3-м лице единственного числа I спряжения *-ть* утрачено: *пише, читає* ‘пишет, читает’; в 3-м лице II спряжения и множественного числа окончание *-ть* мягкое: *пишуть, говорить*; 12) употребительны особые неопределенно-личные формы на *-но, -то: прочитано, налито; козаченька вбито, книжку написано;* 13) указательное местоимение со значением «этот» имеет форму *цей* (ср. рус. архаичн. *сей*).

В области лексики украинский язык сближается с белорусским по наличию значительного количества общих «культурных» слов, в основном наследия западнорусского литературного языка, заимствованных из польского или через польский, которые не дошли до русского языка, например: укр. *цегла* ‘кирпич’, *наприклад* ‘например’, *окуляри* ‘очки’. Вместе с тем в украинский язык проникло больше, чем в белорусский, хотя и меньше, чем в русский язык, старославянизмов (церковнославянизмов): *глас, злато, благословити, властолюбний* и т. п. Разумеется при этом, что основу лексики украинского языка, как и других славянских языков, составляет исконно-славянская лексика и образованные на ее базе слова, присущие разным славянским языкам или данному языку в частности.

Выделяются три группы украинских говоров: северная (полесская), к которой теснейшим образом примыкают крайние юго-западные (полесские) окающие говоры Белоруссии; юго-западная и юго-восточная. Северные украинские говоры не имеют четких границ с белорусскими, черты белорусских говоров проникают на юг, а украинских — на север. Для полесских говоров характерно: а) наличие дифтонгов на месте *ѣ*, а также *е, о* в закрытом слоге: *діᵉд* ‘дед’, *вуᵒл* ‘вол’; б) *р* отвердело: *говору* ‘говорю’; в) *ц* твердое: *отец*; г) употребительны нестяженные формы прилагательных: *молодая, молодую*. Южная граница северных говоров проходит на западе примерно по параллели Киева, а к востоку от Днепра — севернее Сум. Граница между юго-восточными и юго-западными говорами проходит на севере от Фастова (между Киевом и Житомиром) к Первомайску и Тирасполю в Молдавии. Юго-западные говоры неоднородны: выделяются несколько разновидностей карпатских говоров, в том числе гуцульские, лемковские, бойковские, а также волынские, подольские, надсанские. Среди более распространенных в юго-западных говорах явлений можно назвать: а) переход мягких *д, т* в *к, г* (взрывные): *кіло* ‘тело’, *гіт* ‘дед’; б) оглушение звонких согласных: *дуп* ‘дуб’; в) утрата мягкого *р* с заменой его сочетанием *рй: рйад* ‘ряд’; г) творительный падеж женского рода имеет форму *головов* вместо *головою;* д) частица *ся (сі)* отделяется от глагола: *сі стало* вместо *сталося* ‘произошло’; е) распространены формы будущего времени типа *буду казав* ‘скажу’ и др. Многие типичные черты, например формы типа *сылза* ‘слеза’, представлены только в части юго-западных говоров. Среди черт юго-восточных говоров отметим: а) отсутствие оглушения звонких: *дід, мороз*; б) нетипичность *ф* с его заменой через *хв*: *Хведір* ‘Федор’ и т. п.; в) распространено окончание *-ові, -еві* в дательном падеже: *коневі, селові* ‘коню, селу’. Среди юго-восточных говоров выделяются надднепровские, полтавские, слобожанские (в районе Харькова), а также распространенные по всему югу Украины степные говоры. Многие черты юго-восточных говоров совпадают с литературными (например, будущее время типа *писатиму*), поскольку они — база литературного языка.

Литература

Сучасна українська літературна мова: Вступ. Фонетика. Морфологія. Синтаксис. Лексика і фразеологія. Стилістика / За заг. ред. І. К. Білодіда. Київ, 1969—1973.

Історія української мови: Фонетика. Морфологія. Лексика і фразеологія. Синтаксис. Київ, 1978—1983.

Курс історії української літературної мови: В 2 т. / За ред. І. К. Білодіда. Київ, 1958—1961.

Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Київ, 1980.

Словник української мови: В 11 т. Київ, 1970—1980.

Словник староукраїнської мови XIV—XV ст.: В 2 т. Київ, 1977—1978.

Украинско-русский словарь: В 6 т. Киев, 1953—1963.

Русско-украинский словарь: В 3 т. Киев, 1968.

Етимологічний словник української мови: В 7 т. Київ, 1982. Т. 1. [Издание продолжается.]

Атлас української мови: В 3 т. Київ, 1984. Т. 1. [Издание продолжается.]

Історія української літератури: В 8 т. Київ, 1967—1971.

Українські письменники: Біобібліографічний словник: В 5 т. Київ, 1960—1965.

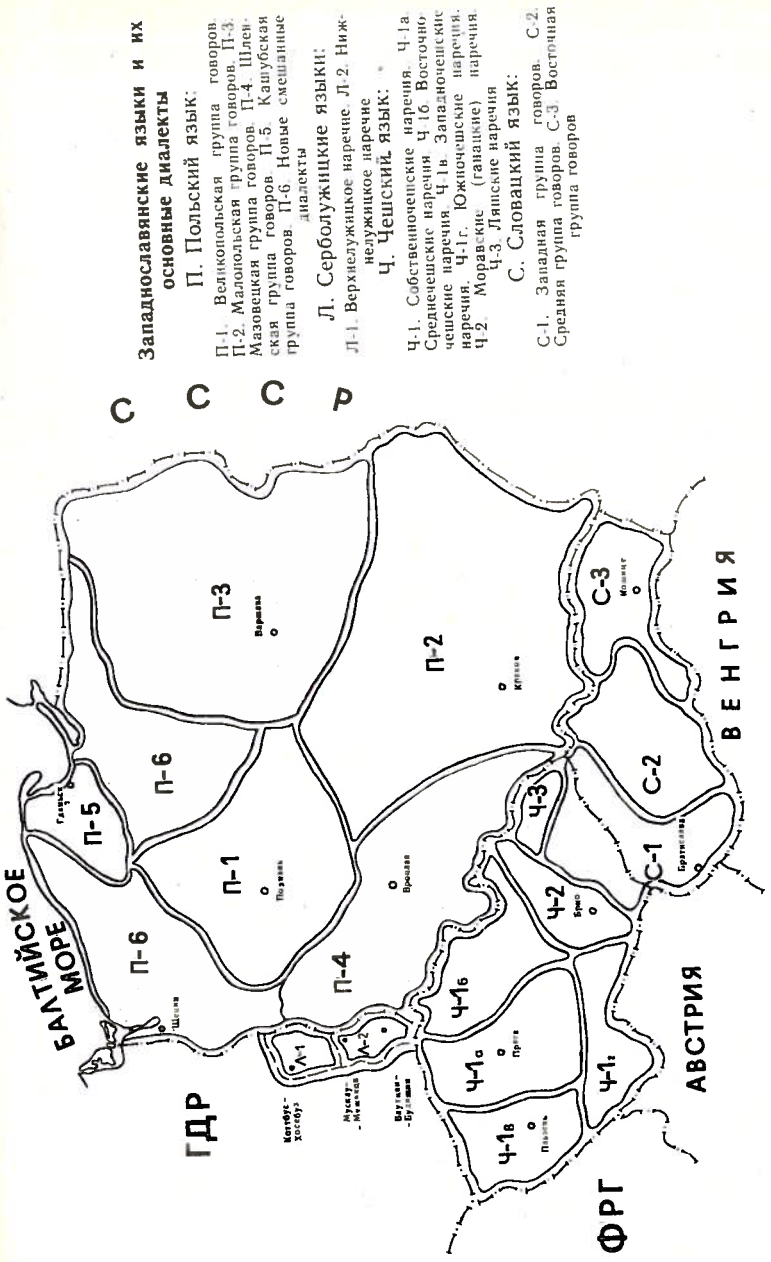
История Украинской ССР: В 2 т. Киев, 1969.

1.5. ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1.5.1. Общие сведения

К западнославянским языкам относятся: польский, включая кашубский, серболужицкие, чешский, словацкий и мертвый полабский. Западнославянские языки делятся на две группы: чешско-словацкую и польско-полабско-лужицкую (лехитскую), между которыми есть переходные говоры. Единого празападнославянского языка сколько-нибудь длительное время не существовало: вскоре после распада праславянского языка сложились отдельные союзы племен — носителей западнославянских наречий, более или менее соответствующие позднейшим отдельным западнославянским языкам. Значительная часть западнославянских племен, проживавших между нынешней Польшей и территорией ФРГ (к югу от Гамбурга), где еще в начале XVIII в. были засвидетельствованы последние остатки языка полабских древян, была онемечена, а от соответствующих славянских наречий сохранились лишь отдельные слова в немецких документах или местные названия (топонимы).

Западные славяне граничат на западе с Германией (ныне ГДР и ФРГ), а на юге — с Австрией и Венгрией.



На севере границей западнославянских земель является Балтийское море. На небольшом участке на северо-востоке поляки граничат с носителями языка, принадлежащего к балтийской группе,— литовского, а на востоке западные славяне (поляки и словаки) граничат с восточными славянами — белорусами и украинцами. Переходных говоров между западными и восточными славянскими языками нет; в ходе длительного взаимодействия выработались, однако, в частности на словацко-украинской языковой границе, некоторые говоры смешанного характера, определить языковую принадлежность которых затруднительно. На польско-белорусской языковой границе есть зоны с развитым двуязычием населения, но, как правило, функции каждого из языков разграничиваются, а говоры смешанного характера не возникают.

Можно выделить некоторые существенные общие черты западнославянских языков: 1) постоянное ударение (в чешском, словацком, серболужицких — на первом слоге, в польском — на втором от конца); 2) сочетания **tert, *telt* превратились в *tret, tlet* (в языках, кроме словацкого и полабского, *r* перед передними гласными изменилось в шипящий): польск. *brzeg* 'берег', *mleko* 'молоко'; 3) сохранение сочетаний **kv-, *gv-* в начале слова перед старым «ять»: польск. *kwiat, gwiazda*, чешск. *květ, hvězda* 'цвет(ок)', 'звезда'; 4) сохранение сочетаний **dl, *tl*: чешск. *pletl* 'плел', польск. *mydło* 'мыло'; 5) на месте древнего сочетания губных согласных с *j* в западнославянских языках выступает мягкий губной: польск. *ziemia* 'земля' и т. п.; 6) на месте сочетаний **dj, *tj* выступает *dz* (*>z*), *c*: словацк. *svieca* 'свеча', *medza* 'межа'; 7) *x* при смягчении по типу второй палатализации (перед *ě, i* дифтонгического происхождения) превратилось в *š*: словацк. *muše* 'мухе', чешск. *všecek* 'весь'; 8) сильный *ъ* большей частью превратился в *e* (кроме полабского языка): польск. *sen* 'сон'; 9) местоимения *этот* и *что* имеют соответственно вид *ten* и *co*.

Судьба сочетаний **tort, *tolt* в западнославянских языках сложилась не одинаково. В чешском и словацком языках на их месте выступает *trat, tlat: mraz, mlad* 'мороз', 'молод'; в польском — *trot, tłot* с возможным преобразованием *o* в *u* (орфографически — *ó*): *mróz, młody* 'мороз', 'молодой'; аналогично изменение в серболужицких языках. В кашубском и полабском в определенных случаях перестановка (метатеза) плавного и гласного не наступала; так, например, в полабском *korvo* 'корова', но *mlâdě* 'молодой'.

Литература

Селищев А. М. Славянское языкознание: Западнославянские языки. М., 1941.

Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой, В. П. Гудкова. М., 1977. С. 19—215.

Stieber Z. Zarys dialektologii języków zachodnio-słowiańskich. Warszawa, 1956.

1.5.2. Польский язык

Поляки составляют 98 % населения Польши. По оценке 1985 г., это означает 36,6 млн. чел. Кроме того, около 10 млн. поляков проживает за границами страны: в США, СССР, Канаде, Франции, Англии, ФРГ, Бразилии и т. д.; часть из них сохраняет польский язык. Так, по данным переписи 1979 г., в СССР проживало 1151 тыс. поляков (403 тыс.— в Белоруссии, 258 тыс.— на Украине, 247 тыс.— в Литве, где поляки составляют 7 % населения, выходит польская газета и функционируют польские школы); 30 % из них считали польский язык своим родным. Такое большое рассеяние поляков по свету объясняется событиями истории Польши.

Возникшее более тысячи лет тому назад Польское государство при первом исторически известном польском князе из династии Пястов — Мешке I приняло христианство, что способствовало ускорению развития феодализма. На смену относительно единому польскому государству в XI—XIII вв. пришла феодальная раздробленность с характерными для этого периода противоречиями и междуусобицами. Большую роль в социально-экономической жизни Польши играла католическая церковь с ее крупными владениями. Первым письменным документом, в котором упоминается множество польских названий местностей, была латинская Гнезненская булла 1136 г. папы Иннокентия II, утверждавшая права гнезненского архиепископа на его владения. Феодальные противоречия привели к немецкой колонизации ряда польских земель, татаро-монгольским набегам в XIII в. и агрессии возник-

шего в Прибалтике немецкого Тевтонского ордена. Объединение отдельных польских княжеств и Кревская уния с Великим княжеством Литовским (1385), а также участие в борьбе с немецкими рыцарями русских полков позволили одержать победу над Орденом в Грюнвальдской битве 1410 г. Польские войска в этой битве возглавлял Владислав II Ягайло, родоначальник династии Ягеллонов.

Образование в XIV—XV вв. единого Польского государства содействовало развитию культуры. В 1364 г. был основан Ягеллонский университет в Кракове. Именно к этому же периоду относятся первые письменные памятники на польском языке, в частности Свентокшижские проповеди, написанные, видимо, в XIII в., но дошедшие до нас в копии, сделанной во второй половине XIV в., и духовная песня «Богородица», которая в своей основе возникла, видимо, в XII в., но дошла до нас в копии начала XV в.

Со второй половины XVI в. интересы польских феодалов связываются с Востоком, с белорусскими, украинскими и русскими землями. Инструментом для осуществления этих интересов стала Люблинская уния 1569 г., в результате которой Польша и бывшее Великое княжество Литовское образовали одно государство — Речь Посполитую. После династии Ягеллонов польские феодалы, прежде всего крупнейшие землевладельцы, добиваются выборности короля, делая его своим прямым ставленником. Православная церковь на территории Речи Посполитой ставится в результате Брестской унии 1596 г. под власть римского папы. Это обостряет национальные противоречия внутри Речи Посполитой, ярким проявлением которых была освободительная борьба украинского народа в 1648—1654 гг., возглавлявшаяся Богданом Хмельницким. В результате этой борьбы и последовавшей русско-польской войны значительная часть Украины воссоединилась с Россией. Многочисленные и длительные войны, а также упадок экономики стали причиной кризиса Польского государства и культуры. В конце XVIII в. украинские и белорусские земли Речи Посполитой отошли к России, а собственно польская территория была расчленена между Пруссией и Австрией. По решению Венского конгресса 1815 г. на части польской территории, включая Варшаву, отошедшую ранее к Пруссии, было образовано Царство (Королевство) Польское, включенное в Российскую империю. Польское государство перестало существовать. Начиная с конца XVIII в. произошел ряд восстаний польского народа — в 1794 г. под руководством Т. Костюшко, в 1830—1831 и в 1863—1864 гг.

В Польше и за ее пределами в этот период развивается новая польская романтическая литература, отражавшая определенные революционные и освободительные тенденции. Выдающимися поэтами первой половины XIX в. стали Адам Мицкевич и Юлиуш Словацкий. Мицкевич и другие романтики коренным образом ломали старые каноны литературного языка и стиля, обогащали язык, открыли новый этап в развитии польского поэтического языка. Возрождение польской культуры и языка, начавшееся после периода застоя еще в XVIII в., нашло свое отражение не только в литературном творчестве, но и в создании первого крупного (шеститомного) польского словаря — Словаря Самуила Богумила Линде (1806—1814; 2-е изд.—1854—1860). На десятилетия словарь этот стал ценнейшим собранием польской лексики для писателей и ученых.

Во второй половине XIX — начале XX в. создаются выдающиеся произведения польской классической прозы — романы и повести Э. Ожешко, Б. Пруса, Г. Сенкевича, а позже — В. Реймонта и С. Жеромского. К этому времени относится значительное развитие польской науки о языке, представленной рядом ученых, работавших в Краковском и Львовском университетах, в Варшаве и Вильнюсе, а также и далеко за пределами Польши. В конце XIX — начале XX в. были созданы так называемые Виленский и Варшавский словари литературного языка и подготовлен одним из создателей Варшавского словаря — Яном Карловичем — Словарь польских говоров. Эти словари включили в литературный и научный оборот значительные богатства польской лексики. В конце XIX в. недолгое время в Краковском университете работал великий славянский лингвист Ян (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ, основная деятельность которого протекала в Казани, Тарту и Петербурге. Лишь после Великого Октября, с воссоединением Польского государства, этот ученый уже в преклонных годах смог снова работать в польском университете — Варшавском, хотя и здесь его прямота и интернационализм пришлись не ко двору реакционным кругам междувоенной Польши.

Крах царской России, лоскутной Австро-Венгерской империи и империалистической Германии в конце первой

мировой войны привел к восстановлению Польского государства. Правители буржуазно-помещичьей Польши развязали в 1920 г. интервенцию против молодой Советской республики и включили в состав Польши Западную Украину и Западную Белоруссию. Острые национальные и социальные противоречия в междувоенной Польше, возглавлявшейся реакционными руководителями, которые преследовали коммунистов и занимали враждебную по отношению к Советскому Союзу позицию, ослабляли Польское государство. И несмотря на героическое сопротивление патриотических сил, фашистская Германия в сентябре 1939 г. захватила Польшу. В этих условиях Советская страна протянула руку помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии и ввела на украинские и белорусские земли Красную Армию. Западная Украина и Западная Белоруссия воссоединились с Советской Украиной и Советской Белоруссией, а Вильнюсский край отошел к Литовской республике.

В период междувоенного двадцатилетия протекала деятельность ряда крупных писателей и поэтов Польши, среди которых С. Жеромский, М. Домбровская, Ю. Тувим, Я. Ивашкевич, революционные поэты и писатели В. Броневский, Б. Ясеньский, Л. Кручковский, В. Василевская. В области языкознания в этот период в Польше складывается группа крупных ученых, разносторонне изучавших факты польского языка в его связях с другими славянскими языками. Деятельность многих этих ученых стала особенно продуктивной и успешной в послевоенные годы, когда народная власть создала невиданные до тех пор возможности для научного творчества. Здесь следует назвать крупнейших представителей старшего поколения польских лингвистов Яна Розвадовского, Яна Лося, работавшего в Берлинском университете Александра Брюкнера. К. Нитш проводил изыскания по польской диалектологии, В. Дорошевский вел исследования по словообразованию, Т. Лер-Сплавинский — в области славянского, а Е. Курилович — индоевропейского языкознания.

Во время второй мировой войны польский народ оказывал героическое сопротивление гитлеровским оккупантам. 1 января 1944 г. в Варшаве была создана Крайова Рада Народова, наметившая план строительства новой, народной Польши. Спустя год, когда территория Польши была в значительной степени освобождена, органом КРН

стало Временное правительство, признанное Советским Союзом. Крымская конференция великих держав в феврале 1945 г. определила будущие границы Польши: на востоке — по линии, предложенной при воссоздании Польши в 1918—1920 гг., соответствующей этнографическим границам (линия Керзона) с незначительными отступлениями, а на западе — по рекам Одре (Одеру) и Нисе (Нейсе). В послевоенные годы Польша прочно стала на путь строительства обновленного общества.

В послевоенной Польше проявляется большая забота о развитии культуры польского народа. Развивается литература, невиданные масштабы приняло народное образование. Небывалыми достижениями может гордиться польская лингвистика. В послевоенные годы появились новые крупные работы Е. Куриловича, Т. Лера-Сплавинского, В. Дорошевского, М. Рудницкого, З. Клеменсевича, В. Ташицкого, С. Йодловского, Я. Сафаревича, В. Курашкевича, З. Штибера, Ф. Славского, М. Карася, С. Урбаньчика. Создан капитальный одиннадцатитомный словарь польского языка под редакцией В. Дорошевского, так называемый «малый» атлас польских говоров, публикуется польский этимологический словарь, старопольский словарь и словарь польского языка XVI в., а также целый ряд других крупных исследований в области польского языкознания и связей польского языка с другими языками. Развитие народного образования и культуры ведет к распространению норм литературного языка, а всестороннее развитие литературы отражается в совершенствовании выразительных средств языка.

Польский литературный язык возник в результате сложного взаимодействия великопольских и малопольских говоров, поскольку древнейшим центром культурной и политической жизни Польши была Великопольша (район Познани), к концу XIV — XV вв. центр переместился в Малопольшу (Краков), а с XVII в.— в Варшаву. Вопрос о диалектной основе польского литературного языка является дискуссионным. На раннем этапе развития польский литературный язык испытал значительное влияние со стороны чешского языка. Длительное господство в письменности и церковной жизни католической церкви латыни также отразилось на польском словаре, вобравшем (подчас через чешский и немецкий) немалое количество латинских элементов. Благодаря тесному соседству и проживанию на

одной территории в польский язык проникло много немецких заимствований. Вместе с тем сам польский язык стал передатчиком многих латинских и немецких лексических элементов не только в украинский и белорусский языки, вобравшие в состав своей культурной лексики немало полонизмов, но и в русский язык. В частности, в числе заимствованных в XVII в. слов из польского и через польский можно назвать: *аптека, циркуль, цифра, карета* и др. В последние столетия на развитие польского литературного языка значительное влияние оказали носители пограничных восточных (так называемых «крэсовых») говоров; следует отметить, что А. Мицкевич и Э. Ожешко — уроженцы нынешней Белоруссии (районы Новогрудка и Гродно), а Ю. Словацкий — Украины (Тернопольщина).

Как уже отмечено, польская письменность дошла до нас с конца XIV в. Создавалась и развивалась она, в силу тяготения Польши к римско-католической церкви, на латинской основе. Нынешняя польская графика имеет в основе латинский алфавит с рядом дополнений и с закреплением за некоторыми сочетаниями букв специальных звуковых значений. Не требуют специальных комментариев буквы для согласных *b, d, f, k, m, n, p, r, s, t*; буквы для гласных *a, e, o, u* передают соответственно звуки, обозначаемые русскими буквами *а, э, о, у*. Буква *i* передает обычно звук, близкий русскому *и*, но перед гласными она обозначает не этот звук, а лишь мягкость предшествующего согласного (*bia* — читается как *бя, nie* — как *не* и т. д.). Буква *y* служит для передачи звука, близкого к русскому *ы*. Буквой *ó* передается тот же звук, что и буквой *u* — русское *у*, но только в том случае, если по происхождению он восходит к старому *о*. Буква *ę* передает носовой звук *э*, а буква *ą* — носовой звук *о* (не *а*!); следует заметить, что в разных положениях в слове несколько меняется произношение носовых гласных. Буква *c* соответствует русскому *ц*, буква *g* — русскому (взрывному!) *г*. Буква *j* передает звук, соответствующий русской букве *й*; буква *j* часто употребляется перед гласным, и тогда ее сочетание с гласным как бы соответствует русским буквам *я, ю, е, ё* (не после согласных): *ja*=*йа*=*я; je*=*йэ*=*е* и т. д. Буква *z* передает звук, соответствующий русскому *з*. Буква *ż* обозначает звук, соответствующий русскому *ж*. Буква *w* соответствует русскому *в*. Буквы *v, x, q* встречаются только в иностранных словах, главным образом — в собственных именах: при освоении слова польским языком вместо этих букв начинают писать соответствующие польские буквы (*w* или *f, ks, k*). Буква *l* передает звук типа мягкого *ль*, а твердое *лъ* передается по-польски буквой *ł*; надо сказать, что этот звук произносится нередко почти как неслоговое *ŭ*. Буква *ń* служит для передачи звука типа мягкого *нь*, а буквы *ś, ź, ć* (а также *s, z, c* перед *i*) обозначают специфические польские звуки — мягкие немного шепелявые, граничащие с шипящими *с, з, ц*, т. е. примерно *с‴ь, з‴ь, ц‴ь*. Буква *h* произносится как *х*, но, обычно употребляясь в заимствованных словах, она нередко соответствует восточнославянскому проточному *г* (*γ*). Для передачи же обычного *х* используется сочетание букв *ch*. Шипящие *ш* и *чъ* (твердое *тш*) передаются буквосочетаниями *sz, cz*. Сюда примыкает и обозначение звука *ж* на месте былого мягкого *r: rz* (например, *река — rzeka*). Сочетания *dż, dz* и *dź* передают слитные звуки (аффрикаты) *дж, дз* и *дз‴ь*.

Польский язык — типичный представитель западнославянской группы славянских языков, ее северной (лехитской) подгруппы. Ему присущи общезападнославянские языковые черты, а также некоторые специфические особенности. Для польского языка характерны следующие черты: 1) сохранение носовых гласных: праслав. **dǫbъ* — польск. *dąb* 'дуб', праслав. **męso* — польск. *mięso* 'мясо', праслав. **rǫka* — польск. *ręka* 'рука' и т. п.; 2) ударение на втором от конца слоге; 3) чередование *e/o* на месте старого *e* (в принципе оно напоминает русское и белорусское чередование типа *несу — нёс*, но происходит в иных условиях): *niesie — niosę* 'несет — несу'; 4) чередование *e — a* на месте старого **ě* (ять): *lato — w lecie* 'лето — в лете', *mieć — miał* 'иметь — имел'; 5) чередование *e* с ∅ (нулем звука) на месте былых *ъ* и *ь*, которые превратились в одних случаях в *e*, а в других выпали; 6) переход, как и в белорусском, мягких *t* и *d* в *ć, dź: ciepły* 'теплый', *dzień* 'день'; 7) 1-е и 2-е лицо единственного числа прошедшего времени имеют личные показатели — *(e)m* и *(e)ś: byłem, byłeś* 'я был, ты был'.

В географическом отношении в современном польском языке выделяется пять групп говоров: великопольская (вокруг Познани), малопольская (Краков и юго-восточная часть Польши), шлёнская, или силезская (Катовице и юго-западная часть Польши), мазовецкая (Варшава и северо-

восточная часть Польши), кашубская (Гданьск и север Польши). Важнейшими различительными признаками польских диалектов являются: а) мазуренье, т. е. произношение свистящих вместо шипящих, характерное для мазовецких и малопольских говоров, где произносят *zaba* 'жаба' вместо *żaba, syja* 'шея' вместо *szyja*; б) озвончение конечных глухих согласных перед следующими гласными или сонорными, характерное для великопольских, малопольских и шлёнских говоров, где произносят *brad idzie* 'брат идет' вместо *brat idzie, brad robi* 'брат делает' вместо *brat robi*.

Особое место среди польских говоров занимают кашубские. В прошлом кашубы значительно отличались по своим языковым особенностям от поляков и сближались по своей речи с западными славянами, жившими к западу от Одера и Эльбы (Лабы); у нас сохранились относительно более точные сведения лишь о так называемом полабском языке. Но в ходе исторического развития, в процессе сопротивления германизации, речь восточной части балтийских (поморских) славян — кашубов сближалась с польской. В конце XIX в. делались попытки создания особого кашубского литературного языка; можно указать таких авторов, как писатели и языковеды Ф. Цейнова, А. Лабуда, поэты А. Майковский и Й. Карновский (Вос Будзыш). Однако в настоящее время тексты на кашубском языке если и издаются, то воспринимаются как региональная, областная литература. Для изучения кашубского языка и кашубских говоров (иногда говорят о поморских говорах, включая в их состав исчезнувшие уже в XX в. говоры словинцев, проживавших на территории нынешнего Слупского воеводства ПНР) очень много сделал Ф. Лоренц, автор капитальной поморской грамматики и словаря. Кашубские диалекты изучал К. Нитш, «Поморский словарь» Ф. Лоренца, издаваемый АН ГДР, продолжил Ф. Гинце, а в Польше выпущен богатый этнографическими материалами шеститомный кашубский словарь Б. Сыхты.

Для кашубских диалектов характерны некоторые специфические черты, отличающие их от польского литературного языка и польских говоров. Назовем среди них: а) отражение праславянского **tort* в виде **tart* (непоследовательно, наряду с *trot*) при общепольском *trot, trót: marz, mroz* 'мороз', польск. *mróz*; б) у южных кашубов

ударение на первом слоге слова, а в севернокашубских говорах — свободное ударение (при польском ударении на втором слоге от конца); в) утрата носового характера гласных перед большинством согласных, например: *mitći* 'мягкий', польск. *miękki*; г) переход в ряде случаев *i (u)* и *u* в звук *ë* (звук типа заднего, приближающегося к *ы* русского *э*): *cëcho* 'тихо' при польск. *cicho*; д) твердый характер звуков, соответствующих польским *z, s, dz, c: z, s, dz, c*, например: *sano* 'сено' при польск. *siano; dzelëc* 'делить' при польск. *dzielić*.

Литература

Тихомирова Т. С. Польский язык. М., 1978.
Лер-Сплавинский Т. Польский язык. М., 1954.
Мацюсович Я. В. Морфологический строй современного польского литературного языка. Л., 1975.
Пальцев Г. В. Польский язык. Минск, 1984.
Gramatyka współczesnego języka polskiego. Warszawa, 1984. T. 1—2.
Dejna K. Dialekty polskie. Wrocław etc., 1973.
Klemensiewicz Z. Historia języka polskiego. Warszawa, 1974.
Klemensiewicz Z., Lehr-Spławiński T., Urbańczyk S. Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1964.
Lorentz F. Gramatyka pomorska. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1958—1962. T. 1—3.
Popowska-Taborska H. Kaszubszczyzna. Warszawa, 1980.
Słownik języka polskiego. Warszawa, 1958—1969. T. 1—11.
Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1974.
Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952. T. 1. [Издание продолжается.]
Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. М.; Варшава, 1967.
Большой русско-польский словарь: В 2 т./ А. Мирович, И. Дулевич, И. Грек-Пабис, И. Марыняк. М.; Варшава, 1970.
Słownik gwar polskich. Wrocław etc., 1982. T. 1. [Издание продолжается.]
Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967—1973. T. 1—6.
Lorentz F. Pomoranisches Wörterbuch / Fortgeführt von F. Hinze. Berlin, 1958. Bd. 1. [Издание продолжается.]
История Польши: В 3 т. М., 1954—1958; доп. том: Очерки истории народной Польши. М., 1965.
История польской литературы: В 2 т. М., 1968—1969.
Encyklopedia wiedzy o języku polskim / Pod red. S. Urbańczyka. Wrocław etc., 1978.
Słownik folkloru polskiego / Pod red. J. Krzyżanowskiego. Warszawa, 1965.

1.5.3. Серболужицкие языки

Серболужичане (самоназвание — сербы, немецкое название — сорбы) — самый маленький славянский народ. Они живут в ГДР на востоке округов Дрезден (в районе главного серболужицкого культурного центра г. Баутцен, по-серболужицки — Будышин) и Коттбус (по-серболужицки — Хосебуз). Название «лужичане» (по названию болотистой территории Лужица), «лужицкий язык», использовавшееся иногда в прошлом, теперь не употребляется, название же «сербы», «сербский» неудобно из-за возможности смешения с одним из южнославянских народов. Поэтому у нас и у других славян принято название «серболужичане» или «лужицкие сербы». Количество серболужичан определить точно не представляется возможным. Все серболужичане двуязычны: они пользуются, кроме серболужицкого, также немецким языком. В подавляющем большинстве населенных пунктов серболужичане не составляют в настоящее время более четверти населения, а сплошь и рядом в населенном пункте проживает около 5—10 % серболужичан. По приблизительной оценке количество серболужичан составляет теперь величину порядка 100 тыс. чел. В прошлом серболужичан было больше: по статистическим данным прошлого века количество серболужичан превышало 150 тыс. чел.

Впервые серболужичане упоминаются в исторических источниках еще в 631 г. Это были славянские племена, уклад жизни которых можно охарактеризовать как позднеродовой. Родовые старшины уже начинали выделяться из числа землепашцев и скотоводов, а вместе с тем начинали складываться и группы зависимых от них крестьян. Западные соседи славянских племен гломачан, лужичан, мильчан — франки стремились подчинить их себе. Это была упорная германская экспансия, в ходе которой, несмотря на отдельные успехи руководителей славянских племен, франки завоевывали все новые городища и прилегающие территории. Так, к примеру, в 766—897 гг. франки предприняли 14 военных походов против серболужицких племен. Видная роль в этой экспансии была сыграна германским королем Генрихом I. Серболужичане долго оставались язычниками, но параллельно с переходом их под власть немецких феодалов происходила их христианизация.

Серболужицкие государственные образования не успели получить значительного развития, и к XII веку территории мильчан и лужичан оказались под властью немецких феодалов. Одни представители племенной верхушки перешли на сторону завоевателей, а другие сравнялись с крестьянами. Началась длительная и тяжелая германизация серболужичан. Хотя некоторое время отдельные их территории оказывались под властью Польши или Чехии, это не изменило положения: немецкие феодалы порабощают серболужицких крестьян. Временами мирные серболужицкие крестьяне восставали против социального и национального гнета со стороны немецких помещиков-юнкеров. Так, например, в 1790 г. произошло восстание крестьян, вызванное дошедшими до Лужицы известиями о французской революции. Ряд участников восстания был арестован, руководители закованы в цепи и помещены в крепость.

Несмотря на социальный и национальный гнет, в XVI в. серболужичане создали свою письменность. В 1532 г. была записана по-серболужицки присяга, а 1548 г. датируется перевод М. Якубицей Нового завета — важнейшей для христианской религии части Библии. Вскоре серболужичане издают первые печатные книги. При этом возникают два литературных серболужицких языка: верхнелужицкий — язык Южной Лужицы, бывших племен мильчан, и нижнелужицкий — язык Северной Лужицы, бывших племен лужичан; центром верхних серболужичан был Будышин, а нижних — Хосебуз. Определенную роль в том, что сформировались два литературных языка, сыграло обстоятельство, что нижние лужичане оказались в составе Пруссии, а верхние — Саксонии. Первоначально возникло вообще три варианта литературного языка: нижнелужицкий и верхнелужицкий католический и верхнелужицкий протестантский, так как многие верхние лужичане приняли лютеранство, а часть осталась католической. В XVII—XVIII вв. книгопечатание у серболужичан оживляется. В 1679 г. Я. Тицин издает первую верхнелужицкую грамматику, а в 1640 г. была создана нижнелужицкая грамматика Я. Хойнана. В 1721 г. Ю. Светлик издал первый латино-сербский (латино-серболужицкий) словарь. Первые опыты создания произведений художественной литературы относятся ко второй половине XVIII в., но большее развитие получают они в период национального возрождения в XIX в.

Одним из первых проявлений национального возрождения у серболужичан явилось издание Л. Гауптом и Я. А. Смолером записанных последним почти пятисот народных песен верхних и нижних лужичан (1841—1843). Крупнейшими серболужицкими поэтами XIX в. были Гандрий Зейлер и Ян Радысерб-Веля. Позже, на рубеже XIX и XX вв., развернулась деятельность наиболее известного серболужицкого поэта Якуба Барт-Чишинского; к этой же поре относится и поэзия нижнелужицкого поэта Мато Косыка. В 1847 г. начинает действовать национально-культурная серболужицкая организация «Матица сербская», а несколько позже — «Домовина» («Родина»), издаются газеты и журналы на серболужицком языке. Оживляются связи серболужицких культурных деятелей со славистами и писателями славянских стран, прежде всего России, а также Чехии и Польши. Так, например, Я. Смолер переписывается с выдающимися русскими славистами О. М. Бодянским, познакомившим его также с народным творчеством и литературой Украины, И. И. Срезневским, приезжает в Москву и Петербург. В 1866 г. было издано богатое собрание верхнелужицкой лексики — верхнелужицко-немецкий словарь Х. Т. Пфуля. В начале XX в. ряд важных работ, в том числе капитальную грамматику и трехтомный словарь нижнелужицкого языка, выпустил крупнейший серболужицкий языковед Арношт Мука (первый том этого словаря был издан Петербургской Академией наук). По совету своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ Л. В. Щерба отправляется в Лужицу и изучает восточнолужицкий диалект в окрестностях Мужакова (Бад Мускау).

Уже спустя несколько месяцев после прихода Гитлера к власти была арестована группа серболужицких культурных деятелей. Вскоре была закрыта серболужицкая газета, а затем запрещена деятельность «Матицы» и «Домовины» с ее библиотекой, а также практически вообще всякая серболужицкая речь.

После освобождения Лужицы Советской Армией начинается работа по воссозданию «Домовины», по развитию серболужицкой культуры. Большую заботу о серболужицкой культуре проявляет первое социалистическое немецкое государство — ГДР. В настоящее время выходит ряд периодических изданий на серболужицком языке, в том числе ежедневная газета на верхнелужицком и еженедельник на нижнелужицком, ряд журналов — детские,

педагогический, общественно-политические. Создан Институт серболужицкого народоведения в Будышине и Институт сорабистики в Лейпцигском университете, где готовятся кадры высшей квалификации по серболужицкому языку, литературе, истории. Раз в два года проводятся летние курсы по серболужицкому языку в Будышине, на которые приезжают для приобретения и пополнения знаний специалисты из разных стран мира. Серболужицкие писатели получили широкое признание в ГДР. Широкую известность получил, в частности, Юрий Брезан (род. 1916), пишущий теперь прозу на немецком языке (стихи, а раньше рассказы он писал по-верхнелужицки). Большая работа проводится по изучению серболужицкого языка как в Будышине, так и в Лейпциге и в АН ГДР в Берлине. Его исследуют также советские, польские, чехословацкие ученые. Крупнейшими современными серболужицкими языковедами являются Гинц Шустер-Шевц, Ф. Михалк, Г. Фаска; в СССР успешно изучает серболужицкие языки составитель «Верхнелужицко-русского словаря» (1974) и автор ряда монографий львовский языковед К. К. Трофимович, в Польше — К. Полянский.

Оба серболужицких языка пользуются алфавитами на латинской основе с добавлением ряда дополнительных знаков. В верхнелужицком буквы *a, e, o, ụ, i, y* соответствуют русским *а, э, о, у, и, ы*; буквы *ě* и *o* обозначают закрытые *е* и *о*. Обозначения согласных *b, d, f, k, m, n, p, t, r, s* комментариев не требуют; *c, j, w, z, g* обозначают звуки *ц, й, в, з, г*; серболужицкое *l* несколько мягче русского *л*, т. е. типа немецкого *l*; буквой *ł* обозначается звук типа неслогового *ụ* (белор. *ў*), возникший на месте твердого *л* (кстати, *w* после гласных произносится так же). Буква *h* обозначает один из вариантов проточного *г*; в сочетаниях с сонорными, в конце слова и между гласными *h* нередко не произносится (*hněw* 'гнев', *wuhlo* 'уголь', *sněh* 'снег'). Буквосочетание *ch* передает звук типа русского *х*, который в начале слова и после приставок произносится как *kh* (раньше так он и обозначался на письме). Согласные перед гласным *i* смягчаются. При смягчении согласных происходят некоторые звуковые изменения. Для обозначения мягкого *n* используется буква *ń*. Шипящие *ž, š, č* в верхнелужицком мягкие (*жь, шь, чь*); как мягкое *č* произносится и буква *ć*, которая пишется на месте *ть*; буква *ř* употребляется на месте мягкого *r* после *p, t, k*

и произносится как мягкое *š*. Звук *r* обычно звучит по-серболужицки как грассирующий; буквосочетанием *rj* передается мягкий *ŕ* типа русского *рь*. Буквосочетанием *dź* передается мягкий шипящий аффрикат типа *джь*, он появляется при смягчении *d*. В нижнелужицком нет *o*, *ř*; *ł* может произноситься и как неслоговое *u̯*, и как твердое *л*; буквы *z*, *s*, *c*, *dz* обозначают мягкие шипящие *(жь, шь, чь, джь)*, *ž*, *š*, *č*, *dž* приближаются к твердым шипящим; *w*, особенно перед гласными, произносится кратко *(woko* 'глаз' почти как *oko)*. Мягкость согласных передается сочетанием соответствующей буквы с *j* *(žiwjenje* 'жизнь'), но для передачи мягкости *нь* и *рь* в конце слова сохраняются знаки *ń*, *ŕ* *(koń* 'конь').

Серболужицкие языки принадлежат к северной подгруппе западнославянских языков. Обоим литературным серболужицким языкам и соответствующим им наречиям свойственны такие черты: 1) переход бывших носовых гласных в *u* и *e(ě)*; 2) *e* часто переходит в *o* *(morjo* 'море'); 3) мягкое *r* после *p*, *t*, *k* превращается в шипящий (вл. *tři*, нл. *tsi*); 4) ударение на начальном слоге; 5) сохраняется двойственное число (в диалектах живой речи оно частично утрачивается, но в литературной речи твердо нормировано); 6) сохраняются старые глагольные времена — аорист и имперфект (например, нл. *splesech* 'я сплел').

Наиболее характерные различия между верхне- и нижнелужицким таковы: а) нижнелужицкое взрывное *g* соответствует верхнелужицкому проточному *h*: *gora* — *hora*; б) в верхнелужицком мягкие *ť*, *ď* дают *c*, *dz*, а в нижнелужицком *s*, *z* (например, *cichy* — *sichy* 'тихий', *copły* — *sopły* 'теплый'; *dzeń* — *zeń* 'день'); в) в нижнелужицком на месте старого *č* выступает *c* (цоканье): *człowjek* 'человек', *cysty* 'чистый'; г) в нижнелужицком *r* после *p*, *t*, *k* перешло в *š* (*pšawo* 'право'); д) в верхнелужицком *ch* *(x)* в начале слова перешло в *kh* (*chleb* 'хлеб', *chojna* 'ель'). Верхнелужицкий и нижнелужицкий литературные языки (или, как считают иногда, варианты языка) соответствуют верхнелужицким и нижнелужицким наречиям; кроме этих основных наречий (разумеется, может быть выделен и ряд более мелких говоров), выделяют еще восточнолужицкое наречие (в районе Мужакова), кое в чем сближавшееся с польскими говорами, ныне уже мертвое.

Вследствие широко и уже давно развитого серболужицко-немецкого двуязычия в серболужицких языках немало заимствований из немецкого языка, которые имеются как в литературной, так и в разговорной речи. Можно отметить и немало калек с немецкого, например *sto lět stary* < *hundert Jahre alt* ('сто лет' — о возрасте). Вместе с тем при формировании литературного языка в ряде случаев чувствуется опора на польский и чешский языки (например, *nowiny* 'газета', *přemysło* 'промышленность' и т. п.).

Литература

Ермакова М. И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. М., 1973.
Трофимович К. К. Нариси з історії серболужицької літературної мови. Львів, 1970.
Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915. Т. 1.
Šewc (Schuster) H. Gramatika horhjoserbskeje rěče. Т. 1—2. Budyšin, 1968—1976. Т. 1—2. [2-е изд. 1984. Т. 1.]
Fasske H., Michałk S. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart: Morphologie. Bautzen, 1981.
Mucke K. E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der Niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.
Janaš P. Niedersorbische Grammatik. Bautzen, 1976.
Fasske H., Jentsch H., Michałk F. Sorbische Sprachatlas. Bautzen, 1965. Bd. 1. [Издание продолжается.]
Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка. Пг.; Прага, 1921—1928. Т. 1—3.
Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. H. 1. Bautzen, 1978. [Издание продолжается.]
Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь. М.; Бауцен, 1974.
Трофимович К. К., Моторный В. А. Серболужицкая литература. Львов, 1987.
Nedo P. Grundriss der sorbischen Volksdichtung. Bautzen, 1966.
Landmatz R., Nedo P. Sorbische Volkskunst. Bautzen, 1968.
Stawizny serbow. Budyšin, 1975—1979. Т. 1—4.
Die Sorben. Bautzen, 1971.
Семиряга М. И. Лужичане. М.; Л., 1955.
Schuster-Šewc H. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1966.

1.5.4. Чешский язык

Чехи — основное население Чешской Социалистической республики, большей из двух республик, образующих Чехословакию. Они составляют 64 % населения ЧССР, по оценке на 1986 г. их проживало в ЧССР 9,9 млн. чел. Чехи живут также в соседних с Чехословакией странах

(в том числе в СССР, по данным переписи 1979 г., проживало 17 тыс. чехов, из которых 33% считали чешский язык своим родным), а также в США (0,5 млн. чел.) и Канаде.

Древнейшим славянским государственным образованием, засвидетельствованным в истории, было раннефеодальное государство, во главе которого стоял князь Са́мо; в состав этого государства (623—658) входили чехи, моравы, а также словенцы и серболужичане. Государство Само противостояло господству пришедших в VI в. на Дунай, Тиссу, в Паннонию авар (в славянских летописях — обри), а в какой-то мере и франков. Сведения о Само противоречивы, неясно его славянское, франкское или кельтское происхождение, но известно, что славяне выбрали его своим «королем», каковым он и пробыл в течение 35 лет. Но, как и другие раннефеодальные государства, княжество Само было непрочным и после его смерти распалось.

В IX в. на территории нынешней Чехословакии возникает Великоморавская держава, включившая в себя, кроме Моравии (центральная часть ЧССР), в период наибольшего ее расцвета также земли чехов, словаков, серболужичан, а отчасти и предков поляков и хорватов. Моравское государство было первоначально зависимым от франков, но князь Ростислав (846—870) пытался освободиться от франкского (немецкого) господства. С этой целью он обратился к императору Византии с просьбой прислать христианских миссионеров, которые бы осуществляли свою деятельность на славянском языке, понятном населению Моравии.

Такими миссионерами в 863 г. и стали создатели славянской письменности Константин (Кирилл) и Мефодий. Именно в Великой Моравии протекает значительная часть их переводческой и проповеднической деятельности. Племянник Ростислава Святополк в 870 г. выдал Ростислава франкам, но и он пытался иметь независимую от немцев моравскую церковь во главе с Мефодием как архиепископом Паннонии и Моравии. Однако после смерти Мефодия (885) Святополк, склонившийся к латинским церковникам, изгнал учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии. Между наследниками Святополка началась междуусобная борьба, и в начале X в., воспользовавшись этим, венгры

полностью подчинили себе моравских феодалов. Великоморавская держава перестала существовать.

В X в. небольшие чешские княжества объединяются и складывается чешская народность. Центром становится Прага, стоявшая на перепутье больших торговых дорог между Западом и Востоком, Севером и Югом. Чехия входит в состав образованной в 962 г. Священной Римской империи Германской нации. В середине XII в. чешский князь получает от германского императора королевскую корону. В XIII в. Чехия была мощным государством, некоторое время она подчиняла себе Австрию, Польшу, сопротивлялась монголо-татарским набегам. В это время происходит и развитие чешской культуры.

Хотя старославянская письменность и получила в свое время распространение в Моравии, в дальнейшем она была вытеснена из обихода латинской. Чешские слова попадались лишь в качестве толкований к латинским. Но с конца XIII в. до нас уже доходят произведения чешской письменности, самые старые из них — это духовные песни (Островская, Кунгутина). К XIV в. относится чешская Александрия — средневековое предание об Александре Македонском, а также оригинальная Далимилова хроника и философские сочинения Томаша (Фомы) Штитного. В 1348 г. был открыт Пражский университет, важный центр культуры. В то же время происходила немецкая колонизация: не только феодалы, но и немецкое городское население проникали в Чехию, причем богатые немецкие горожане (патриции) захватывали ведущее положение в городской администрации, в судах, торговле. Усиливались присущие феодализму противоречия: увеличивались налоги, происходило обезземеливание части крестьян, в городах расширялся плебс, состоявший из разорившихся мастеров, «вечных» подмастерьев, поденщиков, подсобных рабочих, угнетаемых патрициями и церковью; обострялись противоречия между феодалами немцами и чехами, рыцарями и церковью.

В этих условиях выходец из простой крестьянской семьи, достигший звания магистра, декана, а потом и ректора Пражского университета, проповедник Ян Гус выдвинул свое демократическое учение, облеченное в религиозную форму борьбы с католическим духовенством и папским господством. Ян Гус стал, по определению К. Маркса, защитником национальных и народных прав.

Гус обличал развращенность клира, осуждал богатство церкви, выступал против немецкого засилья. Проповеди Гуса выражали чаяния широких народных масс; поддержавшие его вначале представители господствующего класса Чехии, разобравшись в его демократизме, стали давать отпор учению Гуса. В 1410 г. Гус был отлучен от церкви, вскоре вынужден был покинуть Прагу и продолжал свою деятельность в Южной Чехии. Гус был вызван на церковный собор в Констанце, где он надеялся защитить открыто свое учение. Попытки католической церкви склонить Гуса к отречению от его учения потерпели неудачу, и, несмотря на охранную грамоту императора, собор осудил Гуса и он был 6 июля 1415 г. сожжен на костре. Гибель Гуса вызвала возмущение чешского народа, вылившееся в гуситское революционное движение — крестьянскую войну против католической церкви и немецкого феодализма. Эта война длилась около двадцати лет и закончилась примирением менее радикальных участников движения с церковью и феодалами. В 1437 г. пала последняя крепость гуситов.

Ян Гус был не только идеологом ранней Реформации и крестьянского движения, но и защитником национальных свобод чешского народа. В переводе Библии и особенно в своих проповедях он создал образцы простой народной речи. «Я писал так, как обычно говорю»,— с основанием утверждал Гус. Он освобождал литературный язык от архаических и иноязычных элементов. Гус создал трактат «О чешской орфографии», в котором изложил основы чешской графики и орфографии с применением диакритик (надстрочных знаков), в принципе сохраняющиеся до сих пор.

Перед лицом турецкой опасности с Балкан господствующий класс Чехии согласился передать в 1526 г. чешский престол представителю австрийской династии Габсбургов, сохраняя, однако, права за чешским сеймом. В противовес деятелям гуманизма эпохи Возрождения, переоценивавшим в ту пору роль латыни, в развитии чешской культуры в XVI в. видное место принадлежало общине «чешских братьев», первоначально стремившейся к смирению, равенству и аскетизму, но потом ставшей уделять внимание развитию образования и сохранению национального духа, что в условиях возраставшей германизации было весьма существенно. Под руководством одного из «братьев» Яна Благослава был заново осуществлен с древнееврейского и с греческого перевод Библии (шеститомная Кралицкая библия); Ян Благослав подготовил также чешскую грамматику. В этот период чешский язык значительно обогатился как за счет собственных ресурсов, так и путем использования иноязычных — германских и романских — элементов и отчасти приспособления латинских синтаксических конструкций. К концу XVI в. уже сложились основные особенности в фонетической и грамматической структуре чешского языка. Однако у Белой Горы под Прагой в 1620 г. австрийцы нанесли чешским повстанцам, пытавшимся отстоять права чешского народа, жестокое поражение. В течение последующих двух веков чешская литература и культура находились под гнетом Габсбургов. Закрывались школы, не могла издаваться чешская литература, немецкий язык был провозглашен государственным языком. Лишь в начале XIX в. начинается возрождение чешской культуры и чешского языка.

Один из патриархов славяноведения Йосеф Добровский в 1809—1819 гг. издает (по-немецки!) подробную чешскую грамматику, ориентируясь при этом не на живую речь народа того периода, а на язык Кралицкой библии. Это обусловило в дальнейшем значительный разрыв между нормами литературного языка и народно-разговорной речи, характерный для чешского языка. Лишь в середине XIX в. разговорный язык начинает проникать в сферу общественной жизни. Другой деятель чешского возрождения Йосеф Юнгманн начал с того, что в 1800 г. на свой страх и риск без дополнительной оплаты стал вести в Литомержицкой гимназии, где он работал, курс чешского языка. В 30-х гг. Юнгманн осуществил дело, которым обеспечил себе прочное место в истории чешской культуры: он издал свой знаменитый пятитомный чешско-немецкий словарь. Юнгманн считал, что для обогащения словаря родного языка следует привлекать самые различные источники — местные диалекты и письменные памятники, родственные языки и кальки с других языков. Этим обусловлена пестрота лексического состава Юнгманнова словаря, который, однако, был важным фактом в истории чешского языка и чешской лингвистики.

Чешское возрождение выдвинуло ряд крупных деятелей, проявлявших интерес к фольклору, к старинным па-

мятникам письменности. Можно назвать ученого-фольклориста и поэта Ф. Челаковского, поэта-романтика К. Маху. В. Ганка и Й. Линда опубликовали в 1817—1818 гг. так называемые Краледворскую и Зеленогорскую рукописи, представляющие собой имитации древнеславянских поэтических сказаний. Довольно долго шли споры о подложности этих произведений, что само по себе показывает определенный талант их создателей, воодушевленных идеями славянского романтизма, но, к сожалению, вставших на путь мистификации. Во второй половине XIX в. все чаще в литературу проникают элементы разговорной речи села и города. Это характерно для произведений Б. Немцовой, Я. Неруды, И. К. Тыла. Позже эту линию продолжили чешские писатели А. Ирасек, М. Майерова, С. К. Нейман, К. Чапек, Я. Гашек.

Развал Австро-Венгерской империи привел к созданию в 1918 г. буржуазной Чехословацкой республики. Гитлеровцы еще в 1938 г., сговорившись с реакционными правителями Англии и Франции, присоединили Чехию на правах «протектората» к своему рейху (значительная часть чешских земель при этом была полностью присоединена к Германии, а чешское население с этих территорий было выселено). Лучшие представители чехословацкого народа оказали фашизму сопротивление. В ответ была стерта с лица земли деревня Лидице, были казнены захваченные гитлеровцами борцы за свободу народа; в застенках погиб, написав свое знаменитое завещание «Слово перед казнью», замечательный публицист-коммунист Ю. Фучик. После освобождения Чехословакии в 1945 г. Советской Армией (в освобождении приняли участие словацкие партизаны и чешские патриоты) возникли все условия для дальнейшего развития и процветания чешской культуры.

В послевоенной Чехословакии (с 1960 г.— Чехословацкая Социалистическая республика, ЧССР) изучение чешского языка было всесторонне продолжено. В 1957 г. было завершено издание восьмитомного (в девяти книгах) большого словаря современного чешского языка; в 1958—1971 гг. издан четырехтомный словарь чешского литературного языка. В этот же период переизданы труды крупнейших чешских языковедов конца прошлого — начала нашего века историков языка Я. Гебауэра, Й. Зубатого, а также вышли работы видных современных специалистов по современному чешскому языку Ф. Травничека, Б. Гавранека, по этимологии В. Махека, Ф. Копечного, по славистике Й. Курца, К. Горалека, Я. Бауэра и многие другие замечательные исследования чешских лингвистов. В этих исследованиях так или иначе отразились лучшие стороны теоретических поисков Пражского лингвистического кружка, существовавшего в 30-х гг. и оказавшего большое влияние на развитие мировой науки о языке.

В развитии чешского литературного языка на всех этапах играла важную роль речь населения центральночешских областей и города Праги в ее разнообразии, и вместе с тем нельзя утверждать, что он образовался на основе одного только диалекта. Обращение «будителей» в период чешского возрождения к языковым образцам добелогорского периода привело к определенной архаизации норм литературного языка. Главное же различие между обиходно-разговорной и книжно-литературной речью было в функциональных особенностях чешского литературного языка, который на первых этапах возрождения оставался языком книжным. Дальнейшее привнесение в литературный язык элементов значительно отличающегося от него обиходно-разговорного языка протекало в условиях противоречивого к ним отношения со стороны различных кругов общества. Народно-разговорная (обиходно-разговорная) речь, по сути дела, представляет собой устную разновидность литературного языка, но в чешских условиях это осложнено значительными различиями разговорной и литературной речи, а потому можно говорить о специфическом именно для чешского языка, не похожем на другие славянские языки, соотношении литературного языка и народно-разговорной междиалектной речи (интердиалектов). Дело усложняется еще и тем, что наряду с народно-разговорной чешской (собственно чешской) речью существуют еще среднеморавский, восточноморавский и силезский интердиалекты; пользуясь в письме и в официальных выступлениях литературным языком, в неформальном разговоре многие обращаются к чешской (общечешской) народно-разговорной речи. Диалектная же речь в современных условиях постепенно утрачивает свое значение единственного средства общения на тех территориях, где она ранее выступала в качестве такового.

Как и другие западнославянские письменности, дошедшая до нас с XIII в. чешская письменность построена на латинской основе с добавлением ряда букв с надстрочными знаками. Буквы *a, e, i, o, u* комментариев не требуют; буква *y* (ипсилон) обозначает тот же звук, что и *i* на месте этимологического *ы*; эти буквы могут иметь знак долготы: *á, é* и т. д. Буква *ě* передает мягкость предшествующих этой букве переднеязычных *n, d, t* или наличие *j* после губных *m, p, b, v, f* (т. е. *mě* произносится как *mje*). Долгое *u* на месте старого *o* или сочетаний с ним записывается как *ů*. Буквы для согласных *b, f, k, m, p, r, s* комментариев не требуют. Звуки *n, d, t* произносятся мягко перед *ě* и *i* (перед *e, y*, а также *a, o, u* — твердо); мягкость в других случаях обозначается диакритически: *ň, d', t'*. Буквы *c, z, j* передают звуки типа рус. *ц, з, й*; буква *h* — проточный *г* (примерно как в южновеликорусских диалектах, белорусском и украинском языке); встречающаяся в основном в заимствованных словах буква *g* — смычный *г* (как в русском литературном языке). Звук типа рус. *х* передается буквосочетанием *ch*, которое имеет свое место в алфавите (после *h*), а следовательно, слова, начинающиеся на это сочетание, в словарях нужно искать не на *c*, а на *ch*. В буквах *š, ž, č* гачек указывает на их шипящий характер; *š, ž* мягче русских *ш, ж*, а *č* немного тверже русского *ч*. Чешское *l* мягче русского *л*, но тверже *ль*. Буква *ř* передает слитный звук типа *ржь* или (после глухих согласных) *ршь*, этот звук появился на месте старого *r*. Буквы *w, x, q* встречаются лишь в иностранных собственных именах.

Принадлежащий к южной подгруппе западнославянских языков чешский язык характеризуется следующими чертами: 1) различаются долгие и краткие гласные; 2) носовые деназализировались: *ǫ* перешло в *u*, а *ę* — в *a* (они потом в зависимости от условий изменялись, в частности в *i*); 3) сохранились слоговые плавные, например: *vlk* 'волк', *smrt* 'смерть'; 4) после мягких *u* перешло в *i* (*cizí* 'чужой', *lid* 'народ' — ср. *люди*); 5) сочетания **tort*, **tolt* превратились в *trat, tlat: brada* 'борода', *hlava* 'голова'; 6) сочетание **dj* дало *z: mezi* 'между'; 7) общеславянский звонкий заднеязычный выступает в виде проточного (как в украинском, белорусском, южновеликорусском, верхнелужицком): *noha* 'нога', *hora* 'гора'; 8) *u* (в том числе и из *ǫ*) в некоторых случаях превращается в *ou: doubek* 'дубок'; 9) редуцированные *ъ, ь* превратились в *e: sen, den*; 10) ударение на первом слоге слова.

В чешском языке, как и в других европейских языках, немало заимствованных элементов латинского происхождения, а также слов, пришедших из немецкого. Большей частью эти слова уже давно подчинены фонетическим и грамматическим закономерностям чешского языка. В некоторых случаях заимствования заменялись кальками — дословными переводами (*divadlo* 'театр', *zdravotník* 'фельдшер' и т. п.).

Чешские наречия делят обычно на следующие группы: собственно чешские (среднечешские, восточночешские, южночешские и западночешские), моравские (ганацкие) наречия (центром Моравии является Брно) и ляшские наречия на стыке моравских, словацких и польских наречий. Среди множества диалектных черт можно отметить следующие: а) переход долгого *í* в дифтонги (среднечешские и восточные говоры) или сохранение долгот (юго-западные) при утрате их в моравских и ляшских говорах; б) утрата слоговых плавных происходит в разной степени и не во всех говорах (ляшские, восточночешские); в) переход *ъ* в неслоговое *u̯* (*prau̯da* 'правда') в восточночешских говорах. Этим, разумеется, далеко не исчерпываются характерные особенности чешских говоров.

Литература

Травничек Ф. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950.
Широкова А. Г. Очерк грамматики чешского языка. М., 1952.
Широкова А. Г. Чешский язык. М., 1961.
Иващина Н. В., Плотников Б. А. Чешский язык. Минск, 1985.
Havránek B., Jedlička A. Česká mluvnice. Praha, 1970.
Gebauer J. Historická mluvnice jazyka českého. Praha, 1958—1963. D. 1, 3.1, 3.2; Praha, 1929. D. 4.
Bělič J. Nástin české dialektologie. Praha, 1972.
Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1960—1971. T. 1—4.
Příruční slovník jazyka českého. Praha, 1935—1957. T. 1—8.
Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.
Gebauer J. Slovník staročeský. Praha, 1970. T. 1—2 (A — N).
Staročeský slovník. Praha, 1968. T. 1. [Издание продолжается.]
Velký rusko-český slovník. Praha, 1952—1964. T. 1—6.
Чешско-русский словарь: В 2 т. М.; Прага, 1973.
История Чехословакии: В 3 т. М., 1956—1960.
Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв. М., 1963.
Dějiny české literatury. Praha, 1959 .. Sv. 1. [Издание продолжается.]

1.5.5. Словацкий язык

Словаки (самоназвание — slovák, но язык — slovenský) — основное население меньшей из двух республик, входящих в Чехословацкую Федерацию. Словаки составляют 31 % населения ЧССР, 90 % населения Словакии (ССР), т. е., по оценке 1986 г.,—4811 тыс. чел. Около 1 млн. словаков живет за рубежами ЧССР: в США (свыше 500 тыс.), Югославии (80 тыс.), Венгрии (60 тыс.), Канаде, Румынии, Польше. В СССР, по переписи 1979 г., было около 9 тыс. словаков, из которых 40 % считали словацкий язык своим родным языком.

На начальном этапе, в древних государствах Само и Моравии, словаки жили вместе с чехами. Но в XI в. Словакия была включена в Венгерское королевство. Мелкофеодальный тип хозяйства в Венгрии сдерживал консолидацию (сплочение) словаков в народность. В XVI—XVII вв. Южная Словакия попала под власть турок, в Османскую империю. Остальная часть Словакии была включена в состав многонациональной империи Габсбургов. До Словакии доходили еще раньше отголоски национально-освободительного гуситского движения, и здесь происходили крестьянские восстания, но они не принесли словакам решительных изменений.

В качестве письменного языка в Словакии используется с XIV в. чешский язык. В него попадают, однако, в большем или меньшем количестве словацкие элементы. Отдельные источники XVI—XVII вв. имеют даже преобладание словацких языковых черт. Таковы, например, «Стригомские ритуалы» (1625), почтовые книги суда в Боце (1588—1602). Однако в XVIII в. с развитием капиталистических отношений у словаков усиливается национальное движение и пробуждение более осознанного и четкого стремления к созданию своего собственного литературного языка. Важную роль в развитии словацкого литературного языка в конце XVIII в. сыграл Антон Бернолак, воодушевленный идеями просвещения языковед, создавший (полатыни) обоснование словацкой орфографии, словацкую грамматику, а также шеститомный «Словацкий чешско-латино-немецко-венгерский словарь» (опубликованный посмертно в 1825—1827 гг.). Однако реформа Бернолака не оказалась приемлемой и была забыта отчасти из-за религиозных противоречий и событий (протестанты на востоке

Словакии не принимали язык Бернолака, ориентированный в определенной мере на продолжение антиреформационных попыток создания словацкого языка в Трнавском иезуитском университете на западе Словакии, а Трнава утратила свое значение культурного центра). Не была принята и восточнословацкая кальвинистская попытка выработки словацкого письменного языка (Малый катехизис, 1750 г.).

В начале XIX в. Ян Коллар, высказывавший мысли о целесообразности выработки единого литературного чехословацкого языка, П. Й. Шафарик, один из крупнейших славистов своего времени, и Я. Б. Благослав издали сборник словацких народных песен. Но подлинное возрождение словацкой литературы наступило в связи с деятельностью Л. Штура, поэта-романтика и идеолога национально-освободительного движения. Л. Штуром была заложена основа литературного языка, а в 1851 г. была достигнута договоренность о единстве орфографии по предложениям М. Годжи, на фундаменте которых М. Гаттала в 1852 г. опубликовал свою «Краткую словацкую грамматику», а затем и ряд других грамматик. Этим завершился процесс выработки особого литературного языка у словаков, естественный, поскольку чехи и словаки оказались в различных политических и иных условиях, и важный для развития национально-освободительного сознания и движения словацкого народа. В конце XIX — начале XX в. словацкий литературный язык находит свое воплощение в произведениях ряда крупных писателей-реалистов — Я. Краля, М. Кукучина и др.

После краха империи Габсбургов Словакия становится частью буржуазной Чехословацкой республики. Когда в результате мюнхенского сговора в 1938 г. Чехословакия была оккупирована гитлеровцами, словацкие фашисты получили от Гитлера как плату за предательство марионеточное Словацкое «государство». Под руководством Коммунистической партии демократические и прогрессивные силы в Словакии принимали участие в сопротивлении фашизму; высшим проявлением сопротивления стало Словацкое национальное восстание осенью 1944 г.

В период послевоенного развития народно-демократической и социалистической Чехословакии осуществлено равноправие словаков и чехов в их федеративном государстве, что способствовало всестороннему росту культуры в Словакии. Развивается словацкая литература, в качестве

видных ее представителей можно назвать поэтов Л. Новомеского, А. Плавку, писателя В. Минача, драматурга О. Заградника и др. Создана Словацкая Академия наук, в составе которой работает Институт словацкого языка. В университетах и школах преподавание осуществляется по-словацки, изучается словацкий язык, литература, история. Видными современными словацкими языковедами являются Я. Станислав, Й. Ружичка, Э. Паулини, Я. Горецкий, Ш. Пециар, Ш. Ондруш, Й. Мистрик, В. Бланар и др.

Построенный на базе среднесловацких говоров словацкий литературный язык пользуется графикой на латинской основе с добавлением некоторых дополнительных знаков, отчасти совпадающих с соответствующими чешскими, а отчасти особых. Для гласных используются, кроме букв *a, e, i, o, u, y*, также буква *ä* (переднее *a* или очень открытое *э*, например, *pamät* 'память'); *ô* (дифтонг *uo*, например, *stôl* 'стол'); как и в чешском, знак ′ используется для обозначения долготы гласных, например *a*. В словацком имеются дифтонги *ia, ie, iu* (слогообразующим является их второй элемент): *vziať* 'взять', *viera* 'вера'. Недиакритические обозначения согласных имеют примерно то же значение, что и соответствующие чешские буквы *b, c, d, f, g, h, j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, z*. Шипящие обозначаются с гачком: *č, š, ž*. Сочетание *ch* передает звук *x; dz, dž* — звонкие аффрикаты *дз, дж*. Мягкие согласные *ň, ť, ď* обозначаются, как и в чешском; без дополнительного знака смягчения *n, d, t* звучат мягко перед *i* и *e*; мягкое *ль* передается знаком *ľ* в отличие от среднего *l*. Буквы *q, w, x* используются практически лишь в иностранных собственных именах. В словацком есть буквы *ä, ô, ľ*, отсутствующие в чешском, но нет чешских букв *ů, ŕ*.

Принадлежащий, как и чешский язык, к южной подгруппе западнославянских языков, словацкий язык обладает рядом специфических языковых свойств: 1) ударение в литературном словацком языке на первом слоге; 2) сохранились (хотя и меньше, чем в чешском) долгие гласные, иногда представленные дифтонгами; 3) имеются слоговые согласные *(vrba, vlk)*; 4) на месте *ѓ*, как и в чешском, проточный *h*: *hora*; 5) сочетания *tort, tolt* дают *trat, tlat*: *vrana, hlava*; 6) на месте носового *o* — *u*, а на месте *ę* — *ä/ia*: *dub* 'дуб', *mäso* 'мясо'; 7) на месте *ъ* в сильном положении иногда *a* (*ь* дал *e*): *dažď* 'дождь',

mach 'мох', но *sen* 'сон'; 8) нет чередования *k* — *c*, *h* — *z* в склонении: *ruka* — *ruke* (ср. рус. *рука* — *руке*, но чешск.: *ruka* — *ruce*).

Выделяют три группы словацких говоров: восточную, среднюю и западную. В восточнословацкой утрачены долгие гласные; ударение на предпоследнем слоге. В западнословацкой на месте *ъ* выступает *e*: *mech* 'мох'. Для среднесловацких говоров характерно произнесение *v* после гласных как неслогового *u̯*. Имеются, конечно, и многие другие особенности, а также более дробные диалектные группы и отдельные говоры.

Литература

Паулини Э. Краткая грамматика словацкого языка. М., 1982.
Pauliny E., Ružička J., Štolc J. Slovenská gramatika. Bratislava, 1968.
Stanislav J. Dejiny slovenského jazyka. Bratislava, 1967—1973. T. 1—5.
Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. Bratislava, 1948.
Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959—1968. T. 1—6.
Slovník rusko-slovensky. Bratislava, 1952.
Словацко-русский словарь / Д. Коллар, В. Доротьякова, М. Филкусова, Е. Васильева. М.; Братислава, 1976.
История Чехословакии: В 3 т. М., 1956—1960.
История словацкой литературы. М., 1970.

1.5.6. Полабский язык

Носители полабского языка, потомки славянских племен древян, живших на левом, западном берегу реки Лабы (нем. Эльба), пользовались своим языком вплоть до начала XVIII в. Единственный известный нам грамотный полабянин крестьянин из села Зютен у г. Люхов (на северо-востоке нынешней земли Нижняя Саксония в ФРГ, а в то время в Люнебургском княжестве) — Ян Парум Шульце (1677—1740), когда ему исполнилось сорок, стал вести летопись своей крестьянской жизни. Способный самоучка записывал в пестром порядке события из своего житья-бытья, подчас доходившие до него отголоски событий более крупного масштаба, сведения о погоде и о делах давно прошедших лет, библейские цитаты и собственные рассуждения. «Я решил,— пишет он между прочим в своей хронике, написанной по-немецки,— в этом, 1725 году записать вендский (то есть славянский, полабский.— *А. С.*)

язык для потомства, потому что на этом языке трудно говорить, а также трудно писать. У меня есть датская книга, и там многие слова состоят из тех же букв, как в немецких книгах, а тут вместо *Brodt* (нем. *Brot* 'хлеб'.— *А. С.*) я говорю *Stjeyb* или *Pferd* (нем. 'конь') — *Tjühn*. Тогда надо объяснять, как называть (произносить) звуки. Мой дед в свое время много говорил по-вендски, и мой отец, он тоже превосходно знал вендский язык, и оба также хорошо по-немецки говорили. Некоторые люди из стариков говорили наполовину по-вендски, наполовину по-немецки... получается, что слово, которое должно быть позади, выходит вперед, а переднее оказывается позади. У нас вот нынче такая бабушка. Мне 47 лет. Когда я и еще три человека в нашем селе умрут, вероятно, уже никто не будет знать, как по-вендски называлась собака...» И вот Ян Парум Шульце записывает две-три сотни слов, а также ряд отдельных фраз по-полабски, используя средства немецкой графики и орфографии, которую крестьянин-самоучка не очень-то хорошо знал. Но Шульце был прав: в 1756 г. в церковных книгах была действительно отмечена смерть последней женщины, которая еще хорошо говорила по-полабски. Шульце донес до нас не только, как называлась собака по-полабски (у него записано: *pijahss*, что теперь транскрибируют как *pâs* и что соответствует нашему *пёс*), но и стремление носителя языка как-то закрепить его. Правда, стремление это пришло слишком поздно, когда уже по-полабски могло говорить считанное число лиц.

Сведения о полабском языке дошли до нас не только от Шульце. Километрах в пяти от Люхова на берегу той же речки Етце в Вустрове пастор Христиан Хенниг (1649—1719) к тому времени уже составил довольно большой (около трех тысяч слов) немецко-полабский словарь, записал полабскую свадебную песню (с нотами) и зафиксировал по-полабски текст молитвы «Отче наш». Х. Хенниг родом был из городка Ессен недалеко от Виттенберга (ныне на западе округа Коттбус в ГДР) и, возможно, еще с детских лет сталкивался со славянской речью, что и вызвало позже интерес к «вымиравшему» языку. Хенниг знал некоторые ранние серболужицкие издания, но идти по пути серболужицких книг и создавать полабскую орфографию было уже не для кого. Приступив к должности, вустровский пастор стал записывать местные слова и обычаи, но записи его сгорели на пожаре

в 1691 г. Тогда при помощи кленовского крестьянина Янишге Хенниг приступает к работе вновь и составляет большой словарь языка полабских древян. К 1705 г. собирательская работа была завершена, но Хенниг еще несколько лет обрабатывал свой словарь. Написания полабских слов у Хеннига гораздо последовательнее, чем у Шульце (это, кстати, и другой полабский говор), материалы его более богаты словарными данными. Это главнейший источник сведений по полабскому языку, который дошел до нас. Сохранилось еще несколько небольших словариков, включающих по нескольку десятков или сотен полабских слов. Следует отметить, что один из них был составлен по заказу крупнейшего немецкого ученого Г. В. Лейбница еще в 1691 г. Часть слов, попавших в словарики Пфеффингера, Митхофа, Бокёра и др., повторяется и у Хеннига. Сохранились и другие варианты записей «Отче наш» (что свидетельствует о том, что на рубеже XVII—XVIII вв., когда производились записи, единого полабского текста этой основной христианской молитвы в обиходе не было), записи еще двух коротких молитв.

Указанные словарные записи и небольшое число текстов и составляют весь корпус фактов, на основании которых можно судить о том языке, который получил в науке название полабского языка. Самоназвание полабян до нас не дошло: в последний этап существования носители полабского языка уже не воспринимали себя как некоторый национальный коллектив, а потому и не имели самоназвания.

Задолго до того, как в «Люнебургской Вендландии» производились записи реликтовых славянских говоров, в IX в. стало складываться раннефеодальное государство у полабских славян. Оно просуществовало недолго: немецкие феодалы во главе с королями Генрихом I и Оттоном I стали завоевывать земли полабских славян. Однако в середине X в. племена бодричей (ободритов) и лютичей восстали, а в конце X — начале XI в. сумели освободиться от власти немецких феодалов. Немецкое завоевание протекало параллельно с христианизацией полабских славян, которые соорудили в своем городе Аркона на острове Руяне (нем. Рюген) квадратный языческий храм с деревянными скульптурами богов. Князь бодричей Готшлак пытался распространять христианство на своем языке. Но в начале XII в. государство полабских славян

распалось на отдельные феодальные княжества. В 1147 г. во время Второго крестового похода против полабских славян было брошено двухсоттысячное войско крестоносцев. Полабянам в тот раз удалось отстоять свою независимость, но отсутствие у них единства привело к тому, что к концу XII в. немецкие феодалы на материке, а бывшие до того в союзе с полабянами датчане на острове Руяне завоевали полабские земли, сдерживавшие немецкие силы в их экспансии на Восток. Начался длительный и тяжелый процесс германизации полабских земель. Временами славянская речь запрещалась, а иногда какому-нибудь князю вдруг начинало казаться почетным владеть разноязычным населением, и славянская речь вновь освобождалась от запрета. В целом, однако, полабский язык постепенно вытеснялся немецким.

Болотистая пойма реки Етце благодаря своим не очень удобным землям в течение некоторого времени меньше, чем другие территории, колонизировалась немцами, а потому оказалась благоприятной почвой для сохранения славянского языка в то время, когда на других землях он оказался уже вытесненным. Играло роль и то, что здесь, в сотне километров на юго-восток от Гамбурга, не проходило крупных торговых путей. В околицах Люхова и Вустрова в конце XVII в. по-славянски разговаривали еще многие из старшего поколения, хотя молодежь и стеснялась своего языка. Славяне, жившие раньше на гораздо более обширной территории, оставили след о себе не только в немецких хрониках, не только в виде славянских личных имен, но и в виде отдельных славянских элементов в немецких диалектах. Так, к примеру, в немецких говорах сохранились славянские названия черники *(Zerneitsche)*, лесной малины *(Molaine)*, мха *(Moch)*. На территории Германии сохранилось также немало топонимов — местных названий славянского происхождения; так, славянского происхождения даже названия таких крупных населенных пунктов, как Росток (от слав. *Ростока*), Лейпциг (от слав. *Липск*, ср. *Липецк*), Любек (от слав. племенного названия *любичи*). Однако свести воедино сведения по собственным личным именам, по топонимике, по славянским следам в немецких диалектах и по полабским памятникам невозможно: эти сведения принадлежат различным племенам с их особенными диалектами, относятся к различным историческим периодам и дошли до нас в различной степени

немецкой обработки. Поэтому обычно, говоря о языке полабских славян (древян), имеют в виду те дошедшие до нас от конца XVII — начала XVIII в. записи полабских слов и отдельных текстов, о которых было сказано.

Уже в XVIII в. были опубликованы некоторые небольшие полабские словарики. Однако главный источник по полабскому языку — словарь Хеннига — долгое время оставался в рукописи. На основании почти всех сохранившихся полабских источников в начале XIX в. завершил подготовку сводного полабско-немецкого словаря ганноверский медик и физикус Й. Г. Юглер, но и этому словарю с изданием не повезло. Пользуясь его рукописью, один из крупнейших языковедов прошлого века Август Шлейхер подготовил первую грамматику полабского языка, изданную после его смерти Петербургской Академией наук (1871). Шлейхер настолько вошел в изучавшийся им полабский материал, что одно из своих писем 60-х гг. начал по-полабски (кстати, видный современный исследователь полабского языка Рейнгольд Олеш прочитал свой доклад о полабском ударении на Варшавском Международном конгрессе славистов в 1973 г. по-полабски). Изучением полабских источников в XIX в. занимались русский ученый А. Ф. Гильфердинг, потом серболужичанин А. Мука. В 1907 г. был издан свод полабских источников, подготовленный П. Ростом. Крупный вклад в изучение полабского языка внес Н. С. Трубецкой. А видный польский славист Т. Лер-Сплавинский издал основательную полабскую грамматику (1929) и начал составление полабского этимологического словаря. Этот словарь успешно продолжает ученик Лера-Сплавинского К. Полянский, принявший также участие в составлении полабско-английского словаря (1967). Между тем возникла необходимость фундаментального издания полабских источников; за решение этой задачи взялся Р. Олеш, осуществивший фототипическое издание одной из рукописей словаря Хеннига, издание словаря Юглера, а также остальных «малых» полабских источников, в числе которых записи Яна Парум Шульце; Олеш издал также полную полабскую библиографию. Им выпущен в четырех томах капитальный словарь-тезаурус полабского языка, в котором записаны все полабские слова и формы с вариантами и этимологическими справками.

Из сказанного ясно, что настоящей полабской письменности не существовало. Составители полабских слова-

рей пользовались более или менее последовательно средствами немецкой графики и орфографии, не всегда приспособленной для передачи звуковой системы полабского языка. В связи с этим предпринимались попытки создания научной транскрипции для полабского языка. Наиболее распространенной является транскрипция, используемая с некоторыми вариантами в грамматиках и словарях Т. Лера-Сплавинского, К. Полянского, Р. Олеша. Она построена, естественно, на латинской основе. Буквы *a, e, o, u* и *i* комментариев не требуют; *å* обозначает лабиализованный открытый звук; *ė* — закрытое *e*; *ǫ* и *ą* — носовые гласные (первый из них закрытый); *ö* и *ü* — передние лабиализованные гласные типа соответствующих немецких; *ă* (у Лера-Сплавинского ə) и *ĕ* — редуцированные (краткие) гласные; *ai, åi, oi, au, åu* — дифтонги. Согласные *p, b, m, f, t, d, n, s, k, r, l* пояснений не требуют; *v* означает звук *в*, *z* — *з*, *c* — *ц*, *j* — *й*, *x* — *х*, *g* — *г*, *ʒ* — *дз*. Мягкость обозначается так: *t', d', l', s, z, c* и т. п.

Полабский язык характеризуется рядом специфических явлений, важнейшие из которых таковы: 1) сохранение носовых гласных: *ǫ* из праслав. **ǫ* и *ą* из праслав. **ę*; 2) узкие гласные **i, *y, *u* превратились в полабском в дифтонги (например, *laizĕ* 'лижет', *dåim* 'дым', *draug* 'другой'); 3) *o* превратилось в *ö* или *ü*: *büb* 'боб', *kåtü* 'кто'; 4) согласные *k, g* перед *o, u, i* превратились в *t', d'*: *d'öră* 'гора', *nüd'ai* 'ноги'; 5) старое *a* перешло в *o*: *stovă* 'ставит', *bobo* 'баба'; 6) в связи с различными процессами, связанными с соотношением долгих и кратких гласных, в полабском в некоторых случаях на месте старых редуцированных, а иногда и без них между согласными имеются гласные, в послеударной позиции гласные редуцировались; 7) в полабской грамматике произошел ряд изменений, характеризующих разрушение грамматической системы языка: утрату в отдельных случаях склонения и т. п.; вместе с тем в полабском сохранились старые прошедшие времена (аорист и имперфект), в ряде случаев сохраняются остатки двойственного числа; 8) в лексике полабского языка имелось много немецких заимствований, в том числе из средненижненемецкого языка, проникших в полабский за последние века и десятилетия его существования, например: *snider* (нем. *Schneider*) 'портной', *omar* (нем. *Hammer*) 'молот' и т. п. В диалекте, записанном Хеннигом и другими, вместо старых шипящих появились свистящие (ср. польское мазуренье), но у Шульце иногда выступают шипящие (ср. у Хеннига: *slawak*, а у Шульце *schlawack* для передачи слова *человек*). Старое сочетание **tort* за одним исключением имеет в полабском соответствие с сохранением порядка гласного и плавного (*korvo* 'корова'), а в сочетаниях **tert, *tolt* метатеза плавных произошла (ср. такие же явления в кашубском). Характер ударения в полабском, по-видимому, в отличие от других западнославянских языков, свободный.

Литература

Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.
Lehr-Spławiński T. Gramatyka połabska. Lwów, 1929.
Olesch R. Vocabularium Venedicum von Christian Hennig von Jessen. Köln; Graz, 1959; Juglers Lüneburgisch-Wendisches Wörterbuch. Köln; Graz, 1962; Fontes lingvae Dravaeno-Polabicae minores et Chronica Venedica J. P. Schultzii. Köln; Graz, 1967.
Lehr-Spławiński T., Polański K. Słownik etymologiczny języka Drzewian Połabskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. Z. 1. [Издание продолжается; с вып. 2 автор K. Polański.]
Olesch R. Thesaurus Linguae Dravaenopolabicae. Köln; Wien, 1983—1988. T. 1—4.
Polański K., Sehnert J. A. Polabian-English Dictionary. The Hague; Paris, 1967.
Olesch R. Bibliographie zum Dravänopolabischen. Köln; Graz, 1968; Fortsetzung und Nachträge: «Zeitschrift für slavische Philologie». Heidelberg, 1975. Br. 38. H. 1.

1.6. ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1.6.1. Общие сведения

К южнославянским языкам относятся: болгарский, македонский, сербскохорватский и словенский. Южнославянским по происхождению является также старославянский язык. Рассматриваемый далее как пример славянского микроязыка язык русин Югославии не относится к южнославянским языкам, хотя теперь и включает некоторые южнославянские черты, являющиеся в нем сравнительно поздними: по происхождению это язык населения смешанных украинско-словацких сел Восточной Словакии, а следовательно, оказывается как бы одновременно соотносимым со всеми тремя группами славянских языков. Исторически сложилось так, что южные славянские языки

оказались отрезанными от других славянских языков территориями, заселенными носителями неславянских языков: румынами на северо-востоке, венграми и австрийцами на севере. На западе носители южнославянских языков граничат с итальянцами, а на юге — с албанцами, греками и турками.

Южнославянские языки разделяются на две группы: восточную (болгарский и македонский) и западную (словенский и сербскохорватский); между этими группами есть и переходные говоры. Единого праюжнославянского языка на протяжении сколько-нибудь длительного времени не существовало. Заселение в начале второй половины первого тысячелетия нашей эры Балканского полуострова славянскими племенами происходило так, что славяне на Балканах сразу же оказались на большой территории, что не способствовало развитию единого языка.

Некоторые южнославянские языки имеют общие черты, возникшие в рамках балканского языкового союза. Этот союз охватывает разнородные по происхождению и первоначальному типу языки, носители которых живут на Балканском полуострове: румынский, аромунский, греческий, албанский, болгарский, македонский, а частично также сербскохорватский (юго-восточные диалекты). Общебалканские черты в разной мере присущи этим языкам, они выработались в результате сложного взаимодействия различных факторов.

Многие нынешние балканские языки являются неавтохтонными (т. е. пришедшими из других мест); так обстоит дело не только со славянскими языками, но и с румынским. Древние языки населения Балканского полуострова — иллирийский, фракийский, дакийский и другие, а затем и тюркский язык протоболгар — были вытеснены современными языками, причем, естественно, происходило активное взаимодействие между вытеснявшимися (субстратными) и вытеснявшими языками. Поскольку распространение языков субстрата (буквально — «подслоя») не совпадало с распространением современных языков, новые черты, возникавшие при взаимодействии субстрата и наслаивавшихся языков, могли быть общими для ряда языков. Кроме того, наслаивавшиеся на субстрат новые языки особенно активно взаимодействовали друг с другом, поскольку их структурная основа была уже в какой-то мере расшатана в результате взаимодействия с субстратом. Иначе говоря, нормы языка в устах овладевшего им народа, ранее говорившего на другом языке, оказывались не очень строгими и легко подвергались взаимовлиянию. В разные периоды и в разных частях Балкан воздействие других языков было различным. Надо полагать, что в первом тысячелетии н. э. значительным могло быть воздействие греческого языка Византийской империи; в течение нескольких веков турецкого ига турецкий язык не мог не оказывать влияния на языки балканских народов (прежде всего, конечно, в сфере лексики). Романский по происхождению румынский язык испытал огромное влияние славянского. Всё это языковое взаимодействие, межъязыковые контакты определили возможность выработки общих черт в языках Балканского полуострова, которые можно определить как возникновение языкового союза. Языковой союз возникал, разумеется, на основе общности исторических и экономических судеб балканских народов, которая отразилась не только в языке, но и в некоторых обычаях, культурных явлениях, например некоторой общности музыкальной традиции, устного народного творчества и т. д.

Наиболее характерными общими чертами языков балканского языкового союза являются следующие: 1) полная или частичная утрата склонения и выражение соответствующих отношений при помощи предлогов; 2) полная или частичная утрата инфинитива; 3) развитие постпозитивного артикля (члена), например в болгарском: *членът* ‘член, артикль’; 4) развитие употребления кратких форм местоимений (энклитик) типа болг. *брат ми* букв. ‘брат мне’; 5) развитие будущего времени глаголов с вспомогательным глаголом *хотеть*, например болг. *ще пиша* ‘буду писать’; 6) наличие значительного общего фонда лексики; 7) сходство в системе гласных; 8) повторное указание на объект (реприза) типа мак. *го видов него* ‘(я) видел его’.

Общие черты южнославянских языков таковы: 1) древние сочетания **gv-*, **kv-* превратились в *zv-*, *cv-*: болг. *звезда*, с-х. *цвет*, словенск. *zvizdati* ‘свистеть’; 2) сочетания **dl*, **tl* упростились в *l*: болг. *моля* ‘просить (молю)’,

оказались отрезанными от других славянских языков территориями, заселенными носителями неславянских языков: румынами на северо-востоке, венграми и австрийцами на севере. На западе носители южнославянских языков граничат с итальянцами, а на юге — с албанцами, греками и турками.

Южнославянские языки разделяются на две группы: восточную (болгарский и македонский) и западную (словенский и сербскохорватский); между этими группами есть и переходные говоры. Единого праюжнославянского языка на протяжении сколько-нибудь длительного времени не существовало. Заселение в начале второй половины первого тысячелетия нашей эры Балканского полуострова славянскими племенами происходило так, что славяне на Балканах сразу же оказались на большой территории, что не способствовало развитию единого языка.

Некоторые южнославянские языки имеют общие черты, возникшие в рамках балканского языкового союза. Этот союз охватывает разнородные по происхождению и первоначальному типу языки, носители которых живут на Балканском полуострове: румынский, аромунский, греческий, албанский, болгарский, македонский, а частично также сербскохорватский (юго-восточные диалекты). Общебалканские черты в разной мере присущи этим языкам, они выработались в результате сложного взаимодействия различных факторов.

Многие нынешние балканские языки являются неавтохтонными (т. е. пришедшими из других мест); так обстоит дело не только со славянскими языками, но и с румынским. Древние языки населения Балканского полуострова — иллирийский, фракийский, дакийский и другие, а затем и тюркский язык протоболгар — были вытеснены современными языками, причем, естественно, происходило активное взаимодействие между вытеснявшимися (субстратными) и вытеснявшими языками. Поскольку распространение языков субстрата (буквально — «подслоя») не совпадало с распространением современных языков, новые черты, возникавшие при взаимодействии субстрата и наслаивавшихся языков, могли быть общими для ряда языков. Кроме того, наслаивавшиеся на субстрат новые языки особенно активно взаимодействовали друг с другом, поскольку их структурная основа была уже в какой-то мере расшатана в результате взаимодействия с субстратом. Иначе говоря, нормы языка в устах овладевшего им народа, ранее говорившего на другом языке, оказывались не очень строгими и легко подвергались взаимовлиянию. В разные периоды и в разных частях Балкан воздействие других языков было различным. Надо полагать, что в первом тысячелетии н. э. значительным могло быть воздействие греческого языка Византийской империи; в течение нескольких веков турецкого ига турецкий язык не мог не оказывать влияния на языки балканских народов (прежде всего, конечно, в сфере лексики). Романский по происхождению румынский язык испытал огромное влияние славянского. Всё это языковое взаимодействие, межъязыковые контакты определили возможность выработки общих черт в языках Балканского полуострова, которые можно определить как возникновение языкового союза. Языковой союз возникал, разумеется, на основе общности исторических и экономических судеб балканских народов, которая отразилась не только в языке, но и в некоторых обычаях, культурных явлениях, например некоторой общности музыкальной традиции, устного народного творчества и т. д.

Наиболее характерными общими чертами языков балканского языкового союза являются следующие: 1) полная или частичная утрата склонения и выражение соответствующих отношений при помощи предлогов; 2) полная или частичная утрата инфинитива; 3) развитие постпозитивного артикля (члена), например в болгарском: *членът* ‘член, артикль’; 4) развитие употребления кратких форм местоимений (энклитик) типа болг. *брат ми* букв. ‘брат мне’; 5) развитие будущего времени глаголов с вспомогательным глаголом *хотеть*, например болг. *ще пиша* ‘буду писать’; 6) наличие значительного общего фонда лексики; 7) сходство в системе гласных; 8) повторное указание на объект (реприза) типа мак. *го видов него* ‘(я) видел его’.

Общие черты южнославянских языков таковы: 1) древние сочетания **gv-*, **kv-* превратились в *zv-*, *cv-*: болг. *звезда*, с-х. *цвет*, словенск. *zvizdati* ‘свистеть’; 2) сочетания **dl*, **tl* упростились в *l*: болг. *моля* ‘просить (молю)’,

с.-х. *рало*; 3) праславянские сочетания **tort*, **tolt* преобразовались в сочетания *trat*, *tlat*: болг. *брада*, словенск. *grad*, с.-х. *влас*; 4) в праславянских сочетаниях **tert*, **telt* произошла метатеза (перестановка) плавных, причем гласный имеет характер, соответствующий старому «ять»: ст.-сл. *брѣгъ* 'берег', *млѣко* 'молоко'; 5) праславянское носовое **ę* превратилось в простое *е*: болг. *пет* 'пять', словенск. *zet* 'зять' и т. п.; 6) праславянские **y*, **i* совпали: болг. *син* 'сын', *пиша* 'пишу'; 7) начальные сочетания **ort-*, **olt-* отражаются с метатезой плавных и гласным *а*: мак. *лаком* 'лакомый, жадный', словенск. *lakat* 'локоть'; 8) мягкость согласных не получила значительного развития, в частности, согласные не смягчаются перед *е*, *i*, причем утрачена и праславянская мягкость *z*, *s*, *r* в этих случаях. Древнее сочетание губных с *j* в сербскохорватском и словенском отражается в виде сочетаний с *l*: с.-х. *земља*, словенск. *zemlja*, в болгарском *л* утрачено, а в македонском — сочетание губных с *j* вторичного происхождения (заменившее сочетание губных согласных с *l*). По-разному отразились в разных южнославянских языках праславянские сочетания **dj*, **tj*, которые в западных и в восточных славянских языках представлены более единообразными отражениями; в южных славянских языках здесь: *жд*, *шт* (орфографически *щ*) в болгарском (и старославянском), *г*, *к* в македонском, *ђ*, *ћ* в сербскохорватском, *j*, *č* в словенском.

Литература

Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977. С. 216—374.

Stawski F. Zarys dialektologii południowosłowiańskiej. Warszawa, 1962.

Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978.

Цыхун Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.

Георгиев В. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. М., 1972. Вып. 6. С. 398—418.

Sandfeld K. Linguistique balkanique: Problèmes et résultats. Paris, 1930.

Schaller H. W. Die Balkansprachen: Eine Einführung in die Balkanphilologie. Heidelberg, 1975. [Реферат на рус. яз.: Реферативный журнал «Общественные науки за рубежом». Сер. 6. Языкознание. 1977. № 5. С. 47—50.]

Можаева И. Е. Южнославянские языки: Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 г. М., 1969.

1.6.2. Болгарский язык

Болгарский язык — язык основного населения Народной Республики Болгарии. По данным переписи 1985 г., в НРБ проживает 8,9 млн. чел. Другие крупные национальные группы в НРБ — это турки и цыгане, многие из которых говорят по-болгарски. За пределами Болгарии наиболее значительное количество болгар — в СССР (по переписи 1979 г. — 361 тыс.; две трети этих болгар считают болгарский язык своим родным; большинство из них проживает в болгарских селах на юге Украины, а также в Молдавии). Значительные группы болгар представлены также в сопредельных с Болгарией странах — Югославии (36 тыс.), Турции (35 тыс.), Греции, Румынии, а частично и в других странах (например, несколько тысяч болгар в свое время эмигрировали в Аргентину). Таким образом, общее количество носителей болгарского языка составляет величину около 9 млн. чел. Среди верующих болгар большую часть составляют православные. Некоторая часть болгар во время турецкого ига была обращена насильственно в мусульманство, эти болгары-мусульмане (бытовое название их — помаки) живут в Родопах на юге Болгарии.

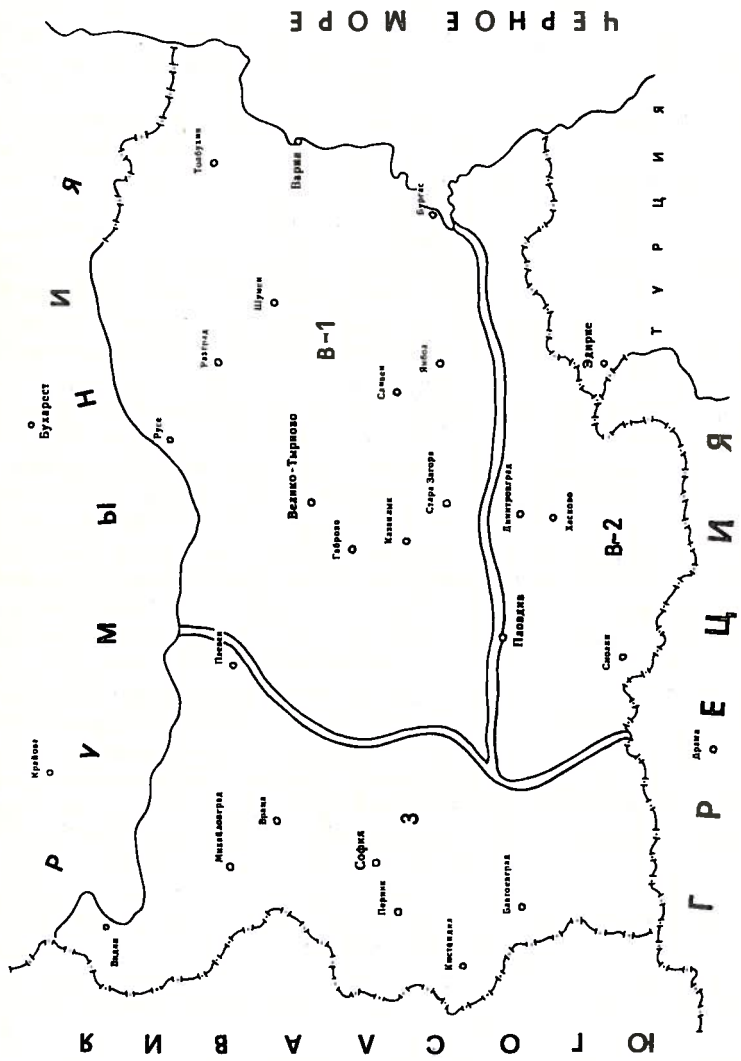
Древнейшее известное нам население нынешней территории Болгарии — фракийцы, носители дошедшего до нас в форме отдельных слов, сохранившихся в местных и других собственных именах и т. п., фракийского языка, принадлежавшего к индоевропейской языковой семье. Значительный вклад в исследование фракийского языка внесен болгарскими учеными, в частности В. И. Георгиевым. Рядом с фракийскими поселениями на Черноморском побережье находились греческие колонии, а с I в. н. э. нынешние болгарские земли оказались в римском подчинении. С VI в. на эти земли проникают славянские племена, которые стали оседать в VII в. Часть фракийцев была, видимо, ими ассимилирована, а часть переселилась на запад Балканского полуострова. Славяне-земледельцы образовали на территории Болгарии раннефеодальный Союз семи племен. В конце VII в. сюда с северо-востока вторглись протоболгары (праболгары) — народ тюркского происхождения, которые образовали совместно с семью славянскими племенами славяно-болгарское государство во главе с ханом Аспарухом, признанное с 681 г. Визан-

тией. Столицей этого первого Болгарского государства (680—1018) была Плиска, границы его проходили по Дунаю, Черному морю и Старой Планине.

Постепенно происходила ассимиляция протоболгар славянами. В 864 г. христианство стало официальной религией в Болгарии. В конце IX в. при царе Симеоне созданная Кириллом и Мефодием славянская письменность становится официальной как в церкви, так и в государстве. В это время в Болгарии происходит расцвет болгарской культуры и письменности. Известными деятелями ее были Климент Охридский, Иоанн экзарх Болгарский, Константин Преславский, черноризец Храбр. Границы Болгарского государства расширились в различных направлениях.

При преемнике Симеона Болгарское государство распадается, а в результате недовольства феодальным гнетом среди крестьян получает распространение богомильство — принявшее форму религиозной ереси движение (возглавлявшееся первоначально попом Богомилом), отрицавшее земную власть, церковь и церковные обряды. Богомильцев всячески преследовали, но это движение продолжалось вплоть до турецкого ига, когда церковь перестала быть опорой власть имущих, а потому борьба с ней не имела уже первоначального смысла. Несмотря на восстановление в конце X в. при царе Самуиле единства болгарского государства, в 1018 г. Болгария попадает под власть Византии. Многочисленные восстания против жестокого византийского угнетения привели в конце XII в. к свержению иностранного ига и возникновению Второго Болгарского царства (1187—1396) со столицей в Тырнове. Развитие феодальных отношений ведет к ослаблению центральной власти во Втором Болгарском царстве; усиливаются классовые противоречия. В 1396 г. происходит порабощение Болгарии Османской империей. Турецкое иго длилось в течение пяти веков и значительно затормозило экономическое и культурное развитие Болгарии. Но, несмотря на многовековой гнет, болгарский народ сохранил свое национальное самосознание, глубокие исторические корни своей культуры, свой язык.

Сопротивление туркам проявилось в ряде восстаний и в гайдуцком движении. Однако османские поработители жестоко подавляли восстания; они насильно заставляли болгар принимать ислам, отбирали вплоть до начала XVII в. наиболее здоровых мальчиков для янычарского



Диалекты болгарского языка

3. Западные говоры. В. Восточные говоры: В-1. Северо-восточные говоры. В-2. Юго-восточные говоры

корпуса. С возникновением в Османской империи буржуазно-капиталистических отношений, во второй половине XVIII в., происходят и некоторые социально-политические и культурные изменения в жизни болгарского народа. Одним из первых выразителей нараставшего национального самосознания болгар стал Паисий Хилендарский, написавший «Историю славяно-болгарскую», с которой начинается период возрождения болгарской национальной письменности. Дело возрождения болгарской письменности продолжает Софроний Врачанский, оставивший свое жизнеописание. В 1824 г. ученый-энциклопедист Петр Берон публикует первую болгарскую учебную книгу светского характера, так называемый «Рибен буквар» — букварь с различными поучениями и с таблицами, на последней из которых были изображены экзотические птицы и рыбы. Этот букварь выдержал в течение сорока лет семь изданий, что в те времена было для Болгарии крупным культурным событием. Книга Берона еще была напечатана церковной кириллицей, но в ее языке отражались живые черты болгарской народной речи. С середины XIX в. болгарское национально-освободительное движение приобретает революционный характер. Выдающимися деятелями революционного движения были Васил Левски, писатель Любен Каравелов, поэт Христо Ботев. В 1875 г. вспыхнуло Старозагорское, а в 1876 — Апрельское восстание; победа русской армии в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. обеспечила освобождение Болгарии от турецкого ига. В благодарной памяти болгарского народа сохранился подвиг русских воинов-освободителей.

В 1878 г. было воссоздано Болгарское государство и определены его границы; часть болгар все еще оставалась под властью Османской империи. Новые возможности получила для своего развития болгарская культура. В 1888 г. были открыты высшие педагогические курсы, на базе которых в 1904 г. создан Софийский университет. В 1911 г. на базе Болгарского литературного общества была образована Болгарская Академия наук. Большой вклад в формирование современного болгарского языка внес великий болгарский писатель Иван Вазов; велика также роль таких писателей и поэтов, как П. П. Славейков, П. Яворов, Елин-Пелин, Й. Йовков, Д. Дебелянов. Н. Геров создает шеститомный болгарский словарь с толкованиями и русскими переводами. В начале XX в. появились значительные труды таких болгарских языковедов, как Л. Милетич, Б. Цонев.

Власть в Болгарии оказывалась в руках консервативно настроенной буржуазии и австрофильских и германофильских политиков. Но вместе с тем уже в 80-х гг. Димитр Благоев выступал с пропагандой идей социализма и марксизма. Во время первой мировой войны Болгария выступала на стороне Германии. В 1923 г. в результате военно-фашистского переворота пало прогрессивное правительство А. Стамболийского (1920—1923). Сентябрьское антифашистское восстание 1923 г. под руководством коммунистов В. Коларова и Г. Димитрова, несмотря на героизм его участников, было жестоко подавлено. Во время второй мировой войны болгарские монархо-фашисты, вопреки воле народа, присоединились к гитлеровской коалиции. После нападения фашистской Германии на СССР в Болгарии возникает партизанское движение. Но тогдашнее болгарское руководство не отказывалось от прогитлеровского курса. 5 сентября 1944 г. Советское правительство вынуждено было объявить войну Болгарии. Вхождение в Болгарию советских войск поддерживалось народным восстанием 9 сентября 1944 г., в результате чего в Болгарии был свергнут монархо-фашистский режим и установлена народная демократия. После решительной победы на ноябрьских выборах 1945 г. в Болгарии к власти пришел Отечественный фронт во главе с коммунистами. В 1946 г. Болгария была провозглашена народной республикой. В тесном союзе с Советским Союзом и другими социалистическими странами болгарский народ строит социалистическое общество.

В условиях социалистического народовластия создаются все возможности для развития болгарской культуры, литературы, развиваются функциональные сферы применения болгарского языка, усиливается его изучение. Развивая традиции расстрелянного в фашистском застенке поэта-революционера Н. Вапцарова, других замечательных болгарских литераторов, в болгарской литературе успешно работают видные мастера слова Е. Багряна, Д. Талев, Е. Станев, Д. Димов и многие другие. В НРБ работали крупные языковеды, начавшие свою деятельность еще до 9 сентября 1944 г.,— А. Теодоров-Балан, С. Младенов, С. Романский. Их деятельность продолжили представители следующих поколений лингвистов, среди которых К. Мир-

чев, Л. Андрейчин, С. Стойков, И. Леков, В. Георгиев, С. Иванчев. В послевоенные годы созданы трехтомный и однотомный толковые словари под редакцией С. Романского и Л. Андрейчина, начато издание диалектологического атласа болгарского языка, организатором которого был С. Стойков, этимологического словаря под редакцией В. Георгиева, переиздан словарь Н. Герова, изданы и другие важные обобщающие труды по болгарскому языку. Большое внимание уделяют болгарские филологи вопросам изучения староболгарского языка (К. Мирчев, Э. Георгиев, И. Гылыбов, И. Дуйчев, К. Куев, М. Янакиев и др.) После 9 сентября была осуществлена реформа графики и орфографии, облегчившая усвоение норм письменной речи для широких слоев народа.

Болгарский язык пользуется кириллической графикой в принятом в русском языке оформлении. В болгарском письме нет ни одной дополнительной буквы по сравнению с русскими, но некоторые буквы употребляются в ином значении. Так, буква *ъ* обозначает гласный среднего подъема среднего ряда. Буква *е* соответствует русскому *э*: она не обозначает соединения *й*+*э* или мягкости предшествующего согласного. Буква *щ* обозначает соединение *шт*. Буквы *э, ы, ё* в болгарской графике отсутствуют, а буква *ь* употребляется только для обозначения мягкости согласных перед *о*: *Кольо* и т. п.

Болгарский язык принадлежит к восточной подгруппе южной группы славянских языков. Наиболее важными являются следующие черты болгарского языка (многие из них присущи и македонскому литературному языку): 1) в процессе развития аналитического строя утрачено склонение, падежные значения передаются при помощи предлогов *етап от развитието, книга на ученик*; 2) имеется постпозитивный (т. е. находящийся в постпозиции — после слова) артикль (член): *книгата, езикът*; 3) утрачен инфинитив; 4) развито использование безударных форм личных местоимений (энклитики): *баща ми* 'мой отец', букв. 'отец мне'; 5) сохраняется развитая система спряжения, например прошедшее совершенное (аорист): *четох*; прошедшее несовершенное (имперфект): *четях*; прошедшее неопределенное (перфект): *чел съм* и др.; 6) на месте старых **tj*, **dj* выступают *щ, жд: свещ, между;* 7) носовое *о* превратилось в *ъ: ръка* 'рука', *път* 'путь'; 8) носовое *е* дало *е: месо, пет;* 9) старое *ѣ* (ять) дает *я* или *е: бял, бели*; 10) на месте *ъ* в сильной позиции выступает *ъ: сън* 'сон', *мъх* 'мох'.

На территории Болгарии выделяются довольно отчетливо две группы говоров — восточная и западная. Так, на востоке характерен открытый, широкий гласный на месте *ѣ*, в то время как на западе — более закрытый *(бял — бел)*; в восточноболгарских говорах представлены мягкие согласные, отсутствующие в западных; отражаемая в литературном языке восточноболгарская норма перехода **tj, *dj* в *щ, жд* в западных говорах представлена разными вариантами. Кроме того, могут быть еще выделены группы северо-восточных и юго-восточных говоров и т. д. Западноболгарские говоры составляют единство с македонскими, а на севере имеются переходные говоры между болгарским и сербскохорватским языками. На юге в Греции еще сохраняются жители, говорящие на говорах, продолжающих говоры территории Болгарии. Граница между западноболгарскими и восточноболгарскими говорами проходит примерно по меридиану 24°30′ на севере и 24° на юге (по рекам Вит на севере и Места на юге).

Литература

Андрейчин Л. Грамматика болгарского языка. М., 1949.
Граматика на съвременния български книжовен език. София, 1982—1983. Т. 1—3.
Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981.
Норман Б. Ю. Болгарский язык. Минск, 1980.
Карпов В. А. Болгарский язык. Минск, 1983.
Младенов Ст. История на българския език. София, 1979.
Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1963.
Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. София, 1984.
Стойков С. Българска диалектология. София, 1968.
Български диалектен атлас: В 4 т. София, 1964—1981.
Български тълковен речник / Сост. Л. Андрейчин, Л. Георгиев, Ст. Илчев и др. София, 1973.
Геров Н. Речник на българския език: Фототипно издание: В 6 ч. София, 1975—1978.
Речник на българския език / Гл. ред. Кр. Чолакова. София, 1979. Т. 1. [Издание продолжается.]
Речник на съвременния български книжовен език / Гл. ред. акад. Ст. Романски. София, 1955—1959. Т. 1—3.
Български етимологичен речник / Ред. Вл. И. Георгиев. София, 1971. Т. 1. [Издание продолжается.]
Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. М., 1966.
Чукалов С. К. Русско-болгарский словарь. М., 1972.
История Болгарии: В 2 т. М., 1954—1955.
Андреев В. Д. История болгарской литературы. М., 1978.

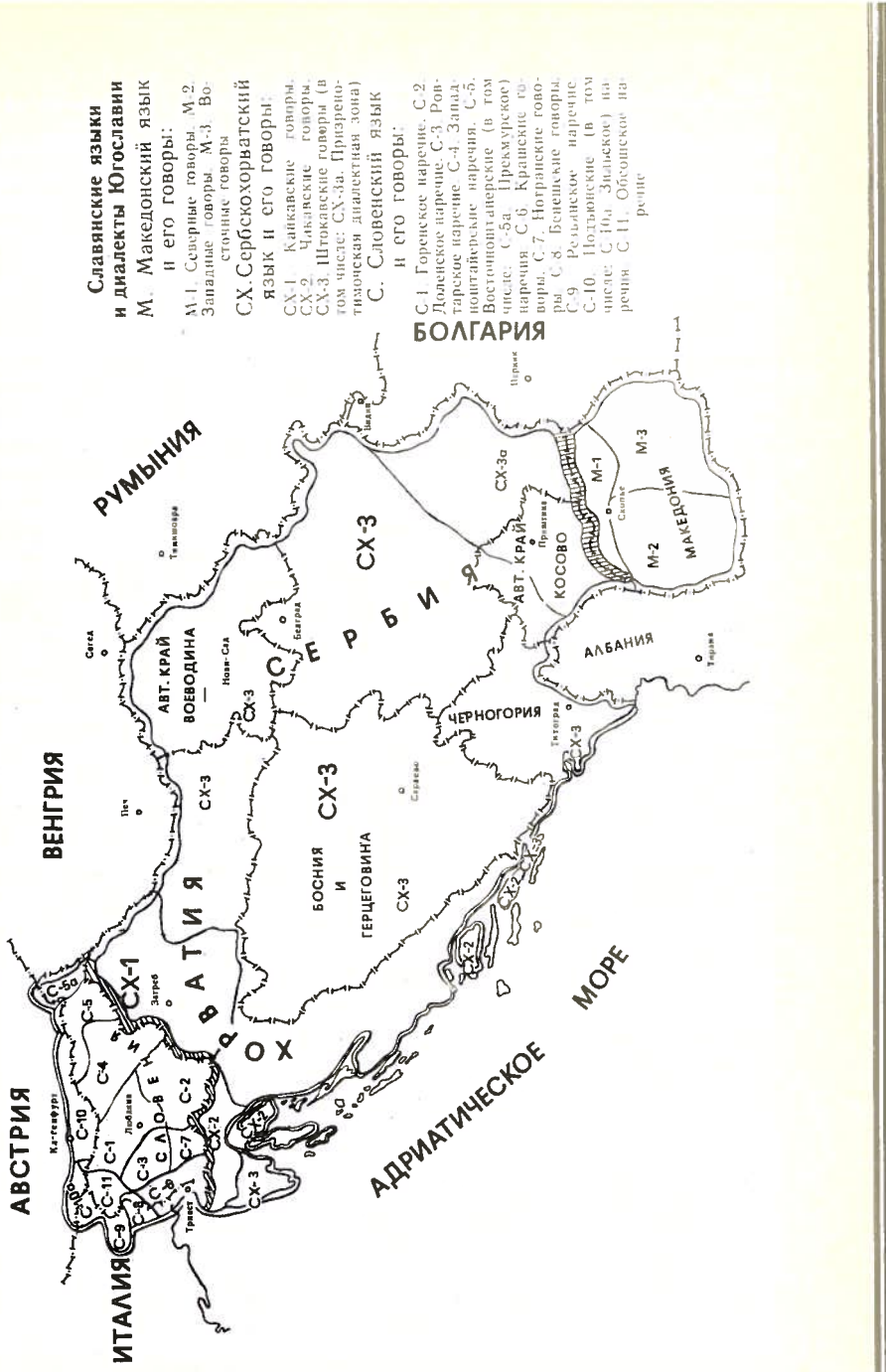
Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959.
Речник на българска литература. София, 1976—1982. Т. 1—3.
Енциклопедия «България». София, 1978. Т. 1. [Издание продолжается.]
Вакарелски Х. Етнография на България. София. 1977.
Георгиева И. Българска народна митология. София, 1983.

1.6.3. Македонский язык

Македонский язык — язык основного населения Социалистической Республики Македонии, одной из шести составляющих Югославию республик, самый молодой славянский литературный язык. По переписи 1981 г., македонцев насчитывалось 1340 тыс. чел., общее же население СРМ 2 млн. чел. Литературный македонский язык на основе диалектов Вардарской части исторической области Македонии оформился в период второй мировой войны и был закреплен в качестве официального языка с провозглашением Народной (с 1963 г. — Социалистической) Республики Македонии в составе ФНРЮ (с 1963 г. — СФРЮ) в 1945—1946 гг.

Историческая область Македония, представление о географических границах которой менялось, в древности была заселена смешанным населением — фракийцами, иллирийцами, греками. В V—II вв. до н. э. здесь существовало рабовладельческое государство, добившееся в IV в. гегемонии над всей Грецией. В VI—VII вв. н. э., как и значительная часть Балканского полуострова, Македония была заселена славянами, которые в VII в. были частично покорены Византией.

Первым крупным славянским государственным образованием на юге Балканского полуострова стало в VII в. Первое Болгарское царство. В середине IX в. почти вся историческая область Македония вошла в его состав. С этого времени на территории Македонии распространяется славянская письменность. Историческая область Македония составила в X в. ядро образовавшегося в то время Западно-Болгарского царства. После византийского завоевания в XI—XIII вв. при восстановлении болгарской государственности в XIII в. она входит в состав Второго Болгарского царства, но в середине XIV в. была завоевана сербским царем Стефаном Душаном, а с конца XIV в. подверглась длительному и тяжелому турецко-османскому порабощению. Вместе со всеми славянскими народами Балкан жители исторической области Македонии оказыва-



ли героическое сопротивление туркам, но лишь в XIX в. начали складываться условия для успеха освободительного движения, развивавшегося главным образом в русле болгарского национального возрождения. В этих рамках действовали просветители — собиратели фольклора братья Д. и К. Миладиновы, поэт Р. Жинзифов и др. Однако к концу XIX в. наряду с тенденцией формирования единого болгарского языка с учетом особенностей западноболгарских диалектов на территории исторической области Македонии стала проявляться и тенденция к образованию особого македонского литературного языка, нашедшая выражение в книге К. П. Мисиркова «О македонском вопросе», напечатанной в Софии в 1903 г. В результате Балканских войн 1912—1913 гг. историческая область Македония была разделена между Сербией (Вардарская Македония), Грецией (Эгейская Македония) и Болгарией (Пиринский край).

Вардарская Македония не обладала автономией, и только в 1943 г. было провозглашено, что Новая Югославия будет строиться как федерация равноправных народов, в том числе и македонского. На македонском языке издавалась подпольная массовая литература. В подпольной печати появляются стихи македонских поэтов, начавших свою деятельность в 30-х гг., — погибшего в партизанском отряде К. Рацина, а также К. Неделковского, В. Марковского и других, обсуждаются проблемы литературного языка. В результате победы в освободительной войне народов Югославии, достигнутой при братской помощи Советской Армии, создались условия для развития македонской национальной общности, ее культуры и языка. Первая официальная кодификация (узаконенное нормирование) македонского литературного языка произошла в 1945 г.

Значительную роль в развитии македонского литературного языка, близкого к живой народной речи, играют писатели А. Шопов, С. Яневски, В. Малески, литератор и языковед Б. Конески, автор первой школьной грамматики К. Кепески, лингвист Б. Видоески и др. Важную общекультурную роль в развитии Македонии играют созданный в 1949 г. университет в Скопье и Академия наук и искусств, основанная в 1967 г. В 1961—1966 гг. был издан трехтомный словарь македонского языка толково-переводного типа (с переводами на сербскохорватский язык), в котором собрана и нормализована македонская лексика. Осуществлены уточнения в нормах правописания (последний раз в 1970 г.). Проводятся исследования в области изучения грамматики, лексики, словообразования, диалектологии македонского языка.

В основу македонской графики положен сербский вариант кириллицы. В нем отсутствуют русские буквы *й, щ, ъ, ь, ы, э, ю, ё*. Как и в сербском, для обозначения звука типа *й* используется знак *j*, для передачи мягких *л* и *н* — буквы *љ* и *њ*, для передачи звонкой шипящей аффрикаты (*дж*) — знак *џ*; для передачи звонкой свистящей аффрикаты (*дз*) в македонский алфавит введена буква *s*. Специфические звуки, обозначаемые буквами *ѓ* и *ќ*, возникли на месте праславянских сочетаний **dj* и **tj*; в произношении эти звуки варьируются от сильно мягких *ѓ* и *ќ* до мягких средненёбных аффрикат, близких к сербскохорватским *ђ* и *ћ*.

Македонский язык относится к восточной (болгарско-македонской) подгруппе южнославянских языков. Среди черт, характерных для македонского языка, следует отметить такие: 1) утрата склонения и аналитические способы передачи тех значений, которые в других языках передаются при помощи падежных форм: *резултат на дејност* ‘результат деятельности’; 2) постпозитивный артикль (член) при именах (ср.: *животот* ‘жизнь’, *потомците* ‘потомки’), некоторые нормы и формы его употребления отличаются от болгарских, в частности, в македонском кроме артикля на *-т-* имеются артикли на *-в-* и *-н-*: *човеков* ‘человек (находящийся близко)’, *човекон* ‘человек (находящийся далеко)’; 3) утрата инфинитива; 4) сравнительная степень прилагательных образуется при помощи префикса *по-*: *по-темен* ‘более темный’; 5) используются безударные (энклитические) формы личных местоимений (*сестра му* ‘его сестра’), в том числе для репризы (повторного указания) объекта: *му реков нему* ‘(я) ему сказал’; 6) ударение на третьем (в двусложных словах — на втором) с конца слоге; 7) сильный *ъ* перешел в *о*: *сон*; 8) носовое *о* превратилось в *а*: *рака* ‘рука’, *пат* ‘путь, раз’; 9) звук *х* утрачивается или, иногда, заменяется на *в*: *леб* ‘хлеб’, *ветов* ‘ветхий’.

На территории Социалистической Республики Македонии выделяются три группы говоров: северная (отграничивается от других примерно по 42-й параллели — г. Скопье), западная и восточная (разделяемые примерно

по р. Вардар и Црна). Для северномакедонских говоров характерно совпадение сильных ъ и ь в одном звуке ъ, утрата *х* во всех позициях, превращение *ǫ* в *у*; в западномакедонских говорах отмечается замена *х* в конце слова на *ф*, *ǫ* перешло в *а*; в восточномакедонских говорах можно отметить появление перед начальным *ǫ*, превратившимся в *а*, протетического *в* (*ваглен* 'угольный'), нет закрепленного места ударения. Разумеется, есть и еще множество других характерных диалектных черт названных групп и отдельных говоров.

Литература

Ковалев Н. С. Македонский язык. Иваново, 1977.
Конески Б. Граматика на македонскиот литературен јазик. Скопје, 1967.
Конески Б. Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
Усикова Р. П. Македонский язык. Скопье, 1985.
Видоески Б. Македонските дијалекти во светлината на лингвистичката географија // Македонски јазик. Т. 13—14 (1962/3).
Речник на македонскиот јазик / Ред. Б. Конески. Скопје, 1961—1966. Т. 1—3.
Головски Д., Иллич-Свитыч В. М. Македонско-русский словарь: С приложением краткого грамматического справочника. М., 1963.
Видоески Б. Прилог кон библиографијата на македонскиот јазик. Скопје, 1953.
История Югославии: В 2 т. М., 1963.
Македонска књижевност. Београд, 1961.

1.6.4. Сербскохорватский язык

Сербскохорватский язык, язык сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев, — наиболее распространенный язык в Югославии. По оценке 1985 г., на нем говорит свыше 17 млн. чел. В основном это население четырех социалистических республик Югославии: Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории; некоторое число носителей сербскохорватского языка живет в других республиках Югославии, а также за ее пределами — в Венгрии, в Австрии, Италии (по нескольку десятков тысяч), в США насчитывается около 200 тыс. хорватов и сербов, из которых часть в той или иной мере сохраняет родной язык. Исторические судьбы носителей сербскохорватского языка складывались весьма сложно.

Более половины носителей сербскохорватского языка — сербы, основное население Социалистической Республики

Сербии (в состав которой входят также автономные края Косово с большинством албанского населения и Воеводина, в которой четверть населения составляют венгры); по переписи 1981 г., сербы составляли около 36 % населения Югославии, 8,1 млн. чел. Около трети носителей сербскохорватского языка — хорваты, основное население Социалистической Республики Хорватии (20 % населения Югославии, около 4,4 млн. чел.). Значительную группу носителей сербскохорватского языка составляют славяне-мусульмане (8,9 % населения Югославии, 2 млн. чел.), живущие в основном в Социалистической Республике Боснии и Герцеговине. 579 тыс. черногорцев, основного населения Социалистической Республики Черногории, также являются носителями сербскохорватского языка*.

Славянское население на территории этих четырех республик появилось в VI—VII вв. н. э. До этого, на рубеже новой эры, местное иллирийское и кельтское население было включено в состав Римской империи. В VIII—IX вв. происходит возникновение мелких славянских государств.

К X в. происходит христианизация балканских славян и возникают более крупные раннефеодальные государства. Так, в Хорватии в X в. провозглашается королевство, в Сербии формируется крупное княжество во главе с Чаславом Клонимировичем, в Черногории с IX в. известно княжество Дукля (с XI в. — Зета). На территории Боснии и Герцеговины в это время были еще небольшие племенные княжества — жупы. Побережные районы Хорватии в X—XV вв. попадают под господство Венеции, Сербия оказывается на некоторый период в XI в. под властью Византии. С начала XII в. Хорватия в результате личной унии (т. е. единого короля) входит в состав Венгерского королевства. В Сербии в XII в. Стефан Неманя создает единое сербское государство, которое в середине XIV в. при Стефане Душане превратилось в сербо-греческое государство. В Боснии в XII—XIV вв. существовало довольно крупное княжество во главе с правителем — баном. В религиозном отношении Сербия примыкает к восточной (православной) христианской церкви, в Боснии же в XII в. получают распространение пришедшие из Болгарии идеи богомиль-

* 1,2 млн. чел. указали в этой переписи национальность «югослав»; часть из них — носители сербскохорватского языка.

ства, положенные в основу своеобразной боснийской христианской церкви.

Письменность в Сербии в этот период использовалась при копировании церковнославянских религиозных книг; древнейшими книгами с сербскими языковыми чертами являются Мирославлево и Вуканово евангелия. К 1189 г. относится первый памятник деловой письменности на сербскохорватском языке — грамота боснийского бана Кулина. В дальнейшем славянская письменность продолжает использоваться в деловых документах. В Хорватии, примкнувшей к западному христианству (католичеству), получает распространение глаголица; древнейшим хорватским глаголическим памятником религиозного содержания, дошедшим до нас, являются Венские листки XII в. Вместе с тем здесь широко используется латинская письменность сначала для латинских, а затем и для хорватских текстов; несмотря на отдельные попытки упорядочить ее применение, долгое время вплоть до XIX в. этого достичь не удавалось.

После поражения на Косовом поле в 1389 г. значительная часть Сербии попадает под власть турецкой Османской империи. В середине XV в. происходит раздел Боснии и Герцеговины, а вскоре, во второй половине XV в., они попадают в состав Османской империи в качестве особой административной единицы — пашалыка. Часть населения, в том числе многие представители феодальной верхушки, принимают мусульманство. Интересно отметить, что уже в конце XV в. появился первый сербскохорватский текст, записанный арабскими буквами, принятыми в исламском мире. Вплоть до второй мировой войны боснийские мусульмане использовали, причем не только в религиозных целях, арабский шрифт (матуфовицу) для передачи сербскохорватских текстов. В XV в. туркам удается захватить часть Черногории; Черногория, однако, сохраняет автономию и продолжает длительную кровопролитную борьбу с турецкими поработителями. Такая борьба продолжается и в Сербии, где она принимает форму движения гайдуков. В XVI—XVIII вв. Хорватия становится ареной австро-турецких войн. В Черногории же в XVII в. возникает православное феодально-теократическое государство во главе с митрополитом Негошем. С начала XIX в. усиливается освободительное движение сербов, происходят крупные сербские восстания против

турок. Сербам удается добиться некоторой автономии, но лишь с 1878 г. ликвидируется турецкое господство. Большой вклад в его ликвидацию внесла Россия. Однако к этому времени Хорватия оказывается в составе Австро-Венгерской лоскутной монархии, которая оккупирует, а затем и присоединяет к себе Боснию и Герцеговину. Самостоятельной продолжает оставаться Черногория, воссоздается как государство Сербия.

Годы турецкого владычества не могли не сказаться отрицательно на культурном развитии носителей сербскохорватских диалектов. Правда, османским поработителям не удалось ликвидировать славянскую письменность, она продолжает существовать, сохраняясь прежде всего на свободном от турецкого ига берегу Ядрана (Адриатическое море), в частности в городской Дубровницкой республике. В 1483 г. в Венеции, непосредственно связанной с сербскохорватским ядранским берегом, была напечатана первая славянская глаголическая книга, разумеется религиозного содержания. К 1494 г. относят напечатание славянской кириллической книги черногорским иеромонахом Макарием. На захваченных турками славянских землях развивается богатое устное словесное творчество сербов, черногорцев, боснийцев, в котором находят свое выражение чаяния народа об освобождении от чужеземного ига и славятся герои освободительной борьбы с жестокими и ненавистными захватчиками. Одним из центров культуры был Дубровник, попавший под опеку сначала Венеции, потом Венгрии, а затем и Турции, пока в 1808 г. наполеоновский маршал Мармон не объявил республику низложенной и не провозгласил Дубровник центром Иллирийского королевства, включенного после разгрома Наполеона в австрийскую монархию Габсбургов. В этой республике, сохранявшей элементы автономии от чужеземных завоевателей, протекала деятельность крупных поэтов раннего югославянского возрождения — Марко Марулича (1450—1524) и Ивана Гундулича (1589—1638). В XVIII в. процесс культурного возрождения сербов нашел отражение в творчестве Доситея Обрадовича, положившего начало сербской светской литературе. Но подлинное духовное возрождение сербов, хорватов, черногорцев, боснийцев происходило в XIX в., когда стало ослабляться турецкое угнетение.

Выдающуюся роль в сербском национальном возрождении сыграл Вук Стефанович Караджич. Он участво-

вал юношей в Первом сербском восстании против турецкого владычества (1804—1813). Стремясь к тому, чтобы сделать письменную речь доступной народу, Вук реформирует литературный язык, отказываясь от труднодоступного славяно-сербского книжного языка и опираясь на собранные им многочисленные фольклорные тексты. Д. Обрадович также писал о необходимости использования в письменности живого языка, но осуществить это не сумел. В 1814 г. Вук выпускает первое, а в 1818 г. второе, значительно улучшенное издание сербской грамматики. Эта грамматика, ставшая известной образованной Европе по переводу на немецкий язык, выполненному одним из основателей сравнительно-исторического языкознания Я. Гриммом, начиналась с азбуки, в которой, обобщая опыт своих предшественников, используя также начертания русской гражданской азбуки, Вук отразил специфику звуковой системы сербского народного языка. Одновременно с грамматикой Вук издал и свой сербско-немецко-латинский словарь, содержавший в первом издании 26 тыс. слов. Второе издание Вукова словаря (1852) содержало уже 47 тыс. слов. Вук подготовил и издал замечательные собрания сербских народных песен, сказок, преданий, создал ряд важных историко-этнографических работ о сербском и черногорском народах.

В первой половине XIX в. у хорватов получило распространение движение иллиров, в котором приняли участие среднее и мелкое дворянство, буржуазия, католическое духовенство и интеллигенция. Это национальное движение не было в социальном отношении единым, но, ставя одной из своих целей создание единого государства всех южных славян, его руководители понимали важность стремления к единому языку представителей разных народностей и религиозных групп среди южного славянства. Поскольку Вук в разработке сербского литературного языка опирался на речь всех носителей языка, которые пользовались штокавским диалектом (наиболее распространенным из трех сербскохорватских диалектов) независимо от их религиозной принадлежности и государственных границ, его деятельность привлекла внимание иллиров, в частности видного представителя хорватской интеллигенции, общественного деятеля и поэта Людевита Гая. Гай в 1830 г. издал хорватско-словенскую (кайкавскую по диалектной характеристике) орфографию, но, поняв

бо́льшую распространенность штокавского диалекта, иллиры обратились к нему, и в 1833 г. вышла на латинице штокавская «Грамматика иллирского языка». 28 марта 1850 г. в Вене состоялась встреча видных южнославянских ученых, в которой приняли участие Вук Караджич, Ф. Миклошич, И. Мажуранич, Дж. Даничич и др., и было подписано соглашение о единстве литературного языка сербов и хорватов. Хорваты по-разному относились к единству литературного языка и фонетической орфографии, в основу которой легли предложения Гая. Прошло еще несколько десятков лет, прежде чем идеи «литературного соглашения» 1850 г. стали осуществляться на практике. Большую роль сыграла в этом Югославянская Академия, организованная в 1867 г. в Загребе, и, в частности, деятельность ее первого секретаря Дж. Даничича и видного ученого-филолога Ватрослава (И. В.) Ягича. Хорват по национальности, Ягич в 60-х гг. прошлого века был одним из организаторов Югославянской Академии и содействовал осуществлению идей Вука о единстве сербскохорватского литературного языка на штокавской основе.

Обстановка в Хорватии, Сербии, Боснии, Черногории, разделенных вплоть до первой мировой войны и находившихся в составе не только разных государств, но и различных политических лагерей, не способствовала окончательной унификации литературных языков. Вместе с тем к концу XIX в. сложились довольно четкие взаимоотношения между сербским и хорватским вариантами единого сербскохорватского (или, как пишут хорваты, хорватско-сербского) литературного языка. Установлены довольно четкие правила перехода от хорватской латиницы (гайицы) к сербскому славянскому письму (вуковице); определенные правила существуют и для передачи звуков, находящихся на месте древнего **ě: e, и* или *ије* в разных диалектах и разных вариантах сербскохорватского литературного языка (так называемые экавский и екавский варианты). Существуют также некоторые различия в лексике в сербском и хорватском вариантах литературного языка, так, например, по-сербски 'поезд' — *воз*, а по-хорватски — *vlak*, 'театр' — соответственно *позориште* и *kazalište*, 'вокзал' — *станица* и *kolodvor* и т. д.

В XIX в. значительный вклад в развитие сербскохорватского литературного языка был внесен поэтами-сербами Б. Радичевичем и Й. Йовановичем-Змаем, черно-

горским поэтом и правителем П. П. Негошем и хорватами И. Мажураничем, А. Шеноа. Проза на сербскохорватском языке стала более активно развиваться в конце XIX и в XX в. К этому периоду относится деятельность знаменитого сербского драматурга Б. Нушича, сатирические пьесы и рассказы которого приобрели мировую известность, нобелевского лауреата сербского писателя И. Андрича, хорватских поэтов и писателей В. Назора, А. Цесареца, М. Крлежи и ряда других. Значительный вклад в развитие единого литературного сербскохорватского языка внесли хорватские языковеды — Т. Маретич, автор одной из самых полных до нашего времени сербскохорватских грамматик (1-е издание в 1899 г.), а также один из составителей двухтомного хорватскосербского толкового словаря (1901) И. Броз. Сербскохорватские диалекты изучал М. Решетар.

После первой мировой войны и развала Австро-Венгерской империи возникло новое государство: королевство сербов, хорватов и словенцев — Югославия, объединившее, в частности, всех носителей сербскохорватского языка. Во главе королевства стояла великодержавная сербская династия. В стране установилась военно-монархическая диктатура. Весной 1941 г. Югославия была оккупирована немецко-фашистскими и итальянско-фашистскими войсками. В Хорватии и в Сербии были созданы марионеточные прогитлеровские правительства. В ходе народно-освободительной войны с оккупантами, руководимой югославскими коммунистами, произошла социалистическая революция в Югославии. После ее победы в 1945 г. Югославия встала на путь строительства социализма, а сложные национальные отношения были разрешены путем создания федеративного государства, состоящего из равноправных республик, в частности четырех республик, где большинство населения — носители сербскохорватского языка.

В новых условиях успешно развивается культура народов Югославии, в частности народное образование, литература, театр, кино, телевидение. Это обусловливает распространение норм литературного языка в широких народных массах. Продолжается творчество ряда выдающихся мастеров слова старшего поколения, к которым присоединяются и писатели следующего поколения — Б. Чопич и др.

В исследование сербскохорватского языка, его истории и диалектов, а также в распространение норм литературного языка значительный вклад был внесен учеными-языковедами, представителями разных южнославянских народов. Здесь должны быть названы крупный югославский языковед А. И. Белич, автор хорватскосербского этимологического словаря П. Скок, а также ряд других ученых: С. Ившич, И. Попович, М. Ивич, П. Ивич, Й. Хамм, Л. Йонке, М. Стеванович, Д. Брозович, М. Лалевич, Й. Вукович, М. Храсте.

Как уже отмечено, письменность на сербскохорватском языке существует в двух формах: кириллической и латинской. Сербская кириллическая азбука значительно отличается от русской, украинской и белорусской: в ней используется иной принцип графики; в восточнославянских азбуках графика имеет слоговой характер, ярко проявляющийся в звуковом значении согласных и букв *е, я, ю, ё*: значима не отдельная буква, а согласная в сочетании с гласной, например, сочетание *ня* означает мягкое *н'+а*, буква же *я* не после согласной означает сочетание *йа*. В сербском каждая буква в принципе самостоятельна. Возможность такого положения связана с тем, что в сербскохорватском меньше парных по твердости — мягкости. Для парных мягких введены специальные знаки-лигатуры *њ* и *љ*, для обозначения звука типа *й* используется взятый из латиницы знак *j*. В связи с этим в вуковице нет букв *й, ь, я, ю, ё, э* (оставлено *е*, по звуковому значению соответствующее русскому *э*), а также *ъ, ы, щ*. Знак *ч* обозначает твердый звук (типа украинского *ч*), а для мягкого введен знак *ћ*. Для звонкой шипящей аффрикаты (*дж*) введен знак *џ*, а для ее мягкой разновидности — *ђ*. Следует отметить, что имеются различия в рукописных начертаниях сербской и русской кириллицы. Так, строчные буквы *п* и *т*, например, пишутся, как у нас соответственно *и* и *ш*, но с черточкой над ними.

Сербская кириллица, вуковица, используется в Сербии. Латиница используется прежде всего хорватами, но применяют ее и в других республиках. Так, шеститомный толковый словарь сербскохорватского языка был издан одновременно в двух вариантах — латиницей и кириллицей. Одна из центральных югославских газет «Борба» печатается в Белграде кириллицей, а в Загребе — латиницей.

В хорватскосербской латинице используются надстрочные знаки для обозначения шипящих: *š, č, ž, dž*. Мягкие *л* и *н* передаются сочетаниями с йотом: *lj, nj*. Мягкие

шипящие передаются знаками *ć*, *đ* (*Đ*). Буква *c* обозначает звук *ц*, буква *z* — звук *з*. Специфической хорватскосербской и словенской чертой является использование буквы *h* в значении *x*. Звук *в* передается как *v*, звук *г* — как *g*. Буквы *w*, *x*, *y*, *q* используются только при передаче неадаптированных иностранных собственных имен.

Сербскохорватский язык — южнославянский, ближайше родственный к нему — словенский. Общие сербскохорватские черты, отличающие этот язык, таковы: 1) сохраняется в преобразованном виде старое музыкальное ударение; 2) как и в словенском, сочетание губного согласного с *j* преобразовано в сочетание губного с *л*: *земља*; 3) как и в словенском, окончание глаголов 1-го лица множественного числа настоящего времени *-мо*: *гледамо*; 4) окончание родительного падежа единственного числа прилагательных и местоимений *-га*: *овога*, *младога*; 5) сохраняется слоговое *р*: *срб* 'серб'; 6) *л* на конце слога переходит в *о*: *био* 'был', *бео* 'бел(ый)'; слоговое *л* превратилось в *у*: *дуг* 'длинный, долгий', *вук* 'волк', *суза* 'слеза'; 7) сочетание *чр* превратилось в *цр*: *црн* 'черный', *црвен* 'красный' (ср. белор. *чырвоны*); 8) сочетания **dj* и **tj* превратились соответственно в *ђ* и *ћ*: *свеђа*, *међа*.

Диалекты сербскохорватского языка не всегда совпадают по распространению с членением сербскохорватской языковой области на национальности. Выделяют прежде всего три сербскохорватских наречия по форме вопросительного местоимения, соответствующего нашему *что*: кайкавщина *(kaj)*, чакавщина *(ča)* и штокавщина *(што)*. Кайкавские говоры, распространенные на северо-западе Хорватии, в том числе в районе Загреба, являются по существу переходными к словенскому языку. Для них характерны некоторые архаичные черты в акцентной системе; праславянские *ь* и *ъ* реализуются как *е*; **tj* перешло в *č*; обычно сохраняется шипящий в группе *čr*. Чакавщина распространена на северо-западе Хорватии, на островах вдоль ядранского побережья в районе Сплита. Здесь тоже сохраняется архаичная акцентная система; **tj* перешло в *t'*, **dj* — в *j*; сохранилась група *čr*; *ъ*, *ь* превратились в *а*. Наиболее распространена штокавщина, для которой характерны переход *ъ*, *ь* в *а*, носового *о* — в *у*, замена сочетания *чр* на *цр*, переход **tj*, **dj* в *ћ*, *ђ* (поскольку именно штокавщина легла в основу литературного языка, естественно, что эти черты отражены и в литературном языке).

В сербскохорватских диалектах по-разному отразилось праславянское *ě*: в виде *е* (в основном на востоке, в Сербии, а отчасти и в Хорватии), *ије* (в основном на юго-западе, в Черногории, Боснии и Герцеговине и в части Хорватии), *і* (в ряде мест, в основном в Хорватии). Распределение отражения *ě* в сербскохорватских диалектах довольно пестро, как, впрочем, и вообще сербскохорватские говоры, что обусловлено сложностью и разнородностью судеб носителей языка, отдельных регионов (территорий) его распространения. Входящая в штокавское наречие призренско-тимочская диалектная зона (на юго-востоке Сербии) имеет некоторые черты вторичного происхождения, сближающие ее с болгарским и македонским языками, например упрощение склонения.

Нужно отметить, что делались попытки создания литературного языка не только на штокавской, но и на других диалектных основах. Так, прежде чем принять штокавщину (вслед за предложением Вука Караджича), иллиры пользовались кайкавщиной. В Австрии 35 тыс. градищанских (бургенландских) хорватов пользуются особым литературным языком (на чакавской основе) регионального типа; имелись попытки выработки норм на основе славонских и боснийских говоров, функционирует чакавский поэтический язык.

Литература

Гудков В. П. Сербскохорватский язык. М., 1969.
Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. Сербохорватский язык. Л., 1975.
Леонова Л. В. Сербохорватский язык. Минск, 1987.
Brabec I., Hraste M., Živkovic S. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb, 1965.
Maretic T. Gramatika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1963.
Стевановић М. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964.
Белић А. Историја српскохрватског језика. Београд, 1962. Т. 1—2.
Ивић П. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956.
Речник српскохрватскога књижевног језика. Нови Сад; Загреб, 1967—1976. Т. 1—6.
Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971—1974. T. 1—4.
Толстой И. И. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1976.
Иванович С., Петранович И. Русско-сербскохорватский словарь. М., 1976.
История Югославии: В 2 т. М., 1963.
Jugoslavenski književni leksikon. Novi Sad. 1971.
Horvat J. Kultura hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1980. T. 1—2.

1.6.5. Словенский язык

Словенцы — основное население Социалистической Республики Словении, одной из шести республик Югославии. По переписи 1981 г., в Югославии проживало 1,8 млн. словенцев. В соседних со Словенией районах Италии — Триесте (Трст), Гориции (Горица) и других — около 100 тыс. словенцев; 80 тыс. словенцев живет в Каринтии (Корошка) и Штирии (Штаерска) — в районах Австрии, пограничных со Словенией, а также в пограничных районах Венгрии; возможно, что эти цифры не вполне точны. Около 250 тыс. словенцев живут в США, а также в некоторых других странах.

На нынешней территории Словении в древности обитали кельто-иллирийские племена; в I в. н. э. она была захвачена римлянами и подверглась римской колонизации. В VI—VII вв. эту территорию заселяют славяне. Часть Словении входила в раннее славянское государство Са́мо вместе с чешскими и словацкими землями. В VII в. заселенная славянами территория Словении и прилежащих земель представляла собой государство, вошедшее в историю под названием в латинской форме — Карантания. В VIII в. в Карантании появляются христианские ирландские, а потом баварские миссии. Карантания в VIII в. попадает в зависимость от франков, и начинается германизация Словении: славянские крестьяне оказываются во власти немецких феодалов. Примыкавшая к Карантании Паннония также принимает христианство. Паннонский князь Коцел (его столица расположена была на берегу Болотного озера, нынешнего Балатона в Венгрии) принимает славянских первоучителей Константина и Мефодия по пути в Рим в 865 г., что способствует распространению среди словенцев славянской письменности. (Память о пребывании Константина и Мефодия в Словении сохраняется, например, в форме предания о тысячелетнем буке в пятидесяти километрах от Любляны, у которого будто бы останавливались Константин и Мефодий по пути в Венецию и Рим.) Но более близкое соседство и власть немецких (австрийских) феодалов и римско-католического духовенства обусловили тот факт, что славянское письмо не стало употребительным в Словении. Сохранились три листка, так называемых Фрейзингских отрывка, написанных между 972 и 1039 гг., в которых славянская речь

передается средствами латинского алфавита. Это древнейший славянский памятник латинского письма. По некоторым языковым чертам этот памятник, близкий к старославянским, может быть охарактеризован как древнейший словенский текст. Однако он не стал началом письменной традиции. Феодальные княжества, образовавшиеся на территории Словении, попали под власть Священной Римской империи (XI—XIII вв.), а затем под власть Габсбургов, завершивших подчинение словенских земель к XVI в. Развитию культуры препятствовало не только господство немецких феодалов, но и турецкие набеги (XV в.). Литературным языком был латинский. Национальная культура оказалась угнетенной. Правда, в Словении использовались славянские тексты, писанные глаголицей, а в латинских и немецких рукописях обнаруживаются отдельные слова (например, названия месяцев или чисел), писанные по-словенски, или даже отрывки словенских текстов (молитв или песен), но народная словесная культура существовала, видимо, лишь в устной, в частности песенной, форме. К XIV—XV вв. относятся первые дошедшие до нас словенские рукописи религиозного и административно-церковного содержания.

В XV—XVI вв. в Словении происходит ряд крестьянских восстаний, направленных против феодального и национального угнетения. К XVI в. относится зарождение раннекапиталистических отношений. В этот период в словенских городах получают распространение идеи Реформации. Сторонники Реформации, протестанты, выступали против многих излишеств, присущих католической церкви, духовенству, а, подчеркивая значение слова божия, считали важной проповедническую деятельность на родном языке и перевод религиозных книг. Словенские студенты, учившиеся в Германии, а также торговцы и рудокопы, работавшие в немецких рудниках, восприняли учение Лютера.

Виднейшим представителем протестантства в Словении был Примож Трубарь. Он издал в немецком городе Тюбингене, куда ему пришлось бежать от преследований католиков, в 1550 г. первую словенскую книгу — букварь с малым катехизисом (катехизис — руководство, содержащее основы христианского вероучения). В дальнейшем Трубарь и его последователи издали еще ряд книг, в том числе переводы книг Библии, духовные песни на словенском языке. Полный текст Библии перевел на словенский

язык и издал в 1584 г. Юрий Далматин. В 1584 г. в Виттенберге вышла первая словенская грамматика Адама Бохорича. А немецкий ученый Иероним Мегисер в 1592 г. опубликовал четырехъязычный словарь, в котором свое место занял и словенский язык, причем показания этого первого словенского словаря довольно надежны, так как составитель хорошо знал Ю. Далматина, сыновей Трубаря и жил некоторое время в Словении. В 1575 г. была сооружена первая типография в Словении — в Любляне, но через несколько лет ее создателю, протестанту, пришлось скрыться. Официальные власти Габсбургской империи защищали католицизм и начали борьбу против Реформации. Хотя в конце XVII в. вновь открылась типография в Любляне, а также в Целовце (Клагенфурте), но печатались только книги религиозного содержания. Лишь во второй половине XVIII в. М. Похлин под влиянием идей Просвещения издал «Крайнскую грамматику».

Для развития национального движения в Словении важно было, что в 1809—1814 гг. многие словенские земли вошли в состав Иллирийских провинций, зависевших от наполеоновской Франции, но на время освободившихся от власти габсбургской Австрии. Национальное возрождение нашло отражение в деятельности Ернея (Варфоломея) Копитара, одного из основателей славянской филологии. В 1808 г. Копитар публикует (на немецком языке) первую научную грамматику словенского языка, появившуюся вместе с выходом из печати чешской грамматики Добровского. Заблуждения Копитара по вопросу о возможности развития славянских культур в рамках Австрии и по литературно-эстетическим вопросам не могут перечеркнуть его вклад в развитие славистики.

Крупнейшим словенским поэтом первой половины XIX в., творчество которого подняло словенскую литературу на европейский уровень, был Франце Прешерн. Романтическая поэзия Прешерна, исполненная любви к родине и любви к женщине, богатая в своем формальном разнообразии и свободолюбивая по направленности, способствовала формированию словенского литературного языка. Поэт и языковед Ф. Левстик, поэты и писатели А. Ашкерц, И. Цанкар, О. Жупанчич, С. Косовел, а позже П. Воранц, М. Кранец, Ц. Космач и другие внесли значительный вклад в развитие литературного словенского языка своей разнообразной литературной деятельностью. В приобщении

материала словенского языка к исследованию славянских языков сыграл большую роль словенец Ф. Миклошич, выдающийся филолог-славист. Для развития словенского языка и словенского языкознания большое значение имел опубликованный в 1894—1895 гг. двухтомный богатейший словенско-немецкий словарь М. Плетершника. Отдельным вопросам словенского языка были посвящены работы М. Валявца и В. Облака. Значительный вклад в изучение резьянского и других словенских наречий внес И. А. Бодуэн де Куртенэ.

После первой мировой войны лоскутная империя Габсбургов распалась. Словения (кроме Словенского Приморья, включенного в состав Италии, и Каринтии, отошедшей к Австрии) вошла во вновь образовавшуюся Югославию. Словения, наиболее экономически развитая часть Югославии, находилась в первых рядах борьбы югославского пролетариата с реакционными силами. В результате фашистской агрессии в апреле 1941 г. Словения была оккупирована и разделена между гитлеровским рейхом и фашистской Италией. После победы в освободительной войне Словения стала полноправным и равноправным членом федерации. Некоторое время оставался нерешенным вопрос о будущем Трста (Триест) и прилегающей территории. На основании переговоров с Италией в 1954 г. Триест вошел в состав Италии, а территории к югу от него с большинством славянского населения (в том числе города Копер, Пиран, Изола, Порторож) отошли к Югославии и вошли в состав Словении (и частично Хорватии). Италия обязалась уважать права славянского национального меньшинства в своей стране. Такие же обязательства взяла на себя по государственному договору Австрия, но они не всегда выполняются.

В условиях социалистического государства возможности развития национальной культуры, использования и совершенствования словенского языка весьма велики. Получает развитие и наука о словенском языке. В начале этого периода еще работали такие крупные словенские языковеды, как Ф. Рамовш, занимавшийся историей и диалектологией, Р. Нахтигал. Институт словенского языка при Академии наук и искусств в Любляне завершает выпуск пятитомного толкового словаря словенского языка (председатель редакционного совета Я. Юранчич, секре-

тарь С. Сухадолник; с 4-го тома председатель — Т. Логарь, секретарь не указан), вышли две книги этимологического словаря Ф. Безлая, издана «Карта словенских наречий» Т. Логаря и Я. Риглера, ведется большая работа по современному словенскому языку, его диалектам и истории, по различным проблемам славистики и индоевропеистики (Т. Логарь, Б. Чоп, А. Баец, Ф. Безлай, Ф. Якопин, Й. Топоришич, Я. Риглер, М. Орожен, Б. Погорелец и др.).

Словенская графика построена на латинской основе с добавлением некоторых дополнительных знаков. Не требуют комментариев буквы для гласных *a, e, i, o, u,* а также для согласных *b, d, f, k, l, m, n, p, r, s, t*; буквы *c, g, j, v, z* передают звуки, соответствующие русским *ц, г, й, в, з*; буква *h* передает звук, обозначаемый русской буквой *х*: *hiter* 'быстрый' (ср. *хитрый*). Буквы *v, l* после гласной не перед гласной обозначают звук типа неслогового *u*: *siv* 'серый' (ср. *сивый*), *volk* 'волк' (ср. белор. *воўк*). Буквами *č, ž, š* передаются шипящие, причем словенский звук *č* звучит несколько тверже русского *ч*, а словенские *ž* и *š* — несколько мягче русских *ш* и *ж*. Сочетаниями букв *dz, dž* передаются звонкие аффрикаты. Гласные в словенском, в зависимости от этимологии и положения в потоке речи, варьируются; факультативно по мере надобности эти вариации обозначаются при помощи диакритических знаков. Знак ′ обозначает долгие (в том числе долгие закрытые *é, ó*) гласные: *á, í, ú*. Знак ˆ используется для обозначения открытых долгих *ê, ô*. Знак ` обозначает краткость гласного: *à, ò, è, ì, ù*. Буквы *w, x, y, q* используются лишь при нефонетической (буквальной) передаче иноязычных собственных имен, когда и другие буквы имеют иное значение, например, *c* может обозначать в английском имени *k*.

Словенский язык принадлежит к южнославянским языкам, к их словенско-сербско-хорватской группе. Он характеризуется следующими особенностями: 1) сохраняется различение долгих и кратких слогов и в центральных говорах видоизмененное старое музыкальное ударение; 2) ǫ превращается в *o* (*zob* 'зуб', *roka* 'рука'); 3) сочетания **dj, *tj* превращаются соответственно в *j, c*: *meja* 'граница' (ср. *межа*), *sveča* 'свеча'; 4) как и в сербско-хорватском, имеется вставное *l* на месте старых сочетаний губных согласных с *j*: *zemlja* 'земля'; 5) как и в сербско-хорватском, местоимения имеют окончание в родительном падеже единственного числа *-ga*: *tega*; 6) сохраняется

двойственное число; 7) будущее время образуется при помощи вспомогательного глагола *biti* 'быть': *pisal bom* 'буду писать'; 8) сохраняется супин («достигательное наклонение»): *grem spat* 'иду (ср. *гряду*) спать'; 9) союз *и* имеет форму *in*.

Вследствие горного характера страны словенский язык сильно дифференцирован в отношении диалектов. Многочисленные говоры (их отмечают более сорока) образуют ряд наречий (количество их по классификациям различных исследователей меняется), среди которых наиболее четко выделяются горенское (северо-запад Словении), доленское (юго-восток), ровтарские (к западу от Любляны), западноштаерские (юго-восток), восточноштаерские, в том числе прекмурское (северо-восток), крашские (юго-запад), нотранские (юг), бенешские и резьянские (территория Италии), подъюнские, в том числе зильское (территория Австрии) и некоторые другие. Для словенских наречий характерны: а) различия в системе ударения; б) изменения гласных в неударных слогах (что вызвано словенским аканьем, которое по происхождению прямо не связано с русским и белорусским); в) судьба *g*, который в некоторых говорах к западу от Любляны становится проточным; г) судьба *l*, который либо несколько смягчался, либо же отвердевал и переходил в неслоговое *u*; д) судьба смягчаемых согласных (например, мягкий *n* переходит в *j*); е) переход конечного *m* в *n* и др. Каждый говор, каждое наречие отличается сложным комплексом признаков, которые здесь нет возможности рассмотреть. На словенских наречиях делались попытки создания литературных языков (в частности, на прекмурском, резьянском), которые, однако, не получили значительного распространения, оставшись региональными языками.

Литература

Baiec A., Kolarič R., Rupel M. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1973.
Toporišič J. Slovenska slovnica. Maribor, 1984.
Ramovš F. Kratka zgodovina slovenskega jezika. Ljubljana, 1936.
Bezlaj F. Eseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.
Karta slovenskih narečij / Priredila T. Logar in J. Rigler. Ljubljana, 1983.
Lencek R. L. The Structure and History of the Slovene Language. Columbus, 1982.
Logar T. Slovenska narečija: Besedila. Ljubljana, 1975.

9. Зак.5941

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Ljubljana, 1970. Knj. 1. [Издание продолжается.]
Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894—1895. T. 1—2.
Bezlaj F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1976. T. 1. [Издание продолжается.]
Котник Я. Словенско-русский словарь. Любляна, 1967.
Претнар Я. С. Русско-словенский словарь. Любляна, 1964.
История Югославии: В 2 т. М., 1963.
Slovenski jezik, literatura in kultura: Informativni zbornik. Ljubljana, 1974.
Zgodovina slovenskega slovstva: Od začetkov do 1945 / Uredil Lino Legiša. Ljubljana, 1956—1971. T. 1—7.
Slovenska književnost 1945—1965. Ljubljana, 1967—1968. T. 1—2.
Pogačnik J., Zadravec F. Zgodovina slovenskega slovstva. Maribor, 1973.
Slovensko ljudsko izročilo: Pregled etnologije Slovencev / Uredil A. Baš. Ljubljana, 1980.

1.7. СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ МИКРОЯЗЫКИ

1.7.1. Общие сведения

Наряду с национальными славянскими литературными языками существуют литературные языки более узкого распространения. Иногда такие языки называют литературными диалектами, поскольку они базируются, как правило, на среде носителей некоторого диалекта, но такое название не очень удачно, так как у литературного языка едва ли могут быть диалекты. Называют такие языки также региональными, так как они часто связаны с какими-то регионами (территориями) распространения. За последние десятилетия распространилось использование термина «литературный микроязык», закрепленного в трудах исследователя этих славянских языковых единств А. Д. Дуличенко.

Для литературных микроязыков характерна компактность среды возникновения и формирования такого языка, а нередко ее территориальная, политическая, религиозная обособленность по отношению к носителям основного языка, что ведет к осознанию культурно-языковой специфичности среды, в которой формируется микроязык. Обычно микроязыки воспринимаются как подчиненные по отношению к национальным языкам. Возникали они нередко в условиях, когда национальная норма литературного языка еще не сложилась, а потому будущий микроязык не конкурировал с национальным, а был одним из вариантов его. Носители микроязыка нередко двуязычны, хотя второй их язык, национальный, не всегда соотносим

с микроязыком. Некоторые микроязыки в определенные периоды развития вообще стремятся к тому, чтобы занять в данном языковом коллективе место основного или единственного литературного языка со всеми его функциями. Иногда микроязыки служат лишь дополнительным литературно-художественным средством общения, своеобразным поэтическим выразительным средством; тогда их существование мотивируется прежде всего поэтическими факторами.

История славянских литературных микроязыков длительна, в ней проявились различные тенденции и факторы. Распространенная в Хорватском Приморье на Адриатике чакавщина была блестяще закреплена в конце XV в. в творчестве Марулича задолго до становления современной сербскохорватской литературной нормы, а теперь выступает прежде всего как поэтический язык (в частности, в творчестве хорватского поэта Владимира Назора). Кашубский язык (см. 1.5.2.) формировался на базе диалектов, принадлежавших к родственной, но не тождественной польским диалектам диалектной среде западнославянской речи. Превращение его в микроязык можно рассматривать как сближение с польским, т. е. как объединение двух первоначально особых языковых культур.

В славянском мире известен ряд литературных микроязыков на южнославянской базе: градищанско-хорватский (Австрия), молизско-хорватский (Италия), чакавский и кайкавский (Хорватия), затухающий прекмурско-словенский (северо-восточная Словения, Австрия, Венгрия), резьянско-словенский (Италия), банатско-болгарский (Румыния, Югославия). На западнославянской основе базируются кашубский, восточнословацкий, ляшский (силезские говоры Польши и Чехословакии). С украинским языком соотносится карпато-русинский язык, использовавшийся в прошлом веке в Закарпатье, а теперь среди потомков эмигрантов, переехавших оттуда в США, а также русинский язык в Югославии, включающий значительный словацкий элемент. Можно упомянуть эпизодические опыты фиксации западнополесских говоров Белоруссии. Подробное рассмотрение славянских литературных микроязыков выходит за пределы возможностей вводного курса. Для примера можно остановиться на одном из успешно функционирующих славянских литературных микроязыков — русинском.

Литература

Толстой Н. И. Славянские региональные литературные языки и их функции в современный и донациональный период // Славянские литературные языки в донациональный период: Тезисы докладов. М., 1969.

Дуличенко А. Д. Славянские литературные микроязыки: Вопросы формирования и развития. Таллинн, 1981.

Супрун А. Е. Рецензия на кн. А. Д. Дуличенко // Slavia, 1982, Т. 51, č. 1.

1.7.2. Русинский язык

Русины (самоназвание — руснаци) — небольшая (примерно 30 тыс. чел.) этническая группа, проживающая в Югославии, в некоторых районах Воеводины и Хорватии; главное средоточие русин — села Руски Керестур и Коцур, культурные центры — Руски Керестур, Нови Сад, а также Вуковар. Русинский язык (сами русины называют свой язык «руски язик», а русский — «росийски» или «велькоруски») — пример славянского языка ограниченного распространения, микроязыка.

Русины в середине XVIII в. переселились из смешанных украинско-словацких сел Восточной Словакии в пустовавшие сербские села Керестур (Крстур) и Коцур (Куцура), а затем расселились и по другим населенным пунктам. Оказавшись в иноязычном окружении, сохраняя при этом особенности вероисповедания, русины сохранили свой разговорный язык, хотя, разумеется, он не мог избежать иноязычного, в частности сербскохорватского, влияния. В качестве литературно-письменного языка русины использовали церковнославянский язык, он, однако, был ограничен конфессиональным (религиозным) применением; наряду с ним использовалось то смешанное «язычие», которое применялось в XIX в. в Закарпатской Руси. Оба эти языка были далеки от народно-разговорной речи, а потому не могли удовлетворить практически нужд русин. Разговорная живая речь стала использоваться в отдельных случаях в частной переписке.

В 1904 г. филолог и писатель Г. Костельник издал сборник своих стихов «З мойого валала» («Из моего села»), давший толчок к созданию русинского литературного языка. Спустя два десятилетия, в 1923 г., была издана «Грамматика бачваньско-рускей бешеди» Г. Костельника, в которой определены нормы русинского языка. В настоящее время на русинском литературном языке издается

еженедельная газета «Руске слово», детский ежемесячник «Пионирска заградка» («Пионерский сад»), литературно-общественный журнал «Шветлосц» («Свет»); ежегодно выходит несколько книг на русинском языке, а также школьные учебники, так как в ряде школ русинский язык преподается как родной язык в отдельных классах, имеется и полная русинская школа. В 1971 г. русинский поэт и деятель просвещения М. Кочиш опубликовал правила русинской орфографии («Правопис руского язика»). Определенную роль в развитии русинского языка и литературы сыграли поэты и писатели М. Надь, М. Винай и др. Какое-то представление о русинском языке может дать такое четверостишие Г. Костельника:

Вишло слунко красне, ясне,
и цму швета розогнало —
жем желену, били хмарки
як зоз златом да общагло.

Вышло солнце, красивое, ясное,
и массу света распространило —
землю зеленую, белые тучки,
как будто золотом, обтянуло.

Русины пользуются кириллицей в варианте, близком к украинскому. Поскольку *и — ы* не различаются, используется одна буква *и* (нет ни *ы*, ни *і*), буква *е* передает звук *э*; наличие *й* перед гласным передается буквами *ї, є, ю, я*; они же передают мягкость предшествующих *н, л*. Для передачи мягкости этих согласных перед *о* и в конце слога используется *ь*. Буква *ґ* используется для передачи взрывного *г*. Другие особенности использования букв особых пояснений не требуют; графико-орфографическая система имеет в определенной мере фонетическую направленность.

Из особенностей русинского языка следует отметить: 1) переход мягких *з, с* в *ж, ш: шнїг* ‘снег’, *жем* ‘земля’, мягких *д, т* — в аффрикаты *дз, ц: дзень* ‘день’, *спомнуц* ‘вспомнить’; 2) ударение на предпоследнем слоге; 3) неполногласие: *крава* ‘корова’; 4) в родительном падеже множественного числа существительных распространено окончание *-ох: людзох*; 5) в 1-м и 2-м лице глаголов прошедшего времени сохраняется видоизменившийся вспомогательный глагол: *знал сом, знал ши.*

Русины считают себя частью украинского народа, но своей «материнской беседой» (родной речью) называют русинский язык. Включая стихи Т. Г. Шевченко в школьный учебник «Мацеринске слово», переводят их на русинский язык.

Пример русинского литературного языка показывает, как при благоприятных условиях возможно развитие литературного языка сравнительно узкого использования. На примере русинского языка можно познакомиться с некоторыми специфическими чертами развития микроязыков, в частности в славянском языковом мире. В СССР славянскими микроязыками специально занимается тартуский лингвист А. Д. Дуличенко, материалы которого использованы и при написании этого параграфа.

Литература

Дуличенко А. Д. Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии // Сов. славяноведение. 1972. № 3.
Дуличенко А. Д. Литературный русинский язык Югославии: Очерк фонетики и морфологии: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М., 1973.
Кочиш М. М. Правопис руского язика. Нови Сад, 1971.
Кочиш М. М. Приручни терминологийни словнїк сербскогорватско-руско-украïнски. Нови Сад, 1970.
Dulićenko A. D. Die Entwicklung des literarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien: Létopis. Bautzen, 1974. Reihe B. Bd. 21, H. 1.
Дуличенко А. Д. Материалы к библиографии русин Югославии // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Самарканд, 1969. Вып. 2.
Коваль А. П. Украïнці в Югославiї // Мовознавство. 1967. № 2.

2. СЛАВЯНЕ В ДРЕВНОСТИ

2.1. ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ И ИХ ПРАРОДИНА

2.1.1. Вопрос о времени и месте формирования славян

Формирование славянских племен происходило в процессе выделения их из числа многочисленных племен крупной (в настоящее время — крупнейшей в мире) языковой семьи — индоевропейской. Существуют различные предположения о предшественниках этой семьи, но они касаются столь глубокой древности, что не удается бесспорно доказать генетическое родство (т. е. родство по происхождению) индоевропейских и некоторых других языков мира, хотя и высказываются мысли о древнем родстве индоевропейских и уральских, алтайских, хамитских, иберийско-кавказских и некоторых других языков (В. М. Иллич-Свитыч и др.). О сложении самой индоевропейской семьи нет единого мнения. Широко распространено традиционное представление о развитии индоевропейских языков из относительно единого индоевропейского праязыка. Однако не исключено, что этот праязык сложился в результате конвергенции (объединения) ряда диалектов, не обязательно возникших в результате дивергенции (распада) какого-то языкового единства. Иначе говоря, можно допускать сложение индоевропейского единства как языкового союза (Н. С. Трубецкой).

В конце IV тысячелетия до н. э. племена носителей индоевропейских диалектов расселялись на огромные территории Европы и Азии. Это обусловило возникновение в индоевропейских диалектах значительных особенностей, которые свидетельствуют об их расхождении, что обычно квалифицируют как проявление распада индоевропейского праязыка. Исторически зафиксированные древнейшие тексты на индоевропейских языках — хеттские клинописные надписи (начиная с XVIII в. до н. э.), составленный во II тысячелетии до н. э., но записанный в I тысячелетии до н. э. сборник древних индийских мифов «Ригведа», крито-микенские памятники греческого языка (XV—XIII вв. до н. э.) —

относятся ко II тысячелетию до н. э., но явно предполагают длительное, не менее, чем тысячелетнее, развитие соответствующих языков. Поэтому нет сомнений в том, что к началу III тысячелетия до н. э. из относительно единого праиндоевропейского языка уже выделились анатолийские (хетто-лувийские), арийские (индо-иранские) языки, греческий язык, т. е. индоевропейский праязык к этому времени уже распался.

Те индоевропейские племена, на основе которых позже возникли племена — предки славян, вместе с будущими предками балтов и некоторыми другими племенами также вычленились из индоевропейской общности. По предположениям одних ученых, был период совместной миграции (переселения) или совместного существования будущих балтов и славян с будущими германцами, по мнению других — с предками албанцев, по мнению третьих — с арийскими (индо-иранскими) племенами. Бесспорной является достаточно тесная связь славян и балтов. Однако характер этой связи вызывает разногласия. Одни специалисты высказывают мысль, что в течение некоторого времени существовало определенное этноязыковое единство носителей славянских и балтских диалектов — объединение племен — носителей балто-славянского праязыка. Другие ученые полагают, что балто-славянского праязыка не было, а была лишь смежность и параллельное развитие балтских и славянских диалектов. Третьи думают, что сближение балтских и славянских диалектов имело вторичный характер. Высказываются и другие мнения (первоначальная общность и позднейшее новое сближение и др.). Так или иначе период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. По-видимому, к середине I тысячелетия до н. э., а возможно и раньше, у группы племен уже сформировались собственно славянские диалектные черты, достаточно отличавшие их от балтов. Иначе говоря, в это время сформировалось то языковое образование, которое принято называть праславянским языком (см. 1.2).

То, что многие даты в предыдущих абзацах этого параграфа очень приблизительны (говорится о тысячелетиях), а также то, что здесь не указывались географические характеристики мест, где жили и куда расселились к III тысячелетию до н. э. индоевропейцы и где жили во II—I тысячелетиях до н. э. предки балтов и славян, —

не случайно. Дело в том, что наука не располагает соответствующими точными данными.

Собственно языковые данные иногда очень ценны и интересны, но они не имеют точных географических и хронологических «привязок». Так, к примеру, наличие в славянских и германских или в славянских и иранских языках взаимно заимствованных слов бесспорно свидетельствует о том, что эти языки контактировали, оформление заимствований указывает на то, что контакты эти были очень давно, может указывать, что эти контакты происходили до таких-то и после таких-то звуковых изменений, но не дает ни абсолютной хронологии (такой-то век), ни абсолютной географии (бассейн такой-то реки, территория, ограниченная такими-то градусами широты и долготы). Аргументы о том, что наличие таких-то слов свидетельствует в пользу того, что народ жил там, где росли соответствующие растения или водились определенные животные, например аргумент бука или аргумент лосося, не очень доказательны и показательны. Во-первых, названия растений и животных могли заимствоваться, во-вторых, изменялась сама географическая среда, в-третьих, названия растений и животных нередко меняют значения (известно, к примеру, что славянское название слона восходит к заимствованному из восточных языков названию льва — *ар-слан*). Более точными оказываются собственно языковые данные тогда, когда их как-то удается связать с конкретными датами или территориями. Так, например, славянское слово *korlь > русск. *король* представляет собой имя франкского короля Карла Великого (742—814), родоначальника династии Каролингов, и свидетельствует о том, что метатеза (перестановка) плавных, т. е. переходы типа *tort > trat, trot, torot, в период заимствования — не раньше конца VIII в. — была еще живым процессом или же произошла позже. Впрочем, и здесь иногда ставят под сомнение вопрос о том, о каком Карле идет речь. Но такие увязки удается сделать обычно в более новые времена.

Географически показательны данные местных названий — топонимики, в частности названия рек. Но, с одной стороны, и здесь приходится считаться с возможностью смены и переносов, а с другой стороны, не всегда достаточно убедительны соображения о происхождении, об этнической принадлежности тех или иных топонимов. Кроме того,

топонимы очень часто не имеют точной датировки. Это означает, что топонимика обретает ценность при решении вопросов о проживании на той или иной территории тех или иных народов обычно в соединении с какими-то другими данными.

Археологические данные — типы погребений, сохранившиеся на месте былых поселений остатки построек, орудий, утвари, пищи и т. п. хорошо привязаны к месту и, особенно теперь, благодаря современным методам определения времени путем различного рода химического и физического анализа предметов, неплохо датируются. Это касается и данных исторической антропологии — сведений о типах черепов, характерных болезнях и прочих особенностях сохранившихся останков людей (хотя иногда таких останков мало из-за принятых обычаев трупосожжения). Главная трудность в использовании такого рода материалов состоит в том, что в дописьменную эпоху — а для древнейших индоевропейцев, для эпохи балто-славянского единства или близости, да и для праславянского периода дело обстоит именно так — трудно связать те или иные факты материальной культуры с носителями тех или иных языков и диалектов, с явлениями духовной культуры. Более надежными оказываются такого рода материалы, тогда, когда хотя бы с какой-то стороны удается соотнести археологические данные с данными о носителях того или иного языка.

Отмеченные сложности обусловили наличие ряда спорных положений относительно времени и территории поселения индоевропейцев до и после их разделения. Различные специалисты помещают прародину индоевропейцев в разных местах. Наиболее общей является точка зрения, согласно которой индоевропейцы размещались в центральной и юго-восточной Европе. Идут споры о том, где проходит восточная граница индоевропейцев — по Дону или по Волге, входит ли в указанную зону Балканский полуостров и т. д. Но на основании некоторых данных, в частности в связи со сведениями о развитии животноводства в Европе лишь с III тысячелетия до н. э., высказывается мысль о том, что в более ранний период, в IV и V тысячелетиях до н. э., индоевропейцы размещались в Передней Азии. Так, например, Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов, авторы крупнейшего советского труда об индоевропейцах, говорят о том, что в IV тысячелетии индоевропейскую прародину

можно локализовать «от Балкан (включая Ближний Восток и Закавказье) вплоть до Южной Туркмении». Такие предположения находят, по мнению этих ученых, свое подтверждение и в следах языковых контактов древних индоевропейцев с носителями древних семитских, картвельских и шумерских диалектов. Вообще, когда идет речь о прародине, целесообразно уточнять хронологические рамки пребывания того или иного этноса (племени, группы племен и т. д.) на той или иной территории. В одном тысячелетии прародина могла размещаться к Востоку, а затем соответствующий этнос мог переместиться к Западу и т. п. Но и в этом случае гипотезы едва ли могут восприниматься как окончательные и твердо установленные истины. Чем глубже в историю мы проникаем, тем, как правило, оказываются более предположительными наши построения.

2.1.2. Известия древних историков о славянах

Письменная история о славянах до нашей эры ничего не сообщает. Прозванный «отцом истории» греческий историк Геродот в V в. до н. э. посетил Ольвию (греческий город-колонию на берегу Бугского лимана, к югу от нынешнего Николаева). В книге 4 своей Истории он подробно рассказывает о Скифии, сообщает интересные этнографические подробности, нашедшие подтверждение в изображениях на недавно найденных скифских древностях, рассказывает о различных ветвях и племенах скифов и их соседей, в частности о скифах-земледельцах (пахарях), неврах, будинах. Попытки связать эти этнические наименования со славянами не имеют достаточных оснований.

В I—II вв. н. э. римские и греческие авторы (Тацит — в «Германии», Плиний Старший — в «Естественной истории», Птолемей — в «Руководстве по географии») упоминали о крупном народе венедов (венетов), жившем между Балтийским морем и Карпатами. На основании того, что в немецком языке название «венды» используется для обозначения славян, а также существовали славянские племена вятичи (старое звучание корня — vent), принято считать, что в состав венедов входили славяне. Высказывалось соображение, что венеды были неславянским народом, которые, однако, к I в. н. э. «уже забыли свой родной язык и говорили только по-славянски» (С. Б. Бернштейн).

Лишь в VI в. писавший по-латыни историк Иордан в своем сочинении «О происхождении и деяниях гетов», доведенном до 551 г., сообщает достоверные сведения о славянах, которых он называет склавенами:

«Начиная от места рождения реки Вистулы, на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

Склавены живут от города Новиетуна и озера, именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север — до Висклы; вместо городов у них болота и леса. Анты же — сильнейшие из обоих (племен) — распространяются от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину; эти реки удалены одна от другой на расстояние многих переходов...»

Географические имена (топонимы) в отрывке из Иордана понимают так: Понтийское море — Черное море, Вистула и Вискла, видимо, вариантные названия Вислы, Данастр — Днестр, Данапр — Днепр; Новиетун локализуют по-разному: обычно отождествляют с римским названием Новиедунум в дельте Дуная (ныне Исакча в Румынии), но, по другой точке зрения, — с Невиодунум в Паннонии; неясна и локализация Мурсианского озера.

Сведения о славянах содержит и сочинение византийского историка Прокопия из Кесарии (город в Палестине; 490/507 — после 562) «Война с готами». Прокопий указывает на близость склавенов (славян) и антов, замечая, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». «В древности, — пишет Прокопий, — оба эти племени называли спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну... «рассеянно», отдельными поселками... Они живут, занимая бóльшую часть берега Истра, по ту сторону реки». Истр — фракийское название нижнего Дуная, употреблявшееся греческими и римскими авторами. Прокопий рассказывает о жизни древних славян, об их религии, военной хитрости. Военное руководство «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (конец VI — нач. VII в.) содержит некоторые сведения о левобережных (по отношению к Дунаю) славянах, их военных привычках, общественном строе. Анонимное сочинение «Равенская Космография» (мирооописание) (VII—VIII вв.) считается переводом с греческого памятника V/VI или VII в. В этом памятнике

указывается, что «около 6 часов ночи находится родина скифов, откуда происходят славяне». Мир делился анонимным автором на 24 часа, по 12 дня и ночи, ночные часы — это северные страны. Более точная локализация родины скифов и размещения славян по Равенскому Анониму вызывает затруднения и споры. Византийский деятель Иоанн Эфесский (506—585) рассказал в своем повествовании о славянских нападениях на Византию (в частности, в 578 г.). Таким образом, с VI в. сведения о славянах появляются во многих источниках, что бесспорно свидетельствует о значительной силе их к этому времени, о выходе славян на историческую арену в Восточной и Юго-Восточной Европе, об их столкновениях и союзах с византийцами, германцами и другими народами, населявшими в ту пору Восточную и Центральную Европу. Эти данные не могут, однако, прямо свидетельствовать о месте исторической прародины славян, откуда они стали расселяться на ныне занятые славянами земли. Для решения вопроса о славянской прародине необходимы и другие данные.

2.1.3. Данные археологии

Археологические материалы свидетельствуют о существовании в Центральной и Восточной Европе в период, предшествующий выходу славян на историческую арену, нескольких значительных археологических культур, часть из которых связывается со становлением славянства.

На полосе от р. Варты на Западе до р. Сейм (приток Десны) на Востоке, ограниченной примерно 50—52° северной широты, археологи обнаруживают тшцинецкую (по г. Тшцинец, Польша) культуру, относящуюся к XVI—X вв. до н. э. Жили представители этой культуры в небольших неукрепленных поселениях из землянок и наземных построек, захоронения производили трупоположением, занимались животноводством, меньше — земледелием, общественное устройство было у них родовое. Этническая принадлежность носителей тшцинецкой культуры спорна, но высказывают мысль, что они были предшественниками славян. В дальнейшем тшцинецкая культура вошла в состав лужицкой культуры.

Во II—I тысячелетиях до н. э. на огромных территориях между Роной, Рейном и Вислой, Днестром, Дунаем, от Балтийского до Средиземного морей были распространены

родственные культуры полей погребальных урн, названные так по общему для них обычаю погребения останков сожженных покойников в урнах — глиняных сосудах, поставленных на дно могилы. Эти культуры принадлежали предкам европейских народов — кельтов, германцев, балто-славян, которые еще не были четко разделены. Ее разновидностью была древняя лужицкая культура; она нашла развитие в зарубинецкой, пшеворской культурах.

Лужицкая культура, названная так потому, что первые находки памятников были сделаны на территории Лужицы (где теперь живут серболужичане), — крупнейшая археологическая культура периода до нашей эры, распространенная на территории современного славянства. Она существовала в XIII/XII—IV/II вв. до н. э. на территории от Балтийского моря до Дуная за Судеты и Карпаты, от средней и верхней Эльбы (Лабы) до Волыни. Захоронение осуществлялось трупосожжением (поля погребальных урн). Представители этой культуры занимались земледелием (с деревянной сохой и плугом) и животноводством. Довольно развита была лепная керамика с украшениями, изготовленная без гончарного круга; она оказала влияние на соседей. С VII—VI вв. до н. э. начали изготовлять железо. В поздний период появились богатые погребения, свидетельствующие о выделении верхушки в родовом обществе. Жилища — деревянные дома столбовой или срубной конструкций; иногда дома делали длинными, делившимися на части. Селища были открытыми, но стали появляться и окруженные рвами и земляными валами, в труднодоступных местах. Этническая принадлежность носителей лужицкой культуры вызывала дискуссии: многие ученые считают, что это были венеты, некоторые ученые считают носителей лужицкой культуры предками славян.

В VII—III вв. до н. э. на юге нынешней Белоруссии и на севере нынешней Украины, в бассейне среднего Днепра, Припяти, нижней Десны, получила распространение милоградская культура (названная так по п. Милоград в Речицком районе на Гомельщине). Жили носители этой культуры в полуземлянках и наземных домах столбовой конструкции, которые объединялись в неукрепленные, а иногда и укрепленные селища. Занимались земледелием (для чего изготовлялись железные орудия, хотя основными оставались деревянные) и животноводством. Керамические изделия лепились с круглым (полусферическим) дном, украшались

орнаментом. Захоронения трупосожжением и трупоположением; имеются курганы, но есть и бескурганные могильники. Этническая принадлежность носителей милоградской культуры дискуссионна: ее связывали с неврами, упоминаемыми Геродотом, с балтами, отмечали связь со скифской и латенской (центральноевропейской кельтской) культурой; высказывалась мысль о проявлении в милоградской культуре некоторых черт предшественников славян. Предположение о том, что милоградская культура была как бы базой зарубинецкой, не представляется достоверным; возможно, обе эти культуры некоторое время сосуществовали параллельно.

К III/II в. до н. э. — III/IV в. н. э. относится зарубинецкая культура, названная так по д. Зарубинцы на Киевщине, где В. В. Хвойко в 1899 г. обнаружил могильник. Памятники зарубинецкой культуры характеризуются бескурганными могильниками с трупосожжением; небольшие поселения, состоящие из нескольких наземных или слегка углубленных в землю жилищ, расположены нередко на возвышениях. 50 % костей из остатков пищи принадлежат домашним животным, а следовательно, носители этой культуры занимались как охотой, так и скотоводством; занимались они и земледелием, выплавляли железо и изготовляли соответствующие орудия; керамика лепная (без гончарного круга). Носителей зарубинецкой культуры часто идентифицируют со славянами, иногда с балтами, а некоторые ученые — и с другими этносами. Зарубинецкая культура охватывала территорию среднего Поднепровья: бассейны Припяти, Тетерева на западе и Десны, Сожа на востоке; на севере памятники зарубинецкой культуры находят у нынешнего Могилева, на юге — у Черкасс. Археологи отмечают влияние на зарубинецкую культуру мощной латенской культуры кельтов, распространенной во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. в Центральной Европе.

На западе зарубинецкая культура граничила с пшеворской культурой, названной так по польскому г. Пшеворск, у которого был обнаружен могильник. Памятники пшеворской культуры обнаруживаются в южной и центральной Польше. Они датируются II в. до н. э. — началом V в. н. э. Занимались носители пшеворской культуры земледелием (возделывали рожь) и скотоводством. Могильники бескурганные с трупосожжением. Жилища — столбовые наземные

постройки, иногда полуземлянки. Из ремесел наиболее развито гончарное с применением гончарного круга, металлургия и кузнечное дело. Пшеворскую культуру связывают обычно с венедами, иногда предполагая при этом, что она принадлежала славянскому этносу, входившему в состав венедов.

Пражская археологическая культура V/VI—VII/VIII вв. н. э. названа так по лепной керамике без украшений, яйцеобразной формы с плоским дном и слегка отвороченной наружу кромкой, найденной в конце 1930-х гг. под Прагой. Неукрепленные поселения гнездового типа племен пражской керамики состоят из полуземлянок с печами-каменками. Захоронения производились после кремации в урнах на бескурганных могильниках. На востоке встречаются и курганные захоронения. Различают два типа пражской культуры: пражско-корчаковский тип (от верхнего и среднего течения Эльбы — Лабы до Днепра у устья Припяти с «коридором» на юг, к нижнему Дунаю) и пражско-пеньковский тип (от среднего и нижнего Дуная с выходом в нижнем течении на правобережье Дуная, через причерноморские степи (кроме самого берега), через Днестр, Днепр, к Десне, Сейму, истокам Северного Донца). Пражскую культуру считают славянской и прослеживают преемственность ее с позднейшими славянскими культурами. Это, разумеется, не исключает наличия среди носителей пражской археологической культуры неславянских (иногда славянизуемых) элементов.

Суммируя итоги археологических исследований славянства, видный советский археолог В. В. Седов пишет: «Славянские древности V—VII вв. известны на обширной территории Средней и Восточной Европы — от Эльбы на западе до Днепра и Волхова на востоке и от побережья Балтийского моря на севере до Балканского полуострова и Пелопоннеса на юге. Важнейшими этнографическими признаками культуры славян того времени являются лепная глиняная посуда, домостроительство и погребальная обрядность». В. В. Седов выделяет три крупные группировки славянства. Первая характерна для территории от Эльбы до Припятского Полесья. Она связана с пражско-корчаковской археологической культурой. Здесь типичны находки высоких горшков усеченноконической формы, слегка суженным горлом и коротким венчиком; горшки коричневатые, обычно без орнамента, изготовлены без гончарного

круга. Дома были наземные, срубные и полуземлянки с печами-каменками. Захоронения по обряду кремации в грунтовых могильниках, постепенно вытесняемых курганными захоронениями. Вторая группировка относится к югу (лесостепные земли междуречья Днепра и Дуная, Среднее и Нижнее Подунавье и Балканский полуостров) и связана с пражско-пеньковской культурой. Керамика здесь, как правило, толстостенная, в составе глины дресва, поверхность неровная, орнамента обычно нет. Жилища полуземляночные. Захоронения большей частью по обряду кремации, но появились и трупоположения в грунтовых могильниках без курганов. В северо-западной части выделяется третья группировка, принадлежащая к суковской и дзедзицкой культурам. Керамика здесь ручная, без украшений, обычны выпуклые невысокие горшки с кромкой. Домостроительство наземное. Вплоть до X в. покойников сжигали, а остатки кремации разбрасывали по земле.

Таким образом, археологические данные указывают на некоторые славянские ареалы, однако указания эти не имеют бесспорного характера и нуждаются для своей интерпретации в сравнении с другими данными.

2.1.4. Данные топонимики

Наиболее информативными применительно к древнейшему периоду среди данных топонимики считают водные названия (гидронимы), так как названия населенных пунктов (ойконимы) многократно менялись, как, впрочем, и сами населенные пункты, а древнейшая славянская территория едва ли охватывала горы, и потому названия отдельных вершин или хребтов просто малочисленны. Однако и данные гидронимии, которыми, в частности, серьезно занимались польский ученый Я. Розвадовский, советские слависты О. Н. Трубачев и В. Н. Топоров и ряд других, не очень показательны.

На значительной территории к северу от Десны и Припяти, включая бассейн Немана, до Балтийского моря, Западной Двины и верховьев Волги распространены балтские названия рек. В бассейне нижнего Днепра, Дона и за Волгой отмечается много иранских гидронимов. Славянская гидронимия вперемешку с балтской встречается в правой части бассейна Припяти, причем здесь имеются архаичные славянские названия рек. С другой стороны,

славянская гидронимия распространена в междуречье верхнего Днепра и Десны.

Следует учитывать и то обстоятельство, что достоверность топонимических данных прямо связана с достоверностью их этимологизирования: установления корней, к которым восходят топонимы, их этнической принадлежности и словообразовательной истории. Но для древних топонимов получить достоверные этимологии особо затруднительно: неясно, какие могут быть применены звуковые соответствия; велики колебания в определении первичной семантики названий рек; неясна этническая принадлежность корневых морфем в составе ряда названий рек, а суффиксация, как правило более поздняя, зачастую тоже не имеет безоговорочно признанной языковой принадлежности. Вот и получается, что многие названия водных объектов имеют различные, нередко противоречивые объяснения. Так, например, *Балтик* объясняется как германский, балтский или славянский гидроним; *Днепр* — как фракийский или иранский (или иранский, но принятый славянами через дако-фракийский язык); *Одра* — как кельтский, иллирийский, славянский, германский, венетский; *Ока* — как иранский, индоевропейский или угро-финский; *Шпрева (Шпрее)* — как германский или славянский; *Висла* — как кельтский, индоевропейский или славянский; *Волга* — угро-финский или славянский, *Сава* — кельтский, иллирийский или славянский. Поэтому приходится признать, что в вопросе о славянской прародине сведения топонимического характера недостаточно убедительны, а потому и не общеприняты.

2.1.5. Версия «Повести временных лет» и различная оценка ее в современной науке

Автор древнейшей славянской летописи — древнерусской «Повести временных лет», составленной в начале XII в. на основе ряда более древних источников, был одним из первых, кто пытался изложить историю происхождения славян. Сначала летописец (вероятно, это был монах Киево-Печерского монастыря Нестор) пересказал библейскую легенду о Вавилонском столпотворении. Согласно этой легенде, изложенной в главе 11 библейской книги Бытия, после всемирного потопа люди в стране Сеннаар решили построить (сотворить) город и башню (столп)

до небес. Бог, опасаясь, как бы люди не добрались до его небесной обители, сказал: «Вот один народ и один у всех язык; и вот что начали они делать и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речь другого». И строители города, получившего имя Вавилон, были рассеяны по всей Земле. Сыновья уцелевшего по божьей воле во время потопа Ноя и их потомки разошлись в разные стороны: Сим — на Восток, Хам — на Юг, Иафет (Яфет) — на Север и Запад. Славяне, по представлениям Нестора, являются потомками Иафета.

«Спустя много времени (после Вавилонского столпотворения), — записано далее в Повести временных лет, — сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. И от этих славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими, где кто сел на каком месте. Так, например, одни, придя, сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие назвались чехи. А вот еще те же славяне: белые хорваты, и сербы, и хорутане. Когда волохи напали на славян на дунайских и поселились среди них и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи — лутичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а еще другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами по речке, которая впадает в Двину и носит название Полота. Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, прозвались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Семи, и по Суле и назвались северянами. И так разошелся славянский народ».

Версия Нестора о дунайско-тисском сидении славян основывается скорее всего на имевших большее или меньшее распространение среди его современников представлениях. Возможно, что встречающееся в песнях славян, не живших на Дунае, например белорусов, название этой реки представляет собой отражение памяти народа об одной из прародин славянства. Ученые прошлого отнеслись к сообщению «Повести временных лет» с доверием. Крупнейшие русские дореволюционные историки не сомне-

вались в нем. С. М. Соловьев (1820—1879) писал в своей многотомной «Истории России с древнейших времен»: «Это предание заключает в себе факт, не подлежащий никакому сомнению». Пересказывает начальную русскую летопись по вопросу о сидении славян на Дунае и В. О. Ключевский (1841—1911) в «Курсе русской истории». Однако большинство славянских ученых XX в. отнеслись к версии древнерусского летописца как к фантастическому преданию, развивающему библейские мифы. Лишь в последние десятилетия вновь раздались голоса в пользу дунайско-балканской прародины славян. Югославский археолог В. Трбухович пробует отождествить со славянами описываемых Дионом Кассием паннонцев I в. н. э. Видный советский специалист по славянской этимологии О. Н. Трубачев активно поддерживает мысль о приходе славян с Дуная, ссылаясь, с одной стороны, на сведения, изложенные так называемым Равенским Анонимом в «Космографии» VII в., а с другой, — опираясь на некоторые данные лексики. Он пишет: «Для реабилитации несторовского предания делается и уже сделано ... много, но, конечно, многое предстоит сделать, чтобы преодолеть бесплодный скептицизм» (по отношению к данному историческому источнику). Таким образом, летописные предания о расселении славян на земли, ныне ими занимаемые, находят поддержку у современных специалистов. Однако многие историки и лингвисты считают их не более чем преданиями.

2.1.6. Славяне и их соседи

В решении вопроса о происхождении славян всегда значительную роль играли собственно языковые, а также и внелингвистические данные о соседях славян на различных этапах их раннего развития. Одно из первых делений индоевропейских племен на группы, по которому могут быть выявлены более близкие и более отдаленные носители индоевропейских диалектов, — это деление по наличию или отсутствию перехода смягченных заднеязычных в свистящие или шипящие, так называемое выделение групп языков kentum и satəm. Кроме славянских, к группе satəm относятся балтские, индийские, иранские, армянский, албанский языки. Это членение индоевропейской языковой области не явилось, однако, окончательным и перекрывалось другими делениями и объединениями в пору более поздних миграций индоевропейцев.

По совокупности многих других данных считают, что наряду с ближайше родственными славянским балтскими языками сравнительно близки со славянскими германские языки. Несмотря на то что последние относятся к языкам группы kentum, следует предположить довольно длительный период совместного существования славянских и германских диалектов, в ходе которого выработались некоторые общие черты, прослеживаемые в лексике и грамматике, хотя этих черт меньше, чем черт сходства славянских и балтских языков.

В определенный период германцы были соседями славян. Так, во II—IV вв. н. э. готы обитали к северу от Черного моря и в процессе своих перемещений имели контакты со славянами. Другой ряд контактов славян и германцев относится к V—VI вв., когда территория контактов должна быть отнесена на Запад. В результате этих контактов в славянские языки проникли слова германского происхождения *xlěbъ ‘хлеб’, *mečь ‘меч’, *poръ ‘поп’, *šelmъ ‘шлем’, *bljudo ‘блюдо’, а в германские — некоторые славянские слова, например *skotъ ‘скот’. Балты, как уже отмечалось, были в течение многих веков ближайшими соседями славян, балтские и славянские языки обладают исключительной близостью. Общими являются, в частности, многие слова, не отмечаемые в других индоевропейских языках, в том числе *rǫka ‘рука’, *golva ‘голова’, *lipa ‘липа’, *gvězda ‘звезда’ и др. Некоторые слова, присущие славянским и германским языкам, охватывают также балтские, например: *gladъkъ(jь) ‘гладкий’ (разумеется, с иным суффиксальным оформлением). Индоевропейская этимология стремится найти соответствия славяно-балтским (или балто-славяно-германским) лексическим параллелям и в других индоевропейских языках. Вопрос о древнейших балтских заимствованиях в славянских языках и, напротив, славянских заимствованиях у балтов очень сложен, так как затруднительно отличить такие древние заимствования от родственных (общих по происхождению слов).

Соседями славян были иранцы, располагавшиеся в исторические времена (т. е. после письменной фиксации сведений о славянах) или незадолго до этого к юго-востоку от славян. Иранские племена скифов кочевали в Северном Причерноморье. Близость славянских и иранских народов

отразилась в их языках. Так, слова *bogъ, *nebo, *slovo, *xvorъ, *sormъ 'стыд' имеют в иранском те же значения, которые характерны для этих слов в праславянском языке, в то время как в других индоевропейских языках соответствующие слова зафиксированы в иных значениях. Некоторые славянские слова считают заимствованиями из иранских языков. К таким словам нередко относят *rajь, *mědь.

На северо-востоке славяне в исторические времена соседствовали с финно-угорскими племенами. Следы этого соседства отразились в некоторых древних восточнославянских заимствованиях в диалектах финно-угорских языков. В числе прочих были заимствованы славянские слова *окно, пакля, бердо, кудель, серп, тоска* и др.

Еще в древний период славяне имели контакты с греками. Общеславянский характер имеют заимствования из греческого, такие, как *korabjь 'корабль', *koliba 'пастушеский шалаш', возможно *kadь, *termъ 'терем' и некоторые другие. Некоторые древние заимствования произошли и из иных языков. Так, средиземноморский характер имеет слово *vino 'вино', попавшее в славянский, возможно, из латыни (если не считать его славянским отражением индоевропейского слова, связанного с корнем слова *viti 'вить', что, однако, сомнительно). Обсуждение вопроса о славяно-кельтских языковых контактах дало немного; возможно, кельтское происхождение имеют слова *sluga, *braga.

Надо сказать, что почти о всех словах, которые считают заимствованиями древнего периода, идут споры: одни ученые полагают, что такое-то слово пришло в славянский не из того языка, из которого выводят его другие ученые; третьи предполагают, что это слово общего происхождения, а не заимствованное; четвертые высказывают мысль об обратном ходе заимствования; пятые вообще ставят под сомнение связь данных слов; шестые высказываются за иную (нередко существенно более новую) датировку заимствования. Поэтому вопросы о древнейших славяно-неславянских языковых контактах наталкиваются при своем решении на серьезные затруднения. И твердо основываться на данных о языковых контактах при решении вопроса о происхождении и древнейшем размещении (локализации) славян не удается: предположения одних опровергаются или ставятся под сомнение другими.

2.1.7. Современные точки зрения на происхождение и прародину славян

Как можно было убедиться, взятые в отдельности различные сведения о славянах в древнейший период — и данные истории, и данные археологии, и данные топонимики, и данные языковых контактов — не могут обеспечить достоверных оснований для решения вопроса о времени и месте формирования праславянского языка, т. е. об этногенезе славян. В связи с этим нельзя до сих пор сказать, что вопрос этот решен.

Более или менее ясным и не вызывающим споров является то, что славянские племена выделились из других индоевропейских племен. Но вопрос о месте уже вызывает трудности и при характеристике абсолютного места, и при характеристике относительного места (т. е. выяснения ближайших соседей славян); не решается однозначно и проблема времени вычленения славянских диалектов из других индоевропейских: разрыв между точками зрения охватывает здесь, пожалуй, около тысячелетия. В этих условиях приходится характеризовать имеющиеся взгляды как гипотезы, предположения, точки зрения. Более того: приходится высказать мысль, что это вопрос не только еще не разрешенный, но, быть может, и вообще неразрешимый (во всяком случае без добавки существенно новых фактов в наши знания об этом периоде). И вместе с тем нельзя не отметить огромный интерес к проблеме со стороны достаточно широкого круга ученых, подогреваемый интересом общественности. Пути решения проблемы происхождения и первичного поселения славянства видят обычно в комплексном подходе, который бы учитывал все возможные сведения о славянстве. Это, конечно, совершенно верно. Однако крайне сложно найти прочные узлы, которые бы связывали разнообразные и трудно сопоставимые данные воедино, тем более что и решения, которые могли бы быть подсказаны каждым из материалов, очень далеки от однозначности и определенности. Приходится составлять определенное решение из ряда неопределенностей.

Укажем, однако, хотя бы бегло некоторые бытующие в науке представления о древней родине славян (или древних прародинах, сменявших друг друга в ходе исторического развития) и о времени вычленения славян и поселения их на тех или иных территориях.

Согласно мнению некоторых историков и языковедов, прародина славян находилась на Востоке, в Азии (В. М. Флоринский, К. Мошиньский, Э. Гаспарини), или на Востоке Европы — на Оке и Волге (Х. Ловмянский). В бассейне Немана и Западной Двины искал прародину славян А. А. Шахматов. Отсюда, по его мнению, пришли славяне на нынешние места обитания, причем для многих ученых вполне возможны и даже очевидны промежуточные остановки славян на тех или иных территориях. Так, например, по мнению А. А. Шахматова, «некогда славяне были жителями севера и притом сидели севернее германцев, ибо только движения последних на юг очистили пути в южную Европу и славянам». Шахматов вообще утверждал, что все европейские племена тянулись к более благоприятному в смысле жизненных условий Югу. По Шахматову, «исконною территорией восточных индоевропейских племен, в том числе и предков славян, был северо-запад России, бассейн Балтийского моря». Балты и славяне оставались на месте. Это мотивируется значительными славяно-германскими контактами и тем, что многие элементы средиземноморской и кельтской культур пришли к славянам через германцев, которые были юго-западными соседями славян. Во II—IV вв. н. э. готы покинули Повисленье, двинувшись на юг к нижнему Дунаю. Славяне, по Шахматову, заняли — еще до нашествия гуннов — Повисленье (северное Повисленье было захвачено балтами — прусами), а после падения гуннского владычества продолжили движение к устью Дуная. При этом западные славяне двинулись на запад в Германию с разреженным в то время из-за передвижения народных масс населением. Здесь они были остановлены и частью отброшены на восток, в нынешнюю Белоруссию, а может быть, и далее. На нижнем Дунае, по Шахматову, славяне оказались на рубеже V—VI вв. Шахматов считал, что упоминаемые Прокопием из Кесарии склавены — это южные славяне, а анты — восточные славяне. Эта точка зрения, как, впрочем, и другие элементы концепции Шахматова о славянской прародине, вызывали в научной литературе возражения и со стороны современников ученого, и в наши дни.

Как уже отмечалось, в современной науке имеются сторонники версии о дунайской прародине славян, выдвинутой Нестором в «Повести временных лет», хотя многие продолжают относиться к ней скептически.

Бóльшая часть современных историков и языковедов, занимающихся вопросом о прародине славян, помещают ее на территории между Днепром и Одером (Одрой), в лесостепной и лесной зонах, т. е. к северу примерно от 50° и к югу от 55 или 54° северной широты, т. е. между Балтийским морем, Неманом на севере и Карпатами на юге. Однако в решении вопроса о размещении славян внутри этой значительной территории тоже нет единства. Многие ученые видят прародину славян на Полесье и на смежных территориях (М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафиньский), между Одрой и Вислой (многие польские ученые: Я. Чекановский, М. Рудницкий, К. Яждевский, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский; из советских языковедов — В. В. Мартынов), между Днепром и Вислой (советские археологи М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, польский историк Г. Лабуда). Ряд ученых указывает уже названные более широкие границы, иногда с некоторыми уточнениями и мотивациями (чехословацкий историк и этнограф Л. Нидерле, советский историк П. Н. Третьяков, польский языковед Я. Розвадовский, польский историк В. Хенсель, чехословацкий археолог и историк З. Ваня, польский лингвист В. Маньчак и др.). Следует сказать, что и принятие за истину сообщения «Повести временных лет» не исключает позднейшее поселение славян на территории между Днепром и Одрой.

Так или иначе, к середине I тысячелетия н. э. славяне занимали указанную территорию между 50 и 55° северной широты, между Днепром и Одрой. Поскольку ранний праславянский язык отличался единством, диалектное членение его было не очень значительным, надо полагать, что первичная территория, на которой праславянский язык существовал, была более ограниченной. Но уже расселение на территории между Днепром и Одрой, имевшей значительную протяженность в условиях отсутствия транспортных артерий — рек, которые бы текли вдоль всей этой территории с запада на восток или обратно, вело к усилению диалектной раздробленности.

В бассейне Днепра, включая Припять, формируется восточнославянская диалектная область, а в бассейне Вислы (с границей по Западному Бугу в его среднем течении на востоке и по Одре и Нисе на западе) — область западнославянских диалектов. В сочетаниях *tl, *dl на

востоке утрачивается смычный, а на западе он сохраняется; в сочетаниях *kv, *gv перед *ě и *i, происходившими из дифтонгов, на востоке заднеязычные превращаются в с и z, а на западе они сохраняются; в сочетаниях губных согласных с *j на стыке морфем на востоке развился согласный *l на месте *j, а на западе *l не получил развития; долгие мягкие *t', *d', возникшие из сочетаний *tj, *kt (перед *i) и *dj, превращаются на востоке в шипящие (*č, *dž), а на западе — в свистящие (*c, *dz).

К этому времени в составе западных говоров уже выделились подгруппы северная (пралехитская) и южная (прачешско-словацкая). Восточная группа диалектов также имела диалектное членение. С одной стороны, здесь выделяется подгруппа, которую можно было бы охарактеризовать как восточную или северо-восточную, — она легла в основу современных восточнославянских языков. С другой стороны, вскоре после формирования различий восточных и западных диалектов начала формироваться группа южнославянских диалектов, основой которой стали, видимо, диалекты центральной подгруппы восточнославянской группы. Часть этих говоров продолжала еще взаимодействовать с западнославянскими. Внутри складывавшейся южнославянской группы выделились две подгруппы, на базе которых в будущем сложились, с одной стороны, словенский и сербскохорватский языки, а с другой — болгарский и македонский. В результате упомянутых взаимодействий формировавшейся группы южнославянских диалектов с западнославянскими и восточнославянскими сложился целый ряд изоглосс — линий, соединяющих одинаковые черты диалектов, например словенско-словацкие изоглоссы. Окончательное формирование южнославянской диалектной группы происходило в результате заселения славянами значительных территорий на Балканах, видимо в основном в VII—VIII вв. н. э., хотя отдельные славянские поселенцы могли проникнуть на Балканы и ранее, в частности в VI в. Для южнославянских диалектов характерны уже названные отличия от западнославянских, общие с восточнославянскими. В отличие от восточнославянских (и в соответствии с западнославянскими) южнославянские сохраняют начальное *e- перед мягким слогом при восточнославянском *o-.

В южнославянских диалектах начальные сочетания *ort-, *olt- всегда дают *rat-, *lat-, в то время как в восточно- и западнославянских диалектах в некоторых случаях (определяемых старым музыкальным ударением) здесь выступает или *rot-, *lot-, или такой же рефлекс, как в южнославянских. По-разному отразились у славян былые сочетания типа *-tort-, где t — любой согласный, на месте r может быть и l, а на месте *o* также *e*. В западнославянской лехитской группе здесь *-trot-, в южнославянских диалектах и в чешско-словацкой группе — *-trat- (при исходном *e* на месте *a* здесь ě), а в восточнославянских диалектах здесь полногласное сочетание типа *-torot-.

Примерно в VII в. н. э. славяне заселили значительные территории Восточной Европы, включая Балканы, на западе дошли до Эльбы и вышли за нее, на севере вышли к Балтийскому морю, а на востоке продвинулись за Днепр. В дальнейшем продвижение славян было направлено главным образом на восток, вероятно не в последнюю очередь из-за того, что здесь территории оказывались малозаселенными, а подчас и незаселенными. На западе в первых веках II тысячелетия н. э. славяне также передвинулись восточнее, в основном к рубежу Одры и Нисы, лишь сравнительно небольшие группы славян оставались западнее этих рек. На юго-востоке славяне вышли в конце I тысячелетия н. э. к Черному морю, на северо-востоке славянская колонизация в первых веках II тысячелетия н. э. дошла до Белого моря.

2.2. ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ПО ДАННЫМ ИХ ЯЗЫКА

2.2.1. Вводные замечания

Вопрос о том, где и когда возникла славянская языковая общность, — отнюдь не единственная комплексная проблема изучения древних славян. Не менее важно и интересно выяснить, как жили славяне в древности. Сделать это можно, основываясь на комплексе данных. В этот комплекс входят прежде всего языковые данные. Наличие в праславянском языке тех или иных слов позволяет установить, разумеется с некоторыми поправками и уточнениями, что славяне были уже в тот период знакомы с теми или иными предметами, явлениями, действиями, качествами и т. п. Наряду с языковыми данными могут быть использованы факты фольклора, отражающие наиболее древние его слои, позволяющие восстановить различные

черты древних обычаев и обрядов, верований, хозяйственной жизни древних славян, особенностей их быта, общественного устройства и т. п. Для реконструкции картины жизни древних славян могут быть привлечены также сведения этнографического характера, разумеется характеризующие наиболее архаичные слои жизни славян, а также сведения археологии в тех случаях, когда известно, что данная археологическая культура принадлежала славянам. В какой-то мере используются и аналогии — данные о жизни других этнических образований, находившихся в подобных условиях на аналогичном этапе своего развития. Разумеется, все эти сведения верифицируются (проверяются и подтверждаются) и путем сопоставления друг с другом, и другими способами. В результате удается получить некоторые представления о жизни, быте, обществе древних славян.

2.2.2. Человек, семья, род

Существенное место в праславянском лексиконе занимают названия лиц, а среди них очень архаичным слоем являются названия родственников, многие из которых имеют индоевропейское происхождение. Терминам родства в славянских языках посвящено много исследований; можно указать появившиеся за последние десятилетия книги О. Н. Трубачева и В. Шаура.

Очень архаичны восходящие к детской речи слова с повтором слогов: *baba, *mama, *ńańa (nena), *dědа (d'ad'a, dědъ), *tata (t'at'a, teta), *lel'a (l'al'a). Эти слова нередко имеют довольно широкое значение: *baba — в общем и целом это немолодая женщина, 'бабушка', 'женщина', 'жена'; *dědъ (-a) 'дедушка', а *d'ad'a — 'дядя'; *tata (t'at'a) 'отец' и *teta 'тетя'. Слово *lel'a представлено в большей мере в диалектах: русск. диал. *лёля* 'тетка; старшая сестра; родственник, старший по возрасту', болг. *леля* 'тетя', полабск. l'ol'a 'отец'. Иногда считают, что *lela — не славянское, а более новое образование, возникшее на базе детской речи. Подобным образом объясняют нередко и *nena, хотя во многих славянских диалектах представлены похожие слова: русск. *няня*, укр. *неня* 'мама', болг. *неня* 'сестра матери', словацк. ňaňa 'тетя', кашубск. nena 'мать' и т. п. Скорее всего, слова такого типа существуют в особом режиме, подвергаясь

воздействию детской речи и в звуковом и в семантическом отношении не только в период возникновения и закрепления, но и позже. Эти слова из детской речи, в чем-то близкие к звукоподражательным, позже приобретали суффиксы, способствовавшие фиксации их в более определенных значениях. Так, например, произошло со словом *бабушка* в восточнославянских языках. Индоевропейский корень *ǒt-, связанный со славянским *tata, с суффиксом *-ьсь дал название отца: *otьcь. От элемента *ma- (ср. *mama) с индоевропейским суффиксом *-ter- образовано название матери: *mati, р. п. *matere; со славянским суффиксом от *mati образовано название мачехи: *matjexa. К названным словам детской речи примыкает и *bata (bat'a, batja), обозначающее отца, а в некоторых диалектах и старшего брата.

Следует сказать, что слова, обозначающие родственников, находятся в теснейшем взаимодействии с общими наименованиями лиц, в которых дифференциация значения сводится к половым и возрастным признакам. Наиболее общим из таких слов является слово *čelověkъ, имеющее невыясненное до конца происхождение. Явно производными от прилагательных являются здесь такие слова, как *starьcь 'старик', *moldenьcь 'молодой человек', *junakъ, *junošа 'юноша'. В значении общего названия лица широко употребляются и слова, обозначающие родственников; ср., например, *baba 'женщина', *dědъ 'старик' и т. п. С другой стороны, некоторые слова, имеющие скорее общее значение, используются и в функции названия родственников: *otrokъ обозначает не только мальчика, но и сына; *děva, *děvica, *děvъka обозначает обычно лицо женского пола молодого возраста, но может обозначать и дочь. Ярко проявляется взаимодействие общего и родственного (точнее, свойственного) значения в словах *mǫžь и *žena, обозначающих как вообще лиц, так и супругов мужского и женского пола; производные типа русск. *мужчина* и *женщина* появились позже.

Особую группу слов составляют названия родственников по кровному родству. Сюда относится несколько обозначений родственников по нисходящей линии: *dětę 'дитя', *čędo 'чадо'; *synъ 'сын', *dъkter- 'дочь' (ср. *дочери, дщерь*); *vъnǫkъ 'внук', *vъnǫka 'внучка'; *pasynъkъ 'пасынок', *padъkterica 'падчерица'; *bratučędъ 'племянник'; ср. также *sirota 'сирота', *korylъ 'внебрачный

ребенок'. Несколько слов называют родственников, относящихся к одному поколению (праслав. *kolěno 'поколение'): *bratrъ 'брат', *sestra 'сестра', *bliznьcь 'близнец'. Сюда примыкает и слово *pobratimъ 'названный брат'. Слова *stryjь и *ujь обозначают дядю по отцу и дядю по матери. Среди слов этой группы есть и древние, индоевропейские по происхождению (*čędo, *synъ, *dъkter-, *bratrъ, *sestra), и явно имеющие славянские словообразовательные форманты (*pobratimъ). Они отражают как бы разные этапы развития кровнородственной семьи, необходимости обозначения различных ступеней родства.

Рождение ребенка (глагол *roditi) у древних славян, как и у других народов, воспринималось как событие, требовавшее осуществления некоторых обрядов, связанных с гигиеной и мифологическими, а также социальными представлениями. С одной стороны, мать и ребенок, видимо, на некоторое время так или иначе изолировались, считались нечистыми, затем производился акт очищения (в том числе и буквального обмывания), после чего мать получала возможность вновь общаться с другими членами рода. Для ребенка это означало включение его в семью и общину. Возможно, что с этим был связан обычай пострига, известный по более поздним записям у различных славян.

Довольно большая группа слов праславянского языка связана с браком (*bъrakъ, *svatьba). Это, конечно, уже упомянутые слова *mǫžь и *žena, а также *sǫprǫgъ 'супруг' и *sǫprǫga 'супруга'. Сюда относятся названия супругов перед браком *ženixъ и *nevěsta, а также после смерти супруга *vьdova и *vьdovьcь. Имеются обозначения родителей супругов по отношению к самим супругам: *svekrъ и *svekry, *tьstь и *tьstja и по отношению друг к другу: *svatъ, *svatьja / *svaxa; супругов по отношению к родителям другого супруга: *zętь, *snъxa. Есть и термины, обозначающие братьев и сестер супругов (по отношению к другому супругу), а также супругов этих братьев и сестер: *šurь (šurinъ), *děverь, *zъly (zъlva), *jętry. Обобщающим обозначением свойственников является слово *svojakъ. Интересно отметить, что в индоевропейской системе обозначения свойства имелись термины для обозначения жен родственников мужа, но не было обозначений для родственников жен, поскольку они принадлежали к другому роду (из которого умыкалась невеста), а потому не были

членами данной семьи: не было, к примеру, обозначений для мужа дочери, мужа сестры, отца и матери жены. Был, к примеру, термин, обозначающий сестру мужа, но не было термина для брата или сестры жены (Т. В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов).

Брак у древних славян строился в результате похищения девушки из другого рода, племени или (возможно, несколько позднее) ее выкупа. Еще в XI в., по словам древнерусской летописи, похищение было распространенным явлением. В славянском фольклоре распространен мотив выкупа или похищения (умыкания) невесты. Судя по тому, что известно о некоторых исторических лицах древнего славянства (князь Само, киевский князь Владимир), допускалось многоженство. Вместе с тем сожительство с чужой женой наказывалось, хотя на внебрачные связи с незамужними женщинами смотрели не слишком строго, как и на добрачные отношения. Брак между представителями разных родов, хотя без строгого разделения на брачные классы, как в других архаичных обществах, был важен в биогенетическом плане. Вместе с тем он вполне соответствовал стадии социального развития и ощущению единства славянских родов (хотя, конечно, этим не исключалось и включение в брачные отношения со славянами представителей неславянских этносов). Дошли не вполне ясные сведения о случаях убийства детей после рождения, однако мотивы детоубийства неясны; христианские проповедники в начале II тысячелетия боролись против преждевременного изгнания плода (Чехия, Русь).

Праславянский характер имеют слова *rodъ, *sěmьja, *rodina 'семья'. Род объединял предков (*perdъkъ) и потомков (*potomъkъ); интересно отметить, что оба эти слова симметричны по своей внутренней форме: 'тот, кто был перед (*perd-) и после того (*po tomь), по отношению к кому исчисляется родство'. Несколько родов объединялись в племя (*plemę) и *narodъ. К названиям семьи можно отнести еще праслав. *čel'adь, обозначавшее совокупность домочадцев (*domočędьcь), т. е. детей, рабов, слуг, живущих в доме; отдельный член челяди назывался *čel'adinъ, *čel'adьnikъ. Несколько прилагательных также относятся к области семейных отношений: *xolstъ(jь) 'холост(ой)', *bližьnь(jь) 'ближний'; ср. также характерные указания на отсутствие родных: *bezrodьnъ 'безродный', *bezotьnъ 'без отца', *bezdětьnъ 'бездетный'.

Таким образом, можно сказать, что семья у древних славян была большой, в нее входили представители по крайней мере трех поколений, причем близки были и многие родственники одного поколения. Родство играло важную роль в общественной жизни; имелись термины для обозначения включаемых в семейные отношения новых членов семьи в связи с браком. Эти собственно языковые данные находят подтверждение в этнографическом материале: в архаичных больших семьях в старой Руси, в Сербии *(задруга)*, в сохранившихся старинных постройках, предназначенных для крупных семейных объединений, в культе Рода, в значимости родственных связей у многих славян.

2.2.3. Общество

Как уже было отмечено, собственно славянские диалектные черты сформировались в середине I тысячелетия до нашей эры, а может быть, и раньше. Распад праславянского языка происходил в середине I тысячелетия нашей эры. Следовательно, время существования того этнолингвистического единства, которое обозначают как «древние славяне», — это примерно тысяча лет, а возможно, и больше. Первичная социальная организация — большая семья; несколько таких семей, составлявших род, на древнем этапе объединялась с другими родами в более крупное объединение — племя (*plemę). Вначале племена объединялись по принципу кровного родства; у древних славян еще имелись остатки представлений о кровной (родовой) мести (*mьstь), когда все члены рода охраняли каждого члена рода. Однако достаточно давно, еще в индоевропейский период, племена стали формироваться не только по признаку кровного родства, но и по признаку соседства, по территориальному признаку. Вполне вероятно, что такие племена, образованные из носителей одного языка, близких верований, одинакового хозяйствования, считали себя объединенными по родственным связям (ср. др.-русск. *вервь*), на них распространялись представления о кровнородственных объединениях.

Крупные передвижения народов на юге Восточной Европы в первой половине I тысячелетия нашей эры вели, с одной стороны, к территориальному разобщению первоначальных славянских племен, с другой — к образованию

более крупных племенных группировок, в том числе полиэтнического характера, состоявших из представителей нескольких этносов (исторически сложившихся более или менее устойчивых общностей людей — в то время племен, а позже — народностей, народов). Члены различных этносов объединялись, принимали общий язык (в данном случае — славянский), вели общее хозяйство и защиту своей (*svojь) территории от чужих (*tjudjь). Во главе рода стоял реальный старейшина — самый старый и опытный, а потому уважаемый представитель рода, быть может *dědъ (неслучайно до недавнего времени в крестьянских хатах в почетном углу ставились снопы, называвшиеся дедами и являвшиеся объектом почитания), а во главе племени становился вождь (*vodjь). Вполне вероятно, что такой глава первоначально избирался на совете (*sъvětъ, *větje 'вече') как временный предводитель для выполнения какой-то конкретной, например военной, задачи.

Три элемента отражались в то время в общественном устройстве: хозяйственную основу общества составляли многочисленные рядовые члены племени — скотоводы, земледельцы; в течение длительного времени формировалось почитание предков, культ Рода, покровителей его, явлений природы, отдельные лица становились выразителями этих верований, посредниками между родом и теми силами, которые почитались и обожествлялись (*žьgьsь); наконец, формировались группы лиц, входивших в состав тех, кто выступал руководителями родов, племени. Постепенно складывалось противопоставление первой и остальных групп лиц, происходило разложение первобытнообщинного строя у древних славян. К тому времени, когда славяне вышли на историческую арену и упоминания о них появились в сочинениях римских и греческих авторов, это разложение было уже значительным. Изменяются имущественные отношения: орудия и средства производства из всеобщей и ничьей конкретно собственности в роде становятся собственностью отдельных членов племени; за счет пленников (ср. *pelnъ 'плен'), а отчасти, возможно, и бывших членов своей общины появляются отдельные рабы (*orbъ), хотя рабовладельчество в широкой, всеохватывающей мере у славян развития не получило. Можно полагать, что славяне перешли от первобытнообщинного строя к реннефеодальному, в основном минуя развитую стадию рабства. Не случайно, очевидно, термин

раб (*orbъ) использовался у славян и для обозначения дитяти (*orbę, ср. *ребенок*). Дело в том, что раб был собственностью господина так же, как ребенок был собственностью отца. Поэтому рабство у славян не получило тех форм, которые характерны для Рима и зафиксированы в Римском праве. Вместе с тем надо отметить, что славяне-рабы (причем не только пленники, но и проданные своими господами купцам) попадали на рабовладельческие торги на Ближнем Востоке. Вполне вероятно, что ситуация не была единой для всего славянства; одно дело — бывшие римские колонии, а иное — «свободные территории» в лесной зоне Средней и Восточной Европы.

Разложение первобытнообщинного строя и формирование собственнических отношений отразилось на том, что в праславянском языке имелась довольно большая группа слов, характеризующих имущественные отношения. Начнем со слов, обозначающих вообще имущество. Это обычно производные слова: *jьmě̌nьje (внутренняя форма: то, что взято), *dobytъkъ (то, что добыто), *statъkъ (то, что стоит), *dostatъkъ (то, что досталось), *kǫb(ъ)lo (собранное). Появляются слова, характеризующие обилие, богатство с корнем *bog-: *bogatъ 'богатый', *bogatě̌ti 'богатеть', *bogatьstvo 'богатство', *bogačǔ 'богач'; ср. важное в этом кругу слово *sъbožьje 'урожай' (ср. белор. *збожжа*) и другое не менее важное — *ubogъ 'убогий'. Вопрос о смысловых отношениях этих слов со словом *bogъ продолжает в науке дискутироваться.

Архаичным является, видимо, слово *sъčǔę̌stьje, в котором внутренняя форма раскрывается как 'соучастие' (скажем, в добыче или урожае) и свидетельствует об отражении в этом слове старых общественных отношений. Сюда же относится и слово *dě̌liti 'делить', характеризующее то время, когда осуществлялся раздел (*dě̌lьba) имущества. Более поздние экономические отношения отражает слово *mě̌na. Слово *tъrgъ указывает на расширение у славян торговли; этот славянский термин был заимствован в скандинавские и угро-финские языки (ср., в частности, название финского города Турку). На внутреннем рынке предметами торговли во второй половине первого тысячелетия были сельскохозяйственные продукты, шкуры и меха, воск, соленая рыба, ремесленные изделия, керамика. Дорогие изделия из металлов, стекла, драгоценных камней были предметом ввоза.

Торговля имела первоначально меновой характер. Слово *cě̌na этимологически связывается с понятием наказания (*kajati sę 'каяться', *kaznь 'наказание, казнь'), лишь позже становится, видимо, обозначением регулярной платы при покупке. Можно указать и другие обозначения различных плат: *plata, *myto 'пошлина', *mьzda 'плата за услуги'. Сюда примыкают обозначения дани (*danь, *danina), а также подарка (*darъ, ср. и *dariti). Дань еще в Древней Руси имела натуральный характер. Интересно отметить, что корень слов *kupiti 'купить', *kupьsь 'купец', *kupja 'купля' имеет готское происхождение, это — заимствование. Показательно, что названия денег у славян заимствованы; наиболее старое из них — это заимствованное из германских языков слово *pě̌nę̌dzь (ср. нем. Pfennig), русск. *деньги* или болг. *пари* заимствованы позже из восточных языков. В этой связи надо отметить и то обстоятельство, что слово для обозначения понятия 'дешевый' различается по славянским языкам: восточнослав. *дешев*, польск. tani, болг. *евтин*; развитие значения слова *dorgъ 'дорогой' идет от 'милый' к 'дорогостоящий', оно тоже не едино для всех славян.

Наличие имущественных отношений ведет к тому, что кто-то забирает имущество не по существующим правилам: происходит *grabě̌žь или *kradja / *kradě̌žь. У одних лиц имущество скапливается с избытком (*lixva, *jьzbytъkъ), у других же чувствовалась беда (*bě̌da), нужда (*nudja). Люди заботятся о материальной пользе для себя (*koristь). Возникает понятие наследства (*dě̌dina).

С разложением первобытнообщинного строя не только перестраиваются имущественные, экономические отношения, но и возникают новые понятия политического и юридического, говоря современным языком, порядка. Интересно отметить, что понятие власти возникает на базе понятия имущественного: корень тот же, что в глаголе *владеть*, восходящем к значениям 'владеть, наследовать, править': *voldtь. В праславянском языке складывалась элементарная терминология, связанная с правом: *pravo, *rędъ 'ряд, порядок', *rędіti 'устанавливать порядок', *sǫdъ 'суд', *sǫditi 'судить', *zakonъ 'закон', *vina, *krivica 'вина' (интересно антонимичное использование корней *prav- и *kriv- в этом переносном употреблении), *kara, *kaznь 'наказание'.

Имеется несколько слов для обозначения споров: *sporъ, *svara, *kotora, а также распри: *kormola. Получает расширенное использование сначала чисто телесное понятие силы: *sila, *mogtь 'мощь', *snaga 'стремление'; с этим понятием связано и понятие *vol'a, этимологически соотносимое с *velěti 'велеть', и нем. wollen 'хотеть'. Возникает и антонимическое понятие *pokora 'покорность'; приобретают переносные значения слова типа *jьgo 'ярмо, иго'. Появляется несколько обозначений принесения зла (*zъlo): *вред* (*verdъ), *клевета* (*kleveta), *му́ка* (*mǫka). Вообще в этой области широко используется расширительное переносное значение слов, в котором первичное конкретное значение распространяется. Так, *pričina могло иметь более узкое значение, соотносимое, например, с *зачинать* (ребенка) или диал. *чинить* (хлеб) 'заквашивать (хлеб, муку)'.

Надо отметить, что понятия, связанные с государством, в праславянском языке еще не получили широкого развития. Нет общеславянского слова для обозначения государства, древнейший из терминов *dьržava 'держава' представлен не во всех языках в этом значении. Показательно, что заимствованными являются названия почти всех представителей господствующего слоя, а особенно — руководителей государства: *kъnędzь 'князь' из готского kuning, *carь < *cьsarь, *cěsarь из римского имени Цезарь, *korlь 'король' из имени франкского руководителя Карла Великого (у славян для обозначения своих властителей стало употребляться не ранее X в.). Славянское по происхождению слово *vodjь 'вождь' обозначало племенного руководителя, и лишь слово *voldyka 'владыка' могло обозначать руководителя крупного коллектива людей типа государства или региона. Надо отметить связь этого слова с тем же корнем *vold-, который содержится в словах типа *власть* и связан с понятием владения. Неясно происхождение еще одного славянского термина для руководителя, хозяина — *gospodь; высказана мысль о связи первой части этого слова со словом *gostь, но пока не удалось выяснить вторую часть (ср. и *gospoda 'хозяйство'). Не вполне ясна и этимология такого обозначения, как *gъrapъ (откуда — *пан*). Такие слова, как *государь, боярин*, имеют более узкое распространение и не относятся к праславянскому наследию.

В праславянском были некоторые обозначения представителей подчиненного класса. Это такие слова, как *orbъ 'раб', *xolpъ 'холоп, раб, крестьянин', *sluga, *kъmetъ 'слуга', *smьrdъ 'крестьянин'. В этимологии этих слов много неясного, и это мешает выяснить их первоначальное значение, а следовательно, характеристику социальных отношений в то время, когда эти слова возникли.

Таким образом, оказывается, что в праславянском имелась уже лексика, свидетельствующая о социальной дифференциации, но лексика для обозначения основных государственных понятий еще не сложилась. Это связано, видимо, с тем обстоятельством, что древнейшие славянские государства образовались уже после распада праславянского единства в результате расселения славян и вхождения их в контакты с представителями других народов. Более того, в этих государствах, возникших в VII в., — государстве Само и Первой болгарской державе — существенную роль играли неславянские элементы: кельты или франки (германцы) в государстве Само, протоболгары (тюрки) в Первой болгарской державе.

Очевидно, что не только государствам, но и племенам, и тем более союзам племен, была присуща и некоторая военная функция защиты своей территории, своего имущества и захвата чужого. Поэтому в праславянском словаре нашла отражение военная лексика. Так, имелось несколько обозначений сражения или совокупности сражений: *bitva, *bojь, *bornь (ср. *брань, на поле брани*); *borьba, *vojьna. Это были, очевидно, не абсолютные синонимы, а обозначения различных типов сражений, например по применению оружия, войск, а иногда, возможно, диалектные варианты этих обозначений. Также было несколько слов для обозначения воинских соединений (от более крупных к мелким, опять-таки, видимо, с учетом диалектной и отчасти семантической дифференциации): *vojьsko, *družina, *pъlkъ, *jata, *četa. Можно указать на несколько названий воина: *vojinъ / *vojakъ, *bojьcь, *borьcь, ср. также по характеру оружия: *strělьcь, *korьjьnikъ, может быть, и *lǫčьnikъ 'лучник'; сюда примыкает и слово *konьnikъ, обозначавшее, вероятно, конного воина. Некоторые названия оружия (*lǫkъ 'лук' и *strěla, *korьje) использовались также на охоте. Можно указать *bъltъ 'стрела, метательное оружие', *mečь 'меч' (последнее заимствовано из германского). В целом вооружение вместе

со специфическими средствами защиты (*ščitъ и *šelmъ ‘шлем’) имело название *dospěхъ. Имелись соответствующие глаголы для обозначения действий: *strěliti, *raziti, *poraziti (ср. *razъ ‘удар’). Войско имело свои символы: *xorǫgy ‘хоругвь’,*рогрогъ ‘флаг’ (ср. укр. *прапор* ‘знамя’, слово образовано путем повторения звукоподражания элемента *por-, подобно тому как *golgolъ ‘слово (ср. *глагол*)’ образовано повторением элемента *gol-, а *pelpelъ ‘перепелка’ повторением элемента *pel-).

Военные действия могли закончиться мирными переговорами (*mirъ), ведущими к миру (*pokojь), обмену теми, кто попадал в плен (*pelnъ). Враг (*vorgъ), противник (*protivьnikъ) перестал рассматриваться как таковой, а иногда и как чужой (*tjudjь), если достигалась договоренность о прекращении вражды и объединении.

В военных действиях проявлялись такие свойства людей, которые обозначаются прилагательными *xorbrъ ‘храбрый’, *dьrzъ ‘дерзкий’, *doblь ‘доблестный’, а отчасти и *xytrъ ‘хитрый, быстрый’. Эти качества, впрочем, могли проявляться и в невоенной обстановке, скажем на охоте, при трудных переправах через водоемы и т. п.

Рассматривая вопросы социального устройства древних славян по данным их языка, следует остановиться на проблеме общего обозначения трудовой деятельности и на отражении в языке разделения труда. В праславянском языке фиксируется по крайней мере три слова, обозначавших трудовую деятельность вообще: *dělo ‘труд, дело’, *orbota ‘труд, работа’, *trudъ ‘труд, усилие’. Все они имеют индоевропейское происхождение. Значение корня *dhē-, отраженного в первом,— ‘садить, ставить, класть’. Второе слово восходит к индоевропейскому *orbho ‘сиротство’, однако не только в славянском, но и в германском произошло развитие нового значения (вероятно, через понятие тяжелой доли) — ‘работа’ (ср. нем. Arbeit и русск. *работа*). Наконец, слово *trudъ восходит к индоевропейскому корню *treud- ‘мять, давить, толкать’. Таким образом, обобщенное обозначение трудовой деятельности восходит к более конкретным понятиям, отдельным процессам труда.

В праславянском языке не было общего названия «трудящегося» по той простой причине, что трудился при первобытнообщинном строе каждый человек и нетрудящихся не было. Названия лиц по труду давались по конкретным видам деятельности, по занятиям. Это, кроме уже названных терминов собственно социального и военного характера, такие обозначения ремесленных занятий, как *bъčьvarь ‘бондарь’, *gъrnьčarь ‘гончар’, *kovalь ‘кузнец’, *kožemęka ‘кожевенный мастер’, *šьvьcь ‘сапожник’, *kravьcь ‘портной’, *kolarь ‘колесник’, *drъvarь ‘работник по дереву’, возможно также *kosarь ‘специалист по изготовлению кос’, *korьjьnikъ ‘изготовитель копьев’ и др. Сюда примыкают и другие названия людей по занятиям: *konuxъ ‘конюх’, *pastuxъ ‘пастух’, *korvarь ‘человек, занимающийся коровами’, *korač ‘тот, кто копает’, *pekarь ‘пекарь’, *grebьcь ‘гребец’, *ězdьcь ‘ездок, всадник’. В значительной части это названия лиц, которые могут что-то делать, обычно или часто что-то делают, но, кроме некоторых обозначений (прежде всего гончара, кузнеца, бондаря и колесника), едва ли должны рассматриваться как специалисты в современном нам понимании. Пряха (*prę(d)xa) и ткач (*tъkač) пряли и ткали, косец (*kosьcь) и землекоп (*kopač) косили и копали, но наряду с этим, видимо, выполняли и роль ратая, и роль пекаря, и роль гребца. Разумеется, по мере развития социальных отношений дифференциация усиливалась. Постепенно те или иные люди благодаря навыкам, нередко передававшимся из поколения в поколение, благодаря наличию орудий (которые тоже передавались) и средств производства получали возможность заниматься преимущественно своим основным ремеслом, но, поскольку городские поселения в период существования праславянского языка едва ли были развиты, речь шла все же об относительной специализации, особенно тогда, когда работа требовала опыта, умений и навыков. Слово *učitelь первоначально употреблялось для обозначения человека, обучавшего тем или иным навыкам, тому или иному ремеслу. Значение ‘учеба’ имело первоначально и слово *nauka. В качестве общего обозначения работника применялись слова *dělatelь ‘делатель’, *tvorьcь ‘творец’.

Для характеристики общественных отношений внешнего характера имеют значение названия людей по этническому признаку. Таких праславянских слов было немного: *slověn(in)ъ, *němьcь (видимо, не только германец, но и вообще всякий иностранец, не знающий славянского языка), *grьkъ ‘грек’, *židъ ‘еврей’; видимо, уже в период распада праславянского единства было принято обозна-

чение лиц, принадлежащих к мощным кочевым племенам, прошедшим Восточную Европу в V—VI вв. н. э.: *obr(in)ъ 'авар(ец)'. Интересно отметить наличие специального названия для переводчика: *tъlmačь. Интерес представляет семантическое развитие слова *gostь; слово это индоевропейского происхождения, его соответствие в греческом языке имеет значение 'чужой', в латыни — 'враг', а у славян и германцев это слово стало означать гостя, причем в некоторых славянских языках в нем развивалось значение 'заморский (иностранный) купец'.

Межчеловеческие, а следовательно социальные, отношения отражаются в таких словах, которые обозначают людей по их проживанию недалеко друг от друга (*sǫsědъ 'сосед') или изолированно (*samьcь), по имущественным отношениям (*davьcь 'дающий', *jьmьcь 'берущий'), возможно, по отношениям в споре перед старейшиной (*sǫrgь 'противник', *krivьcь 'виновный', *klevetьnikъ 'клеветник'). В праславянском были слова для обозначения приятеля (*prijatelь).

Несколько праславянских слов обозначают людей по присущим им чертам поведения: *dobrodějь 'благодетель', *xvaľьcь / *xvastunъ 'хвастун', *krikunъ 'крикун', *xorьrьcь 'храбрец', а также по умственным свойствам: *mǫdrьcь 'мудрец', *xytrьcь 'хитрец', *glupьcь 'глупец'. Эти слова указывают на положительное или отрицательное общественное отношение к тем или иным чертам, проявляющимся у человека; судя по этим примерам, оно не слишком отличалось от нашего современного. Можно добавить сюда и некоторые характерные прилагательные, связанные с общественной оценкой ряда свойств человека: *čьstьnъ 'честный', *čьvanъ 'чванливый', *gъrdъ 'гордый', *věrьnъ 'верный', *volьnъ 'вольный', *skǫpъ 'скупой', *lěnivъ 'ленивый', *pьjanъ 'пьяный', *terzvъ 'трезвый', *milъ 'милый', *radъ 'рад', *strogъ 'строгий' и др.

Рассмотрение довольно большого репертуара праславянских глаголов показывает, что далеко не для всех видов деятельности имелись специальные имена деятеля. Очевидно, такие деятельности, как *gatiti 'гатить (делать гать)', *dьlbti 'долбить', *daviti 'давить', *gnětiti 'разжигать', *trepati 'трепать', *tъlkti 'толочь', *vęzati 'вязать', *točiti 'точить, лить'; *terti 'тереть', *tęti 'срезать, отрубать', *pęti 'натягивать', *dьrgati 'дергать', *kl'učiti 'изгибать' и др. производились параллельно с другими

делами, а потому не было необходимости считать их занятием, требующим закрепления в имени деятеля. Вместе с тем был, например, глагол *umeti 'уметь', нужный для выражения наличия тех или иных навыков, необходимых для производства, но, вероятно, некоторыми умениями располагали все или почти все, и это снова снимало необходимость в специальном имени деятеля. Это — свидетельство ограниченного характера разделения труда в период разложения первобытнообщинного строя у древних славян.

Миру человека в слове Древней Руси посвящена вышедшая недавно содержательная книга В. В. Колесова (см. список литературы на с. 264).

2.2.4. Тело и душа, жизнь и смерть

До нас дошло много праславянских, в том числе и индоевропейского происхождения, слов, обозначавших человеческое (и не только человеческое, так как знание анатомии возникает у людей при разделке туш животных) тело. Это прежде всего общие названия *tělo и *plъtь 'плоть'. Противопоставление «плоти» «духу» относится, видимо, к более позднему, христианскому периоду. В теле выделялось *bŕuxo/ъ 'туловище', *golva 'голова' и конечности (возможно, общим названием для них были слова *čelnъ, *udъ 'член').

Части туловища — это *červo 'чрево', *životъ 'живот' (с переходом к обозначению «жизни»), *grǫdь 'грудь', *pьrsi 'груди (женские)', *grьbьtъ / *xrьbьtъ 'хребет, спина', *gъrbъ 'горб', *čersla 'чресла', *rebro 'ребро', *šija 'шея' и др. Возможно, что именно к телу первично относились такие слова, как *bokъ, *tylъ, *zadъ, получившие более абстрактное значение.

Ряд праславянских слов служил обозначением конечностей и их частей; так, в ноге (*noga) выделялись (начиная сверху) *bedro, *lędvije, *stegno, *kolěno, *golěnь, *jьkra, *stopa, где избыточные слова могли означать кость или, напротив, мясо на соответствующей части тела. Кроме общего, как будто бы, названия руки (*rǫka), имелись слова для правой и левой руки, образованные от прилагательных с соответствующим значением (*desnica и *šujica), а также частей руки: *ormę и *pletje 'плечо'; *olkъtь 'локоть',

*pęstь ‘пясть, кулак’, *dolnь ‘ладонь’, *gъrstь ‘горсть’, *pьrstъ ‘палец’, *pędь ‘кончик пальца’.

Пожалуй, более подробно, чем части руки и ноги, были разработаны обозначения частей головы: *čelo, *lъbъ ‘лоб’, *skornja ‘висок’, *čergъ ‘череп’, *lice ‘лицо’; *oko и *glazъ ‘глаз’, *věko, *zěnica / *zьrěnica; *uxo; *usta, *rъtъ ‘рот’, *gǫba ‘губа’; *dęsno ‘десна’, *zǫbъ ‘зуб’, *čel’ustь ‘челюсть’, *ęzykъ ‘язык’; *nosъ, *nozdra; *gъrdlo ‘горло’, *gъrtanь, mozgъ; *těmę ‘темя’; *borda ‘подбородок’. Имеется ряд обозначений для волосяного покрова: *volsъ ‘волос’, *kǫdrь ‘кудря’, *kosmъ ‘пучок волос’, *plěšь ‘лысина’, *kosa ‘волосы на голове (ее верхней части)’, *čelъka, *čubъ, *xъlpъ, *xoxolъ — ‘части волосяного покрова на голове’, *bry ‘бровь’, *(v)ǫsъ — ‘волосы на лице (усы или борода)’.

Праславянский характер имели названия кожи (*skora), других оболочек и пленок на теле (*pelva, *bolna), крови (*kry), разновидностей костей (*kostь, *xręšcь ‘хрящ’, *klǫbъ ‘сустав’), костных наростов (*kogъtь, *nogъtь). Имелись названия для основных внутренних органов: *sьrdьce, *želza ‘железа’, *žila, *ǫtroba, *selzena, *drobъ, *ętro, *ędro, *elito; ср. также *pǫpъ ‘пуп’.

Несколько праславянских слов, тематически связанных с органами чувств, обозначали функционирование этих органов и сферу этого функционирования: *viděti, *zьrěti ‘видеть, смотреть’, *slušati / *slyšati ‘слушать, слышать’; *sluxъ ‘слух’; *vonja ‘запах’, *smordъ ‘смрад’ и *vonati ‘пахнуть’, *smьrděti ‘смердеть, вонять’.

Из праславянского дошли до нас названия выделений, например: *potъ, *slina, *slьza. Сохранились и наименования внешних характеристик человека, в том числе *debelъ, *tъlstъ, *gladъkъ с близкими значениями полноты. Праславянский имел, конечно, и характеристики человека (и не только человека) по силе: *silьnъ и *slabъ, а также констатации, жив он или мертв (*živъ, *mьrtvъ).

Следует указать на антонимичные праславянские глаголы *bъděti ‘бодрствовать’ и *sъpati ‘спать’, откуда имя *sъpnъ ‘сон’ и прилагательное *bъdrъ, получившее более широкие значения, лишь частично отражаемые в русском ‘бодрый’.

Древние славяне проявляли заботу о чистоте (*čistota), стремились устранить грязь (*brudъ, *kalъ), для чего купались (*kǫpati sę), мыли (*myti) утварь, стирали

(*pьrati) одежду. Купание (*kǫpelь) могло устраиваться в специальных помещениях; одно из старых севернославянских названий такого помещения — *laznь / *lazьńa образовано от глагола *laziti ‘лазить’ в связи с тем, что это было маленькое помещение, землянка, в которую надо было залазить (в русских говорах слово *лазня* кое-где означает ‘погреб’), или же потому, что по специальной лесенке надо было залазить на полок в таком помещении; другое старинное название, зафиксированное в «Повести временных лет»,— *мовь*. Еще в праславянский период было заимствовано латинское слово *bańa для обозначения помещения, где раскалялись камни, на которые для получения пара выплескивалась вода. Слово пришло, видимо, вместе с этим сооружением. В праславянский период уже возник термин *mydlo ‘мыло’. Впрочем, это сравнительно «новое» изобретение (I в. до н. э.) появилось, видимо, к концу существования праславянской общности, а до этого пользовались щелочью, содержавшейся в золе (*zola ‘пепел, щелочь из пепла’), или просто водой. Для расчесывания (*česati) использовались гребни (*greby); волосы стригли (*strigti) и брили (*briti).

Несколько праславянских названий лиц возникло для передачи связи этих лиц с теми или иными их физическими чертами: *bordačь ‘бородач’, *gъrbačь ‘горбач’, *golvačь ‘имеющий большую голову’, *kosmačь ‘имеющий большие волосы’; ср. также: *xromьcь.

Сложные и трудные условия жизни древних славян приводили нередко к заболеваниям. В праславянском языке имелись общие названия болезни (*bolězнь, *xvoroba, *nemogtь), когда состояние больного (*xvorъ) противопоставлялось состоянию здорового (*sъdorvъ); общее обозначение физической боли (*bolь), а также названия болезней и их проявления.

Ряд наименований связан с болезнями наружных органов, в частности кожи, или с проявлениями других болезней на поверхности тела: *blědica, *blědostь ‘бледность’, *korsta ‘короста’, *lišajь ‘лишай’, *košǫta ‘перхоть’, *xrǫdьna ‘парша, чесотка, оспа’, *trǫdъ ‘проказа’, *skvьrna ‘скверна’, *mozolь ‘мозоль’. Одним из универсальных средств для лечения кожных заболеваний было смазывание маслом (стоит заметить, что этимология слова *maslo связывает его с глаголом *mazati). Несколько слов были названиями насильственных нарушений поверхности тела (*rana, *bli-

zna, *ězva ‘язва’, *struръ ‘струп’). Ряд терминов обозначал разного рода опухоли: *bordavica, *pryščь, *čirь, *bǫba, *brunьka и др. Сюда примыкают и такие внешние проявления болезней, как *svorbъ ‘зуд’, *gъrčь / *kъrčь ‘корчи’, *bodežь ‘колика’. Можно указать и на такие проявления, которые выражены в глагольной лексике: *kašl’ati, *rygati, *blьvati, *driskati ‘иметь понос’, а также именной, обозначающей такие следствия, как *jьzgaga ‘изжога’, выделения: *gnojь, *sl’uzь. Особо можно указать нарушения нормального сна (*sъ(p)nъ): *bredъ, *bezsъpnica. Имеется ряд праславянских названий болезней внутреннего характера: *dъbъna ‘подагра’, *gostьcь ‘ревматизм’, *xygъ ‘чахотка’, *korъ / *korь ‘корь’, *kostojěda, *kostolomъ ‘болезни костей’, *kyla ‘грыжа’, *bělьmo ‘болезнь глаз’.

Праславянские названия имелись и для «душевных болезней»: *bezumьje, *kazъ (последнее слово, впрочем, использовалось, видимо, прежде всего как название бешенства). Следствия ряда болезней получали выражения в физических недостатках человека, которые обозначались прилагательными: *slěpъ, *němъ, *xromъ (=*klękъ), *lysъ, *skoръ, *blizozorkъ ‘близорукий’. Болезнь могла вызвать чувства, выражаемые близкими по смыслу глаголами *brězgati, *briditi. Естественно стремились лечить (*gojiti) и исцелять (*jьzcěl’ati) больного различными средствами, в том числе и лекарствами (*gojidlo). Тем не менее больной страдал (*stradati) и мог не дожить свой век (*věkъ) и умереть (*umerti). Эпидемии назывались мором (*morъ — слово с тем же корнем, что *смерть*, но с чередованием гласных). Если же удалось добиться исцеления, то больной здоровел (*krějati, ср. белор. *акрыяць* ‘выздороветь’).

В помощь естественным силам люди готовы были прибегнуть к сверхъестественным, тем более что в древности они верили в эти силы. Во всяком случае древние славянские названия врачевателей возводятся обычно к глаголам речи, т. е. врачи — это «заклинатели», люди, осуществляющие заговоры: слово *vračь связывают с *vrati, *balьjь (широко представленное в старослав. *балии* ‘врач’) с *bajati ‘сказывать’ или другими глаголами подобного значения. Слово *lěkarь образовано от *lěkъ / *lěka ‘лекарство, лечение’; относительно последнего идут споры: большинство этимологов считает его германизмом (возможно, кельтского происхождения), некоторые ищут возможности объяснить этот корень на славянской почве, связывая его со словами разного значения, в том числе и речевого.

Естественная или насильственная смерть (*sъmьrtь) воспринималась древними славянами относительно спокойно. Есть данные о том, что славяне, как и окружавшие их народы (германцы, балты, иранцы), могли ускорить наступление смерти у немощных стариков или безнадежно больных. На древнейшем этапе славяне, как и их соседи, сжигали своих покойников (*navь; ср. русск. диал. *навь* ‘мертвец’), что не исключало некоторых ритуалов при сожжении трупов (праслав. *truръ). Трупосожжение сохранялось у славян долго, до начала II тысячелетия н. э. Погребальный ритуал сводился при кремации к тому, что покойника доставляли на носилках, возможно в ладье или на санях, к уже готовому кострищу, сопровождая этот поход пением. Одетый, а иногда и вооруженный покойник на доске или в ладье устанавливался на кострище, и родственники поджигали погребальный костер. После сожжения пепел, обгоревшие остатки костей, оружия и украшений собирали в кучу или складывали в урну, куда помещались и дары, нужные покойнику в загробной жизни. Урну помещали в яму и закапывали, устанавливая на могиле столб или камень. Если покойника не сжигали, его тело вместе с дарами опускали в такую же могилу, на ней зажигали костер, вокруг которого совершалось первое погребальное пиршество (*trizna). В качестве даров в могилу клали немного еды, орудий труда и оружия. Как правило, древние славянские погребения были бедны.

В дополнение к основному погребальному обряду в разных местах прибавлялись некоторые ритуалы. Тело умершего, например, иногда выносили через специальный пролом в стене, а не через двери, чтобы душа его не нашла пути обратно. Важную роль играл погребальный плач. На севере России, в Моравии и Словакии до недавнего времени были специальные женщины-плакальщицы, известны специальные тексты плачей. В некоторых случаях вслед за покойником «на тот свет» должна была отправиться его жена, а иногда и члены дружины. Насколько это было добровольно, трудно сказать. Сведения о таких похоронах богатых воинов на Руси, у южных славян, у поляков относятся к IX—X вв. Обычай похорон на санях отразился в сохранившихся до нашего времени выражениях, напри-

мер, бел. *глядзець на паповы сані* (где, впрочем, *поп* является уже поздним, христианским напластованием). Обычай этот, как и похороны в ладье, отразился в миниатюрах старинных рукописей.

Перед захоронением или после него древние славяне устраивали торжественный ритуал тризны. Возможно, что именно во время тризны осуществлялись жертвоприношения, убивалась жена покойника, устраивались воинские соревнования. Все это имело, очевидно, магическую подоплеку. Возможно, бряцание оружием, копирование битвы должно было отогнать злых духов. После тризны устраивалось пиршество (*pirъ, *strava) с ритуальным поеданием пищи. Часть пищи и напитков предназначалась и для покойников, устанавливалась на могилах (соответствующие обычаи сохраняются, разумеется в преобразованном виде, до нашего времени).

При трупозахоронении покойника обычно укладывали на спину, головой к западу с руками вытянутыми или скрещенными на животе или груди. Над могилой (иногда могло и не быть ямы, а была просто куча пепла) насыпался холмик (курган). Древние языческие кладбища могли включать и несколько захоронений, и более тысячи курганов. Кладбища устраивались поодаль от поселений.

В дальнейшем христианство и обычаи соседей наложили на погребальные обряды славян множество дополнительных ритуалов и деталей; христианство отменяло и видоизменяло языческие обряды.

Сохранился ряд праславянских слов, передающих эмоции, эмоциональные состояния и их проявления: *čutьje, *čuvьstvo 'чувство', а также конкретные чувства. Такова группа слов, связанных с гневом, злостью, яростью: *gněvъ, *ęga / *ęza, *jarostь. Другая — с горем, грустью, тоской: *gore, *žalь, *grustь, *tǫga; *plakati, *skučati = *tǫžiti. Несколько слов выражают страх, боязнь, ужас, испуг: *straxъ, *bojaznь, *groza, *lękati(sę). В ряде слов отражено чувство отвращения (*gnusъ, *gydъ, *nuda). Несколько слов характеризуют различные степени заботы: *xlopotъ / *klopotъ 'хлопоты', *gryzota / *gryža 'забота'; *lagoda 'доброе отношение', *něga 'ласка': ср. и глагол *pestovati. Чувства радости, наслаждения, счастья, веселья выражаются праславянскими словами *radostь, *orzkošь, *sъčęstьje, *veselьje. Ряд глаголов выражал положительные и отрицательные эмоции: *l'ubiti, *koxati 'любить', *nenavideti 'ненавидеть', *zavideti 'завидовать'. С эмоциональной сферой соотносятся некоторые существительные абстрактного характера: *gana 'позор', *sila 'сила', *zъlo 'зло', *bolgo 'благо', *dobro 'добро'; ср. также: *vol'a 'воля', *svoboda 'свобода', *podoba 'сходство'.

2.2.5. Дом, утварь, пища, одежда

Сохранилось несколько праславянских наименований дома. Это прежде всего общее индоевропейское по происхождению название — *domъ, а также ряд более специализированных слов, обозначавших разновидности дома: *xormъ (ср. *хором*), *věža (ср. белор. *вежа* 'башня'; но, например, в полабском это слово в форме vizä означало 'дом'), *kǫtja (ср. болг. *къща* 'дом'), *jьstъba (ср. *изба*), *xata, *xyža (ср. *хижина*), *xalupa, *jata 'изба', *kolyba 'пастуший домик'. Часть этих слов имела диалектный характер, многие заимствованы из других языков. Но различие слов вызвано и разнообразными видами «домов». Широко распространены были полуземлянки: вырывали яму квадратной формы 10—20 кв. м. площади, утрамбовывали пол, вдоль стен оставляли выступы для сидения. Пол обмазывали глиной, стены обшивали деревянными плахами. Покрывали такую полуземлянку двускатной или трехскатной крышей. Напротив входа в углу на оставленном возвышении из камней (реже — из глины) сооружали печь-каменку (труб еще не ставили). В нескольких таких жилищах жили недалеко друг от друга ближайшие родственники.

В праславянском языке имелось несколько слов для обозначения укрепленных построек и их групп. Таковы слова *gordъ, *gordišče (ср. *город*, чешск. hrad, польск. gród 'замок'), *kremjь (ср. *кремль*), возможно также *zamъkъ. Неукрепленное поселение называлось *vьsь (ср. белор. *вёска* 'деревня'). Следует назвать еще несколько наименований построек для животных: *xlěvъ, *jevinъ (ср. *овин*), *košara, *obora, *konura, *kotuxъ. Праславянский характер имеет слово *dvorъ, а также наименования частей построек. Так, к примеру, можно указать названия видов комнат: *gorьnica, *klětь, наименование угла, где, в частности, мог размещаться *dědъ — ритуальный сноп, символизирующий предков, — *kǫtъ. Дом строился со столбом (*stъlbъ / *stъlpъ) в центре, стропилами — потолком

(*stroръ), на которые укладывалась соломенная крыша (*strěха). В стенах, складывавшихся из бревен (*brьvьno), иногда погруженных в землю или обложенных дерном (*dьrnъ), прорезались окна (*okъno), двери (*dvьrь), снабженные обычно порогом (*porgъ). Сами стены могли быть глиняными и каменными, особенно в больших сооружениях более позднего времени; возможно, этим объясняется различие слов, обозначающих стену (*zidъ, *stěna), а также глаголов со значением 'строить, сооружать' — *gorditi, *strojiti, *zidati (следует учитывать и возможность территориальных различий в их употреблении, впрочем, связанных и с использованием различных технологий сооружения из дерева, камней, глины).

Важным элементом дома был очаг; известны праславянские наименования огня и пламени: *ogпь, *polmy; огонь, разводимый на улице, назывался *kostrъ, *atra, *krada. Имелись, конечно, глаголы, связанные с добыванием и поддержанием огня: *kresati, *gnětiti 'разжигать огонь', *tьlěti, *goreti, *gasiti. Очаг давал не только тепло (*teplo) и позволял согревать (*grě(ja)ti) помещение и продукты, но и был источником чада и дыма (*čadъ, *dymъ), копоти (*koръtь) и сажи (*sadja, *garъ / *garь). В очаге тлели поленья (*poleno) и уголь (*ǫglь), образовывалась зола (*popelъ). Печь (*pektь) была по тем временам непростым инженерным сооружением, требовавшим уменья при постройке и топке. Сохранились некоторые названия частей печи: *čelesьno и ěstěja 'устье печи', *zagnětъ 'место, где зажигали печь', *podъ 'под (нижняя часть) печи'. Иногда *žarъ и горящие головни (*golvьna) выходили из-под контроля и от искры (*jьskra) мог возникнуть *požarъ.

В доме имелась некоторая утварь, в том числе мебель: *stolъ, *lože, *lava, *polica, *křeslo. Имелось довольно много посуды (*sǫdъ), изготовленной из дерева и глины: *čaša, *krina, *gъrnьcь, *bl'udo, *čьrpadlo, *kotьlъ. Сосуды были специализированы для хранения различных продуктов, различались по материалу и размеру, например: *gъlьkъ, *čegrъ 'глиняные кувшины', *kony, *kogьcь 'не очень большие деревянные сосуды', *bъči, *bъdьna, *kadь, *čьbanъ, *dьčanъ, *děža 'бочки различной формы и размера'. Некоторые емкости изготовлялись путем выдалбливания; сюда, в частности, видимо, относились *kadьlbъ, *želbъ, *pъkty, *koryto. Известен и ряд праславянских названий разного типа плетеных корзин, например: *košь, *korbъ, *kazobъ. Можно указать названия ведер (вероятно, деревянных): *vědro, *čьbьrъ. К предметам мебели примыкает такая емкость, как *skrinja 'сундук'.

Определенная часть праславянской лексики связана с пищей (*pitja, *ěda; *sъnědь; ср. также: *xorna, *boršьno при южнослав. *храна*, ст.-сл. *брашьно* 'пища'). Имелись праславянские наименования приемов пищи: *obědъ 'прием пищи', *južina 'ужин, обед', *večeŕa 'ужин'; названия орудий для приема пищи: *nožь, *lъžica, *vidlica; глаголы приготовления пищи: *pekti, *variti, *pražiti 'тушить', *tvoriti 'приготавливать тесто' (ср. *vьrěti 'кипеть'); глаголы приема пищи: *ěsti, *žьrati, *kъrmiti; прилагательные, характеризующие вкус (*gorьkъ, *kysьlъ, *solьnъ, *soldъkъ 'сладкий', *tьrpъkъ), качество пищи (*elъkъ 'ёлкий', *glěvъkъ 'глевкой (непропеченный)'). Праславянским было слово *goldъ 'голод', наименования порчи пищи *plěsnь, *gnilь, прилагательные *sytъ 'сытый', *žędьnъ 'желающий есть', *terzvъ 'трезвый', *pьjanъ; *surovъ 'сырой'. В праславянском языке был целый ряд наименований пищевых продуктов растительного происхождения: *mǫka, *krupa, *pьšeno, *otrǫbi, *droždža, *zelenina, *olějь 'растительное масло', *soldъ 'солод'. Из них приготовлялись такие продукты, как *xlěbъ (слово заимствовано из готского hlaibs (ср. нем. Laib 'буханка'), возможно, как название дрожжевого, а не пресного, известного славянам ранее хлеба), *kolbъ 'колоб(ок)', *kolačь 'калач', *kǫtъ 'галушки', *mlinъ / *blinъ 'блин', *kaša 'каша', *ščava 'щи', *gъbanica '(слоеный) пирог'. Продукты животноводства также шли в пищу: *melko 'молоко', *sъmetana 'сметана', *maslo 'масло', *sadlo 'сало', *žirъ 'жир', *syrъ 'молочный продукт (не вполне ясно, какой именно)', *aje 'яйцо', *męso 'мясо', *svinina 'свинина', *govędina 'говядина', ср. также *elenina 'оленина', *esetrina 'осетрина', *solnina 'солонина'. Видимо, слово *(j)uxa, *(j)ušьka означало мясной или рыбный навар. Из названий мясных кушаний до нас дошли *skvara 'поджарка', *drъgъva 'студень', *elito и *ętrьnica 'виды колбас'; к праславянскому восходит слово *ajьčьn(ic)a 'яичница'. Кроме молока и воды (*voda), древние славяне пили *kvasъ, *pivo, *vino (последнее слово имеет заимствованный характер, как и *braga). Сохранились названия кипятка: *varъ, *ukroръ; видимо, древним является обозначение компота, отвара из сушеных фруктов и ягод (возможно, ритуального харак-

тера): *vъzvarъ. Средством консервации являлась *solь; она же, а также некоторые травы и позже *octьtъ 'уксус' (заимствованное из латыни слово) служили приправами к пище.

В праславянском языке наряду с общими глаголами приема пищи и питья (*ědti > *ěsti, *piti) имелся довольно большой ряд глаголов с дополнительными оттенками, характеризующими скорость процесса приема пищи, шум, возникающий при этом, характер пищи (жидкий, твердый, хрустящий и т. п.). Можно указать такие из этих глаголов: *xlebati / *xlapati / *xlastati 'хлебать', *xrobati, *xrapati, *xrǫstati 'есть с шумом', *gryzti; *lakati; *sьrbati 'есть с шумом жидкую пищу', *glodati, *kǫsati, *xapati, *xamati 'кусать', *kusati 'пробовать', *sъsati 'сосать', *lizati, *žьvati 'жевать', *glъtati 'глотать', *žьrati 'жрать'. Особо надо назвать глаголы *kъrmiti 'кормить' и *pojiti, а также *xorniti sę 'питаться'. Следует отметить и глагол *žędati 'хотеть есть, пить' (откуда наше *жадный*), причастие *lakomъ 'вызывающий желание есть, пить'.

Разумеется, сохранилось немало праславянских слов, касающихся одежды. Это прежде всего названия предметов одежды, в том числе верхней одежды: *guna 'плотная верхняя одежда', *šuba, *kožuxъ, *plaščь; *sukna, *xala 'платье'; *košul'a, *sorka 'сорочка'; *gatji, *nogavicy 'штаны'; *plaxta 'плахта, род юбки'; *dripa 'грязная одежда'. Имелись и названия частей одежды: *rǫkavъ 'рукав', *xolča 'штанина', *klinъ 'застежка'; *pojasъ, *rěmy, *povrьzslo 'пояса', *torkъ 'пояс, полоса' (ср. *оторочка*). На голову надевались *čerьcь, *klobukъ, *věnьcь, на ноги — *červьje (ср. *черевички*), на руки *rǫkavica 'рукавица'. До нас дошли глаголы изготовления и облечения одежды и обуви: *porti 'пороть', *krojiti 'кроить', *šiti 'шить'; *oděti 'одеть', *obuti 'обуть', *jьzuti 'разуть'. Праславянский характер имеют наименования украшений: *pьrstenь (от *перст*) и *ožerlьje (от того же корня, что слово *горло*, ср. *жерло*). К праславянскому восходят слова *postel'a 'постель' и *pelna 'пеленка'.

2.2.6. Домашняя живность; пчелы

Продукты животного мира были одним из древних ресурсов человека для его повседневных нужд. От животных получали молоко и шерсть, а при забое — мясо и животные

жиры, а также шкуру для одежды и обуви, использовали их как тягловую силу, применяли для сторожевой службы. Естественно при этом, что различные животные использовались для различных нужд. Несколько видов животных были приручены и разводились человеком. В связи с существенными различиями в хозяйственном назначении для многих животных имелось по нескольку названий в зависимости от пола и возраста.

Древние славяне унаследовали животноводство и многие связанные с ним термины еще доиндоевропейского периода. Отметим прежде всего праславянские названия домашних животных. Они были изучены в последнее время в специальной книге О. Н. Трубачева (см. список литературы на с. 264).

Крупный рогатый скот имел общее название *govędo; имя самки было эвфемистическим, его значение понималось в индоевропейском языке как 'рогатая': *korva 'корова'; названия самца: *bykъ и *turъ; названия детенышей: *telę, *telьcь, *junьcь, *junica (первое — среднего рода, а другие с различением пола, быть может, для животных относительно старшего возраста). Индоевропейского происхождения слово *turъ, вероятно, использовалось как обозначение дикого животного. Слово *volъ обозначало кастрированного быка.

Общее праславянское название лошади, вероятно, *konь. Самка именовалась *kobyla (*kobylica), детеныш — *žerbę 'жеребенок'. Слово *žerbьcь использовалось для обозначения самца, так же как и *konь и не вполне выясненное *komonь. Слово *лошадь* — позднее собственно русское заимствование. Конь — не только важнейшее транспортное животное у славян. У древних славян, как и у других индоевропейцев, с конем связаны определенные культовые представления. На коне восседал на некоторых изображениях бог грома Перун. Коня славяне приносили в жертву при похоронах хозяина. В славянской народной поэзии конь выступает как умное, вещее животное (ср.: *сивка, бурка, вещий каурка*), как «конь-колдун» (по определению В. И. Даля). Коня изображали на домах и на кораблях, дошли сведения и о жертве коня при закладке дома.

Слово *osьlъ 'осел' было заимствовано славянами из готского; финальное *-ьlъ появилось в результате уподобления названиям козла и орла. От этого же слова образованы названия самки и детеныша (*osьlica, *osьlę).

Но реальное знакомство с этим животным состоялось, вероятно, не для всех славян, а лишь для тех, которые оказались в пределах влияния средиземноморской культуры.

Мелкий рогатый скот представлен названиями двух видов. Овца имеет старое название индоевропейского происхождения. Слово *ovьca обозначало самку, *ovьnъ — самца. Слово *baranъ встречается не только в восточных и западных славянских языках, но и в некоторых языках Европы, поэтому оно, возможно, также относится к животноводческим терминам европейского ареала. Название детеныша *agnę / *agnьcь 'ягненок' имеет индоевропейский корень и славянскую суффиксацию. Другое мелкое рогатое животное — *koza. Название самца образовалось от того же корня, но с суффиксом: *kozьlъ. Тот же корень использован и для названия детеныша: *kozlę 'козленок'. Применительно к овцам и козам детеныш может называться и *jarę / *jagьcь. Слово *саръ 'козел' принадлежит карпатскому ареалу.

По более позднему (X в.) свидетельству арабоязычного персидского энциклопедиста Ибн Русте, так же, как другие народы занимались овцеводством, славяне разводили свиней. Праславянское слово *svinija — название самки и общее название животного — восходит к индоевропейскому корню *sŭ-. Индоевропейским диалектизмом является название детеныша свиньи — *porsę 'поросенок'. Название самца — *knogъzъ (возможно в несколько ином звуковом оформлении); слово *borvъ 'боров' обозначало кастрированного самца этого важного мясного животного. Слово же *vepr̥ь использовалось в основном для обозначения самца дикой свиньи. Не вызывает сомнений, что разведение свиней было известно уже в общеславянский период.

Название собаки общеславянского характера *pьsъ 'пес' было, видимо, родовым названием и названием самца. Слово *собака* более позднее, оно представлено широко лишь у восточных славян и в отдельных западнославянских диалектах. Название самца *кобель* — русское, не имеющее параллелей у других славян. У северных (восточных и западных) славян известно обозначение самки *suka, у южных в этой функции выступает слово *кучка*, связанное с известным многим славянским языкам названием детеныша типа русск. *кутенок*, сербохорв. *куче*. Праславянское

название детеныша собаки — *ščenę 'щенок'. Было известно и название породы собаки — борзой: *xъrtъ.

Обозначения кошки обоих полов и детеныша образованы от одного корня: *kotъ, *kotica, *kotę.

Зафиксированы праславянские названия совокупностей домашних животных: *skotъ, *stado, а для мелких — также *čerda 'череда'. Для животных строились специальные постройки: *xlěvъ, *stajьna, для овец в карпатском ареале — *košara. Праславянский характер имеют названия ряда частей тела животного: *rogъ, *rylo, *griva, *vymę, *xvostъ; отметим и прилагательное, обозначающее безрогость — *komolъ. Названия процесса родов зависят от животного и связаны нередко с названием детеныша: *teliti sę, *žerbiti sę, *agniti sę, *ščeniti sę, *porsiti sę, *kotiti sę (последнее применяется и к козе, а иногда и к овце); имелась и группа прилагательных, называвших самок животных, которые должны принести приплод ((*sъ)telьna(ja), *žerba(ja) и др.) в отличие от яловых (*alova(ja)), от которых приплод не ожидался. Первое молоко называлось *melzivo 'молозиво', к индоевропейскому восходит глагол *dojiti.

Для того чтобы запрячь (*zaprę̆gti) животное, применялись различные элементы упряжи: *jьgo, *arьmъ 'ярмо', *dǫga 'дуга', *xomǫtъ 'хомут', *gǫžь 'гуж'; *uzda, *brъzda 'вожжа'. Применялись различные бичи: *bičь, *bat(og)ъ, *xrudъ. Известно было и применение подковы (*podъkova). Из волосяного покрова животных добывалась шерсть (*sьrstь, *runo, *vьlna), изготовлялись *pьlstь 'вид войлока' и *ščetina. Как видно из предыдущего, самцов для повышения хозяйственного эффекта иногда оскопляли (*skopiti). Праславянский, восходящий к индоевропейскому характер имел глагол *pasti, от которого образовались названия лиц: *pastuxъ / *pastyr̥ь, где разные суффиксы, возможно, связаны с разным географическим распределением слов по славянской территории.

К животноводству примыкает и птицеводство, которое также было известно древним славянам. Хотя родовое слово, называющее птицу, дошло до современных славянских языков с разными суффиксами (*pъtica / *pъtaxa / *pъtuxa), использование в нем общего корня, общеславянских названий таких частей птичьего тела, как *kridlo, *pero, *puxъ, *zobъ; ср. *kl'unъ / *kl'uvъ, общность таких слов, как *gnězdo, *skubsti, *aje 'яйцо', свидетельствуют о хорошем знакомстве древних славян с птицами. В домашнем

хозяйстве использовались, видимо, куры (название самки — общеславянское слово *kura, а название самца варьируется: *kočetъ, *kokotъ, *petьlъ и др., как и название детеныша), утки (видимо, праславянскими, хотя и не везде теперь сохранившимися, были слова *ǫta, *ǫtica 'утка' и *selzenь 'селезень'), гуси (*gǫsь; *gǫsyni, *gǫserъ / *gǫsakъ).

Условно можно сюда отнести и разведение пчел в промысловых целях — бортничество. В праславянском языке были названия различных разновидностей улья: *ulьjь и *bъrtь, названия пчелы (*bъčela), пчелиной матки (*jьskalь, *matica), роя (*rojь), продуктов пчеловодства (*medъ, *voskъ). Имелись в праславянском и еще некоторые другие термины пчеловодства (*paseka, *bъrtьnikъ и др.). Добычу меда можно отнести к числу очень древних занятий человека. Любопытно в этом плане наскальное изображение в пещере Альпера (Испания), относимое к VII тысячелетию до н. э., где человек добывает мед из дупла, а вокруг летают пчелы.

2.2.7. Культурные растения

Использование «даров природы» из растительного царства было присуще человеку еще до того, как он стал человеком. Но человек этим не ограничился. Определенные виды растений, приносивших важные для него продукты и поддававшиеся целенаправленному разведению, были им освоены, стали культурными растениями. Древнейшее земледелие у славян было подсечным. Оно требовало огромной работы по выкорчевыванию пней, их подсушке, сжиганию. Выгоревшая земля оказывалась довольно рыхлой и в первый год давала неплохой урожай порядка сам-десят, т. е. 10 к 1. Но уже на следующий год урожай снижался раза в два-три, а возобновление плодородия происходило лет через 50—60. Поэтому надо было снова сжигать участок леса, корчевать, готовить для посева. Небольшому населенному пункту в несколько десятков жителей нужны были огромные пространства леса; при этом постоянно затрачивался нелегкий труд с примитивными древними орудиями типа суковатого бревна — бороны.

Предназначенные для обработки и использования участки земли имели свои названия: *pol'e, *niva, *lędo (ср. белор. *ляда*), иногда они ограничивались межами

(*medja) или обозначались вехами (*věxa) — палками с укрепленными на них пучками соломы. Участки могли огораживаться (*gordina, *ogordъ) и засаживаться на длительное время многолетними растениями, деревьями (*sadъ). Для обработки использовался комплекс специальных орудий: *motyka, *soxa, *ordlo 'рало', *lemešь 'лемех', *borna 'борона', *grabja 'грабли'. Участки вспахивали (*orati, *paxati), на них прокладывались борозды (*borzda), в которые сеяли или высаживали (*sě(ja)ti, *saditi) соответствующие растения. Возделывание включало полку (*pelti 'полоть'), растительные плоды зрели (*zьrěti), и начиналась их уборка. Для зерновых (*zьrno 'зерно') наступала жатва (*žętva), их косили и жали (*kositi, *žęti), применяя для этого серпы и косы (*sьrpъ; *kosa и ее части: *kosidlo, *kosišče). Собранные колосья (*kolsъ) сгребали (*grebati) при помощи перевесел (*povьrzslo), связывали в снопы (*snopъ), которые укладывались в копы и стоги (*kopa, *stogъ), для чего использовались вилы (*vidla). Складывали также сено и солому (*sěno, *solma); при необходимости их переносили на носилках (*noša) в более сухие места и подсушивали в специальных сооружениях (*ozerdъ, ср. белор. *азярод*). После просушки злаки обрабатывали на токе (*tokъ), где зерно течет из колосьев в результате того, что его бьют (оббивают) цепом (*cěpъ), и получалось *obilьje (ср. *обилие*). Это зерно еще веяли (*vě(ja)ti), а затем мололи (*melti) на жерновах (*žьrny) мельницы (*mьlinъ), просеивали через решето, сито (*rešeto, *sito), в результате чего получался продукт, использовавшийся в пищу,— мука.

Какие же зерновые культуры были известны славянам? Слово *žito обозначало, видимо, и пшеницу и рожь, которые имели и свои названия (*pьšenica, *gъžь); яровые посевы назывались *jarь и соответствующие растения — *jarica, это предполагает и наличие озимых посевов (*ozimь). Важное, быть может центральное, место среди хлебных культур занимало просо (*proso); во всяком случае в древней песне поется «А мы просо сеяли, сеяли», что, возможно, отражает роль проса среди других культур. Кроме того, выращивали ячмень (*ęčьmy), овес (*ovьsъ), чечевицу (*sočevica). Слово *proso использовалось для обозначения разных культур (проса, ячменя), слово *pьšeno обозначало крупу не только из проса, как теперь.

Важными источниками пищи были не только злаки, но и другие культуры, из которых выделим *bobъ и *gorxъ ‘горох’. Овощи также росли на огородах у древних славян. Это такие пищевые продукты, как морковь, тыква, редька, репа (*mъrky, *tyky, *redьky, *rěpa), а также ценные добавки к пище: *česnъ ‘чеснок’, *lukъ, *korгъ ‘укроп’, *xrěnъ, *goruxa / *gorčica.

Использовали славяне и *makъ; известно было его свойство вызывать сон, а кроме того, мак выступал в некоторых ритуалах как символ плодородия. Слово *xъmelь обозначало у древних славян не только растение, но и опьянение, первоначально, возможно, ритуальное.

Были знакомы древним славянам и культуры, из волокна которых после необходимой обработки вырабатывались ткани и одежда: индоевропейское по происхождению название *lьnъ ‘лен’ и раннее славянское заимствование *konopja ‘конопля’. Естественно поэтому, что в праславянском языке необходимы были термины, которые обозначали процессы и предметы, связанные с обработкой этих культур и с изготовлением тканей. Надо сказать, что многие обозначения этого ряда не были специфическими, они использовались и в других сферах жизни. Так обстоит дело, например, с терминами типа *рвать, теребить, сушить лен*. Глаголы здесь неспецифичны, они употреблялись и с другими объектами, приобретая иные оттенки значения. Были, однако, и специфические действия, которые уже не могли обозначаться такими глаголами более общего характера: *prędti ‘прясть’, *sukati ‘сукать, ссучивать’, *motati ‘мотать’, *snovati ‘сновать’, *tъkati ‘ткать’. Эти действия, как видим, получали свои обозначения. Так же обстоит дело и с названиями различных предметов — полуфабрикатов в процессе обработки и переработки технических культур. Слова *gъrstь ‘горсть’, *žьmьńa ‘жменя’ употреблялись для обозначения небольшого снопика этих культур, но использовались и для наименования других количеств, захватываемых рукой; вариации этих двух терминов имели, видимо, характер регионального (территориального) распределения: слово *жменя* известно белорусскому, украинскому языкам, русским говорам, чешскому и словацкому языкам, в то время как слово *горсть* имеет общеславянское распространение. Такие слова, как *pasmo, *kǫdelь ‘кудель’, принадлежат к специальной лексике. Одним из наиболее сложных орудий, которыми пользовались древние

славяне, был ткацкий станок (*stanъ), имелись праславянские названия ряда орудий текстильного производства и их частей: *strьženь ‘стержень’, *verteno ‘веретено’, *cěva ‘шпулька’, *ǫtъkъ ‘уток’, *krosno ‘кросно’ и др. Праславянский характер имеют и такие слова (и значения), связанные с текстильным производством, как *kopьsь ‘конец (нитка!)’, *petl’a ‘петля’, *ǫzьlъ ‘узел’, названия полуфабрикатов *volkъno ‘волокно’ и *nitь, а также отходов: *jьzgreby ‘изгребы’. Древние славяне изготавливали различные виды тканей: и менее ценную дерюгу (*derǫga) и более тонкое *poltьno ‘полотно’, ср. также из шерстяной пряжи — *sukъno ‘сукно’. О славянской ремесленной терминологии ткачества много написано в книге О. Н. Трубачева (см. список литературы на с. 264).

Славяне знали плоды (*plodъ) первоначально диких плодовых деревьев, в частности таких, как *ablonь ‘яблоня’, *gruša, *sliva. Знали они также рябину (*arębina), черемуху (*čermuxa), на кустарниках собирали калину (*kalina), малину (*malina), бузину (*buzina), терн (*tьrnъ). Культура садоводства пришла к славянам, видимо, из Средиземноморья; с этим связано то, что названия вишни (*višьńa), возможно, греческого, а черешни (*češa) — народно-латинского происхождения. Ягоды были скорее предметом собирательства, нежели выращивания; само слово *agoda использовалось для обозначения конкретных ягод, возможно ежевики или земляники.

Использование растений обусловило наличие целого ряда слов в праславянском, которые обозначали части растений: *korěnь, *stьblo ‘стебель’, *loza, *galǫza ‘ветвь’, *stvolъ (и *dupьlo в нем), *bъtъva, *gyčь ‘ботва’ (ср. белор. диал. *гічка* с тем же значением), *listъ, *xvoja, *šiръ. Имелись слова для обозначения почек: *brunьka, *brъstь, а также цветка: *květъ. В праславянском имелось название коры (*kora) и луба (*lubъ). Целый ряд слов использовался для наименования плодов и соплодий: *plodъ, *sěmę ‘семя’, *kolsъ ‘колос’, *strǫkъ ‘стручок’, *grono ‘гроздь’, *želǫdь ‘желудь’. Можно отметить и праславянские слова для обозначения засохших частей растений: *rьnь ‘пень’, *sǫkъ ‘сук’, *sterńa ‘стерня’. Праславянским было и обозначение травы, отросшей по стерне,— *otava. Можно указать и глагол *vędnǫti ‘вянуть’. Из названий лиц, связанных с земледелием, можно говорить относительно надежно лишь о названиях пахаря (*pахагь,

*oratajь) и косца (*kosьcь, *kosačь). Очевидно, практически все должны были выполнять те или иные работы и лишь для этих двух функций имелись постоянные обозначения лиц по занятию.

2.2.8. Живая природа и ее использование

Будучи частью природы, человек с самого своего становления был связан с нею множеством разнообразных нитей. В частности, элементарные потребности в пище человек удовлетворял путем сбора всего подходящего для нее, а потом и путем ловли соответствующих животных. Собирательство и охота предшествовали окультуриванию — разведению и выращиванию некоторых подходящих для этого растений и животных. И хотя в жизни древнего славянина, уже поднявшегося на сравнительно высокую ступень экономического и культурного развития, охота, рыбная ловля, собирательство уступали место более интенсивному использованию продуктов растительного и животного мира на основе животноводства и земледелия, все-таки они продолжали еще играть в снабжении древних славян необходимыми продуктами животного и растительного происхождения более существенную роль, чем в наше время.

Уже отмечалось, что ягоды, вероятно, в основном древними славянами собирались. Собирались и лесные фрукты (*ablъko и др.). Явно предметом сбора были такие ягоды, как *bъrusьnica 'брусника', *ež(ev)ina 'ежевика' возможно, *kostěnica 'костяника', *bъrinъ 'можжевельник'. Конечно, собирались для пищи орехи (*orěxъ) с кустов лещины (*lěščina). Для пищевых целей собирались грибы (*gribъ, *gǫba), причем сохранились праславянские наименования некоторых из них, например: *rydjь 'рыжик', *smьrža 'сморчок'.

Получали применение и травы (*bylь, *bylina, *bylьje — ср. *былинка, былье*). Часть из них использовалась в пищу: *bъrščь 'борщ', *kopriva 'крапива'. Некоторые травы косили на корм скоту, например клевер (*dętelina и *koničina). Некоторые растения использовались как приправа, как ароматическое средство для пищи или для создания приятного запаха в помещении, для отпугивания этим запахом насекомых или других мелких животных. Таковы, например: *męta 'мята', *čistьcь 'чистец', *čebrъ 'чебрец', *pelypъ / *pelynь и *čьrnobylь 'полынь'. Названные и некоторые другие растения (*kostolomъ, *xvoščь) применялись для лекарственных целей (их называли обычно *zelьje 'зелье'). Были известны ядовитые свойства некоторых растений, в частности: *muxomorъ, *boligolva, *belna 'белена', *čemerica 'чемерица', *kǫkolь 'куколь'.

К древности восходит использование сока (*sokъ) деревьев для различных целей. Для пищевого потребления использовался, видимо, сок березы (*berza). Находила применение для борьбы с гниением благодаря влагоотталкивающим и укрепляющим свойствам *smola, т. е. сок смолистых деревьев (*sosna, *borъ 'сосна', *edlь, *smьrkъ 'ель').

Некоторые растения находили непищевые применения — для изготовления из них вместилищ, уплотнения построек, изготовления крыш и изгородей: *mъxъ 'мох', *čertъ 'очерет', *lopuxъ 'лопух', *rogozъ 'рогоз', *vьrba 'верба'. Мягкие сорта дерева, в частности *lipa, служили для вырезывания из древесины предметов утвари, например ложек.

Вообще древесина находила широкое применение в столярном и плотничьем ремесле для изготовления различного рода изделий, причем свойства дерева, конечно, были известны и использовались (ср. *dǫbъ 'дуб', *bukъ, *klenъ). Древесина была для славян важнейшим строительным материалом, при этом учитывались свойства материала. Из дерева долбили лодки, на деревьях размещали ульи и т. д. Древесина была, вероятно, и практически единственным видом топлива. И снова здесь должны были учитываться свойства дерева быстро разжигаться или дольше гореть, легче или труднее подвергаться первичной обработке. Все это вело к довольно богатому именнику видов деревьев в праславянском языке: *asenь 'ясень', *osika 'осина', *avorъ 'явор', *berstъ 'берест', *olьxa 'ольха', *vęzъ 'вяз', *tisъ 'тис' и др. В праславянском языке имелось по той же причине несколько названий для дровосеков: *drъvosěkъ, *drъvorǫbъ, *drъvarь. Можно сказать, что обработка дерева отразилась в праславянском словаре еще в нескольких словах. Так, имелись названия орудий для обработки дерева: *pila, *dolbto 'долото', *sěkyra и *toporъ 'топор', *gladidlo и *strugъ 'разновидности рубанков', *nožь, *kolovьrtъ 'коловорот'. В праславянском были уже названия различных скреп для дерева: *gvozdь,

*klinьcь ‘гвоздь’, *skoba ‘скоба’. Естественно, имелись глаголы обработки дерева: *rǫbati, *tesati, *sěkti, *dъlbiti, *piliti. Наряду с общим термином *dervo ‘дерево’ имелись обозначения различных видов древесных полуфабрикатов и сырых изделий: *dъska ‘доска’, *kolda ‘колода’, *brьvьno ‘бревно’, *kolъ, *polěno. Использовалась при этом не только основная древесина, но и другие части дерева: *lyko, *bersta ‘берёста’. Имелось несколько названий тонких частей растений — жердей, прутьев: *žьrdь, *xlǫdъ, *prǫtъ, *rozga, ср. также *trъstь, *drǫkъ (ср. белор. *друк, дручок*), *drьkolъ (ср. *дреколья*). Можно указать и наличие названий отходов — щепок: *trěska (ср. белор. *трэска*), *ščepa, *skepa.

При всей практичности в подходе к природе, присущей древним славянам, необходимо учитывать еще существенную в то время роль культового фактора. Дерево, лес, чрезвычайно важные для всей жизни славян, не могли не поражать внимания своей вечностью, жизнестойкостью, могуществом и в то же время опасностью дремучих лесов с зарослями, топями и дикими животными. Нельзя вместе с тем исключать и определенное эстетическое восприятие растительного царства. Все это обусловливало поклонение наиболее могучим и древним растениям, например дубу, олицетворение леса и отдельных деревьев, например, соотнесение светлой березоньки с девушкой, превращение каких-то рощ в священные (о чем сообщают иноземные путешественники). Это находит отражение и в современном устном народном творчестве с образами лесной чащи, березоньки, дуба, имеющими, вероятно, глубокие корни.

Не случайно общее название для охоты и рыбной ловли в праславянском языке — *lovъ, а соответствующее имя деятеля — *lovьcь. Дело в том, что, видимо, ловля была важным путем добычи и птиц, и рыб, и зверей. Хотя мы и знаем праславянские названия лука, стрелы, тетивы (*lǫkъ, *strěla, *tętiva), а также копья (*korьje), но, видимо, существенную роль играли и различные орудия ловли: *kl'usa, ‘капкан’, *klonъ / *klona, *silo ‘ловушка для птицы’. Известно нам и несколько названий рыболовной снасти. Это, с одной стороны, *ǫda ‘удочка’, а с другой — несколько наименований сетей и устройств из них: *merža ‘сеть’ (ср. *мережка*), *vьrša ‘верша’, *nevodъ, *klomja ‘вид сети’; ср. и *kǫtьcь ‘уголок — часть невода’.

Имеется, видимо, десятка два названий рыб, дошедших до нас из праславянского языка. Прежде всего это родовое слово *ryba, а далее названия ряда видов рыб: *esetrъ ‘осетр’, *lososь, *ǫgorь ‘угорь’, *somъ, *ščuka, *korpъ ‘карп’, *pьstrǫgъ ‘форель’, *elьcь ‘елец’, *okunь ‘окунь’, *bolenъ ‘жерех’, *golvjь ‘голавль’, *karasь, *piskorь, *bobyrь и др. Рыб ловили не только сетями или удочкой, но и в специальных запрудах (*ězъ). Праславянский характер имеют такие слова, обозначающие части рыб, как *češuja, *esera ‘рыбья кость’, *jьkra ‘икра’. Наряду с рыбами славяне ловили и употребляли в пищу также раков (*rakъ). О славянских названиях рыб недавно вышла книга В. Т. Коломиец (см. список литературы на с. 264).

Роль рыбной ловли в жизни древних славян подтверждается раскопками археологов, в ходе которых часто обнаруживаются кости рыб, а также грузила, крючки, костяные иглы для изготовления сетей.

Гораздо больше, чем названий рыб, дошло до нас праславянских названий птиц. Следует предположить, что и было их больше. Конечно, не все птицы, которым славяне дали название, являлись объектом охоты. Так, аист (*botьjanъ) был защищен от охоты народными поверьями. Непригодные для пищи хищники, такие, как *sokolъ и *sova тоже едва ли были предметом охоты. Лишь в особых случаях, видимо, охотились на хищников: чтобы защитить от них своих животных или запасы. Однако заметные и крупные хищники получили свои наименования: *astrębъ ‘ястреб’, *kaпa ‘канюк’, ‘коршун’, *kobьcь ‘кобчик, сокол’, *korgujь ‘ястреб, сокол, кобчик’, *kręčetъ ‘сокол, кречет’, *orьlъ ‘орел’, *lunь. Едва ли без крайней нужды охотились на связанных с народными поверьями ворона и ворону (*vornъ, *vorna), ласточку (*lastovica).

Некоторые птицы получили свои наименования потому, что выделялись своим пением: *čečetъ, *čižь, *jьvьlga ‘иволга’, *drozdъ, *kosъ ‘дрозд’, *skovornъ ‘жаворонок’, *solvьjь ‘соловей’, *stegъlъ / *ščegolъ ‘щегол’. Другие птицы бросались в глаза своим поведением, окраской: *čaja ‘чайка’, *čapja ‘цапля’, *dętelъ ‘дятел’, *gračь, *soja ‘сойка’, *vorьbjь ‘воробей’, *žeravjь ‘журавль’. Специально на этих птиц, видимо, не охотились, кроме крайней нужды и каких-то случайностей.

В основном же в силки ловили птиц, используемых для еды: например, объектами охоты оказывались: *arębъ

'рябчик, куропатка', *čigъkъ 'чирок', *dropъty 'дрофа', *pegpega 'перепелка', *tetervъ 'тетерев', *golǫbь 'голубь', *elbędь/*olbǫdь 'лебедь' (связана, впрочем, с определенными культовыми представлениями), *gogolь 'гоголь' и др.

О птицах у славян имелось немало мифологических представлений. Ворон и сокол, голубь и ласточка, аист и сова выступали как действующие лица в ряде сказок, песен, в играх и обрядах. Можно привести такой пример. Жаворонки, прилет которых знаменовал весну, песни которых привлекали внимание древних славян, стали элементом определенного весеннего ритуала. Еще недавно в день весеннего равноденствия изготавливалось у восточных славян специальное ритуальное печенье, напоминавшее по форме жаворонка. Эти булочки, снабженные «глазами» из сухих ягодок, подбрасывали. Некоторые такие булочки — «жаворонки» содержали специальную начинку, и тот, кому они попадались, считался удачливым. Христианская церковь, как это нередко бывает, пыталась подчинить древний языческий обряд своим целям: поскольку в день равноденствия праздновался день сорока святых мучеников, стали утверждать, что жаворонки символизируют души этих мучеников. Через ритуал с жаворонками древние славяне отмечали столь важное событие, как приход весны.

Дикие животные имели праславянское родовое наименование — *zvěrь. Хотя в науке велись споры о значении выражения *лютый зверь* в некоторых древнерусских письменных памятниках («Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника»), но само существительное имело, видимо, родовое значение и не служило названием какого-то конкретного дикого хищного зверя. Как и с птицами, следует сразу же оговориться, что не все те животные, для которых в праславянском языке имелись названия, были объектами охоты или другого использования. Можно в этом отношении начать с того, что в праславянском имелись названия экзотических животных, о которых сведения доходили из вторых рук: *slonъ 'слон', *velьblądъ 'верблюд'. Показательно, что слово, являющееся у славян названием слона, было заимствовано из восточных языков, где соответствующее слово (тюркск. *арслан*, дошедшее до нас и в форме имени *Руслан*) имело значение 'лев'; слово *velьblądъ представляет собой народно-этимологическую попытку («большой блуд») освоить заимствованное

слово (готск. ilbandus, возможно, из греч. ἐλέφας, ἐλέφαντος 'слон', восходящего к восточным языкам). Эти переосмысления первичных значений выдают экзотический характер реалий для носителей праславянского языка, незнакомство с ними. В праславянском было известно и обозначение экзотического животного — льва (*lьvъ, *lьvica). Очень интересно в связи с этим недавнее сообщение А. Сабаляускаса о том, что в самых ранних письменных памятниках литовского языка в качестве названия льва фигурирует не нынешнее levas, а liutas. Но тогда В. В. Иванов правомерно поставил вопрос: не является ли древнерусское *лютый* (ср. *лютый зверь*) закономерным славянским отражением индоевропейского названия льва (основа типа *liu-)? Гипотеза смелая и интересная.

Некоторые животные были просто заметны в силу своих особенностей, но не имели практического значения и едва ли были предметом охоты. Таковы, например, ёж (*ežь), хомяк (*xoměkъ), летучая мышь (*netopyrь), связанная к тому же, видимо, с какими-то поверьями, как и другие ночные животные.

Охота на крупных животных требовала специальной организации. Кроме того, некоторые животные охранялись культовыми представлениями. Волк (*vьlkъ) и медведь (*medъvědь) еще в индоевропейскую эпоху были культовыми животными. Не случайно, что в славянском индоевропейское название медведя (сохранившееся, кажется, в латинском — ursus) заменено эвфемизмом со значением 'едящий мед'. Имя волка долгое время сохранялось у славян как личное имя в честь этого культового животного (можно указать хотя бы восточнославянские фамилии *Волк, Волков, Вовченко, Волчок* и т. п., отражающие старое дохристианское имя, или имя известного сербского просветителя *Вука* (т. е. *Волка*) Караджича). Так же обстояло дело с рысью (*rysь), следы культа которой иногда видят в некоторых обычаях у балтов и славян. Надо учитывать также опасность и сложность охоты на крупных хищников. Она могла происходить лишь в каких-то особых случаях.

Более регулярно охотились на «мясных» животных, шкура которых тоже могла быть использована: дикого кабана (*vepr̥), лося (*losь), оленя (*elenь, *elenica, *elenę и название мяса — *elenina), лань (*olniji), серну (*sьrna), косулю (*košutъ/*košuta). *Ězvьsь 'барсук'

использовался, быть может, из-за жира, которому народная медицина приписывает целебные свойства. *Dъхогъ 'хорек' сейчас кое-где служит своего рода отпугивающим средством от других хищников: куски его мяса иногда раскладывают в курятнике, думая, что это отпугнет других лакомых до птиц животных; возможно, что в этих представлениях есть и культовые обоснования. *Krъtъ 'крот' в принципе мог идти и на еду и на мех, но едва ли это мелкое животное, к тому же связанное с подземным царством («тем светом»), было предметом охоты в значительных масштабах. Мышь (*myšь), возможно, отлавливали как вредителя всяческих съедобных запасов.

Охота на диких животных была для древних славян источником мясной пищи, хотя раскопки археологов показали, что, например, в древнерусских городищах среди остатков кости диких животных составляют 15—20 % всех костей животных, а значит, скотоводство имело в пять раз большее значение, чем охота. Судя по указанным материалам археологов, основная добыча охотников — это лось, олень, косуля, заяц, медведь. Вели древние славяне и охоту на пушного зверя — бобра, лисицу, выдру, рысь.

Главным образом ради меха, столь нужного для славян в холодную пору года, отлавливались бобры (*bebrъ / *bobrъ), горностай (*gornostajь), выдра (*vydra), лиса (*lisъ, *lisa / *lisica), ласка (*lasica). Не исключено, что последние досаждали тем, кто разводил птицу, а потому и подвергались отлову. И лиса и ласка — нередкие образы в славянском фольклоре. С лисой связаны представления о хитрости и коварстве. Ласка в некоторых обрядах и текстах выступает как обращенная девушка... Важным пушным зверьком для славян были белки (*veverica, ср. белор. *вавёрка*). Особое место среди пушного зверя занимал заяц (*zajęcь). У южных и восточных славян нередко существовал запрет на употребление зайчатины в пищу, например под угрозой рождения ребенка с заячьей губой или с косыми глазами. Вообще у многих славян заяц (у русских его эвфемистическое название — косой) связан с «нечистой силой»: зайцем может обернуться черт, заяц является порождением черта. Этим объясняются опасения того, чтобы заяц дорогу не перебежал. Прыткость зайца связана с представлением о его трусливости. У славян в словесном творчестве, в играх широко распространены представления о связи зайца с брачно-любовной семантикой; обычно

заяц — мужской символ; используется образ зайца в ритуальном свадебном хлебе — каравае.

В первой половине X в. уроженец Персии Ибн аль-Факих в своём географическом трактате, написанном на арабском языке, отмечал, что купцы-скалабы, т. е. славяне, торгуют мехом лис, бобров, соболей. Таким образом, в то время мех был не только продуктом внутреннего использования, но и экспортным товаром. Арабские владыки любили надевать меховые шапки. Необходимо, однако, учитывать, что эти известия относятся к более позднему периоду, когда уже произошел раздел праславянской языковой общности. Название *sobolь является восточнославянским, его не знали в старину южные и западные славяне.

Пожалуй, лишь пчелы из всех насекомых играют серьезную роль в экономической жизни человека. Конечно, и саранча может оказать немаловажное воздействие, съев полностью посевы, как то бывало во времена ее нашествий, но для славянской территории такие нашествия были, вероятно, редким явлением. Роль насекомых как переносчиков болезней еще не была осознана, хотя укусы насекомых, бесспорно, причиняли беспокойство древним людям. Не случайно поэтому, что именно кусающим насекомым давали наименования древние славяне: *blъха 'блоха', *vošь 'вошь' (и *gnida 'гнида, яичко вши'), *kloръ, kleščь, *osa, *šьršenь, *čьmelь 'шмель', *komarь, *gъzъ и *ovadъ 'овод'. Некоторые насекомые стали выделяться благодаря специфическому шуму *cьrkačь, *svьrčь(kъ) 'сверчок (ср. и белор. *цыркун*)'. Ряду насекомых названия были даны, вероятно, как вредителям: *korojědъ, *molь. Отдельные насекомые были замечены человеком потому, что жили в его окружении (*muxa), выделялись своим поведением (*morvьjь 'муравей'), размером (*xrǫščь 'хрущ'), внешним видом (*žužela 'жужелица'), окраской (*motylь 'мотылек'). Следует указать, что зафиксированы обряды, связанные с изведением вредных домашних насекомых — мух, блох, тараканов, клопов. Учитывая, что в этих обрядах отражены идеи метаморфоз (превращений) насекомых, можно думать, что некоторые из таких обрядов имеют архаичный характер. В разных славянских языках в значении 'бабочка' выступают слова с корнем слова *baba (ср. *бабочка*, белор. *бабка* и т. п.). Это объясняется тем, что, согласно поверьям, бабочки (в частности, вероятно, ночные) — это души умерших (в одном русском диалекте зафиксировано *душичка*

'бабочка', ср. лат. animula 'ночная бабочка' при anima 'душа').

Различные «гады» — пресмыкающиеся, черви, земноводные — вызывали у древних славян, видимо, отрицательные эмоции; говорить об их использовании затруднительно (кроме разве что пьявок (*pijavica), давно применявшихся в лечебных целях). Несмотря на это, имелось несколько названий для «гадов»: *zmьja 'змея', *polzъ 'полоз', *ǫžь 'уж', *ašč̌erica / *ašč̌erъ 'ящерица'; *žaba 'жаба'; *čьrvь 'червь', *glistъ 'червь, глист', *xrobakъ 'личинка'; *č̌eграха, *žely 'черепаха'.

Следует отметить, что представители животных «нижнего мира», «гадов» выступают в славянской мифологии. Так, *zmьjь 'змей' известен и по русским сказкам, где фигурирует *Змей* Горыныч, и по южнославянскому фольклору с его *Змеем* — Огненным Волком (в котором соединяются и верования, связанные с волком-оборотнем). Известны и поверья о других «гадах». Так, к примеру, для вызова дождя в засуху, по полесским поверьям, надо убить жабу или ужа. Нетрудно понять, что избавление от засухи было столь серьезным желанием, что искали к нему самые различные, в том числе и фантастические, пути.

Таким образом, у древних славян имелись довольно развитые представления об окружающей живой природе. Лексика, связанная с живой природой, показывает наблюдательность древних славян, их тесную связь с окружающей средой, стремление освоить мир, поставить на службу человеку ресурсы природы. Не чужд был древний славянин не только чисто экономического подхода к природе, но и эстетического подхода, чувства прекрасного. Это проявляется, к примеру, в наличии не менее чем десятка праславянских наименований певчих птиц. Познание и освоение мира находит свое отражение, в частности, в репертуаре лексики, связанной с живой природой.

2.2.9. Географическая среда

Окружающая человека среда осмысливалась им и получала в его речи соответствующие наименования. Уже сам факт наличия в праславянском лексиконе достаточно подробной характеристики многих явлений окружающего ландшафта показывает, что люди определенным образом познали эти явления и осваивались в окружающем мире.

Интересно отметить наличие в праславянском языке целого ряда слов, непосредственно свидетельствующих о том, как человек преодолевал географическое пространство, как он стремился осмыслить и освоить его. Имеется ряд исследований географической терминологии в славянских языках, из которых прежде всего надо указать книгу Н. И. Толстого (см. список литературы на с. 264).

Географическая среда, в которой жил человек, естественно, получила в языке достаточно полное отражение. Уже имелись обобщенные представления о месте (*mě̌sto), протяженности (*šir̥ь 'ширь', *dьlžь 'длина'), высоте и глубине (*vysь, *vysokъ, *nizъkъ, *glǫbь, *glǫbokъ), о свободном пространстве (*prostorъ) и о его границе, крае, кромке (*krajь, *kroma), откуда и о некоторой ограниченной (хотя и не очень малой) территории (*krajina), возможно примыкающей к краю, границе. Те или иные границы, сдвинутые близко, стали основанием для развития достаточно абстрактных прилагательных со значением 'узкий' (*ǫzъkъ) и 'тесный' (*tě̌s(k)nъ). Уже имелись обозначения основных направлений (сторон света), связанные с представлениями о видимом движении солнца: *sě̌verъ, *jugъ, *zapadъ, *jutro 'восток' (ср. также *jьztokъ, *vъztokъ). Можно указать на обозначения севера и юга в связи с временем — полночь (*polъnoktь) и полдень (*polъdьne); пространственное значение для соответствующих востоку и западу слов типа *восход, заход* известно только отдельным славянским диалектам. Одно из интересных слов этого ряда представлено белорусским *вырай* 'теплые страны; страны, куда улетают на зиму птицы' (соответствия имеются в украинских, а также в русских и польских говорах; слово зафиксировано еще в Поучении Владимира Мономаха, где запись такова: *птицы небесныя изъ ирья идутъ*). Есть несколько попыток объяснить происхождение этого слова: и из иранск. airya 'арийская, т. е. южная, страна', и из слав. *jarъ 'весна', и в связи с балтийскими словами, обозначающими 'море', например прусск. iuriay, и в единстве со словами ряда славянских языков, обозначающими 'омут', например словенск. ir (последние два предположения в связи с зафиксированным, в частности, на Гроднещине поверьем, будто птицы на зиму погружаются в воду).

Однако основу географической лексики праславянского языка составляют названия более конкретных наземных объектов. Само слово *земля* (*zemja) уже в старославян-

ских памятниках употреблялось в том широком значении, которое присуще ему в современном русском языке: это и 'территория', и 'суша', и 'мир', и 'почва'. Земля, не занятая сельскохозяйственными угодьями и постройками, получала наименование *pustina / *pustynь, занятые участки в зависимости от характера — *niva, *lędo. Значительная часть земель, в которых обитали славяне, была покрыта лесом (*lěsъ); для обозначения молодого небольшого леса имеется праславянское слово *gajь (ср. белор. *гай*), что представляет собой довольно интересный факт, особенно если принять обычную этимологию этого слова от глагола *gojiti (ср. белор. *гаіць* 'лечить') 'выхаживать, выкармливать, лечить': это означало бы, что древние славяне осуществляли какие-то лесопосадки (скажем, на выжженных участках). Слово *borъ в ряде славянских языков означает только 'сосна', но довольно распространено и значение 'сосновый (игольчатый) лес'. Видимо, праславянский характер имеет и слово *orstja 'роща'; не вполне ясно укр. *хащa* 'заросли, густой лес', имеющее точную параллель в польском; ср. белор. диал. *хвашч* 'заросли'.

Бездревесные участки в лесу имели название *pol'ana. На открытых местах (*golmę) располагались луга (*lǫka) в том числе заливные (*bolnьje).

Низкие участки вообще получали имя низины (*nizina); если они противопоставлялись находящимся рядом возвышенностям (*vьrхъ), их называли *dolъ, *dolina. Имелось несколько слов, обозначавших возвышенности: *gora, *xribъ, *хъlmъ; *kǫpa 'бугор, остров в болоте', *korьsь 'курган'. Совокупность гор называлась *xrьbьtъ 'хребет' или *krędžь 'кряж'. Горный склон получал название *bьrdo или *kosogorъ; именно применительно к склону употреблялось прилагательное *krǫtъ 'крутой' (заметим, что в балтских языках этот корень означает 'берег'). Место под горой называлось *podъgorьje. Интересно отметить, что в южнославянских языках слово *gora стало обозначать 'лес', видимо, потому, что на Балканах горные склоны обычно покрыты лесом. Каменное возвышение имело уже название *skala.

Несколько слов обозначали в праславянском относительно резкие понижения земли: *ama / *jama 'яма', *rovъ 'ров', *ězvina 'нора, яма, пещера', *askyni и слова с корнем *pekt- типа белор. *пячэра*, болг. *пещера* в значении 'пещера'.

Группа слов обозначала в праславянском болотные объекты, что означает пребывание древних славян в какое-то время не только в тех местах, где есть горы, но и там, где имелись болота; одно, впрочем, не исключает другого. Основные названия болота — это *bolto 'болото', *bagno 'заросшее болото', *grǫzь (ср. *грузнуть*), *drъgъva (ср белор. *дрыгва* 'болото') 'топь'; несколько слов обозначали грязные, влажные, топкие места на базе корня *kalъ 'грязь': *kaluga / *kaluža, *kališče. Значение болотистой почвы имели также слова *grędzь, *jьlъ (ср. *грязь, ил*). Слова *klъčь, *kočьka употреблялись для обозначения кочки.

Несколько праславянских слов обозначают водные источники, они варьировались, видимо, территориально, а также по особенностям самого источника: *jьzrojь (ср. белор. *здрой*), *jьztočьnikъ (ср. *источник* с корнем -tok-), *jьzvirъ / *jьzvorъ (ср. болг. *извор*), *krinica, *žerdlo (ср. белор. *жарало*, ср. *горло, ожерелье*). Искусственно вырытый колодец обозначался в праславянском словами *studьna и *koldenьcь (и некоторыми их вариантами).

В праславянском языке был ряд названий для гидрообъектов — водных поверхностей и потоков. К индоевропейскому восходит слово *more, ср. лат. mare, нем. Meer и т. п. Имеет четкие балтские, а также некоторые другие индоевропейские соответствия слово *ezero 'озеро'. Праславянский характер имеет слово *prǫdъ 'течение и запруда'. На праславянской почве образовано слово *rěka, родственное по корню с *ринуться* и названием реки *Рейн*, а также *ručějь и *strumenь 'ручей', родственное слову *струя* и нем. Strom 'ток', сюда же относится и *potokъ: все эти слова имеют во внутренней форме указание на стремительное движение воды. Следует еще указать праслав. *virъ и *jьrъ 'водоворот, водопад', *selmę 'залив', *ustьje. Слова, обозначающие участки суши, окруженные водой, получили названия, связанные с теми же глаголами *tekti 'течь' и *strujiti sę 'струиться', это слова *ostrovъ и *otokъ 'остров'. Любопытно отметить, что славянское слово *bergъ 'берег' имеет в германском соответствие, обозначающее гору, т. е. тоже возвышение, но уже сравнительно не с водной поверхностью, а с окружающей сушей: ср., например, нем. Berg 'гора'.

Преодоление географического пространства осуществлялось разными способами, и прежде всего, конечно, пешком. Имеется несколько праславянских глаголов пешего

передвижения, обозначающих это передвижение с целым рядом дополнительных сем — элементов значения. Основную группу этих глаголов составляют глаголы *jьti (I л. ед. ч.: *jьdǫ), *grędti 'идти'; *stǫpati 'ступать', *xoditi. Ряд глаголов обозначал быстрое движение: *bĕgati / *bě-žati, *gasati 'бегать' (ср. белор. *гайсаць* 'бегать'), *tekti 'бежать' (ср. *течь*, белор. *уцякаць* 'удирать'), *rinǫti sę 'ринуться'. Некоторые глаголы означали движение со стремлением понудить кого-то к движению. Сюда можно отнести глагол *vedti, *voditi 'вести, водить', означавший движение лица, прокладывающего путь для других, возглавляющего движение. Глаголы *gъnati 'гнать', *goniti 'догонять', *pǫditi 'отпугивать, отгонять' означают уже понуждение к движению путем передвижения не впереди кого-то, а, напротив, позади кого-то. В этой связи надо отметить и глагол *slĕditi 'следить, следовать', т. е. 'идти по следу'.

Несколько глаголов означают движение с преодолением помех. Так, *bresti / *broditi, *gaziti означает 'идти, преодолевая воду или топь', *lězti / *laziti — 'передвигаться, прибегая не только к задним конечностям', *skakati — 'передвигаться прыжками, преодолевая, возможно, какие-то неровности пути'. Глаголы *xromati, *klypati 'хромать' — 'передвигаться с преодолением внутренних физических помех самим идущим'.

Глагол *nesti / *nositi означал (и означает) передвижение с доставкой некоторого предмета с места на место пешим способом; аналогично этому *vezti / *voziti имеет значение передвижения с доставкой предмета при помощи некоторого средства транспорта, *katiti — доставку некоторого предмета путем качения, т. е. поступательного вращения по земле.

Глаголы *pluti / *plavati означают передвижение по водному пространству вплавь. Глаголы *letěti / *lětati едва ли могли использоваться для обозначения способа транспортировки (кроме разве что сбрасывания транспортируемого объекта откуда-то), они обозначали передвижение по воздуху (птиц, неживых предметов, например камней, облаков или стрел); интересно, что этот глагол был использован уже в старославянской письменности переносно применительно к племени: *и летить нынѣ словѣньско племя* (Азбучная молитва). Но важнейшим глаголом перемещения при помощи средств транспорта был, конечно, *jěxati (I л. ед. ч.: *ědǫ) 'ехать'.

Общего индоевропейского имени для 'дороги' нет. В какой-то мере приближается к нему слово, на базе которого в праславянском реконструируется *stьga / *stьžьka (ср. *стезя, стежка*), восходящее к глаголу со значением 'шагать, подниматься' (откуда, например, нем. steigen 'подниматься' и Steg 'небольшой мостик', а также греч. στιχος 'стих' при στείχω 'шагаю'). Другое славянское обозначение небольшой дороги — *trora тоже связано с понятием 'ступать, шагать' (ср. польск. trop 'след'). С этим же понятием, выраженным другим корнем (*pent- / *pont-), связано еще одно обозначение дороги, получившее, пожалуй, наиболее абстрактное значение,— *pǫtь 'путь'. В греческом это слово получило значение 'морской путь, море', в латыни — 'мост', в германских языках — 'тропа', в балтийских — 'настил на болоте, гать'. Еще два славянских обозначения дороги связаны, видимо, с понятием 'очищать, дергать', это — *dorga и *cěsta (первое соответствует русскому *дорога*, а второе представлено в ряде западных и южных славянских языков, например словен. cesta 'проспект, шоссе'). Слово *kolěja означало первично след колеса, слово *slědъ с известной вероятностью первоначально означало санный (лыжный) след (ср. англ. slide 'скользить по льду'). Слово *ula, *ulica означало в праславянском, как и теперь, дорогу в населенном пункте; оно родственно слову *ulьjь и связано с индоевропейскими словами, означавшими трубку (например, из пустой колоды), ущелье, канаву, дорогу.

Для преодоления водного рубежа находили *brodъ, *gazъ, перебрасывали через поток бревно (*brьvь) или строили *mostъ. Иногда мог быть сооружен паром (*pormъ), а нередко переправа осуществлялась по гати (*gatь) или другого типа плотине (*grebja). И все же порой в некоторые неблагоприятные условия было бездорожье (*bezpǫtьje). Быть может, ходули (*xodul'a) использовались не просто как орудия для игр, но и как средство преодоления пешком непроходимой грязи.

Реки были чрезвычайно важными транспортными артериями. Имеется несколько праславянских названий суден, лодок: *oldьji 'ладья, лодка', *čьlnъ / *čьlno 'челн (выдолбленный из ствола дерева)', в этом же значении у северных славян использовалось слово *komęga, в некоторых диалектах крупная лодка называлась *struga / *strugъ. Последнее название связано, вероятно, с глаголом *strugati,

т. е. дано по способу обработки дерева. Долгое время считали, что слово *korabjь / *korabъ заимствовано из греч. καράβιον. Но в последнее время выдвинута мысль о связи этого названия крупного судна со словом *korbъ — названием одного из видов плетеной корзины — *короб* (О. Н. Трубачев). Судна передвигались у славян главным образом с помощью весел (*veslo, *greblo), имелся глагол *grebti > *gresti в соответствующем специальном значении. При необходимости их волочили (*volčiti) по мелким местам (которые назывались *volkъ 'волок', *pervolkъ 'переволока') силами самих гребцов (*grebьcь) или с помощью животных. Вместе с тем известны были и паруса (*рьгě); в древнерусской Новгородской I летописи говорится, например: *И восняша Русь прѣ паволочитыя* (т. е. из дорогой ткани паволоки). Корень этого слова тот же, что в *рогрогъ 'знамя'. Вместе с тем судоходство имело характер главным образом речной или прибрежный. Следует указать еще термин *koty 'якорь'.

Река использовалась не только как водный путь. Зимой по этой естественной дороге, видимо, нередко двигались на санях (*sani), а летом относительно незаросший и достаточно сухой берег тоже мог использоваться как дорога для колесного (*kolesьnъ) транспорта — воза (*vozъ). Праславянский знает и названия частей воза (например, *osь, *stъpica 'спица', *kolo 'колесо'; ср. и название части саней — *krěky и др.), и название смазочного средства *kolomazь, и соответствующие глаголы, например *zapręgati 'запрягать'. Конечно, движение на возе или санях могло осуществляться не только по реке или вдоль реки, но и по другим путям. Лошади использовались не только для гужевого транспорта, но и для езды верхом (*jězda vьгхотъ). Об этом свидетельствует наличие таких слов, как *sedьlo 'седло', *strьmy / *strьmę 'стремя'. Человек, который ехал, назывался *jězdьcь; тот, кто передавал какие-то сообщения,— *sъlъ, *posъlъ 'посланный'; участник погони, а может быть, и посланный с другой целью человек — *gonьcь.

Разумеется, географическая среда — это не только горы, леса, долины, реки, болота и пустоши, а дороги — не единственный способ ее освоения. С географической средой связан и органический мир — растения и животные. Кроме того, с ней связаны и метеорологические явления, и полезные ископаемые, которые тоже познавались и применялись человеком. Весь окружающий мир был объектом познания и освоения человеком, но, конечно, лишь постепенно раскрывались человеку его секреты.

2.2.10. Мир минералов и их применение

Издавна человек не только познавал, но и пытался использовать неорганическую природу, окружающую его. Славяне не были исключением. Им были знакомы некоторые минералы металлического и неметаллического характера, они имели довольно развитое гончарство, опыт примитивной металлургии, знали обработку металлов, прежде всего различные виды ковки. Соответствующая терминология изучена в книгах В. В. Иванова и О. Н. Трубачева (см. список литературы на с. 264).

Древние славяне знакомы были с рядом металлов, названия которых являются общими для всех или многих славянских языков и, без сомнения, возводятся к праславянскому: *želězo, *zolto 'золото', *sьrebro 'серебро', *mědь, *olovo, возможно, также *svinьcь (известное в восточнославянских и словенском языках). Лишь названия золота и серебра можно безоговорочно считать праиндоевропейскими, обсуждаются в этом плане названия меди и железа; балто-славянский характер имеют названия олова и свинца (причем следует учитывать, что названия этих металлов смешивались). Славяне знали слово *ruda, что свидетельствует в пользу того, что им было известно изготовление железа. Первоначально это осуществлялось при помощи кузнечного горна (*gъrnъ), сделанного по аналогии с гончарным, в небольших специальных печах, где использовался бурый железняк, болотная руда; затем печь совершенствовалась, появились кузнечные мехи (*měхъ), обеспечивающие принудительную подачу воздуха, а следовательно, более высокую интенсивность горения и высокую температуру. Следует допустить, что термин *plaviti мог использоваться уже в праславянском для железоделательного производства. Вместе с тем нераспространенность этого ремесла и достаточно примитивный характер применяемых орудий обусловили то обстоятельство, что соответствующей терминологии почти не сохранилось. Обработка металла, естественно прежде всего железа, осуществлялась кузнецами (*kovalь, *kovarь, *kovačь) в кузницах (*kuznь)

с использованием меха, горна, клещей (*klešče), щипцов (*ščirьci), молота (*moltъ), наковальни (*nakovadlьna). Многие названные слова связаны с важным глаголом *kovati / *kuti индоевропейского происхождения.

В праславянском языке было несколько обозначений минералов неметаллического характера: *glina, *glьjь 'разновидность глины', *pěsъkъ 'песок', *kamy 'камень', *kremy 'кремень'. Камни по размеру и форме получали такие названия, как *bryla, *glyba / *glyza, *bьlvanъ 'крупные камни', *glazъ 'небольшой округлый камешек', *grǫda 'груда, ком'. Нагромождение камней, песка и т. п. называлось *kupa, *gramada, *gomola. Измельченные или сами по себе измельчившиеся минералы назывались пылью: *pyl'ь, *рогхъ (ср. *порох*). Следует еще указать такие минералы, которые, возможно, требовали предварительной обработки: *varьno 'известь' и *sěra 'сера'.

В праславянский язык слово *stьklo 'стекло', видимо, заимствовано из готского. В глубокой древности стекло во всем мире могло появиться в связи с развитием гончарства, но применялось только для изготовления украшений, пока в I в. до н. э. на Ближнем Востоке не была изобретена стеклодувная трубка. Стеклянные бусы, а реже и посуда попадали и на славянские территории уже в первой половине I тысячелетия н. э. Изготовление стеклянных украшений, а позже и сосудов, оконного стекла у славян фиксируется довольно поздно, с VIII—X вв., когда они уже разделились на группы.

Гончарство — производство керамической посуды — одно из древнейших ремесел на славянской территории. Уже в период распространения лужицкой культуры (XII—III вв. до н. э.) женщины лепили глиняные сосуды, которые обжигались в специальных печах, строившихся, вероятно, мужчинами. Значительный шаг вперед был сделан на этой территории в III в. н. э., когда появился гончарный круг для обработки, а потом и изготовления горшков. Однако в IV—V вв. на славянских территориях культура гончарства ослабилась, и оно стало развиваться вновь довольно мощно с VI—VII вв. Славянская керамика с этого времени стала предметом не только внутреннего использования, но и экспорта. Для изготовления горшков (*gъrnъ, *gъrnьsь) использовалась глина, к которой иногда добавлялся песок, раздробленный камень, битая и размельченная керамика. Сосуд лепился (*lěpiti) или формовался на круге

(*krǫgъ), снабжался украшениями (насечкой, выдавливанием или налепливанием) и подвергался термической обработке в специальной печи (*pekti). Из глины изготавливались не только сосуды, но и украшения, а также предметы культа, игрушки — фигурки животных и птиц, погремушки; возможно, часть игрушек лепили сами дети, обучаясь тем самым гончарному ремеслу. В праславянском было уже название для лица, занимавшегося гончарством, гончара: *gъrnьčarь.

С VII—VIII вв. у южных славян и с IX—X у других камень стал использоваться в строительстве, первоначально для сооружения храмов, а потом и других построек. Глина, однако, использовалась при строительстве из дерева и ранее. Специальных праславянских терминов для обработки камня, названия каменщика не фиксируется.

Завершая разговор об использовании неживой природы, следует вспомнить о наличии специальных обозначений для воды (*voda), льда (*lьdъ), влаги (*volga), а также капли (*kapja).

2.2.11. Небо, воздух, время

Небесные явления — и астрономические, и метеорологические — оказывали немалое влияние на всю жизнь человека. Смена дня и ночи, теплого и холодного сезонов, осадки и ветры, засухи и наводнения — все это отзывалось на жизни далеко не комфортабельно устроенных древних славян. И неудивительно поэтому, что в их языке имелись соответствующие термины. Небесные явления по своей неуправляемости и недосягаемости легко оказывались объектом религиозных представлений у многих народов, в том числе и у славян. Космические и атмосферные явления тесно связывались с представлениями о времени, перекрещивались с ними. Все это получило то или иное отражение в праславянском словаре.

Небо (*nebo) и небесные светила, конечно, привлекали внимание древних славян, они дали наименования основным небесным явлениям, хотя и нельзя сказать, чтобы интерес к ним был очень интенсивным. Звезды (*gvězda) как ориентиры в пути, вероятно, не играли существенной роли (древние славяне не были мореходами), поэтому названия для отдельных звезд и созвездий в праславянском языке либо отсутствовали, либо же из-за их периферийности до

нас не дошли. Пожалуй, лишь такое скопление, как Млечный Путь, имело название со значением 'дорога, путь', но, какая именно дорога, нам неизвестно: имеющиеся у разных славян, как, впрочем, и у многих других (хотя и не всех) народов названия Млечного Пути связаны с понятием пути (*Птичий путь, Журавлиная дорога, Чумацкий шлях, Батыева дорога* и др.), поэтому можно думать, что с понятием пути связано название этого звездного скопления и в праславянском языке. Слово *zorja > *zoŕa означало и зарю, и (по крайней мере, в некоторых диалектах) звезду, нередко утреннюю и вечернюю (т. е. Венеру); возможно, для дифференциации «зари» и «звезды» образовывались производные от этого слова — *zorьka, *zorьnica, но и за ними не закреплены стабильные для всех славян значения.

Важным для ночного неба явлением была луна. В славянских языках распространено название ее *měsęc, восходящее к индоевропейскому корню; периодичность фаз луны послужила использованию этого слова для обозначения единицы времени, которое само измерялось, вероятно, с учетом смены лунных фаз. Слово *luna употреблялось в значении 'отблеск', откуда и перешло на обозначение ночного светила.

Главное светило — солнце (*sъlnьce) имеет тоже индоевропейский корень в названии, хотя суффиксальное оформление этого названия славянское. Праславянскими были и такие обозначения явлений, связанных с солнцем, как *světъ и *lučь. Место, защищенное от солнца, именовалось *sěnь, севернославянские языки дают также *těnь, которое связывают подчас с *tьmьnь, *tьma 'темень, тьма'. Кроме слова *tьma, праславянским было и слово *morkъ 'мрак', которое, видимо, означало не просто темноту, но темноту плохо проницаемую, связанную с туманом, мглой.

Атмосферные явления играли в жизни древних славян более существенную роль, чем собственно небесные явления (кроме, конечно, солнца). И потому естественно, что метеорологическая терминология была у них более развита, чем астрономическая. Имеется десятка три слов, относящихся к этой сфере. Это названия атмосферных явлений различных типов. Начнем обзор этих названий с двух небольших антонимических подгрупп, обозначавших температуру воздуха (понятие воздуха, кстати, не имеет у славян единого обозначения: ср. русский старославянизм *воздух* и подобные ему слова в болгарском, македонском, сербскохорватском, чешском и словацком, белорусское *паветра* и подобные ему в украинском, польском, серболужицких, а также словенское zrak и его параллель в сербскохорватском, где имеются синонимичные обозначения воздуха): *xoldъ 'холод', *morzъ 'мороз', *studja 'стужа', с одной стороны, и *znojь 'зной', с другой (в значении 'зной' в разных славянских языках еще употребляются такие слова, как русск. *жара*, белор. *спёка, гарачыня*, польск. upał, с.-х. *жега* и другие слова, связанные с понятиями огня, пламени, его воздействия — печения, варки и т. д.), а также в некоторых южнославянских диалектах слово *jara, корень которого выступает и в иных значениях, связанных с понятием солнца, прежде всего — 'весна'. С этими словами связаны и прилагательные *studenъ 'студеный' и *teplъ 'теплый', а также *zębnǫti 'зябнуть, т. е. испытывать действие холода'.

Ряд слов обозначал передвижение воздуха — *větrъ 'ветер' (образованное от глагола *vějati с суффиксом *-tr-), а также порывистое, винтообразное движение воздуха — *vixrь (от *viti 'вить'). Кроме того, имелись обозначения разновидностей ветра по направлениям: ветер с гор — *gorьnakъ, ветер с той или иной стороны света — например, *severъ, *jugъ. Очень сильный ветер, связанный обычно с осадками, назывался *bura.

Основные названия осадков сохранились вплоть до современного языка: *dъždžь, *sněgъ, *gradъ, возможно и *krupa. Были и обозначения разновидностей осадков, например: *xl'uščь 'сильный дождь', *xalěpa, *slota 'дождь со снегом'. Дождь, снег, как и другие активные погодные явления (ветер), древние славяне понимали как некоторые специальные мифические существа. Отсюда и древнее славянское выражение *dъždžь jьdetъ 'дождь идет', замененное уже в христианскую пору выражениями типа болг. *вали* или польск. pada 'валит, падает'. А вот глагол *mьžati 'моросить' имел диалектный характер. Длительное отсутствие дождя обозначалось специальным словом *bezdъždžьje, имелось прилагательное *bezsněžьnъ 'бесснежный', выпадение града, наносившее ущерб урожаю, получило название *gradobitь. Хорошая погода без осадков с ясным небом называлась *vedro (интересно, что в полабском языке это слово обозначает и солнце как светило).

Источником осадков являются тучи; праславянское название тучи — *xmara / *xmura (этот же корень, видимо,

и в слове *пасмурный*). Слово *obvolko/ъ, из которого наше слово *облако*, известно не во всех славянских языках. А слово *tǫkja зафиксировано с разными значениями: в восточнославянских языках — это 'облако, туча', в некоторых западнославянских — 'радуга', а в сербскохорватском и словенском — 'град'. Понятие радуги не имеет в славянских языках единого обозначения. В ряде языков для обозначения «радуги» используется слово *dǫga 'дуга', в других отмечается признак радости — веселья (ср. белор. *вясёлка*), вызываемых этим красивым явлением (в некоторых диалектах радугу называли *красой*); слово *радуга* происходит скорее всего от корня, содержащегося в прилагательном *рад*, но есть и другие его объяснения.

В праславянском языке были наименования для специфических осадков, оседающих на поверхностях: *rosa и *jьnьjь 'иней'. Атмосферная влажность обозначалась корнем *vьlg- (ср. белор. *вільгаць* 'влага', заимствованное из польского). Насыщенная влагой атмосфера, туман, в праславянском называлась *mьgla 'мгла'.

Естественно, получили свое название и проявления атмосферного электричества. Акустическое проявление имеет общее название *gromъ, соотносимое с глаголом *grьměti. Оптическое проявление обозначалось *mъlniji 'молния', что этимологически связывают на индоевропейском фоне со словами, обозначающими молот (имея в виду молот громовержца); вторичным является производное от *blьskъ 'блеск, сияние' *bliskavica 'молния' (в украинских и белорусских диалектах и др.). Древним славянским божеством грома и молнии, одним из основных богов древнеславянского Олимпа был Перун; имя это используется в польском языке как название удара молнии и включается в ряд проклятий.

Разумеется, человек был беспомощен перед силами, определявшими погоду, до самого последнего времени (впрочем, и современные возможности человека в этом отношении весьма ограниченны), но погодные явления, а прежде всего дождь и град, были столь существенны для всей его жизни, что он пытался на них как-то повлиять. Таким путем были, конечно, обращения к тем силам, которые, по представлениям древнего (да и не совсем древнего), могли оказать воздействие на погоду. Не следует удивляться подчас противоречивости таких обращений, а тем более и нелогичности: в зафиксированных столетия, а то и тысячелетия спустя после их возникновения ритуалах призыва дождя или отгона града нагромоздились напластования разных времен. В записанных на Полесье экспедициями под руководством Н. И. Толстого обрядах призывания дождя отмечаются магические действия с водой: раскапывание криниц, «пахание» воды в колодцах, обливание водой предметов, скотины, людей, бросание в колодцы или криницы черепков (поскольку имеющие дело с огнем и печами гончары могут быть «виновниками» засухи). Среди обрядов призывания дождя — убиение жабы, специальные действия с могилой «нечистого» покойника (самоубийцы, утопленника), разрушение муравейников и другие действия, связанные с поиском «виновника» засухи. Конечно, имелись и собственно ритуальные заклинания, ритуальное вышивание специальных рушников, ритуальные обходы полей и рощ. Многие из таких обрядов имеют параллели на других славянских территориях, а потому могут считаться архаичными славянскими ритуалами. Аналогичен и характер защиты от града, отвода от грома (молнии) и т. п. Изучение подобных обрядов и ритуалов на тех славянских территориях, где они еще пережиточно сохранились, очень существенно для понимания древнейшей славянской мифологии, верований и представлений древних славян.

С обозначениями небесных и атмосферных явлений, а в какой-то мере и с названиями сторон света (иной по направлению связью) связаны обозначения отрезков времени. Очевидное противопоставление темной и светлой части суток отражено уже индоевропейскими по происхождению терминами *dьnь — *noktь 'день' — 'ночь'. Позже этот двучлен пополняется еще двумя элементами: *jutro 'утро' и *večerъ; с другой стороны, наряду с периодами, обладающими некоторой продолжительностью, выдвигаются точечные моменты времени (*migъ), соотносимые с серединой двух основных времен суток: *polъdьne и *polъnokti (именно с ними связано одно из определений направлений света). Разграничение жаркого и холодного периодов (*jaro и *zima), названия которых соотносятся с другими индоевропейскими языками, получает также уточнение в четырехчленной системе *vesna — *lěto — *esenь — *zima, причем *jaro заменяется уточненными отрезками весны и лета. Трехчленной оказывается система наречий *rano — *nyně — *pozdě / *pozdьno, соотносимая и с более ранним противопоставлением предлогов *per /

*do — *za / *po (на базе чего и *po slědь) и с таким более поздним трехчленом, как *vьčera — *dьnьsь — *(za)jutro 'вчера — сегодня — завтра'.

Двучленное противопоставление прошлого и будущего, отражавшееся и в глагольной системе времен, получило выражение также в двучленных противопоставлениях прилагательных типа *novъ (*moldъ 'молодой', *junъ 'юный') и *starъ (*drevьnъ 'древний', *větъxъ 'ветхий').

Из обозначений не вполне определенных промежутков времени, с одной стороны (*časъ, *doba 'периоды', *ver(t)mę 'время', *godъ, *věkъ 'возраст'), и более конкретных по продолжительности (*migъ, *dьnь, *měsęcь, связанное с ночным светилом, обладающим определенной периодичностью фаз) — с другой, формируется группа обозначений отрезков времени различной (определенной или неопределенной) длины. При этом период продолжительностью в 365 дней еще не имел, видимо, своего четкого обозначения, хотя, бесспорно, осознавался вполне определенно, что отражается, в частности, в праславянском наречии *olni 'в прошлом году' (ср. русск. диал. *лонись*), в наличии праславянских обозначений летнего (*kupala) и зимнего (*korčunъ, ср. *корочун*) солнцеворотов и соответствующих дней (праздников). Поэтому в различных славянских языках разные термины для «года»: ср. русск. *год* (но мн. ч. и *лето*), болг. *година*, польск. rok (связанное этимологически с русск. *рок* 'судьба'). Более поздним является выделение единицы в 60 минут, которая по-разному называется в славянских языках, например: русск. *час*, белор. *гадзіна*, с.-х. *сат* (из турец.)/*час*, словенск. ura (из нем.). Довольно поздно закрепилось в некоторых языках за словом *век* 'возраст' значение '100 лет'.

Отрезки времени в определенное время суток получили также наименования по природным явлениям восхода и заката солнца: *brězgъ 'рассвет', *zaxodъ 'закат' (ср. и глаголы типа *svitati, *brěždžati 'светать').

Относительно более поздним является сложение обозначений дней семидневной недели, с чем связаны и колебания в названиях большинства дней (кроме субботы, где господствует заимствованное в конечном счете из древнееврейского через греческий слово, и среды): *nedělja / *vъskrěsenьje; *ponedělьnikъ / *ponedělъkъ; *vъtorьnikъ / *vъtorъkъ; *četvьrtъkъ / *četvьrgъ; *pętьnica / *pętъkъ.

В праславянском языке были обозначения некоторых периодов года по приметам природы или хозяйства, вроде *listopadъ, *sьrpьnь (когда соответственно падали листья или когда жали серпом), но закрепление этих и подобных им названий за конкретными названиями месяцев происходило, очевидно, довольно поздно, когда была принята двенадцатимесячная система года.

2.2.12. Представления о фигурах и числах

Рассмотрение семейной, общественной и хозяйственной жизни древних славян, освоения ими растительного и животного мира, использования географической среды обитания и неживой природы вело к установлению наличия ряда технологий добычи, обработки, хранения, транспортировки необходимых для жизни предметов, которые характеризуют материальную культуру носителей праславянского языка. Вместе с тем выявились некоторые знания древних славян о человеке и мире, которые являются показателями возникновения зачатков науки, относящейся к духовной сфере культуры. Разумеется, здесь не было возможности детально разобрать все те знания человека о явлениях действительности, которые возникли к периоду существования праславянского языка и были зафиксированы в праславянском словаре. На деле многие такие знания были, вероятно, более обширными, чем это возможно представить в беглых очерках. Вместе с тем, и это надо подчеркнуть, знания древних славян не стоит считать исключительно прикладными. Развитие познания необходимо вело и продолжает вести к абстрагированию от некоторых конкретных характеристик и к появлению более отвлеченных представлений. Можно думать, что представление о тепле, отраженное в термине *teplo (термин этимологически связан со словом *topiti), возникло от понятия огня, горения, ведущего к нагреванию, раскалению и превращению в жидкое состояние (скажем, льда), затем было в определенной мере абстрагировано от источника тепла и стало более общим, пригодным и для обозначения тепла от очага в землянке, от солнца на поляне, от тела животного. Но тем самым происходило и становление относительно абстрактного понятия тепла.

Видимо, по такому пути шло возникновение элементарных понятий и терминов математики, связанных с простей-

шими фигурами и числом. В праславянском языке были уже обозначения некоторых фигур. Так, от идеи вращения, зафиксированной в словах других индоевропейских языков через понятие колеса, славяне пришли и к обозначению круга-колеса (*kolo), а через идею изгиба, искривления (и тем самым огибания) — к обозначению круга (*krǫgъ). С понятием изгиба связано этимологически и слово *ǫgъlъ 'угол', среди индоевропейских соответствий которого есть и слова со значением типа 'сустав'. Недостаточно определенные понятия края, конца, предела, границы были представлены в синонимических словах *krajь, *kroma, *granь, восходящих в семантическом плане к словам со значением 'резать', 'острие'. К подобному первоначальному значению (связанному, видимо, с представлением о прорубании, процарапывании, прорезании) восходит и слово *čьrta 'черта, линия' вероятно, первоначально далеко не строго понимаемое в геометрическом плане (конечно, черта обладала не только длиной, но и некоторой шириной, о чем свидетельствует древнеиндийское соответствие kṛtā со значением 'расселина', 'трещина'). Несколько слов праславянского лексикона обозначали понятия стороны, полосы, пласта. Слова *storna 'сторона', *plastъ связаны по своему происхождению с шириной, большой поверхностью (корень в слове *распростерся* и в слове *сторона* один и тот же). Слово *smuga 'полоса' напротив, связано этимологически с представлением о худобе, о способности пролезть сквозь узкий промежуток. Слово *vьrstva 'слой' объясняется в связи с глаголами *вертеть, поворачивать*. Понятие 'направление' (*prǫgъ) исторически связано с бурным, быстрым движением (ср. с тем же индоевропейским корнем нем. springen, англ. spring 'прыгать').

К числу первоначальных «геометрических терминов» следует, вероятно, отнести прилагательное *krivъ 'кривой', имеющее также переносное значение 'неправильный', откуда и 'лживый'; слово это, возможно, родственно литовскому kairỹs 'левая рука'. Праславянский характер имело и прилагательное *oblъ 'круглый, шарообразный, цилиндрический', которое возводится к сочетанию префикса *ob- и корня *val-/*vl-, как и слово *облако* (от *обволакивать*). Однако понятие 'прямой', вероятно, не имело в праславянском языке однозначного выражения, хотя для его передачи могли использоваться и слова с другим основным значением (*prostъ, *pravъ), и слово, которое реконструируют как

*prěmъ (ср. *прямой*), но которое возводят к словам со значением 'передний, передовой' (может быть — 'тот, кто определяет прямой путь'). Слово *ogvьnъ 'ровный' восходит к индоевропейскому корню, представленному в других индоевропейских языках словами со значением 'свободное пространство'; интересно, что развившееся в старославянском языке значение 'равный', быть может, в какой-то мере соотносится с еще балто-славянскими семантическими особенностями слова, которые обусловили то, что в древнепрусском этот корень употреблен со значением 'настоящий'. Праславянских терминов для таких понятий, как 'точка', 'фигура', не известно. Их абстрактность соответствует более высокому уровню развития математического мышления, чем тот, который имелся у древних славян.

Интересно отметить, что понятие креста, перекрестка не относится к числу первичных геометрических понятий. В славянском слово *krьstъ — заимствование, источником которого является имя Христос; отсюда в дальнейшем — значение 'распятие' (хотя первоначально в Древнем Риме распинали на Т-образном сооружении, которое и называлось crux). А бездорожье первых столетий существования славян едва ли могло дать основание для возникновения понятия 'перекресток дорог'. Главные, речные дороги, как известно, не перекрещиваются.

Несколько прилагательных обозначают, как и упомянутые, особенности формы. Можно среди них назвать такие, как *kosъ 'косой' (первоначально — 'обрубленный или срезанный наискосок'), *ploskъ 'плоский', имеющее индоевропейские параллели, как и *ostrъ 'острый', *gladъkъ 'гладкий'. Менее четки в семантическом отношении параллели к праслав. *tǫpъ 'тупой', *krǫtъ 'крутой'. Несколько прилагательных характеризуют форму в соотношении ее с размером: *ǫzъkъ 'узкий', *širokъ 'широкий', *tьnъkъ 'тонкий', *debelъ, *tъlstъ 'толстый' *těs(k)nъ 'тесный'. Ряд прилагательных характеризует размер в вертикальном измерении: *vysokъ 'высокий', *nizъkъ 'низкий', *glǫbokъ 'глубокий', *mělъkъ 'мелкий'. Другие прилагательные выражают размер в горизонтальном измерении: *dьlgъ 'длинный', *kortъkъ 'короткий'. Общая размерность предметов отражена в прилагательных *velikъ, *golěmъ 'большой' и *malъ 'маленький'.

К первичным математическим представлениям относятся также представления о числе. В отличие от понятия

фигуры в праславянском было слово, означавшее понятие числа и количества: *čislo/*čismę. Оба эти варианта, имеющие разные суффиксы, опираются на один и тот же корень, представленный в глаголе *čisti<*čitti (ср. русск. глагол *честь, чет*). Сам глагол в славянских языках представлен в двух значениях 'считать' и 'читать', а его балтийская параллель имеет и значение 'думать'.

Другое праславянское обозначение количества связано с относительно-вопросительным местоимением *koliko 'сколько', которое обычно разлагают на вопросительную частицу *ko, частицу *li и повторную вопросительную *ko. Тогда это обозначение (входящее, кстати, и в состав самого слова *количество*) сложилось на славянской почве из местоименных частиц, ни одна из которых не имела количественного значения. Аналогично и образование *toliko 'столько' с первым указательным местоименным элементом *to, а также *jeliko 'сколько'. Но, быть может, правильней усматривать в этих словах соотношение с элементом *likъ 'счет', 'число', представленным в словах типа белор. *лічыць* 'считать', известных в таком значении в северославянских языках (включая древнерусский и великорусские диалекты).

Связаны с выражением количественных отношений и слова *razъ и *kortъ. Первое возникло в связи с глаголом *raziti 'ударять' и означало, видимо, 'удар, случай, один раз'; второе представлено в русском в словах типа *трехкратный*, имело значение, близкое к *razъ, и связано со значением 'обрубать, обрезать, укоротить', присущим глаголу *kortiti, производному от имени *kortъ.

Из индоевропейского праславянский язык унаследовал корни слов, обозначающих основные числа от одного до десяти и 'сто'. Число 1 стало обозначаться словом *edinъ, в котором первая часть — это местоименная частица (обнаруживаемая также в слове *едва*), а *inъ<*jьnъ — продолжение индоевропейского числительного, известного и в других языках. Это числительное, как и три следующих, согласовывалось с существительными и потому изменялось по родам; оно имело и форму множественного числа. Числительные *dъva (м. р.)/*dъvě (ж. и ср. р.), *trьje/*tri, *četyre/*četyri были закреплены по числам: *dъva — двойственного числа, а остальные — множественного. Порядковые числительные для двух первых членов числового ряда имели другие корни: *pьrvъ 'первый' имеет индоевропейские параллели со значением 'прежний, передний, старейший'; индоевропейские связи порядкового *vъtorъ вызывают споры: наличие этих связей несомненно, но вопрос в том, соотносится ли это слово со словами, имеющими значение 'следующий', или со словами, обозначающими 'другой'. Начиная с числа 3 для образования порядкового числительного к корню иногда присоединялся суффикс *-t- (*tretьjь, *četvьrtъ, *pętъ, *šestъ, *devętъ), иногда же образование происходило без этого суффикса (*sedmъ, *osmъ; *desętъ, где -t- входило в основу, как и в *sъtъ 'сотый'). От порядковых числительных были образованы отвлеченные существительные женского рода на *-ь (как *новый — новь*): *pętь, *šestь, *sedmь, *osmь, *devętь, *desętь, ставшие количественными числительными; слова *tretь, *četvьrtь, тоже относящиеся к этому ряду, использованы как обозначения соответствующих долей (дробей).

Обозначение сотни (*sъto) индоевропейского происхождения в праславянском было оформлено подобно существительным среднего рода (например, *selo). Праславянское обозначение тысячи (*tysǫtji), оформленное как существительное женского рода, имеет индоевропейские соответствия. Названия больших чисел, известные в старославянском, например *тъма, легеонъ* '10000, большое число', заимствованы или образованы (*несъвѣда* 'большое число') после распада праславянского языка. Для формирования подобных слов интересна, например, эволюция значения слова *kora. Это слово обозначало первоначально кучу, в том числе просто сложенное сено, солому, затем оно стало обозначать укладку из определенного количества (60) снопов. В этом значении оно закрепилось и стало известно уже как обозначение 60 предметов в некоторых славянских (в том числе белорусских) говорах: *капа яек* '60 яиц' и т. п. В словинских говорах это слово вообще стало обозначать '60', без обязательного предметного соотнесения. Подобный путь у восточных славян прошло слово *сорок*.

На базе тех же числовых корней были уже в праславянском образованы основы разделительно-собирательных числительных, представленные в таких образованиях, как *dъvojь, *trojь, *četverъ, *pętorъ, имевших значение 'состоящий из двух', 'двойной', 'двоякий' и т. п. У многих славян форма среднего рода этих числительных закрепилась как «собирательная» (русск. *двое, четверо* и т. п.).

Особое место среди славянских обозначений количества занимает слово *oba / *obě ‘все два’, имеющее индоевропейское происхождение, но значительно преобразованное в отношении формы. Это слово, как и нем. beide, лат. ambo и подобные слова со значением ‘оба’, не входит в числовой ряд, но, уподобившись, а в некоторых славянских языках и слившись с числительным *dъva (ср. белор. *абодва*), является важным элементом в славянских обозначениях количества, между прочим, поддерживавшим функционирование двойственного числа.

На славянской почве сформированы модели образования составных числительных второго десятка: *edinъ na desęte ‘11’, *dъva na desęte ‘12’ и т. п. Модели названий десятков и сотен соответствуют грамматическим свойствам числительных, называющих количество десятков или сотен: *dъva desęte, *tri deseti, *pęть desętъ, *dъvě sъtě, *tri sъta, *pęть sъtъ и т. п. Хотя общая идея этих моделей общеиндоевропейская, но их конкретная грамматическая реализация собственно славянская. Следует сказать, что в старых памятниках, а также в говорах представлены и некоторые забытые теперь модели типа *шесть между десятьма* ‘26’; широко использовалось союзное соединение компонентов сложных числительных типа *двадцать и два*, связанное и с незакрепленным их порядком *(два и двадцать)*. Становление моделей, распространенных теперь, происходило путем отбора и унификации некоторых оказавшихся наиболее подходящими сочетаний названий чисел.

В праславянском уже были сформированы обозначения дробей с суффиксом *-ina: *tretina ‘1/3’, *pętina ‘1/5’, которые употреблялись как названия некоторых конкретных частей чего-то, например урожая и т. п. К ним примкнуло и слово *polъ, происхождение которого не вполне ясно, хотя, видимо, оно восходит к индоевропейскому; его древнее значение было, вероятно, ‘сторона’, ‘часть’.

В праславянском имелось обозначение неопределенного количества *mъnogъ ‘многий’, *mъnogo ‘много’, корень которого индоевропейский, хотя слово и претерпело определенные семантические и формальные изменения. От прилагательного размера *malъ ‘малый’, возможно, уже образовывалось отвлеченное имя путем субстантивации формы среднего рода (как *zъlo от *zъlъ ‘злой’): *malo со значением ‘небольшое (малое) количество’. При этом изменялись системные связи в лексике: антонимической паре прилагательных *malъ — *velikъ соответствует антонимическая пара имен, обозначающих малое и большое количество: *malo — *mъnogo. В дальнейшем такие слова подвергаются в функциональном и формальном плане влиянию, с одной стороны, слов типа *сорок, копа* и *сто*, а с другой — слов типа *сколько, столько*.

Начатки знаний о числах и фигурах, отразившиеся в праславянском лексиконе, свидетельствуют об определенном уровне развития абстрактных представлений у древних славян, достаточно высоком, поскольку речь идет о дописьменном этапе развития их культуры.

2.2.13. Мысль и речь

Праславянский язык располагал целым набором слов, обозначающих различные виды мысли, процесс мышления, разум человека. Поскольку речь идет о процессе, не удивительно, что многие слова этой группы образуют пары из имени и глагола. Центральное место в этой группе занимает слово *mysl̓, среди индоевропейских соответствий которого — слова со значением ‘тосковать, напоминать, говорить, думать’. Видимо, значение сформировалось окончательно уже на славянской почве, где образован и глагол *mysliti. Пожалуй, ближе по значению индоевропейские соответствия к глаголу *mьniti ‘мнить, думать’ и образованному с именным префиксом *ра- существительным того же корня *pamęть. Балто-славянский характер имеет лексема *umъ; балтийские соответствия этого слова означают ‘разум, повадка’; последнее существенно для понимания связи с глаголом *uměti. На этой же базе образована пара *orzuměti — *orzumъ ‘разуметь — разум’. Слова *duma и *dumati образованы на славянской почве; высказывается предположение о возможной связи этих слов с группой слов *duxъ и *dǫti ‘дуть’. Интересны значения слова *duma в современных славянских языках: ‘мысль’, ‘слово’, ‘песня’, ‘совет’, ‘гордость’.

К глаголам мышления примыкают и глаголы знания, имеющие индоевропейское происхождение. Слово *znati восходит к индоевропейскому корню, который связывают с корнем *g'en- ‘рождать’, что объясняют через понятие ‘родственник’ — ‘тот, кого знают’. Глагол *věděti ‘знать’ (ср. белор. *ведаць*) связан чередованием гласных с глаго-

лом *viděti с простым семантическим ходом: 'увидеть' — значит 'узнать'.

Интересно семантическое развитие славянского *rěšiti от индоевропейского корня со значением 'развязать' (ср. *развязка*, польск. rozwiązać 'решить'). Балто-славянский характер имеет корень *uk- (связанный чередованием с *vyk-, ср. *привыкнуть*), с которым образовано *učiti. Значение корня 'упражнять, приучать' показывает, что и здесь осуществился переход от конкретного материального значения к более абстрактному (как и в развитии значения *uměti и др.).

То, что формирование значения большей части глаголов мышления (кроме, вероятно, *znati и *věděti) происходило на собственно славянской, иногда балто-славянской почве, показывает, что необходимость расчлененного обозначения умственной деятельности формировалась постепенно, причем активность в этом отношении была проявлена именно в период формирования и развития праславянского языка.

Мышление теснейшим образом связано с его реализацией в речи. Это проявляется в развитии значений такого, например, слова, как *думать* (ср. болг. *дума* 'слово' или укр. *дума* 'историческая песня'). Аналогичные речемыслительные значения имеют и слова современных славянских языков, восходящие к праслав. *gadati: русск. *гадать*, белор., укр., болг. 'предполагать', польск., чешск., словацк. 'говорить'. Таким образом, связь языка и мышления отразилась в реальном развитии значений некоторых слов славянских языков.

Ряд праславянских слов обозначает речь. Это в основном глаголы речи, а также некоторые имена, обозначающие процесс и / или произведение речи. Часть таких слов имеет индоевропейские соответствия, хотя нередко семантически не вполне точные: иногда речевое значение имеет соответствие лишь в некоторых индоевропейских языках, а в других — значения более далекие. Так, например, пара *rekti 'сказать' — *rěčь 'речь' в тохарском имеет соответствие rake / reki 'речь', в литовском — rėkti 'кричать, реветь', в латыни — raccare 'реветь как тигр', а в германских (ср. нем. rechnen) — 'считать', в древнеиндийском — 'упорядочивать'. Соответствия славянскому *slovo имеют значения в латышском 'молва, репутация', в древнеиндийском 'похвала', в греческом 'слава' и т. п.

С тем же корнем образованы праславянские слова *slava, *slaviti, *sluti / *slyti и т. п. Семантика соответствующих слов закреплялась уже на славянской почве.

Для праславянского слова *besěda (с производным от него глаголом) нет ни надежных индоевропейских соответствий, ни надежной славянской этимологии. Связь второй его части с глаголом *sěděti 'сидеть', вполне вероятно, вторична. По некоторым современным славянским значениям можно думать, что это слово имело в отличие от *slovo и *rěčь значение 'диалог, разговор', в то время как два последних обозначали скорее высказывание без указания на других участников общения, монолог.

Еще одно праславянское существительное речи — *mlъva (ср. и глагол *mlъviti) также имеет социальную окраску: это, видимо, речь, слово, распространяющиеся в каком-то обществе. В современных славянских языках это слово означает молву, речь, язык (ср. русск. *молва*, белор. *мова* и т. п.). Немногочисленные родственные образования в индоевропейских языках имеют речевые значения.

Корень индоевропейского происхождения, имевший общее значение шума, производимого человеческим голосом, *gol- в случае наращения -s- стал обозначением голоса (*golsъ), а при образовании по очень древнему словообразовательному способу редупликации стал обозначать 'слово': *golgolъ; ср. старославянизм с неполногласием *глагол* 'слово', например, у Пушкина: «Глаголом жги сердца людей»; в дальнейшем *слово* получило терминологическое закрепление как название части речи по греческому образцу (греч. ῥῆμα), как и в латыни verbum. Другой индоевропейский корень со значением шума, голоса тоже дошел до нас в славянских сложениях, в том числе и в случае с редупликацией. Это корень *tor- (известный и по имени германского бога грома Тор) в глаголе *tortoriti 'тараторить', в глаголах *gutoriti (белор. *гутарыць*), *batoriti (известном в русских, польских, словацких диалектах со значениями 'говорить', 'лепетать', 'шуметь'), первая часть которых, вероятно, соотносится с другими глаголами говорения, отраженными, например, в словах *говорить* и *басня*. И снова здесь конкретизация и уточнение речевого значения слов произошли уже на славянской почве.

Глагол *bajati / *bajiti имел, видимо, значение 'рассказывать, повествовать' (он сохранился, например, в русском архаичном выражении *баюшки баю*, т. е. буквально 'сказки (байки) рассказываю'). Корень имеет четкие соответствия в других индоевропейских языках (лат. fabula 'молва, беседа, рассказ' и пр.), а на славянской почве — соответствующее существительное с суффиксом *-snь: *basnь. Индоевропейское происхождение имеет и праславянское слово *govorъ 'речь, разговор, голос' и соответствующий глагол *govoriti (ср. *говорить*); другая ступень чередования представлена в польском 'говор'. В слове *govorъ *-or- является суффиксом; корневой элемент *goi̯-> *gu- вошел, как уже отмечено, в состав слова *gutoriti. В белорусском есть заимствованное из польского слово *гавэнда* 'беседа', в котором тоже отражен данный корень. Нельзя исключать, что этот корень этимологически связан с другим речевым корнем — *zъvati 'звать' (ср. и *зову*). С другой стороны, общее значение шума, звучания позволяет связывать эти слова с такими словами шумовой семантики, как *zvonъ / *zvьnětі 'звон / звенеть', *zvǫkъ 'звук' и *gukъ 'крик, звук' (ср. белор. *гук* и т. п.).

Еще один праславянский корень речевой семантики — *vět- имеет индоевропейское происхождение, причем и в других индоевропейских языках его соответствия обозначали говорение, обсуждение. Этот корень входит в такие русские слова, как *ответ, совет, привет, обет* (из *obvětъ), *вече, вещать*, с чередованием гласного — *вития*, а может быть, и белор. *вітаць* (праслав. *vitati). В некоторых словах, в частности в *весть*, он контаминировался (смешался) с другим индоевропейского же происхождения корнем *věd(ati) 'знать'.

Следует отметить некоторые интересные семантические переходы к обозначению речевой деятельности от значений иного характера в словах с корнем *kaz- (русск. *сказать*, белор. *казаць, казка* и т. п.). Первичное значение корня связывается, видимо, со значениями типа 'показывать', т. е. как бы со значениями зрительного ряда. Следует указать и на использование того же, по-видимому, корня в словах, связанных с праславянским глаголом *kaziti 'вредить, портить' (ср. *исказить, проказа* и т. п.). Считают, что семантический переход осуществлялся здесь на основе значений типа 'показывать — делать отметку'.

Другой переход к значению речевой деятельности отмечается для корня *dě-, представленного в словах типа *делать, действие* и т. п. В русском языке этот переход виден в частице *де* (древнерусск. *дѣи* 'он говорит'), соотносимой по смыслу с частицей *мол* (ср. *молвить* и т. п.). В других славянских языках продолжения глагола *dějati выступают в значении 'говорить' (словенский, серболужицкие). Эти семантические процессы показывают, как глаголы общей семантики могут быть специализированы для передачи речевой деятельности.

Наличие в праславянском нескольких, по сути дела, синонимичных глаголов и имен речи может быть объяснено, во-первых, некоторыми семантическими различиями (монолог — диалог, интенция говорящего: призыв, проповедь, просто сообщение и т. п.), а во-вторых, территориальными (диалектными) и временными (разновременность использования в основной функции) условиями. Семантическими особенностями обладают и некоторые глаголы речи, в которых четко выражена та или иная дополнительная сема (семантический признак).

Так, по силе (интенсивности, громкости) звучания различается пара *krikъ / *kričěti и *šeръtъ / *šeръtati. По намерению говорящего различалась глагольная пара *veléti — *modliti 'молить, просить'; примыкающий к этой группе глагол *prositi у южных славян имеет значение 'попрошайничать', вообще же он, видимо, имел дополнительный оттенок вопросительного характера, откуда и образования типа *vъprositi 'спросить' и т. п. По содержащимся в речи оценкам, можно указать на антонимическое противопоставление: *slaviti, *xvaliti и *rǫgati 'ругать', *xuliti (ср. и имена: *slava, *xvala, *xula). Сюда примыкает и *gluma / *glumъ 'хвастовство, издевательство' (исходная сема — несоответствие содержания высказывания действительности), *glumiti, *xvastati; несколько иной оттенок значения вкладывался в глаголы *lъgati, *xyniti, *klamati 'обманывать, говорить неправду'. Отрицательное отношение говорящего находило выражение в глаголах *koriti, *ganiti 'укорять, порицать'. В связи с этим следует назвать существительные *lъžь 'ложь', *kl'uka 'сплетня', *kleveta 'клевета', *lьstь 'лесть', в которых названия речевых актов сопряжены с их моральной оценкой. Сюда примыкает и слово *klętva 'заклинание' с последущим семантическим развитием в 'проклятие', а позже и 'клятва'.

Положительное отношение говорящего к собеседнику выражалось по-разному, с различными оттенками, в частности словами *vitati 'приветствовать', *prьjati 'высказывать пожелания (обычно, положительные)'. Глагол *kaniti имел значение 'приглашать', глагол *gatiti — 'предсказывать'. Несколько слов было связано с обозначением шумного, многоголосого, иногда неразборчивого говорения: *gomoniti, *bъlbotati, *bъrmotati и некоторые другие. Имелись и слова для обозначения говорения с некоторыми недостатками, например: *gǫgniti 'говорить в нос' (ср. *гугнивый*); ср. также *jьkati 'икать'. Часть приведенных глаголов не имела общеславянского распространения, была диалектной.

Заканчивая этот обзор лексики речи в праславянском языке, уместно отметить наличие слов, обозначающих цельные словесные произведения. Прежде всего это слово *basnь, соотносимое с *pěsnь: и то и другое обозначают художественный текст, но одно — исполненный речевым способом, а другое — путем пения. По-видимому, и некоторые другие слова могли обозначать законченные тексты, например *slovo, *skazъ и др. Но наличие такого термина, как *basnь, необходимо расценивать как свидетельство наличия соответствующих постоянных, повторяемых текстов и их обращения в обществе.

К именам речи следует отнести еще слова *jьmę 'имя, название' и *języ̨kъ 'язык, народ'. Интересна семантика последнего слова. Пожалуй, лишь для славянских языков характерны одновременно два семантических перехода: с одной стороны, от названия части тела к обозначению средства общения, а с другой стороны, от названия средства общения к обозначению совокупности людей, им пользующихся, так сказать нейролингвистический и социолингвистический переходы одновременно. Каждый из них, впрочем, известен и в других языках.

Славянская письменность возникла в IX в. (см. раздел 3). Такие слова, как *buky, заимствованное из германского, *kъniga, имеющее восточное происхождение, обладали широким, недифференцированным значением 'буква, письмо, книга', что свидетельствует об их архаичном характере. Надо сказать, что первое из них в западнославянских языках выступает в другом значении ('буковые орешки'), а потому является праславянским регионализмом. Общее представление о письме у древних славян могло

иметься на основании данных о письме у соседей — иранцев, греков, римлян, но конкретизация различия знака и текста не могла наступить реально до более близкого знакомства с письмом. Интересно в этом плане использование во всех современных славянских языках глагола *pisati / *pьsati в значении 'писать'. Бесписьменный полабский язык в этом значении имел немецкое заимствование šrib'ot / srib'ot. Происхождение глагола *pisati указывает на то, что в других индоевропейских языках этот корень имел значение 'рисовать', 'чертить', 'украшать', 'вязать'. Только в славянском и тохарском фиксируется значение 'писать'. Надо полагать, что тохарское значение является новшеством, как и славянское. Вместе с тем распространенность значения 'писать' во всех живых славянских языках может быть показателем того, что этот глагол уже в позднем праславянском мог использоваться для обозначения активной письменной речевой деятельности, хотя и был, возможно, в этом значении на семантической периферии языка. Письменная форма речевой деятельности для древних славян еще не стала актуальной.

Как можно было убедиться, некоторые слова речевой деятельности связаны с лексикой умственной деятельности. Но одна из особенностей человеческого языка состоит в том, что язык — средство передачи не только рациональной (логической) информации, но и эмоций, чувств. И это тоже отразилось уже в праславянском языке. С одной стороны, это было отмечено в связи с тем, что некоторые обозначения речи имеют в своей семантике определенный эмоциональный компонент (ср. *lъgati, *lьstiti, *xvaliti), а с другой стороны, надо отметить, что некоторые слова, передающие проявления эмоций, примыкают к лексике речи, поскольку выражение этих эмоций происходит при помощи голоса. Речь идет о положительных эмоциях, вызывающих смех, которые передаются такими словами, как *smějati sę, *směxъ; *xoxotati, *xoxotъ (ср. и *gogotati), а также об отрицательных эмоциях, выраженных словами *plakati, *plačь.

Своеобразным нулевым глаголом речевой деятельности является *mlъčati 'молчать', т. е. не вести речевую деятельность. Этимология этого слова не выяснена: со звуковым комплексом m-l, который имеется в таких словах, как *молвить* и *молить*, никто, кажется, слово *молчать* не связывает.

Наличие довольно большой группы слов речи и мышления в праславянском языке свидетельствует об определенной дифференциации, которую проводили древние славяне среди явлений речемыслительной деятельности, что является показателем относительно высокого уровня духовной культуры древнеславянского общества.

2.2.14. Звуки, образы, краски

Среди птиц, получивших в праславянском языке свои наименования,— десяток певчих, например: *solvьjь 'соловей', *klestъ 'клест', *skvorьsь 'скворец', *sčegъlъ 'щегол', *skovornъ 'жаворонок' и др. (см. 2.2.8). Значит, эти птицы, не воспринимавшиеся как важные в хозяйственном отношении и часто не имевшие мифологических значений (а если и получавшие их, то в первую очередь благодаря своей голосистости), обратили на себя внимание, были настолько важны древнему славянину, что он различил и нарек их именами. Крикливый поползень (*bьrglězъ) отличался от сладкозвучного соловья, а последний от жаворонка или скворца. Конечно, это элементарное отличие, но существенно, что оно было замечено людьми, не столь уж хорошо устроенными материально, если судить по современным меркам. Различение птиц по голосу означает внимание человека к этому проявлению красоты в природе, т. е. эстетическое восприятие звука (*zvǫkъ; *golsъ 'мелодия').

В сложном и опасном мире, в котором жил человек, звуковая информация вообще была важной. Не случайно, что, кроме речевых глаголов, имелось довольно много глаголов, обозначавших различные шумы. Некоторые из них обозначают человеческие, хотя и неречевые, шумы: *xrapěti, *xrakati, *xripěti, *xъrčati, *gъrčati 'издавать хрип, храп, харканье', *ęčati 'стонать', *krekotati 'кряхтеть, громко смеяться', *čixati 'чихать', *verskati 'громко и пронзительно кричать' (ср. белор. *верашчаць*). Другие обозначают шумы, издаваемые животными: *lajati, *brexati, *gavati 'лаять', *kokotati 'кудахтать', *krękati 'крякать', *gugati, *gučati 'ворковать'. Некоторые звуки могут принадлежать как животным, так и людям: *vyti 'выть', *revěti 'реветь'. Интересно отметить варьирование согласных в подобных словах, например: *gvizdati, *xvistati, *svistati 'свистать'. Возможно, что таким способом делалась попытка выразить интенсивность звука (в данном случае — свиста). Несколько слов обозначало жужжание и общий однообразный шум: *bučati / *byčati, *brъměti / *brъněti, *dudněti. Глаголы *groxati 'грохать', *grьměti 'греметь', *bъrliti 'бурлить' обозначали скорее звуки неживотного происхождения. Интересно совпадение значений 'лес' и 'шум' у слова *šumъ. Глаголы *brękati, *zvoniti, *zvьněti 'бряцать, звонить, звенеть' передавали звенящие звуки искусственного происхождения, возникавшие, очевидно, в основном при соприкосновении твердых, часто металлических предметов. Можно было бы назвать еще немало глаголов, обозначавших звучания разного рода. Их наличие показывает, что древние славяне были натренированы хорошо слушать (*slušati) и многое слышать (*slyšati, *čuti; интересно, что общий глагол чувствования употребителен в славянских языках и в значении именно акустического восприятия).

Вероятно, именно острое внимание к звуковому ряду информации обусловило раннее возникновение и развитие у славян начатков музыки. Любопытно в этом плане, что почти одновременно с попаданием сведений о славянах в хроники попало и сообщение о том, что в 583 г. греки захватили трех славян с музыкальными инструментами, которые у византийского историка конца VI — начала VII в. Феофилакта Симокатты названы лирами. В старославянских источниках греческому слову λύρα соответствовало обычно слово *цѣвьница*, которое, кроме того, употреблялось в значениях 'струна' и 'флейта, свирель'. Праславянское слово *cěvьnica образовано на базе *cěvь, отразившегося в современных языках со значениями 'полый стебель растения', 'трубка', 'жила', 'шпулька'. Значение 'жила' могло стать основанием для переноса на 'струну', а затем на струнный инструмент, а значение 'трубка — полый стебель' могло стать основанием для возникновения значения 'свирель'. Предполагают также, что, возможно, речь шла о гуслях. В старославянских источниках частое слово *гѫсли* соответствует обычно греческому слову κιθάρα 'кифара' (струнный инструмент, близкий к лире). Праславянские *gǫslь, *gǫsli образованы от глагола *gǫsti<*gǫdti 'гудеть, играть на струнных инструментах, в частности на гуслях'. Имелся в праславянском и термин, обозначающий человека, играющего на гуслях: *gǫsl'arь 'гусляр'; встречалось и другое название гусляра — *gǫdьcь. К праславянскому фонду относится и слово *struna, зафиксированное в древнеславянской Псалтыри (150, 4) и известное всем славян-

ским языкам. Интересно, что в серболужицких языках наряду со значением ‘струна’ рефлексы этого слова сохранили и возможно более древние значения: в.-луж. truna имеет еще и значение ‘жила’, н.-луж. tšuna — ‘тетива’.

К праславянскому восходит название ударного инструмента *bǫbьnъ; видимо, это был вид барабана, бубен.

Древнейшим славянским духовым инструментом была, очевидно, *duda. Слово это праславянское, обозначало оно, видимо, различные разновидности дудочек; праславянскому слову находится соответствие в литовском, а возможно, и в германских языках (нем. tuten ‘трубить (в рог)’). В конечном счете, возможно, это звукоподражательный корень с удвоением согласного. Следует заметить, что характер гласного в польском и словенском явно указывает на наличие в этом слове в праславянском гласного *u, а не *ǫ, как в *dǫti ‘дуть’. Однако болгарское *дудна / дъдна* ‘издаю глухой шум’ свидетельствует о взаимодействии слов *дуть* и *дудеть* еще в древности. Болгарское *дудук* ‘дудка’ связано, вероятно, не только с турецким названием дудки duduk, как справедливо отмечается в болгарском этимологическом словаре, но и со славянским словом *duda. В праславянском был глагол *duděti (по той же модели и *gǫděti), а также имя деятеля *dudarь, образованное по той же модели, что *gǫsl'arь. Во всех славянских языках слово, восходящее к праславянскому *rogъ ‘рог’, обозначает не только твердый нарост у животных, но и музыкальный инструмент, изготовлявшийся из него. Поэтому есть основания предполагать, что это значение восходит еще к праславянскому, тем более что пастуший рожок был известен многим древним скотоводам. Слово *trǫba ‘труба’ известно всем славянским языкам; оно считается заимствованием из древневерхненемецкого или среднелатинского, итальянского (trumba, tromba); одно из древнейших изображений трубы было сделано в ирландской книжной миниатюре VIII в. Вероятно, слово вместе с предметом было заимствовано славянами в поздний период существования праславянского языка. Тем не менее древние славяне успели еще образовать общий производный от него глагол *trǫbiti. В этой связи можно отметить, что Феофилакт Симокатта, говоря о пленении славянских лирников или гусляров, отмечал, что славяне не умеют играть на трубах. Возможно, это касалось не всех славян, но, во всяком случае, свидетельствует о небольшом распространении труб у древних славян.

Праславянское *svirělь ‘вид дудки’, образованное от глагола *svirati ‘играть на свирели, дудеть’, имело, видимо, диалектный характер. Это слово представлено в южных и восточнославянских языках. В ряде славянских языков засвидетельствовано название музыкального инструмента от глагола *piskjati > *piščati: *piščalь, откуда и образования типа польск. piszczałka ‘свирель’, русск. *пищалка*, белор. *пішчалка*. Это тоже был вариант дудки. Сюда же относится и архаичное по образованию, но распространенное нешироко, видимо диалектное, *sopělь / *soplь (ср. укр. *сопілка*), тоже название вида дудки, образованное от глагола *sopěti ‘издавать свистящие звуки’ (ср. *сопеть*); ср. и старославянское *сопьць* ‘играющий на свирели (*сопль*)’. Эти названия дудок отражают, видимо, как их разновидности, так и территориальные различия слов.

Археологические раскопки показывают наличие на территории древнего заселения славян различных глиняных и деревянных свистков, глиняных одномембранных барабанов. У скифов на юге нынешней Украины были известны пятиструнные музыкальные инструменты, у других соседей славян — фракийцев — была известна кифара. Функции музыкальных инструментов у древних славян, как и у других архаичных народов, были различны. Можно говорить о сигнальной функции (когда удары барабана или звуки рога оповещали о чем-то), о магической функции (когда звуки музыкальных инструментов сопровождали молитвы или заклинания), об эстетической функции (когда во время свадьбы или тризны музыка доставляла определенное наслаждение слушателям). Разумеется, сплошь и рядом эти функции объединялись; в частности, об эстетической функции могли на свадьбе и не думать, хотя, быть может, по существу, она была главной.

Музыка у древних славян, конечно, нередко сопровождалась пением, мелодии рожка или гуслей были связаны с мелодией песен. Глагол *pěti ‘петь’ и образованное от него название предназначенного к певческому исполнению произведения — *pěsnь — относятся к числу архаичных элементов праславянской лексики, хотя его индоевропейские связи пока не установлены достаточно определенно (ср. греч. параллели типа ποιησις ‘поэзия’, ποιεω ‘творю’, но обычно их не привлекают).

Древнеславянскую мелодику пытаются выделить из записей современных народных мелодий. Однако мелодика достаточно различается у разных славянских народов, а также в различных типах песен, испытала немало различных влияний, претерпела внутреннее развитие, и пока что нет достоверных реконструкций. Древнейшие славянские «нотные» записи (крюки, знаменный распев) произведены уже после разделения славян, принятия ими христианства, относятся к церковному пению и вначале скорее помогали вспомнить мелодию, чем действительно фиксировали ее.

Подражание движениям животных, имевшее магическое или ритуальное значение, вело к подчинению движения ритму. Древние славяне уже хорошо знали, как и другие народы на соответствующей ступени развития, пляски. Праславянское слово *plęsati 'плясать', имеющее надежное соответствие у балтов, было даже заимствовано в готский язык. Другое архаичное обозначение танца — *likъ, которое отразилось в слове *ликовать*, в выражении *причислить к лику* (т. е. к сонму, совокупности) *святых*, было известно не всем славянам. Иногда его считают германизмом. Возможно, архаично слово *корогодъ*, использованное Ф. Скориной в одном из его переводов (Исход 32.19) в 1519 г., отраженное в белорусском *карагод* и других восточнославянских диалектных словах; в этом случае слово *хоровод* следует толковать как более позднее преобразование с опорой на слово греческого происхождения *хор* (болг. название коллективного танца *хоро*) и глагол *водить*. Пляски были, конечно, связаны с пением и музыкой. Артистами синтетического жанра были на Руси скоморохи. Поскольку остатки соответствующего слова имеются и в других славянских языках, можно с определенной долей вероятности предполагать, что пляски скоморохов (*skomorxъ) — это пережитки еще языческих действ, что в общем соответствует их преследованиям со стороны церкви, а также тому, что они выступали не на главные христианские праздники, а в других случаях (как и ряженые под Новый год).

Природа была не только источником звуковых впечатлений, послуживших основой для древнейших музыкальных представлений, но и базой для возникновения начатков изобразительного искусства. Наиболее естественным способом изображения мира является, вероятно, скульптура: условна здесь неподвижность, но и в природе немало мгновений неподвижности. Поэтому вылепленные из глины или вырезанные из дерева (или кости) фигурки относятся к древнейшим археологическим находкам. Найдены такие фигуры, барельефы, резные или лепные узоры и в раскопках, относящихся к периоду славянского язычества. Видимо, еще в дославянское время на территории, где поселились славяне, изготавливались гончарные изделия с выдавленными, фигурными, лепными украшениями. Высокий уровень развития скульптуры известен у древних соседей славян — скифов и фракийцев, греков и римлян. Скульптурные изделия выполняли религиозно-магическую функцию. Сохранились орнаменты и особенно изображения явно культового характера (о них см. 2.2.15). Вместе с тем следует признать, что часть таких изделий могла приобретать функцию украшения бытовых предметов, например гребней или горшков, т. е. функцию эстетическую. Нельзя не учитывать и того, что мелкие деревянные и гончарные изделия были, как они и до сих пор бывают (а лет пятьдесят тому назад бывали в большей степени), детскими игрушками. Эстетическая и магическая функции нередко смешивались, что отражается, например, в орнаментах и изображениях на домах, ульях и т. д.

Все славянские языки знают глагол *rězati 'резать', от которого опять же во всех современных славянских языках зафиксировано существительное *rězьba, обозначающее процесс и результат процесса изготовления пластических изображений из дерева, кости или на них. В польском языке это слово вообще стало обозначением скульптуры, а в ряде языков бытует слово типа белорусского *разьбяр* со значением 'скульптор' или 'резчик по дереву (кости)'. Вероятно, архаичным является также чешское и словацкое обозначение скульптуры — socha, отражающее праславянское слово *soxa 'раздваивающийся ствол (или ветвь) дерева, иногда устанавливавшийся вилкой вверх как специальный столб'. В восточнославянских языках это слово стало обозначать орудие для взрыхления почвы; в старочешском же уже в XV в. у Томаша Штитного оно зафиксировано как обозначение скульптуры. В основе такого использования слова очевидно представление о деревянной скульптуре.

Вполне вероятно, что известное всем славянским языкам слово *obrazъ тоже возникло для обозначения деревянной скульптуры. Этимологически корень этого слова

*raz- связан чередованием с корнем *rěz-. Значение ‘скульптура’ у слова *образъ* известно в старославянском языке. В Житии Павла и Юлиании в Супрасльском сборнике, соблазняя Юлианию, римский император Аврилиан обещает ей: «Будешь владычицей моей души и *образы златы* поставляю тебе во всех городах»; в греческом оригинале слову *образъ* соответствует στηλα ‘мемориальный столб’. Вполне вероятно, что слово *obrazъ первоначально обозначало вырезанное, а потом стало обозначать любое изображение. По свидетельству черноризца Храбра (X в.), славяне до изобретения письма «считали и гадали чертами и *рѣзами*», т. е. «резы» были какими-то знаками, использовавшимися славянами в древности. В Древней Руси *рѣзана* — название монеты (1/50 гривны), быть может, с резным изображением.

Другой способ изготовления пластических изображений и орнаментов — формирование их из глины (а зимой — и из снега). Глагол *lěpiti ‘лепить’ скорее использовался для обозначения не формирования, а прикрепления липких (*lipъkъ, *lipnǫti ‘липнуть’ того же корня) элементов. В старославянскóм этот глагол не зафиксирован. Тот же корень используется в праславянском прилагательном *lěpъ ‘красивый, прекрасный’ (ср. русск. *нелепый*, белор. *лепшы*); возможно, это связано с прилепленными украшениями. Высказывается мысль о том, что семантической основой связи этих слов является значение ‘прилегающий, липнущий’, откуда ‘подходящий, хороший, красивый’ (Фасмер), однако это спорно, так как непонятно, чтó «прилегающее, липнущее» могло положительно оцениваться в старину. Возможно, к этой группе понятий относится архаичный глагол *vajati ‘ваять’, представленный в старославянском, а также в болгарском, македонском и русском языках. Его происхождение связывают с глáголом *viti ‘вить’ (имеются в виду витые узоры на глине). Это слово было, видимо, региональным.

В южных славянских языках для обозначения скульптуры используется (в болгарском — как архаизм) слово kip, давшее ряд производных, в том числе глагол и название скульптора (kipati, kipar). Происхождение этого слова решается по-разному. Одни его связывают со словами *капь, капище* ‘языческое святилище’, считают, что оно пришло из аварского, другие видят в нем венгерское заимствование.

Если это слово и считать праславянским, то сравнительно поздним и региональным.

Плоскостные изображения у древних славян были связаны с техникой резания, процарапывания, о чем может свидетельствовать глагол *čьrsti < *čьrtti / *čьrtati и связанное с ним имя *čьrta ‘черта’. Но кроме этого глагола, имелся еще праславянский глагол *pьsati / *pisati. В позднем праславянском, как уже говорилось, он имел значение ‘писать’, поскольку такое значение представлено у всех славян, кроме полабян. Но более древним было, вероятно, значение ‘рисовать’, представленное в словах типа *живопись, иконопись*, словосочетаниях типа *писать картину*. Это значение с учетом связи с прилагательным *pьstrъ ‘пестрый’ могло иметь оттенок не столько ‘рисовать’, сколько ‘раскрашивать’ (действие, между прочим, вполне применимое не только к плоскостному, но и к пластическому изображению). Глаголы, связанные с русск. *рисовать*, белор. *маляваць*, имеющиеся в ряде славянских языков, представляют собой заимствования из германских языков, причем не весьма новые. Слово *krasiti представлено во всех трех группах славянских языков в значении ‘украшать’, возникшем на базе существительного *krasa ‘красота’. Значение ‘красить, раскрашивать’ является производным от этого первичного значения; оно связано, естественно, с тем, что украшение производилось путем раскраски. Интересно развитие значения слова *краска* в белорусском языке, где оно стало означать ‘цветок’; надо сказать, что глагол *красаваць* ‘цвести’ имеет некоторые семантические параллели в других славянских языках. Итак, как понятие цветка, так и понятие раскраски было связано у древних славян с понятием красоты. Становление эстетического ощущения красоты природы, в том числе красоты цветной картины мира, красоты цвета, относится к ранним этапам развития.

Наиболее ярким, привлекающим внимание хроматическим цветом является, конечно, красный. В праславянском языке фиксируется несколько названий оттенков красного цвета. Наиболее общим праславянским обозначением красного цвета было, вероятно, слово *čьrv(j)enъ(jь), к которому восходят слова типа старослав. *чрьвленъ* ‘красный’, польск. czerwony, белор. *чырвоны* (заимствованное, возможно, из польского). Слово это связывают с названием червя. Другое архаичное слово, связываемое с тем же

корнем, — *čьrmьnъ(jь) ‘красный’. Объясняя такую связь, говорят иногда о породе червей, из которых изготавливалась красная краска, и т. п. Другой корень, представленный в ряде славянских названий цветов (например, в русских словах *румяный, рыжий, ржавый, рудой, редрый, русый, рдеть*), это *rud- / *ryd- / *rъd-, известный многим индоевропейским языкам (ср. греч. ἐρυθρός, лат. rubidus, нем. rot, англ. red и др.). Это более древнее обозначение цвета, уже в индоевропейском имевшее такое значение. В славянских языках оно получило различные оттенки значения, претерпело различные звуковые преобразования (*rudměnъ дало *румяный*; в словенском rdeč — основное обозначение красного цвета и т. п.). В южных и восточных славянских языках представлено еще одно праславянское региональное обозначение красного цвета — *bag(ъ)r- (ср. *багряный*, белор. *багра* и т. п.), происхождение которого неясно.

В праславянском было название желтого цвета — *žьltъ(jь), родственное обозначениям желтого цвета в некоторых индоевропейских языках и возводимое к названию желчи. Общий корень — в названиях золотого и зеленого цветов. Прилагательное *zoltъ(jь) соотносится с названием металла *zolto ‘золото’, слово *zelenъ(jь) связано со словом *zelьje ‘трава, зелье’. Индоевропейский корень *g’hel-, отмечаемый в этих словах, возможно, связан с корнем, отраженным в слове *žьltъ(jь).

К этой же части спектра относится название масти *gnědъ(jь) ‘гнедой’, имеющее неясную этимологию. Следует заметить, что это слово, как и подобные обозначения цвета ограниченного круга предметов, в диалектах славянских языков выступает не только как обозначение масти некоторых животных, но и шире; например, в словенском слово gnéd обозначает сорт лозы винограда с красноватыми ягодами. Слово *polvъ(jь) отражено в современных славянских языках словами, обозначающими желтые и голубые блеклые тона. Именно ‘блеклость’, ‘бесцветность’, ‘бледность’, ‘серость’ выявляется в значении родственных индоевропейских слов, а потому она и была, видимо, определяющей в значении слова уже в праславянский период, когда, однако, к этой блеклости добавлялись у северных славян желтые, а у южных — голубые хроматические оттенки.

В славянских языках зафиксировано общее обозначение синего цвета: *sinь(jь), которое связывают по происхождению с *sijati или *sivъ. Это не означает, что словом *sinь(jь) безусловно обозначался светлый цвет, поскольку соответствия его в некоторых индоевропейских языках имеют значение ‘темный’. В праславянском было также прилагательное *golǫbъ(jь) ‘цвета голубя, пепельный, голубой’. Еще одно обозначение сине-голубого оттенка, представленное в южных и западных славянских языках, а возможно и в украинских диалектах, — *modrъ(jь).

Праславянский язык унаследовал из индоевропейского названия основных нехроматических цветов: bělъ(jь) ‘белый’ и *čьrnъ(jь) ‘черный’. Значения этих слов были уточнены: их индоевропейские соответствия имеют более расплывчатые значения — ‘светлый, блестящий’ и ‘темный’. На базе этих корней было образовано в праславянском довольно много производных и сложных слов, например: *bělavъ(jь), *bělesъ(jь) ‘недостаточно белый, беловатый’, *bělěti ‘белеть’, *běliti ‘белить’, *bělica ‘белый предмет (животное, растение и т. п.)’, *bělidlo ‘белило’, *bělizna ‘белизна; белый предмет’, *bělъka, *bělǫga, *běluxa ‘животное белой масти; белый предмет’, *bělъkъ ‘белок; белый предмет’, *bělьmo ‘бельмо; белый предмет’; *bělobordъ ‘белобородый’, *bělogolvъ ‘белоголовый’, *bělogrivъ ‘белогривый’, *bělokvětъ(jь) ‘белоцветный’, bělonǫgъ ‘белоногий’ и т. п. Нехроматический цвет обозначало и слово *sěrъ ‘серый’ (< *xěrъ < *xoiro), тоже имеющее индоевропейские соответствия общеоттеночного значения. К нему примыкают обозначения специфической «серости» — седины: *sědъ (родственное *sěrъ) и *sivъ, тоже имеющие индоевропейские соответствия. Тот же корень, что *sivъ, имеет, видимо, и *sizъ ‘сизый’. К названиям нехроматических цветов относится также праславянское прилагательное *blědъ(jь), *blědьnъ, которое обозначало ‘светлый, бледный’ и имело соответствия в германских языках. Можно допустить, что и образованное от названия птицы обозначение цвета *vornъ(jь) (ср. *golǫb(ъjь) ‘голубой’) также уже существовало в праславянском и имело значение ‘темный’ (ср. *вороной*).

Праславянский язык имел обозначение пестрого «цвета» — *pьstrъ, родственное слову *pьsati ‘писать’ и, возможно, *pьsъ ‘пес’. Слово это индоевропейского происхождения.

Несколько слов праславянского языка обозначают не столько цвет, сколько общую освещенность. Как и обычно,

в антонимическом противопоставлении участвует больше положительных (в данном случае — обозначающих светлое), чем отрицательных элементов. Главный «отрицательный» член антонимического противопоставления — прилагательное *tьmьnъ 'темный', образованное от слова *tьma, имеющего индоевропейское происхождение. К светлой части противопоставления относится слово *světlъ, соотносимое с существительным *světъ, возможно через глагол *světiti (ср. *topiti — *toplъ 'топить — теплый'). Далее надо назвать слова, усиливающие признак светлости, указывая на его интенсивность: *jarъkъ(jь) 'яркий' — слово, имеющее световое значение в южных, восточных и отчасти западных славянских языках; *ěsknъ(jь) 'ясный, чистый, светлый' (откуда производится и *ясный* с утратой -k-). Сюда относится и глагол *blьsknǫti / *blьsčati 'блеснуть, блестеть', существительное *blěskъ 'блеск, яркий свет, молния'. Глагольная основа *bliskati / *blistati 'сверкать, блистать, вспыхивать', с которой связаны названные слова, имеет индоевропейский характер.

Таким образом, в праславянском языке имеется фрагмент лексики, позволяющий передать основные свето-цветовые впечатления — названия основных цветов, а также слова, характеризующие интенсивность свето-цветового излучения. Эта лексика дополняет наши сведения о возможностях представления древними славянами картины мира — в звуках, образах, красках.

2.2.15. Мифы и боги

2.2.15.1. Источники

В период славянского единства древние славяне были язычниками. Крещение славян производилось уже после их разделения и расселения по различным частям центральной и юго-восточной Европы, как правило в связи с созданием и развитием феодальной государственности в VIII—XII вв. Крещение Руси, например, произошло при великом князе Владимире на исходе X в. (988 г.).

Древнерусская летопись рассказывает о том, как Владимир, крестившийся в греческом городе Корсуни (Херсонесе на Черном море), вернулся в Киев «и когда пришел, повелел опрокинуть идолы, — одних изрубить, а других сжечь. Перуна же приказал привязать к хвосту коня и волочить его с горы по Боричеву взвозу к Ручью, и приставил двенадцать мужей колотить его жезлами. Делалось это не потому, что дерево что-нибудь чувствует, но для поругания беса, который обманывал людей в этом образе, — чтобы принял он возмездие от людей... Когда влекли Перуна по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения. И притащив, кинули его в Днепр. И приставил Владимир к нему людей, сказав им: «Если пристанет где к берегу, отпихивайте его. А когда пройдет пороги, тогда только оставьте его...»

Владимир велел киевлянам креститься, что они якобы приняли с радостью (хотя только что летопись сообщила об оплакивании статуи Перуна). После массового крещения киевлян в Днепре, которое, конечно, ни в коей мере не могло обеспечить хотя бы понимание основ христианского вероучения населением (не говоря уже о реальном принятии новой религии), Владимир «приказал рубить (то есть строить из дерева) церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры. И поставил церковь во имя святого Василия (поскольку крестился сам в церкви св. Василия в Корсуни) на холме, где стоял идол Перуна и другие и где творили им требы князь и люди... Посылал он (Владимир) собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное. Матери же детей этих плакали о них; ибо не утвердились еще они в вере, и плакали о них, как о мертвых».

Летописец, по всей видимости киевский монах Нестор, был, конечно, тенденциозен, изображая крещение Руси и деятельность Владимира, провозглашенного русской церковью святым. Но и в его рассказе отразилось не только признание самого факта распространения язычества, не только уважение со стороны самого князя Владимира к главному языческому богу, статую которого он все же не изрубил и не сжег, а сплавил по Днепру, причем лишь до пределов своего княжества (до порогов), но и признание длительного сохранения языческих пережитков (хотя бы у тех женщин, детей которых посылали на «книжное обучение»).

Пережитки язычества у славян были довольно мощными и устойчивыми. Если княжеские роды и приняли христианство, то крещение сельского населения было в высокой

мере формальным как у восточных славян, так и у западных и южных. Село еще и в XIII в. было в значительной мере языческим. Многие сохраняющиеся до сих пор обычаи (например, поминание покойников и принос пищи на могилы в следущее воскресенье после пасхи у восточных славян) имеют корни в языческих ритуалах, о чем уже говорилось. В Древней Руси довольно долго сосуществовали старые славянские имена с христианскими. Владимир Мономах начинал свое поучение с констатации: «Азъ... нареченный въ крещении Василий, русъскымь именемь Володимиръ». Такое двоеименство в среде князей было обычным до XIII в., а отчасти и позже. В письменных источниках на Руси в XI в. было еще более 70 % языческих имен, в XII в. — 60, в XIII—45, в XIV—20, в XV—XVI вв. — 11 %.

На протяжении веков христианская церковь всячески боролась с проявлениями язычества. Во-первых, эта борьба выражалась во множестве запретов на различные «бесовские» действия. Так, были уничтожены (не только на Руси) языческие идолы и капища (места под открытым небом, где устраивались ритуальные действия), а там, где они были (у полабско-поморских славян), — и храмы, запрещались некоторые обряды, и даже выражения. Например, в Некоторой заповеди, относящейся к правилам апостолов (до нас дошла копия этого памятника XI в., сделанная в XV в.) говорилось: *аще кто речеть дождь идеть. да поклонить ся 100 (раз)*. Дело в том, что христианская религия видела в выражении «дождь идет» (сохранившемся у восточных славян и у полабян) язычество: дождь не посылается богом, а идет сам по себе. В первой чешской библии такое выражение еще использовалось, а в последующих изданиях спустя сто лет оно было заменено; в словенских школах, по воспоминанию академика Ф. Безлая, на уроке закона божьего детей наказывали за такое выражение еще в 20-х гг.; в польских словарях, отражающих литературную норму, оговаривают, что такое выражение допустимо, когда речь идет о приближении дождя, но не о самом его пролитии... А это ведь маленький и довольно безобидный, казалось бы, пример «языческого пережитка», сохранившегося в языке.

Во-вторых, множество христианских проповедников, не ограничиваясь запретами, вели определенную разъяснительную работу. Это отразилось в специальных проповедях (словах), направленных на разоблачение языческих суеверий (и, конечно, утверждение христианских норм поведения), в замечаниях, содержащихся в сочинениях на другие темы, и т. д.

В-третьих, отдавая себе отчет в живучести языческих обычаев, христианство иногда пыталось использовать и приспособить бытовавшие языческие обычаи к своим праздникам, памятным датам. Так произошло с уже упоминавшимся весенним обрядом «жаворонков» (см. 2.2.8). Вероятно, и писанки (крашеные яйца), известные (и не только в Европе) по археологическим раскопкам уже давно, были символом возрождающейся весной утаенной (в яйце) жизни у язычников. Христианская церковь приспособила этот обычай к пасхе (Христову воскресению). Ряженые, ходившие с песнями и танцами около зимнего солнцеворота или в период предвесенья, — конечно же, языческий обычай, а «привязка» его к рождеству или к масленице (началу семинедельного поста перед пасхой) была осуществлена в христианскую пору. Имя языческого бога Волоса или Велеса, бывшего покровителя животноводства («скотий бог»), напоминало имя христианского святого Власия, и церковь сочла целесообразным передать опеку животных этому святому. Многовековая деятельность христианской церкви по насаждению своей идеологии, ее направленная против язычества деятельность разного рода (проповедь, запрет, ограничение, преобразование) вели к тому, что славянское язычество (как, впрочем, и германское или балтское) мы можем реконструировать лишь весьма и весьма приблизительно, а кроме того, заведомо неполно.

Славянская языческая религия бесспорно испытывала на себе влияние других религий, принадлежавших соседним народам. Общепринято представление о значительном влиянии на славян в этом плане со стороны древних иранцев. Если отдельные этимологии, в том числе предположение об иранском происхождении слова *bogъ, или гипотеза о связи славянского слова *mirъ с именем индоиранского божества Митры, или доказательное утверждение иранского происхождения имени славянского бога Хорса, и могут быть предметом спора по отдельности, то в целом такое влияние было значительным. Верования древних скандинавов оказали влияние на религию полабско-прибалтийских славян, а возможно, и на религию находившихся по пути из варяг в греки восточных славян. И тюрк-

ские, и древнебалканские мифы и верования сказались на древних религиозных представлениях и мифах южных славян. Но все это, как и другие взаимодействия, ведет к тому, что древние славянские представления приходится выявлять сквозь эти наслоившиеся нехристианские элементы верований.

Собственно языковые данные о славянском язычестве ограничены, в сущности, немногочисленными именами богов, названиями мифических существ и некоторых ритуалов. Они пополняются сведениями, которые дошли до нас в исторических источниках — в уже цитированной «Повести временных лет», в ряде поучений, направленных против язычества и его пережитков, например в написанном в XII в. на Руси (а возможно, русским паломником по дороге на Русь из Святых земель — Иерусалима) и известном в копиях XIV—XV вв. «Слове об идолах» — толкованиях к одному из слов византийского автора IV в. Григория Назианзина (Богослова), в «Слове о полку Игореве» и в других источниках. Некоторые сведения содержатся в хронике чешского хрониста Козьмы Пражского (ум. 1125 г.), писавшего на латинском языке. Ряд сообщений о славянском язычестве содержится в неславянских исторических документах и хрониках. Так, о язычестве южных славян кое-что сообщается у Прокопия Кесарийского, византийского историка VI в. О западнославянском, главным образом полабско-поморском язычестве, сообщали немецкие исторические источники: Титмар, епископ Мерзебургский (975—1018), Отто Бамбергский (1060/2—1139), Адам Бременский (вторая половина XI в.), Гельмольд (Хельмольд, ум. после 1177 г.), датский хронист Саксон Грамматик (ок. 1150—1206/22). Отдельные сведения о древнеславянском, особенно восточнославянском, язычестве сохранились в сочинениях восточных купцов и путешественников — Ибн Фадлана (нач. X в.), аль-Масуди (ум. 956), аль-Марвази (нач. XII в.) и др.

Некоторые данные о славянском язычестве в древности дает археология: сохранилось несколько пластических изображений древнеславянских божеств, немногочисленные остатки культовых сооружений. Этнография располагает немалым количеством различных, но, к сожалению, поздно, в основном в XIX в., зафиксированных данных о поверьях и суевериях, о преданиях и легендах, об обычаях и обрядах, в которых вскрываются архаичные языческие черты.

Имеются некоторые фольклорные тексты, в которых отразились древние верования славян. Сложность состоит во всех этих случаях в необходимости отделить действительно древнее, славянское, языческое от более позднего, внесенного христианством или вошедшего под его влиянием, заимствованного у соседей (а иногда и от более отдаленных народов, с которыми имелись контакты), выяснить пути переосмысления и преобразования древних обычаев, поверий языческих времен. При этом необходимо учитывать и большую вероятность отсутствия единства верований древних славян в региональном и племенном плане, а также определенную их изменчивость и в дохристианский, языческий период.

Изучению славянского язычества посвящено несколько значительных исследований, в которых собран разнообразный материал. Из дореволюционных русских работ надо указать капитальные книги Е. В. Аничкова «Язычество и Древняя Русь» (1913) и Н. М. Гальковского «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» (2 т., 1913—1916), труды по славянской мифологии Д. К. Зеленина. Славянской мифологией и язычеством занимались многие специалисты из различных стран: Я. Махал, Л. Леже, Д. Маринов, В. Ягич, скептически, если подчас не нигилистически настроенный А. Брюкнер. Свод источников был издан финским славистом В. Мансиккой (1921). Л. Нидерле представил большой материал в полном чешском издании своих «Славянских древностей» (2-е изд., 1924). Следует указать послевоенные польские работы Г. Ловмянского (1979) и А. Гейштора (1982). Этой проблематикой занимался и ряд других славистов, в частности Р. О. Якобсон, Б. О. Унбегаун и др. В СССР в последние десятилетия оживился интерес к славянскому язычеству. Появились книги С. А. Токарева («Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX в.», 1957), Б. А. Рыбакова («Язычество древних славян», 1981), В. В. Иванова и В. Н. Топорова («Славянские языковые моделирующие семиотические системы», 1965; «Исследования в области славянских древностей», 1974), этнолингвистические работы Н. И. Толстого и его сотрудников, Б. А. Успенского, В. И. Чичерова и др. Изучением религии других индоевропейцев занимался большой ряд ученых; из работ последних десятилетий следует назвать переведенную на русский язык книгу французского компа-

ративиста Ж. Дюмезиля «Верховные боги индоевропейцев» (русск. пер. 1986), главы двухтомника Э. Бенвениста о лексике индоевропейских институций и др.

Славяне в языческий период своей письменностью не располагали. Практически все, что нам известно о верованиях древних славян из исторических источников, прошло через осуждающее осмысление авторов этих источников, отнюдь не разделявших языческие убеждения, большей частью боровшихся с ними. Поэтому сведения о язычестве в исторических памятниках, данные через призму противостоявшего ему христианства (или мусульманства), далеки от объективности. Даже лингвистические сведения о язычестве вызывают сложности: не все сохранившиеся слова имеются в разных (и тем более всех) славянских языках, представления об их значении мы можем только реконструировать. Нет надежных фольклорных текстов, которые бы могли быть основой бесспорной реконструкции общепраславянского текста. Тексты сохранились, как правило, лишь на одном языке; только некоторые опорные смысловые элементы повторяются в разноязычных текстах. Во многих случаях идет речь не о текстах в лингвистическом смысле слова, а о наличии общего элемента или элементов содержания в различных поверьях или обычаях. Так, датский хронист (летописец) на переломе XII—XIII вв. Саксон Грамматик рассказывал, что на о. Руяне (Рюггене), последнем оплоте славянского язычества, при обряде в честь западнославянского бога Святовита «приносили в жертву округлый медовый пирог (каравай) высотою почти в человеческий рост. Жрец ставил пирог между собой и народом и спрашивал руян (жителей Руяна), видно ли его за пирогом». Высказывалось пожелание, чтобы в будущем году его не было видно, т. е. чтобы урожай был более обильным. Аналогичный обычай известен у южных славян: сербов, болгар. У последних вопрос — «Видите ли ме, селяци?» — задавал священник. А на Украине и в Белоруссии аналогичный вопрос задавался в некоторых местностях в XIX в. отцом за рождественским столом, на котором тоже ставился высокий каравай. Единство обычая, представленного в данном случае в трех независимых славянских землях, бесспорно.

В реконструкциях древнеславянской языческой религии и мифологии очень много предположительного и такого, что (по крайней мере, при современном состоянии наших

знаний) не может быть неопровержимо доказано. В лучшем случае мы можем думать, что какое-то предположение или построение является относительно достоверным, а другое вызывает сомнения, хотя и не может быть исключено. Противоречивость реконструкций в этом случае не свидетельствует о возможности или необходимости альтернативного подхода (т. е. выбора той или иной точки зрения), поскольку надо учитывать территориальный и временной факторы. Одновременно в разных регионах проживания славянства или на разных этапах развития славян могли существовать разные, несовпадающие системы религиозных представлений. Кроме того, славянское язычество, как и другие религии, сплошь и рядом включало в себя нечеткие, подчас противоречивые представления, которые вполне уживались в рамках веры в сверхъестественные силы и надежды на иногда проявляемую ими благосклонность, которой надо добиваться. Все это необходимо учитывать при рассмотрении различных реконструкций и соображений относительно древнеславянского язычества и мифологии.

2.2.15.2. Ранние этапы язычества у славян

О древнейшем этапе развития славянских верований, когда предки славян поклонялись зверям и птицам, месяцу и звездам, озерам и рощам, кустам и деревьям, огню и солнцу, мы знаем очень мало. Древние славяне, писал в VI в. Прокопий Кесарийский, «почитают реки, и нимф, и всякие другие божества, приносят жертвы всем им, и при помощи этих жертв производят гадания». В периодизации развития верований славян, намеченной в «Слове об идолах», отмечается, что первоначально они «клали требы упырям и берегиням». До нас не дошли прямые свидетельства о поклонении славян Праматери всего сущего, связанном с матриархатом. Б. А. Рыбаков полагал, что, может быть, в культе Рода и рожаниц отразились старые представления о двух хозяйках мира. Образ Матери сырой земли, проходящий через многие творения славянского фольклора, возможно, тоже отражает древний земледельческий и матриархальный праздник окончания сбора урожая. Даже в народном названии этого праздника контаминированы (объединены и сплетены) слова разного происхождения: Спожинки, Оспожинки, Госпожинки свя-

заны и с пожинаньем урожая и с именем матери Господа — Госпожи.

У деревьев и рощ, зверей и птиц, которым поклонялись, в представлении древних были, вероятно, свои духи. Их имена могли совпадать с именами самих объектов, но могли и не совпадать. Быть может, некоторые случаи древней синонимии связаны с таким двойством (ср. *звезда* и *заря, месяц* и *луна*). Не исключено, что, например, имелись не только названия животных, но и названия соответствующих тотемов — объектов поклонения, не совпадающие с названием животного. Одно из этих имен табуировалось (т. е. запрещалось его произносить), вследствие чего у славян возникли эвфемистические названия ряда животных.

Названия древних славянских духов дошли до нас в небольшом количестве и со значительными переосмыслениями. Праславянским является название *běsъ 'бес', которое связывают по этимологическому корню с *bědа 'беда' и *bojati sę 'бояться'; обращается внимание на то, что с бесом связано понятие ярости (ср. *беситься*); есть и другие предположения об этимологии этого слова, связывающие его со светлым, ярким (может быть, белым), что, однако, подвергается сомнению. Другое праславянское название злого духа — *čьrtъ 'черт' имеет важное семантическое соответствие в словенском: čŕt 'раскорчеванное место, межа' связывает это слово с *čersti / *čьrtǫ, *čьrta, т. е. с понятиями 'рыть, копать' (ср. русск. диал. *черторой* 'овраг, рытвина' и ряд соответствующих топонимов, дающих возможность восстановить праслав. *čьrtorujь/a/e). Тогда, возможно, это слово было названием земляного духа, и соотносится оно с названием крота отношениями чередования гласного (согласный зависит от гласного): *kъrtъ. Есть и другие объяснения этого слова, но это представляется наиболее удачным.

Не вполне ясно как значение, так и происхождение слова *divъ / *diva. Общеизвестно восточнославянское слово *диво*, которому в западнославянских языках соответствуют слова, оформленные по мужскому роду с тем же значением. В южнославянских зафиксированы прилагательные с этим корнем. В древнерусских памятниках (в том числе в «Слове о полку Игореве»), слова *дивъ, дива* обозначают, возможно, какое-то мифическое существо: «И словеньскыи языкъ (кланяется) виламъ, и Мокошьи, Дивѣ, Перуну... упиремъ, и берегынямъ, и Переплуту» (Памятники древней учительной литературы, XIV в.). В древнерусском *дивъ* означало также птицу, предвещающую несчастье, — удода. По мнению ряда ученых, славянское слово этимологически родственно индоевропейским словам, обозначающим бога (лат. deus, санскр. dēvás и др.). Другие считают это натяжкой и в фонетическом и в семантическом отношении, связывая слово с корнем *div- в слове *дивиться* 'смотреть, удивляться'. Необходимо учитывать еще и прилагательное *divъ 'дикий' (ср. и *dikъjь), связь с которым тоже возможна семантически (ср. *бес — яростный*).

Слово *duxъ связывается с *duxati 'дуть', *dъxnǫti 'дохнуть', первоначальное значение — 'дышащее, одушевленное', т. е. 'живое'. Не вполне ясно, имело ли это слово, как и слово *dušа, мифологическое значение уже в древний период или же это относительное новшество. Слово *rokъ 'судьба', производное от *rekti 'сказать', возможно, не играло существенной роли в праславянских верованиях; во всяком случае четких указаний на такую роль нет.

В южных и восточных славянских языках зафиксировано слово *vila 'нимфа, русалка, мифическое существо женского пола, живущее в горах, в воде и в воздухе'. Одно из возможных объяснений связывает это слово с глаголом *vějati, ср. *vixrь; тогда это существо толкуют как воздушного духа. Близкое по значению слово *русалка* засвидетельствовано тоже в южных и восточных славянских языках; возникло оно, возможно, позже, во второй половине I тысячелетия от названия языческого весеннего праздника русалия, восходящего к латинскому названию соответствующего праздника rosalia (первоначально — 'праздник роз'), заимствованному, возможно, через среднегреческий язык.

Как уже отмечалось, обряды, связанные с покойниками, отражают определенную, причем важную часть верований древних славян. Славяне меняли способы захоронения: от трупосожжения переходили к захоронению без кремации, а потом снова возвращались к кремации, отказавшись от нее при крещении и вернувшись отчасти лишь в недавние времена. Сами славяне объясняли сожжение стремлением скорее попасть в рай, находящийся наверху, вместе с дымом погребального костра. Надо сказать, что огонь, мысливший-

ся как бы земным представителем солнца, и сам имел священное значение. Погребение без кремации в скорченном виде практиковалось в связи с верой в повторное рождение: поза имитировала положение зародыша. А положение покойника лицом вверх, иногда глазами к Востоку, связывалось с идеей о том, что он некогда проснется для новой жизни. Все эти три обряда, иногда чуть ли не сосуществовавшие, как показывают археологические данные, имеют общий элемент: веру в повторную жизнь. Краткость реальной жизни (а жизнь у древних людей была гораздо короче, чем у нас, из-за болезней и тяжелых условий жизни) побуждала к вере в потусторонний мир, в загробную жизнь.

Но из веры в другой мир, где обитают покойники, возникает и вера в возможность перехода из этого другого мира в наш, обычный. Отсюда опасения перед покойниками, приписывание им некоторых особых возможностей, качеств, поступков. В связи с этим в праславянском языке слово *navь 'покойник', этимологически связанное чередованием с *nyti 'ныть', участвовало и в некоторых обозначениях мифических «существ». Так, в украинском языке известно *навка / мавка* 'душа девочки, умершей до крещения'; Мавка является главной героиней драмы-феерии Леси Украинки «Лесная песня», в которой действуют и другие мифические персонажи украинского полесского фольклора: Русалка, Водяник, Лісовик, Потерчата, Перелесник, Злидні, Куць, Доля, Пропасниця-Мара.

К праславянской лексике относится слово *ǫrugь 'упырь' (западноевропейское слово *вампир* заимствовано из славянского (полабского или древнепольского) языка, где к начальному носовому гласному добавлен протетический v-). В. И. Даль определял значения слова *упырь (упирь)* так: «перекидыш, перевертыш, оборотень, бродящий по ночам ведьмаком, волком или пугачом и пр. и засасывающий людей и скотину, кровосос». «Злые знахари,— сообщает далее В. И. Даль поверье,— по смерти бродят упырями, и, чтобы угомонить их, раскапывают могилу и прибивают труп осиновым колом». Этимология этого слова вызывает трудности: связь с *парить* и *пырять* 'летать', *перо*, а также с *нетопырь* возможна, но не доказана, так как не отражает главного свойства этого мифического существа. Архаично и еще одно название оборотня, представленное во всех группах славянских языков: *vьlkodlakъ 'оборотень; человек, превращающийся в волка'; этимологически в нем вычленяются слова *vьlkъ 'волк' и *dlaka 'волосатая шкура'.

В праславянском языке имелось, видимо, обозначение призрака *mara. В современных славянских языках рефлексы (отражения) этого слова обозначают, с одной стороны, сновидение, мечту, а с другой — страшный, возможно, смертельный призрак. Можно допустить, что эти оттенки значения — результат энантиосемии, раздвоения, поляризации значения. Этимологически понимают его либо как связанное с чередованием с *morъ 'мор' и т. п., что находит подтверждение в бытующих названиях сходного мифического существа типа чешск. mora, либо же как связанное с *mana (ср. *манить, обман*), отличающееся от него суффиксальным элементом (-г-). Определенная часть праславянских названий мифических существ, видимо, была утрачена. Утрата могла быть следствием просто забывания этих имен, но и наложения на их произнесение табу, замены «настоящего» имени описательным. Такие слова, как *водяной* или *леший*, могли возникнуть именно как эвфемистические замены забытых потом имен.

Имеется немало мифологических названий, известных лишь одному или немногим славянским языкам. Так, в русской мифологической лексике известны *домовой, леший, попутник, обилуха* и др. Некоторые украинские мифологические термины уже были приведены. Общепринято мнение о довольно богатом репертуаре мифических существ в белорусском фольклоре. Здесь и очень типичные и специфические именно для белорусов богатыри — *асілкі*, и опекун урожая *Рай*, и олицетворение урожайности *Спарыш*, и юркий бесенок *юр*, и известная у многих славян *мара*, и разновидности чертей (обобщенное название *чорт, нячысцік*) по месту обитания и функционирования: *лясун, палявік, балацюк, вадзяны, лугавы, дамавік, хатнік, падпечнік, лазнік, клетнік, хлеўнік*, и связанный с сельхозработами *сеўчык*, и названные так по времени появления *начніцы*, и получившие наименования по функции *крыксы*, и различные названия нечистых, связанные с христианской терминологией: *д'ябал, шатан, анцыбал, анчутка, люцыпар*... Имели распространение у белорусов и многие поверья. Например, они могли быть связаны со *знічам* — блуждающим огнем, падающей звездой, вероятно, первоначально языческим огнем на могиле или при сжигании покойника.

Ряд обычаев связан с *Купалой*; их приурочивали ко дню Иоанна Предтечи (Крестителя), Ивана, прозванного белорусами *Янкой Купалой*, и отмечали в ночь летнего солнцеворота (22 июня). Были обычаи, связанные с весенним праздником жаворонков (белор. *вяселік* 'одно из названий жаворонка'), с осенним праздником *багач* (ср. укр. *багаття* 'костер'), праздновавшимся на Рождество Богородицы (8 сентября) и совпадавшим с праздником урожая.

Немало было у белорусов, как и у других славянских, да и не только славянских, народов, поверий, связанных с божьей коровкой (*божая кароўка, бедрык, бедронка, ведрык, барбуха, андрэйка, сонейка, пагодка, малаша* и многие другие названия, собранные, в частности, Л. Ф. Шаталовой). В этих названиях отразилась связь с солнцем и погодой (ср. *ведрык* при русск. *вёдро* 'хорошая погода' и полабск. v́edrü 'хорошая погода', 'солнце' и др.). Интересно древнерусское название *берегыня*, происхождение которого, как, впрочем, и четкое функциональное соотнесение, вызывает споры: если корень *берег-*, то с каким значением: 'край водного пространства' или 'сохранять', а если не *берег-*, а какой-то созвучный с ним *(Перун?)*, — то какой?

Можно назвать немало аналогичных мифологических терминов и из других славянских языков, например из чешского: vodník, medunník, bludička и др. Интересно отметить, что в числе названий различных духов немало заимствованных, нередко потом преобразованных до неузнаваемости: дело, видимо, в том, чтобы затемнить внутреннюю форму названий, лишить ее прозрачности. В чешской и словацкой мифологической терминологии, исследованной Н. И. Зайцевой, много немецких заимствований (cvergl, kobold, hastrman), слов венгерского происхождения (bosorka, erdek), слов из греческого и латинского языков (larva, morous) и др. Среди польских наименований духов — такие, как płaczka, wieszczyce, boginki, а также szulikun, mamuna. Несмотря на то что полабский словарный материал фиксировали священники, они записали несколько названий мифических существ: x́audăc 'черт, плохой (худой!) дух', x̌ōrăc 'сатана, черт (хворый, гнилой дух)', kobolt 'кобольд' (из нем., 'гном, типа домового')', corně zimněk 'подземный дух (букв. 'черный земник')', d'ōrconěk 'земляной (горный!) человечек' (Я. Хейдзянка-Пилятова).

Немало зафиксировано мифологических наименований на землях южных славян. Так, у сербов Вук Караджич записал ряд верований, в «существа, которых нет». Это такие существа, как *вила, вјештица, вукодлак, стухаћ, вједогоња, мора, ноћница, караконџола, усуд, срећа, куга, репач, хаждаја, хала, змај, чаратан, мађијоник* и др. Вилы, например, «живут в горах или в камнях у воды. Всякая вила молодая, красивая, одета в тонкое белое платье, имеет длинные, доходящие до груди и бедер распущенные волосы. Вилы никому не делают зла, пока им не вредят (вступив в их коло, когда они танцуют, или на их вечерю), если же кто им помешает, они его по-разному наказывают: подстрелят в руку или ногу, в обе ноги или руки, или в сердце (и тогда наказанный сразу умирает)». «Вукодлаком, — читаем далее, — называется человек, в которого (по народным поверьям) в течение 40 дней после смерти войдет какой-то дьявольский дух; и оживит его (сделает вампиром). После этого вукодлак вылазит ночью из могилы и душит людей по домам, пьет их кровь... Вукодлаки появляются чаще зимой... Как начнут люди часто умирать в селе, то говорят, что появился вукодлак». У болгар тоже имеются предания о *вилах*. Одно из характерных мифологических существ у болгар — *самодивы*; рассказывают также о большеротом женском существе, заглатывающем животных и людей, — *ламе*, об *орисницах (наречницах)*, определяющих судьбу человека, о *едрице, брусните, ситнице* и др. (Вакарельский). В словенской мифологической терминологии тоже выступают *вилы, белые жены*; специфичны верования в такие существа, как krivopeta 'женское мифическое существо с вывернутыми пятками', škrat 'горный дух', škopnik 'ночное привидение, забирающее у матерей запущенных детей', pehtra 'женское мифическое существо, забирающее детей', torka 'ночное существо, приходящее по ночам прясть, если не убрать на ночь работу' (Плетершник). Очевидно, что в верованиях в эти фантастические существа немало наносного, позднейшего, но бесспорно и то, что это наносное попадало на благодатную почву славянского язычества, а также что в некоторых таких поверьях и названиях отражаются очень древние черты.

Древним было у славян и почитание предков, Рода (*rodъ) и рожаниц, хотя, возможно, оно возникло после предшествующего этапа поклонения различным природным

объектам и силам. К культу предков относятся различные проявления почитания предков, дедов, например белорусский обычай *дзяды* (или *задушкі*) — дни поминания усопших, справлявшиеся в различные периоды (на *радаўніцу* — в первую неделю после пасхальной, на *сёмуху* 'троицу', на *Змітра*, 26 октября ст. ст.). Этот обычай нашел, в частности, отражение в драматической поэме А. Мицкевича «Дзяды». Представления о Роде и рожаницах (включая и число последних — 2 или 3) как о божествах связывались, несомненно, не только с предками, но и с идеей плодородия. Как и другие языческие верования, они дошли до нас очень неполно и довольно неясно.

2.2.15.3. Древнеславянский языческий Олимп

Культ предков не отменял поклонения природным объектам, а скорее включался в них. Показательно в этом плане, что во второй половине XII в. Гельмольд, описывая христианизацию ободритов, писал: «У славян имеется много разных видов идолопоклонства, ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев... Среди многообразных божеств, которым они посвящают поля, леса, горести и радости, они признают и единого бога». Но постепенно, в частности с развитием классовой структуры общества, развитием государства, из стремления установить соответствие отношений божеств и отношений в поклоняющемся им обществе возникает славянский Олимп с различными его обитателями — божествами, приобретающими статус более крупных богов. Вполне вероятно, что руководящую роль мог занимать среди богов бог солнца, связанный с понятием плодородия, огня, вообще жизни. Но, как четко свидетельствует русский летописец, по крайней мере у восточных славян, верховным богом стал бог грома и молнии Перун. У балтов громовержцем был бог, по-литовски называемый Perkunas; параллелями к этому божеству по функции являются греческий Зевс, римский Юпитер, германский Тор, ведический (древнеиндийский) Индра (имя которого родственно славянскому слову *ędrъ 'быстрый, сильный'). Можно думать, следовательно, что бог грозы, громовержец принадлежал к индоевропейскому пантеону. Однако имя его, как видим, было у различных индоевропейцев неодинаковым. Нельзя исключить, что «настоящее» индоевропейское имя главного

(или одного из главных) божеств было табуировано (запрещено для произнесения) и до нас дошли различные его замены. С подобными явлениями приходится встречаться нередко; в частности, в иудаизме и христианстве запрещалось произносить имя бога Яхве (старая неточная транскрипция Иегова). Славянское имя громовержца Перун может быть одной из таких замен.

Имя Перун могло появиться на славянской почве как производное от глагола (*perti; ср. русск. *переть*) с суффиксом *-unъ (ср. *крикун, скакун, колун*). Правда, балтское имя бога дает возможность сближать славянское и балтское имена; в хеттском имеется слово perun 'скала', но отнесение его к этому ряду не бесспорно. Слово *perunъ неплохо представлено в западных (ср. польск. piorun 'молния') и восточных славянских языках; отражается оно и в некоторых фактах южнославянских языков. Уже Прокопий Кесарийский писал о славянах: «Они считают, что один только бог, творец молний, является владыкой над всеми, и ему приносят в жертву быков и совершают другие священные обряды». Это было уже в VI в. Поэтому, если и считать Перуна «военным» богом (в соответствии с представлениями французского филолога Ж. Дюмезиля о том, что в древнем индоевропейском обществе и в его пантеоне отражалось трехчленное разделение народа: жрецы, воины, производители), то надо учитывать, что Перун свое верховное место занял задолго до того, как Владимир, начав единолично княжить в Киеве, поставил в 980 г. на холме рядом со своим двором кумиры: «Перуна древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и Хърса, Даждьбога, и Стрибога и Симарьгла, и Мокошь» («Повесть временных лет»).

По наблюдениям В. В. Иванова и В. Н. Топорова, привлекших значительный славянский, индоевропейский и для сопоставления другой фольклорный, древнеписьменный, этнографический материал, признаками Перуна были гора (пребывание его на верху), дуб (пребывание его в лесу), колесница, конь, огонь, оружие, камни. Перун выступает как змееборец, один из главных героев древнейшего индоевропейского мифа о поединке бога Грозы со Змеем. Поединок Бога-Громовержца с его противником происходит из-за обладания скотом. В качестве противника Перуна у восточных славян выступал Волос / Велес.

Легко заметить, что в приведенном перечне скульптур богов, установленных в древнем Киеве (перечень возглавляется Перуном), Велес не поименован. Но его скульптура, как сообщается в «обычном житии» Владимира, была брошена в реку Почайну; это дало основание М. В. Поповичу высказать предположение, что «идол Волоса стоял не на горе, не в княжеском городе, а на Подоле», внизу под старым Киевом.

Славянский (восточнославянский) Волос / Велес, пожалуй, не змей, но это факт, что в некоторых древнерусских источниках он противопоставляется Перуну, что он именуется «скотьим богом»; среди признаков Волоса / Велеса выступает шерсть (волосы, борода), принадлежность к низу, к пещере, большая величина, способность к воплощению в животных, в частности в Змее, иногда Пернатом Змее, влага и вода. В. В. Иванов и В. Н. Топоров допускают этимологическое сравнение древнеиндийского демона Валы, обладателя скота, и славянского Волоса / Велеса. Уже отмечалось, что функции Волоса были переданы христианскому святому Власию. Вместе с тем, если Перун функционально продолжается не только Ильей-пророком, разъезжающим в колеснице по небу и вызывающим гром, но и Георгием-победоносцем, попирающим змия, то и культ Велеса отразился, как это убедительно показано Б. А. Успенским, в восточнославянском культе Николы — Миколы, в контаминированном представлении о котором связались поверья о святом Николае, архангеле Михаиле и Велесе. Велес был, видимо, прежде всего покровителем скота и скотоводства; с переходом к земледелию он становится и покровителем земледелия. Слово *Волос / Велес* отождествляется со словом, обозначающим великана, и кое-где оно звучит как *Волот / Велет* (ср. белор. *волат* 'великан', укр. *велетень* 'великан'). Велес связывается в ряде верований с загробным миром, что соответствует его нижнему положению. Отмечается перекличка образа русской былины Волха Всеславьича и персонажа сербского эпоса Змај — Огњени вук 'Змей — огненный волк'; особенно это интересно в связи с тем, что в «Слове о полку Игореве» Всеславу, реальному, но для автора «Слова» (после 1187 г.) уже давно — в 1101 г. — умершему полоцкому князю, приписываются свойства оборотня: «самъ въ ночь влъкомъ рыскаше» (Р. Якобсон).

Рассматривая древнеславянские представления о Велесе, следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. В «Повести временных лет» указывается, что мужи князя Олега в 907 г., присягая, клялись «оружиемъ своим, и Перуном, богомъ своим, и Волосомъ, скотьемъ богомъ». Это ставит Волоса / Велеса на очень высокое место в иерархии богов и заставляет предполагать его достаточно важные функции, видимо, и покровителя хозяйства, и представителя культа предков (связи с загробным миром), а возможно, и представителя культа живой природы. Эта многофункциональность есть, вероятно, результат наслоений и контаминаций, происходивших в долгие века славянского язычества, а не просто искажение представлений в период вытеснения язычества христианством.

В результате поединка Громовержца-змееборца с его противником последний гибнет. Но особенность мифологического мышления такова, что этим не отменяется или не всегда отменяется поклонение поверженному: время поединка не определяется жестко, этот поединок может мыслиться и как непрерывно происходящий, и как такой, который завершится лишь в будущем. И потому Велес, в названии которого отразились, видимо, индоевропейские связи, продолжал оставаться «действующим» божеством в Древней Руси даже после крещения.

Мокошь — единственное женское божество Владимирова пантеона. Относительно Мокоши сведения у нас небогатые. Упоминается она в «Повести временных лет», а также в других источниках, но функции ее не вполне ясны. Возможно, она связана была с вилами, рядом с которыми упомянута в некоторых источниках. Судя по этнографическим данным, Мокошь покровительствовала стрижке овец, прядению и ткачеству, которым занимались женщины. В. В. Иванов и В. Н. Топоров отводят Мокоши роль супруги громовержца. Б. А. Рыбаков видит в Макоши (так он вслед за некоторыми старинными рукописями обычно пишет это имя) как бы наследницу древнейшей Великой Матери. Этимология имени Мокоши скорее всего дославянская: индоевропейская или угро-финская (тогда это заимствованное слово и божество); на славянской почве слово сближают иногда с корнем *mok- *(мокнуть, мокрый)*. Если культ Перуна связывали с четвергом (в частности, с полабским названием четверга — perendan, толкуемым как 'перуний день'), то культ Мокоши связан с пятницей (это проявляет-

ся, например, в запретах на прядение по пятницам). И здесь ощущается (обнаруживаемая и по иным признакам: связи с шерстью, с влагой) определенная связь Мокоши с Велесом (Б. А. Успенский). Следует сказать, что инославянские отражения имени Мокоши в топонимах вызывают подчас сомнения, хотя и не могут полностью отрицаться.

И у восточных и у западных (а возможно, и у южных) славян в качестве бога огня и солнца почитался Сварог (а Солнце считалось сыном Сварога и называлось Сварожич). Адам Бременский упоминает о культе Радгостя в городе Ретре так, что возникает представление об этом имени как втором имени Сварога (С. Урбаньчик, Х. Ловмянский). В древнерусских источниках употребляется имя Дажьбог (возможно, ему тождественно имя южнославянского — сербского «господина земли» Дабога). Переводчик или переписчик перевода византийской Хроники Иоанна Малалы на славянский язык в Древней Руси уподоблял Сварога древнегреческому богу Гефесту (Гефайстосу), а Дажьбога, его сына,— Гелиосу (Солнцу и / или божеству Солнца). Если имена Радгость и Дажьбог этимологизируются легко на славянской почве как 'гостеприимный' или 'приятный гость' и 'дающий богатство', то этимология имени Сварога вызывает споры: представление о связи первой части имени со словами типа белор. *сварка* 'ссора' и всего имени как 'гневающегося' или 'спорящего', связь с индоевропейскими словами со значением 'небо', заимствование из иранского слова со значением 'солнце' являются возможными, но не доказанными предположениями. Поклонение божеству Солнца, дающего жизнь всему живому, обеспечивающему урожай, и поклонение огню, относится к числу древнейших верований многих народов, и славян в том числе. Естественно и одно из центральных мест Сварога (Сварожича), Дажьбога, Радгостя в древнеславянском пантеоне.

В восточнославянских источниках зафиксировано имя Стрибог. Основываясь на одном месте в «Слове о полку Игореве», считают, что ветры характеризовались автором «Слова» как «стрибожьи внуки», а потому Стрибог — «бог ветров» (М. Фасмер). Согласно другому прочтению того же места, слова «стрибожьи внуки» относятся не к ветрам, а к русским (Е. В. Аничков, Б. О. Унбегаун). Другие упоминания Стрибога в перечислениях тоже не дают возможности бесспорного решения о функциях этого божества. Этимологические объяснения имени разнообразны; едва ли можно говорить о четкой доказанности какого-то из них.

Зафиксированное, как и Стрибог, в составе Владимирова пантеона, имя Хорс (Хърсъ), упоминается еще в некоторых местах, причем всюду в списках божеств без указаний на его признаки. В «Слове о полку Игореве» есть такое место: «Всеславъ... великому Хръсови путь прерыскаше». Это место обычно толкуют в том смысле, что Всеслав «до восхода перебегал дорогу» Хорсу (Д. С. Лихачев). На этом основании полагают, что Хорс — бог Солнца. Нельзя этого исключать, но не может это считаться и доказанным. Этимологически слово *Хърсъ* объясняют как заимствование из иранского, обычно слова, обозначающего солнце. Не исключено, что Хорс — не славянское, а иранское или тюркское божество, известное славянам.

В пантеоне Владимира назван еще Симаръглъ. В некоторых источниках в аналогичных перечнях называют двух богов: Симъ и Рьглъ; это вызывает сомнение. Функции этого божества подверглись забвению. Поэтому трудно что-либо сказать о нем (или о них). Б. А. Рыбаков предполагает, что это иранское божество (демон), тождественное с упоминаемым в некоторых источниках Переплутом.

Данные о восточнославянском пантеоне сведены В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым в четкую таблицу, которая и воспроизводится (табл. 8). В аналогичную таблицу (табл. 9) сведены и основные данные о пантеоне балтийских славян; она воспроизводится с незначительными изменениями. Таблица дает достаточные сведения о 12 богах балтийских славян. Кроме уже упомянутых источников, в таблицах указаны некоторые древневосточнославянские рукописные сочинения («Хождение Богородицы по мукам», некоторые жития и др.), а также германские житийные и летописные произведения: биографы Отто Бамбергского — Эббо(н), Герборд (Херборд) (XII в.), Книтлингасага (XIII в.) и некоторые другие; здесь они приводятся не полностью. Надо иметь в виду, что если восточнославянские боги образовывали относительно единую систему, то 12 известных нам балтийско-славянских богов вместе нигде не упоминаются, некоторые из них были локальными (местными) божествами, им поклонялись не везде. Поскольку данные о религии балтийских славян дошли до нас из неславянских источников, в них больше внешних сведений

Таблица 8

Языческие боги восточных славян

Имена богов	Место при перечислении	Генеалогические сведения	Функция	Атрибут	Пол	Идол	Источник сведений
1	2	3	4	5	6	7	8
Перун	Обычно на первом месте, в непосредственном соседстве с Велесом или Хорсом	—	Косвенные сведения о верховной функции бога дружины; связь с оружием	Возвышенные места; дуб, дубрава; гром и молния	М.	Деревянный с золотым и серебряным украшением	Летописи, грамота 1302 г., слова и поучения против язычества, пословицы, фразеология
Велес / Волос	Обычно на втором месте после Перуна, если Перун на первом; обычно в дополнительном распределении с Хорсом	Боян — «Велесов внук»	«Скотий бог», бог всея Руси, связь с золотом, духовная деятельность	Золото; возможно, место внизу (у реки)	М.	Каменный	Летописи, «Хождение Богородицы», «Слово о полку Игореве», жития св. Владимира и Авраамия, слова и поучения против язычества
Стрибог	Рядом с Дажьбогом, после группы Перун-Велес или Хорс	Ветры — «Стрибожьи внуки»	Атмосфера (?)	—	М.	Идол	Летописи, «Слово о полку Игореве», дополнение к «Слову Иоанна Златоуста»
Дажьбог	Рядом со Стрибогом, после группы Перун-Велес или Хорс	Сын Сварога; русские — внуки Дажьбога	Связь с солнцем	—	М.	Идол	Летописи, «Слово о полку Игореве», «Хроника» Иоанна Малалы, «Пролог» б-ки Моск. духовной типографии

Окончание табл. 8

1	2	3	4	5	6	7	8
Сварог	Отсутствие в перечислениях	Отец Дажьбога	Связь с огнем	Овин	М.	—	«Хроника» Малалы, слова и поучения против язычества
Хорс	Обычно на втором месте после Перуна, в дополнительном распределении с Велесом	—	«Великий» в «Слове о полку Игореве»	Указание на принадлежность к неславянской этнической традиции	М.	Идол	Летописи, «Хождение Богородицы», «Слово о полку Игореве», слова и поучения против язычества
Мокошь	После всех мужских божеств, замыкаемых Семарглом, или перед Перуном, открывающим список мужских божеств. При отсутствии Семаргла после Перуна и Хорса; в соседстве с женскими существами низших уровней	—	Косвенные указания на связь с женским, а также с сексуальным началом и некоторые хозяйственные функции (прядение)	Ночь; кудель	Ж.	Идол	Летописи, слова и поучения против язычества, пословицы, поговорки, дума
Семаргл	В конце списка мужских божеств перед Мокошью	—	—	7 голов (?)	М.	Идол	Летописи, слова и поучения против язычества

Таблица 9

Языческие боги балтийских славян

Имена богов	Указание на главенствующую роль	Функция	Атрибуты внешние	Предикаты (признаки)				Идол	Место храма или поклонения	Источники сведения
				Число	Головы и лица	Цвет и материал	Пол			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Свентовит	Первый среди славянских божеств	Воинская; гадание	Белый конь, меч, боевые значки, знамена, копья	4 (2 + + 2)	4	Белый, красный, пурпуровый	М.	Дерев. (детальное описание)	Аркона и все славянские земли	Гельмольд, Саксон Грамматик
Триглав	Высший бог	Гаданье, связь с тремя царствами	Вороной конь, копья	3; 9 (3 × × 3)	3	Черный	М.	Идол из серебра и золота с золотой повязкой на устах и глазах	Щецин, Волин Бранибор	Эббон, Герборд и др.
Сварожич-Радгость	Главный бог ратарей	Воинская; гаданье	Конь, боевые знамена, шлемы, панцири, копья, вепрь, рога	3; 9 (3 × × 3), косв. указание на 2	—	Белый (клыки вепря), золотой, пурпуровый	М.	Из золота	Ретра	Титмар, Адам Бременский, Гельмольд и др.
Яровит	—	Воинская; весна и плодородие	Золотой щит	—	—	Золотой	М.	—	Вольгаст, Гавельберг	Эббон, Герборд

Окончание табл. 9

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Руевит	Косвенные сведения о главенстве	Воинская	Мечи, ножны	7; 8 (7 + + 1); 3	7	Пурпуровый	М.	Дубовый	Корениця	Саксон Грамматик, Книтлингасага
Поревит	Косвенные сведения о второстепенности	—	Безоружный	5; 3	5	—	М.	Идол	Корениця	Саксон Грамматик, Книтлингасага
Поренут	Косвенные сведения о второстепенности	—	Косвенные сведения о безоружности	5 (4 + + 1); 3	5	—	М.	Идол (с описанием)	Корениця	Саксон Грамматик
Чернобог	—	Несчастье (воинск. ?)	Жертв. чаша	—	—	Черный	М.	Идол с серебряными усами	Данные о славянах вообще	Гельмольд
Прове	Первый и главный в альденбургской земле	Связь с лесами и рощами	—	—	—	—	М.	Нет	Священная роща в Старгарде	Гельмольд
Припегала	—	«Дионисийская»	Жертв. чаша	—	—	—	М.	—	—	Адельгольт, магдебургский епископ (1108 г.)
Подага	—	—	—	—	—	—	—	Идол	Плуне	Гельмольд
Жива	Главная у полабов	—	—	—	—	—	Ж.	—	Земля полабов	Гельмольд

о культе, но меньше — о внутренних мотивах поклонения тем или иным божествам. Языческая традиция у балтийских славян была решительно прервана, что связано с общими неблагоприятными судьбами балтийских славян, не достигших уровня крупного государственного объединения. При изучении обеих таблиц следует иметь в виду, что прочерк в соответствующем месте означает отсутствие сведений в дошедших до нас источниках.

Таковы основные сведения о язычестве древних славян, дошедшие до нас.

2.2.15.4. Некоторые особенности распространения христианства у славян

Как уже говорилось, христианство было принято славянами в период с VIII по XII в. Одними из первых подверглись христианизации под нажимом баварских миссионеров словенцы в середине VIII в., когда возникшее после распада государства Само словенское государство Карантания (Каринтия) попало около 745 г. в зависимость от Баварии. Обычно у славян инициатива принятия христианства шла от правящей верхушки, которая сначала принимала христианство сама, поскольку это соответствовало ее интересам, а потом осуществляла крещение своего народа. Мотивом принятия христианства для феодальной верхушки было либо стремление сравняться во всех отношениях с феодалами господствующего государства, либо желание аналогичного выравнивания прав своего укреплявшегося феодального государства с правами других тогдашних феодальных государств.

Это происходило в основном в IX—X вв. Так, 14 чешских князей крестились в 845 г., болгарский князь Борис-Михаил — в 865 г., в Хорватии и Сербии в период с 800 до 847 гг. были крещены сначала князья, а потом и население, в Польше Мешко I принял христианство в 966 г., а на Руси Владимир — в 988 г. (причем отдельные князья — Игорь и Ольга — крестились, видимо, раньше). Дольше задержалось язычество у балтийских и полабских славян, для которых принятие христианства связывалось с утратой значительной доли самостоятельности. Последний открытый очаг языческого культа — остров Руян (Рюгген) был крещен после завоевания его датчанами в 1168 г.

Одним из наиболее специфических явлений в распространении христианства у южных славян было богомильство, возникшее в Болгарской державе в третьем десятилетии X в. и названное так по имени священника Богомила (Еремии). Богомилы многое восприняли из учения древней христианской секты павликиан, возникшей в VII в. в Армении, и из религии манихейства, возникшей в III в. в Персии в результате синтеза положений христианства и зороастризма. В основе представлений богомилов лежала вера в борьбу добра со злом. Все земное (видимое) было, по их верованиям, во власти Сатаны, синонима зла; душа человека и небесный мир — это порождения добра. Богомилы отвергали церковные обряды (крещение, венчание, исповедь), не признавали почитания креста и икон, не признавали праздников, отрицали воскресение из мертвых, критиковали представителей церкви и государства. Борясь с богомилами, болгарский пресвитер Козьма (середина X в.) «обличал» их: «Хуля богатых, учат своих не подчиняться хозяевам, ненавидят царя... приказывают каждому слуге не работать на своего господина».

Богомильство было формой раннего антифеодального движения. Возникнув у Пловдива, оно быстро охватило три главные провинции Болгарской державы: Мизию, Македонию и Фракию; имело распространение в Болгарии в период двухвекового византийского ига в XI—XII вв., когда богомилы боролись не только со своими феодалами, но и с иноземными угнетателями, и в Боснии (XII в.), где на его базе возникла специфическая боснийская церковь. Богомильство распространилось среди сербов и хорватов, а также в других землях Северного Средиземноморья (Малая Азия, Италия, южная Франция). Проникли элементы богомильства и на Русь (секта стригольников). Богомилы создавали свои братства, устраивавшие общие молитвы, связанные с совместной трапезой и проповедями, взаимно исповедовались друг другу, принимали «слушателей» в круг «верующих», которые в свою очередь посвящались в степень «совершенных». Во главе богомильских общин стояли епископы, называвшиеся «дѣдъ» или «дѣдьць», а все богомильство возглавлялось лицом, которого латинские и греческие источники называют «богомильским папой» (сначала им был Богомил-Еремия, а потом Иоанн Чурила, соосновательучения). Идеи богомильства оказали влияние на западноевропейские ереси, но само движение богомиль-

ства, продолжавшееся в форме сект вплоть до XVII в., в результате преследований власть имущих и отсутствия внутреннего единства с XIV—XV вв. пошло на убыль.

По мере распространения христианства отдельные церкви приобретали своеобразные различия в церковной догматике, обрядах, организации, символике. Разделение Римской империи в конце IV в. на Западную и Восточную обусловило формирование двух основных центров христианства: Рим и Константинополь. К XI в. религиозные различия стали столь серьезными, что римский папа Лев IX и константинопольский патриарх Кируларий в 1054 г. предали друг друга анафеме (церковному проклятию). Находившиеся в сфере влияния константинопольской церкви восточные славяне, сербы, болгары, македонцы приняли восточный, православный вариант христианства (их земли называют иногда в связи с этим Slavia Orthodoxa), а западные славяне, словенцы, хорваты приняли западный, католический вариант христианства (Slavia Latina).

Богатство и власть католической церкви вызывали протесты среди верующих и части духовенства. Возникали движения протестантизма, выступавшие за реформацию (преобразование) церкви. Одним из ранних реформационных движений, приведших к отходу от католичества ряда протестантских церквей, было движение гуситов, последователей Яна Гуса (1371—1415), профессора и ректора Карлова университета и проповедника Вифлеемской часовни в Праге. Гус осуждал покупку и продажу церковных должностей, торговлю индульгенциями (разрешениями от грехов), практиковавшуюся католической церковью, обличал католическое духовенство. Якоубок из Стршибора обосновал принятие всеми верующими причастия «под обоими видами» (т. е. хлебом и вином), бывшего привилегией католического духовенства. Антифеодальный, антиклерикальный характер учения гуситов, его направленность против немецкого засилья обеспокоили и руководство католической церкви. Идеологи чешской реформации — Ян Гус и попытавшийся защитить его Иероним Пражский (ок. 1380—1416) — были осуждены Констанцским собором католической церкви и сожжены на кострах. Эти казни стали поводом народного революционного движения, так называемых гуситских войн (1419—1437), охарактеризованных Ф. Энгельсом как «...национально-чешская крестьянская война против немецкого дворянства и верховной власти германского императора, носившая религиозную окраску» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 180). Однако гуситское движение потерпело поражение, католичество вновь возобладало. Гуситское движение сыграло значительную роль и в развитии чешского народа, чешской культуры, и в создании предпосылок для распространения идей Реформации.

Идеи, близкие к протестантским (выступления против замкнутого сословия священников и церкви, критическое отношение к некоторым догмам христианской церкви, например к догмату о троице, и др.), высказывались и на Руси. Эти идеи в XIV в. получили выражение в распространенном в Новгороде и Пскове движении стригольников (название связано с обрядом пострига низшего духовенства, принявшего участие в движении) и в XV в. в Новгороде и Москве в так называемой новгородско-московской ереси (церковное название — «жидовствующие» в связи с признанием особой роли переведенных с древнееврейского частей священного писания — Ветхого завета). Оба эти учения, имевшие антифеодальную и антицерковную направленность, были признаны церковью еретическими — отклоняющимися от догм, принятых официально церковью. «Жидовствующие» были осуждены на церковных соборах в 1488—1504 гг., преданы анафеме, а некоторые казнены.

Наибольшее развитие протестантство получило в Европе в XVI в. Один из вождей Реформации немецкий проповедник Мартин Лютер (1483—1546) в ходе Крестьянской войны возглавил бюргерски-умеренную партию и создал совместно со своими сподвижниками мощное направление лютеранства, отделившееся от католичества. В 30-х гг. XVI в. функционировал протестантский кружок в Любляне (Словения), с которым был связан Примож Трубарь, сыгравший выдающуюся роль в создании словенского литературного языка, и ряд его современников (Крель, Далматин, Бохорич). В дальнейшем, однако, протестантство было в Словении подавлено католицизмом (контрреформация). Более успешным оказалось распространение лютеранства среди лужицких сербов, значительная часть которых приняла эту религию. Первая печатная книга на верхнелужицком языке был Новый завет, переведенный протестантом М. Якубицей. Француз Жан Кальвин (1509—1564) стал родоначальником ответвления Реформации — кальвинизма. Это религиозное направление получило определенное рас-

пространение в Восточной Словакии и в Речи Посполитой, в частности и в Белоруссии. Так, к кальвинизму примыкал просветитель С. Будный (1530—1593), издавший в 1562 г. в Несвиже на старобелорусском языке Катехизис (первую книгу на белорусском языке, изданную на территории Белоруссии; руководство, излагающее основы христианского вероучения). В. Тяпинский издал (ок. 1580 г.) неподалеку от Лепеля Евангелие на старобелорусском языке; он также примыкал к протестантизму. В дальнейшем протестантство в Речи Посполитой было подавлено.

Католическая церковь в Речи Посполитой боролась не только с протестантством, но стремилась вытеснить или подчинить себе и православную церковь. Некоторой части белорусов было навязано католичество, а Брестский собор в 1596 г. объявил объединение (унию) православной и католической церквей на украинских и отчасти белорусских землях, входивших в состав Польского государства. Сторонники унии (униаты) признали верховенство главы католической церкви — папы римского, а также внесли некоторые особенности в организацию церковной службы. Униатская церковь действовала вразрез с интересами трудящихся Украины и Белоруссии, стремясь оторвать их от братского русского народа. В 1946 г. собор во Львове принял решение о ликвидации унии; униатские церкви, распространенные главным образом на Западной Украине, перешли в состав Русской православной церкви. Но апостольская (папская) столица Ватикан не признала решений этого собора и поддерживает униатскую церковь в эмиграции.

Одним из специфических проявлений в истории православия у славян было русское старообрядчество. Оно возникло в XVII в. в результате раскола русского православия: часть духовенства и верующих не приняла реформы патриарха Никона (1605—1681). Реформы Никона не затрагивали основ православия, но направлены были на централизацию русской церкви, борьбу с автономией монастырей; реформировались некоторые детали обрядовой практики (например, вводилось трехперстное крестное знамение вместо двухперстного, изменялось направление хождения священника во время богослужения, земные поклоны заменялись поясными, наряду с восьмиконечным крестом допускался шестиконечный). Очень остро реагировали противники реформы на некоторые исправления

церковных книг (например, замену написания имени Исусъ на Иисусъ). Существо же дела было в том, что принцип соборности уже при введении этих культовых новостей заменялся личной властью патриарха, а это, конечно, не вызывало сочувствия у части духовенства. Против никоновских реформ выступили протопопы Иван Неронов (1591—1670), покаявшийся и примирившийся с официальной церковью в 1666 г., Аввакум Петров (1620/21—1682), сожженный вместе со сподвижниками в срубе Пустозерского острога по царскому указу, оставивший свою замечательную по художественной силе автобиографию («Житие протопопа Аввакума»). Старообрядчество разделено на два основных направления — поповщину и беспоповщину — и ряд течений, в чем отразились его социальная неоднородность и принудительное разобщение. Старообрядцы вынуждены были искать убежища далеко на Севере, в Сибири, за пределами непосредственной власти московского патриарха: в Польше, в Латвии, в отдельных районах Украины, Белоруссии (Ветка), даже в Америке и т. д. Несмотря на это, старообрядчество продолжает существовать до нашего времени.

«Познание народной культуры, — пишет академик Б. А. Рыбаков, — всех видов крестьянского творчества невозможно без выявления его архаичной языческой подосновы. Изучение язычества — это не только углубление в первобытность, но и путь к пониманию культуры народа». Для такого понимания необходимо и знакомство с религиозными представлениями славянских народов на различных этапах их развития. Многое в развитии культуры прошло через этап религиозного осмысления и восприятия. Будучи убежденными атеистами, мы обязаны вместе с тем учитывать роль религиозных представлений в старину, а потому и разбираться в них.

2.2.16. Память

Жизнь древних славян была заполнена трудом: чтобы добыть повседневную пищу, надо было очень много работать. Орудия были примитивными; необходимость выкорчевывания деревьев, сложность взрыхления почвы ограничивали возможности занятия значительных территорий под пахоту. Подсечное земледелие требовало длительного «отдыха» почвы после одного-двух годов возделывания.

Но и засеянные пашни тоже, естественно, должны были чередоваться через год-два с паром. Больших усилий требовало и скотоводство; здесь надо было, в частности, запасать пищу на зиму. Рыболовство и звероловство приносило достаточные результаты тоже лишь при значительных усилиях, если вспомнить, что оружие было примитивным, а ловушки зверями опознавались и избегались. Изготовление одежды, необходимой, чтобы преодолеть холода умеренного климата, постройка жилища и его отопление — все требовало огромного труда. Век человеческий был короче нынешнего. Дети умирали очень часто, не выдерживая тех испытаний голодом и холодом, которые на них обрушивались в первые же месяцы жизни. Но и взрослые в тогдашних условиях жизни рано старились. Бороться с болезнями было трудно; случавшиеся моровые поветрия (эпидемии) несли за собой гибель целым поселкам и регионам; одно спасение было в том, что поселения были редкими и малонаселенными. Нападение врага могло привести к истреблению или к порабощению в буквальном смысле слова: к утрате той свободы, которой обладали члены первобытных общин, и превращению в рабов. Жизнь была трудна и нередко жестока.

И все-таки это была жизнь. Древние славяне радовались и тому, что могли когда-то поесть досыта, и тому, что наступала весна, избавляя, хотя и на время, от пронзительного холода, радовались и помощи друга, пришедшей в момент поединка с лютым зверем или при переправе через бурный поток. Они сообща веселились на весеннем празднике солнца и света, они вместе праздновали летний солнцеворот, они всем родом отмечали сбор урожая, они вместе пытались разогнать мрак и холод зимы и увидеть поворот к яру — весне и лету. Они вместе грустили, когда наступали холода и болезни, они печалились при расставаниях и радовались при встречах. Они делали новые шаги в познании мира. Знали множество растений и животных и использовали их. Знакомы были с минеральным миром и учились использовать металлы. Преодолевали расстояния и пользовались довольно сложными орудиями. Древние славяне боготворили природу. Они почитали предков и растили детей. Они любили друг друга. Они пели песни и вырезали орнаменты. Они знали счет и стремились к красоте. Они мечтали о счастье.

Когда мы теперь пытаемся понять жизнь древних славян, не следует подходить к ней с нашими современными мерками. Мы пришли к этим меркам, опираясь на плечи сотен поколений предшественников, в том числе и на достижения древних славян. А древние славяне жили в иную историческую эпоху, в эпоху первобытнообщинного строя, его позднего этапа, этапа перестройки общества, связанной с интенсификацией использования окружающей среды, преобразованиями производственных отношений, становлением родоплеменной старшины, перехода от чисто кровнородственных отношений к более широким социальным связям. Вместе с балтами и германцами славяне являются как бы «молодой» ветвью индоевропейцев; формирование их происходило позже, чем формирование ряда других групп, например индийской, иранской, греческой.

Материальная жизнь древних славян, развитие их социальных отношений, духовная жизнь нашли отражение в их языке. При этом выявляются как некоторые унаследованные от предшествующих состояний явления и институции, так и новые, сформированные именно в праславянскую эпоху представления и понятия, облеченные в словесную форму, а также то, что лишь наметилось в период до разделения славянства и что получило развитие уже в языках отдельных групп славянства и в отдельных славянских языках. Язык оказывается наиболее прочной, содержательной и богатой исторической памятью славянства.

Ржавеет золото, и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти все готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.
(А. Ахматова)

Близость славянских языков — не просто наиболее яркий фактор, объединяющий всех славян. Она вместе с тем представляет собой отражение их длительного исторического единства, их совместных экономических достижений и поражений, их общих духовных исканий, их единой жизни. Славянские языки — важнейшее средство общения славянских народов. Они вместе с тем — их драгоценнейшая общая память. Потому что «память — единственное достояние человека, делающее его человеком» (Д. С. Лихачев).

Литература
(см. также литературу к разделам 1.1. и 1.2)

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.
Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953.
Шахматов А. А. Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916.
Этнолингвистический словарь славянских древностей: Проект словника. Предварительные материалы. М., 1984.
Попович М. В. Мировоззрение древних славян. Киев, 1985.
Мартынов В. В. Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры. Минск, 1963.
Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959.
Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.
Коломиец В. Т. Происхождение общеславянских названий рыб. Киев, 1983.
Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. М., 1974.
Трубачев О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
Иванов Вяч. Вс. История славянских и балканских названий металлов. М., 1983.
Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. М., 1969.
Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
Настольная книга атеиста. 9-е изд., М., 1987.
Атеистический словарь. 2-е изд. М., 1985.
Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań, 1946.
Lehr-Spławiński T. Rozprawy i szkice z dziejow kultury Słowian. Warszawa, 1954.
Czekanowski J. Wstęp do historii Słowian. 2-e wyd. Poznań, 1957.
Vaňa Z. Die Welt der alten Slawen. Praha, 1983.
Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Warszawa, 1965.
Saur V. Etymologie slovanských příbuzenských terminů. Praha, 1975.
Kopečný F. Základní všeslovanská slovní zasoba. Praha, 1981.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

3.1. ПРЕДПОСЫЛКИ

К очень давним временам относится возникновение у человечества различных мнемотехнических (способствующих запоминанию) и магических графических средств. Это были отдельные рисунки, иногда с попыткой передачи динамики, или серии рисунков, различного рода зарубки, обозначающие количество объектов или событий, отрезков времени, заменители таких зарубок или насечек в виде узлов или различного вида четок, магические изображения или фигуры. С возникновением классового общества и государства такого рода предписьменностей становится недостаточно. Возникает необходимость недвусмысленной фиксации законов и договоров, указов и завещаний. Возникает необходимость в настоящей письменности.

Кодификация религиозных установлений, составление различного рода священных книг относятся к этому же этапу и характерны не для всех религий. Это настоятельно требуется самой религией тогда, когда некоторые ее положения рассматриваются как данные божеством установки. Но до этого сплошь и рядом бытуют в различных формах рассказы о жизни божества, фиксация которых в письменном виде необязательна. Нечто подобное характерно, к примеру, для Древней Греции и Древнего Рима. По-видимому, и древнееврейские сказания и предания, вошедшие в состав древнейшей части Библии — Ветхого завета, длительное время передавались в устной традиции, прежде чем были зафиксированы на письме. Да и сами письменные тексты нередко подвергались заменам и преобразованиям, прежде чем они принимались в качестве фундаментальных и неизменных, т. е. кодифицировались. Такая кодификация происходит обычно уже в классовом обществе.

Когда религиозные установления уже кодифицированы, нередко при распространении данной религии миссионеры, стремясь дойти до верующих, используя их родной язык, создают и средство фиксации религиозных установлений

на этом языке — соответствующую письменность (хотя в некоторых религиях священные книги переводу не подлежат: коран у мусульман или библия долгое время у западных христиан-католиков не переводились на языки приобщаемых к религии народов). Восточная ветвь христианства осуществляла переводы библии на языки народов, которые предполагалось крестить или которые были уже подвергнуты крещению (в целом или по частям). При этом могли использоваться уже существовавшие письменности или же создаваться новые.

Если письменность создавалась миссионерами или привносилась иными путями, но ее появление еще не соответствовало уровню социального развития соответствующего общества, она могла не удержаться. Так было, например, с письменностью для народа коми, созданной Стефаном Пермским (ок. 1345—1396), миссионером русской православной церкви, который стал первым епископом Пермской епархии; при преемниках Стефана, не знавших местного языка, азбука была забыта, а потом пришлось создавать письменность коми вновь. Необходимость в письменности обусловливается прежде всего общим социальным развитием, а не только потребностями культа.

У древних славян, как уже говорилось, до их разделения не было государства, а общественную структуру древнеславянского социума можно охарактеризовать как первобытнообщинный строй, в поздний период — уже разлагающийся, включающий элементы рабства и феодальной организации. Однако лишь после разделения славян эти элементы приобретают значение господствующих и возникают ранние славянские или включающие славянский этнический компонент государственные образования, первоначально, видимо, имевшие характер военно-племенных союзов. Потребность в письменности на первых шагах удовлетворяется в таких государственных образованиях путем использования письменности либо неславянских участников государственных образований, либо соседних народов, обладающих длительной и признанной письменной традицией, в частности греческой и латинской. В условиях полиэтнических (включающих много этнических единиц) раннефеодальных государственных образований применение в письменности одного из языков данного образования или авторитетного языка соседей, носители которого имелись в составе государства, видимо, не вызывало затруднения. В канцелярии ханов Первой болгарской державы в VII—IX вв. использовался греческий язык и письмо. И в более поздний период мы сталкиваемся с аналогичными процессами. Так, например, до XIV в. полностью, а в определенной мере и позже в Польском государстве как язык государства, и особенно церкви, использовалась латынь. Западнорусский (старобелорусский) язык в XV—XVI вв. был государственным языком Великого княжества Литовского. Подобные явления нередки.

Использование иноязычных письменностей для составления текстов о славянах порождало проблему неславянской передачи славянских собственных (личных и географических) имен. Проблема эта решалась определенным образом в греческих и латинских письменных источниках. И. А. Бодуэн де Куртенэ в своей диссертации «О древнепольском языке до XIV столетия» (1870), анализируя польские слова в латинских источниках, написанных до появления собственно польских документов, сумел восстановить древнепольскую фонетику того периода и даже элементы морфологии имен. От использования средств греческого и латинского письма для передачи отдельных славянских слов в текстах на греческом и латинском языках один шаг до того, чтобы попытаться передать средствами греческого и латинского письма целые славянские тексты.

В одном из наиболее важных источников о происхождении славянской письменности — сочинении черноризца Храбра «О письменах» — сообщается, что древние славяне, пока были язычниками, «не имели письмен, но (читали) и гадали с помощью черт и резов», т. е. использовали мнемотехническую письменность. «Когда же крестились, то пытались записывать славянскую речь римскими и греческими письменами, без порядка (без устроения)». Автор сочинения, вполне естественно для своего времени связывавший происхождение славянской письменности с божественной волей, попытки передать славянскую речь греческими и латинскими (римскими) письменами объяснял крещением славян, которое хронологически следовало за возникновением тех или иных славянских государственных образований.

Древнейший дошедший до нас образец применения латинского алфавита к записи славянского текста — это

Фрейзингские отрывки, записанные на рубеже X и XI вв. Язык отрывков близок к старославянскому, но имеет и специфические отличия (так, носовые гласные передаются неносовыми, в частности вместо ǫ употребляется u и o, праславянское сочетание *tj отражается обычно как k, на месте *dj встречается g); считают, что в памятнике отражены черты словенского языка (см. 1.6.5). Иногда думают, что Фрейзингские листки записаны немцем под диктовку славянина, переводившего немецкий текст исповеди. В латинице Фрейзингских листков нет способа для последовательной передачи шипящих, *x* передается как ch или h. Вот для примера одна из строк памятника: I uzeh bosih mosenic; расшифровывают ее так: i v(ь)sěx(ъ) bož(ьj)ix(ъ) mǫčenik(ъ).

Последовательное применение латиницы к записи славянских текстов требовало выработки специальных четких средств передачи особенностей славянской звуковой системы. Для чешского языка это было сделано в 1406 г. в специальном трактате, приписываемом Яну Гусу (см. 1.5.4), для польского начато около 1440 г. в орфографическом трактате Якуба Паркошовица. Аналогичные разработки понадобились и для других славянских языков, принявших латинское письмо. Обычно выработке системы графики в таких случаях предшествует несколько десятилетий, а иногда и более длительный период практического применения латиницы. Древних памятников применения греческого письма для записи славянских текстов до нас не дошло.

В середине IX века была создана специальная славянская письменность.

3.2. КОНСТАНТИН (КИРИЛЛ) И МЕФОДИЙ

Создание славянской письменности с полным основанием приписывается братьям Константину Философу (в монашестве — Кирилл) (ок. 827—14.2.869) и Мефодию (ок. 815—6.4.885). Сведения о начале славянской письменности мы черпаем из ряда источников: славянских житий (биографий лиц, объявленных церковью святыми) Кирилла и Мефодия, нескольких похвальных слов и церковных служб в их честь, сочинения черноризца Храбра «О письменах», анонимного латинского сочинения «Обращение (в христианство) баварцев и карантанцев» (871), сообщений латинского автора Анастасия Библиотекаря (870-е гг.), латинского

сочинения (иногда приписываемого Гаудериху Веллетрийскому) «Житие (Константина) и перенос мощей св. Климента» (так называемая «Итальянская легенда»), нескольких посланий римских пап, в частности Адриана II, Иоанна VIII, Стефана V, житий и похвальных слов в честь учеников Константина и Мефодия — Климента Охридского, Наума и некоторых других письменных свидетельств. Как ни странно, не обнаружены сведения о деятельности Константина Философа и Мефодия в современных им византийских источниках, в том числе в большом количестве сочинений и писем патриарха Фотия.

Проблема возникновения славянской письменности привлекала внимание славян давно. До нас дошло около сотни списков (рукописных копий) сочинений черноризца Храбра, десятки списков текстов о Константине (Кирилле) и Мефодии. С началом научного славяноведения (см. 4) кирилло-мефодиевская проблематика была и остается в центре внимания славистов. Опубликован ряд библиографий, в которых перечислены сотни трудов, посвященных этой проблематике: Г. А. Ильинского (до 1934 г.), М. Г. Попруженко и Ст. Романского (1934—1940), И. Дуйчева, А. Кирмаговой, А. Пауновой (1940—1980), И. Е. Можаевой (1945—1974). Неоднократно издавались источники к проблеме возникновения славянской письменности. Лучшее русское издание сделано П. А. Лавровым (1930); недавно выпущены под названием «Сказания о начале славянской письменности» главные славянские источники в русском переводе с основательными комментариями Б. Н. Флори под редакцией В. Д. Королюка (1981). Жития Константина (ЖК) и Мефодия (ЖМ), а также сочинение черноризца Храбра (Хр) цитируются здесь по этому изданию. В НРБ начато издание трехтомной «Кирилло-мефодиевской энциклопедии» под редакцией акад. П. Динекова. Из советских изданий последнего времени выделяется содержательная книга С. Б. Бернштейна «Константин-Философ и Мефодий» (1984).

В 863 г. в Константинополь прибыло посольство от великоморавского князя Ростислава. Ростислав обратился к императору Византии Михаилу III (между 832 и 840—867): «Хоть люди наши язычество отвергли и держатся закона христианского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру... Так пошли нам, владыка, епископа и учителя такого»

(ЖК, гл. 14). Великоморавская держава (830—906) была крупным раннефеодальным государством западных славян, охватывавшим в пору своего расцвета территории Моравии, Словакии, Чехии (т. е. нынешней Чехословакии), а также Лужицы, Паннонии, частей нынешней Словении и Малопольши. Видимо, уже при первом великоморавском князе Моймире (правил 830—846) представители княжеского рода приняли христианство. При преемнике Моймира Ростиславе (846—870) Великоморавская держава вела усиленную борьбу с немецкой экспансией, орудием которой была церковь, немецкие епископы. Ростислав пытался противодействовать немецкой церкви, создав самостоятельную славянскую епископию, а потому и обратился в Византию, зная о том, что в Византии и по соседству с ней жили славяне.

Император Михаил III вместе со своим дядей Вардой, игравшим важную роль в византийской империи, и патриархом Фотием приняли решение отправить в Великую Моравию миссию во главе с Константином Философом и Мефодием. Братья родились в семье византийского чиновника друнгария Льва в г. Солуни (ныне Салоники, Греция). Их мать, Марию, некоторые ученые считают славянкой; в источниках это не находит подтверждения.

Константин рос способным мальчиком, учился охотно. В ЖК (гл. 3) сообщается, что «сидя в доме своем» он учил на память книги Григория Богослова (Назианзина) — византийского автора IV в., выдающегося поэта и ученого-теолога. После смерти отца в судьбе талантливого мальчика принял участие логофет (начальник) Феоктист, бывший вместе с императрицей Феодорой регентом при малолетнем Михаиле, провозглашенном императором в 842 г. Константина привезли в столицу. Здесь, в Константинополе, Константин «в 3 месяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же и Гомеру, и геометрии, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским учениям. И так изучил их все, как не изучил ни один из них» (ЖК, гл. 4). Обучался Константин в Магнаурском дворце вместе с императором Михаилом, будучи, видимо, своеобразным помощником учителей при малолетнем Михаиле. Таким образом, Константин был известен и Михаилу, и Фотию еще по школьным годам. После завершения обучения Константин получил должность хартофилакса (библиотекаря) крупнейшего константинопольского собора св. Софии, секретаря патриарха. Но эта деятельность не удовлетворяла Константина, и вскоре он ее оставил, скрывшись в одном из монастырей. Константина разыскали, и в 850—851 гг. он стал преподавать в той самой Магнаурской школе, заняв кафедру Фотия. В это время он получил прозвание Философа. По сообщению Жития Константина, он (видимо, около 855 г.) возглавил византийскую миссию к сарацинам (агарянам), выступив на религиозном диспуте с мусульманами в защиту христианского учения о троице.

Получивший хорошее домашнее образование, Мефодий был еще в молодости назначен воеводой в какую-то славянскую область Византии, что позволило ему «научиться всем славянским обычаям» (ЖМ, гл. 2). Спустя десять лет Мефодий оставляет административную деятельность и уходит в монастырь на Олимп. Возможно, это было связано с крупными переменами в императорском дворце: в 856 г. покровитель солунских братьев Феоктист был убит, Феодора заключена в монастырь, и фактическим властителем стал дядя императора Варда, провозгласивший Михаила «самодержцем». После возвращения от сарацин попадает в немилость и Константин, который ищет убежище у брата в монастыре Полихрон на Олимпе. Между тем в 860 г. в Константинополь прибыла миссия хазар, которые сказали: «Евреи побуждают нас принять их веру и обычаи, а с другой стороны, сарацины, предлагая мир и дары многие, принуждают нас принять свою веру... Вашего совета спрашиваем и просим от вас мужа книжного. Если переспорит евреев и сарацин, то примем вашу веру» (ЖК, гл. 8). Знавший с детства Константина император Михаил посоветовался с их общим учителем Фотием, который в 858 г. стал патриархом, и велел Константину возглавить миссию к хазарам. Было ли это снятие опалы или почетная ссылка, судить трудно. К хазарам Мефодий отправился вместе с братом. В одном из источников отмечено, что Константин «уговорил своего брата Мефодия идти с ним, потому что тот знал славянский язык» (Проложное житие Мефодия, гл. 3).

Хазарский каганат — союз тюркоязычных кочевых племен, раннефеодальное государственное образование в Нижнем Поволжье (где в IX в. находилась столица каганата Итиль), на востоке Северного Кавказа. В состав каганата

включался в определенное время Таманский полуостров и часть Крыма, где хазары граничили с византийцами. Знание Мефодием славянского языка могло иметь значение, поскольку славяне жили по соседству с хазарами; под 859 г. в «Повести временных лет» записано, что хазары брали дань с полян, северян и вятичей — восточнославянских племен. Под давлением вторгшихся в 735 г. в каганат арабов хазарский каган и его близкие приняли мусульманство, но около того же времени хазары Северного Дагестана приняли иудаизм. Вместе с тем на территории Хазарского каганата действовало семь христианских епархий во главе с митрополией. Хотя на рубеже VIII—IX вв. каган Обадия объявил государственной религией иудаизм, хазары продолжали поддерживать связи с христианской Византией.

По дороге к хазарам Константин и Мефодий остановились в Корсуни (так в славянских источниках называется Херсонес — город в черте нынешнего Севастополя и византийская провинция на юге Крыма). Здесь Константин, как сообщается в ЖК, «научился еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики, и воспринял от этого еще большее знание» (гл. 8). Обычно полагают, что Константин перевел на греческий язык какую-то еврейскую грамматику. Далее сообщается, что Константин познакомился с неким самаритянином, жившим в Корсуни, и тот «принес самаритянские книги, и показал ему», и Константин вскоре «начал читать эти книги без ошибок». Самаритяне — потомки ряда древнееврейских племен, смешавшиеся с арабами, несмотря на гонения со стороны иудеев, а в V—VI вв. — византийцев, сохранили специфическую религию, признающую только одну часть Библии (Пятикнижие Моисеево), которая и переписывалась самаритянскими письменами. Эти книги Константин мог научиться читать, тем более что с их переводами был прекрасно знаком.

Далее в Житии Константина сообщается: «Нашел же здесь евангелие и псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля бога» (ЖК, гл. 8). Это место в Житии вызвало немало споров. Невероятным домыслом является представление, что «русские письмена» — это какие-то письмена восточных славян: ничего

бесспорного о развитой системе письма (а именно в ней можно было бы различить гласные и согласные) у восточных славян в IX в. не известно. Кроме того, в середине IX в. восточные славяне безусловно еще были язычниками и не могли иметь на своем языке евангелие и псалтырь (показательно в этом отношении, что в перечне христианских народов, имеющих свои письмена, Константин на диспуте в Венеции не упомянул славян Причерноморья). Наиболее приемлемой является точка зрения о том, что речь шла о готских письменах; готская письменность была создана готским епископом Ульфилой в IV в., а в Крыму готы жили с III в. В связи с этим возникают трудности, как объяснить этническое определение письмен в Житии. Одно из возможных объяснений — читать тут «фрушькие», т. е. «фряжские, франкские», что, однако, небесспорно. Другое толкование, предложенное А. Вайаном и Р. Якобсоном, — видеть в слове перестановку согласных и читать «сурские», т. е. «сирийские», — требует дальнейшего культурно-исторического обоснования. Приходится констатировать, что проблема «русских письмен» остается еще открытой.

В Корсуни Константин, по сообщению Жития, сделал еще одно важное дело. Константину было известно, что в Херсонесе в 101 г. мученической смертью погиб третий римский епископ (папа) Климент, объявленный святым (блаженным). Его тело было привязано к «корабельным железам» — якорю и затоплено недалеко от берега. Возможно, что еще до отъезда к хазарам Константин принял решение найти останки св. Климента. ЖК рассказывает об обретении мощей святого в соответствии с житийной традицией как о чуде. И действительно, иначе трудно объяснить эту находку, сыгравшую значительную роль в дальнейших судьбах солунских братьев. Следует отметить, что обретение мощей св. Климента довольно подробно (подробнее, чем в ЖК) описано в Итальянской легенде (гл. 3), а также в дошедших до нас поздних (XVI—XVII вв.) копиях Слова на перенесение мощей преславного Климента, авторство которого приписывают самому Константину, считая славянский текст переводом греческого оригинала. Здесь указана и дата обретения мощей — 30 января 861 г.

В Житии Константина подробно рассказывается о споре Константина с иудеями, с хазарским каганом и его приближенными. В результате двести хазар крестились, сообщается в Житии, а двадцать византийских пленников были

отпущены с Константином. После остановки на обратном пути в Корсуни Константин и Мефодий вернулись в Царьград (Константинополь). Через некоторое время после этого и была направлена миссия во главе с Константином Философом в Моравию. Старший брат помогал Константину, который, видимо, был не очень здоровым человеком: «Тело мое утомлено, и я болен, — сказал Константин, — но пойду туда с радостью, если у них (моравских славян) есть буквы для их языка». Букв у мораван, как и у других славян, не было. Константину предстояло их создать. «Пошел же Философ и по старому обычаю стал на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему их Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил письмена, и начал писать слова Евангелия: *искони бѣ слово и слово бѣ оу Бога, и Богъ бѣ слово* («Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог») и прочее» (ЖК, гл. 14). Таким образом, Константин создал славянскую азбуку и приступил к переводу на славянский язык Евангелия.

По прибытии в Моравию братья были приняты «с великою честью» и получили от князя Ростислава учеников. «И отверзлись по пророческому слову уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычная» (ЖК, гл. 15, это переделанная цитата из библейской книги Исайи 35.5, 32.4). Подготовив учеников, Константин и Мефодий столкнулись, однако, с трудностью: поскольку ни один из них не был епископом, они не имели права рукополагать священников, а немецкие епископы в этом отказывали, так как отнюдь не были заинтересованы в развитии богослужения на славянском языке. За время пребывания братьев в Моравии был осуществлен перевод необходимого корпуса богослужебных книг, без которых не было возможности вести славянское богослужение. Пробыв в Моравии три или четыре года (источники по этому вопросу содержат разноречивые сведения), Константин и Мефодий отправились в Рим, чтобы получить поддержку в своей деятельности: добиться разрешения славяноязычной службы в церкви и посвящения своих учеников в священники. Впрочем, «Итальянская легенда» сообщает, что солунских братьев пригласил в Рим римский папа Николай I, прослышавший об их деятельности в Моравии и о том, что у них есть мощи св. Климента (гл. 8).

По дороге в Рим Константин и Мефодий познакомились с паннонским князем Коцелом, который «очень возлюбил славянские буквы, и научился им, и дал до пятидесяти

учеников, чтобы научились им» (ЖК, гл. 15). Таким образом славянское письмо, кроме Моравии, получило распространение в Паннонии, где жили предки современных словенцев.

Между тем активизировались противники славянской письменности, взявшие на вооружение утверждения трехязычников о том, что книжные слова, т. е. вероучение, могут осуществляться лишь на трех языках — латинском, греческом и древнееврейском (на этих языках была сделана надпись на кресте, на котором был распят Христос). Поскольку надписи эти сделал римский прокуратор Иудеи в 26—36 гг. Понтий Пилат, сторонников этой доктрины назвали пилатниками. Когда Константин прибыл в Венецию, «собрались против него латинские епископы, и попы, и черноризцы, как вороны на сокола, и воздвигли трехязычную ересь говоря: «Скажи нам, как ты теперь создал для славян письмена и учишь им, а их не обрел раньше никто другой, ни апостол, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин? Мы же знаем лишь три языка, на которых подобает бога с помощью письмен славить: еврейский, греческий и латинский». Отвечал же им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать (народам своего письма), или завистливым, как если бы не хотел дать? Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазцы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие». Далее в воспроизведенном в ЖК (гл. 16) кратком трактате Константина Философа, посвященном обоснованию правомерности славянского письма, приводится ряд библейских цитат, подтверждающих мысль автора. «Горе вам, — восклицает Константин, цитируя Евангелие (Мф 25.13), — книжники, фарисеи, лицемеры, что затворяете перед людьми царство небесное... Так вы, — цитирует он далее послание апостола Павла, — если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ибо будете, как говорящие на воздух... Ибо когда молюсь на (незнакомом) языке, то дух мой молится, а разум мой остается бесплодным. Так что же? Помолюсь духом, помолюсь и разумом...

А потому, братья, ревнуйте о том, чтобы пророчествовать (проповедовать), и не запрещайте говорить языками». Страстными своими словами Константин посрамил треязычников и подготовил благосклонный прием в Риме.

Однако пребывание славянских первоучителей в Венеции несколько затянулось. В это время обострились отношения между Римом и Византией. Папа Николай I отлучил византийского патриарха Фотия от церкви. Из Константинополя тоже дошли тревожные вести: император Михаил II был убит 23 сентября 867 г., патриархом вместо Фотия снова стал его заклятый враг Игнатий, из-за которого, возможно, Константин в 850 г. покинул пост патриаршего секретаря. Возвращение в Константинополь стало невозможным. В Риме в это время умирает папа Николай I, и 14 декабря 867 г. папский престол занял Адриан II. Константин и Мефодий с ближайшими учениками, достойными в будущем получить сан епископа («Итальянская легенда»), отправляются в Рим.

Источники сообщают о торжественном приеме солунских братьев в Риме. Это связано было с тем, что они несли с собой урну с мощами св. Климента. Адриан II, перед которым несли крест, вышел встречать Константина Философа. Папа, «приняв славянские книги, освятил их и положил их в церкви святой Марии» (ЖК, гл. 17), а также поручил двум епископам — треязычнику Формозе и Гаудериху — «посвятить учеников славянских». И тогда они «пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке», а затем и в других римских храмах. Константин спустя некоторое время стал тяжело болеть. Он «облекся в святой иноческий образ и, приняв свет к свету, дал себе имя: Кирилл. И в этом образе пробыл пятьдесят дней» (ЖК, гл. 18). Далее в тексте ЖК приводится поэтический текст прощальной молитвы Константина. К Мефодию Константин обратился, по свидетельству ЖМ, со следующими словами, перефразирующими одно высказывание Григория Богослова: «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Ты же очень возлюбил гору (Олимп, где находился монастырь Полихрон, и вообще отшельничество), но не смей ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?» (гл. 7). 14 февраля 869 г. Константин-Кирилл скончался в возрасте 42 лет. «Святейший апостолик (папа) указал, чтобы все греческие

и римские священники пришли на его похороны с псалмами и пением, со свечами и кадилами, и окажут ему погребальные почести как самому апостолику» («Итальянская легенда», гл. 10). Константин был похоронен в римской церкви св. Климента, с мощами которого, погребенными в этой церкви, он прибыл в «вечный город» за полтора года до смерти.

Смерть выдающегося просветителя славянства нанесла существенный урон делу распространения славянской письменности. Но Мефодий, быть может менее блестящий ученый и полиглот, был выдающейся личностью — прекрасным организатором, смелым, трудолюбивым, твердым в убеждениях человеком. По-видимому, Мефодий лучше брата владел славянским языком. Ему и предстояло продолжить начатое совместное дело. По просьбе паннонского князя Коцела папа в 869 г. направил к нему Мефодия, снабдив посланием к великоморавскому князю Ростиславу, нитранскому князю Святополку и Коцелу, в котором разрешил, «чтобы во время мессы сначала читали евангелие и апостол по-латыни, а потом по-славянски», а также чтобы Мефодий «учил вас, как вы просили, излагая на вашем языке книги и исполняя (на нем) все церковные обряды» (ЖМ, гл. 8). Адриан II, однако, не посвятил Мефодия в епископский сан, что вызвало трудности в связи с сопротивлением немецкого духовенства. Поэтому Коцел снова послал Мефодия к апостолику, и в конце 869 или в 870 г. он был возведен в епископский сан, получив должность архиепископа.

Мефодий и его ученики вели большую просветительную деятельность среди славян Паннонии. В сочинении «Обращение баварцев и карантанцев» анонимный автор сообщает, что Рихбальд, назначенный зальцбургским архиепископом в качестве архипресвитера Паннонии, успешно исправлял свою службу, «пока некий грек по имени Мефодий не изобрел славянские буквы и стал вытеснять латинский язык и учение римской церкви и почтенные латинские книги и при всем народе пренебрегал мессами, евангельскими чтениями и церковными службами тех, кто вел их по-латыни» (гл. 12). Между тем племянник Ростислава нитранский князь Святополк предал своего дядю и, став вассалом восточнофранкского королевства Людовика Немца (Немецкого), с помощью франкских войск занял его престол. Ростислава и Мефодия схватили и отправили в Баварию. Ростислав в конце 870 г. был ослеплен и отправлен в какой-то монас-

тырь, где и находился до самой смерти, а Мефодия баварские епископы осудили на пожизненное заточение в Эльвангенский монастырь в Швабии, обвинив его в незаконном присвоении церковной власти на подчиненных им территориях (хотя Мефодий утверждал, что, напротив, узурпировали власть баварские епископы). Видя в Святополке потенциального противника, старший сын франкского короля Карломан в 871 г. бросил его в тюрьму. Это вызвало сопротивление мораван во главе со Славомиром; Святополка пришлось освободить.

В 872 г. умер Адриан II, и на его место вступил Иоанн VIII. Мефодию удалось через какого-то монаха Лазаря передать около этого времени весточку о своем заточении папе. Тогда же Святополк, добившийся самостоятельности державы, обратился к Риму с просьбой о возвращении Мефодия в Моравию. В конце 872 — начале 873 г. Иоанн VIII обращается к зальцбургскому архиепископу Адальвину с призывом освободить Мефодия и вернуть его к исполнению архиепископских обязанностей. С аналогичным требованием обращается Иоанн VIII к Карломану: «Пусть сможет наш брат Мефодий... свободно отправлять свою епископскую миссию». Фрейзингскому епископу Анону папа пишет: «Твое бесстыдство и сверхдерзкость достигают не только облаков, но и самих небес... Со своим братом Мефодием, паннонским архиепископом, который выполняет среди язычников миссию апостольского престола, ты обращался скорее по-тирански, чем по канонам». В результате немецким церковникам пришлось выпустить Мефодия, и он вместе со своими учениками продолжил свою деятельность в качестве моравского архиепископа.

Деятельность Мефодия протекала отнюдь не гладко. Святополк, человек грубый и невежественный, был противником славянской литургии (богослужения), но и Иоанн VIII поддержал Мефодия в основном ради укрепления папского авторитета, а совсем не из-за того, что он был активным сторонником славянского языка. В 879 г. Иоанн VIII в послании Мефодию упрекает его: «Мы слышали, что ты поешь обедню на варварском (славянском) языке. В нашем послании... мы тебе указали, чтобы литургические таинства ты не осуществлял на этом языке, а на латинском или греческом... Проповедовать можешь или перед народом выступать, как говорится в псалме...» По доносу о том,

будто бы Мефодий допускает извращение основ христианского вероучения, в 880 г. Мефодий был вызван в Рим. Однако здесь он одержал победу. Иоанн VIII вынужден был в июне 880 г. написать Святополку, как пересказано в ЖМ: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и апостольское дело делает» (гл. 12). В этом послании говорилось: «Воистину одобряем славянские письмена, которые изобрел Константин Философ... Указываем, чтобы на этом языке произносились молитвы и раскрывалось дело нашего Господа Христа... Указываем, чтобы во всех церквах вашей страны... читали евангелие по-латыни, а потом пусть звучит славянский перевод для ушей народа, который не понимает латинских слов, как, кажется, и происходит в некоторых церквах. Если же тебе и твоим придворным хочется слушать службу на латинском языке, рекомендуем, пусть ведется служба по-латыни».

К счастью, трудолюбивому и твердому Мефодию удавалось не только вести борьбу с немецким духовенством, с государственной властью и с сомнениями римского папы, но и обучать новых учеников, переводить новые тексты на славянский язык, тем самым совершенствуя его, и создавать на нем новые произведения, в том числе, видимо, проповеди и сборник законов («Устав судный людям»). Деятельность Мефодия продолжалась до самой смерти. Он скончался на третий день вербницы, 6 апреля 885 г., и был похоронен при большом стечении народа в одной из моравских церквей; служба по покойнику была совершена по-латыни, по-гречески и по-славянски. Город, где был похоронен Мефодий, не назван в источниках. Предполагают, что это был Велеград, но высказываются и другие соображения. Главный памятник Мефодию, как и Константину, — не надгробный камень, не мощи его, а их дело: создание славянской письменности и первого литературно-письменного языка славян. Это дело имеет непреходящее значение.

Перед смертью Мефодия спросили, кто достоин быть его преемником. «Показал же им на одного из самых известных учеников своих, по имени Горазд, говоря: «Вот из вашей земли свободный муж, хорошо знает латинские книги, правоверен». Однако еще за несколько лет до смерти Мефодия, в 882 г., был отравлен энергичный папа Иоанн VIII, который, хотя и не всегда последовательно, признавал славянское богослужение и славянское письмо.

Преемники его Марин I (882—884) и Адриан III (884—885) славянскими вопросами не занимались. Вскоре после смерти Мефодия в августе-сентябре 885 г. папой стал Стефан V (885—891). Он был противником славянского богослужения. Еще до его интронизации в Рим прибыл злейший враг славянского богослужения нитранский епископ Вихинг с очередной кляузой на Мефодия, на то, что тот ведет церковную службу на славянском языке якобы вопреки запрету Иоанна VIII. Римский престол был, видимо, встревожен тем, что вновь избранный в 877 г. константинопольским патриархом Фотий устанавливал какие-то связи с Мефодием (по данным «Жития Мефодия», последний даже предпринял около 880 г. поездку на родину, что, однако, не вполне достоверно). Стефан V хотел также поддержки со стороны немецких королей (в частности, короля Каринтии Арнульфа) в междуусобной борьбе в Италии. Мог Стефан знать и о том, что Святополк не был сторонником славянского богослужения, а потому не станет его отстаивать. Основываясь на всем этом, Стефан V категорически запретил славянское богослужение. Папа не остановился при этом перед прямой ложью, утверждая в инструкции группе римских священников во главе с епископом Домиником, направленных к славянам для принятия мер: «Мессу и святые отправления, которые Мефодий дерзал совершать на славянском языке, хотя во времена моего предшественника, святого папы господина Иоанна обещал, что не будет более этого дерзать, апостольской властью полностью запрещаю. Если вдруг найдется кто, знающий хорошо язык славян, чтобы был способен после святого евангельского и апостольского чтения дать его изложение для духовной пользы тех, кто не понимает, то, конечно, похвали, разреши и подтверди» (статья 12). Иоанн VIII позволял читать евангелие в славянском переводе, признавая тем самым славянское письмо. Стефан V разрешает лишь пояснения по-славянски, но отрицает значимость славянского письма и клевещет на покойного Мефодия. Стефан V пишет в той же инструкции: «Наследнику, которого Мефодий дерзнул поставить наперекор решению всех святых отцов, нашей апостольской властью запретите отправление службы» (статья 14). Вместо славянина Горазда Стефан V назначает архиепископом ярого противника славянского богослужения Вихинга, одного из главных организаторов гонений на

Мефодия и его заточения в 873 г. В послании Святополку в конце 885 г. папа спешит подтвердить: «Пусть отселе никто не смеет дерзать совершать божественные отправления, святую мессу и таинства на славянском языке, как дерзнул этот Мефодий... Пусть извращения, которые высказывал из презрения к вселенской вере, падут на его (Мефодия) голову». Так расправились противники славянского просвещения с одним из первоапостолов славянства после его смерти.

Святополк приказал изгнать учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии. Горазд и Климент пытались увещевать развратного и грубого князя, но безуспешно. Вихинг продал евреям-работорговцам около двухсот молодых диаконов и священников, не пожелавших отказаться от славянского богослужения. По сообщению «Жития Климента Охридского», написанного по-гречески византийским епископом Болгарии Феофилактом значительно позже (около 1100 г.), византийский посол выкупил этих рабов на невольничьем рынке в Венеции. Горазд, видимо, был убит вскоре после объявления папского послания, возможно из-за боязни Святополка, что этот славянин сумеет переубедить папу римского, как это удавалось Мефодию.

Однако полностью ликвидировать славянское богослужение и письменность в Великой Моравии удалось не сразу. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что преемнику Стефана V папе Иоанну IX пришлось, продолжая политику своего предшественника, в конце IX в. отправить в качестве своих легатов в Моравию архиепископа Иоанна и двух епископов (что давало возможность на месте провозглашать епископов). Это, конечно, было важным шагом к полной латинизации моравской церкви. Дни Великоморавской державы были сочтены: в 906 г. она была подчинена венграми. Но в чешских землях славянская письменность продолжала существовать. В X в. здесь были созданы связанные со старославянской традицией жития святых Вацлава и Людмилы. Вплоть до 1097 г. в Сазавском монастыре богослужение проводилось на славянском языке.

Ученики Константина и Мефодия — Климент, Наум, Ангеларий — были изгнаны: наемные солдаты-франки вывели Климента, Наума и Ангелария за пределы моравской столицы, раздели и голыми тащили по земле, покалывая им мечами шеи, а затем бросили в поле. Изгнанники с трудом добрались до Дуная и на связанном ими плоте спустились

до Белграда, входившего тогда в состав Болгарского царства. Ангеларий вскоре скончался после тяжелых испытаний.

Климент и Наум были спутниками Константина и Мефодия в их моравской миссии. После смерти они были признаны святыми, и о них составлены жития. В Болгарском царстве изгнанники были приняты с почетом. Болгары к тому времени приняли крещение (864), но церковь не имела самостоятельности и находилась в зависимости от Византии и Константинопольской патриархии. Болгарский князь Борис I (царствовал в 852—889 гг.) безусловно знал о славянских азбуках и славянском богослужении, введенном Константином и Мефодием. Появление в его стране высокообразованных деятелей славянской церкви Борис использовал для подготовки будущих дьяконов и священников, которые бы знали славянский язык и славянское письмо. Климент был поселен недалеко от оз. Охрид (ныне Македония), откуда получил прозвание Охридский, и начал учительскую деятельность. Вместе с тем он продолжал переводческую работу своего учителя и организовал переписку славянских книг. В распространении славянской письменности у южных славян он сыграл выдающуюся роль. Им было подготовлено за несколько лет 3500 учеников.

После ухода Бориса I в монастырь в 889 г. престол занял его сын Владимир-Расате (889—893). Его внешнеполитическая деятельность включала продолжение союза с папским престолом, с франкским королем Арнульфом против Святополка и, видимо, в какой-то мере и против Византии. Борьба с византийским церковным влиянием в стране приняла у Владимира-Расате форму попытки возрождения язычества. Были подвергнуты гонениям церковные деятели, связанные большей частью с Византией, но языческая реакция не получила широкой поддержки. Борис в 893 г. вышел из монастыря, снова надел воинские одежды, сверг Владимира-Расате, который был ослеплен и брошен в тюрьму. Собранный в Преславе (Восточная Болгария) собор постановил объявить болгарским властителем третьего сына Бориса — Симеона (князь до 917 г., когда был объявлен царем, ум. в 927 г.), незадолго до этого освобожденного от монашеского обета, а также перенести столицу из языческой Плиски в Преслав. Борис (христианское имя — Михаил) снова вернулся в монастырь (где умер в 907 г.). Симеон назначил Климента епископом, первым

епископом, ведшим богослужение на славянском языке, который к тому времени был родным языком большинства населения Болгарской державы. Умер Климент Охридский в 916 г. Учительские дела после назначения Климента епископом взял на себя Наум (ум. в 910 г.).

В Преславе выдающуюся роль в развитии славянской письменности и литературы сыграл один из младших учеников Мефодия — Константин, прозванный Преславским. В 894 г. Константин был назначен епископом. Это был не только блестящий организатор, но и поэт, вероятно, первый славянский поэт. Константину принадлежит так называемая «Азбучная молитва», в которой немало ярких поэтических образов и наблюдается четкий ритм, характерный и для другого поэтического произведения старославянской литературы — Прогласа к Евангелию. Проглас некоторое время считали произведением Константина Философа, но в настоящее время большинство специалистов склоняются к авторству Константина Преславского. Константин Преславский сочинил также службу своему учителю Мефодию, перевел ряд не переведенных до него греческих текстов, в том числе исторического содержания, составил ряд сборников. Климент Охридский, Константин Преславский и пресвитер Наум — наиболее выдающиеся деятели так называемого «золотого века» славянской письменности при болгарском царе Симеоне.

В конце IX — начале X в. центр развития славянской письменности, литературной и переводческой деятельности, просвещения переместился из Великой Моравии в Болгарскую державу. Начатое в период двадцатилетней деятельности солунских братьев в Великой Моравии и Паннонии дело формирования первого славянского литературного языка, распространения славянской письменности в этот период приобрело благодаря покровительству светской власти и относительной независимости церкви очень широкий размах. Это было связано в определенной мере и с тем, что в составе Болгарской державы в течение не очень продолжительного времени оказались представители ряда южных славянских народов. Для них славянская письменность сохранила свое значение как фактор, объединяющий каждый из южнославянских народов и в последующий период, когда на юге Балкан вновь стала господствовать византийская церковь, и еще позже, когда Балканы попали под власть мусульманской Османской империи.

Значение деятельности Константина (Кирилла) и Мефодия состояло в создании славянской азбуки, разработке первого славянского литературно-письменного языка, выработке определенных принципов перевода на этот язык с развитого литературного (греческого) языка, формировании основ создания текстов на славянском литературно-письменном языке. В этом плане кирилло-мефодиевские традиции не только были важнейшим фундаментом в создании литературно-письменных языков южных славян, а также славян Великоморавской державы, но и оказали глубокое влияние на формирование литературно-письменного языка и текстов на нем в Древней Руси, а также его потомков — русского, украинского и белорусского языков. Поскольку имеются сведения о попытках введения славянского богослужения на территории Польши, можно говорить и о проникновении кирилло-мефодиевской традиции в польский язык. Опосредованно кирилло-мефодиевские традиции в области лексики отразились в серболужицком и даже в полабском языке. Таким образом, деятельность Константина (Кирилла) и Мефодия имела общеславянское значение.

3.3. АЗБУКИ

Деятельность Константина и Мефодия по разработке славянской письменности, осуществлению первых переводов на славянский язык, созданию на нем первых оригинальных текстов, т. е. по формированию первого литературного языка славян, протекала в 60—80-х гг. IX в. Древнейшие недатированные письменные памятники на славянском языке относятся ко второй половине X — первой половине XI в. Если и рассматривать особо латинописьменные Фрейзингские отрывки (см. 3.1.), то тем не менее надо констатировать, что дошедшие до нас древнейшие славянские письменные памятники выполнены двумя значительно различающимися азбуками — глаголицей и кириллицей (см. табл. 3).

Какая из славянских азбук была изобретена раньше, какую из них изобрел Константин-Кирилл, кто изобрел другую азбуку и когда — эти вопросы занимали славистов в течение всего XIX и двух первых третей XX в. До сих пор еще имеются на этот счет спорные моменты, нет абсолютно единодушных решений. Тем не менее можно считать, что

ряд положений, связанных с соотношением славянских азбук в древности, в настоящее время решен с довольно высокой степенью достоверности.

Во-первых, не вызывает возражений тезис о том, что Константин Философ изобрел славянскую азбуку. Это положение в источниках неоднократно повторяется: «и тогда сложил письмена» (ЖК, гл. 14), «и тот (Философ), быстро создав письмена» (ЖМ, гл. 5), «и создал (Константин) для них (славян) тридцать письмен и восемь» (Хр., гл. 3) и т. д.

Во-вторых, с высокой вероятностью можно утверждать, что до Константина у славян не было развитой системы письма. На это прямо указывается в Житии Константина (гл. 14). Когда Философ сказал, что готов пойти к моравским славянам для осуществления порученного ему дела (согласно Житию, моравский князь Ростислав просил послать такого учителя и епископа, «чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру»), «если у них есть буквы для их языка», в ответ «сказал цесарь ему: «Дед мой и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу обрести». В сочинении черноризца Храбра «О письменах» (гл. 1 и 2), написанном, видимо, в период «золотого века» славянской письменности в Болгарии кем-то из учеников Константина и Мефодия или учеником их учеников, сообщается, что в бытность язычниками славяне имели «черты и резы», т. е. мнемотехнические средства предписьменности (см. 3.1), а после крещения пользовались неустроенными, т. е. неприспособленными, средствами греческого и латинского письма. До нас не дошли славянские тексты докирилловского времени, записанные, а точнее затранскрибированные, таким способом. Если они и были, то это были не системы письма, а отдельные попытки применения чужого письма к славянской речи. Поэтому предположения ученых, наиболее ярко выраженные в трудах болгарского академика Э. Георгиева, о существовании у славян системы письма до Константина остаются недоказанными гипотезами. Неприемлемы и соображения тех ученых, которые видели в «руских письменах», упоминаемых в «Житии Константина» в связи с его пребыванием в Корсуни (Херсонесе), действительно «русские», т. е. восточнославянские письмена (см. 3.2).

В-третьих, достаточно обоснованны утверждения о том, что глаголица была изобретена до кириллицы. Об этом

свидетельствует ряд фактов. 1. Глаголическая буква для носового ę образована путем добавления к обычному начертанию *е* дополнительного знака (подобно тому, как обозначается носовое *е* и в современной транскрипции); то, что при этом буква «повернута» в обратную сторону, не вызывает трудностей, так как подобные написания известны в греческом и связаны с использовавшимся до VI в. поочередным письмом слева направо и справа налево (бустрофедон). Глаголическая буква для *о* носового образована путем присоединения к начертанию обычного *о* знака для *е* носового. Итак, начертания этих букв легко объяснимы логически. Начертания кириллических букв «юс малый» и «юс большой» для обозначения этих звуков так объяснить не удается. Но их легко объяснить как повернутые на 90° и стилизованные глаголические буквы для носовых: ⱔ>ѧ>ѧ и ⱐ>ѫ>ѫ. 2. Имеется ряд палимпсестов, т. е. рукописей, в которых устранен (выскоблен, смыт) имевшийся в них ранее текст, а на его место нанесен новый. Это происходило из-за дороговизны пергамена, изготовлявшегося из специально обработанной кожи. В славянских палимпсестах часто кириллический текст нанесен на место устраненного глаголического. Так, например, в хранящемся в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина в Москве Боянском Евангелии под кириллическим текстом XII—XIII вв. благодаря современным способам фотографирования удалось прочитать 26 страниц глаголического текста XI в. (о существовании их было известно еще в прошлом веке, но тогдашние технические возможности не позволяли прочитать стертый текст, как и сейчас не удалось прочитать пока 58 страниц старого текста). 3. В некоторых кириллических текстах отмечаются ошибки, связанные с тем, что тексты эти переписывались с глаголицы. Так, например, в Саввиной книге (л. 58) написано *ѣ дьни*, т. е. '5 дней' вместо '6 дней' (Лк. 13.14). Речь идет о количестве дней в неделю, в которые надо работать. Эта ошибка получилась из-за того, что переписчик списал букву *Е* из глаголического оригинала, но в глаголической системе цифрообозначений *Е* означало '6' (поскольку глаголическая нумерация учитывала все буквы подряд, в том числе и *Б*, отсутствующее в греческом и не входящее в кириллическую нумерацию), а в кириллической эта буква означает '5'. 4. В некоторых кириллических книгах XII—XIII вв., переписанных в Болгарии, например в Болонской псалтыри, встречаются глаголические вставки. В глаголических же рукописях отмечаются позднейшие кириллические приписки.

В-четвертых, не вызывает сомнений локализация (отнесение к местности) древнейших дошедших до нас письменных памятников. С одной стороны, древнейшие кирилличе-ские памятники (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Энинский апостол) отличаются некоторыми восточноболгарскими чертами; с другой стороны, по определению крупнейшего знатока глаголицы И. В. Ягича, оба древнейших памятника моравского (по языковым данным) происхождения (Киевские листки и Пражские отрывки) выполнены древнейшим «не вполне круглым» почерком глаголицы, а остальные древнейшие глаголические памятники (Мариинское, Зографское, Ассеманиево евангелия, Сборник Клоца, Синайская псалтырь и Синайский требник) переписаны в Македонии. Известно, что в «золотой век» славянской письменности при царе Симеоне сложилось два центра письменности и культуры: один вокруг Климента Охридского на Охриде и другой, возглавленный несколько позже Константином Преславским,— в Преславе. Можно предполагать, что глаголица культивировалась скорее в Охридской письменной школе, а кириллица — в Преславской. Этим не исключается знание и даже использование глаголицы в Преславе, о чем свидетельствуют надписи в Круглой церкви в Преславе, среди которых самая старая сохранившаяся глаголическая азбука, прерванная, впрочем, на 18-й букве. Глаголица получила распространение у хорватов-глаголяшей в Далмации, где она сохранялась долее всего.

В-пятых, названия славянских азбук позднейшие; в источниках речь идет о «славянском письме» без уточнения — глаголическом или кириллическом. Термин «глаголица» связан со словом *глаголъ* 'слово'; возможно, утвердился в науке под влиянием принятого у глаголяшей обозначения. Термин *коуриловица* в одном древнерусском памятнике (копии XV в. Толкований на библейские книги пророков, переписанные в 1047 г. попом Упырем Лихим) употреблен в контексте, допускающем его двоякое понимание: и как 'глаголица' и как 'кириллица'. Слово *кириллица* (и *куриловица*) производно от имени создателя славянской письменности Константина-Кирилла (именно под именем Кирилла он объявлен святым).

Исходя из этих бесспорных или достаточно надежных положений, возникновение славянской письменности может быть реконструировано следующим образом.

В докирилло-мефодиевский период славяне не обладали развитой системой письма. Как мнемотехническое средство использовались черты и резы; спорадически для передачи отдельных славянских слов (а может быть, и больших отрезков речи), возможно, использовалось греческое и латинское письмо без приспособления. Получив задание создать христианские книги для славян Моравии, Константин, вероятно еще до отъезда из Византии, создал глаголицу (возможно, ее первый вариант) и начал' переводческую деятельность. Именно глаголица (возможно, с некоторыми усовершенствованиями) была применена в Великой Моравии, Паннонии (а оттуда и в Далмации, у хорватов) и привезена Климентом Охридским в Болгарскую державу, где и стала развиваться в Охридской письменной школе. Болгарская церковь была сильно связана с византийской, греческой, а потому здесь была сделана попытка приблизить славянское письмо к греческому. Не исключено, что сделано это было Константином Преславским, сотворившим азбучную молитву, хотя это не доказано. Те буквы, которые имелись в греческом унциальном (торжественном) письме, были положены в основу новой славянской азбуки — кириллицы. Глаголица и кириллица какое-то время сосуществовали. Глаголицей чаще писали в западной части Болгарской державы, а кириллицей — в восточной. И. В. Ягич отметил преимущественное использование глаголицы для книг небольшого формата, а кириллицы — крупного, более торжественного. Замена глаголических книг кириллическими производилась, видимо, постепенно; глаголица не считалась еретическим письмом. Кое-где в глаголических книгах делались при их использовании кириллические пометы. Но все же постепенно глаголические тексты заменялись кириллическими, в Болгарии глаголическое письмо постепенно забывалось.

Иное дело — в Чехии и Далмации, где церковная ориентация была на Рим, а не на Константинополь; здесь распространение получила только глаголица. Кириллица получила распространение в Сербии, входившей в Симеоновский период в состав Болгарской державы. Она стала практически единственным славянским письмом на Руси, хотя некоторые грамотеи знали и глаголицу.

Кириллица стала основой преобразованного при Петре I русского алфавита — гражданки, а также ее видоизменений у разных народов, в частности у болгар, украинцев, белорусов. Вук Караджич, создавая сербское письмо, также воспользовался русской гражданкой, дополнив ее некоторыми знаками.

Глаголица сохранилась, как уже сказано, у хорватов. С X до середины XIII в. она была известна среди низшего духовенства, а высшее духовенство ее считало нелегальной. С середины XIII в. при папе Иннокентии IV были получены местные привилегии, и это привело в XIV—XV вв. к созданию многих прекрасно оформленных кодексов. В 1347 г. хорваты-глаголяши «переносят глаголическую письменность на север, в золотую Прагу, где они становятся на сторону народа и в известном смысле пробивают путь Яну Гусу и Иерониму Пражскому» (Й. Хамм). В 1483 г. глаголица была использована для напечатания хорватского миссала — первой печатной книги славянским шрифтом. В XVI в. глаголицу используют протестанты, начинает применять и римская конгрегация Пропаганды веры. Глаголические церковные книги печатались глаголяшами вплоть до 1905 г. Глаголица использовалась у них и для неконфессиональных целей: в приходо-расходных книгах, книгах учета крещений, венчаний и покойных, протоколах нотариусов и т. п. Одним из центров глаголизма был о. Крк.

Глаголица (а вслед за ней и кириллица) хорошо отвечала фонемному составу старославянского языка. Константину Философу удалось разобраться в фонемном составе древнеславянского языка и установить те буквы, которых не хватало в греческой письменности. Вместе с тем в глаголицу были включены соответствия греческим буквам, в том числе и такие, которые в принципе для славянского языка не были нужны: две буквы для *о*: греч. омикрон '*о* малое', т. е. краткое, и омега '*о* большое', т. е. долгое; две буквы для *I*: *I* и *И*, не считая еще и V 'ижицы', соответствующей греческому ипсилону, который обозначал губной передний звук типа ü, отсутствующий в славянском; две буквы для неславянского звука f: Ф 'ферт' и ѳ 'фита'. Включение этих букв говорит о том, что славянская азбука, по убеждению ее создателей, должна была вполне соответствовать греческой; возможно, что практической подоплекой такого решения было стремление вполне адекватно передавать греческие имена и заимствованные из греческого

слова. Как известно, проблема написания заимствований всегда была и остается одной из животрепещущих проблем любой письменности. Она была актуальна и для греческих заимствований в старославянском, тем более что многие из них имели религиозное значение. На этом основано решение включить полностью греческий алфавит или его соответствия в азбуку нового литературного языка, строившегося по образу и подобию греческого и для реализации тех задач, которые стояли и перед греческим языком, — пропаганды правой веры. Но зависимость состава славянских букв от греческого алфавита делает весьма вероятным и предположение о зависимости начертаний букв славянской азбуки от начертаний букв греческого алфавита.

В трактате «О письменах» четко дана мотивация создания славянской письменности: «Но как можно хорошо написать греческими буквами: *богъ* или *животъ*, или *сѣло*, или *црькы*, или *чаание*, или *широта*, или *ѣдь*, или *ждъ*, или *юность*, или *ꙗзыкъ* и иные подобные этим (слова)» (гл. 2). Вместе с тем в трактате подчеркнута связь славянского письма с греческим. Во-первых, славянская азбука начинается с буквы «аз», как и греческая — с «альфы». Это можно было бы понять как указание на тождественность начертания первой буквы обоих алфавитов, что справедливо, если бы речь шла о кириллице, буква *А* которой практически тождественна греческому унциалу того времени для «альфы». Однако далее указывается параллель первой буквы греческого алфавита «альфы» с первой буквой еврейского алфавита «алеф», которые по начертанию различаются. Значит, речь идет о тождестве звукового значения первых букв. Дается и артикуляторное объяснение, почему надо именно с буквы, обозначающей звук *а*, начинать алфавит: «...аз» было первой буквой, данной от бога роду славянскому, чтобы открыть для знания учащих уста, возглашается она широко раздвигая губы, а другие буквы возглашаются и произносятся с малым раздвиганием губ» (Хр., гл. 3). Во-вторых, из славянских письмен «24 подобны греческим письменам, а это — *А, В, Г, Д, Е, З, И, ѳ, І, К, Л, М, Н, ѯ, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, ѱ, ѡ*» (гл. 4; перечень букв дается по Саввинскому списку XV в.). Однако мотивация создания славянского письма спецификой славянской фонетики обусловливает и включение в славянский алфавит дополнительных букв: *Б, Ж, Ѕ, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ь, ѣ, Ю, ѫ, ѧ* (Хр., гл. 4, перечень букв по Саввинскому списку).

Перечень букв, подобный приведенному, содержится с некоторыми отклонениями в большинстве из 73 списков сказания «О письменах», превосходно опубликованных и исследованных болгарским профессором Куйо Куевым, и в нескольких списках, дополнительно обнаруженных Я. Л. Трембовольским. Но надо учесть, что все дошедшие до нас списки «О письменах» переписаны кириллицей, хотя в тексте речь идет скорее всего о глаголице. Поэтому перечни букв в списках представляют собой попытку передать глаголические буквы средствами кириллицы и приспособить фрагмент к кириллице. Так, в приводимом перечне названы буквы «кси» и «пси», отсутствовавшие в глаголице. В Московском списке XV в. в перечень букв, эквивалентных греческим, попали некие *пѣ, хлъ, тъ* наряду с *П, Х, Т* вместо имеющихся в приводимом перечне «фиты», «кси», «пси»; эти же «буквы» (на деле сочетания букв) фигурируют и в Соловецком списке XVII в. Значимость этого показания связана с тем, что именно в этих списках памятника (а также еще в Молдавском XVI в.) имеется фраза в гл. 9: «Ведь еще живы те, кто их (Константина Философа и Мефодия) видели», важная для датировки памятника. Поэтому именно этот перечень относят к старейшей редакции, хотя в нем и есть ряд погрешностей переписчика. Стоит отметить, что в ряде списков памятника глава 4 ограничивается фразой: «Это же — письмена славянские, и так их надлежит писать и выговаривать: *а, б, в...*» А перечни совпадающих и не совпадающих с греческими букв сокращены (видимо, во избежание недоразумений).

Один из самых спорных вопросов истории славянского письма — происхождение начертаний глаголицы. Генезис (происхождение) этих начертаний не может быть единым уже в силу специфики славянской фонематической системы: едва ли возможно просто перенести алфавит одного языка на другой, не изменяя в нем ничего и / или не добавляя к нему ничего. Кириллица, как уже отмечалось, включила в себя все буквы греческого алфавита, но к ним потребовались некоторые добавления. Бесспорно и то, что греческий алфавит был важным и для создателя глаголицы, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки именно на этот алфавит практически во всех древних сочинениях о славянской письменности, да и вся идеология Константина.

Однако, если в кириллице греческие начертания совпадающих с греческим букв сомнений не вызывают, то в глаголице дело обстоит не так очевидно. И все же некоторые начертания глаголицы явно являются греческими по происхождению. Это прежде всего буквы ω 'от', Ф 'ферт', ѳ 'фита', *Э* 'есть'. Буква *Г* 'глаголь' напоминает курсивную, скорописную «гамму» (ср. современное начертание строчной «гаммы»), стилизованную под другие начертания, что дает основание предположить, что и ряд других букв глаголицы представляют собой стилизованные под устав (торжественное письмо, унциал) буквы греческого курсива. Это было показано с различной убедительностью для разных букв английским исследователем прошлого века Айсеком Тэйлором. Более убедительными представляются предложенные Тэйлором объяснения для *Б* (из «беты»), *Д, Н, П,* возможно *А*, а также уже упомянутых Ф, ѳ, *Э*, ω, *Г*. Тейлор пытался таким способом объяснить все буквы глаголицы, включая и не совпадающие с греческой азбукой. Это едва ли реально. Некоторые добавления к сопоставлениям Тэйлора сделали другие ученые, но нельзя сказать, чтобы удалось бесспорно объяснить все глаголические буквы, соответствующие греческим, из греческого курсива.

В глаголице есть буквы, объяснить начертание которых гораздо проще из еврейского, чем из греческого алфавита, хотя и в этом случае имеется определенная стилизация начертаний. Это буквы *Ш, Ц* и *К*, а возможно и *Ч*.

Греческое письмо, особенно курсивное, широко использовало соединение двух знаков для обозначения одного звука. Такой характер имеет в славянском письме обозначение двух гласных заднего ряда верхнего подъема: несколько начертаний для *у*—*ЪІ, ЪИ, Ы, ЬИ* (типологически одинаково в глаголице и в кириллице, хотя начертания отдельных знаков различны); написание *и* через двойное *О* в глаголице и через *ОУ* (как в греческом) в кириллице. Соединение двух знаков для обозначения одного звука в греческом письме доходило иногда до образования лигатуры (слитного начертания). Весьма вероятно, что славянское начертание *Щ* и в глаголице и в кириллице представляет собой лигатуры (*Ш* + *Ч* и *Ш* + *Т*). В кириллице из соединения *І* и начальной части обозначения *и* — *ОУ* образован знак *Ю*; подобный характер имеют и знаки для йотированного *А, Е,* юсов: *І* + *А* = Ꙗ. Глаголическое начертание носовых гласных тоже, весьма вероятно, имеет

характер лигатуры, во всяком случае ⱁ. Но и дополнительный кружочек у юса малого в добавление к *Е* может толковаться как остаток глаголического *Н*, слившегося с *Е*; впрочем, аналогичен и дополнительный кружочек в Ъ по сравнению с *Ь*, но и в этом случае можно говорить об остатке знака *О* или об использовании в начертании самого принципа лигатурности.

Относительно некоторых начертаний глаголицы представляется вероятным предположить их «искусственный», собственно изобретенный характер. Наиболее вероятно такое предположение для начертаний букв *І* и *С*. Эти буквы — первая и последняя (если не считать конечного добавочного славянского Ъ, отсутствующего в конце греческого слова) в имени земного воплощения божества *І(соу)с(ъ)*, использовавшиеся в сокращенном написании этого имени «под титлом» (а следует сказать, что написаниям под титлом приписывалось особое значение): І͡С. В глаголице они передаются сочетанием двух первичных элементов: кружка́, означающего в христианской символике всевидящее око божества, и треугольника — символа троичности божества (троицы: бог-отец, бог-сын и бог — дух святой), причем эти элементы в буквах находятся как бы в зеркально отраженном сочетании (*С* — это как бы перевернутое *І*). Если это так, то становится вероятным и толкование первой буквы алфавита *А* как видоизмененного креста (хотя, как отмечалось, нельзя полностью отвергнуть и объяснение этого глаголического начертания из греческой курсивной альфы). Естественно было, приступая к написанию или изучению азбуки, начать с креста. Так, по крайней мере, поступали и позже, начиная писать важный документ (крестом начинается грамота русского князя Мстислава Владимировича около 1130 г.). Нельзя исключать искусственности начертания и некоторых других знаков, например *Ь*. Разяще похожи соседние в азбуке начертания букв *Л* и *М* в древнейшем глаголическом памятнике — Киевских листках.

О происхождении начертаний букв глаголицы имеется обширная литература, в которой нет единства. Одни пытаются полностью объяснить все начертания исходя из одного принципа, причем принципы у разных авторов различные, другие пытаются привлечь различные принципы, что представляется более вероятным (хотя и не может считаться доказанным).

Начертания букв кириллицы, совпадающих с греческим алфавитом, полностью отражают унциальные (уставные) начертания греческого письма VIII—IX вв. Отдельные буквы, как отмечено, представляют собой соединения и лигатуры. Некоторые буквы взяты из глаголицы (*Ш*), причем претерпели определенные изменения (*Ѫ, Ѧ, Ц, Ч, Ж*). Не исключено, что к таковым относятся и *Ъ, Ь* (со снятием верхнего кружка). Под этот же тип начертаний подведено *ѣ*. Буква *Б* представляет собой явное видоизменение *В* (с устранением части верхнего кружка). В кириллицу в соответствии с греческим алфавитом включены буквы *ξ* и *Ψ* для передачи звукосочетаний *ks* и *ps*, хотя в славянском такие сочетания стали возможны практически лишь после падения редуцированных (превращения *Ъ* и *Ь* в слабой позиции в нуль) и были не очень характерными.

Кроме приведенных знаков для носовых гласных, в глаголице имелось еще два начертания. Одно из них, для *ę*, слева от обычного знака имело еще знак *Э* (ср. знак для *о*); другое, вероятно для передачи j*ǫ*, слева от обычного обозначения *е* имело знак, который некоторые филологи (В. Ткадльчик) вообще считают древнейшим начертанием *ǫ*.

В глаголице имеется специальная буква «гервь», которую рассматривают как знак для передачи мягкого *g*. Такой буквы в кириллице нет; в кирилловской транскрипции используют для нее знак *ћ*. Действительно, в старославянских рукописях эта буква употреблялась именно в указанном значении. Однако нельзя исключить, что это был специальный знак для рефлекса сочетания *dj, который в различных южнославянских говорах звучал по-разному (в том числе, в македонских как *ǵ*; см. табл. 7). Тогда, быть может, станет понятней, что глаголическая буква для *Щ* представляет собой не лигатуру *Ш* и *Т*, как в кириллице, что вытекает из болгарского (восточноболгарского) рефлекса *tj — *шт*, в то время как в словенском здесь выступает *č*, в чешском *с* и т. д. Глаголическое *Щ* — скорее лигатура *Ш* и *Ч*. Есть и еще некоторые спорные моменты в вопросе о древнейшем составе глаголицы, а также о древнейших начертаниях глаголических букв и о вариантах некоторых букв (в частности, *Х*, вопрос о *пѣ, хлъ*).

Буквы глаголицы и кириллицы, как и греческие буквы, использовались не только для передачи звуков (фонем), но и как цифры. Буквам по порядку приписывалось значение 1, 2, 3 и так до 10, затем 20, 30 до 100, затем 200, 300 и т. д.

Если надо было обозначить число, например 26, употребляли знак десятков, а потом знак единиц и т. п. Чтобы отличить цифровое употребление от собственно буквенного, до и после цифры ставили точки, а над буквой ставился знак титла (черточка с завернутыми краями). Для обозначения чисел второго десятка в соответствии с принятым у славян словесным обозначением (*шесть на десѧти*), «цифра» единиц ставилась перед обозначением десятки. В кириллице перед обозначением тысяч ставился специальный значок (часто это были две черточки, перечеркнутые кривой чертой). В глаголице для обозначения 1000 использовалась буква *Ч*, в связи с чем предполагают, что для тысяч вообще были буквенные обозначения (например, по предположению Н. С. Трубецкого, 2000 обозначалось *Ш*, 3000 — *Ь* и т. д.). Кириллица перенесла цифровое значение из греческого письма, поэтому негреческая (собственно-кириллическая) буква *Б* не обладала цифровым значением и обозначение цифр делалось с отступлением от принятого порядка букв в азбуке. В глаголице же использован греческий принцип, но цифровое значение приписано глаголическим буквам по порядку. Поэтому буква *Б* здесь имеет значение '2', а *В*, обозначающее в кириллице, как и у греков, '2', в глаголице обозначает '3'.

Цифровые обозначения, несколько сохранившихся абецедариев (азбук), а также дошедший до нас азбучный акростих (стихотворение, первые буквы строк которого выстраиваются в определенном порядке, образуя, например, слово; в данном случае они выстроены в азбучном порядке) позволяют с большой вероятностью восстановить принятый в древности азбучный порядок, хотя в конце азбуки и в некоторых местах в середине ее есть не вполне четкие места. Буквы имели издревле свои названия, как и греческие (*альфа, бета / вита, гамма, дельта* и т. д.): *аз, буки, веди, глаголь* и т. д. Эти названия, как убедительно показал болгарский исследователь славянских азбук Э. Георгиев, представляют собой первые слова какого-то не дошедшего до нас азбучного акростиха.

Древнее славянское письмо не имело четкой системы знаков препинания. Слова друг от друга в рукописях не отделялись. В случае необходимости обозначить паузу ставилась обычно точка. В конце сообщения или какого-то относительно законченного его фрагмента могла стоять комбинация из точек (:, ::), комбинация из точек с чертой,

имеющей нередко какие-то закругления. Новое сообщение (глава, стих) могло начинаться с крупной заглавной буквы, нередко специально разрисованной (инициал).

Сакральные (относящиеся к религиозному культу) слова выделялись тем, что их обозначали сокращенно (обычно, в сокращение входила первая и последняя буква, иногда и промежуточные); над такими сокращениями обязательно ставилось титло (как и над цифрами).

Разумеется, в разных письменных школах, в разное время начертания букв менялись, иногда такие изменения были очень значительными. Главными вариантами начертания при этом оставалось торжественное уставное письмо (унциал) и скорописное письмо, допускавшее довольно много упрощений в написаниях букв (курсив). От древнейшего времени до нас дошли надписи и рукописи, выполненные уставом. Видимо, славянский курсив стал использоваться позже. Показательно в этом отношении, что древнейшие частные письма славян — новгородские грамоты на бересте — выполнены буквами уставного типа, хотя с некоторыми особенностями, связанными с техникой исполнения (процарапывание на березовой коре).

3.4. ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ

3.4.1. Надписи

Среди древних памятников славянской письменности следует назвать сделанные с использованием различных техник (вырезывание, выдалбливание, процарапывание и т. п.) надписи на твердых материалах — камне, глине, дереве. По указанию князей и крупных чиновников делались надписи в честь каких-то знаменательных событий. Отмечались создание храмов, колоколов и щедрость тех, кто вкладывал деньги в их создание. Делались надгробные надписи. На стенах выцарапывались надписи разного содержания (граффити): о данном обете, о каких-то событиях, имена лиц, которых предполагается помянуть, и т. д. На предметах делались надписи о тех, кому такой предмет принадлежит или кому он предназначается. На иконах в раскрытых книгах приводили библейские цитаты, а возле изображений лиц (не только святых) указывались имена изображаемых. Нумизматика занимается надписями на монетах, а сфрагистика изучает надписи на печатях. Общая

отрасль науки о надписях — э п и г р а ф и к а (этим же словом обозначают иногда совокупность надписей). Вероятно, из-за устойчивости материала древнейшие дошедшие до нас памятники славянской письменности — это надписи.

Глаголических надписей древнейшего периода сохранилось немного. Наиболее значительная из древних глаголических надписей в Болгарии — начало глаголического абецедария (азбуки), прочерченного на сухой штукатурке Круглой церкви в Преславе, относимого обычно к X в. Другие глаголические надписи в Болгарии — это отдельные слова или даже буквы. Ряд глаголических надписей был сделан в связи с распространением глаголицы у хорватов. Б. Фучич, собравший и опубликовавший сохранившиеся надписи, отмечает три глаголические надписи XI в. К рубежу XI—XII вв. относится Башчанская плита. На ней аббат монастыря Држиха сообщает о даре хорватского короля Звонимира и о начале строительства церкви св. Люции. Ряд глаголических памятников в Хорватии относится к последующим векам.

Кириллические надписи представлены гораздо богаче. Насчитывают пять датированных и три десятка недатированных кириллических надписей на территории Болгарской державы (С. Ваклинов), причем все время появляются новые находки, увеличивающие это число. Долгое время старейшей славянской надписью считалась надпись болгарского царя Самуила, сделанная им в 993 г. на камне, воздвигнутом в память его покойных близких. Эта надпись, воспроизводившаяся во многих учебниках старославянского языка, была найдена в 1888 г. в с. Герман у Преспанского озера в Греции и хранится в Софии. В 1950 г. неподалеку от с. Мирча Вода (Румыния) была найдена Добруджанская надпись 943 г. В этой короткой надписи четыре строки по десятку букв, причем две нижние строки и некоторые буквы первых прочитываются с трудом или вообще не прочитываются. В первой строке просматривается слово, которое читают обычно *гьрьчѣхъ* ‘греках’ (В. Ф. Мареш). Во второй строке четко прочитывается: *лѣто* S͡YNA ‘год 6451’ (т. е. по византийскому константинопольскому летоисчислению от сотворения мира 6451 отнять 5508, получится 943 от рождества Христова, т. е. от нашей эры).

Другая древняя надпись сделана на надгробии чергубиля (должностного лица) Мостича. Она была открыта болгарским ученым С. Станчевым в 1952 г. в местности Селище у старого Преслава; в надписи говорится, что Мостич работал при царях Симеоне и Петре (927—969), что и позволяет датировать ее 60-ми гг. X в., скорее всего не позже 972 г., когда город был оккупирован византийцами; правда, иногда надгробия ставили спустя годы, в этом случае все же надпись сделана не позже 1034 г. (И. Гошев).

В 1977 г. К. Константинов опубликовал сообщение о надписи в скальной церкви с. Крепча (в 50 км на юг от Русе). В надписи говорится о том, что в октябре 6430 г. (—5508=922) умер раб божий Антон. Это — пока древнейшая славянская датированная надпись, которую рассматривают как свидетельство в пользу наличия развитой кириллицы в период появления памятника в Восточной Болгарии (в 70 км. от Преслава). Ряд граффити обнаружен в Преславской Круглой церкви (изданы А. Медынцевой и К. Попконстантиновым) и в других местах.

Отметим Битольскую надпись царя Ивана-Владислава 1015/16 г., найденную в 1956 г. в г. Битоле (Македония), где плита с надписью долгое время служила внешним порогом мечети. В надписи «Иван, самодержец болгарский» сообщает, что сооружаемую им крепость (град) он делает для убежища и спасения жизни болгар. Именно с этого памятника письменности начинается последовательное использование этнонима (названия народа) «болгарин», «болгары» для обозначения славяноязычного народа. На территории нынешней Сербии, относившейся одно время к Болгарской державе, была открыта Темничская надпись, которую ее публикатор Л. Стоянович отнес к X—XI вв.

Ряд надписей был найден на территории Древней Руси, Б. А. Рыбаков опубликовал в 1964 г. свод датированных древнерусских надписей. Раньше (в 1952 г.) была издана библиография русских надписей акад. А. С. Орлова. Некоторые надписи были, естественно, обнаружены и опубликованы после этого в различных изданиях. Возможно, древнейшей древнерусской надписью следует считать надпись на корчаге (сосуде амфоровидной формы) из погребения воина в кургане у Гнездова под Смоленском. Курган археологи относят к первой четверти X в. Надпись состоит из одного слова, которое прочитывают как *горушна* или *горухша*. Это можно понять и как имя собственное, и как «горчица», и еще как-то иначе.

К 1052 и 1054 гг. относятся датированные граффити в киевском Софийском соборе. Вторая из них рассматривается как запись о кончине Ярослава Мудрого (С. А. Высоцкий, Б. А. Рыбаков). Издатель граффити киевского Софийского собора С. А. Высоцкий приводит и граффити, которые он (с некоторым сомнением) датирует 1042 и 1046 гг. Всего в два выпуска издания и описания граффити киевского Софийского собора (1966, 1976) С. А. Высоцкий включил 292 надписи. Открыты граффити и в других старинных храмах, например в новгородской Софии. В Софийском соборе в Полоцке на граффити XI в. перечислено несколько имен: *Давыдъ, Микоула* и др.

Несколько камней с надписями XII в. обнаружено в Белоруссии. Это шесть так называемых Борисовых камней, четыре из которых были обнаружены на Западной Двине ниже Полоцка и два к югу от Полоцка, на южных границах Полоцкой земли. Б. А. Рыбаков датирует их 1128 г. — по времени княжения полоцкого князя Рогволода (в крещении Бориса). Содержание их похоже. На первом Борисовом камне, сохранившемся и перевезенном в Полоцк (Верхний замок у Софийского собора), написано: *Г(оспод)и помози рабю своему Борису* и начертан крест. У д. Дятловки возле Друцка, в Воложинском районе, находился Рогволодов камень с датой 7 мая 1171 г. И снова камень призывал бога помочь Рогволоду, в крещении Василию, сыну Борисову.

Ряд надписей был сделан на различных вещах: на бочках и на небольших сосудах, на деревянных колодках для обуви и даже на бревнах из сруба. На найденном в Витебске пряслице XI—XII вв. написано, например: *бабино прѧслне*. Известен крест, пожертвованный княжной Ефросиньей Георгиевной Полоцкой в 1161 г. Спасскому монастырю в Полоцке. Кроме надписи об этом даре, на кресте мелко сделана надпись полоцкого ювелира Лазаря Богши, изготовившего крест по специальному заказу Ефросиньи. Крест хранился в Могилевском музее и во время Великой Отечественной войны вывезен немецко-фашистскими захватчиками, теперь о его местонахождении ничего не известно.

Интересно отметить азбуку на можжевеловой дощечке, размером 7×18×1 см, вверху треугольной. Буквы кирил-

лицы были вырезаны на дощечке в XIII в., в первой строке одна буква, во второй — три, а в остальных шести — по пять-семь букв. Расположены буквы в таком порядке: *А Б В Г Д Е Ж S З И І К Л М Н О П Р С Т У Ѳ Х ѡ Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь ѕ Ю Ѧ ѧ*. Азбука служила, видимо, учебным пособием, найдена была в 1954 г. при археологических раскопках Новгорода.

3.4.2. Рукописи

Можно говорить, видимо, о двух основных типах древнеславянских рукописных памятников: о грамотах и о книгах. Грамоты представляют собой различного рода письма, а также юридические документы: договоры, дарственные записи, купчие, завещания и т. п. Книги по содержанию следует разделить на несколько групп, прежде всего на религиозные и светские, хотя применительно к древности их разделение не всегда может быть проведено четко. В одном и том же сборнике могут содержаться и памятники светского и памятники религиозного содержания, да и само отнесение текста к тому или иному типу подчас затруднительно.

К богослужебным относятся книги, которые читаются в храмах во время богослужений или содержат указания о порядке совершения церковных служб, таинств (крещения, брака, причащения и др.), других треб (молитв и священнодействий). Во время служб читаются библейские книги, прежде всего входящие в Новый завет (та часть Библии, которая принимается только христианством). Важнейшая для христиан часть Библии — Евангелие, т. е. четыре текста Евангелий (букв. 'благая весть'), в которых содержится изложение жизни и учения Христа; эти четыре канонизированных (узаконенных церковью) Евангелия приписываются четырем евангелистам: Матфею, Марку, Луке и Иоанну. Каждое Евангелие состоит из нескольких глав (от 16 до 28), делящихся в свою очередь на «стихи». При цитатах из Евангелия (а они часты при анализе древнего славянского языка) называют сокращенно имя евангелиста и указывают главу и стих. Собрание четырех Евангелий называется Четвероевангелие (или тетр). Кроме того, для нужд священников основная часть Евангелия может быть расположена в том порядке, в каком текст используется в церковных службах; такая книга называется

Евангелие-а́пракос (или недельное, праздничное Евангелие). Вторая часть Нового завета — история учеников Христа («Деяния апостолов») и послания апостолов, в которых разъяснялось христианское вероучение. Объединение деяний и посланий апостолов известно под названием Апостол; иногда в нем чтения располагались тоже в соответствии с порядком их использования. В Новый завет входит еще Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис).

Константин Философ и Мефодий начали свою переводческую деятельность с Евангелия-апракоса, которое было затем дополнено до тетра. В кирилло-мефодиевский период был переведен и Апостол (возможно, сначала в кратком недельном варианте). Новый завет создавался на греческом языке, и древнеславянские переводы новозаветных книг делались с греческого. Некоторые достаточно древние книги типа новозаветных не были узаконены церковью. Но на славянский язык были переведены и отдельные из этих, апокрифических (непризнанных, запрещенных) книг, например Евангелие от Фомы (долго сохранявшееся именно в славянском переводе, поскольку церковь, видимо, не берегла, а, скорее, уничтожала подобные книги). С XIV—XV вв., а возможно и раньше, библейские тексты на чешский и польский языки переводились с латыни.

Из Ветхого завета (древнееврейская часть Библии, принимаемая также иудейской религией и включающая несколько десятков очень разнообразных книг) на славянский язык прежде всего была переведена Псалтырь — книга псалмов (молитв и религиозных песнопений, приписываемых иудейскому царю Давиду), а затем Паримейник (собрание паримий — ветхозаветных изречений, зачитываемых на церковных службах) и Палея (компиляция, сокращенное изложение Ветхого завета). Первично переводы Ветхого завета делались с греческого языка; позже на Руси были осуществлены переводы книг Ветхого завета и с древнееврейского.

Кроме библейских книг, к богослужебным относятся сборники, содержащие молитвы на те или иные случаи, сборники проповедей, слов, в которых разъяснялись и прославлялись те или иные религиозные события, житий, в которых обычно панегирически (в духе восславления) излагались биографии канонизированных (узаконенных церковью) святых, а также тексты церковных служб. Эти

тексты большей частью также переводились на старославянский язык с греческого. Правда, как следует из дошедших до нас рассказов о деятельности Константина Философа и Мефодия, некоторые тексты могли переводиться и с латыни (образцом такого перевода явилась месса в Киевских листках). Отдельные молитвы переводились, возможно, с древневерхненемецкого, что связано с деятельностью баварского церковного центра. Таков характер текстов в Фрейзингских листках, а возможно, и одного или двух текстов в Синайском требнике. Некоторые тексты создавались, возможно, по-славянски, как, например, проповедь, включенная в Сборник Клоца, которую приписывают Мефодию. Но не исключено, что Мефодий первоначально создал греческий текст. Бесспорно, однако, что постепенно развитие получало и создание оригинальных славянских текстов (в Болгарии — Климент Охридский, Константин Преславский, на Руси — Кирилл Туровский и др.).

К богослужебным книгам относились весьма бережно: без них невозможно было вести всю религиозную жизнь, которая в средние века занимала существеннейшее место в общественной жизни. Эти книги считались священными, чем объясняется не только стремление к их сохранности вообще, но и желание сохранить в неизменности их тексты. Тексты этих книг, как правило, архаичны; у нас нет оснований думать, что дошедшие до нас письменные памятники X—XI вв. имеют принципиальные отличия от их более ранних прототипов, созданных в IX в. А дошли до нас от X—XI вв. старославянские памятники именно богослужебного характера, представляющие названные их разновидности. Лучше всего дошли евангельские тексты: это четыре старославянских кодекса (рукописные книги) X—XI вв., в том числе два апракоса (Ассеманиево евангелие, Саввина книга; к ним примыкает имеющее древнерусские черты Остромирово евангелие 1056 г., являющееся древнейшей славянской датированной книгой), два тетра (Мариинское и Зографское евангелия); Апостол (Энинский апостол, сохранилась часть), Псалтырь (Синайская и Слуцкая псалтыри), сборник молитв (Синайский требник), минеи — сборники житий, поучений, слов, расположенных в порядке дней чтения в каждом месяце (Супрасльский, или Ретков, сборник — большая мартовская минея; Сборник Клоца — поучения на пасхальной неделе; к ним примыкают минеи 1096/97 г. на сентябрь — ноябрь), литургические

тексты, т. е. тексты церковных служб (Киевские листки — месса (обедня) по западному образцу, Синайские и Пражские отрывки).

Светские книги большей частью представляли собой сборники различных сочинений. В определенной мере это связано с размерами средневековых произведений письменности: они были, как правило, невелики по объему. Книги были дороги, и заказчик хотел получить собрание различных текстов. Оно могло быть либо тематическим (в том числе иногда, хотя и редко, авторским), либо самым разнообразным по содержанию. Самый старый дошедший до нас сборник смешанного — религиозного и светского — содержания, имеющий дату,— это Изборник Святослава 1073 г., переписанный с более древнего сборника, возможно переведенного или составленного для болгарского царя Симеона. Этот сборник состоял из различных сочинений отцов церкви, поучительного характера. Приведем несколько строк из оглавления Изборника. Общее заглавие в начале гласит: Сборник из многих отцов. Толкования о непонятных словах в Евангелии и Апостоле, и иных книгах, вкратце изложенные на память и на готовый ответ. Из заглавий глав: Как вселилось слово и во что; Что есть маммонна неправедный; Златоустого. Из того, которое «О землетрясении»; Какова была величина Соломонова храма; Кто есть судья неправедный; Епифаниево. О девстве; Месяцы по римлянам; Месяцы по иудеям; О священных книгах...

Близок по содержанию и другой древнейший датированный сборник — Изборник 1076 г., в котором некоторые части были переписаны из Изборника 1073 г. Если названные сборники не имели строгого тематического направления, то ряд сборников имел тематический характер. Таковы, были, к примеру, патерики — сборники житий монахов (фактически новелл об их подвижнической жизни), кормчие — сборники установлений церковного права и канонических правил.

Из светских книг целостного содержания древнейшими бесспорно являются исторические сочинения — хроники и летописи. Последовательное изложение (в летописях — по годам) исторических событий занимало, естественно, много места, когда речь шла о значительных отрезках времени, в частности при составлении летописных сводов.

Со временем появлялись новые жанры целостных книг и сборников текстов, трансформировались старые жанры. В XVI—XVII вв. на Руси можно указать, к примеру, появление лечебников, травников (зельников), судебников, сборников изречений типа «Пчела» и т. п. Появляются целые книги о домашнем хозяйстве («Назиратель», «Домострой» и т. п.), целые книжные сочинения в отдельных областях науки, например «Космография» (XVII в., книга по географии), «Геометрия» (XVII в.).

С XV—XVI вв. на Руси начинают вестись книги делового содержания: боярские (списки бояр), венечные (записи браков), вкладные (записи вкладов), животные (списки умерших и погибших), засевные (учет засева), каменные (приходо-расходные книги Серебряного приказа по драгоценным камням), межевые (описание границ владений), отдаточные (о возвращении беглых крестьян их владельцам), приходо-расходные, разрядные (записи придворных событий, назначения и перемещения командного состава, состояния укреплений и др.), таможенные, уставные (дополнения к «Судебнику» 1550 г.) и т. п. Со своими особенностями подобные процессы появления новых видов книг происходили и у других славян. Так, например, в Болгарии в XVI—XVII вв. появляются так называемые дамаскины — сборники поучений. У западных славян деловые книги велись нередко на других языках (латинском, немецком, венгерском), но постепенно славянская речь проникает в такие документы.

До XV в. основным писчим материалом у славян, как и у других народов, был пергамен (по имени г. Пергам в Малой Азии, ныне Бергама, Турция) — специальным образом подготовленная телячья или баранья кожа (лучшие сорта делали из кожи только что родившихся ягнят). Пергамен (иногда используется форма «пергамент») в то время назывался «хартия»; это был дорогой и относительно редкий материал. Этим объясняется и повторное использование пергамена (палимпсесты), а возможно, и лаконичность некоторых текстов. Бумага стала использоваться в Европе (от арабов, через Испанию) с X—XI вв. На Руси ее стали применять с середины XIV в.; это была французская, немецкая, польская (в XVI в.), голландская бумага; попытки изготовить свою бумагу относятся к XVI—XVII вв., но реальное производство бумаги было организовано лишь с начала XVIII в.

Для письма использовались чернила (естественно, согласно этимологии этого слова, они были черными) различного химического состава. Для заглавий и заглавных букв применялась красная краска — ки́новарь. До середины XIX в. писали гусиными перьями. В некоторых дорогих рукописях рисовались красочные миниатюры — заглавные буквы (инициалы), заставки, картинки на отдельных листах. Все книги переплетались: корешки тетрадей прошивались и веревками или ремнями прикреплялись к доскам, служившим основой переплета. Доски затем обтягивались кожей, реже — тканью, иногда для переплета делался металлический оклад. Переплет имел застежки, чтобы рукопись не коробилась. Вообще осторожному, аккуратному отношению к книгам, предметам ценным и материально и духовно, уделялось большое внимание. Цена книги иногда была столь значительной, что соответствовала цене небольшого поместья; даже небольшие книги были достаточно дороги.

Кроме рукописных книг, как уже отмечалось, широко были распространены грамоты. Деловые документы писались обычно до XIV в. на пергамене. Частная переписка на Руси, как выяснилось в 1951 г., когда была обнаружена при археологических раскопках в Новгороде первая берестяная грамота, велась в основном на бересте — березовой коре, причем буквы наносились при помощи специального писала путем процарапывания (что и позволило прочитать эти грамоты, пролежавшие столетия в земле; чернила с одной из берестяных грамот оказались смытыми, и прочитать ее не удалось). Берестяные грамоты найдены в различных слоях новгородских раскопок, которые датируются, в частности, по деревянным мостовым, настилавшимся одна поверх другой по мере того, как нижняя мостовая примерно за четверть века настолько покрывалась грязью, что уже не годилась. Среди берестяных грамот несколько относится к XI в., правда большей частью эти грамоты невелики. Вот перевод одной из грамот (№ 246), датируемой XI в.: «От Жировита к Стояну. С тех пор, как ты поклялся мне на кресте и не присылаешь мне денег, идет девятый год. Если же не пришлешь мне четырех с половиной гривен, то я собираюсь за твою вину конфисковать товар у знатнейшего новгородца. Пошли же добром» (чтение А. А. Зализняка, 1986). Вообще же берестяные грамоты разнообразны по содержанию. Здесь и что-то вроде приглашения на свида-

ние, и просьбы (челобитные), и ученические упражнения, и шуточная «зашифрованная» запись, и черновики официальных документов, и разные имущественные записки. Кроме Новгорода, отдельные берестяные грамоты были обнаружены в Старой Русе, Пскове, Смоленске, Калинине (Твери), Витебске и Мстиславле. Витебская грамота относится к XIII—XIV вв., найдена в 1959 г. Вот ее перевод: «От Степана к Нежилу. Если ты продал одежду, купи мне жита за 6 гривен. А если не продал, пришли мне в наличии. Если же продал, добродей мой, купи мне жита». Мстиславская грамота, найденная в 1980 г., представляет собой обрывок, относящийся к началу XIII в.

Изучением рукописного наследства занимается палеография, исследующая эволюцию начертаний букв и других явлений графики (знаки препинания, заглавные буквы, сокращения и т. д.), материал и орудия письма. В связи с этим палеография изучает также орнаменты и водяные знаки на бумаге, переплеты рукописных книг и т. д. В последние десятилетия историей рукописной книги стала заниматься специальная дисциплина — кодикология. В палеографии используются результаты текстологии и дипломатики (дисциплины, занимающейся актами — деловыми документами), искусствоведения и ряда других смежных дисциплин.

3.4.3. Инкунабулы

Первая книга, отпечатанная в Европе * при помощи подвижного шрифта немецким первопечатником Иоганном Гутенбергом, вышла, вероятно, в 1448 г. Это была так называемая 42-строчная Библия. Книги, отпечатанные до 1500 г., принято в науке называть инкунабулами (от лат. incunabula 'колыбель, начало'). К инкунабулам примыкают также некоторые первопечатные для того или иного народа книги, выпущенные в XVI в.

Первая печатная славянская книга вышла в г. Пльзень (Чехословакия) около 1476 г. Это была «Троянская хроника» Гвидо де Колумны, составленная еще в конце XIII в. и включающая в себя много античных преданий и мифов. Книга получила в Европе большую популярность. В числе

* Книгопечатание было изобретено в Китае в XI в., но в Европе о нем не знали.

инкунабул есть и издания «Хроники» по-латыни (например, в Страсбурге в 1486, 1489 и 1494 гг.). В начале XVI в. она привлекла внимание древнерусского переводчика (см. издание «Троянские сказания» О. В. Творогова. Л., 1972). В издании указана дата 1468 г., но это, как установлено специалистами, скорее всего дата, стоявшая на рукописи, с которой готовилось издание. Пльзеньское издание еще предстоит сравнить с русскими рукописями перевода Гвидо де Колумны. Сохранилось три экземпляра этой книги: два в Праге и один в Вене. В 1487 г. книга была переиздана в Праге; сохранилось 11 экземпляров этого издания, в том числе два в Ленинграде и один во Львове. Тогда же, когда вышло первое издание «Троянской хроники», в той же Пльзеньской типографии был издан Новый завет. Первое полное издание Библии на чешском языке вышло в 1488 г. Всего до 1500 г. опубликовано 35 чешских книг как духовного, так и светского содержания.

Книгопечатание в Польше началось в Кракове в 1475 г., но печатались первоначально книги на латинском языке. Впрочем, уже в «Синодальном статуте» 1475 г. было помещено три молитвы по-польски.

В 1483 г. был отпечатан «Миссал» по католическому типу глаголицей в Хорватии (место издания не вполне ясно: Изола, Модруш, Косинь?) Он сохранился в 11 экземплярах, ни один из которых не полон, один из них хранится в Ленинграде. До 1500 г. было издано пять глаголических книг. Кроме того, хорваты до 1500 г. издали пять книг латиницей. Хорватские книги — религиозного содержания.

Первая кириллическая книга была отпечатана в Кракове уроженцем г. Нойштадт на р. Айш (неподалеку от Нюрнберга, ныне ФРГ) Швайпольтом Фиолем. Фиоль упоминается в 1479 г. в краковских документах как золотых дел мастер. На средства Яна Турзона Фиоль основал типографию, кирилловский шрифт для которой изготовил Рудольф Борсдорф. В 1491 г. вышла первая кириллическая книга — «Октóих» («Осьмогласник» — сборник церковных песнопений на восемь голосов). Сохранилось семь экземпляров этой книги — в Москве, Ленинграде и Львове. В том же году Фиоль выпустил еще три кирилловских книги: «Часослов» (богослужебная книга молитв по часам, по которой обучались грамоте) — до нас дошло 24 экземпляра; «Триодь цветная» (церковные песнопения после пасхи) — сохранилось 20 экземпляров; «Псалтырь» — ни один эк-

земпляр до нас не дошел. Книги, изданные Фиолем, включали в церковнославянский язык некоторые украинские черты. В Цетине (Черногория) в 1493/94 г. иеромонах Макарий отпечатал двухтомный «Октоих», в 1495 г.— «Псалтырь», в 1496 г.— «Требник»; не дошел до нас ни один экземпляр отпечатанного тогда же и там же «Четвероевангелия». Таким образом, имеется свыше 50 славянских инкунабул, 40 из которых напечатаны латиницей, пять — глаголицей и около десятка — кириллицей Однако, как следует из приведенных материалов, до 1500 г. книгопечатание началось еще не у всех славян.

В начале XVI в. монах Макарий создает типографию в Валахии (г. Тырговиште, ныне — Румыния), и в 1508 г. издает там «Служебник», в 1510 г.— «Октоих», в 1512 г.— «Четвероевангелие».

В 1517 г. в Праге вышла первая из 24 книг Библии, изданных белорусским первопечатником Франциском Лукичом Скориной (до 1490—1551?). Франциск Скорина родился в Полоцке в купеческой семье. В 1504 г. поступил в Краковский университет, в 1506 г. получил ученую степень бакалавра. Путешествовал и учился в различных городах Европы. В 1512 г. сдал экзамен на звание доктора медицины в Падуанском университете (Италия). В 1517—1519 гг. Скорина издает в Праге 22 книги на языке, приближающемся к языку западнорусской (старобелорусской) письменности, и «Псалтырь» на церковнославянском языке. В 20-х гг. XVI в. Скорина жил в Вильнюсе, где в 1522 г. им была издана «Малая подорожная книжица» и в 1525 г.— «Апостол». Издания Скорины отличались высоким типографским и художественным уровнем, они снабжались издательскими предисловиями, оригинальными гравюрами, заставками и инициалами. Перевод Библии на приближенный к народному письменный язык вызвал возражения церкви (лютеровский перевод Библии на немецкий язык был осуществлен в 1522—1542 гг.), он не соответствовал традиции ни православной, ни католической церкви, а потому сомнительна финансовая рентабельность таких изданий. Церковь их отнюдь не поощряла. Издательская деятельность Скорины прекратилась (как в свое время была прекращена и деятельность Фиоля в Кракове). По некоторым данным, Скорина выезжал в Кенигсберг (ныне Калининград), а около 1535 г., видимо, переехал в Прагу. В 1552 г.

сын Скорины Симеон приезжал в Прагу за отцовским наследством. Есть много неясных событий в биографии Скорины. Но одно бесспорно: он был первым из восточных славян, начавшим книгопечатание.

Нелегко сложилась и деятельность Ивана Федорова (ок. 1510—1583), основателя книгопечатания в России и на Украине. Дьякон одной из кремлевских церквей, Иван Федоров вместе с Петром Тимофеевичем Мстиславцем (даты жизни неизвестны) отпечатал в 1563/64 г. в Москве первую русскую датированную книгу — «Апостол». В 1565 г. Федоров и Мстиславец напечатали два издания «Часовника». Но уже в 1566 г. из-за преследований со стороны церковной верхушки русские первопечатники вынуждены были бежать из Русского государства в Литву. В имении гетмана Г. А. Ходкевича в Заблудове (в 15 км к юго-востоку от Белостока, ПНР) Федоров и Мстиславец отпечатали «Учительное евангелие» и «Часословец» (богослужебная книга с молитвами по часам). Затем Федоров переехал во Львов, где в 1574 г. напечатал снова «Апостол» со своим предисловием, в котором рассказал о своей деятельности, и Букварь (азбуку) — первый печатный восточнославянский, да и вообще кириллический учебник. Федоров продолжил свою деятельность в Остроге (ныне Ровенская обл.), где выпустил еще один букварь (1578) и ряд других книг, среди которых первая печатная церковнославянская библия (Острожская библия 1580/81 г.), «Хронология» А. Рымши (1581).

На основе латиницы в XVI в. появились первые словенские книги. В 1550 г. священник-протестант и писатель Примож Трубарь (1508—1586) издал в Германии первую словенскую книгу — катехизис (краткое изложение христианского вероучения). В 1574 г. была напечатана первая нижнелужицкая печатная книга — песенник и катехизис Альбина Моллера, а в 1597 г. верхнелужицкий катехизис Вячеслава Варихия.

Таковы первые шаги книгопечатания у славян. Книгопечатание сыграло огромную роль в становлении и развитии культуры славянских народов. Но рассмотрение всей истории книги и печати славянских народов, естественно, представляет собой особую отрасль истории славянской культуры.

3.4.4. Издания

Древние славянские рукописи дошли до нас в небольшом количестве. Рукописей X—XI вв. сохранилось, если считать книги, не более двух десятков, а если учитывать и отдельные фрагменты, — пять десятков. Каждый такой памятник письменности представляет собой бесценное достояние славянства. Они хранятся в крупнейших национальных библиотеках Советского Союза (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, Государственный исторический музей в Москве, Центральный государственный архив древних актов в Москве, Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде, Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, Центральная научная библиотека АН УССР в Киеве, Центральная библиотека АН Литовской ССР, Одесская государственная научная библиотека им. А. М. Горького), а также Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, в библиотеке Ватикана, в городском музее г. Тренто в Северной Италии, в монастыре св. Екатерины (Сант Катерин на юге Синайского полуострова, АРЕ), в Инсбрукской библиотеке Фердинандеум (Австрия). Во многих библиотеках хранятся славянские рукописи следующих веков. В различных хранилищах и просто под открытым небом все еще хранятся уникальные надписи. Немногочисленные экземпляры старых изданий также разбросаны в различных библиотеках. Так, к примеру, открытый практически в послевоенное время Букварь (азбука) Ивана Федорова известен в трех экземплярах, один из которых — Львовское издание 1574 г. — находится в Харвардском университете в США, а два других — Острожское издание 1578 г. — хранятся в богатейшей библиотеке при замке Фриденштейн (г. Гота, ГДР) и в Копенгагенской королевской библиотеке.

Уникальные письменные памятники требуют к себе особо бережного отношения. Древние рукописи и книги должны находиться в условиях, гарантирующих их сохранность: обеспечивается соответствующий режим температуры и влажности, пожарная безопасность, безопасность от похищения или другого злого умысла. Высокая ценность — порядка сотен тысяч и миллионов долларов за аналогичные памятники — может сделать их жертвой грабежа (такие попытки делались); известны, к сожалению, и случаи преднамеренного повреждения культурных ценностей. Поэтому невозможно было бы выдавать ценнейшие памятники всем желающим. Наиболее ценные памятники письменности лишь в исключительных и необходимых случаях попадают в руки специалистов. Постоянно же работать надо с их копиями. К тому же копии спасают хотя бы что-то от памятника в случае его гибели. Известно, например, что погиб в 1812 г. рукописный сборник, в котором имелся единственный древний список «Слова о полку Игореве», но благодаря тому, что с него были сделаны копии, памятник дошел до нас. Исчез оригинал Слуцкой псалтыри, крест с надписью Ефросиньи Полоцкой, неясна судьба некоторых Борисовых камней. Копии, сделанные с этих памятников, сохранили соответствующие тексты для потомства, для науки, хотя, конечно, никакая копия не может пока что рассматриваться как абсолютно точная.

Для исследователей необходимо бывает не только прочитать какой-то письменный памятник, но и сопоставить его с другими. А таких исследователей в настоящее время имеются уже не единицы, а сотни в различных странах мира; кроме того, тысячи специалистов обращаются к памятникам письменности для выборки различных нужных им сведений по языку, оформлению или содержанию рукописей. Поэтому уже в прошлом столетии началось целенаправленное издание памятников письменности. С изобретения фотографии (1839) она стала использоваться для получения факсимильных (фотографических) копий письменных памятников и их размножения, т. е. издания. В России в 80-х гг. XIX в. были предприняты первые факсимильные издания целых древнеславянских памятников — Изборника 1073 г. (1880) и Остромирова евангелия (1883 и 1889; 1988). К настоящему времени различными способами факсимильного репродуцирования (а нынешние технические возможности позволяют воспроизвести памятники письменности с большим совершенством) изданы многие древние письменные памятники славянства: памятники старославянского языка — Ассеманиево евангелие, Синайский требник, Синайская псалтырь, Сборник Клоца, Киевские листки, Энинский апостол, все надписи, многие более поздние рукописи чем-либо важные для исследователей: Болонская псалтырь (XII в.), Мерило праведное (XIV в.), Киевская псалтырь (XIV в.), Изборник 1073 г., полабский словарь Хеннига (начало XVIII в.) и др. Факси-

мильно воспроизведены и некоторые наиболее ценные старопечатные издания: глаголический «Миссал» 1483 г., азбуки Ивана Федорова 1574 и 1578 гг., «Катехизис» Трубаря на словенском языке, одна из первых болгарских печатных книг молитвенник «Абагар» (1651), старинные славянские грамматики — Бохорича, Смотрицкого, Зизания, Статориуса, Кашича, и др. Таким образом, у исследователей оказались в руках ценнейшие источники по истории славянской письменности.

Однако при всех достоинствах факсимильные издания обладают некоторыми недочетами. С одной стороны, они в чем-то могут оказаться неточными: царапинка или трещинка на бумаге при фотографировании может быть воспринята как черточка, какие-то выцветшие буквы могут просматриваться в оригинале, но не разбираться на фотокопии (хотя специальные методы фотографирования позволяют иногда увидеть и то, что незаметно для простого глаза в оригинале). С другой стороны, чтение рукописи требует особых навыков, которыми может не обладать исследователь: умения разделить сплошной текст на слова и предложения, умения разбирать почерки, свободного владения глаголицей и т. п. Кроме того, могут возникнуть трудности при цитировании рукописей в печати.

Поэтому наряду с факсимильными изданиями необходимы и наборные издания, где точно воспроизводится текст, но при этом выделены слова и предложения, разобраны сложные случаи написания, даны необходимые для пользования пояснения (например, указаны главы и стихи евангельских чтений и т. п.). К таким изданиям (их называют дипломатическими) часто прилагается словоуказатель (перечень всех слов, встретившихся в тексте, с указанием мест, где они встретились), тексты оригиналов для переводных памятников (так, новое болгарское издание Супрасльской рукописи ценно прежде всего тем, что в нем итальянский знаток византийской письменности Д. Капалдо подобрал практически ко всем текстам греческие соответствия, в то время как славянская часть издания воспроизводит раннее русское издание С. Северьянова), а также другой справочный аппарат. Основные принципы современных изданий старославянских памятников разработал И. В. Ягич в конце прошлого века, давший образцовые издания Мариинского и Зографского евангелий, а также

некоторых других памятников. При этом осуществлена последовательная транскрипция глаголицы и кириллицы, используемая поныне.

Лучшие издания древнеславянских текстов отчетливо передают строки и страницы рукописей, что важно для поиска нужного места в другом издании или в оригинале, а также для понимания некоторых явлений текста (например, сокращения буквы в конце строки). Все старославянские памятники изданы наборным способом с высшей точностью. Этот немалый труд осуществлен несколькими поколениями славистов.

Наряду с изданиями отдельных рукописей, старопечатных книг, надписей, практикуются и так называемые критические издания текстов сохранившихся в нескольких копиях (списках). Обычно в этом случае издается некоторый список, принимаемый за основной (самый старый, самый сохранный и т. п.), а в примечаниях к нему указываются разночтения, т. е. иные написания, иные слова, использованные в других копиях того же текста, отмечаются вариации целых фрагментов текста, их пропуски и т. д. Иногда осуществляется реконструкция текста на основе тщательного сопоставления и изучения дошедших до нас вариантов текста. Реконструкции не имеют лингвистической ценности, к тому же они всегда включают какой-то элемент субъективного подхода со стороны реконструировавшего этот текст. Некоторые научно-популярные издания, рассчитанные на широкого читателя, делаются с упрощениями в графике и орфографии, которые, по мнению издателей, не влияют существенно на точное понимание памятника, без приведения вариантов и т. д. Нередко издание памятника объединяется с его исследованием.

Издания письменных памятников являются результатом их исследования, представляют собой как бы итог исследования до того или иного момента. Вместе с тем издание открывает возможность дальнейшего изучения памятника письменности, уже базирующегося на данном издании. И потому главное требование к изданиям памятников — максимальная точность, объективность, тщательность, оговоренность всех изменений. Другое требование — это наличие необходимого справочного аппарата, облегчающего пользование изданием.

Письменность — одно из величайших культурных достижений человечества. Нынешняя духовная и материальная культура немыслима без развитой системы письма, без зафиксированной при помощи письма в миллиардах пись-

менных документов памяти человечества. Возможность фиксации словесных сообщений, а значит и лежащих в их основе мыслей, на письме и тем самым возможность передачи мыслей в максимально точном виде сквозь месяцы, годы, века и тысячелетия в письменном виде является условием не только сохранения, но и самого существования и развития культуры.

Литература

Истрин В. А. 1 100 лет славянской азбуки. 2-е изд. М., 1988.
Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965.
Лавров П. А. Материалы по возникновению древнейшей славянской письменности // Труды славянской комиссии. Л., 1930. Т. 1.
Питання походження і розвитку слов'янської писемності. Київ, 1968.
Торжествена сесия за 1100 годишнината на славянската писменост. 863—1963: Доклади и материали. София, 1965.
Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии: В дореволюционной России и в СССР. М., 1963.
Ягич И. В. Глаголическое письмо // Энциклопедия славянской филологии. Спб., 1911. Вып. 3.3.
Лавров П. А. Палеографическое обозрение кирилловского письма // Энциклопедия славянской филологии. Пг. 1914. Вып. 4.1.
Щепкин В. Н. Русская палеография. М., 1967.
Можаева И. Е. Библиография по кирилло-мефодиевской проблематике. 1945—1974 гг. М., 1980.
Бернштейн С. Б. Константин-Философ и Мефодий. М., 1984.
Сказания о начале славянской письменности. М., 1981.
Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985. Т. 1. [Издание продолжается.]
Куев К. Съдбата на старобългарската ръкописна книга през вековете. София, 1986.
Попов П. М. Початковий період книгодрукування у слов'ян. Київ, 1958.
Bošnjak M. Slavenska inkunabulistika. Zagreb, 1970.
Лихачев Д. С. Текстология. 2-е изд. Л., 1983.

4. ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

4.1. ИСТОКИ

Слово «филология» можно было бы перевести с греческого как 'любословие', подобно тому как философия «переводится» как 'любомудрие'. Филолог — любитель слова, любитель словесности. И первая задача филологов была в том, чтобы помочь людям в понимании и толковании слов и составленных из них текстов, в осмыслении различных продуктов, процесса и видов речевой деятельности.

Первыми славянскими филологами можно назвать солунских братьев — Константина-Кирилла и Мефодия, разработавших очень совершенное, построенное на интуитивном проникновении в фонематическую структуру языка славянское письмо. Следует напомнить, что славянская азбука была создана в середине IX в., когда еще не были сделаны многие крупные шаги европейских культур. Еще не была, например, создана «Песнь о Роланде» и не были записаны древние германские саги. Создание в эту пору столь совершенной письменной системы, в которой учтены были все основные фонематические особенности славянской речи, было настоящим научным подвигом. Спустя несколько десятков лет, в начале 900-х гг., черноризец Храбр в небольшом трактате «О письменах» пытался осмыслить значение великого открытия Константина-Кирилла, продолжить и развить аргументацию Константина Философа, посрамившего на венецианском диспуте треязычников, отрицавших за славянским языком право на письмо. Черноризец Храбр добавляет, что названные три языка не были исконными, и отмечает, что греческую письменность создали греки еще будучи язычниками, а потому она отнюдь не более свята, чем славянская. Обосновывая необходимость особого славянского письма, Храбр приводит примеры слов (*богъ, животъ, широта, юность* и др.), которые невозможно передать греческими буквами, так как среди них нет обозначений звуков, встречающихся в этих словах. Храбр

затем перечисляет славянские буквы, не имеющие аналогов в греческом. Первый славянский филологический трактат живо и страстно обосновывал правомерность славянского письма и воздавал должное его создателям.

Славянам рано становятся известны некоторые словесно-эстетические воззрения античности в византийских пересказах. Так, в сборник, составленный в начале X в. для болгарского царя Симеона и дошедший до нас в копии, сделанной в 1073 г. для русского князя Святослава (Изборник 1073 г.), был включен трактат византийского филолога VI—VII вв., автора ряда комментариев к грамматикам, сочинений об орфографии и просодии, Георгия Хировоска (Херобоска) «О поэтических тропах» («О образѣхъ»). В этом трактате рассматривается 27 понятий тогдашней поэтики, таких, как аллегория (инословие), метафора (прѣводъ), метонимия (отъимение, т. е. переименование), антифрасис (въспятословие, т. е. слово, с противоположным значением), перифрасис (съвратословие, т. е. изложение другими словами) и др. Таким образом, уже рано проявилось стремление славян к осмыслению слова в его разнообразных функциях. Но поэтика эта еще была далека от конкретной языковой базы: была общей не только по замыслу, но и по характеру выделяемых в ней явлений.

А между тем назревала потребность и в осмыслении совершенно конкретных слов, употреблявшихся в текстах, которыми пользовались древнеславянские книжники. Первые славянские словари и служили толкованию непонятных слов иностранного (еврейского и греческого) происхождения. Так, в словарике, вошедшем в Новгородскую кормчую (сборник законов) 1282 г., было толкование 174 слов еврейского происхождения, в том числе собственных имен (*Адам, Евга, Голгофа, Ной* и пр.) и слов, позже вошедших в нашу речь (*бисер, алтарь*); интересно, что в число непонятных «еврейских» слов попали и славянские *оток* 'остров', *бритва, зѣло* 'очень'. Позже словари расширялись постепенно по охвату слов, появились словари с объяснением старославянских слов, непонятных носителям разных славянских языков. Этой же цели служили и толкования отдельных слов на полях книг — глоссы (между прочим, и у белорусского первопечатника Франциска Скорины). Первые переводные латинско-славянские, а потом и немецко-славянские словари имели ярко выраженную дидактическую направленность. Так, например, в чешских

словарях XIV в. «Большом богемарии» и «Пресбургском (Братиславском) глоссарии» слова расположены по предметным рубрикам (например, в последнем, автором которого считается Кларет, глава V: 15. О деревьях; 16. О растениях; 17. О фруктовых деревьях; 18. О семенах и т. д.), а внутри рубрик для облегчения запоминания соединяются в строки гексаметра:

Est animal zvierze, labrum pysk, ubera wymie...

Таких строк было в «Большом богемарии», к примеру, 886.

Довольно рано было осознано, что словари не только выполняют прикладную переводческую функцию, но и фиксируют реальный лексический фонд народа в определенный период. Убедительно прозвучала в начале XVIII в. эта мысль у полабского мужика Яна Парум Шульце, задумавшего закрепить для потомства на письме словарь своего родного уже отмиравшего языка.

Грамматики первоначально также выполняли двоякую функцию: с одной стороны, помочь в обучении чужому языку, а с другой стороны, зафиксировать, закрепить свой язык, его правила, его нормы. Если иностранцы прежде всего думали о первом, о чем свидетельствует, к примеру, одна из первых русских грамматик — грамматика Г. В. Лудольфа, изданная в Оксфорде в 1696 г. (следующая русская грамматика была издана в Оксфорде спустя двести лет!), то сами славяне больше заботились о закреплении норм своего языка на письме и о передаче этих норм обучающимся грамоте. Для восточных славян дидактическая задача грамматик получала особое преломление: первые грамматики у нас были церковнославянскими, в них, следовательно, ставилась цель обучения близкородственному языку, который казался в основном понятным и совпадающим с родным по грамматическому строю, казался просто письменной разновидностью родного языка. Но вместе с тем практика подсказывала и необходимость толкования фактов этого языка как языка изучаемого, второго.

Первые грамматические пособия у славян (и не только у славян) имели сплошь и рядом явно учебный характер и служили обучению грамоте. Теоретико-филологические рассуждения велись, как правило, попутно. Ранние славянские (и не только славянские) филологи недостаточно внимания обращали на специфику своих языков. Им казалось, что, подобно тому как можно перенести с одной языковой почвы на другую учение о художественных

средствах — тропах, возможно переносить и учение о грамматическом строе с описания одного языка на другой, например с греческого на славянский. В неосознанном виде (имплицитно) проявлялась в таких переносах идея об универсальности, всеобщности грамматики. Именно этим объясняется тот факт, что начинается славянская грамматика с распространения в славянском переводе-переработке (с XIV в.) византийского трактата «О восьми частях слова», включенного в конце XVI в. и в печатную грамматику, изданную в Вильно в доме Мамоничей. Излагая учение о восьми частях речи, славянские книжники не столько думали о структуре славянского языка (в отличие от славянских первоучителей — создателей письменности — и черноризца Храбра, стремившихся учесть звуковую специфику славянского языка по сравнению с греческим), сколько излагали общее грамматическое учение, которое казалось им пригодным для любого языка. Так и появившийся в XVI в. русский перевод «Малого Донатуса» — популярной в ту пору в Европе латинской грамматики, выполненный Дмитрием Толмачом, был для его читателей изложением всеобщей грамматики, конструировавшейся по образцу греческой. В рамки этой грамматики и втискивалась славянская грамматика, в которой, к примеру, приходилось находить соответствие для греческого артикля («различие»). Ориентируясь на западную, латинскую грамматику, Мелетий Смотрицкий в первом издании своей славянской грамматики (Евье у Вильно, 1619) заменил артикль междометием в списке восьми частей речи. Но московские правщики, больше ориентировавшиеся на греческий образец, быть может, увидели в этом междометии католическую крамолу и заменили его снова «различием» по греческому образцу в издании Смотрицкого 1648 г., выпущенном в Москве. Надо сказать, что Смотрицкий, находясь, как и другие славянские грамматисты XVII в., еще под влиянием классической схемы, стремился наполнить ее славянским содержанием, а местами и переработать. Это и позволило грамматике Смотрицкого стать «вратами учености» для М. В. Ломоносова. Осознание специфики своего языкового материала происходило более четко в словарях, например в словаре Памвы Берынды (1627), когда каждое слово приходилось систематически сопоставлять в живом и в книжном языках. Надо сказать, что грамматика Смотрицкого и словарь Берынды своеобразны еще и тем, что занимали как бы промежуточное место между описаниями родного языка и составлявшимися иностранцами (или для иностранцев) описаниями других языков: это были первые пособия по близкородственному книжнославянскому языку, необходимость обучения которому как особому оказывалась таким образом общественно осознанной и воплощенной в специальные издания.

В XVIII в. совершенствуются методы описания отдельных славянских языков, значительно повышается качество словарей, охватывающих все большее количество слов и точнее раскрывающих их значения. На восточнославянской почве примером более совершенного описания грамматического строя может служить «Российская грамматика» *Михаила Васильевича Ломоносова* (1711—1765). Хотя в ней и есть еще следы влияния Смотрицкого и вообще универсально-грамматических построений, естествоиспытательский опыт Ломоносова подсказал ему наблюдение и эксперимент как приемы лингвистического анализа, о чем свидетельствуют ныне опубликованные материалы к грамматике. Это и обусловило объективность сделанного Ломоносовым описания языка и адекватность (соответствие) его реальному русскому языку. В конце XVIII — начале XIX в. выходят в свет и такие значительные явления в области отражения лексики отдельных славянских языков, как первый русский академический словарь или польский словарь С. Б. Линде. Вместе с тем XVIII век был веком накопления знаний о других индоевропейских языках и развития, хотя еще и не очень ясного, теоретических взглядов на функции и эволюцию языка.

4.2. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Между тем в Европе происходит значительное развитие эстетических взглядов; теория поэтического слова, сближаясь с общей эстетикой, а также с историей литературы, возникающей прежде всего как история античной литературы, все более отделяется от грамматического учения о слове. Намечается специализация внутри филологии: наука о языке и наука о словесном художественном творчестве становятся особыми разделами знания. Это не только следствие накопления новых фактов и увеличения объема познания, но и результат более глубокого понимания

сущности слова, более глубокого проникновения в специфику слова как средства создания художественного образа.

Начало XIX в. принесло ряд новых существенно важных идей и в науку о языке. Если до этого наука о языке была преимущественно описательной дисциплиной, каталогизировавшей в лексиконах слова и фиксировавшей в грамматиках морфологические формы и синтаксические типы сочетаний слов, то теперь идея эволюции, изменения из сферы общих рассуждений переселяется в область конкретного исследования. Языкознание становится наукой исторической. Ф. Бопп, Р. Раск, братья Я. и В. Гримм, а также некоторые другие ученые строят основы сравнительно-исторического анализа индоевропейских языков. Взамен библейской легенды о Вавилонском столпотворении, согласно которой разгневанный попыткой людей добраться до неба бог, разрушая строившуюся для этого в Вавилоне башню (столп), одновременно разучил людей понимать друг друга, появляется теория постепенной дивергенции (распада) праязыка, в результате которой возникают родственные языки. Оказывается при этом, что свидетельствуемых надежно праязыков несколько, а научно доказать наличие или отсутствие единого человеческого праязыка невозможно. Дивергенция языков является закономерным следствием расселения племен и народов, результатом самостоятельного развития оторвавшихся диалектов. Дивергенция как явление закономерное находит отражение в регулярных соответствиях между звуковыми системами различных языков. Еще до возникновения сравнительно-исторического метода было ясно, что, скажем, русский и польский или немецкий и шведский языки попарно близки между собой. Сущность великого открытия создателей компаративистики (сравнительно-исторического подхода к изучению языков) состоит в том, что вместо базировавшихся на интуиции впечатлений о родстве языков было предложено установление закономерных звуковых соответствий между языками, вслед за которым стали производиться и попытки восстановления праязыка.

Открытие родства языков как научного факта обусловило не только начало нового этапа в развитии языкознания, но и становление новых отраслей науки о языке. Если до этого были грамматики и словари отдельных языков или же общие рассуждения о свойствах человеческого языка, то теперь возникает сравнительное языкознание как наука

о родственных языках, о семьях языков, наука, восстанавливающая предшествующее языковое состояние. Сравнительно-исторический анализ внес в языкознание категорию закономерности, а потому, если считать главной задачей науки познание закономерностей, можно согласиться с теми старинными авторами, которые называли грамматику искусством, и теми историками науки, которые считают, что именно с возникновением сравнительно-исторического подхода языкознание стало наукой.

Возникновение научного языкознания, совпавшее по времени с национальным возрождением у одних славянских народов и становлением современных национальных культур и языков у других, обусловило возможность развития научного славяноведения. При этом вполне естественно, что стержнем и основой научной славистики явилась наука о славянских языках.

Общность современных славян — прежде всего языковая. Именно редкая для такой большой группы народов близость языков определяет принадлежность народа — носителя соответствующего языка — к числу славянских народов. Близость славянских языков объясняется в конечном счете происхождением их из одного источника — из праславянского языка. Но происхождение языков из общего праязыка совсем не означает расовой общности носителей этих языков. Известно, что негры в США являются носителями английского языка, хотя в расовом отношении и отличаются от англичан, языки же своих предков, некогда вывезенных из Африки, американские негры не знают. Историческая общность народов, являющихся носителями родственных языков, — сложное историческое явление.

В этногенезе (т. е. в происхождении) каждого из славянских народов имеются специфические особенности. Было бы ошибочно думать, что все нынешние славяне возникли в результате распадения и расселения праславянских племен. Так, в этногенезе болгар чрезвычайно существенно учитывать роль древнего населения Балканского полуострова и тех тюркских пришельцев, которые вступили во взаимодействие со славянами в первые столетия пребывания славян на Балканах. Естественно, что при рассмотрении этногенеза чехов или белорусов необходимо учитывать уже иные факторы взаимодействия с другими народами и этническими группами.

Исторические судьбы славян, хотя они и заселили относительно близкую территорию Восточной Европы, также складывались неодинаково. Так, если в течение столетий для полабян, серболужичан, поляков, чехов, словенцев очень существенными были их взаимоотношения с немцами, то для восточных славян в течение нескольких веков центр тяжести внешнеполитической жизни сосредоточился на борьбе с монголо-татарским нашествием, а для большей части южных славян многовековое турецкое иго определило необходимость тяжелой и кровопролитной борьбы за существование и национальное освобождение от тяжелейшей османской неволи. Если в области внутренней социально-политической истории для Польши чрезвычайно важна роль разнородного, но влиятельного шляхетства (дворянства), если Россия в XVIII—XIX вв. была дворянской империей, что не могло не сказаться на судьбах населявших ее славянских народов, то совсем иначе складывалась социально-политическая история Болгарии, в которой отсутствовало свое дворянство, что, однако, отнюдь не означает отсутствия классовых противоречий. Различным образом сложилась и история религии у разных славянских народов, часть из которых приняла римско-католическую, а часть — православную христианскую религию, в то время как отдельные группы славян приняли мусульманство. У разных славян оказались различные исторические связи с соседними народами: так, судьбы южных славян во многом оказались связанными с судьбами румын, а, например, белорусы в течение длительного времени были тесно связаны с литовцами.

Естественно поэтому, что общность истории славянских народов относительна. И если теперь можно сказать, что все славяне встали на путь социализма, то это совсем не означает, что на этот путь встали только славяне или что социализм — это некое специфическое славянское явление. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в одном строю с СССР, ЧССР, ПНР, НРБ, СФРЮ строят социализм и такие европейские страны, как ГДР, ВНР, СРР. Конечно, есть немало общего и в древних, и в современных судьбах славянства, конечно, историки могут решать и действительно решают многие славистические проблемы. Но все-таки общность славянских народов — это прежде всего языковая общность. На протяжении всей истории славянства общими и близкими всегда оставались языки славянских народов.

Различие исторических судеб славянских народов не могло не отразиться на развитии их литератур. Каждая литература — глубоко национальное явление. И писатель вносит вклад в развитие мировой литературы через свою деятельность в рамках своей национальной литературы. Толстой, Достоевский, Чехов — писатели глубоко русские и вместе с тем классики мировой литературы. Гашек и Чапек — замечательные чешские писатели, и вместе с тем они принадлежат к когорте тех выдающихся писателей, творчество которых определило развитие мировой художественной литературы XX в. Но можно ли сказать, что Толстой или Чапек — писатели славянские? В определенном смысле слова, — конечно, да. Русский язык, на котором писал Толстой, и чешский язык, на котором писал Чапек, — славянские. Творчество Купалы или Шевченко, Пушкина или Мицкевича, пожалуй, доступнее представителям других славянских народов, чем неславянам. Известно, что писатели славянских народов со вниманием относились к судьбам братских народов, выступая, например, в свое время в защиту угнетенных в Османской империи братьев-славян. Но было бы очень трудно, пожалуй даже невозможно, найти в творчестве Толстого или Чехова некие специфические славянские черты. Есть, конечно, общие черты в развитии некоторых славянских литератур, например русской, белорусской и украинской советских литератур. Но эта общность, по существу, не собственно славянская, а имеющая иную общественно-историческую основу.

Разумеется, сравнительное изучение славянских литератур позволяет выявить и лучше понять их специфические национальные черты, обнаружить специфику литературного развития этих народов. Таким образом, коль скоро речь идет о современных литературах славянских народов («славянских литературах»), можно говорить об их сравнительном изучении, но специфика литературного творчества не в некотором славянском типе, а в национальной и социальной художественной характеристике. Все это, конечно, не отрицает и возможностей отражения в художественном творчестве славянской проблематики, в частности понимания славянского единства, славянской общности. В изучении современных славянских литератур возможна некоторая общеславистическая постановка во-

просов. Так, например, много общего в проблеме межславянских художественных переводов: перевод на близкородственный язык порождает специфические трудности — это проблема перевода в условиях различия стилистических систем при близости грамматических и лексических, проблема перенесения из одной системы культуры в другую, подчас близкую, но отнюдь не тождественную, это, наконец, проблема перевода для людей, которые читали или смогут прочитать оригинал. И хотя для каждой пары славянских языков есть свои особенности в принципах и методах перевода, есть и нечто общее, присущее межславянскому переводу вообще. Но неслучайно то, что проблема перевода — это одна из наиболее лингвистических проблем науки о литературе.

Когда мы отдаляемся от наших дней и обращаемся к литературе прошлых столетий, подчас оказывается больше общего в литературном развитии, чем, к примеру, в XIX или первой половине XX в. Так, глубокое проникновение в устное словесное творчество славянских народов, да и вообще в духовную народную культуру, позволяет подчас восстановить с большей или меньшей четкостью некоторые общеславянские явления, иногда очень сильно трансформировавшиеся, преобразовавшиеся в устах отдельных народов, но тем не менее общие, исконные. Немало общего и в литературном развитии если не всех, то во всяком случае многих славянских народов раннего, еще средневекового периода: ограниченное количество грамотных, ограниченный фонд литературных достижений всего человечества вел к тому, что литературные произведения, переведенные на один из славянских языков или созданные на нем, становились достоянием представителей не только данной, но и других родственных словесных культур.

Славянская наука уделяла немало внимания разысканию общих элементов в словесном творчестве и их объяснению, параллельному рассмотрению развития славянских литератур. Еще братья Гримм, стоявшие у колыбели сравнительно-исторического метода в науке о языке, но более известные во всем мире как составители превосходного сборника немецких народных сказок, высказывали идеи о переносе сравнительно-исторического метода на словесное творчество. По их мысли, отражение в устном народном творчестве, а в частности в сказках,

которые они неутомимо собирали, древнейшей духовной жизни народа, создателя произведений устного народного творчества, позволяет восстановить древнейшие виды продуктов духовной жизни общества, прамифы. Эту сравнительно-мифологическую теорию стремился приложить к славянскому материалу крупнейший русский филолог XIX в. *Федор Иванович Буслаев* (1818—1897), известный также своими замечательными трудами по истории русского языка, создатель первой исторической грамматики русского языка. Теперь, спустя сто лет, когда славянская и мировая наука обогатилась не только новыми материалами, но, главное, рядом новых идей, к проблематике воссоздания плана содержания праславянского текста славистика подходит иначе. Но не следует упускать из виду импульсы, которые были даны этому в трудах ученых прошлого. Мы теперь можем аккумулировать в своих построениях многие их замечательные идеи.

Гениальный отечественный филолог XIX в. А. А. Потебня, для которого было характерно стремление проникнуть в суть, в глубину явлений, который никогда не удовлетворялся описанием поверхностных отношений, обратил внимание на внутреннюю связь между образами словесного творчества и языком, объясняемую принципиальной связанностью мышления и языка. «Язык,— писал молодой Потебня,— не есть только материал поэзии, как мрамор — ваяния, но сама поэзия». Ученик Буслаева *Александр Николаевич Веселовский* (1838—1906), труды которого — крупнейший вклад в мировую науку о литературе, показал, что в поиске сходства в словесном творчестве чрезвычайно важен конкретный учет исторических фактов, которые являются не фоном, но основой и живительной силой развития словесности. Вооруженные марксистско-ленинской методологией современные слависты-словесники ищут и находят не только новые факты, но и новые объяснения уже известного. И уже тот факт, что нередко они полемизируют со своими замечательными предшественниками, показывает значимость и непреходящую ценность работ этих предшественников, закладывавших основы сравнительного изучения славянских литератур. Если есть о чем спорить спустя сто лет — значит есть достаточно богатое содержание того, с чем стоит спорить...

Одна из первых в мире и первая в России история славянских литератур была подготовлена *Александром*

Николаевичем Пыпиным (1833—1904) совместно с В. Д. Спасовичем. А. Н. Пыпин дважды, сначала студентом, а потом в 1861 г. профессором, покидал Петербургский университет, где преследовалось свободомыслие. С 1862 г. он стал работать в редакции «Современника», в «Отечественных записках», а после запрета «Современника» в 1866 г.— в «Вестнике Европы». В 1871 г. царь не утвердил его избрание академиком; это звание Пыпин получил лишь в 1898 г. Надо сказать, что, испытав в молодости идейное влияние своего двоюродного брата Н. Г. Чернышевского, за чье освобождение и издание трудов он последовательно боролся, Пыпин оставался в рамках либерально-просветительских взглядов. «История славянских литератур» — капитальное двухтомное исследование, основанное на самостоятельном и глубоком изучении фактов. Этот труд писался пером убежденного противника славянофилов, «западника», а потому автор подчеркивал своеобразие в развитии каждой из славянских литератур, отстаивал их самостоятельность и отмечал самобытность каждой национальной литературы. Еще и теперь работы А. Н. Пыпина сохраняют научное значение.

Хотя в истории словесного творчества славянских народов обнаруживается немало общего, обращает на себя внимание тот факт, что наиболее существенными в общеславянском плане являются те проблемы, где словесное творчество непосредственно связано с языком: именно здесь наблюдается более всего сходства. Сравнительное изучение славянских литератур дает многое не только для выявления их общности, но и для раскрытия их специфического для каждой литературы вклада в художественное развитие человечества.

Таким образом, ни история, ни литературоведение не могут быть стержнем славистики, основой славянской филологии. Коль скоро славяне составляют прежде всего языковую общность, вполне понятно, что центральной дисциплиной в славистике является славянское языкознание. И развитие славистики, в котором, бесспорно, отражались успехи славянской археологии и антропологии, истории и этнографии, фольклористики и литературоведения, определялось прежде всего развитием науки о славянских языках.

4.3. УСПЕХИ НАУКИ О СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ В XIX В.

4.3.1. Основоположники

В славянском языкознании, конечно, очень важны достижения в описании современного состояния и истории отдельных славянских языков. Без таких материалов славистика не могла бы не только развиваться, но и просто существовать. Но для развития науки о славянских языках всегда имели первостепенное теоретическое значение такие труды, в которых факты славянских языков рассматривались в общеславистическом освещении, с точки зрения их места в развитии всей славянской языковой общности. Именно поэтому для славистики было чрезвычайно важно возникновение сравнительно-исторического метода, открывшего возможность восстановления древнейшего праславянского состояния и, что не менее важно, взгляда на языковой материал отдельных славянских языков как на часть общего духовного достояния славянских народов. Славянские языки следует при этом рассматривать как важнейшую часть культуры славянских народов, в которой отражается их видение мира, как сокровищницу опыта и умственного труда предшествующих поколений, которую мы передадим поколениям грядущим. В этом общественная значимость и славянского языкознания. И сжатое рассмотрение истории славянской филологии, а также ее современного состояния вполне естественно построить, уделяя первостепенное внимание проблемам общеславянского характера и тем ученым, которые выделяли эти проблемы или смотрели на частные проблемы отдельных славянских языков сквозь общеславистическую призму.

Конец XVIII — начало XIX в. является для многих славянских народов периодом национального пробуждения и возрождения. Это связано было с формированием капиталистических отношений, развитием европейских наций, с ослаблением многовекового иноземного гнета. Осмысление национальной специфики своих языков объединялось для славян в этот период с раскрытием связей с другими славянскими языками, с пониманием исторических связей славянских народов и их языков. Не следует думать, что это было простым и легким делом. Балканы еще были под властью Османской империи, собственной науки славяне там не имели, даже письменная речь была весьма огра-

ниченна, а для внешнего мира эта страна еще долго оставалась загадочной. При этом если в Россию еще доходили какие-то сведения о православных славянах с Балкан, то в католической Европе, например, о болгарском языке знали мало. Подробных описаний языков и тем более диалектов было еще в ту пору мало, а потому представления о них были еще неясными, тем более что национальные письменные стандартные (литературные) языки еще не были сформированы. О том, насколько мало еще знали ученые в ту пору о славянских языках, может свидетельствовать распространившийся в начале XIX в. среди чехов слух о том, что чеченцы на Кавказе — возможно, их «родственники».

Один из родоначальников славянской филологии чех *Йосеф Добровский* (1753—1829) во время своего путешествия в Россию в 1792 г. думал в связи с этим посетить и Кавказ и лишь в Москве узнал, что чеченский язык очень далек от славянских, а потому отказался от поездки. В изданной тогда же (1792) «Истории чешского языка и литературы» Добровский называл следующие славянские языки и диалекты: 1) русский язык; 2) польский с силезским; 3) иллирийский по говорам — болгарским, раицко-сербским, боснийским, славонским, далматским, рагузским; 4) хорватский с виндским в Штирии, Крайне и Каринтии; 5) чешский (богемский) с моравским, силезским и словацким. Понадобилось еще много исследований и описаний, чтобы картина славянского языкового мира предстала более адекватной действительности. Мало знали в ту пору еще и о древнейшем славянском письменном языке: важнейшие памятники его, такие, как Мариинское, Зографское евангелия, Саввина книга, Сборник Клоца, Синайская псалтырь и Синайский требник, еще не были открыты; о хранившейся в Ватикане Ассеманиевой рукописи сведения были недостаточны. И тем не менее Добровский не только обратил внимание на характерные фонетические черты славянских языков, такие, как большее количество согласных по сравнению с греческим, латинским, германским, отсутствие придыхательных, мягкость (йотация в его представлениях) согласных, наличие протетических согласных, метатеза плавных в сочетаниях типа нем. *Bart*, слав. *брада*, но и на грамматические особенности (например, отсутствие артикля, семь падежей, включая звательный, полные и краткие прилагательные, специфические формы

сравнительной степени, инфинитивный суффикс *-ти* и др.). Добровский сделал первую попытку научного описания старославянской грамматики, ему же принадлежит ряд удачных сопоставлений славянских слов с другими индоевропейскими.

Корреспондент и младший друг Добровского словенец *Ерней (Варфоломей) Копитар* (1780—1844) продвинул славянскую филологию вперед. Он открыл Сборник Клоца и опубликовал вместе с ним Фрейзингские отрывки, изучал и намеревался издать Ассеманиев кодекс, дал немало полезных советов Вуку Караджичу в его словарной работе и разработке норм сербского литературного языка, переписывался со многими тогдашними крупнейшими филологами, но, к сожалению, из-за своего мятущегося характера не мог работать достаточно сосредоточенно. Рьяный полемист, он был одержим идеей первенства паннонского языка, считал его основой старославянского, много сделал для распространения сведений о славянах, о славянских языках, о древнеславянской культуре.

Очень значительный вклад в становление славянской филологии сделал третий из ее основателей — *Александр Христофорович Востоков* (1781—1864). Прибалтийский немец по рождению, он еще в молодости стал русским поэтом и заменил свою немецкую фамилию Остенек русской. Востоков получил возможность работать с древними славянскими рукописями в собрании графа Румянцева (ныне — Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве). Изучение рукописей, в частности превосходное издание жемчужины древнерусской письменности Остромирова евангелия и создание описания Румянцевского собрания рукописей, позволили ему глубже, чем его предшественникам, проникнуть в древнеславянскую лингвистическую проблематику. Востокову принадлежит честь открытия гласного характера ъ и ь, путем сравнения с польским Востоков установил, что старославянские «юсы» обозначали носовые гласные. Востоков составил грамматику, а через много лет и словарь древнеславянского языка. Его «Русская грамматика» была важным шагом в познании живого русского языка.

Между тем продолжалось развитие славистики в Вене, где ее начинал Копитар, и в Праге, где многие годы протекала деятельность Добровского. Следует назвать ряд романтически настроенных славистов первой половины

XIX в.— чехов и словаков Я. Коллара, Ф. Палацкого, Ф. Челаковского; тогда же протекала деятельность не остановившегося перед фальсификацией «древних» письменных памятников В. Ганки. Надо сказать, что подделка Зеленогорской и Краледворской рукописей была довольно искусной, патриотически настроенные чешские деятели приняли их, и крупнейшему чешскому историку языка Я. Гебауэру (1838—1907) пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить общество в том, что рукописи эти — не подлинные произведения древнечешской литературы. Еще в 1886 г. чехи встретили холодно Ягича, зная его скептическое отношение к названным рукописям.

Наиболее значительной фигурой в развитии славистики в Австрийской империи около середины XIX в. был словак *Павел Йозеф Шафарик* (1795—1861). Человек с нелегкой биографией, вынужденный постоянно думать о средствах для жизни и работы, Шафарик создал и издал в 40-х гг. два своих важных свода: «Славянские древности» и «Славянское народоописание». Уже эти два фундаментальных труда обеспечили ему прочное место в славистике, но Шафарику принадлежит и еще множество работ по более частным проблемам славянской филологии и истории.

4.3.2. Становление славистики в России

Еще в 20-х гг. бывший в течение некоторого времени русским министром просвещения А. С. Шишков, председательствовавший до того в Российской Академии, занятой переработкой академического словаря, задумал было организовать славяноведческие кафедры в российских университетах. Высказывались предложения и делались шаги для приглашения на эти кафедры ученых из Австрии — Челаковского, Шафарика, Ганки, но вместо этого были направлены для подготовки к соответствующей работе в путешествие по славянским странам молодые русские ученые — О. М. Бодянский, занявший потом кафедру в Московском университете, П. И. Прейс, недолго до своей ранней смерти замещавший славянскую кафедру в Петербурге, и И. И. Срезневский, профессор Харьковского университета, а затем вскоре, после смерти Прейса, его преемник в Петербурге. Этими учеными был сделан определенный вклад в организацию и развитие славяноведения в России.

В России, естественно, развитие славистики происходило в тесной связи с развитием науки о русском языке, фольклоре, литературе. Это обстоятельство ярко отразилось в трудах русских филологов-славистов второй половины XIX в. Ф. И. Буслаева, В. И. Григоровича, А. Ф. Гильфердинга и др. В. И. Григоровичу принадлежит открытие важнейших старославянских памятников, в числе которых Мариинское и Зографское евангелия; А. Ф. Гильфердинг опубликовал интересные материалы по языку полабских славян; А. Л. Дювернуа изучал язык болгарских письменных памятников; ряд важных сравнительных исследований по духовной культуре славян принадлежит А. С. Будиловичу, А. А. Котляревскому и другим ученым.

Смело обращается к славянскому языковому материалу великий отечественный лингвист *Александр Афанасьевич Потебня* (1835—1891). Украинец по рождению, участвовавший практически (как, кстати, и О. М. Бодянский) в развитии украинской литературы, учившийся в гимназии в Радоме и овладевший там польским языком, воспитанник дяди, бывшего преподавателем русского языка и словесности, Потебня считал сравнительный материал славянских языков и литератур совершенно необходимым и обязательным, когда исследовал факты одного из языков, в частности русского.

В 1862 г. Потебня был отправлен за границу для пополнения образования. Вероятно, царская полиция не знала тогда, что Потебня-филолог — старший брат участника тайной организации «Земля и воля» Андрея Потебни. Андрей Потебня был знаком с Чернышевским, бывал в Лондоне у Герцена и Огарева, организовал среди передовых офицеров, в числе которых был отец Н. К. Крупской, тайную революционную организацию, сотрудничая со своим другом по учебе в кадетском корпусе польским революционером Ярославом Домбровским, который погиб в 1871 г. как генерал Парижской коммуны на ее баррикадах. Во время Польского восстания 1863 г. Андрей Потебня, сражаясь в рядах повстанцев против царизма, погиб. А. А. Потебня узнал о смерти брата, вероятно, из герценовского «Колокола» за 1 мая 1863 г., в котором Огарев посвятил Андрею Потебне прочувствованное надгробное слово. Он решил вернуться домой. По дороге, во Львове, Потебню

задерживает, а затем высылает как «польского шпиона» австрийская полиция. Прибытие Потебни в Россию было встречено злопыхательскими отзывами реакционеров; «Московские ведомости» писали по этому поводу: «Племя Бакуниных и Герценов не перевелось у нас...» Теперь эти слова звучат признанием, а тогда это был политический донос. Потебня срочно, вероятно по указанию полиции, вынужден был уехать из Петербурга, не успев даже повторно, как было договорено, встретиться с И. И. Срезневским. Но и в Харькове к Потебне стали относиться как к подозрительной личности. Кто знает, не потому ли была в 1865 г. отклонена докторская диссертация Потебни по славянской мифологии. Ученый берется за сравнительно-историческое изучение славянского ударения, но эта незаконченная работа увидит свет лишь через сто лет после того, как ученый прекратил над ней работу. Докторскую степень А. А. Потебня получил в 1874 г. за две первые части работы под скромным названием «Из записок по русской грамматике»; следующих два тома этого труда были изданы уже после смерти ученого.

В провинциальный Харьковский университет ехали учиться к Потебне. Сюда приезжал будущий академик Б. М. Ляпунов, видный финский славист Й. Миккола, у Потебни защищали свои диссертации будущий академик и профессор Петербургского университета А. И. Соболевский, будущий профессор Варшавского университета М. А. Колосов. Среди учеников Потебни был видный русский филолог Д. Н. Овсянико-Куликовский. Потебня привлекал своих слушателей и обилием материала, и его разносторонностью, и богатством мысли. «Не знаю, как для других,— вспоминал один из слушателей Потебни А. Г. Горнфельд,— для меня это лицо полно необычной красоты. Этот громадный, сильный лоб, эта тонкая задумчивая улыбка, эта добрая складка рта и пытливый властный взгляд, это «нездешнее» спокойствие — печать высшего напряжения духа в этом слабом старческом теле...» Работы Потебни до сих пор привлекают глубиной мысли и проникновением в разноязычный лингвистический материал. Его синтаксические исследования и сейчас еще представляют немалый научный интерес в славистике.

4.3.3. Становление славистики в Германии и Австро-Венгрии

Немецкая наука и культура проявляла интерес к славянским языкам и народам. Великий немецкий ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716), неоднократно встречавшийся с Петром I, интересовался русским языком, степенью его родства с польским, чешским, а также с языками славян на Адриатике, знал он словенскую грамматику Бохорича, и по его заданию собирались материалы по полабскому языку. Другом славянства был выдающийся немецкий ученый-просветитель Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803), включивший в антологию народной поэзии «Голоса народов в песнях» свои переводы славянских песен. Величайший немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (1749—1832) также следил за публикациями славянской народной поэзии, сам напечатал немецкий перевод полабской свадебной песни (1782), выступил со статьей «Сербские песни» (правда, в пору, когда он уже охладел к романтической идеализации фольклора). Среди гостей Гёте были Н. М. Карамзин, Вук Караджич, В. А. Жуковский. Один из основателей компаративистики Якоб Гримм (1785—1863) не только интересовался славянскими языками и словесностью, но и опубликовал со своими поправками немецкий перевод сербской грамматики Вука Караджича, с которым, как и с Копитаром, состоял в переписке и неоднократно встречался. И потому вполне естественно, что, когда в середине XIX в. Германия стала центром развития языкознания, немецкие ученые включили славянские языки в сферу своих исследований.

Одним из первых был профессор сравнительного языковедения в Йенском университете *Август Шлейхер* (1821—1868). Ученый очень широкого диапазона, занимавшийся восстановлением форм индоевропейского языка и теоретическими проблемами языкознания, Шлейхер уделил славянским языкам специальное внимание. В 1850—1857 гг. великий немецкий языковед работал в Пражском университете, но консервативная обстановка в университете и реакционный политический режим в Австрии, не остановившийся перед обыском на квартире у Шлейхера, заставили разочарованного ученого покинуть Прагу. В 1852 г. им была опубликована старославянская грамматика. Шлейхеру принадлежит заслуга указания на ближайшее род-

ство славянских и балтийских языков. Будучи членом-корреспондентом Российской Академии наук, Шлейхер напечатал в ее трудах исследование об одном из видов славянского склонения, работы о древнем периоде развития северо-восточной (германо-славяно-балтийской) части индоевропейских (индогерманских в тогдашней терминологии) языков. Шлейхер продолжал начатое Шафариком специальное изучение славянских числительных, а после смерти Шлейхера в Петербурге вышла первая грамматика полабского языка, принадлежащая его перу.

В Вене кафедру славянских языков занял выдающийся ученый-славист, определивший целый период в развитии славянского языкознания, словенец по происхождению *Франц Миклошич* (1813—1891). Миклошич создал ряд основополагающих работ по славянской филологии: сравнительный словарь славянских языков, старославянский словарь, второе издание которого до сих пор еще сохраняет научное значение, этимологический словарь славянских языков, также еще служащий славистам, капитальную четырехтомную сравнительную грамматику славянских языков. Ф. Энгельс, практически владевший многими славянскими языками, в 50-х гг. XIX в. предполагал написать сравнительную грамматику славянских языков, но потом, по собственным словам, «отказался от этого, в особенности после того, как эту задачу с таким блестящим успехом выполнил Миклошич». Миклошичу принадлежит ряд специальных исследований по славянским языкам, в том числе сохраняющие научное значение работы о заимствованиях из славянских языков в неславянские и из различных языков, в частности тюркских, в славянские. В свое время «Сравнительная грамматика» Миклошича переводилась на русский язык. И теперь еще книги Миклошича переиздаются и используются. Одна из центральных улиц словенской столицы называется проспектом Миклошича.

Крупным немецким славистом был ученик А. Шлейхера лейпцигский профессор *Август Лескин* (1840—1916). Его сочинение о склонении в балтославянских и германских языках было одной из первых специальных сравнительных работ в области славянской грамматики, выполненных в духе нового тогда младограмматического направления в языкознании, обращавшего большое внимание на факты живых языков и стремившегося найти факторы, обусловливавшие языковые изменения. Лескином была написана (но не завершена) грамматика сербскохорватского языка, но особенно популярными были его грамматика и учебник старославянского языка, переведенные также и на русский язык. Лескин успешно занимался также литовским языком. Благодаря трудам Шлейхера, Лескина, Фортунатова данные литовского языка стали не только достоянием сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и важным источником для установления родственных связей славянских языков с другими индоевропейскими.

4.3.4. И. В. Ягич

Огромную роль в развитии славистики в последней четверти XIX — начале XX в. сыграл *Ватрослав (Игнатий Викентьевич) Ягич* (1838—1923). Ягич родился в хорватском городе Вараждине и свою учебно-научную деятельность начал учителем на родине. Будучи преподавателем гимназии, он проявил интерес к науке и опубликовал в 60-х гг. ряд книг и статей по истории сербскохорватского языка и письменности. В связи с этим Ягич вступил в переписку со многими славистами, в числе которых был русский академик И. И. Срезневский. В 1872 г. Ягич стал профессором сравнительного языкознания в Одессе. Затем в 1874 г. он избран на кафедру славянской филологии Берлинского университета. Здесь Ягич основал первый международный славистический журнал «Архив славянской филологии» (1875—1929; «Archiv für slavische Philologie»). Тома журнала стали как бы местом встречи для славистов разных стран, мостом между славистикой в германоязычных странах и русской славистикой. В 1880 г. Ягич снова в России: его избрали в Российскую Академию наук и в Петербургский университет. В 1886 г. Ягич занял славистическую кафедру Миклошича в Вене, где и проработал до выхода на пенсию. До глубокой старости, до 1920 г., руководил Ягич и своим «Архивом». Ягич, по характеристике В. В. Виноградова, «стремился в своих филологических трудах охватить все славянство, культурные и языковые явления всех славянских народов. Он писал и о древних чешских глоссах в латинской рукописи, и о болгарской надписи X в., и о древнеболгарских переводах византийских произведений, и о вопросах русской диалектологии и истории русского языка, о сербскохорват-

ской грамматике и истории сербскохорватской литературы, и о жизни и трудах Юрия Крижанича, и о Пушкине в славянских литературах, и т. д., и т. д.».

По замыслу И. В. Ягича и под его редакцией стала выпускаться Российской Академией наук «Энциклопедия славянской филологии», в организацию издания которой весомый вклад внес также тогдашний академик-секретарь Отделения языка и словесности Академии А. А. Шахматов. К сожалению, «Энциклопедия» осталась незаконченной. Первый том ее составила монументальная (1000 страниц большого формата) «История славянской филологии», написанная И. В. Ягичем. Ему же принадлежит и третий том, посвященный глаголице. Ягич, последовательно боровшийся с возникшей из-за недостаточной информированности паннонской теорией происхождения старославянского языка, которую выдвинул Копитар и отстаивал Миклошич, занимался очень много проблемами старославянского языка. Ему принадлежит капитальная работа «К истории возникновения старославянского языка», образцовые издания Мариинского и Зографского евангелий, а также многих других памятников старых славянских письменностей. Ягич опубликовал фундаментальный сводный труд «Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке». Но общефилологические интересы не мешали Ягичу заниматься и собственно лингвистическими вопросами, о чем свидетельствуют и его содержательные работы по истории русского языка, по истории славянских грамматических и звуковых систем. Интересно, что Ягич, анализируя лингвистические явления, использовал даже новейший в ту пору статистический прием.

Ягич был не только крупнейшим ученым-индивидом, автором семисот научных трудов, среди которых десятки солидных книг, но и организатором науки. Среди учеников Ягича — крупные советские слависты: академики М. Н. Сперанский и Б. М. Ляпунов, профессор А. М. Лукьяненко и др. Ягич вел переписку со множеством ученых того времени, видимо, со всеми, кто занимался проблемами славянской филологии. И закончить эти строки о Ягиче стоит двумя цитатами из его писем. Именно академику Ягичу, в его «Архив», направил весной 1881 г. свой первый научный труд шестнадцатилетний московский гимназист Алексей Шахматов, в будущем великий русский лингвист. И уже через несколько дней Ягич писал: «Спешу уведомить

Вас, молодой друг, о том, что я сегодня отправил Вашу статейку в Лейпциг в типографию». Еще спустя немногим более месяца, посылая Шахматову корректуру, почтенный петербургский профессор не позабыл добавить: «Желаю Вам благополучно окончить все экзамены — это пока для Вас самое главное». Это были экзамены Шахматова при переходе в предпоследний класс гимназии. Так устанавливалась связь между поколениями ученых.

За свою короткую жизнь *Ватрослав Облак* (1866—1896), уроженец словенского городка Целье, ученик Ягича, успел многое сделать для изучения южнославянских языков. Из-за слабого здоровья Облака Ягич не решился отправить его на север, в Москву, а направил в южнославянские земли. Облаку принадлежит ряд диалектологических, грамматических исследований, рассмотрение филологических вопросов в связи с анализом древнеславянских письменных памятников. Чахотка унесла Облака весной 1896 г. «Много прекрасных надежд похоронено с преждевременной кончиною д-ра Облака», — с горечью писал его учитель Ватрослав Ягич.

4.3.5. И. А. Бодуэн де Куртенэ

Ян Игнацы Нецислав Бодуэн де Куртенэ (1845—1929) родился в Радзымине неподалеку от Варшавы в семье польского землемера, ведущего свой род от участника крестовых походов Болдуина, потомки которого лет четыреста тому назад осели в Польше. Он окончил в Варшаве гимназию, а затем и польский университет («Главную школу»), после чего по стипендии русского министерства народного просвещения отправился в заграничную командировку для продолжения образования. Он учился санскриту в Берлине, побывал в Праге, а в Йене слушал лекции А. Шлейхера и знаменитого естествоиспытателя Э. Геккеля. Бодуэна, еще в гимназии отличавшегося математическими успехами, а в сорок с лишним лет в Дерпте усердно, по собственным словам, занимавшегося высшей математикой и слушавшего на медицинском факультете курс патологии речи, увлекала идея близости языкознания и естественных наук. Одна из первых опубликованных работ Бодуэна — о случаях аналогии в развитии польского склонения — показывала его внимание к живому языковому материалу и к психологическим факторам, обусловливающим измене-

ния в языке. Интерес к существу явлений, к объяснению и обобщению фактов пронес Бодуэн сквозь всю свою научную жизнь. Но вместе с тем он показал себя не только гениальным теоретиком языкознания, не только блестящим полиглотом, свободно говорившим на десятке языков (что редко сочетается), но и скрупулезным собирателем фактов. В работе «О древнепольском языке до XIV столетия», написанной как магистерская диссертация по указанию его петербургского руководителя И. И. Срезневского, Бодуэн собрал и тонко проанализировал материал латинских грамот, в которых встречались отдельные польские слова, представил словарь и описал фонетику дописьменного польского языка. А после трехлетней командировки в Словению, где Бодуэн собрал богатейшие, до сих пор еще не до конца разобранные материалы, он написал солидный труд о фонетике резьянских говоров словенского языка, за который в 1874 г. Петербургский университет присвоил ему степень доктора.

Бодуэн не мог работать в родной Варшаве. Университет был русифицирован, и поляку-преподавателю в нем не было места. В Петербурге, где Бодуэна звали на русский лад Иван Александрович, он в 1870 г. стал первым преподавателем сравнительного языкознания. Но и после защиты диссертации ему пришлось бы здесь существовать на мизерное приват-доцентское вознаграждение. Бодуэн вынужден был поехать в Казань, а затем в Дерпт (ныне Тарту), где он занимал кафедры сравнительного языкознания. В 1893 г. Бодуэн переехал в Краков, где его выбрали членом Академии. Но здесь он пробыл недолго: венское министерство народного просвещения не возобновило с Бодуэном контракта, и он вернулся в Россию, где в 1897 г. был избран членом-корреспондентом Академии наук. Полным академиком Бодуэн так и не стал: помешали его выступления в защиту поляков, украинцев, евреев, направленные против царского самодержавия. «Создавая новую школу лингвистики, долго скитался он, — пишет в своих воспоминаниях о Бодуэне Виктор Шкловский, — по университетам Запада и России бездомным, прославленным и экстраординарным. Звание «ординарного» (профессора.— *А. С.*) считалось по оплате и месту на заседаниях много выше. Ординарное звание Бодуэн получил в 1901 году». Шкловский рассказывает о диспуте, открывшемся его студенческим докладом «О живом слове»: «Бодуэн де Куртенэ встал и еще до прений произнес речь о том, что именно

сегодня, в начале 1914 года, нельзя отрывать слово от смысла, как нельзя отрывать литературу от жизни... В своей речи он не только говорил о национальном угнетении, но и предсказывал, что это приведет к заслуженной гибели империи. Он должен был просидеть год в казематах, которые были похожи на ад в петербургском его воплощении... Заключение свое, так как Петропавловка была переполнена, Бодуэн де Куртенэ отбывал в Крестах — большой тюрьме на Выборгской стороне...»

В 1918 г. семидесятитрехлетнего Бодуэна избрали почетным профессором Варшавского университета. Неспокойным оказался почетный профессор, оставшийся и в Варшаве самим собой, защитником угнетаемых украинцев, белорусов, евреев. Польский ученик Бодуэна академик В. Дорошевский в очерке о Бодуэне, эпиграфом к которому взял строку Бодуэна, написанную по-латыни, «О мертвых, как и о живых, ничего, кроме правды», рассказывает: «В своей вступительной лекции он сказал, что Польша возрождается как государство не для того, чтобы увеличить число государств — империалистических гиен. На эти слова часть аудитории реагировала аплодисментами, часть — свистом. В 1922 г. национальные меньшинства демонстративно выдвинули Бодуэна на пост президента Польши». В буржуазной Польше Бодуэна, конечно, не выбрали президентом, но величие человека и ученого от этого не пострадало.

Список печатных работ И. А. Бодуэна де Куртенэ включает более 600 названий; двести из них — публицистические выступления ученого, несколько десятков — книги. Бодуэн участвовал в редакционной (в частности — этимологической) работе, предшествовавшей изданию известного польского «Варшавского словаря», он подготовил существенно переработанное, приведенное в алфавитный порядок и дополненное третье издание знаменитого словаря Даля. Но главное в труде Бодуэна — не собирательско-издательская деятельность, а стремление проникнуть в существо языковых явлений, дать не просто их описание, но раскрыть механизмы их функционирования, а следовательно, и изменения. С этим связано его понимание фонемы как лингвистической единицы, обращение к психологии, естественным наукам, поиски количественных закономерностей в языке, осуществлявшиеся, как правило, на славянском языковом материале.

Бодуэн одним из первых в славистике обращает внимание на важность живых проявлений языка. Об этом свидетельствует не только его капитальная работа о резьянских говорах, не только то, что он направил своего ближайшего ученика будущего советского академика Л. В. Щербу для изучения неизвестного науке восточносерболужицкого говора, но и интерес его к белорусским народным песням. Бодуэн был также пионером прикладного языкознания, он — один из первых лингвистов, занявшихся научно-технической терминологией. Для развития славистики в наше время очень важно также и то, что Бодуэн один из первых отметил прикладное и теоретическое значение типологического языкознания, и в частности сопоставительного изучения славянских языков. Идеи Бодуэна оказали огромное воздействие не только на его непосредственных учеников, таких, как Л. В. Щерба, Н. В. Крушевский, В. А. Богородицкий, Л. П. Якубинский, Е. Д. Поливанов, В. Дорошевский и другие, не только на русскую и польскую славистику, но вместе с идеями Фердинанда де Соссюра, с которым Бодуэн встречался в Париже в 1881—1882 гг., на все мировое языкознание XX в.

4.3.6. Ф. Ф. Фортунатов

Филипп Федорович Фортунатов (1848—1914), крупнейший русский специалист в области общего и индоевропейского языкознания, вошел в историю науки как основатель Московской лингвистической школы, к которой принадлежали или традиции которой продолжали многие совершенно различные ученые, объединяемые в значительной мере авторитетом основателя школы. Это — В. К. Поржезинский и Г. К. Ульянов, Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаков, М. Н. Петерсон и А. М. Пешковский, А. И. Томсон и сам великий Шахматов, члены будущего московского лингвистического кружка, а также создатели Московской фонологической школы — Р. О. Якобсон, Р. И. Аванесов, А. А. Реформатский, В. Н. Сидоров и др.

Биография Фортунатова не богата событиями. Он родился в Вологде в семье учителя гимназии, которого вскоре перевели директором гимназии в Петрозаводск, где начал учиться будущий великий лингвист. Потом — Московский университет, где Фортунатов сначала (1864—1868) был студентом, затем готовился к магистерским

экзаменам, сдал их и по умной традиции русских университетов был отправлен для продолжения образования за границу — в Германию, Францию, Англию. После возвращения из-за границы Фортунатов вместе с будущим известным иранистом В. Ф. Миллером едет в Литву, записывает литовские народные песни, изучает старопечатные книги, придавая особое значение особенностям живой диалектной речи. И магистерская диссертация Фортунатова (1875), посвященная языку санскритского письменного памятника, получает знаменательное приложение — «Несколько страниц из сравнительной грамматики индоевропейских языков» (кстати, «несколько» в этом заглавии означало 67!). С 1876 г. Фортунатов в качестве доцента, а с 1894 г. — профессора читает лекции по сравнительному языковедению вплоть до 1902 г., когда избранный в Академию наук, ученый переезжает в Петербург. Здесь Фортунатов участвует в работе Отделения русского языка и словесности Академии и редактирует академические издания до скоропостижной смерти в д. Косолме близ Петрозаводска, где он по обыкновению проводил лето.

Хотя Фортунатов, исключительно требовательный к себе, к четкости и отточенности своих выводов, очень мало писал (если не считать нескольких записанных студентами литографированных курсов, им было напечатано при жизни 34 работы, большей частью — статьи), его хорошо знали лингвисты во всей Европе, к нему ездили учиться даже из центра тогдашней лингвистической жизни — Германии. Фортунатов предложил несколько очень убедительных решений, связанных с использованием в славянском языкознании данных индоевропейской компаративистики (сравнительно-исторического языковедения) и общелингвистических идей. Так, например, одновременно с де Соссюром Фортунатов разъяснил переход ударения в балтийских и славянских языках с краткого или долгого слога с нисходящей интонацией на долгий слог с восходящей интонацией; ср.: *бе́рег — на берегу́, нос — на носу́*. От Фортунатова идет и пристальное внимание к вопросу о плане выражения грамматических категорий: к формальным признакам классов слов, которые противопоставлялись традиционным частям речи; это внимание привело к новой, более совершенной трактовке центрального

понятия славянской грамматической системы у наших современников, стремящихся учесть здесь как содержание, так и его формальное отражение.

В горьких строках некролога А. А. Шахматов, по представлению которого Фортунатов был избран в Академию, писал: «В трудах Фортунатова нас поражает глубокий, проникновенный анализ: изучаемым им явлениям давалось столь яркое освещение, что оно своею силой озаряло и все смежные области, вызывая стройные научные представления о целых группах соседних явлений». А началась дружба Фортунатова и Шахматова в 1879 г., когда гимназист Шахматов пришел к Фортунатову, тогда уже крупному ученому. Пятиклассник Шахматов в ту пору изучал по совету В. Ф. Миллера компендиум сравнительного языкознания А. Шлейхера и разбирался в рукописном Житии Феодосия в Синодальной библиотеке. И Фортунатов, как писал потом в своей автобиографии Шахматов, отнесся к нему с отеческою заботой и принял его всецело под свое руководство. По программе, составленной Фортунатовым, Шахматов изучает греческую фонетику, старославянский, санскрит; он посещает лингвистический семинар Фортунатова в университете. Пройдут годы, Шахматов станет студентом Фортунатова, а потом опередит его по избранию в Академию. Но основанные на взаимном уважении и общности научных интересов дружеские отношения сохранятся. И не одному Шахматову указал Фортунатов путь в науку. «В скромной квартире Филиппа Федоровича, — вспоминал другой ученик Фортунатова, В. К. Поржезинский, — скоро образовалась своего рода академия по языкознанию». На знаменитых фортунатовских четвергах встречались языковеды-москвичи и те, кто приезжал к Фортунатову поучиться из других мест России и из-за границы, обсуждались волновавшие живую лингвистическую мысль проблемы. Значение Фортунатова для славянской лингвистики не только в его личных открытиях и обобщениях, но и в том, что ученому удалось создать вокруг себя обстановку, содействовавшую росту и развитию науки и людей науки в России — самой большой славянской стране. Школа Фортунатова способствовала тому, что славистика в XX в. стала одной из ведущих отраслей мировой лингвистики.

4.3.7. Организация и результаты развития славистики в XIX в.

XIX век ознаменовался не только крупным шагом вперед в области общей языковедческой славистики, но и очень значительными достижениями в изучении отдельных славянских языков. К концу XIX в. произошло уже становление почти всех славянских литературных языков, а следовательно, стало возможным осуществить их научное описание. Это и было сделано с большим или меньшим успехом как в форме словарей, так и в форме фундаментальных грамматик. Если в начале XIX в. фундаментальные словари имелись практически лишь для русского и польского языков, то в течение XIX в. появляются чешский словарь Юнгманна, серболужицкий Пфуля, белорусский Носовича, украинский Желеховского, словенский Плетершника, сербскохорватский сначала Вука, а потом Ивековича и Броза, болгарский Герова, новые, более совершенные русские и польские словари (в том числе русский словарь Даля и польский виленский словарь). В многочисленных грамматиках и правописаниях славянских языков осуществляется нормализация, даются учебные материалы, а также производятся опыты научного описания звуковой и грамматической системы отдельных славянских языков.

В середине XIX в. появляются первые исторические грамматики отдельных славянских языков, призванные представить картину исторической эволюции звуковой и грамматической системы того или иного языка; одной из первых таких грамматик была историческая грамматика русского языка Ф. И. Буслаева. В 1894 г. начала выходить многотомная историческая грамматика чешского языка Яна Гебауэра, основанная на огромном материале письменных памятников. В последней трети XIX в. пробуждается интерес к описанию диалектов славянских языков, диктуемый пониманием значения народной речи для раскрытия динамики системы всего языка в целом. От довольно романтических, далеких от четкости представлений о старославянском языке, характерных для основателей славянской филологии в начале XIX в., к концу века благодаря открытию основных письменных памятников этого языка и их публикации наука пришла к созданию фундаментальных описаний грамматики (А. Лескин) и достоверных

словарей (Ф. Миклошич, А. Х. Востоков) древнейшего славянского письменного языка.

На начальном этапе развития славистика не имела еще специальных организационных форм. Домашним учителем у графов Ностицев начинал свой трудовой путь Йосеф Добровский, а в доме барона Цойса началась деятельность другого основателя славянской филологии — Варфоломея Копитара.

Немалую роль в развитии филологической науки в XIX в. в славянских странах играли гимназии, да и вообще средние школы. Выпускались учебные программы гимназических курсов, а составлявшиеся тогда учебные пособия были нередко результатом исследовательского труда их авторов не столько в области дидактики, сколько в области филологии. Именно такой характер имели первые публикации И. В. Ягича. В средних школах работали крупные филологи и позже, особенно в начале своей трудовой деятельности: Н. В. Крушевский, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский и составитель одного из первых русских этимологических словарей А. Г. Преображенский. Университетская славистика появлялась медленно и постепенно, для небольших же славянских народов гимназии были в течение долгого времени своего рода академиями. Для многих славистов в рамках Австрийской империи получить место гимназического преподавателя («профессора»!) было мечтой.

Важное место в развитии филологической науки занимали библиотеки и музеи. Копитару удалось стать библиотекарем в Венской придворной библиотеке. И для незаконнорожденного сына остзейского барона Остен-Сакена — Александра Востокова работа в библиотеке была делом жизни. Заикание помешало поэту, а потом студенту Академии художеств, где Востоков изучал архитектуру, пойти по педагогической линии. И он работал библиотекарем в Академии художеств, потом переводчиком, а потом снова в Публичной библиотеке, а также в Румянцевском музее. В библиотеках и музеях слависты имели возможность непосредственно работать с древними рукописями, способствовать собиранию ценных книг, описывать их, открывая для других эти ценные памятники духовной культуры. Музеи и библиотеки выпускали свои труды, а знаменитый «Часопис чешского музея» в течение многих десятков лет оставался главным чешским историко-филологическим журналом, хорошо известным не только чехам.

В середине XIX в. славянская филология становится и предметом университетского изучения. Создаются первые кафедры славянской филологии как в России (в Петербурге и Москве, а потом и в других университетах, в частности в Харькове), так и за рубежом: в Вене, Кракове, Берлине, Праге. Университеты в течение долгого времени были и продолжают оставаться важнейшими центрами развития славянской филологической науки. Университетские кафедры не только соединяют преподавательскую деятельность с научной, но и являются распространителями через своих выпускников достижений науки в широких слоях общества. Именно в университетах складываются благоприятные условия для подготовки научной смены, для обеспечения беспрерывности в развитии науки. Это в полной мере касается и славянской филологии. Значение университетов в развитии науки измеряется не только числом научных трудов преподавателей, не только числом научных светил, подымавшихся на кафедры для чтения лекций, даже не только числом научных звезд первой величины среди выпускников университета, но прежде всего созданием в широких слоях общества атмосферы уважения и понимания роли науки, а это достигается трудом сотен и тысяч людей, вышедших из университетов и пропагандирующих науку. И потому включение славянской филологии в цикл университетских дисциплин, профессорская деятельность многих выдающихся филологов-славистов явились важными факторами в развитии науки.

С XVIII в. в славянских странах начинают возникать также различные ученые общества, а потом и академии, в числе занятий которых оказывается и забота о родном языке, родной и родственной словесности, о родных и вообще славянских древностях. Так, в 1783 г. в Петербурге была создана Российская Академия, в состав которой входили Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, а позже В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. Российская Академия подготовила и издала в 1789—1794 гг. первый крупный толковый словарь русского языка. В 1804 г. при Московском университете было создано Общество истории и древностей российских, а в 1811 г. — Общество любителей российской словесности, издавшее среди прочего словарь В. И. Даля. Научные общества и академии печатали труды по своему профилю, отчеты о своих заседаниях, присуждали награды за успешную разработку тех или иных научных проблем.

Первым славянским филологическим журналом стали «Филологические записки», которые в 1860 г. в провинциальном, не имевшем высших учебных заведений Воронеже начал издавать учитель кадетского корпуса (среднего военного учебного заведения) А. А. Хованский. Спустя несколько десятилетий один академик будет строго говорить о недостаточно высоком уровне некоторых материалов этого первого научно-популярного журнала по славянской филологии. Но мы не можем забыть и того, что именно здесь А. А. Потебня опубликовал и свою работу о полногласии, и статьи по вопросам русской и украинской (малорусской) диалектологии, и первую часть книги непреходящего значения — «Из записок по русской грамматике»; здесь напечатан был русский перевод знаменитой лекции А. Шлейхера «О значении языка для естественной истории человека» и других его работ; здесь опубликовал свои «Глоттологические заметки» и некоторые другие статьи И. А. Бодуэн де Куртенэ; здесь были напечатаны переводы работ крупнейших зарубежных филологов: М. Мюллера, Г. Курциуса, И. Тэна, У. Уитни; здесь печатались Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, А. Н. Афанасьев, Н. А. Лавровский, И. И. Срезневский, Я. К. Грот; здесь были напечатаны отрывки из «чтений» (лекций) Ф. Челаковского о славянских языках, статья Л. Каравелова о Вуке Караджиче, этнографический очерк кашубов П. А. Лавровского... Трудно было издавать первый филологический журнал: у его издателя не было состояния, и все дело вел он сам и его дочери; подписчиков в первые годы было всего лишь две сотни, а потом сотен пять (теперь «Русский язык в школе» печатается у нас тиражом более 250 000 экземпляров; сравните эти цифры 500 и 250 000!). Но журнал жил, его выписывали учителя, он попадал в библиотеки, он отвечал возникшим в обществе потребностям. И вслед за «Филологическими записками» (они просуществовали до революции, хотя последние десятилетия журнал стал скорее методическим и уже мало привлекал к авторству крупных филологов) в 1879 г. начинает издаваться в Варшаве «Русский филологический вестник», редакторами которого были М. А. Колосов, А. И. Смирнов, Е. Ф. Карский; в этом журнале, также просуществовавшем до 1917 г., печатались А. А. Потебня, В. А. Богородицкий, А. А. Шахматов и др. Но между тем возник уже в 1876 г. и первый славистический журнал международного характера — созданный И. В. Ягичем «Archiv für slavische Philologie», объединивший в рядах своих авторов и сотрудников чуть ли не всех ведущих славистов периода его существования (1876—1929); после смерти Ягича пять томов журнала редактировал крупный немецкий славист, составитель этимологического словаря славянских языков (прекращенного на букве М) Эрих Бернекер (1874—1937). Филологические периодические издания появляются и в других славянских странах. Одним из первых был в Праге журнал «Listy filologické», издающийся с 1874 г. до сих пор. В начале XX в. начинают выходить журналы, посвященные отдельным славянским языкам, такие, как выходящие до сих пор польские журналы «Poradnik językowy» (с 1901 г.) и «Język Polski» (с 1913 г.). В 1914 г. был основан выходящий до сих пор журнал «Русский язык в школе».

4.4. СЛАВИСТИКА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

4.4.1. Восточнославянская славистика

Еще в конце XIX в. началась научная и преподавательская деятельность многих видных русских филологов, успешно работавших в области славяноведения. Блестящий полиглот, востоковед и специалист по классическим (греческому и латинскому) языкам, *Федор Евгеньевич Корш* (1843—1915) занимался и рядом вопросов славянской филологии. Феноменальные знания языков позволяли Коршу осуществлять переводы с самых различных языков, например с древнееврейского на украинский. Талантливый поэт, Корш делал стихотворные переводы с древнегреческого и латинского, итальянского и новогреческого, румынского и венгерского, датского и персидского, сербского и польского на русский; словенского поэта Прешерна он переводил на украинский, Пушкина и Фета, Гете и Шиллера, древнегреческих, армянских и персидских поэтов — на латинский язык, с русского (Пушкин), словенского (Прешерн), немецкого (Гете, Шиллер), арабского, персидского Корш переводил на греческий. Знаток и любитель поэтического слова, Корш писал по вопросам славянского стихосложения, делал яркие доклады о творчестве Пушкина, Шевченко, Гоголя, Словацкого. Автор грамматики русского языка, написанной по-сербски и вошедшей в историю как одно из самых точных описаний звуковой системы русского

языка начала нашего века. Р. Кошутич писал, что Корш, родившийся в Москве «спустя шесть лет после смерти Пушкина и два года после смерти Лермонтова... рос в этом великом городе, в кругу прекрасной московской молодежи, был истинным Москвичом, типичным представителем своего поколения и его произношения. Несмотря на это, он был лучшим руководителем при изучении этого говора, потому что умел, как гениальный лингвист и человек тончайшего слуха, точно анализировать и характеризовать свое произношение». Русскому произношению Корш посвятил специальные работы, в которых проявляется эстетически-влюбленное отношение автора к звучащей речи. Корш возглавил работу Московской диалектологической комиссии, публиковал славянские этимологии, исследуя, в частности, восточные элементы в русском языке, анализировал «Слово о полку Игореве», был активным сторонником реформы русского правописания, смело выступал в защиту украинского языка и культуры, изучал славянские древности.

Роман Федорович Брандт (1853—1920) занимался многими вопросами славянской сравнительной грамматики, опубликовал «Краткую сравнительную грамматику славянских языков» (1915), был пионером изучения ударения в славянских языках, осуществленного в его монографии «Начертание славянской акцентологии» (1880). *Петр Алексеевич Лавров* (1856—1929) был крупнейшим специалистом в области древней письменности южных славян, особенно по кирилло-мефодиевской проблематике; им был, в частности, подготовлен свод материалов по возникновению древнейшей славянской письменности, вышедший уже после его смерти (1930). *Вячеслав Николаевич Щепкин* (1863—1920) работал в близкой области. Он, в частности, подготовил издание и написал исследование о языке одного из старославянских евангелий — «Саввиной книги». Знаток старой славянской письменности, он подготовил «Учебник русской палеографии», переиздание которого (под названием «Русская палеография») спустя полвека после написания, в 1967 г., говорит о большой значимости этого труда. *Алексей Иванович Соболевский* (1856—1929) — автор многих частных исследований по вопросам истории русского языка, в которых широко привлекался не только восточнославянский материал (в связи с пониманием его как единого русского), но и данные других славянских

языков. Соболевскому принадлежат содержательные лекции по старославянскому языку, а его лекции по истории русского языка до сих пор являются очень важным источником сведений по исторической грамматике.

Видное место в отечественной славянской филологии занимает основоположник белорусской филологии *Евфимий Федорович Карский* (1860—1931). Он родился в семье учителя маленькой сельской школы в деревне Лаша на Гродненщине. Отец не имел средств на обучение сына в гимназии и отдал его в бурсу. А после окончания духовной семинарии будущий академик учился в Нежинском историко-филологическом институте, потом был учителем в одной из виленских гимназий, сдал магистерские экзамены и с 1893 г. стал преподавать в Варшавском университете. После защиты докторской диссертации в Москве варшавский профессор получил длительную командировку к южным славянам. Вскоре после этой поездки вышел «Очерк славянской кирилловской палеографии». Еще будучи учителем гимназии, Карский напечатал школьный учебник церковнославянского языка, переиздававшийся затем 17 раз. В дальнейшем Карский обращался к анализу языка и изданию старославянских текстов (листки Ундольского, надпись царя Самуила), а в конце жизни снова вернулся к проблемам славянской кирилловской палеографии, капитальный обзор которой опубликовал в 1928 г. В течение всей своей жизни, будучи редактором «Русского филологического вестника», а с 1916 г. академиком и редактором академических изданий, Карский тщательно следил за публикациями в области славистики и выступал в печати с обзорами и рецензиями, которые знакомили читателей с важнейшими результатами в области славянской филологии, особенно языкознания. Преподавательская деятельность Карского, протекавшая после 1916 г. в Петрограде — Ленинграде, его работа в различного рода академических комиссиях и учреждениях, участие в первом съезде славянских этнографов и географов в Праге в 1924 г.— все это оставило глубокий след в развитии русской и советской славистики.

Но, занимаясь старославянским языком, издавая древнерусские памятники, в частности «Русскую правду», анализируя разную славистическую литературу, Е. Ф. Карский помнил и любил свою родную Беларусь. Главным трудом Карского является его многотомный труд «Белорусы»,

включающий характеристику литературы, этнографии, языка белорусского народа. Особенно важны и значительны недавно переизданные части труда Карского, посвященные языку. Эпиграфом к своему труду взял Карский отрывок из предисловия белорусского первопечатника Ф. Скорины к одной из библейских книг: «Понеже от прирожения звери, ходящие в пустыни, знають ямы своя; птици, летающие по возъдуху, ведають гнезда своя; рибы, плавающие по морю и в реках, чують виры своя; пчелы и тым подобныя боронять ульев своих,— тако ж и люди, игде зродилися и ускормлены суть по бозе, к тому месту великую ласку имають». Великому белорусскому ученому не пришлось работать в Белоруссии. Лишь в каникулярное время организовывал он сюда экспедиции, собирал диалектные и фольклорные материалы, поддерживал связи с другими белорусоведами, а когда в Минске решено было по ленинскому декрету создать университет, возглавил комиссию при Минском губернском Комиссариате народного просвещения по организации университета. Но Карским было создано комплексное историко-диалектологическое описание белорусского языка, подготовлены издания и описания памятников западнорусской (белорусской) письменности, которые определили его прочное место в истории белорусской науки как основоположника научного изучения белорусского языка и словесности. И это также является чрезвычайно весомым вкладом в развитие славяноведческой науки.

Центральной фигурой в развитии русской, а пожалуй и мировой славянской, филологии стал в конце XIX — начале XX в. гениальный русский языковед *Алексей Александрович Шахматов* (1864—1920). Первое публичное научное выступление А. А. Шахматова состоялось на магистерском диспуте А. И. Соболевского, когда после официальных оппонентов, по словам соученика Шахматова А. Сиротинина, «вдруг к удивлению всех поднялся маленький гимназист в синеньком мундирчике с серебряной каймой и стал возражать, да так дельно, так основательно, что Соболевскому пришлось отражать удары, как будто их наносила рука опытного бойца». Выступлению на диспуте предшествовала немалая работа.

Оставшись семи лет без родителей, Леля Шахматов воспитывался у дяди под Саратовом. Еще в десять лет задумал он написать историю России, а, будучи с лечившимся дядей за границей, двенадцатилетним мальчиком

делал в Мюнхенской библиотеке выписки из античных авторов Страбона и Помпония Мелы о древнейших обитателях России. В IV Московской гимназии русский язык и словесность преподавал А. Г. Преображенский, составивший позже известный этимологический словарь русского языка. Обстановка в гимназии пришлась по душе талантливому гимназисту. А в свободное от уроков время он посещал семинары Ф. Ф. Фортунатова, принявшего его в круг своих учеников, работал над рукописями в древлехранилищах, занимался самообразованием по плану, составленному Фортунатовым и Коршем. Еще гимназистом Шахматов публикует свою первую статью в «Архиве славянской филологии» Ягича. Спустя несколько лет он оканчивает Московский университет и в 1890 г. начинает после магистерских экзаменов читать в нем курс истории русского языка в качестве приват-доцента. Но неожиданно Шахматов принимает должность земского начальника и отправляется в Саратовскую губернию, где прошло его детство. Решение это было принято в конце того же 1890 г., когда А. П. Чехов совершил свое знаменитое путешествие на Сахалин. Объясняя Фортунатову мотивы своего решения, Шахматов писал: «Здесь в постоянном столкновении с живой народной струей я запасусь той энергией, которая будет мне необходима, чтобы поднять тяжелое бремя профессуры, запасусь тем живым интересом к родному народу, который научит меня глубже и разностороннее вникнуть в его язык». В том же письме Шахматов обещал Фортунатову продолжить свою работу над магистерской диссертацией, которая, правда, несколько затянулась. Зимой 1894 г. Шахматов представил диссертацию на факультет, и в марте состоялась защита. По представлению оппонентов Р. Ф. Брандта и Ф. Ф. Фортунатова Шахматову была присуждена сразу же вместе со степенью магистра степень доктора русского языка и словесности. В том же году Шахматова избирают адъюнктом (стажером), потом экстраординарным, а в 1899 г. ординарным академиком. Тридцатипятилетний академик активно взялся за работу. Ему удалось восстановить и сделать интересным научным изданием «Известия Отделения русского языка и словесности» Академии наук, наладить работу по составлению академического словаря, расширить круг читателей и возможности использования ими литературы в академической библиотеке, где он был директором. Будучи председателем

Отделения русского языка и словесности Академии, Шахматов очень многое сделал для издания «Энциклопедии славянской филологии». В 1908 г., уже крупным ученым, Шахматов вновь пришел в университетскую аудиторию, на этот раз Петербургского университета.

А. А. Шахматов был окружен большим количеством учеников, по воскресеньям его кабинет заполнялся множеством людей, здесь можно было встретить и академика, и сельского учителя, и студента, и приехавшего в Россию иностранного филолога; все они находили и доброе слово, и деловой совет, и внимание к своим научным вопросам.

Наука была, как говорил в речи памяти Шахматова его ученик, тогда еще молодой профессор-историк декан факультета общественных наук Петроградского университета М. Д. Приселков, «его радостью, отдыхом, счастьем». Среди прямых учеников А. А. Шахматова — академики В. В. Виноградов и С. П. Обнорский, Е. С. Истрина, П. Н. Сакулин, П. А. Расторгуев, Д. Н. Ушаков... Вероятно, невозможно назвать русского ученого, занимавшегося проблематикой, близкой А. А. Шахматову, который бы не испытал его очень значительного влияния. А круг вопросов, которыми занимался Шахматов, чрезвычайно широк. Это прежде всего глубочайший филологический анализ разнообразных источников по истории русского языка — письменных памятников, с десятками которых Шахматов был знаком с детства и притом не в изданиях, а в подлинниках. Особенно много внимания уделил Шахматов летописанию, показав отнюдь не уравновешенную объективность летописцев, но их политическую страстность и активность, пытаясь реконструировать различные части летописей. И не только летописи, но и грамоты, в частности новгородские, и жития, и различные сборники были в поле зрения Шахматова. Ученый не ограничивался фактами письменной речи. Он широко и решительно привлекал данные говоров. Для этого он не только обращался к материалам других диалектологов, но и самостоятельно изучал народные говоры, организовывал сбор диалектологических материалов. Вот строки из автобиографии Шахматова: «В 1908 г. ездил в Борисовский уезд Минской губернии для изучения белорусского языка. В 1911 и 1912 году ездил в Егорьевский и Спасский уезды Рязанской губернии для исследования живой местной речи»... Шахматов скромно не упомянул

в автобиографии, что в 1914/15 учебном году он читал по материалам своих поездок и научной литературы университетский курс «Белорусский язык в современных его говорах».

Однако сила Шахматова как исследователя не только и не столько в его тончайшем и проникновенном анализе фактов. Его сила в постоянном стремлении к синтезу. Шахматова не устраивала остановка на горе фактов, как это бывало у многих его предшественников: он стремился объяснить факты, стремился к построению единой концепции, объясняющей факты в их движении и развитии. Поэтому почетное место в шахматовском наследии занимают интереснейшие работы о древнейших судьбах русского языка. И здесь Шахматов предстает, по словам одного из его учеников — М. Г. Долобко, как славист, занятый историей русского языка. Широкие славистические знания Шахматова получили выражение в специальных его работах о сербском ударении и словенском аканье, в работах по истории украинского языка, на защиту которого он неоднократно вставал, в статьях о лужицком и белорусском языках, в разборе капитальной чешской исторической грамматики Гебауэра, осветившем по-новому многое из собранного чешским ученым материала. Широкие славистические познания позволяли Шахматову построить с размахом и достоверностью синтетическую картину развития славянских языков от праславянского до современности. Эту картину многовековой истории народа и языка Шахматов не боялся исправлять и дополнять, а его авторитет великого ученого и замечательного человека от этого не страдал.

А. А. Шахматов — не только историк языка. Вузовский курс современного русского языка, который теперь является стержневым в подготовке филологов, приобрел эти черты именно в лекциях Шахматова. Шахматов активно работал в комиссии по реформе русского правописания; именно ему и Фортунатову принадлежит ведущая роль в составлении и защите академического проекта реформы русской орфографии, которую смогла утвердить своим декретом только Советская власть. Интересно, что необходимость и целесообразность реформы русской орфографии Шахматов обосновывает не только насущными нуждами школы, но и широким обращением к истории русской письменности, к истории славянской письменности вообще.

В речи на орфографическом совещании в мае 1917 г. Шахматов говорил: «Переходя к предстоящему нам преобразованию русского правописания, мы, как я думаю, последуем тому самому началу, которое заставило солунских братьев отказаться от мысли навязать болгарам, чехам, мораванам чуждый им греческий язык... Мы откажемся от исконно чуждых русскому языку или ставших ему с течением времени чуждыми написаний и заменим написаниями, соответствующими русским звукам». Великий русский языковед и здесь, как и в других филологических вопросах, мыслил широкими историческими категориями. Роль Шахматова в развитии русской, а с ней и мировой славистики в начале XX в. огромна. Пожалуй, именно Шахматов завершил тот процесс, который обусловил становление нашей страны как центра славянской филологии.

Развитие русской славистики тесно связано с изучением богатейшего рукописного наследия, сосредоточенного в отечественных книгохранилищах. Комплексный филологический анализ этого наследия с уклоном в литературоведение успешно осуществлялся и ведется блестящей школой историков древней русской литературы, уделявших немалое внимание славянским связям древнерусских книжников, а также вопросам истории других древних славянских литератур. Одним из крупнейших специалистов в области древних русско-славянских литературных связей был академик *Михаил Нестерович Сперанский* (1863—1938). Превосходный знаток древних славянских рукописей, изучивший рукописные фонды русских собраний, в частности Исторического музея в Москве, Сперанский много работал над южнославянской письменностью, неоднократно бывал в южнославянских странах, изучая палеографию, язык, литературную историю древней славянской письменности. Очень многое для издания и изучения древних славянских памятников письменности сделал академик *Василий Михайлович Истрин* (1865—1937). В историю нашей филологической науки вошел знаменитый семинарий древней славянской литературы сначала киевского профессора, а затем петроградского и ленинградского академика *Владимира Николаевича Перетца* (1870—1935). Это была замечательная школа коллективизма в науке: участники семинария докладывали результаты своих разысканий, обсуждали их, вместе ездили в древлехранилища, знакомились с рукописями, подолгу спорили в скромной квартире Перетца на

четвертом этаже. Один из участников семинария в стихотворной «Семинариаде» писал шутливо:

Высокий Перетц воевода
В своем высоком терему
Собрал там множество народа,
Дай, боже, здравия ему.

Из семинария Перетца вышел ряд крупных ученых-литературоведов; видное место занимала среди них курсистка Киевских высших женских курсов, докладом которой открылся семинарий в 1907 г., Варвара Павловна Адрианова-Перетц (1888—1972), ставшая женой руководителя семинария, а после его смерти в течение многих лет бывшая одним из руководителей изучения древней русской литературы в нашей стране. К тому же поколению, что Перетц, принадлежал и другой видный специалист в области древней литературы Александр Сергеевич Орлов (1871—1947), интересы которого, однако, были ближе к вопросам истории собственно русской литературы.

В развитии украинской славистики дореволюционного периода очень важную роль сыграл великий украинский писатель, ученый и общественный деятель *Иван Яковлевич Франко* (1856—1916). Еще в 1893 г. он защитил подготовленную под руководством Ягича докторскую диссертацию о литературной истории романа о Варлааме и Иосаафе, известного в старинных славянских переводах. Это исследование выполнено было на основе анализа рукописи Палеи XVI в. Франко публикует специальное исследование о болгарском варианте притчи о единороге (1896). В карпаторусской письменности XVII—XVIII вв. Франко обнаруживает интересные варианты сказания об Индийском царстве (1901), переделки Александрии (1900). Он публикует текст апокрифической повести о Сивилле (1895), а также другие староукраинские апокрифические тексты: о Соломоне, о Китоврасе, об Иуде (1896—1899). Франко сравнивает тексты в различных редакциях и публикует такие сравнения, например, применительно к «Слову о правде и неправде» (1906); он обращается и к устной передаче старинных текстов. В своей «Истории украинской литературы» Франко раскрывает древние связи украинской и древнерусской литературы с другими славянскими. Он готовил издание сочинений одного из прямых учеников Константина и

Мефодия — Климента Охридского по известным ему львовским рукописям. Много и плодотворно работал Франко над собиранием и анализом фольклорных текстов, разумеется, прежде всего родных. Но он интересовался и фольклором других славянских народов: «В свободные минуты,— писал он М. П. Драгоманову,— я упиваюсь сербскими песнями Вука и перевожу из них то, что мне особенно нравится».

В статьях по языковедческим вопросам Франко выступал за единство украинского национального литературного языка, за ориентацию его на народную основу. Он подчеркивал, что язык надо изучать как живое растение, а не засушивать его мертвыми правилами и формулировками. Он отмечал, что «писатель, у которого нет своего индивидуально-окрашенного языка,— слабый писатель, он пишет бесцветно, вяло и не может рассчитывать на устойчивую и длительную популярность». В 1907 г. А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш выдвинули кандидатуру И. Я. Франко в академики Петербургской Академии наук, но царское правительство запретило избирать в Академию поэта-революционера. Лишь после смерти Франко Академия почтила его присуждением премии за трехтомное исследование украинских народных песен. Работы Франко в области славянской филологии, особенно старинной литературы и фольклора, сохраняют научное значение до нашего времени.

Крупный украинский славист *Илларион Семенович Свенцицкий* (1876—1956) окончил в 1899 г. Львовский университет. Несмотря на бесспорные научные заслуги Свенцицкого, его долго не допускали к работе в родном университете. Лишь в 1934 г. ему разрешили читать лекции по-польски, а профессором Свенцицкий стал только в 1939 г., после воссоединения Западной Украины с УССР. Свенцицкий очень много и успешно работал над рукописями, а также славянскими старопечатными книгами, хранившимися во Львове. Ему принадлежат исследования по самым различным вопросам славянской филологии, этнографии, фольклористики и искусствоведения. Книги по истории болгарской литературы и по истории новогодних и рождественских колядок и щедровок, монографии о начале украинского книгопечатания и о развитии белорусской литературы, работы о Максиме Греке и его роли в истории русской культуры и о названии «Русь», очерки о языке древнерусских деловых памятников — таков далеко не полный перечень работ ученого, бегло характеризующий его широкую эрудицию и разносторонние славистические интересы. Многие советские слависты в той или иной форме прошли школу И. С. Свенцицкого.

В начале XX в. развернулась деятельность *Виктора Карловича Поржезинского* (1870—1929), ученика Ф. Ф. Фортунатова, профессора Московского, а после восстановления Польши — Варшавского университета. Поржезинский — специалист в области индоевропеистики, он специально занимался балтскими языками, но исследовал также западнославянские языки и выпустил «Сравнительную грамматику славянских языков» (1914), читавшуюся им в Московском университете.

Степан Михайлович Кульбакин (1873—1941) занимался различными славянскими языками, опубликовал краткие грамматические очерки сербскохорватского, украинского языков, изучал историю и диалектологию польского языка. Кульбакин — автор известной грамматики старославянского языка, вошедшей в состав «Энциклопедии славянской филологии» и переведенной на чешский, сербскохорватский и французский языки.

Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937) был ученым очень широких славистических интересов. Он много занимался исследованием древнеславянских памятников письменности, вопросом о происхождении славянского письма. В 1916 г. вышла в Нежине «Праславянская грамматика» Ильинского, являвшаяся одним из первых сочинений этого рода, в которой был обобщен и собственный исследовательский опыт автора, и обширная изученная им литература. В течение всей своей жизни Ильинский готовил издание славянского этимологического словаря, опубликовал несколько сот этимологий в отдельных статьях и заметках, однако этот труд ученого остался незавершенным. Не было опубликовано и переработанное издание праславянской грамматики Ильинского, несмотря на высокую оценку, данную ей специалистами, так как Ильинский не мог принять вульгарно-социологических построений так называемого «нового учения о языке», пропагандировавшихся в советском языкознании 20—40-х гг. В различных журналах разбросаны многочисленные рецензии Ильинского, а также его статьи по истории славистики.

4.4.2. Славистика у западных и южных славян

Интерес к славянской проблематике в польской филологии проявился уже во времена Добровского. Еще в труде «польского Карамзина» — историка Адама Нарушевича (1733—1796) — говорилось о предшествующем польскому общеславянском периоде. Создатель первого польского толкового словаря Самуил Богумил Линде (1771—1817) составлял в конце жизни планы сравнительного польско-русского словаря. Широки были славистические интересы филолога Ежи Самуэля Бандтке (1768—1835), а позже историка и идеолога освободительного движения Иоахима Лелевеля (1786—1861). Адам Мицкевич читал лекции о славянских литературах в Париже. Однако сложные общественно-политические условия развития польской науки в XIX в. тормозили появление сравнительно-языковедческих исследований польских ученых в то время. Лишь к концу XIX в. относится деятельность великого польского и русского лингвиста Яна (И. А.) Бодуэна де Куртенэ, но и она протекала большей частью вне Польши. Польские слависты того же поколения — Антони Калина (1846—1906), изучавший историю болгарского языка, занимавшийся речью словацких цыган, исследовавший рукопись Яна Парум Шульце с полабскими записями, а также Адам Антон Крынский (1844—1932), первая диссертация которого была посвящена носовым звукам в славянских языках. Крынский в дальнейшем занимался вопросами истории польского языка, а также подготовкой грамматики и участвовал в издании толкового словаря польского языка. Интересы Яна Лося (1860—1928) были направлены главным образом на изучение исторической грамматики польского языка, но в круге его интересов были и славистические проблемы: отдельные звуковые изменения, этимологии.

Ян Михал Розвадовский (1867—1935) был по образованию филологом-классиком. Вероятно, отчасти этому обстоятельству можно приписывать его необыкновенную точность и тщательность, «акрибию», как принято было говорить, в исследовании материала. Выразительный и ясный почерк ученого — это не только внешняя, но и внутренняя характеристика крупнейшего польского лингвиста. Путем самообразования и во время научной командировки в Лейпциг Розвадовский приобрел знания, необходимые для специалиста в области индоевропейского языкознания, а философский склад ума вел Розвадовского к обобщениям, к широким общелингвистическим выводам. Именно эта общелингвистическая направленность интересов была, вероятно, основой завязавшейся во время пребывания в Кракове дружбы между более молодым, элегантным в одежде, манере речи, поведении Розвадовским и не придававшим значения внешности, подчас невыразительным в речи Бодуэном де Куртенэ. Розвадовский разработал важные теоретические принципы, определяющие семантические процессы, происходящие при словообразовании. Он изучал связи между славянскими и другими, в частности балтийскими, языками, дал ряд интересных славянских этимологий, а также изучал славянские названия рек. Специально интересовали Розвадовского проблемы прародины славян. В работах Розвадовского получили освещение исторические изменения в звуковой системе славянских языков, в особенности польского. Хотя Розвадовского нельзя назвать блестящим педагогом, в своих опубликованных работах он чрезвычайно сжато и элегантно излагал мысли в совершенной стилистической форме. Труды Я. Розвадовского оказали серьезное влияние на дальнейшую разработку тех проблем, которыми занимался этот выдающийся польский лингвист. С 1908 г. Розвадовский совместно с Я. Лосем и К. Нитшем начал издавать существующий до сих пор журнал «Рочник славистычны», важный прежде всего благодаря обширному библиографическому и критико-библиографическому отделам. Этому журналу теперь официально Международным конгрессом славистов поручено вести международную славянскую лингвистическую библиографию, которая, к сожалению, пока запаздывает на несколько лет.

Младшим современником Розвадовского был *Казимеж Нитш* (1874—1958), главным объектом научных интересов которого был польский язык, его история, его говоры, его лексика. Нитш интересовался кашубскими говорами. Ему принадлежит также специальное исследование родственных отношений между лехитскими языками, т. е. северной группой западнославянских языков.

Наиболее значительными чешскими филологами-славистами конца XIX — начала XX в. следует считать *Йосефа Зубатого* (1855—1931), автора большого ряда этимологических исследований и работ по синтаксису славянских языков, и *Вацлава* (немецкая форма имени — Венцель) *Вондрака* (1859—1925). Вондрак исследовал и издал ряд памятников старославянского языка (Сборник Клоца и Фрейзингские отрывки), изучал древнейшее славянское ударение, подготовил вышедшую двумя изданиями «Сравнительную грамматику славянских языков», которая до сих пор является одним из наиболее интересных пособий этого типа, опубликовал солидную старославянскую грамматику, впервые включившую большой раздел синтаксиса. Вондрак работал дольше всего в Вене, а после возникновения Чехословацкой республики занял в 1920 г. кафедру славистики нового университета в Брно.

Любор Нидерле (1865—1944) был крупнейшим чешским историком, археологом, этнографом. Его перу принадлежат важнейшие обобщающие труды в области славянских древностей. В 1902—1934 гг. печатался на чешском языке его многотомный труд «Славянские древности». Сокращенный вариант этого труда был издан не только на чешском, но также на французском и на русском языках (1956). Нидерле принадлежат также «Руководство по славянской археологии» и вышедшая еще в 1909 г. в составе «Энциклопедии славянской филологии» книга на русском языке «Обзор современного славянства». Работы Нидерле, прежде всего его «Славянские древности», благодаря собранному и систематизированному в них большому материалу позволяют увидеть особенности материальной и духовной жизни древних славян.

Арношт Мука (по-немецки — Эрнст Мукке; 1854—1932) был крупнейшим серболужицким языковедом. Филолог-классик по образованию, он занялся греческим языком, но вскоре обратился к исследованию родного языка. Он подготовил капитальную нижнелужицкую историческую грамматику, в которой последовательно проводились сравнения с верхнелужицкими данными (1891). Другой главный труд его жизни — изданный в Петербурге и Праге фундаментальный трехтомный словарь нижнелужицкого языка и его говоров (1911—1928). Внимание

Муки привлекали и другие вопросы славистики, в частности полабского языка.

Славистика, как и вся наука в Болгарии, получила возможность развиваться лишь после освобождения от турецких поработителей в 1878 г. Именно в этом году окончил гимназию в Бессарабии *Александр Теодоров-Балан* (1859—1959), продолживший свое обучение в Пражском университете. Балан стал вторым доктором славянской филологии в чешском Пражском университете после разделения в начале 80-х гг. прошлого века Пражского университета на чешский и немецкий. А спустя три четверти века, когда в актовом зале Московского университета открывался IV Международный съезд славистов, председательствовавший академик В. В. Виноградов из зала, где на первых десяти рядах были таблички «места для академиков», в президиум съезда под руку ввел девяностодевятилетнего болгарского академика, старейшего слависта в мире. За три четверти века сформировались нормы современного болгарского литературного языка, возникла новая болгарская литература, и посвятивший свою жизнь родному языку и литературе Балан был живой историей, не только свидетелем, но и активным участником становления болгарской филологии.

Наиболее насущным проблемам родного языка посвятили свои исследования и другие болгарские филологи первого поколения — *Любомир Милетич* (1863—1937) и *Беню Цонев* (1863—1926). Они приступили к изучению болгарских диалектов, исследовали письменные болгарские памятники и стремились разобраться в специфике болгарского языка по сравнению с другими славянскими, и прежде всего выяснить причины развития в болгарском языке аналитического строя, учитывая как внутренние, так и внешние факторы.

Интересы южнославянских филологов конца XIX — начала XX в. были обращены прежде всего к родным языкам и словесностям. Так, *Милан Решетар* (1860—1942), один из преемников Ягича на его университетской кафедре в Вене, занимался изучением сербскохорватских диалектов. Более широкими оказались славистические горизонты *Александра Ивановича Белича* (1876—1960).

А. Белич родился в Белграде и для получения образования отправился в Россию. После краткого пребывания в Одессе он перешел в Московский университет, где был учеником Ф. Ф. Фортунатова и Ф. Е. Корша. Спустя полстолетия, в 1946 г., А. И. Белич, в то время уже президент Сербской Академии наук, стал почетным профессором Московского университета. За полтора года до смерти на закрытии IV Международного съезда славистов в Москве Белич выступил с прочувственной речью от имени всех славянских делегаций. «Да здравствует советское славяноведение! — завершил свою речь Белич.— Да растет и дальше развивается пышной жизнью гостеприимная Москва!»

Белич много внимания уделял в своей работе сербскохорватскому языку. Если Решетар занимался больше юго-западными сербскохорватскими диалектами, то Белич посвятил одно из своих исследований южным и юго-восточным диалектам. Он исследовал природу сербскохорватского ударения, проблемы становления сербскохорватского литературного языка, раскрыл роль Вука Караджича в этом процессе. Белич был автором капитальных университетских курсов по современному сербскохорватскому языку и его исторической грамматике. Будучи близким другом А. А. Шахматова, Белич, как и Шахматов, подходил к своему родному языку с общеславистических позиций. Как и другие воспитанники русской лингвистической школы, он стремился видеть за отдельными фактами языка более общие закономерности. Еще во время пребывания в Москве Белич заинтересовался проблемой двойственного числа в славянских языках. Тогда же были опубликованы и его первые наблюдения над употреблением двойственного числа в старославянском языке. Позже, в 1932 г., вышло исследование Белича, в котором двойственное число разбирается во всех славянских языках. Особое, едва ли не главное, место занимает в творчестве Белича его труд «О природе и развитии языка» (в 2 книгах, 1941—1958; планировавшийся третий том не вышел). Особенность этой книги в том, что ее автор через явления современности и мертвых славянских и других языков раскрывает общие закономерности развития языка. Главной мыслью книги является, по сути дела, мысль о том, что развитие языка происходит в последовательном употреблении, а потому явления языковой системы формируются в синтагмах, т. е. в связях слов. Несмотря на спорность некоторых положений, общелингвистические работы Белича, характерные глубиной размышлений автора, являются заметной страницей в истории славянской лингвистики. Беличу принадлежит и немалая организаторская роль в развитии славистики, в частности, он создал в 1913 г. журнал «Јужнославенски филолог» и в течение долгого времени руководил его изданием. Беличу принадлежит также заслуга в организации Белградской конференции славистов, состоявшейся в 1955 г., проведение которой позволило возобновить регулярные международные славистические конгрессы в послевоенный период.

Маленькая Словения дала ряд выдающихся славистов, среди которых В. Копитар, Ф. Миклошич. Но их славистическая деятельность в силу сложившихся обстоятельств протекала за пределами родины. *Матия Мурко* (1861—1952), родившийся недалеко от г. Птуй на северо-востоке Словении, занимался главным образом сравнительным славянским литературоведением, анализируя произведения народного эпоса и старинной письменности. Получив образование в Вене, у Миклошича, продолжив его в течение полутора лет в России у А. Н. Веселовского и Ф. И. Буслаева, он был потом профессором славянской филологии в Граце (по-словенски — Градце), некоторое время в Лейпциге, а затем в Праге. Ученый с мировым признанием (он был, между прочим, членом всех южнославянских и советской академий наук), Мурко был одним из основателей выходящего в Праге международного славистического журнала «Slavia» (с 1922 г.) и председателем Первого международного съезда славистов в Праге в 1929 г.

Одним из первых словенских славистов, которые получили возможность заниматься научной и преподавательской деятельностью на родине, был *Райко Нахтигал* (1877—1958). Еще в гимназические годы Нахтигал познакомился с основами сравнительного языкознания и старославянским языком, потом учился в Венском университете у Ягича. Перед первой мировой войной Нахтигал был уже профессором в том же ближайшем к Словении австрийском университете, что и Мурко,— в Граце. А с основания университета в Любляне стал

профессором славянской филологии и русского языка этого университета, создателем и руководителем семинария славянской филологии в нем. Славистические интересы Нахтигала были очень широки. Много внимания он уделял изучению старославянского языка, анализировал язык Фрейзингских отрывков, подготовил образцовое издание Синайского требника, предложил новые комплексные решения вопроса о происхождении глаголицы. Нахтигал интересовался русским языком; по рекомендации Ягича он получил в начале 1900-х гг. двухлетнюю командировку в Россию, потом преподавал русский язык в Вене. Им была написана монография по вопросам русского ударения (1922), популярная русская грамматика (1946), а также тщательно подготовлено издание «Слова о полку Игореве» в оригинале рядом с его словенским переводом, выполненным также Нахтигалом. Педагогические интересы Нахтигала привели его к созданию книги «Славянские языки» (1938). Второе издание этой книги (1952) было переведено на русский (1963), немецкий, английский языки. В этой книге дается история позднего периода праславянского языка и рассматриваются процессы, получившие импульсы в праславянском, но происходившие уже в отдельных славянских языках. Нахтигал стремился к целостному представлению истории звуковой системы праславянского языка, подчеркивая значение для нее действия закона открытых слогов. В Любляне у одного из университетских зданий стоит памятник Нахтигалу. В столетнюю годовщину ученого в разных городах Словении, в библиотеках и учебных заведениях состоялись специальные собрания, а созданный Нахтигалом славистический семинарий Люблянского университета провел международную конференцию, в которой приняли участие вместе со словенскими десятки зарубежных славистов.

4.4.3. Западноевропейская славистика

Славистика продолжала развиваться не только среди славян. В начале XX в. по-прежнему видное место в развитии славистики занимала Германия. Продолжали работать А. Лескин и Э. Бернекер. Но теперь география славистики расширяется.

Во Франции интерес к славянским народам, их народному творчеству пробудился рано. Наполеоновские походы, в сферу действия которых были вовлечены и южнославянские народы в Иллирийских провинциях, и поляки, и, разумеется, восточные славяне, а потом и приход русских в Париж так или иначе отразились на интересе во французском обществе к славянам. Отражением этого интереса была знаменитая мистификация известного французского писателя Проспера Мериме — сборник «Гузла», содержавший якобы иллирийские народные песни (1827). Созданный с действительным знанием народной поэзии, он вызвал признание Мицкевича, похвалу Гете и послужил источником ряда «Песен западных славян» А. С. Пушкина. Великий польский поэт Адам Мицкевич в 1840—1844 гг., как уже отмечалось, читал лекции по славянским литературам в парижском Коллеж де Франс, интересные как опыт осмысления историко-культурного развития славянства с позиций участника освободительной борьбы. Но научный интерес к славянским языкам возник во Франции позже, когда к этому привело развитие сравнительно-исторической лингвистики.

Ученик Фердинанда де Соссюра *Антуан Мейе* (1866—1936) был крупнейшим французским индоевропеистом. Автор многократно переиздававшегося (в том числе трижды в русском переводе) «Введения в сравнительное изучение индоевропейских языков», он широко включал в этот свой труд славянский материал, но не ограничился чисто компаративистским интересом к славянским языкам. Еще в 1897 г. он публикует специальное исследование о выражении категории одушевленности при помощи формы родительного падежа в функции винительного в славянских языках. Мейе, который совместно с А. Эрну является автором сравнительно-исторической грамматики классических языков, а также латинского этимологического словаря, думал и о подготовке старославянского этимологического словаря. Видимо, эти неосуществленные планы послужили импульсом для появления двухтомного исследования по этимологии и лексике старославянского языка, вторая книга которого (1905) содержит очень глубокий и до сих пор интересный обзор словообразования. И. В. Ягич заказал Мейе написание тома о праславянском языке для «Энциклопедии славянской филологии». Так была написана книга «Общесла-

вянский язык». Но в разгар первой мировой войны в 1915 г. Мейе не рискнул отправить рукопись в Петроград, а потом «Энциклопедия» прекратила издание, и книга Мейе вышла в 1924 г. во Франции. Русский перевод ее (1951) был сделан со второго французского издания (1934), подготовленного почти ослепшим, но упорно трудившимся с помощью секретаря Мейе при содействии его ученика А. Вайана. В этой книге показаны праславянские и старославянские отражения индоевропейской системы, устанавливаются связи славянских и других индоевропейских языков в области фонетики, грамматики, а отчасти и лексики. «Общеславянский язык» — основной славистический труд Мейе, в котором подводятся итоги его тщательных многолетних исследований славянского языкового материала в связи с материалами других индоевропейских языков. Мейе принадлежит по праву почетное место не только одного из основоположников сравнительно-исторической индоевропеистики во Франции, но и основателя французской славистики.

Из французских славистов старшего поколения следует назвать болгариста *Леоно Больо* (1876—1965) и ученого широкого профиля и интересов *Андре Мазона* (1881—1967), которому принадлежат исследования о южнославянском устном народном творчестве, о виде славянского глагола, ряд работ о русских писателях XIX в., грамматика чешского языка и русская грамматика (четвертое издание которой в 1963 г. было подготовлено при участии Ж. Леписсе и Ж. Жоанне). Гипотеза Мазона о позднем (XVIII в.) происхождении «Слова о полку Игореве» вызвала серьезные возражения ученых разных стран.

Антуан Мейе писал однажды: «Участие, которое принимает народ в развитии науки, отнюдь не пропорционально количеству людей, составляющих этот народ». И потому неудивительно, что и в развитие славистики внесли вклад не только славяне и не только представители крупных неславянских наций, но и ученые других стран. В гостях у Шахматова во время его земской службы в Саратовской губернии побывал молодой тогда норвежский ученый *Олаф Брок* (1867—1961). Брок при содействии Шахматова получил несколько командировок в Россию, где успешно изучал русские говоры. Он посвятил специальное исследование диалектной речи на украинско-словацком языковом пограничье, немало работал в области сербскохорватской диалектологии, описал один белорусский говор. В переписке Брока с Ягичем и Шахматовым обсуждались вопросы описания диалектных систем, волновавшие ученых. «Олаф Иванович», как называл своего норвежского корреспондента в сотне писем Шахматов, делился полученными результатами, намечал планы будущих исследований. Как видный специалист по славянской описательной фонетике, норвежский славист получил почетное поручение написать для «Энциклопедии славянской филологии», издававшейся в Петербурге, «Очерк физиологии славянской речи», который и был издан в 1910 г. Брок перевел на норвежский язык «Анну Каренину» и «Братьев Карамазовых» и воспитал большую группу норвежских славистов. Другой видный славист того же поколения, что и Брок, происходящий из Северной Европы, финн *Йосеф Миккола* (1866—1946), занимался взаимоотношениями между славянскими и финно-угорскими языками, исследовал ударение и долготу слога в западнославянских языках, балто-славянские языковые отношения. Капитальным трудом Микколы является его «Праславянская грамматика», вышедшая в трех томах (1913—1950) на немецком языке.

4.5. СЛАВИСТИКА МЕЖДУ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

4.5.1. Вводные замечания

Первая мировая война затормозила развитие славистики. Но последовавшая за ней Великая Октябрьская социалистическая революция принесла свободу всем, в том числе и славянским, народам бывшей царской России. Восстановлена была государственность Польши, возникла Чехословакия, а также Югославская федерация. Эти обстоятельства не могли не способствовать распространению интереса к славянским народам и их языкам, к развитию славистики. Однако в двадцатилетие между первой и второй мировыми войнами развитие науки в славянских странах протекало не всегда в благоприятных условиях.

Становление новых славянских государств, развитие национальных школ, национальной печати потребовало от языковедов решения прикладных задач нормирования орфографий и языков, создания различного рода словарей, грамматик, необходимых для развивавшихся отдельных языков. Поэтому вопросы изучения диалектов, вопросы теоретического сравнения языков волей или неволей были отодвинуты решением первоочередных общественно необходимых задач. Это положительно сказывалось на развитии наук об отдельных славянских языках, но вело к известному разобщению славистов различных профилей, которое наступало еще и в силу политической неоднородности славянских стран. С одной стороны, три крупных славянских народа — русские, украинцы и белорусы — вместе с другими народами нашей страны первыми в истории встали на путь строительства нового, социалистического общества. С другой стороны, все другие славяне продолжали жить в условиях капитализма. Но и здесь были определенные различия. Существовали споры между отдельными славянскими странами по пограничным вопросам, неодинакова была политическая структура, причем дело было не только в различии республиканского (в Польше и Чехословакии) и монархического (в Болгарии и Югославии) режимов, но и в том, какие политические силы в тот или иной период оказывались господствующими в той или иной стране. Развитие науки, а тем более международное сотрудничество ученых-славистов, разумеется, не могло не зависеть от этого.

По инициативе ряда крупных ученых разных стран, в числе которых были И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. Мейе, А. И. Белич, а также чехословацкие ученые, в 1929 г., когда исполнилось 100 лет со дня смерти Й. Добровского, в Праге был проведен Первый международный съезд славянских филологов. В съезде принимала участие и делегация советских ученых, в которую входили П. Н. Сакулин, А. М. Пешковский, Н. С. Державин, П. А. Бузук. К съезду были напечатаны знаменитые «Тезисы» Пражского лингвистического кружка (ПЛК), в которых сформулированы программные положения Пражской школы в науке о языке, связанные с идеями Московской лингвистической школы, некоторые участники которой вошли в ПЛК. Кружок стремился к системному и функциональному подходу — к рассмотрению языковых явлений с точки зрения соотношений системы форм и системы функций, с точки зрения вскрытия системности языковых явлений и с учетом становления этой системности в диахронии (в разрезе изменений во времени). Изложенная в «Тезисах» позиция была в целом одобрительно воспринята многими лингвистами мира, в том числе и нашей страны, в частности и потому, что ПЛК в определенной мере синтезировал и теоретические достижения русской лингвистики, долгое время малоизвестные на Западе. В Первом международном съезде славистов приняло участие около четырехсот славистов из славянских и неславянских стран. Решено было регулярно каждые пять лет проводить международные съезды славистов. Второй международный конгресс славистов состоялся в 1934 г. в Варшаве. К третьему международному съезду славистов, который намечалось провести в Белграде осенью 1939 г., были подготовлены и изданы материалы. Но в это время началась вторая мировая война. Чехословакия уже была захвачена фашистским рейхом, в Польшу вступили гитлеровские войска. Где-то в штабах вермахта уже готовы были планы нападения на Югославию и на Советский Союз. В этих условиях проведение международного научного конгресса славистов было немыслимо...

Несмотря на не всегда благоприятные условия для развития славянской филологии как специальной научной дисциплины в целом, в период междувоенного двадцатилетия были в славистике получены определенные результаты как в области изучения отдельных славянских языков, так и в области сравнительного славянского языкознания.

4.5.2. Славистика в СССР

Перед советскими учеными, в том числе и перед славистами, после Великого Октября встала почетная и нелегкая задача принять участие в культурной революции. Надо было обучить миллионы людей грамоте на родном языке. Без грамотности невозможно было строить новое общество. А в наследство от царской России досталась Советской власти крестьянская страна с большинством неграмотного населения даже среди русских. Украинской и белорусской школы до революции не существо-

вало. На украинском языке издавалась небольшими тиражами лишь художественная литература (немногочисленные научные сочинения на украинском языке печатались за пределами Российской империи), учебников и газет не было. Еще хуже обстояло дело с белорусским языком. Одна из совершенно конкретных и действительно важных задач состояла в этих республиках в разработке грамматик и словарей, развитии выразительных возможностей украинского и белорусского языков. Нужно было разработать терминологию разных областей деятельности, перевести на эти языки необходимую литературу или создать ее заново. Необходимо было иметь комплект учебников для средней школы на национальных языках. Требовалось решить вопросы упорядочения правописания украинского и белорусского языков. Для русского языка также необходимо было разработать учебники, по которым в короткий срок и без достаточной методической подготовки удалось бы научить миллионы людей читать и писать. Надо было подготовить и серию учебников, пригодных для обучения в новых условиях, когда в школу пришли миллионы школьников, чьи родители не могли помочь им овладеть грамотой и нормами литературного языка, когда классы были наполнены детьми не всегда одинакового возраста. Этот социальный заказ, вставший перед отечественными словесниками, был выполнен.

Михаил Николаевич Петерсон (1885—1962), ученик Фортунатова, специалист в области сравнительно-исторического языковедения, автор оригинальных грамматических работ по русскому языку, ориентированных на форму, на способы выражения тех или иных значений, а не на самые значения, много внимания уделил основам русской орфографии, провел ее статистическое исследование и был участником составления школьных орфографических и грамматических таблиц, учебника русского языка для первого класса. Очень много внимания уделил школе блестящий синтаксист, яркий представитель Московской лингвистической школы *Александр Матвеевич Пешковский* (1878—1933). Участник Первого международного съезда славистов, автор многократно переиздававшегося «Русского синтаксиса в научном освещении», без знания которого нельзя представить себе образованного русиста, Пешковский занимался вопросами обучения детей и взрослых языку, издал целую серию школьных учебников русского языка. *Дмитрий Николаевич Ушаков* (1873—1942), один из составителей первой научной диалектологической карты русского языка, блестящий фонетист и автор сжатого, но очень содержательного «Краткого введения в науку о языке», в 1925 г. выпускает «Учебную книгу по русскому языку», открывшую большую серию его учебников грамматики и правописания для маленьких и взрослых школьников; эти учебники выдержали более десяти изданий и выходили вплоть до 1953 г. А рядом со знаменитым «Толковым словарем русского языка», составленным по заданию В. И. Ленина под руководством Д. Н. Ушакова и вышедшим под его редакцией, нельзя не назвать маленький «Орфографический словарь» для начальной и средней школы, которым пользовались и пользуются школьники вот уже 50 лет. *Лев Владимирович Щерба* (1880—1944) в 1907—1908 гг. по совету своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ изучал неизвестный науке восточнолужицкий говор района Мускау в Германии и дал его интереснейшее и яркое описание (1915). Получив в Париже у ведущего тогдашнего специалиста в области экспериментальной фонетики Ж. П. Руссело солидную подготовку как экспериментатор, Щерба в 1912 г. публикует исследование «Русские гласные в качественном и количественном отношении». Он редактировал академический словарь русского языка, занимался многими проблемами общего языкознания, в частности связанными с психологическим и экспериментальным подходом к языку. Выполняя социальный заказ, академик Щерба редактирует прекрасный школьный учебник русской грамматики, по которому в течение многих лет занимались школьники, много работает в области преподавания иностранных языков. Это — лишь примеры, число их можно было бы умножить.

Большое внимание в 20-х гг. было уделено практическим вопросам научной разработки и преподавания белорусского и украинского языков, созданию оптимальной орфографии, подготовке грамматик и словарей. Достигнутые успехи, однако, не получили должного развития в связи с извращениями в национальной политике и репрессиями, обрушившимися на деятелей культуры в годы сталинского господства в нашей стране.

Без всяких на то оснований славяноведение было объяв-

лено наукой, служащей фашизму, и разгромлено. Был закрыт Институт славяноведения в АН СССР, прекращена подготовка славистов в Московском и Ленинградском университетах. Ряд выдающихся советских ученых-славистов различных поколений был репрессирован. Были арестованы М. Н. Сперанский, Н. Н. Дурново, В. М. Ганцов, Г. А. Ильинский, А. М. Селищев, В. В. Виноградов, В. Ф. Ржига, И. Г. Голанов, П. А. Расторгуев, В. Н. Сидоров, Н. И. Кравцов, Д. С. Лихачев и др. В Белоруссии преследованиям были подвергнуты П. А. Бузук, И. К. Белькевич, Н. И. Касперович, И. В. Волк-Левонович, М. Е. Байков, С. М. Некрашевич, И. Ю. Лёсик и др. Некоторые репрессированные ученые, среди которых Н. Н. Дурново, Е. Д. Поливанов, были расстреляны, другие погибли в сталинских лагерях. Лишь часть славистов смогла продолжить после возвращения свои исследования. А подготовка славистов и работа Института славяноведения возобновились лишь после войны.

Большой урон был нанесен лингвистике «новым учением о языке», созданным академиком Н. Я. Марром (1864—1934). Крупный специалист в области кавказских языков при поддержке тогдашних руководителей общественных наук и высшего образования объявил провозглашенную им «яфетическую теорию» единственно верной, а отступления от нее рассматривались как антимарксистские. Относительная нормализация пришла в славистику лишь с оттепелью 50-х гг.— после лингвистической дискуссии в «Правде» (1950) и смерти И. В. Сталина (1953), хотя некоторым ученым и удалось создать в 30—40-х гг. значительные работы по русскому языку (С. П. Обнорский, Б. М. Ляпунов, Г. О. Винокур, В. И. Чернышев).

Видное место в развитии славянского языкознания принадлежало *Афанасию Матвеевичу Селищеву* (1886—1942). Путь в науку для десятилетнего мальчика из села Волова на Орловщине начался тогда, когда пешком, с котомкой за плечами он пришел в уездные Ливны, где его приняли на стипендиальное место в реальное училище. Мальчишка опоздал на вступительный экзамен, но инспектор поверил в его способности и еще раз специально созвал экзаменаторов. После реального училища надо было сдать еще экзамен за классическую гимназию, и этот рубеж был преодолен, а в 1906 г. Селищев поступил в Казанский университет. После окончания университета его оставляют «для приготовления к профессорскому званию» (как тогда называлась аспирантура). Летом 1914 г. Селищев два с половиной месяца проводит в научной командировке на Балканах, обследуя македонские говоры. За это короткое время ему удалось собрать значительный фактический материал, который потом вместе с опубликованными чужими наблюдениями он положил в основу многих книг («Очерки по македонской диалектологии», «Славянское население Албании» и др.). Селищев публикует целый ряд исследований, посвященных различным вопросам македонских говоров, болгарского литературного и народного языка, болгарской литературы. В период непродолжительного пребывания в Иркутском университете Селищев занимался русским языком Сибири, а в казанский период изучал русские говоры, русский язык в обиходе нерусских народностей Поволжья. С 1922 г. Селищев работал в Москве. Здесь он продолжал свои занятия по диалектологии, а также обратился к анализу языка письменных памятников. Результатом этих занятий стал ряд статей о языке отдельных памятников и их групп, а в известной мере и посмертно опубликованный двухтомный курс «Старославянский язык» (1952). Селищев интересовался вопросами сравнительной грамматики славянских языков, ему принадлежит исследование о явлении соканья и шоканья в славянских языках. Еще в Казани Селищев опубликовал «Введение в сравнительную грамматику славянских языков» (1914), перепечатанное, к сожалению без библиографии, в составе «Избранных трудов» А. М. Селищева (1968). Как бы развитием этого труда был опубликованный перед самой войной, в 1941 г., первый том «Славянского языкознания», содержащий обзоры западнославянских языков. Среди работ Селищева особое место занимают наблюдения над русским языком революционной эпохи, отраженные в ряде статей и книг.

А. М. Селищев не только сам продолжал в сложной обстановке занятия славистикой, но, будучи заведующим кафедрой в Московском университете, в педагогическом институте, содействовал воспитанию следующего поколения советских славистов — Р. И. Аванесова, С. Б. Бернштейна, П. С. Кузнецова и ряда других. Одна из учениц Селищева проф. Е. А. Василевская вспоминала: «Афанасий Матвеевич Селищев относился к той категории людей, внешний облик которых навсегда остается в созна-

нии тех, кто с ним общался. В моей памяти остался огромный седовласый человек могучего сложения, с высоким лбом, с небольшими глубоко посаженными горящими молодыми глазами... Вот он стоит в огромной аудитории педагогического института имени В. И. Ленина и читает лекцию о деятельности первоучителей Кирилла и Мефодия. Он говорил просто, убедительно, без всякого стремления блеснуть, риторически приукрасить свою речь. Лекция его была так логично построена, так безукоризненно прочитана, что затихшая аудитория студентов-первокурсников... не дыша, как завороженная, смотрела на Афанасия Матвеевича, боясь пропустить хоть один пример, боясь потерять хотя бы слово...» Селищев умер от рака в трудную зиму 1942 г. Память о нем сохранилась не только у его непосредственных учеников и не только в его книгах. Селищев был один из тех ученых, кто продолжил в 20—30-х гг. линию развития славистики в нашей стране, подготовив тем самым ее современность.

Академик *Николай Севастьянович Державин* (1877—1953) был видным специалистом в области истории Болгарии, болгарской литературы. Писал Державин и по вопросам русской литературы, методики преподавания языка. Важнейшим исследовательским трудом Державина была его двухтомная работа о болгарских колониях на юге Украины; в ней дано комплексное этнографическое, историческое и диалектологическое описание болгарских переселенцев в Россию. Державиным была издана четырехтомная история Болгарии (1945—1948), а также обобщающая работа «Славяне в древности» (1946).

На Украине развернулась деятельность выдающегося советского языковеда-слависта *Леонида Арсеньевича Булаховского* (1888—1961). Сын харьковского мастера-механика, он учился в Харьковском университете у видных славистов С. М. Кульбакина, Г. А. Ильинского, балтиста Я. (И. М.) Эндзелина. В студенческие годы Булаховский получил медаль за сочинение о Зеленогорской и Краледворской рукописях, а в год окончания университета (1910) вышла его первая печатная работа о славянском ударении, которому в дальнейшем были посвящены многие труды ученого. Магистерские экзамены Булаховский сдавал в Петрограде А. А. Шахматову и П. А. Лаврову, а потом несколько

лет работал в Пермском филиале Петроградского университета. С 1921 г. Булаховский — в Харькове, а с конца Великой Отечественной войны, во время которой Булаховский работал в эвакуации в Уфе и один год в Московском университете, он стал директором киевского Института языковедения АН УССР им. А. А. Потебни и профессором Киевского университета.

Л. А. Булаховский принимал активное участие в исследовании украинского языка: ему принадлежит монография о происхождении украинского языка, он участвовал в разработке украинского правописания, редактировал двухтомный академический курс современного украинского языка, из десятков статей и заметок ученого сложился «Исторический комментарий к украинскому языку», опубликованный в составе его «Избранных трудов» (т. 2, 1977). Булаховский написал оригинальный курс современного русского языка, а его «Исторический комментарий к русскому языку», переиздававшийся пять раз, является интереснейшим и очень полезным пособием для изучающих историческую грамматику, содержащим ценный и оригинальный материал по всем разделам курса. В двухтомном капитальном исследовании Булаховского развернута картина развития русского литературного языка в первой половине XIX в. в лексико-стилистическом и грамматическом планах. Очень много внимания ученый уделял славянской лексикологии; много свежих и интересных наблюдений над славянской лексикой вошло в написанный им второй выпуск «Введения в языкознание» (1953 и 1954 гг.), переведенный на польский и болгарский языки, а также в лексическую часть изданных по-украински «Очерков по общему языкознанию». Булаховского специально интересовали славянские названия птиц. В ряде работ он рассматривал на большом материале деэтимологизацию — утрату первичного понимания морфологической, а значит, и первоначальной семантической структуры слов. Интересовали Булаховского и проблемы грамматики славянских языков; так, он специально изучал случаи взаимовлияния различных грамматических форм. Ученый посвятил специальные работы языку отдельных письменных памятников, прежде всего языку «Слова о полку Игореве»; в его наследии целая серия работ, посвященных выдающимся отечественным лингвистам, и в частности А. А. Потебне. Писал

Булаховский и учебники для школ взрослых, занимался вопросами методики преподавания языка. Интересовался становлением и развитием литературных языков, связанным с этим стилистическим преобразованием, посвятил этим вопросам ряд специальных статей и монографию, уделяя здесь внимание и славянскому языковому материалу.

Но первой любовью и главной сферой научных интересов Булаховского было славянское ударение. В десятках статей им рассмотрены проблемы ударения в различных славянских языках. Отдельными книгами вышли его «акцентологические комментарии» к чешскому и польскому языкам, нет ни одного живого славянского языка, который бы не был рассмотрен Булаховским под этим углом зрения. На основании многочисленных работ ученого по ударению издан обобщающий их свод в двух томах «Избранных трудов». Пройти мимо работ Булаховского, занимаясь проблематикой эволюции славянского ударения, невозможно. Знавший Булаховского по Харьковскому университету Андре Мазон писал о нем как о «слависте в самом широком смысле слова».

Л. А. Булаховский — не просто славист, не просто ученый. Это был человек кристальной честности в науке, преданный науке, служащей народу. И потому четко и бескомпромиссно прозвучало во время лингвистической дискуссии 13 июня 1950 г. выступление Булаховского в «Правде», в котором он твердо отстаивал сравнительно-историческое языкознание. Ясность и принципиальность в науке сочетались в Булаховском с мягким и заботливым отношением к ученикам. Трогательно дарил он своему ученику редкую книгу в день защиты тем диссертации. Не жалея времени, писал своим многочисленным корреспондентам в разные уголки нашей Родины, да и за ее пределы. Был он требовательным, не допускал «халтуры», «брака» в работах своих коллег и был готов прийти на помощь при необходимости. Скромный и доброжелательный, иногда чуть ироничный, но всегда глубоко тактичный Леонид Арсеньевич остался в нашей науке о славянских языках своими учениками, среди которых И. К. Белодед, А. С. Мельничук, своим примером трудолюбия, достоверности сообщаемых сведений, высокой человечности.

Петр Афанасьевич Бузук (1891—1943) принадлежал к числу тех ученых, которые после Великого Октября создавали языковедческую науку в Белоруссии. Как и первый ректор Белорусского университета известный советский историк-славист Владимир Иванович Пичета (1878—1947), Бузук был приглашен в Минск (1925) и в течение неполного десятка лет был одним из организаторов и активных деятелей белорусской филологической науки. Бузук родился в семье сельского учителя в Молдавии, учился в Тираспольской гимназии, окончил университет в Одессе, где преподавали тогда профессора Б. М. Ляпунов и А. И. Томсон, и в 1920 г. начал преподавательскую деятельность в вузах Одессы. Еще до этого, в 1916 г., вышла его работа об историко-культурных взаимоотношениях румын и южных славян. В дальнейшем Бузук филологически анализировал Мариинское евангелие, один из основных памятников старославянского языка, занимался вопросами истории украинского языка и общего языкознания (известны его книги «Основные вопросы языкознания». М., 1924 и др.), белорусско-украинскими взаимоотношениями в области литературы и языка. Наиболее важным вкладом Бузука в славянское языкознание являются его работы по лингвистической географии — новому в то время подходу к диалектологическому анализу языка. Бузук делал на I Международном съезде славянских филологов в Праге доклад «Лингвистическая география как вспомогательный метод при изучении истории языка». Он доказывал, что изучение распределения лингвистических явлений в пространстве может содействовать выяснению их истории. Эта идея получает и теперь подтверждения, в частности в трудах белорусских славистов. Созданный Бузуком диалектологический атлас центральной и восточной Белоруссии (1928) был первым опытом диалектологического атласа в славянском мире как, кстати, и «Диалектологический атлас белорусского языка» (1963) стал первым завершенным диалектологическим атласом славянского языка; думается, предпосылки этого были заложены и трудами Бузука. Бузуку принадлежат и более общие славистические работы — о месте белорусского языка среди других славянских, о древнейшем этапе развития славянской фонетики и др. Плодотворная деятельность Бузука была прервана в 1934 г., когда он, будучи невинно

репрессированным, вынужден был покинуть Белоруссию, ставшую для него второй родиной. Бузук был художественно одаренным человеком. Он любил музыку, особенно оперу, сам неплохо пел, писал стихи по-украински и по-белорусски. Одна из тем этих стихов звучит в следующих строках:

Мне сніцца поўдзень ў ноч глухую;
Але ж усё-ткі, прызнаюсь,
Люблю радзіму я другую,
Люблю цябе я, Беларусь.

4.5.3. Славистика в странах Европы

Еще до первой мировой войны началась научная деятельность видного болгарского языковеда *Стефана Младенова* (1880—1963). Младенов учился в начале 900-х гг. в Вене, Петербурге, Праге. Работал в гимназиях в Софии. После опубликования в 1908—1909 гг. исследования о древних германских элементах в славянских языках Младенов с 1910 г. стал доцентом, а с 1916 г.— профессором Софийского университета. Один из наиболее постоянных интересов Младенова — этимология. Им было опубликовано много заметок по этимологии славянских слов, а в 1941 г. издан этимологический словарь болгарского языка. Младенов начал также составление толкового словаря болгарского языка, которое не было доведено до конца. Одним из главных трудов Младенова была выпущенная еще в 1929 г. история болгарского языка. Ему принадлежат также учебники по общему и индоевропейскому языкознанию. Когда Младенова пригласили в 1942 г. сделать научный доклад в Берлине, тогда столице гитлеровского рейха, он избрал темой доклада «Значение славянских языков». Взбешенный такой темой, председательствовавший на собрании гитлеровец генерал фон Масов прекратил собрание. И вполне естественно, что после освобождения Болгарии ученый принял активное участие в развитии болгарской лингвистики.

Ученым широкого профиля — этнографом и филологом, занимавшимся и фольклором, и литературой, и языком был *Стоян Романский* (1882—1959); прежде всего его интересовали вопросы болгаристики, которые, однако, рассматривались с привлечением широкого инославянского материала. Романский был редактором трехтомного толкового словаря болгарского языка, ему принадлежат также работы по кирилло-мефодиевскому вопросу, по болгарско-романским языковым отношениям, по вопросу о прародине славян.

Очень важны для изучения прошлого славян серьезные исследования, проведенные польскими этнографами, археологами, антропологами. Среди них — *Ян Чекановский* (1882—1965), которому принадлежит опыт синтетического освещения древнейшей истории славян («Введение в историю славян»; 2-е изд.— 1957). *Казимеж Мошиньский* (1887—1959) написал фундаментальный труд «Народная культура славян» (1929—1939; 2-е изд.— 1967—1969); ему принадлежат и конкретные этнографические исследования, такие, как капитальная работа «Восточное Полесье», и труды по общей этнографии, и исследование вопроса о прародине славян.

В области языкознания среди польских лингвистов к общеславистической проблематике в междувоенные годы обращались многие ученые. *Станислав Слоньский* (1879—1959) исследовал синтаксические явления и глагольное словообразование в старославянском, опубликовал старославянскую грамматику, а также работы по истории польского языка. Выдающийся польский языковед-индоевропеист *Ежи Курилович* (1895—1978), автор переведенного на русский язык общелингвистического сборника «Очерки по лингвистике» (1960; рус. пер. 1962) и ряда крупных трудов по индоевропейскому сравнительному языкознанию, изданных в основном на французском, немецком и английском языках, широко использовал в своих сравнительно-исторических исследованиях славянские материалы. В частности, его интересовали проблемы славянской акцентологии, вопрос о славянском глагольном виде и его соотношении с категорией времени. На широком славянском фоне вел свои исследования, посвященные главным образом польскому языку, *Витольд Дорошевский* (1899—1976). Организатор и редактор превосходного одиннадцатитомного польского толкового словаря, одного из лучших больших славянских словарей, Дорошевский подходил к явлениям языка, в частности к интересовавшим его особенно глубоко вопросам словообразования, с позиций теоретической лингвистики, что определило важное значение его трудов для всего славянского языкознания. Дорошевский чутко и добро-

желательно относился ко всему новому в науке, стремился использовать его в своей исследовательской практике; в этом отношении показателен его опыт применения количественных данных в диалектологических исследованиях. Общелингвистическая книга Дорошевского «Элементы лексикологии и семиотики» (1970) была переведена на английский и русский (1973) языки.

Тадеуш Лер-Сплавинский (1891—1965) был крупнейшим польским языковедом-славистом, ученым широких славистических интересов, очень глубокой эрудиции. Жизнь Лера-Сплавинского тесно связана с Ягеллонским университетом в Кракове, где он учился в свое время у Я. Розвадовского, К. Нитша, Я. Лося и где он в 1917 г. защитил диссертацию. Лишь с 1919 по 1929 г. Лер-Сплавинский работал некоторое время в Познанском, а потом во Львовском университете. Перед защитой диссертации Лер-Сплавинский повышал свою квалификацию в Венском университете у В. Вондрака и М. Решетара.

Центральными проблемами славистики, волновавшими Лера-Сплавинского, были проблемы славянского ударения и синтетические проблемы прародины и происхождения славян, а также их деления на группы. Особенно много занимался Лер-Сплавинский западнославянскими языками. Ему принадлежит наиболее полная пока что полабская грамматика; с его участием и под его руководством начал К. Полянский, ведущий современный специалист по полабскому языку, издание этимологического словаря полабского языка. Лер-Сплавинский много занимался вопросами истории польского языка, в частности отражением в польском языке древних, праславянских явлений; эти интересы ученого видны в его монографии «Польский язык. Возникновение, происхождение, развитие», переведенной на русский язык (1954). Лер-Сплавинский вместе с З. Штибером написал краткую историческую грамматику чешского языка. Польский славист занимался вопросами происхождения славянской письменности, проникновения старославянских текстов в Польшу, переводил и издавал жития солунских братьев, написал неоднократно переиздававшийся в Польше (последние переиздания при участии Ч. Бартули) учебник старославянского языка. Лер-Сплавинский занимался также некоторыми частными вопросами южнославянских языков, в том числе словенским ударением. Восточнославянские языки также входили в круг интересов Лера-Сплавинского. Он участвовал в составлении польского очерка истории украинского языка и многократно переиздававшейся в Польше грамматики русского языка. Специальное внимание ученого привлекли вопросы восточнославянского ударения, а также литературного языка Древней Руси. Лер-Сплавинский вместе с В. Курашкевичем и Ф. Славским подготовил сжатый, но содержательный «Обзор и характеристику славянских языков» (1954) и неоднократно выступал в печати с характеристиками праславянского языка. Он занимался и вопросами истории славистики, написав очерки о Добровском, о развитии славистики в польских университетах, о ряде своих современников. В четырехстах опубликованных работах ученого отразился продолжительный и разнообразный труд по изучению языка как части духовной культуры славянства. Этому труду присуща была высокая степень точности, аккуратности, научной объективности.

Вместе с М. Мурко соредактором основанного в 1922 г. в Праге журнала «Slavia» был чешский языковед-славист *Олдржих Гуйер* (1880—1942). Гуйер еще в 1910 г. выступил с крупным исследованием по славянскому склонению, а в междувоенные годы подготовил «Введение в историю чешского языка», в котором содержится сжатая характеристика праславянских и западнославянских языковых процессов, предшествовавших выделению чешского языка; эта книга была переведена на русский язык (1953). *Милош Вейнгарт* (1890—1939), видный специалист в области старославянского языка, организовал издание журнала «Byzantinoslavica» (с 1929 г.), в котором публикуются статьи по вопросам византийско-славянских культурно-исторических связей. Другой видный чехословацкий палеославист (специалист по старославянскому языку и по глаголическим памятникам хорватского средневековья) — *Йосеф Вайс* (1865—1959) совместно с Й. Курцем подготовил образцовое издание Ассеманиева кодекса (1929—1955). В Праге была организована Славянская библиотека, являющаяся теперь одним из лучших собраний славистической литературы, создан Славянский (славяноведческий) институт. Пражский лингвистический кружок, «Тезисы» которого были опубликованы к открытию I Международного съезда славистов (1929), возникал как объединение лингвистов разных

специальностей, но сыграл видную роль в развитии славистики: значительную часть его организаторов и участников составляли слависты. Наряду с англистом и специалистом по общему языкознанию В. Матезиусом (1882—1945) с самого начала в кружок вошли Б. Гавранек, Р. Якобсон и др.

Богуслав Гавранек (1893—1978) начал свою научную деятельность с публикации в журнале «Naše řeč» (с 1917 г.) статей по вопросам культуры речи. В отличие от многих других авторов той поры Гавранек стремился найти научные обоснования своих рекомендаций. Видимо, не в последнюю очередь его опыт отразился в специальном разделе тезисов Пражского лингвистического кружка, посвященном функционально-лингвистическим основам культуры славянских языков. Гавранек понимал культуру речи широко, он характеризовал разные аспекты языка: и произношение, и лексику, и орфографию, и стилистику. Большой цикл работ чешского ученого посвящен тесно связанному с этой проблематикой вопросу о славянских литературных языках, и прежде всего, естественно, о чешском литературном языке; отмечая социальную природу литературных языков, Гавранек, однако, основное внимание уделял внутриязыковым проблемам. Интересовало его взаимодействие литературных славянских языков, в его трудах нашли отражение опыты разработки основ типологического сравнения литературных языков. Однако интересы Гавранека не замыкаются этими вопросами. В 1928—1937 гг. им была опубликована двухтомная работа о залогах славянского глагола, а в 60-х гг. он вновь вернулся к этой теме на материале старославянского языка. Гавранек занимался и другими грамматическими вопросами, он является одним из авторов несколько раз переиздававшейся краткой чешской грамматики. Много работ Гавранека посвящено фонетическим вопросам; есть у него и работы по вопросам лексики, он был главным редактором и соавтором четырехтомного «Словаря чешского литературного языка» (1960—1971). Большую работу вел Гавранек как редактор ряда лингвистических изданий, а также как председатель Международного комитета славистов в период подготовки и проведения VI Международного съезда славистов в 1968 г. в Праге.

Крупнейший лингвист и славист *Роман Осипович Якобсон* (1896—1982) окончил Лазаревский институт восточных языков (1914) и Московский университет (1918), в конце жизни был профессором славянских языков и литератур Гарвардского университета и Массачусетского технологического института в США. Ученый чрезвычайно широкого профиля, востоковед и славист по образованию, лингвист-теоретик по призванию, Якобсон принадлежит к числу тех, кто своими трудами закладывал основы структурного, а позже и семиотического подходов к изучению языка и литературы и развивал это направление.

Материалом исследований Якобсона являются главным образом славянские языки, прежде всего русский. Хотя теоретические положения Якобсона нередко вызывают полемику, особенно в области литературоведения, бесспорен значительный его вклад как в общую лингвистику, так и в славистику. Первостепенное значение имеют работы Якобсона по фонологии, в частности по основам исторической (диахронической) фонологии, где им были поставлены вопросы об общих закономерностях структуры звуковой системы и ее изменений. Якобсон обратился также к анализу грамматической системы славянских языков с позиций, близких к тем, которые легли в основу фонологии; здесь ему принадлежат работы в области морфологии имени и глагола, а также мысли о типологическом сопоставлении родственных языковых систем. Хотя лексикой Якобсон специально занимался мало, в его работах есть ряд интересных этимологий славянских слов. Большое внимание уделялось Якобсоном поэтике, стиховедению, древнему славянскому эпосу; он, например, изучает «Слово о полку Игореве» и убедительно доказывает его подлинность. Якобсон нередко производит сравнение фактов различных литератур, делая выводы как о типологическом сходстве, возникшем в результате параллельного развития, так и о генетическом родстве — общем происхождении определенных явлений устного народного творчества. Ученый обращался и к древней славянской мифологии, анализируя ее систему. Он публиковал некоторые древние тексты. Многочисленные труды Якобсона отличаются широкой эрудицией автора, свободой, с которой он привлекает к исследованию колоссальный фактический материал,

стремлением дать этому материалу новое и глубокое освещение. Значительная часть работ Якобсона собрана в его восьмитомном собрании сочинений. В СССР опубликовано два тома избранных трудов Якобсона, а также ряд отдельных статей.

К Пражскому лингвистическому кружку примыкал и *Николай Сергеевич Трубецкой* (1890—1938). Трубецкой разработал фонологическую теорию в своей посмертно вышедшей книге «Основы фонологии» (1939; русский перевод—1960), предложил принципы морфонологии. Лишь после войны была опубликована старославянская грамматика Трубецкого, в которой последовательно и ярко проводятся фонологические и грамматические идеи автора; это, между прочим, позволило взглянуть на Константина и Мефодия как на стихийных фонологов, интуитивно постигших систему фонем старославянского языка. Читая в Венском университете, где он работал с 1922 г. по рекомендации Ягича, лекции по славянским языкам, Трубецкой стремился разобраться в истории и системе каждого языка. Но в опубликованном виде дошли до нас лишь наблюдения Трубецкого над памятниками полабского языка и тщательное исследование полабской фонологической и морфонологической систем. Морфонологические идеи Трубецкого нашли свое приложение также в книге о морфонологической системе русского языка (1934).

Во Франции продолжалось начатое А. Мейе исследование славянских языков. Парижский институт славянских исследований с 1921 г. стал издавать журнал «Revue des études slaves», известный не только разнообразными по тематике статьями, но и основательными библиографическими обзорами, в которых, в частности, довольно полно представлена славистическая литература, издаваемая в неславянских странах. Видный французский славист *Андре Вайан* (1890—1977) много и успешно занимался древними славянскими письменными памятниками, издал несколько памятников, дошедших до нас в копиях XIII—XIV вв. Им было подготовлено превосходное «Руководство по старославянскому языку», переведенное на русский язык (1952). После второй мировой войны Вайан работал над многотомной сравнительной грамматикой славянских языков. Вышло пять томов (7 книг) этого капитального, особенно ценного в морфологической части, труда. В десятках статей и заметок Вайан дал интересные этимологии славянских, в том числе русских, слов. Вайан изучал народную поэзию южных славян. Совместно с А. Мейе им написана сербскохорватская грамматика. Деятельность Вайана не ограничивалась научными исследованиями, его педагогическая работа способствовала развитию французской славистики в последние десятилетия.

Французская славистика вносит свой вклад и в изучение отдельных славянских языков. Во Франции начиналась деятельность *Бориса Унбегауна* (1898—1973). Капитальное исследование русского склонения первой половины XVI в. (1935), популярная русская грамматика, библиографические работы, исследование о русском стихосложении, полные живого фактического материала работы об истории слов и выражений, спорные, но интересные работы о развитии славянских литературных языков, исследования по славянской ономастике — таковы результаты большого труда этого известного зарубежного слависта. Синтаксист-теоретик *Люсьен Теньер* (1893—1953) в начале своей деятельности составил уникальный по учету разнообразных грамматических условий атлас употребления двойственного числа в словенских диалектах. *Анри Граппен* (1881—1959) изучал вопросы истории польского языка.

В период после первой мировой войны славистические исследования в Германии продолжались; в 30-х гг., с приходом к власти гитлеровцев, они были приостановлены или прекращены, за исключением некоторых ненаучных и тенденциозных «работ», в которых искажалась история и культура славянства. Но в 20-х гг. был еще подготовлен ряд важных для славистики исследований. Балтист и славист *Рейнгольд Траутманн* (1883—1951) издал «Балто-славянский словарь» (1923), в котором была представлена общая лексика балтийских и славянских языков. Траутманн вел также работу по изучению славянских местных названий на территории Германии, опубликованную уже после войны (в трех томах). После второй мировой войны Траутманн опубликовал краткое введение в славистику «Славянские народы и языки» (1948), а также краткую русскую грамматику

25.Зак. 5941

(1948). *Пауль Дильс* (1883—1963) издал очень полную грамматику старославянского языка (1932).

Видный немецкий славист *Макс Фасмер* (1886—1962), который до первой мировой войны работал в некоторых русских университетах и занимался исследованием славяно-греческих языковых связей, после войны продолжал изучение славянско-неславянских языковых отношений. С 1925 г. он стал редактором журнала «Zeitschrift für slavische Philologie», которому суждено было заменить прекратившийся вскоре «Архив» Ягича. Фасмер начал подготовку материалов для этимологического словаря русского языка. В годы войны собранные им материалы погибли во время бомбардировки, но ученый восстановил их, и с 1949 г. начал выпускать «Русский этимологический словарь», завершенный в 1958 г. Этот словарь — лучший русский и вообще славянский завершенный этимологический словарь. Он переведен на русский язык и издан в четырех томах под названием «Этимологический словарь русского языка» (1964—1973). В послевоенные годы Фасмеру удалось также организовать издание большого обратного словаря русского языка и словаря русских собственных имен. Этимологический словарь Фасмера обеспечил его автору прочное место в истории славистики.

Николаас Ван-Вейк (1880—1941) был профессором Лейденского университета в Голландии. Под влиянием Ягича и Лескина, у которых он учился в Вене и Лейпциге, Ван-Вейк занялся исследованием старославянского языка, результатом которого стала его оригинальная книга «История старославянского языка» (1931), переведенная на русский язык (1957). Но интересы Ван-Вейка были значительно более широкими. Он посвятил ряд работ славянской акцентологии в ее соотношении с балтийской, а также в плане характеристики явлений ударения в отдельных славянских языках, занимался и другими проблемами звуковой системы и грамматического строя праславянского языка в его отношениях с балтийскими и с современными славянскими языками. Ван-Вейк исследовал также западнославянские диалекты. Обобщающий характер имеет его книга «Славянские языки: от единства к множеству» (1937).

4.6. СЛАВИСТЫ И СЛАВИСТИКА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1 октября 1938 г. гитлеровская Германия оккупировала часть Чехословакии, так называемую Судетскую область, а 15 марта 1939 г. были захвачены остальные чешские земли; накануне Словакия была провозглашена словацкими фашистами по согласованию с гитлеровцами «независимым» государством. Все это происходило при потворстве со стороны тогдашних правящих кругов Англии и Франции. 1 сентября гитлеровские войска вторглись в Польшу, развязав тем самым вторую мировую войну. Эта война, отразившаяся на судьбах десятков и сотен миллионов людей, не могла не отразиться и на развитии славистики, на судьбах славистов. Оккупанты попытались использовать чешских славистов в своих целях. Славянский институт и Славянская библиотека были включены в пражский немецкий университет. М. Мурко отказался от поста директора. Нацисты попытались продолжить издание журнала «Slavia», но это не встретило поддержки ученых; оккупантам удалось выпустить в 1944 г. лишь один номер журнала, далекий от настоящей науки. Многие чехословацкие ученые оказались за колючей проволокой. Пражского болгариста и специалиста по серболужицкой литературе Йосефа Пату (1886—1942) казнили за то, что он поддерживал национально-культурное движение серболужичан.

В Кракове спустя полтора месяца после его оккупации, 6 ноября 1939 г., по указанию эсэсовского офицера был собран профессорско-преподавательский состав Ягеллонского университета; оберштурмбаннфюрер обещал изложить свои взгляды на развитие высшего образования в Польше. Доклад свелся к нескольким фразам, смысл которых был: высшее образование для поляков запрещено, а профессора, которые хотели начать обучение студентов, будут отправлены в концлагерь. Все присутствующие 144 преподавателя университета во главе с ректором, известным славистом Т. Лер-Сплавинским, были (вместе с несколькими случайно оказавшимися в университете людьми) арестованы. Среди них было много старых и больных людей, видному ученому-полонисту К. Нитшу, например, было 66 лет. Двадцать человек умерли от лишений в лагерях Заксенхаузен и Дахау,

куда направили профессоров и преподавателей Ягеллонского университета, или непосредственно после возвращения домой. Среди них был доцент-русист С. Беднарски. Арестованные ученые категорически отказались от сотрудничества с оккупантами, предложенного взамен за свободу. Когда об аресте краковских ученых узнали за пределами Польши, общественность стала пытаться оказать им какую-либо помощь. Известный югославский писатель Иво Андрич, воспитанник Ягеллонского университета, будущий нобелевский лауреат, а в то время посол Югославии в Берлине, запросил немецкие власти о судьбе польских ученых, его поддержали послы еще некоторых стран. Известный немецкий славист профессор Берлинского университета академик Макс Фасмер проявил мужество и организовал петиции нескольких групп немецких ученых к властям с просьбой освободить польских профессоров. Благодаря этому вмешательству старые ягеллонские профессора были выпущены через полгода после ареста. Заключенный № 5371, позже директор Института польского языка Польской Академии наук, видный польский славист Станислав Урбаньчик (род. 1909), бывший тогда еще молодым доцентом, рассказал об этом гитлеровском преступлении в книге «Университет за колючей проволокой» (2-е изд.— 1969). В Люблине бросают в тюрьму, а затем в концлагерь молодого тогда профессора, ученика Н. С. Трубецкого, Владислава Курашкевича (род. 1905); с ноября 1939 по май 1945 г. ученый пробыл в заключении, год после этого пролежал в больнице, чтобы, вернувшись на Родину, успешно продолжить работу в области славянского языкознания в Познани. А тогда в Познани, которая была включена в состав гитлеровского рейха, арестовали ряд профессоров: уже то, что они преподавали польский язык в Познани, было преступлением. Профессор Эдвард Клих (1878—1939), изучавший историю польского языка, польские и белорусские диалекты, цыганский язык, погиб в гитлеровской тюрьме вместе с еще тремя познанскими славистами... Когда эсэсовцы выпускали из лагеря краковских ученых, они строго предупреждали, что профессорам запрещена преподавательская деятельность и грозили новым заключением в лагерь. Но в оккупированной Польше действовало тайное обучение в подпольных университетах, готовились кадры для будущего, проводились даже тайные защиты диссертаций. Еще в лагере профессор К. Нитш сказал: «Я прожил уже 66 лет, сделал в жизни, что мог, занимал разные посты, естественно, что умру, но надо помочь молодым, чтобы они выдержали лагерь, потому что они будут очень нужны для нашего будущего». И польские слависты принимали активное участие в этой работе.

Советские ученые-слависты вместе со всем советским народом с первых дней Великой Отечественной войны приняли активное участие в борьбе с гитлеровцами. Академик Н. С. Державин публикует в 1942 г. книгу «Фашизм — злейший враг славянства», выступает на антифашистских митингах, участвует в работе Славянского комитета СССР, пишет публицистические статьи. Тяжелобольной профессор А. М. Селищев работает над статьями, разоблачающими чудовищные замыслы немецкого фашизма против славян, выступает с докладами на антифашистских конференциях... Те, кто был помоложе, шли на фронт. Молодой преподаватель-языковед *Иван Константинович Белодед* (1906—1981) идет в армию, служит в танковых войсках... Потом, после войны, по приглашению Л. А. Булаховского он снова вернется к родной филологии, напишет десятки работ о языке украинской художественной литературы, по связям украинского языка с другими славянскими, будет министром просвещения Украины, заменит Л. А. Булаховского после его смерти на посту директора Института языковедения АН УССР, будет вице-президентом украинской и академиком Всесоюзной академии. Но идет война, и Белодед проходит ее от первого до последнего дня, чтобы закончить войну полковником, кавалером пяти боевых орденов. Служил в рядах Советской Армии доцент Ленинградского пединститута *Федот Петрович Филин* (1908—1982). Он уже был автором двух монографий по истории и диалектологии русского языка, ряда статей. Он станет автором еще ряда фундаментальных работ, он начнет издание монументального «Словаря русских народных говоров», он станет членом-корреспондентом АН СССР. Но это будет после войны. Не всем способным, талантливым советским славистам, защищавшим свою Родину, свой народ, свой язык, а вместе с тем все славянство от угрозы физического истребления, довелось вернуться и продолжить мирные занятия языками и литература-

ми славянских народов. Погиб в бою на Орловщине, защищая родную Беларусь, заведующий кафедрой белорусского языка Минского пединститута Константин Иванович Гурский (1907—1943), автор интересных исследований по белорусскому синтаксису...

Среди советских воинов — освободителей Болгарии — был тридцатилетний майор *Юрий Сергеевич Маслов* (род. 1914), родившийся в семье известного киевского филолога-слависта С. И. Маслова и успевший в 1940 г. защитить в Ленинграде кандидатскую диссертацию по истории немецкого глагола. Вернувшись в 1946 г. в Ленинградский университет, Маслов читает, однако, уже не немецкий, а болгарский язык. Маслов становится одним из ведущих советских славистов, крупнейшим специалистом по болгарскому языку, автором работ по общему языкознанию. В числе работ Маслова и оригинальное пособие по введению в языкознание, и содержательная болгарская грамматика, и многие основополагающие работы по славянскому глагольному виду. Быть может, в повороте Маслова к славистике сыграл роль памятный сентябрь 1944 г. «под звездами балканскими», когда Маслов открыл для себя болгарский язык? А *Леонид Иванович Ройзензон* (1920—1977) открыл для себя чешский язык весной сорок пятого, когда участвовал в освобождении Чехословакии. Спустя много лет, будучи уже видным специалистом в области славянского синтаксиса, фразеологии, словообразования, Ройзензон снова приехал в Брно — город, который когда-то освобождал, на научную конференцию по вопросам синтаксического строя славянских языков, которую организовал его коллега и друг *Ярослав Бауэр* (1924—1969), талантливый чехословацкий специалист по славянскому синтаксису... Но это было спустя двадцать лет. А сразу после демобилизации Ройзензон пришел во Львовский университет, где возглавлял славистику И. С. Свенцицкий, и сел за студенческую скамью: он решил стать богемистом — специалистом в области чешской филологии.

Трудную школу войны прошли многие советские слависты, специалисты по отдельным славянским языкам. Белорусские слависты — один из сильных коллективов в советской славянской филологии. Белорусская славистика создавалась главным образом в послевоенные годы.

И не последнюю роль в ее успехах играет, видимо, боевой дух тех, кто пришел в нее, пройдя фронт или партизанский отряд. Среди них были поработавшие на ниве белорусской филологии писатели: академик Петр Устинович Бровка (1905—1980), академик Петр Федорович Глебка (1905—1969), Николай Павлович Лобан (1911—1984), ученые-литературоведы академик Василий Васильевич Борисенко (1904—1984), член-корреспондент АН БССР Иван Васильевич Гуторов (1906—1967), профессора Михаил Григорьевич Ларченко (1907—1981), Наум Соломонович Перкин (1912—1976), Юлиан Сергеевич Пширков (1912—1980), Степан Хусейнович Александрович (1921—1986). Велик вклад в развитие белорусской филологии вообще, а языкознания в особенности известного писателя и филолога академика Кондрата Кондратовича Крапивы (род. 1896), работавшего во время войны во фронтовой печати. Академики литературовед Иван Яковлевич Науменко (род. 1925) и языковед Николай Васильевич Бирилло (род. 1923), члены-корреспонденты АН БССР литературовед и писатель Александр Михайлович Адамович (род. 1927), языковед Аркадий Иосифович Журавский (род. 1924), историк культуры Станислав Викторович Марцелев (род. 1925), профессора-языковеды Лев Михайлович Шакун (род. 1926), Федор Михайлович Янковский (род. 1918), Владимир Васильевич Аниченко (род. 1924), литературоведы Антон Александрович Семенович (род. 1917), Николай Михайлович Гринчик (род. 1923), Анатолий Семенович Федосик (род. 1925), как и многие другие белорусские филологи, были во время Великой Отечественной войны участниками партизанского движения. Академики АПН СССР литературоведы Василий Владимирович Ивашин (род. 1913), Михаил Арсеньевич Лазарук (род. 1926), члены-корреспонденты АН БССР писатель и ныне главный редактор Белорусской энциклопедии Иван Петрович Шамякин (род. 1921), фольклорист Василий Кириллович Бондарчик (род. 1920), профессора-языковеды Николай Андреевич Павленко (1926—1987), Михаил Гапеевич Булахов (род. 1919), Павел Павлович Шуба (род. 1926), Михаил Евгеньевич Тикоцкий (род. 1922) и десятки других белорусских филологов служили в годы Великой Отечественной войны в действующей армии. Когда ныне оцениваются успехи белорусской науки в послевоенные годы, нельзя

забывать, что основы этих успехов закладывались большим отрядом бывших фронтовиков и партизан.

Вторая мировая война была для славянских народов войной за существование. Развязавший войну гитлеровский фашизм открыто стремился к угнетению и истреблению славянства. Лживая человеконенавистническая расовая доктрина вооружала немецких фашистов «теорией» неполноценности славянских народов, согласно которой славяне неспособны создавать культурные ценности, не нуждаются в образовании, а должны быть своего рода рабочим скотом, который кормил бы «германскую расу господ», беспрекословно выполнял неквалифицированную работу, а сам прозябал в нищете и невежестве. Это была отнюдь не абстрактная теория. Во исполнение этой теории строились крематории в Освенциме и сжигались сотни Хатыней, пылали костры из книг на улицах немецких городов и разрушались города на оккупированных землях, уничтожались украинские музеи и бросались в тюрьмы престарелые польские профессора, ссылались серболужицкие священники и расчленялась словенская земля... Жуткая античеловеческая деятельность гитлеровцев не могла не побудить славян к сопротивлению, к борьбе за свою жизнь, свободу и независимость. Все славянские народы встали на эту борьбу. Она потребовала невиданных жертв. Но выстояли и победили.

В годы тяжелых испытаний советские школьники, открывая учебник, читали и учили наизусть: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины,— ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» Эти слова написал летом 1882 г., за год до своей смерти, Иван Сергеевич Тургенев. Мысли о бессмертии родного славянского слова не были праздными мыслями для миллионов людей в те годы. Потому, что в мыслях этих черпалась уверенность в стойкости, в непобедимости национального духа. И Анна Ахматова в стихотворении «Мужество», датированном 23 февраля 1942 г., вторила Тургеневу:

Мы знаем, что́ ныне лежит на весах
И что́ совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Раздумья о родном слове, о его судьбах, о значимости его для народа были характерной чертой многих филологических работ, написанных в дни войны. Издательство «Правда» в 1944 г. выпустило брошюру крупнейшего советского языковеда-русиста В. В. Виноградова «Величие и мощь русского языка». А в небольшой, карманного формата книжке В. В. Виноградова, напечатанной на газетной бумаге, но с ярким и знаменательным названием «Великий русский язык» говорилось об исторических корнях величия русского языка, о том, как его ценили и любили выдающиеся деятели культуры Европы. Очень похоже была оформлена и книжка Г. О. Винокура «Русский язык. Исторический очерк». Эти книжки вышли не в научном издательстве — в Гослитиздате. И была в них, видимо, тогда настоятельная потребность.

Настоятельной была и потребность в труде *Дмитрия Сергеевича Лихачева* (род. 1906), ныне академика, но и тогда уже виднейшего филолога, специалиста по древнерусской культуре, «Оборона древнерусских городов», вышедшем в Ленинграде в блокадном 1942 г. А в 1945 г. вышла книга Д. С. Лихачева, тоже прямо связанная с патриотическими размышлениями военных дней, когда она писалась,— «Национальное самосознание древней Руси».

Актом большого не только гражданского, но и личного мужества было издание в 1942 г. Болгарской Академией наук исследования *Ивана Лекова* (1904—1978) — крупнейшего болгарского слависта, автора ряда работ по сопоставлению и типологии славянских языков — под названием «Характеристика общих черт в болгарском и восточнославянских языках». Об общих чертах наших языков думал в те трудные месяцы Иван Леков, об общих судьбах. И верил в светлое будущее славянства. В оккупированной Праге в 1939—1940 гг. чешские слависты приняли участие в издании сборника со знаменательным названием «Что дали наши земли Европе и человечеству». В статьях лингвиста Б. Гавранека, литературоведа Франка Вольмана речь шла не просто

о чешских землях, а значительно шире: о культурном значении славянства и славистики.

Ученые самой гуманной профессии — филологи не могли не думать о будущем. В прифронтовой обстановке осенью 1943 г. под Харьковом украинское правительство одобрило проект изменений в украинской орфографии, предложенный Орфографической комиссией под руководством Л. А. Булаховского. Это важно было сделать именно тогда: предстояло отстраивать школы и библиотеки, восстанавливать уничтоженные гитлеровцами книжные фонды, и сделать это было разумнее всего, руководствуясь обновленной орфографией. А готовясь к этой работе, Л. А. Булаховский, специалист широких славистических интересов, написал работы по основам орфографии и пунктуации, опубликовал в единственном тогда «толстом» украинском журнале «Украинская литература» статью «Украинский язык среди других славянских»...

Большие, фундаментальные проблемы занимали ученых в те годы. Видный советский языковед академик *Иван Иванович Мещанинов* (1883—1967) в годы войны создал свою лучшую книгу, капитальный труд «Члены предложения и части речи». Л. В. Щерба пишет в последние месяцы своей жизни, в 1944 г., статью «Очередные проблемы языковедения», одну из самых цитируемых до сих пор его работ. Обращение к центральным, крупным темам науки характерно было в годы войны для многих представителей славянской филологической науки.

4.7. ПОСЛЕВОЕННОЕ РАЗВИТИЕ СЛАВИСТИКИ

4.7.1. Вводные замечания

Вторая мировая война закончилась. Славянские народы вместе со всем прогрессивным человечеством отстояли свободу и достоинство человека. Фашизм не прошел. Одним из результатов второй мировой войны явилось то, что все славянские народы встали на путь строительства социализма.

Спустя некоторое время после второй мировой войны восстановилась традиция международных славистических конгрессов. В 1955 г. в Белграде состоялось Международное совещание славяноведов, на котором советские слависты В. В. Виноградов, В. И. Борковский, Ю. С. Маслов, М. П. Алексеев, А. С. Мясников, П. Н. Третьяков сделали доклады об изучении в СССР в послевоенные годы славянских языков и литератур и о работе Института славяноведения АН СССР, воссозданного в 1947 г. (с 1968 г.— Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Аналогичные доклады сделали и представители других стран, среди которых были А. Мазон и А. Вайан, Т. Лер-Сплавинский, В. Дорошевский, П. Дильс, Р. Якобсон, В. Георгиев, И. Леков, Б. Гавранек, К. Горалек и др. Открыл Белградское совещание А. Белич. Совещание решило считать Третий международный конгресс славистов состоявшимся и провести в 1958 г. очередной IV Международный съезд славистов в Москве.

Для проведения Московского конгресса был создан Международный комитет славистов, который возглавил академик В. В. Виноградов. Этот съезд, состоявшийся в первой декаде сентября 1958 г. в новом тогда здании Московского университета на Ленинских горах, явился крупнейшим событием не только в послевоенной славянской филологии, но и в культурной жизни славянских народов. Подготовка к съезду активизировала советскую и зарубежную славистику. Специальные славистические сборники были выпущены во всех славянских столицах и во многих других университетских городах — Одессе и Фрунзе, Батуми и Самарканде, Воронеже и Тарту. В рамках подготовки к съезду началась интенсификация славистических исследований не только в ее традиционных центрах — Москве, Ленинграде, Киеве, но и в Минске, где из-за человеческих потерь и материальных разрушений филологию пришлось строить практически заново. Наряду с Советским комитетом славистов под председательством В. В. Виноградова (затем М. П. Алексеев, ныне Н. И. Толстой) были созданы республиканские комитеты славистов в славянских республиках. Украинский комитет славистов возглавил Л. А. Булаховский (его сменил И. К. Белодед, ныне В. М. Русановский). В Белоруссии комитет славистов возглавлял К. К. Крапива, затем большую работу в нем вел видный организатор лингвистической науки в республике Михаил Романович

Судник (род. 1910), ныне председателем является А. И. Журавский.

Большая организационная работа накануне Четвертого конгресса славистов увенчалась успехом. На съезд прибыли две тысячи делегатов, представлявших 27 стран. Такого крупного научного форума славистика до этого не знала. Были изданы заранее тексты всех двухсот пятидесяти докладов съезда, а после съезда в трех томах был опубликован его отчет со стенограммами пленарных заседаний, списками участников, программой и другими справочными данными, а также изложением всех дискуссионных выступлений.

Московский съезд славистов был настоящим праздником славистической науки. Казалось, что все огромное высотное здание главного корпуса МГУ заполнили слависты. В множестве одновременно работавших секций, в кулуарах можно было встретить не только всех крупнейших советских славистов, но и видных славистов, прибывших из-за рубежа.

На выставке славистической литературы слависты знакомились с изданиями, которые иногда были им неведомы. С раннего утра и до позднего вечера гудел улей славистического МГУ. Как и на любом конгрессе, самым главным были, пожалуй, не столько официальные доклады, хотя и они чрезвычайно важны, сколько личные контакты. После многих лет разделения старые слависты возобновляли, а молодые завязывали деловые знакомства. Делились планами, договаривались об обмене литературой, рассказывали друг другу о проделанной работе и вручали необходимые на любом научном форуме оттиски своих работ. Московский съезд славистов не просто восстановил прерванную традицию, но заложил основы длительного сотрудничества, разнообразного по форме, по тесноте, но неизменно основанного на взаимном уважении, на стремлении понять друг друга, помочь друг другу, а главное — сделать общий шаг в изучении славянских языков и литератур.

На съезде был намечен ряд фундаментальных международных научных мероприятий. Самое сложное из них — создание общеславянского лингвистического атласа — уже вступило в завершающую фазу. Под руководством видного советского диалектолога *Рубена Ивановича Аванесова* (1902—1982), председателя диалектологической комиссии Международного комитета славистов, проделана огромная организационная работа по созданию программы атласа, сбору диалектного материала, составлению карт, а теперь уже и их изданию. Задуманный тогда многоязычный «Словарь славянской лингвистической терминологии» издан под редакцией чешского языковеда Алоиса Едлички в 1977—1979 гг. в Чехословакии. Идет работа и над некоторыми другими международными проектами.

Пятый международный конгресс славистов состоялся в 1963 г. в Софии, Шестой — в 1968 г. в Праге, Седьмой — в 1973 г. в Варшаве, Восьмой — в 1978 г. в Югославии, в Загребе, Девятый — в 1983 г. в Киеве, Десятый — в 1988 г. в Софии. Одиннадцатый конгресс славистов намечен на 1993 г. в Братиславе. Председателями Международного комитета славистов были в этот период ведущие слависты стран, организующих конгресс: В. И. Георгиев (Болгария), Б. Гавранек (Чехословакия), В. Дорошевский (Польша), Б. Крефт (Югославия), М. П. Алексеев (СССР). При Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) создана Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур (МАЙРСК), которая провела в рамках стоящих перед ней задач несколько специальных научных конференций (в том числе в 1982 г. в Минске международную научную конференцию «Славянские культуры и мировой культурный процесс»). Как конгрессы славистов, собирающие по нескольку сот иностранных участников, так и эти симпозиумы являются вехами на пути стремительного развития славистики в славянских и неславянских странах в послевоенные годы. Из науки кабинетной славистика превратилась в послевоенный период в науку широкого общественного значения. То обстоятельство, что славянские народы составляют ныне значительную часть лагеря мира и социализма, не могло не отразиться на росте интереса к их языкам и культурам. Со времени основания (1973) МАЙРСК возглавлял видный советский литературовед-славист Д. Ф. Марков (ныне он — почетный президент), президентом МАЙРСК стал (1986) С. Вольман.

По инициативе нескольких зарубежных ученых в 1967 г. была создана Международная ассоциация преподавате-

лей русского языка и литературы (МАПРЯЛ). Первым ее президентом был В. В. Виноградов, а после него — литературоведы М. Б. Храпченко (1904—1986) и П. А. Николаев (род. 1924); бессменным генеральным секретарем МАПРЯЛ является В. Г. Костомаров (род. 1930). Ныне около двадцати миллионов человек за пределами нашей страны изучают русский язык. Славист за пределами славянских стран — это очень часто русист, а русисты нередко совмещают интересы к русскому языку с интересами к другим славянским языкам и литературам. Расширяется интерес и к взаимному познанию друг друга между народами славянских стран. И это является основой успешного, как никогда, развития славистики в наше время.

4.7.2. Советская славистика

В Советском Союзе после Великой Отечественной войны значительно возрос интерес к изучению языков и литератур славянских стран, вступивших на путь социалистического строительства.

Научная деятельность первого председателя Международного комитета славистов *Виктора Владимировича Виноградова* (1895—1969) началась еще в конце 10-х гг.: первый печатный труд Виноградова был опубликован в «Известиях Российской Академии наук» за 1919 г. Это было капитальное исследование о судьбе звука ѣ в письменных памятниках северновеликорусского наречия. Своими учителями Виноградов называл А. А. Шахматова и Л. В. Щербу. В архиве сохранился отзыв Шахматова на студенческую работу Виноградова. А Виноградов, всегда с огромным вниманием относившийся к научным предшественникам и написавший ряд серьезных работ с анализом взглядов выдающихся отечественных языковедов, не раз писал о научном творчестве А. А. Шахматова и Л. В. Щербы.

В. В. Виноградов родился в Зарайске Рязанской губернии в семье священника, учился в духовной семинарии, а затем в Историко-филологическом и Археологическом институтах в Петрограде. По рекомендации Шахматова был оставлен в 1918 г. для подготовки к профессорскому званию в Петроградском университете и с 1920 г. начал свою преподавательскую деятельность в качестве доцента. Работал в Петроградском (позже — Ленинградском) университете, а с 1930 г.— в Москве (с перерывами в 1934—1937 и 1941—1944 гг., когда Виноградов был в Вятке и Тобольске), где он до последних дней руководил в университете кафедрой русского языка. Вместе с тем Виноградов работал в научно-исследовательских институтах, а после лингвистической дискуссии 1950 г. был директором Института языкознания (1950—1958) и Института русского языка АН СССР (1958—1968). Виноградов был основателем (в 1952 г.) и до конца своей жизни главным редактором журнала «Вопросы языкознания». Он был первым президентом МАПРЯЛ, академиком ряда иностранных академий, почетным доктором ряда зарубежных университетов. Действительным членом АН СССР он был избран еще в 1946 г. Но ни педагогическая, ни организаторская деятельность академика Виноградова не могли отвлечь его от занятий наукой. В центре внимания Виноградова всегда был русский литературный язык. Он был превосходным грамматистом, и его книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947; 2-е изд.— 1972) до сих пор является лучшим научным изложением русской грамматики в сфере учения о частях речи. Он создал науку о языке художественной литературы, и его работы о языке Пушкина, Гоголя, многих других писателей и поэтов, его обобщающие книги «О языке художественной литературы» (1959), «Сюжет и стиль» (1963), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), «О теории художественной речи» (1971) являются основополагающими в этой области. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1934; 3-е изд.—1982) Виноградова представляют собой пионерское исследование в этой новой области науки. Очень многое сделано Виноградовым для изучения русской лексики, он заложил основы для становления фразеологии как особой дисциплины. Много внимания уделил Виноградов вопросам взаимодействия русского и других славянских литературных языков в древнейший период. Он развивал мысль о наличии в древнерусский период двух разновидностей письменного языка — церковнославянской и русской, народной по своей основе. Труды Виноградова представляют собой крупнейший вклад советской лингвистики в мировую славистику.

Петр Саввич Кузнецов (1899—1968) не имел высших академических званий, был «просто» доктором филологических наук и «просто» профессором. Но вклад его в развитие отечественной лингвистики настолько велик, что закреплено за ним в истории нашей науки очень почетное место, определяемое не должностями и титулами, но весом трудов ученого и его ролью в развитии современной ему науки. Человек исключительно широкого, можно сказать энциклопедического, круга интересов, Кузнецов еще в гимназии увлекался филологией и математикой. Еще с детства дружил он с Андреем Николаевичем Колмогоровым (1903—1987), в будущем — выдающимся советским математиком, академиком, занимавшимся с большим интересом вопросами математической поэтики. Вероятно, именно эта увлеченность математикой определила и позднейшее стремление Кузнецова к точности в лингвистических исследованиях, его вхождение в ядро Московской фонологической школы вместе с Р. И. Аванесовым, Александром Александровичем Реформатским (1900—1978) и другими, а также и участие в первых шагах разработки машинного перевода в СССР. Студенты знают имя Кузнецова по краткому очерку русской диалектологии и по учебнику исторической грамматики русского языка, написанному им совместно с В. И. Борковским. Иностранцам известно его имя как редактора одного из популярных справочников русской грамматики для иностранцев, издающегося еще с 1939 г. А в области славистики наиболее значительны исследования Кузнецова о происхождении чередований в славянских языках и книга «Очерки по морфологии праславянского языка» (1961), аккумулировавшая ряд других работ ученого.

Тимофей Петрович Ломтев (1906—1972) многое сделал для развития белорусской науки о языке, проработав около десятка лет в Минске. Его историко-языковые исследования по белорусскому синтаксису, как и работы по русскому синтаксису в историческом освещении и в синхронном, современном разрезе, отличаются и богатством материала и оригинальностью трактовок. Самобытны работы Ломтева по компонентному описанию лексики, а также по фонологии. Ломтев стремился применить в своей исследовательской практике новые методики и новые подходы к анализу языковых фактов.

Ему принадлежит ряд работ о структуре славянского предложения и о других явлениях славянского синтаксиса, представленных, в частности, в виде докладов на IV—VII международных славистических конгрессах.

Вопросы исторического синтаксиса русского и других восточнославянских языков являются центральным объектом интересов академика *Виктора Ивановича Борковского* (1900—1982). Борковский уделял также много внимания истории белорусской и русской славистики. В течение ряда лет он был директором Института русского языка АН СССР и заместителем председателя Советского комитета славистов.

Сравнительно-исторические исследования славянских языков — главная сфера интересов *Самуила Борисовича Бернштейна* (род. 1911), одного из учеников А. М. Селищева. Бернштейн — автор двух томов широко задуманной «Сравнительной грамматики славянских языков» (1961, 1974), работ по языку среднеболгарских письменных памятников, учебника и словарей болгарского языка, инициатор составления атласа болгарских говоров СССР (1958), карпатского диалектологического атласа (с 1967). Бернштейн принимал участие в составлении диалектологического атласа болгарского языка. Он является крупным специалистом по истории славянской филологии, человеком большой эрудиции и широких познаний в области балканистики.

Олег Николаевич Трубачев (род. 1930) занимается сравнительно-историческими исследованиями, ориентированными главным образом на лексику. Им созданы книги о славянских терминах родства (1959), названиях животных (1960), о ремесленной терминологии в славянских языках (1966), о гидронимах Поднепровья (1962, в соавторстве с В. Н. Топоровым) и правобережной Украины (1968). Трубачевым опубликованы десятки статей и заметок по различным вопросам славянской этимологии, в том числе очень глубокие и оригинальные работы теоретического характера. В настоящее время под руководством Трубачева выходит «Этимологический словарь славянских языков» (с 1974 г.).

Никита Ильич Толстой (род. 1923) принадлежит к числу виднейших советских славистов. Его научные интересы обращены прежде всего к историко-типологическим исследованиям славянской лексики. Для этих

исследований широко привлекается обширный диалектный материал, собиранию которого на Полесье и на русском Севере по специальным программам Толстой и его сотрудники уделяют много внимания. Важнейшие результаты в этой области отражены в книге «Славянская географическая терминология» (1969) и в докладе на Пражском конгрессе славистов (1968). Другой вопрос, которым много занимается Толстой,— это славянские литературные языки, и особенно в их формах, бытовавших до XIX в. (в донациональный период). Толстой и его сотрудники в настоящее время работают над созданием «Этнолингвистического словаря славянских древностей», проспект которого опубликован в 1984 г. В этом словаре найдут сжатое описание и пояснения слова, связанные с древними славянскими обрядами и другими формами духовной культуры. Толстой привлекает к себе многочисленных учеников колоссальными знаниями, широким подходом, открывающим большие возможности творческого исследования славянского языкового материала, щедрой и открытой славянской душой.

Вячеслав Всеволодович Иванов (род. 1929) — ученый широких научных интересов и глубокой индоевропеистической эрудиции. Он занимается проблемами семиотики, привлекая к своим семиотическим исследованиям различные знаковые системы, в том числе литературу, киноискусство; показательна в этом отношении его книга «Очерки по истории семиотики в СССР» (1976). С другой стороны, Иванов занимается исследованием индоевропейской лингвистической проблематики, касаясь всех уровней языковой системы: фонологии и морфонологии, морфологии, синтаксиса, лексики. При этом славянский языковой материал включается в индоевропеистические исследования, как, например, в книге «Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы» (1965). Совместно с *Владимиром Николаевичем Топоровым* (род. 1928), также видным советским индоевропеистом и славистом, Иванов занят проблематикой реконструкции праславянского текста; авторы подготовили по этому вопросу доклад для Софийского конгресса славистов, выдвигая на первый план содержание реконструируемого текста. Конкретизация намеченного исследования потребовала от Иванова и Топорова исследований по древнеславянским мифологическим системам, отраженным

в их книгах 1965 и 1977 гг. Топоров занимается и рядом других славистических проблем, известна его ранняя книга «Локатив в славянских языках» (1961). Топоровым начата также публикация большого словаря мертвого балтского языка прусов (с 1975 г.).

С. Б. Бернштейн, Н. И. Толстой, В. В. Иванов, В. Н. Топоров работают в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ), который является одним из главных научных центров нашей страны по изучению проблем славянской филологии. В этом институте работал также рано погибший славист *Владислав Маркович Иллич-Свитыч* (1934—1966), написавший важную работу «Именная акцентуация в балтийском и славянском» (1963), а в последние годы жизни занимавшийся реконструкцией «ностратического» праязыка, объединяющего индоевропейскую, семито-хамитскую, уральскую, алтайскую, картвельскую и дравидийскую семьи; эта работа отражена в его посмертном трехтомном издании «Опыт сравнения ностратических языков» (1971—1984). Иллич-Свитыч участвовал также в составлении первого «Македонско-русского словаря» и написал для него краткий очерк македонской грамматики. Рано скончался и другой сотрудник этого же славистического центра — *Исаак Иосифович Ревзин* (1923—1974), который обратился к славистике, к решению некоторых очень специальных славистических проблем, таких, например, как выражение категории определенности — неопределенности в старославянском языке. Его путь к славистике — через общелингвистические интересы, связанные с использованием новейших методов лингвистического анализа, в частности теоретико-множественного подхода. Для славистики наиболее важны книги Ревзина «Метод моделирования и типология славянских языков» (1967), «Современная структурная лингвистика» (1977), «Структура языка как моделирующей системы» (1978). Широкий славянский материал привлекается также в исследованиях Татьяны Михайловны Николаевой по славянской интонации, Владимира Антоновича Дыбо и Андрея Анатольевича Зализняка по ударению в славянских языках, а также по анализу древнеписьменных памятников, Людмилы Эдуардовны Калнынь по сравнительной фонологии, в трудах других славистов ИСБ. В области сербскохорватского языка работает Римма Владимировна

Булатова, в области словацкого — Лев Никандрович Смирнов, чешского — Галина Парфеньевна Нещименко и т. д. Большую работу по анализу языка древнеславянских письменных памятников проводят Раля Михайловна Цейтлин, Елена Владимировна Чешко, Капитолина Ивановна Ходова, Евгения Ивановна Демина, Ирина Константиновна Бунина, а в Институте русского языка АН СССР Лидия Петровна Жуковская, Евгений Михайлович Верещагин, Жанна Жановна Варбот и др.

В различных высших учебных заведениях Москвы работает значительная группа языковедов-славистов. Они занимаются исследованием славянских языков как в сравнительном плане, так и в плане углубленного изучения отдельных славянских языков. Так, заведующая кафедрой славянских языков Московского университета Александра Григорьевна Широкова является ведущим советским специалистом по вопросам чешского языка. Здесь же работают специалисты по сербскохорватскому, македонскому, словенскому языку — В. П. Гудков, Р. П. Усикова, О. С. Плотникова, специалисты по другим славянским языкам. В работах русистов Московского университета, в частности Клавдии Васильевны Горшковой, заведующей кафедрой русского языка МГУ, русский язык нередко получает славистическое освещение. Это ярко видно и в работах Б. А. Успенского, начавшего с теоретико-лингвистических исследований по типологии языков и занимающегося в последнее время проблематикой становления русского литературного языка, старорусской антропонимики и ударения. Проблематика старославянских и древнерусских памятников письменности привлекает внимание Г. А. Хабургаева, В. М. Живова, М. Ф. Мурьянова и др. Перу А. И. Горшкова принадлежат работы по истории русского литературного языка и учебник старославянского языка. В. К. Журавлев изучает праславянскую фонетическую систему.

В Москве — в Институте славяноведения и балканистики АН СССР, Институте русского языка АН СССР, Московском государственном университете, а также в других научных учреждениях и учебных заведениях — успешно работают специалисты по славянским литературам. В области славянского фольклора в тесной связи с этнографией много и успешно работал Петр Григорьевич Богатырев (1893—1971); фольклорные исследования

вел также в широком славистическом плане Николай Иванович Кравцов (1906—1980). Большая группа литературоведов занимается сравнением славянских литератур в их развитии. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) плодотворно изучал средневековые славянские литературы, их связи с другими европейскими литературами. Ему принадлежит, в частности, фундаментальная монография «Итальянское возрождение и славянские литературы XV—XVI вв.» (1963). Академик Дмитрий Федорович Марков (род. 1913) является ведущим специалистом в области развития славянских литератур социалистической эпохи. Известны исследования по славянским литературам Е. З. Цыбенко, С. В. Шерлаимовой, С. В. Никольского, Л. С. Кишкина, М. С. Живова, И. М. Шептунова, В. И. Злыднева и других ученых.

Кроме Москвы, наиболее крупными центрами развития славистики в СССР являются Ленинград, Киев и Минск. Разумеется, и в других городах, главным образом в университетах, развивается славянская филология. Так, во Львове сохраняется старая традиция подготовки специалистов по западным славянским языкам, кафедрой славянской филологии заведует здесь видный специалист по чешскому и серболужицким языкам Константин Константинович Трофимович (род. 1923). В Алма-Ате работает видный палеославист Моисей Михайлович Копыленко (род. 1920). В ряде городов РСФСР — Воронеже, Ростове, Горьком, Саратове, Перми, Уфе и др.— русисты стремятся к славистическим обобщениям; работают там и отдельные слависты. Славистические работы появляются также в таких университетских центрах, как Тарту, Ереван, а также Тбилиси, Самарканд, Фрунзе, Ташкент, Душанбе.

На Украине, кроме Киева и Львова, следует назвать Одессу, Черновцы, Ужгород, Донецк, Днепропетровск, Харьков, где многократно проводились республиканские славистические конференции и где работают не только «чистые» украинисты и русисты, но и специалисты по другим славянским языкам. В этих научных центрах развитие славистических исследований хотя и имеет иногда, как, например, в Одессе, определенные традиции, однако не носит в достаточной мере планомерного

и постоянного характера, сильно зависит от работы в том или ином университете конкретного крупного слависта.

В Вильнюсе и Риге славянский языковой материал привлекается в балтийских исследованиях. Большой вклад в изучение балто-славянских языковых отношений внес выдающийся латышский ученый Янис (И. М.) Эндзелин (1873—1961); его «Избранные труды» содержат многие важные работы в этой области. Литовцы с основанием гордятся вкладом в изучение как балтийских языков, так и балто-славянских отношений, сделанным Казимиром Буга (1879—1924), «Избранные сочинения» которого в трех томах с четвертым — указателем — были изданы в послевоенное время (1958—1962). Для изучения балто-славянских отношений имеют значение работы ряда современных литовских и латышских балтистов, в частности Йонаса Казлаускаса, В. Мажюлиса, В. Урбутиса, З. Зинкявичюса, И. Палёниса, А. Ванагаса, А. Озолса и др.

В столицах славянских республик — в Минске и Киеве — развитие славистики осуществляется более планомерно и интенсивно. Это ярко прослеживается на примере Минска. Еще в довоенный период славистические работы минских языковедов исчислялись единицами. После значительных разрушений и человеческих потерь в первые послевоенные годы необходимо было прежде всего решить актуальные вопросы развития науки о белорусском языке и литературе. Но уже с середины 50-х гг. Белорусский комитет славистов, руководство АН БССР и Белорусского государственного университета проявили заботу о развитии славистических исследований в республике. В 1961 г. был создан сектор общего и славянского языкознания в Институте языкознания АН БССР, а в 1966 г.— и кафедра общего и славянского языкознания в БГУ; в 1979 г. аналогичная кафедра создана в Гродненском университете. В АН БССР работают такие слависты, как Виктор Владимирович Мартынов, изучавший древние славяно-германские лексические контакты и проблемы компаративистики, Геннадий Афанасьевич Цыхун, специалист в области балканского языкового союза и роли в нем славянских языков, Вячеслав Леонтьевич Веренич, организовавший изучение польских говоров в СССР, и др. В БГУ работает автор этой книги, ведущий исследования в области сравнительно-

типологического изучения лексики и грамматики славянских языков, старославянского и полабского языков; здесь трудятся также болгарист, специалист по грамматической типологии Борис Юстинович Норман, автор работ по лексической семантике, в частности чешского языка, Бронислав Александрович Плотников, Нина Борисовна Мечковская, изучающая ранние славянские грамматики и словенский язык, специалисты в области ряда славянских языков, в частности болгарского и польского (В. А. Карпов, К. М. Гюлумянц и др.).

Сектор академического института провел две всесоюзные конференции по славяно-германским языковым связям, ряд симпозиумов по белорусской этимологии в связи с другими языками. Кафедра БГУ проводила симпозиумы по типологии и истории славянских языков и литератур, организовала ряд симпозиумов белорусских и болгарских языковедов по белорусско-болгарским языковым параллелям. В Гродно были организованы конференции по проблемам словообразования в славянских языках (В. М. Никитевич и др.). Выпускается серия кратких учебников по славянским языкам (издательство «Университетское»).

Белорусские литературоведы изучают не только свою родную литературу, но и литературы других славянских народов, главным образом в плане исследования белорусско-инославянских литературных связей (М. Г. Ларченко, О. А. Лойко, В. П. Рагойша, А. И. Мальдис, С. Х. Александрович), хотя велись исследования и в плане изучения отдельных славянских литератур, в частности болгарской, а также польской, чешской (Н. С. Гилевич, В. М. Тимофеева, И. В. Шабловская и др.). Языковеды-белорусисты в своих исследованиях нередко привлекают материалы других славянских языков, это касается и белорусских русистов (Н. В. Бирилло, А. И. Журавский, М. Г. Булахов, Ф. М. Янковский, П. П. Шуба, А. Ф. Манаенкова, И. С. Козырев, В. В. Аниченко, П. В. Стецко, Н. А. Павленко, В. М. Никитевич, Ю. Ф. Мацкевич, Л. М. Шакун, А. Н. Булыка, И. Я. Лепешев, М. С. Евневич, А. Е. Баханьков и др.).

На базе БГУ в 1968 и 1988 гг. проведены всесоюзные конференции историков-славистов. Белорусисты теперь шире привлекают в своих исследованиях параллельные славянские материалы, что способствует подъему каче-

ства этих трудов. Выходят монографии и сборники работ по славянской филологии. Минск, по единодушному признанию специалистов, теперь уже стал значительным славистическим центром.

В Киеве, прежде всего в АН УССР, успешно развивается славистическая школа Л. А. Булаховского. К ней принадлежат многие киевские слависты. Александра Саввича Мельничука (род. 1921) интересуют проблемы славянского синтаксиса, главным образом структуры предложения. Но Мельничук — не только синтаксист: он был также редактором украинского «Введения в сравнительно-историческое изучение славянских языков» (1966), а в настоящее время ведет большую редакторскую работу над этимологическим словарем украинского языка. Анатолий Павлович Непокупный (род. 1932) в двух книгах (1964 и 1976) обобщает свои исследования балтославянских языковых отношений, особенно в области лексики. Вера Титовна Коломиец изучала пополнение лексики славянских языков в последний период, а также проблемы праславянской фонетики. Алла Иосифовна Багмут является автором ряда работ по истории славистики и экспериментальных исследований интонации в славянских языках. Славистические исследования ведутся в Киеве большим рядом исследователей, среди которых И. Ф. Андерш, Т. Б. Лукинова, И. А. Стоянов, А. П. Критенко и др. Славистический материал широко используется также в работах украинистов Михаила Андреевича Жовтобрюха (род. 1905), Виталия Макаровича Русановского (род. 1931) и др.

В Ленинграде главным славистическим центром в послевоенный период стал Ленинградский государственный университет. Достойным продолжателем славных славистических традиций был *Борис Александрович Ларин* (1893—1964) — филолог разносторонних интересов. Он показал значение для изучения истории русского языка старинных записей, сделанных иностранцами, предложил исследовать языковую жизнь города, составил проекты диалектологических атласов и древнерусского словаря, выступил инициатором издающихся ныне полного словаря произведений А. М. Горького и Псковского областного словаря, изучал литовские диалекты и санскритские гимны, редактировал русский перевод этимологического словаря М. Фасмера и выступил с большой серией этимологических этюдов по славянской, и прежде всего русской, лексике. Хотя не все задуманное Лариным осуществилось, но и сделанного им достаточно для того, чтобы имя его вошло и в историю Ленинградского университета вместе со словарным кабинетом, созданным им и названным его именем, и в историю отечественной филологической науки. Среди преподавателей университета — видный специалист по древней славянской письменности Никита Александрович Мещерский (1906—1987), крупный советский славист Ю. С. Маслов, специалисты по сербскохорватскому синтаксису Петр Андреевич Дмитриев (род. 1928), по славянской фразеологии Валерий Михайлович Мокиенко (род. 1940), богемист-лексиколог Галина Алексеевна Лилич. Здесь же протекает деятельность индоевропеиста Ю. В. Откупщикова, русистов В. И. Кодухова, В. В. Колесова. Из ЛГУ вышел также А. В. Бондарко, занимающийся в основном проблемами общей и русской грамматики, но известный и своими славистическими исследованиями в области глагола. Людмила Степановна Ковтун изучает древние славянские словари.

В Ленинграде проходила деятельность выдающегося специалиста по славянскому фольклору Владимира Яковлевича Проппа (1895—1970); крупнейшего специалиста по сравнительному литературоведению и германскому языкознанию, привлекавшего в своих сравнительно-литературоведческих работах славянский материал, Виктора Максимовича Жирмунского (1891—1971); историка русской литературы и ее зарубежных, в том числе и славянских, связей Павла Наумовича Беркова (1896—1969); выдающегося специалиста по сравнительному литературоведению Михаила Павловича Алексеева (1896—1981). С Ленинградом связана вся жизнь выдающегося советского филолога, исследователя древнерусской литературы и ее инославянских связей, убежденного борца за экологию культуры — Дмитрия Сергеевича Лихачева, значение трудов которого для славянской филологии имеет непреходящее значение.

4.7.3. Польская славистика

После второй мировой войны в возрожденной Польше филологическая наука вообще, а языкознание в особенности получили небывалое развитие. Ежегодно появляются десятки монографий, выходят фундаментальнейшие собрания материалов по польскому и другим славянским языкам. Примером такого чрезвычайно важного в плане международной славистики издания является «Словарь славянских древностей» (издается на польском языке с 1961 г.), в котором помещаются тысячи статей, касающихся развития славянской материальной и духовной культуры до XII в. «Словарь славянских древностей» представляет собой энциклопедическое издание, в котором можно навести справки по различным проблемам древнеславянской культуры, получить сжатые фактические данные и библиографию. В Польше продолжают издаваться регулярно ежегодники «Rocznik slawistyczny», «Slavia Occidentalis», квартальник «Slavia Orientalis», содержательные тома сборника «Studia z filologii Polskiej i Słowiańskiej» (с 1955 г.), несколько серий монографий по различным славистическим профилям.

После войны продолжалась успешная деятельность таких крупных польских лингвистов, как К. Нитш, Е. Курилович, Т. Лер-Сплавинский, В. Дорошевский, в послевоенный период развернулась работа С. Урбаньчика, В. Курашкевича.

Видным польским ученым-славистом, деятельность которого началась еще в 1929 г. исследованием словацкого говора, является *Здзислав Штибер* (1903—1980). Штиберу принадлежит значительное число исследований по частным вопросам славянских языков, многие из них вошли в сборник «Языковой мир славян» (1974), сжатый (Штибер жаловался однажды, что не умеет писать длинно) «Очерк сравнительной грамматики славянских языков» в трех выпусках (1969—1973), Атлас лемковских говоров в восьми томах, книги по родственным отношениям лехитских языков, по межславянским переходным говорам, по западнославянской диалектологии, по исторической и современной фонологии польского и чешского языков. Химик по первоначальному образованию, Штибер не только чрезвычайно сжато пишет, но и стремится

к доказательности выдвигаемых точек зрения, к убедительности трактовок.

Из ученых старшего поколения следует назвать *Миколая Рудницкого* (1881—1978), опубликовавшего в послевоенные годы двухтомник «Праславянщина — Лехия — Польша» (1959—1961). В центре его интересов были вопросы славянской прародины, истории праславянского языка позднего периода.

Францишек Славский (род. 1916) успешно занимается проблемами словообразования в славянских языках, славянской этимологией. Он выпускает «Этимологический словарь польского языка» (с 1952 г.), под его редакцией и руководством выходит коллективный «Праславянский словарь» (с 1974 г.), в котором, кроме многих словарных статей, редактор написал основательный очерк праславянского словообразования. Славский специально занимается вопросами южнославянских языков, особенно болгарского. Ему принадлежит «Очерк диалектологии южнославянских языков», а также ряд работ по истории и современному состоянию болгарского языка.

Для наиболее значительных работ полонистов послевоенного периода характерно обращение к сравнительному славянскому материалу, вообще широкий славистический подход. Поэтому работы Зенона Клеменсевича (1891—1969), Витольда Ташицкого (1898—1979), Станислава Йодловского (1902—1979), Станислава Роспонда (род. 1906), Станислава Скорупки (1906—1988), Кароля Дейны (род. 1911), Станислава Урбаньчика и др. представляют собой определенный вклад в славистику. Славистические исследования продолжали публиковать Генрик Улашин (1875—1956), Лешек Осовский (род. 1905); славянский материал привлекает внимание специалиста по общему языкознанию Тадеуша Милевского (1906—1966), латиниста и индоевропеиста Яна Сафаревича (род. 1904). Антонина Обрембска-Яблоньска ведет научную работу в области восточнославянского языкознания. Большую организаторскую и научную работу вел ректор Ягеллонского университета в Кракове *Мечислав Карась* (1924—1977). Под его руководством был подготовлен «Малый атлас польских говоров» (1960—1970), на 650 картах которого отражено распространение многих диалектных черт польского языка; начата подготовка нового словаря польских говоров.

Значителен вклад Карася в изучение славянской топонимики: здесь ему принадлежат монография о топонимах типа Подгора, Залес в славянских языках, работы о местных названиях в различных регионах Славии; он был редактором издающегося в Польше славистического журнала «Ономастика».

Бурный расцвет славистики в послевоенной Польше связан с притоком новых сил, научной молодежи. Диалектика развития нынешней славистики такова, что слависты широкого профиля вырастают как из числа специалистов по родному языку, так и из числа специалистов по другим славянским языкам. Пожалуй, именно в Польше и в Советском Союзе особенно существен этот второй источник развития славистических кадров. В Польше сложилась традиция подготовки высококвалифицированных специалистов по различным славянским языкам. Эта традиция поддерживается и в послевоенные годы. Успешно работают в Польше специалисты по западнославянским и южнославянским языкам, а также по старославянскому языку (например, Вилим Франчич, Ежи Русек, Мария Хоновска, Лешек Мошиньский, Зузанна Тополиньска, Казимеж Полянский, Януш Сятковский, Станислав Стаховский, Барбара Цеглёва, Мечислав Басай, Ханна Поповска-Таборска и многие другие). В послевоенные годы произошло значительное развитие польской науки в области изучения восточнославянских языков (Ян Янув, Михал Лесюв, Пржемыслав Зволиньский, Анатоль Мирович, Халина Сафаревичова, Мстислав Олехнович, Анджей Богуславский, Эльжбета Смулкова, Станислав Кароляк, Веслав Витковский, Лешек Шнайдер, Мариан Юрковский, Генрик Лиминг, Станислав Кохман, Тадеуш Зданцевич, Ирида Грек и многие другие). Сотрудничество ученых старшего поколения и научной молодежи, наличие значительных резервов для развития науки в среде молодежи обеспечивает преемственность и успешную работу польских филологов в области славянской филологии. Работа языковедов-славистов при этом не изолирована, хотя и специализирована. В польской славистике имелись и имеются значительные силы в области литературоведения (К. Выка, С. Пигонь, Ю. Кжижановский, М. Р. Маенова, Б. Бялокозович и др.); крупные успехи сделаны в изучении истории славянства, особенно в древнейший

период, польскими историками (Г. Лябуда, К. Тыменецкий, Г. Ловмянский, А. Гейштор, В. Хенсель, В. Коваленко и др.).

4.7.4. Чехословацкая славистика

Успешно развивается славянская филология в послевоенные годы в Чехословакии. Возобновляется издание славистических журналов, работа славистических организаций. Продолжают успешно работать Б. Гавранек, Й. Вайс, ряд ценных работ по славянскому синтаксису выполнил Я. Бауэр. Специалисты по чешскому языку, в их числе Франтишек Травничек (1888—1961), Яромир Белич (1914—1977), Алоис Едличка (род. 1912), Вацлав Кржистек (1918—1979) и др., в своих исследованиях широко обращаются к славянскому языковому материалу. Вацлав Махек (1894—1965) издает «Этимологический словарь чешского и словацкого языков» (1957; 2-е переработанное издание — 1971), в котором на основании значительных предварительных исследований представляет чешскую лексику с точки зрения ее происхождения. Словарь Махека — не только богатое собрание материалов, но и оригинальное решение некоторых этимологических вопросов с учетом исторических, диалектных, инославянских фактов.

Один из наиболее видных чехословацких славистов — *Карел Горалек* (род. 1908). Он пришел в филологию уже двадцатисемилетним, получившим философское образование. Вскоре после окончания филологической специализации, в 1939 г., когда чешские университеты были закрыты, Горалек попал в концлагерь в Ораниенбурге. После освобождения он приступает к своим славистическим исследованиям. Уже первые его публикации, появившиеся после войны, определяют основной круг интересов чешского слависта: старославянские памятники, стихосложение, славянское устное народное творчество. Широко известно «Введение в изучение славянских языков» Горалека (1955; 2-е изд.— 1962), содержащее разнообразные сведения для начинающих славистов. Горалек специально занимался теоретическими вопросами языка — как вопросами фонологии, так и проблемами семантики, стилистики, развития славянских литературных языков, изучал вопросы перевода и сопоставитель-

ного анализа языков. Горалек ведет большую научно-организационную работу: он являлся директором Института языка Чехословацкой АН, редактором известного славистического издания — журнала «Slavia».

Йосеф Курц (1901—1972) — выдающийся чехословацкий специалист в области изучения старославянского языка. Под его редакцией был начат и до сих пор еще выходит большой чехословацкий «Словарь старославянского языка» (с 1958 г.), являющийся наиболее полным собранием старославянского лексического материала, представленного очень основательно и тщательно. Курц совместно с Й. Вайсом осуществил издание Ассеманиева кодекса, он является автором содержательного учебника старославянского языка и множества научных статей. Но Курц не ограничивается исследованием старославянского языка. Им опубликованы работы сравнительно-исторического характера по славянскому синтаксису, по вопросу о славянском артикле, а также о развитии полных прилагательных. Кроме того, Курц специально занимался вопросами истории славяноведения.

В области старославянского языка и, шире, системы праславянского языка, привлекая и разнообразный славистический материал, работает Франтишек Вацлав Мареш (род. 1922), один из редакторов старославянского словаря. Среди сотрудников старославянского словаря Чехословацкой АН следует назвать Радослава Вечерку, Зою Гауптову, Эмилию Благову, Марту Бауэрову, Станислава Геродеса и др. Старославянский словарь ЧСАН явится фундаментальным справочным пособием.

Другое крупное словарное предприятие, осуществляемое Чехословацкой АН,— Этимологический словарь славянских языков, составляемый, в отличие от аналогичных словарей в СССР и в Польше, с большим уклоном к анализу изменений в современных славянских языках; кроме того, он выпускается по тематически-грамматическим группам слов (предлоги, частицы, местоимения и т. п. выделяются в отдельные тома или разделы). Франтишек Копечный (род. 1909), автор ряда грамматических работ по чешскому языку, вместе с Й. Голубом составил чешский этимологический словарь (1952), а теперь работает над этимологическим словарем славянских языков, издал том, посвященный предлогам и конечным

частицам (1973). Над этим словарем теперь успешно работают более молодые чехословацкие этимологи: Владимир Шаур, Эва Гавлова и др. Славянский языковой материал, естественно, широко привлекается в работах чешских топонимистов, диалектологов, в частности Владимира Шмилауэра (1895—1983), Славомира Утешеного; к нему обращаются и общие языковеды — Владимир Скаличка (род. 1903), Петр Сгалл (род. 1926), специалисты по индоевропеистике, например Павел Трост (1907—1987). В послевоенные годы получило большое развитие изучение восточнославянских языков; среди специалистов в этой области должны быть названы Леонтий Васильевич Копецкий (1894—1976), Иван Панькевич (1879—1957), Владимир Барнет (1924—1983), Зденек Ф. Оливериус (1927—1978), Мирослав Кубик, Гелена Кржижкова, Микулаш Затовканюк и др. Продолжается исследование южных и западных славянских языков в трудах Антонина Фринты (1884—1975), Йосефа Вашицы (1884—1968), Вацлава Важного (1892—1966), Яна Петра (род. 1931). Инославянский материал привлекался в исследованиях чехословацких богемистов — Арношта Лампрехта (1919—1985), Милана Ромпортла (1921—1982), М. Тешителовой, М. Комарека, М. Елинека, М. Докулила, Ф. Данеша, И. Немеца, русистов — Р. Мразека, О. Лешки и др. Изучение славянских литератур всегда было и остается в центре внимания чехословацких филологов. Наиболее значительные достижения в этой области принадлежат Франку Вольману (1888—1969), Карелу Крейчи (1904—1979), Яну Мукаржовскому (1891—1975), Юлиусу Доланскому (1903—1975), Славомиру Вольману (род. 1925) и ряду других ученых-литературоведов.

В Словакии в послевоенные годы первоочередное внимание уделялось филологами исследованиям в области словацкого языка и литературы. Славистическая проблематика затрагивалась в основном в связи с исследованием словацкого. Крупнейший словацкий языковед *Ян Станислав* (1904—1977) получил солидную славистическую подготовку и первые свои работы посвятил вопросам старославянского языка: дательному самостоятельному и кирилло-мефодиевской проблематике. В рукописи остался учебник старославянского языка. Фундаментальный труд Станислава — пятитомная «Исто-

рия словацкого языка» (1956—1973), в которой на широком славянском фоне раскрываются различные аспекты развития словацкого языка. Станислав занимался также изучением словацких диалектов, вопросами культуры и нормы словацкого языка. Известным словацким славистом-этимологом является Шимон Ондруш (род. 1924). Им опубликовано значительное количество этимологий словацких и, шире, славянских слов, а также словацкое пособие «Введение в славистику». Рудольф Крайчович (род. 1927), занимаясь как вопросами истории словацкого языка, так и проблематикой праславянского языка, специальное внимание уделяет отражениям праславянских явлений в словацком, в частности в книге «Словацкий и другие славянские языки. Праславянский генезис словацкого» (1974). Ян Доруля изучает языковые контакты, в которых участвовали словаки. Славистические материалы, параллели из других славянских языков в той или иной мере используют видные специалисты по словацкому языку Штефан Пециар (род. 1912), Эуген Паулини (1912—1983), Ян Горецкий (род. 1920), Эуген Йона (род. 1909), Винцент Бланар (род. 1920), Й. Мистрик, П. Ондрус, Й. Орловский и др. Сопоставительная грамматика русского и словацкого языков была опубликована А. В. Исаченко (1910—1978). В этой области успешно работает Э. Секанинова.

4.7.5. Болгарская славистика

В Болгарии славянская филология в научном отношении развивалась первое послевоенное тридцатилетие главным образом в связи с изучением проблем болгарского языка. Славистические материалы широко привлекал в своих исследованиях болгарских диалектов и фонетики болгарского языка *Стойко Стойков* (1912—1969). Стойков издал выходившие неоднократно пособия по болгарской фонетике и диалектологии, он был секретарем Международного комитета славистов в период подготовки и проведения славистического конгресса в Болгарии, большим другом нашей страны. Стойков — составитель еще не завершенного, но продолжаемого созданным им коллективом Болгарского диалектологического атласа (т. 1 — 1964, т. 2 — 1966). Как диалектологу Стойкову много приходилось общаться с крестьянами.

Друг и коллега Стойкова советский профессор С. Б. Бернштейн вспоминает: однажды во время диалектологической экспедиции молодой парень, только что вернувшийся с военной службы, увидев, как ведется запись местной речи на магнитофон, вдруг заявил, что его разложский говор — это испорченный болгарский язык и ценности никакой не представляет. И зачем только серьезные люди тратят время на его изучение? Стойков не растерялся. Он прочитал наизусть несколько стихотворений болгарских поэтов и показал, что поэты использовали в них диалектные слова, а значит, нет какой-то стены между диалектной и литературной речью. Человек очень демократичный, Стойков прекрасно знал, чем живут его собеседники, мог нередко хорошо говорить на их родном диалекте, а потому ему легко было найти ключ к своим информантам и его Банатский словарь — один из лучших диалектных словарей не только в болгарской, но и вообще в славянской науке. Начав еще в 30-х гг. свою трудовую деятельность с работы в Свиштовской гимназии, Стойков выступал со статьями по вопросам методики, писал школьные учебники. Ученый большого кругозора и энергии, он участвовал и в работе над общеславянским лингвистическим атласом и во многих других коллективных славистических научных предприятиях.

Кирилл Мирчев (1902—1975) был крупнейшим специалистом по истории болгарского языка. Мирчев много и специально занимался вопросами староболгарского языка, изучал кирилло-мефодиевскую проблему, выступал с исследованиями по диалектологии. Ему принадлежат учебники староболгарского языка, истории болгарского языка, исследования по вопросам исторической лексикологии; вместе со своими учениками он готовил староболгарский словарь, участвовал в издании новооткрытого старославянского (староболгарского) памятника — Энинского апостола (1965).

Любомир Андрейчин (1910—1975) — специалист в области современного болгарского литературного языка и его истории. Но в своих трудах он постоянно проявлял интерес и к славистическим проблемам. Так, к примеру, одна из последних работ ученого — статья о произношении и написании по-болгарски белорусских собственных имен. Андрейчин принимал активное участие в слави-

стических научных конференциях, съездах, стремясь к тому, чтобы болгарский языковой материал стал общеславистическим достоянием.

Традиции этих ученых, привлекавших славянский материал для своих болгаристических построений, продолжают и такие болгарские специалисты по современному языку, его истории, диалектологии, как Константин Попов, Кристалина Чолакова, Петр Пашов, Мирослав Янакиев, Максим Младенов, Дора Иванова-Мирчева и многие другие. В Болгарии послевоенного времени выросла немалая группа исследователей русского языка: Кирилл Бабов, Блажо Блажев, Иванка Васева-Кадынкова, Н. М. Дылевский, Румяна Павлова, Константин Г. Попов, Мария Леонидова, Галина Тагамлицкая и многие другие. Славянский материал привлекали болгарские специалисты по общему языкознанию и другим индоевропейским языкам: Димитр Дечев, Александр Людсканов и др.

Ряд видных болгарских языковедов послевоенного периода занимается специально славянскими языками. В послевоенный период продолжается и успешно развивается деятельность Ивана Лекова. Он публикует серию исследований, в которых осуществляется типологическое сопоставление и анализируется развитие лексики, грамматики, фонологической системы, синтаксиса, словообразования славянских языков. Для ученого характерно стремление через типологическое сопоставление выявить своеобразие в развитии отдельных языков и показать общность не только в статике, но и в движении, в развитии славянских языков.

Владимир Георгиев (1902—1986) — выдающийся современный болгарский ученый-языковед. В довоенный период занимался прежде всего проблемой древних индоевропейских языков Балканского полуострова. Известно его фундаментальное исследование, подводящее итоги изысканиям той поры,— «Догреческое языкознание». Продолжая и в дальнейшем заниматься этой проблематикой (новая книга о фракийском языке вышла в 1977 г.), а также более широкой проблематикой индоевропейских языков («Исследования по сравнительно-историческому языкознанию» вышли в СССР в 1958 г.), в послевоенные годы Георгиев уделяет все больше внимания славистике и болгарскому языкознанию. Под руководством и редакцией В. Георгиева издается «Болгарский этимологический словарь» (т. 1—1971). Дважды в неделю в большом кабинете Георгиева в Академии наук Болгарии собирались непосредственные авторы и участники составления этимологического словаря. Слово получает автор-составитель очередных словарных статей. Каждая статья сразу же обсуждается. Высказываются сомнения, предложения, дополнения. Академик кратко суммирует сказанное, нередко предлагает свои существенные дополнения. Коллектив переходит к обсуждению следующей статьи... Георгиевым написан ряд книг по этимологии, в том числе — этимологии топонимов, а также по сравнительно-историческому анализу славянской фонетики и морфологии. Среди авторов «Болгарского этимологического словаря» был Иван Гылыбов (1918—1978), исследовавший славяно-романские связи на Балканах, ономастику, древние болгарские письменные памятники и другие славистические проблемы. Иван Дуриданов (род. 1920) специально занимается вопросами происхождения аналитизма в болгарском языке, древними балканскими языками, их наследием в славянских языках, топонимикой.

Ведущим современным болгарским славистом является *Светомир Иванчев* (род. 1920). Ученый широких славистических интересов, он известен своими исследованиями по славянскому глаголу, работами по славянскому словообразованию, сопоставительно-типологическому анализу славянских языков. Иванчев организовал ряд встреч, на которых обсуждались болгарско-чешские, болгарско-польские, болгарско-белорусские языковые параллели; им создан бюллетень по сопоставительным исследованиям, который теперь превратился в журнал «Сопоставително езикознание». Иванчев интересуется и проблемами ономастики, и другими вопросами славистической лингвистики. Вместе с тем он не чужд и литературных интересов; ему принадлежит болгарский перевод «Приключений бравого солдата Швейка» Я. Гашека, перевод трудный, но, как считают болгары, хороший. И потому неудивительно, что Иванчев — один из составителей «Болгарского словаря рифм» (1967).

Многое делается болгарскими учеными в области кирилло-мефодиевской проблематики, исследования староболгарского языка, публикации памятников, установления их связей с другими литературными явлениями.

Здесь следует указать на труды Эмила Георгиева (1910—1982), Ивана Дуйчева (1907—1986), Ивана Гошева (1886—1965), Христо Кодова (1901—1982). С 1977 г. издается журнал «Старобългаристика». Сопоставительное исследование славянских литератур различных эпох, от глубокой древности до нашего времени, проводилось в работах Куйо Куева (род. 1909), Боню Ст. Ангелова (род. 1915), Симеона Русакиева (род. 1910), Велчо Велчева (род. 1907), Петра Динекова (род. 1910).

4.7.6. Югославская славистика

Послевоенные годы в Югославии ознаменовались значительным подъемом славистических исследований, в первую очередь направленных на изучение актуальных проблем сербскохорватского, словенского и македонского языков, их истории, их норм. Продолжалась деятельность А. Белича. *Петар Скок* (1881—1956), получивший образование по индоевропеистике, романистике и германистике, занимался вопросами романского языкознания, связями славян и носителей романских языков на Балканах. Но делом его жизни стал посмертно изданный «Этимологический словарь хорватского или сербского языка» в 4 томах (1971—1974). 10 000 страниц рукописи, написанных частично стенографически, остались после смерти Скока. Бывший ассистент Скока Валентин Путанец провел огромную работу, в результате которой удалось издать этот первый сербскохорватский этимологический словарь. Между тем в Любляне началась реализация замысла видного словенского ученого, автора основополагающих работ по словенской диалектологии и истории словенского языка *Франа Рамовша* (1890—1952). Рамовш привлек к составлению словенского этимологического словаря *Франце Безлая* (род. 1910). Первый том этого словаря вышел в 1976 г. Перед изданием словаря Безлай подготовил двухтомный этимологический анализ гидронимии Словении (1956—1961).

Ф. Безлай занимался различными вопросами словенского языка: им написан и учебник фонетики, и работы по грамматике, и топонимические исследования. Этимологические исследования, требующие больших знаний, опыта, исследовательского таланта, увлекли ученого. В 1963 г. был издан маленький экспериментальный выпуск словаря, затем последовали многочисленные работы по этимологиям отдельных слов и их серий. В заполненном до потолка книгами кабинете профессора Безлая в Люблянском университете пахнет кофе. И он, и его ассистенты мастерски варят этот напиток в маленькой боснийской джезве на специальной спиртовке. И вот за чашкой кофе идет разговор. Разговор о судьбах слов, за которыми судьбы людей и народов. В минском музее профессор услыхал, рассматривая примитивное металлообрабатывающее устройство, что по-белорусски — как и по-словенски! — обгоревшие бесформенные остатки металла называют *жужаль*. Ведь за этим — общность древних промыслов, общность материальной культуры, близость народов... Этимологический словарь Безлая написан кратко, скупо, чего-то в нем можно и не найти, такого, что есть во многих словарях, но зато богато представлена специфическая словенская лексика, те слова, которым Безлай нашел свое особенное объяснение.

В Белградском университете работал крупный специалист по славянскому словообразованию *Радосав Бошкович* (1907—1983). Широкую известность получила у нас в стране его книга «Основы сравнительной грамматики славянских языков» (1984), в которой изложены проблемы сравнительной фонетики и словообразования.

В Загребе создан специальный Старославянский институт; югославские филологи основательно изучают старославянские памятники, издают посвященный старославянскому языку ежегодник «Слово». Старославянским языком и связанными с этим проблемами занимались в Югославии Владимир Мошин, Йосип Хамм (последние годы работал в Вене), Франц Гривец, Франц Томшич, Миловой Павлович, Харлампие Поленакович, Йоже Погачник, Янез Зор и многие другие ученые. Значительное внимание уделяется в Югославии и другим славянским языкам, главным образом в сопоставительном и сравнительном плане. Так, Далибор Брозович, разрабатывая свою концепцию «стандартных» (литературных) языков, учитывает характер развития славянских литературных языков, изучает общие и особенные явления в их развитии. Как и некоторые другие югославские русисты, Франц Якопин рассматривает русскую грамматику сквозь призму словенского языка; ему принадлежат также статьи по отдельным проблемам славянского языкознания.

Югославские специалисты по родным языкам, как и многие другие славянские языковеды, довольно широко обращаются к славянскому материалу, подходят к анализу своих языков со славистических позиций. Такой славистический подход проявляется и в описательных работах по языкам народов Югославии, например в работах сербскохорватских лингвистов Михайла Стевановича, Радована Лалича, Мате Храсте, Людевита Йонке, словенских грамматистов Антона Баеца, Бреды Погорелец и Йоже Топоришича, лексикографов Янко Юранчича, Стане Сухадолника, македонских языковедов Рады Угриновой, Божидара Видоеского, Блаже Корубина и др. Но особенно четко славистический подход проявляется в исследованиях конкретных проблем истории и диалектологии южнославянских языков, в изучении отдельных проблем современного состояния этих языков не с нормативных позиций, а в плане выявления их механизмов и динамики. Это характерно для грамматических работ специалиста по сербскохорватскому языку Милки Ивич, диалектологических, лексикографических, фонологических трудов Павле Ивича, историко-лексикографических и топонимических разысканий Велемира Михайловича, работ Ирены Грицкат, Ивана Поповича и других ученых. Привлекает славянский материал в своих исследованиях македонский академик Блаже Конески. Постоянно обращаются к славянскому материалу словенские диалектологи Тине Логарь и Якоб Риглер. Тине Логарь, исходивший чуть не всю Словению и способный подробно рассказать об особенностях говоров населения любой деревни, подходит к анализу диалектных особенностей словенских наречий со славистических позиций. В работах по истории словенского языка Мартины Орожен и Янеза Дулара также чувствуется стремление учесть славянский языковой материал.

Вполне естествен интерес, проявляемый к славянскому материалу со стороны югославских специалистов в области сравнительного индоевропейского языкознания. Он отразился и в работах словенских индоевропеистов Станко Шкерля (1893—1975), Карла Оштира (1888—1973), компаративиста, автора оригинальных и содержательных этимологий Бояна Чопа, в работах Хенрика Барича и др.

Статьи славистической направленности публикуют такие журналы, как «Јужнословенски филолог» (Белград, с 1913 г.), «Slavistična revija» (Любляна, с 1948 г.), «Linguistica» (Любляна, с 1955 г.), «Jezik in slovstvo» (Любляна, с 1955 г.), «Наш језик» (Белград, с 1933 г.), «Jezik» (Загреб, с 1952 г.), «Македонски јазик» (Скопье, с 1950 г.), «Onomastica Jugoslavica» (Любляна, с 1969 г.), «Прилози проучавању језика» (Нови Сад, с 1965 г.), «Slovo» (Загреб, с 1952 г.) и др.

Славистический подход характерен и для многих югославских литературоведов (Иосип Бадалич, Братко Крефт, Антон Слодняк, Борис Марков, Борис Патерну), фольклористов, этнографов (Милко Матичетов, Оливера Младенович и др.).

4.7.7. Славистика в неславянских странах

Изучение славянских языков и литератур в послевоенный период значительно активизируется в неславянских странах. Первостепенное значение изучению славянских языков придается в братских социалистических странах. В ГДР издается журнал «Zeitschrift für Slawistik» (с 1956 г.). В университетах Лейпцига, Берлина, Йены, Грейфсвальда осуществляется изучение различных славянских языков и литератур, прежде всего русского языка и литературы. Много внимания уделяется исследованиям в области серболужицкого языка. *Ганс Гольм Бильфельдт* (1907—1987) занимался главным образом славяно-германскими языковыми отношениями: немецкими заимствованиями в серболужицком (1933), русско-немецкими словарями (1956 и др..), старыми славянскими заимствованиями в немецких говорах и литературном языке, проблемами полабистики. *Гинц Шустер-Шевц* (род. 1927) является ведущим серболужицким лингвистом; им написаны двухтомная грамматика верхнелужицкого языка (1968—1976), изданы памятники серболужицкого языка, завершается издание «Историко-этимологического словаря верхне- и нижнелужицкого языка» (с 1978 г., на нем. яз.). Следует назвать и других специалистов по серболужицкому языку в ГДР: Фридо Михалка, Гельмута Фаску и др. Карл Гутшмидт — один из славистов ГДР, наиболее широко привлекающих к исследованию разные славянские языки: в поле его зрения

прежде всего южнославянские языки, в частности болгарский, но он имеет и работы по вопросам белорусского, серболужицкого языков, участвует в работах по изучению карпатского языкового ареала. Рудольф Ружичка исследует славянские, а прежде всего русский язык с позиций структурной лингвистики, хотя ранние его работы были выдержаны в более традиционном плане (ср. капитальное исследование о старославянских причастиях в их соотношениях с греческими — 1963). Эрнст Эйхлер много занимается исследованием славянской ономастики в Германии, Райнер Эккерт — балто-славянской проблематикой и древнеславянским склонением, Хассо Бауманн — историей ранней немецкой славистики, Фридгельм Гинце — кашубским и полабским языками (он, в частности, продолжает начатый Ф. Лоренцом «Поморский словарь»), Клаус Мюллер — различными лексикологическими вопросами, Рональд Леч, Курт Габка, Карл Буттке — грамматическими вопросами русского и других славянских языков.

Оживилась в послевоенные годы венгерская славистика. До войны венгерское славяноведение было представлено профессором Яношем Мелихом (1878—1963). Значительную роль в развитии послевоенного венгерского славяноведения сыграл Иштван (Степан Петрович, как он предлагал называть себя русским коллегам) Кнежа (1898—1965). Кнежа подготовил капитальное исследование о славянских элементах в венгерском языке (1955), а также ряд работ по топонимике, кирилло-мефодиевскому вопросу, языку словацких поселений в Венгрии и др. В Венгрии успешно работают специалисты в области русского, украинского, словацкого и других славянских языков — Петер Кирай, Эмиль Балецкий, Ласло Хадрович, Ласло Гальди, Ференц Папп, Имре Тот, Миклош Фогараши и др. Издается журнал «Studia Slavica» (с 1955 г.) в Будапеште и ежегодники «Slavica» в Дебрецене и «Dissertationes Slavicae» в Сегеде.

Усилилась также работа в области славяноведения в Румынии. Здесь выходит ежегодник «Romanoslavica». Традиционно румынские лингвисты много занимаются румыно-славянскими связями: Эмил Петрович (1899—1968) изучил славянскую топонимику в Румынии, академик Александру Россетти в цикле своих исследований по балканистике охватил и славянские языки, Дамиян

Богдан изучал славяно-румынские грамоты XIV в. и опубликовал солидные работы по палеографии, Екатерина Фодор опубликовала ряд исследований по русскому и польскому языкам и литературам, Георге Михаиле выступил с рядом этимологических работ; появились интересные исследования в области русского языка, а также других проблем славянского языкознания (Аритон Врачиу, Виктор Васченко, Эмил Врабие и др.).

Славистика, естественно, продолжает развиваться и в западноевропейских странах, где у нее уже были исторические корни. В Федеративной Республике Германии и в Западном Берлине в последние десятилетия славистика развивается как в области изучения отдельных славянских языков и литератур, в частности русского, так и в области изучения славянских языков и литератур в сравнительном плане. Славистика представлена в ряде университетов, в соответствующих славистических институтах и семинарах (Бонн, Кёльн, Мюнхен, Мюнстер, Гейдельберг, Бохум, Гёттинген, Гамбург и др.). Продолжает издаваться «Zeitschrift für slavische Philologie», основанный в 1925 г. еще М. Фасмером, выходят журналы «Die Welt der Slaven» (с 1956 г.), «Anzeiger für slavische Philologie» (с 1968 г.), а также ряд серий славистических монографий и словарей. В 50-х гг. здесь работали еще такие слависты, как Макс Фасмер, Пауль Дильс. Эрвин Кошмидер исследовал грамматическую структуру, в частности вид, славянского глагола, а также вопросы славянской звуковой системы; специальное внимание в последние десятилетия он уделил изданию и расшифровке древнеславянских памятников музыкальной литературы, в которых указаны так называемые «певческие крюки», т. е. старые славянские ноты. Максимиллиан Браун занимался славянским фольклором. Эрнст Френкель опубликовал литовский этимологический словарь, в котором значительное внимание уделено балто-славянской проблематике. Рейнгольд Олеш изучает полабский язык, опубликовал ряд важных изданий по истории славистики, по кашубскому языку. Линда Садник и Рудольф Аитцетмюллер, работавшие ранее в Австрии, издали компактный старославянский словарь (1955), содействовали переизданию ряда древнеславянских письменных памятников, выпустили 1-й том «Сравнительного словаря славянских языков» (1975). Герберт Бройер опубликовал сравнитель-

ную грамматику славянских языков, продолжил издание свода русской ономастики, начатое Фасмером. Ханс Роте, исследовавший европейское путешествие Карамзина, опубликовал ряд важных древневосточнославянских текстов. Фридрих Шольц издал ряд работ по славянской этимологии и грамматике, по балто-славянским связям. Бальдур Панцер выпустил ряд работ по исторической грамматике русского языка, Йозеф Шютц занимается славянской лексикой, Хельмут Яхнов изучает социолингвистические проблемы.

Хотя Вена и не занимает теперь такого места в славистике, какое принадлежало ей при Миклошиче и Ягиче, австрийское славяноведение, развивающееся кроме Вены еще в университетах Граца и Клагенфурта, имеет на своем счету ряд значительных достижений. Это и труды уже упоминавшихся Л. Садник и Р. Аитцетмюллера, и работы Рудольфа Ягодича по древнерусской литературе, лингвистические исследования Й. Хамма, В. Ф. Мареша, А. В. Исаченко, Г. Невекловского, труды по словенистике С. Хафнера, Й. Прунча и др. С 1950 г. здесь выпускается ежегодник «Wiener slavistischer Jahrbuch» и с 1975 г. «Wiener slavistischer Almanach». Герта Хюттль Фольтер изучает историю русского языка.

Во Франции в послевоенные годы продолжали работать А. Вайан, А. Мазон. Ученик Вайана Жак Лепись (1925—1971) исследовал древнеславянские тексты. Этьенн Деко (1926—1976) специально изучал применение в разных славянских языках шрифта для слепых, изобретенного Брайлем, был специалистом в области польского языка. Леон Больо (1876—1965) и Роже Бернар (род. 1908) изучали болгарский язык. Марк Вей занимался чешским и словацким языками, Жак Вейран — вопросами синтаксиса в русском и болгарском. Поль Гард изучает славянскую акцентуацию, Рене Эрмитт — вопросы русского синтаксиса в историческом плане с обращением к старославянскому, а М. Гиро-Вебер — современный синтаксис, Жан Жоанне изучает историко-языковую проблематику, в частности древнеславянские переводы.

Продолжается изучение славянской филологии в скандинавских странах. С 1955 г. скандинавские слависты издают ежегодник «Scando-Slavica». В Норвегии работал известный норвежский славист и балтист Христиан Станг (1900—1977). Первые его труды появились еще

в 20-х гг. и касались главным образом частных вопросов балтистики. В 1935 и 1939 гг. Станг опубликовал работы, посвященные западнорусской деловой речи в Великом княжестве Литовском, имеющие принципиальное значение для изучения истории белорусского языка. Позже, в 1953 г., подобное тщательное исследование Станг посвятил русской печатной книге «Учение и хитрость ратного строения» (1647). Между тем продолжали выходить статьи по отдельным вопросам балтистики, а также славистики и индоевропеистики, в частности книга о славянском и балтийском глаголе. В 1966 г. вышла фундаментальная «Сравнительная грамматика балтийских языков», а в 1972 г. работа по лексическим соответствиям славянских, германских и балтийских языков. Эти работы Станга имеют непреходящее значение для развития славянского языкознания. Арне Галлис исследует некоторые грамматические проблемы сербскохорватского и русского языков. Получили известность лексико-статистические исследования Гейра Хейтсо, посвященные анализу произведений русской литературы, в частности М. Ю. Лермонтова, М. А. Шолохова. С. С. Лунден возглавляет комиссию Международного комитета славистов по транскрипции.

В Швеции действует теперь довольно значительная группа славистов в ряде университетов (Стокгольм, Лунд, Уппсала, Гётеборг). Рихард Экблом (1874—1959) занимался многими фонетическими проблемами, в частности перестановкой плавных в сочетаниях, соответствующих русским полногласным группам, балто-славянскими отношениями, которые, как и славяно-германские, традиционно относятся к кругу интересов многих скандинавских славистов. Гуннар Якобссон является одним из крупнейших славянских этимологов. Он изучает также другие проблемы истории и современного состояния славянских языков, в частности русского. Андерс Шёберг изучает проблемы старославянской грамматики, письменные памятники восточнославянских языков. Различные вопросы славянской филологии изучались Гуннаром Гуннарсоном, Юзефом Трыпуцькой, Кнутом-Олафом Фальком, Нильсом Аке Нильссоном, Нильсом Телином и др.

Ученым широкого профиля, языковедом, историком литературы и культуры был датский славист Адольф Стендер-Петерсен (1893—1963); известны, в частности,

его исследования по славянской этимологии и германо-славянским связям. В Дании два раза в год выходит небольшой славистический журнал «Свантевит». Славистика исследуется и изучается в трех университетах: в Копенгагене, Орхусе и Оденсе. Ганс Христиан Сёрёнсен (род. 1911) изучает проблемы славянского глагола. К этим его исследованиям в Копенгагене примыкают работы К. Хельтберг. Здесь работают также Э. Адриан, К. Стиф и др. В Орхусе К. Р. Шмидт изучал социальную терминологию в древнерусских летописях. Г. Свене занимается проблематикой словенского и сербскохорватского языков, опубликовал перевод «Повести временных лет». К. Йордаль опубликовал работы по вопросам грецизмов в старославянском. В Оденсе славистика представлена грамматистами Я. Павликом (русский язык), П. Педерсен (болгарский язык), Х. Остербю, переиздавшим русский академический словарь начала XIX в. и снабдившим его томом указателей. А. Кристнесен из Орхуса занимается проблематикой русского языка.

В Финляндии исследования славянских языков, в частности русского, получили значительное развитие. Эйно Ниеминен исследовал индоевропейское происхождение отдельных славянских морфологических явлений, вопросы истории славянских языков. Петер Арумаа занимался вопросами балто-славянских связей, выпустил «Праславянскую грамматику» (1964) и ряд других работ, в которых славянский материал получает широкое сравнительное освещение. Валентин Кипарский изучал балто-славянские и германо-славянские языковые связи, проблемы славянской этимологии, русскую акцентологию. Игорь Вахрос известен своими историко-этимологическими исследованиями, а также работами по русской литературе. Мария Виднэс изучала древнерусскую литературу и язык древнерусских памятников письменности. Юкк Хюрккянен начал интересные славистические исследования в области лексики. Арто Мустайоки и Кари Лиукконен занимаются проблематикой грамматики и словообразования.

Появляются славистические (русистские) кафедры и ведутся соответствующие исследования и в других странах. В Великобритании в Оксфорде долгое время работал Б. О. Унбегаун. Заменивший его Р. Оти изучал славянские литературные языки. Г. Лиминг изучает

межславянские лексические заимствования. Дж. Стоун исследует серболужицкую проблематику, А. Мак-Миллин — белорусскую, С. Акинер выступает по различным славистическим проблемам. Дж. Дж. Корбет опубликовал ряд работ по славянской грамматике.

В Италии также проявляется интерес к изучению славянских языков. Известный индоевропеист Витторе Пизани ставит вопрос о балто-славяно-иранских соответствиях, предлагает этимологии ряда славянских слов. Сравнительно-сопоставительные исследования славянских грамматических явлений ведет Нулло Минисси. Бруно Мериджи выступает по вопросам славянской народной словесности. Появляются отдельные публикации по славистике Ф. Джюсти-Фичи, Р. Факкани, С. Синьорини и др.

Ведутся славистические исследования и в других европейских странах. Бельгиец Клод Баквис занимается исследованием славянских литератур. Ф. Кортландт (Нидерланды) исследует индоевропейские связи славянских языков. Известны литературоведческие исследования с обращением к новым методам швейцарского слависта П. Бранга. В Греции славистика связана прежде всего с южнославянской и старославянской проблематикой: так, А.-Е. Н. Тахиаос занимается древнеславянско-византийскими взаимосвязями.

Славистике уделяется внимание и за пределами Европы: в Австралии, Канаде, Израиле и в других странах. Активизировалось в послевоенные годы изучение славянских языков и литератур в Соединенных Штатах Америки. Здесь работали и работают многие слависты из европейских стран: Р. Якобсон, Б. Унбегаун, Генрик Бирнбаум, Корнелиус ван Схонефельдт, Збигнев Голомб, Генри Кучера и др. Дин С. Ворт занимается анализом грамматической системы, Эдвард Станкевич изучает звуковую сторону языка — фонематические славянские системы и ударение, Хорейс Г. Лант занимался изучением македонского языка, памятников старославянской письменности. Ведутся славистические исследования и многими другими специалистами. Здесь находится редакция журнала «International Journal of Slavic Linguistics and Poetics» (с 1959 г.), издается журнал «Folia Slavica» (с 1980 г.). Среди американских славистов-языковедов следует назвать А. Шенкера, К. Найлора, Дж. Феррела, К. Чвани, М. Флайера, Г. Галтона, А. Тимберлейка и др. Как уже

отмечалось, для многих американских славистов главным предметом занятия является русский язык, который получает иногда типологическое освещение (Дж. Левин, У. Браун, О. Свэн, Д. Дэвидсон, Л. Бэбби, Р. Брехт, Б. Комри, О. Екояма, П. Меррилл и др.). Развивается славистика и в Канаде (Д. Хантли, Дж. Томас и др.).

За последние десятилетия славистика, и прежде всего русистика, получила развитие в Австралии, Азии, Африке. В Австралии и Новой Зеландии славистические дисциплины преподаются в ряде университетов. Реджинальд Де Брей является автором основательного обзора славянских языков. Вопросы славянской звуковой системы исследовались П. Кабберли, И. Марваном, грамматической проблематикой занимался Р. Сассекс. Значительную роль в развитии австралийской славистики сыграл работавший там некоторое время чехословацкий русист З. Оливериус.

В Японии появился ряд трудов в области русской и славянской филологии (Т. Кимура, Д. И. Сато, А. Сато, С. Фукуока), продолжается развитие русистики и славистики в Китае (Ван Фуцзянь, Чжао Юньчжун и др.), появляются первые славистические работы в арабских странах и других странах Африки, в Южной Америке.

Таким образом, славистика получила распространение практически во всем мире. Правда, исследование славистических проблем пока еще не одинаково развито в различных странах, но преподавание русского и других славянских языков создает необходимость также исследовательской деятельности по славяноведению.

В организационном плане славистические исследования на Западе ведутся большей частью в университетах, хотя имеются и академические организации, занимающиеся славяноведением. Полезную роль играют некоторые издательства, уже в течение десятилетий систематически выпускающие славистическую литературу, нередко объединяемую в серии, например «Университетское издательство Карл Винтер», «Гаррасовитц», «Бёлау», «Мутон», «Клинксьек», «Славика» и некоторые другие. Нужно разграничивать действительно научные исследования, ведущиеся в западных странах по вопросам славистики, от псевдонаучных спекуляций, которыми занимаются сплошь и рядом некоторые советологи и политические деятели. Особенно много таких деятелей подвизается

в области изучения литературы и истории славянских стран; при этом они не останавливаются ни перед извращением исторических фактов, ни перед прямой клеветой. Подлинная наука, в том числе и славистическая, не имеет ничего общего с фальсификацией науки, с недобросовестным применением ее достижений.

4.8. ИТОГИ РАЗВИТИЯ СЛАВИСТИКИ

Путь, пройденный славяноведением, славянским языкознанием,— это нелегкий и сложный путь формирования науки, накопления и систематизации знаний, проникновения в существо фактов и раскрытия их места в общем комплексе сведений о славянских языках и народах, это путь созидания славистики как комплекса наук о славянах. Наука строится людьми и для людей. И поэтому, хотя весьма плодотворен, особенно когда идет речь о более узких областях, подход к истории науки как к истории идей, в этом кратком очерке речь шла о людях науки. Представлялось, что, лишь имея хотя бы самое общее представление о деятелях науки, лучше можно будет разобраться в развитии идей нашей гуманной гуманитарной науки. Говоря о прошлом, приходилось отбирать лишь самые значительные фигуры ученых, внесших вклад в развитие славистики как комплексной дисциплины. Говоря о современниках, необходимо было тоже останавливаться лишь на тех ученых, которые работают в областях, являющихся ключевыми с точки зрения автора для развития славистики в целом. При этом неизбежны пропуски, хотя они не должны, как представляется, нарушить общую картину развития славистики.

Здание науки создается коллективными усилиями многих тружеников. Есть среди них и талантливые архитекторы и скромные каменщики. Труд тех и других необходим. Меры талантливости архитектора нет и не может быть, так как талант в том и состоит, что он не поддается измерению. История науки показывает, однако, что ее движение вперед осуществляется только благодаря усилиям тех, кто думает о людях, для которых нужна наука, и о науке, которая нужна людям. В истории науки нет места для бездушных регистраторов и нет места для негодяев. И те и другие не могут творить, так как нет у них подлинной цели нашей гуманитарной науки — человека.

История славистики показывает, как постепенно из незнания рождается знание, как раскрываются новые горизонты, как расширяется поле деятельности ученых, как новые грани предмета науки представляются их взору, как становится ясной неисчерпаемость этого замечательного предмета — жизни славянских языков и жизни народов, творцов и носителей этих языков. Труд ученых-славистов является их вкладом в общечеловеческую сокровищницу знаний.

В развитие науки вкладывается много упорного, казалось бы, будничного труда. Как и в поэзии, приходится изводить «единого грамма ради тысячи тонн словесной руды». Чтобы появилась небольшая, но хорошая статья, необходимо подчас работать год, а вкладывать опыт всей жизни. Чтобы читатель прочитал десяток страниц, приходится прочитать перед этим тысячи или десятки тысяч страниц и исписать сотни или даже тысячи страниц. Но у настоящего ученого труд — это радость. Праздник мысли — не тогда, когда присваивают степени, выходят книги или вручаются премии. Во всяком случае — не только тогда. Праздник науки — когда за рабочим столом вдруг прорезается из кипы материала, из груды мыслей кусочек истины. Быть может, такой маленький, что потом он затеряется среди других, более мощных и более значимых. Праздник мысли — тогда, когда идет поиск этого фрагмента истины, потому что нет ничего прекраснее поиска. В науке нет места скуке. Наука — это праздник, который всегда с тобой. Но наука — это и труд, труд мысли, труд преодоления, труд поиска. Труд постоянный и напряженный. Труд для людей.

Литература

Дмитриев П. А., Мокиенко В. М. Классики марксизма-ленинизма и славянская филология. Л., 1982.
Петр Я. К. Маркс, Ф. Энгельс и славянские языки. М., 1984.
Ягич И. В. История славянской филологии. Спб., 1910.
Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке. Спб., 1895.
Кравчук Р. В. З історії слов'янського мовознавства: Видатні славісти-мовознавці. Київ, 1961.
Березин Ф. М. Русское языкознание конца XIX — начала XX в. М., 1976.
Советское языкознание за 50 лет. М., 1967.

Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. Очерки по истории лингвистики. М., 1975.
Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М., 1979.
Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. М., 1969.
Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984.
Worth D. S. The Origins of Russian Grammar. [Columbus], 1983.
Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983.
Зарубежная историография славяноведения и балканистики. М., 1986.
Советская болгаристика. М., 1983.
Німчук В. В. Мовознавство на Україні в XIV—XVII ст. Київ, 1985.
Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979.
Булахов М. Г. Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь: В 3 т. Минск, 1976—1978.
Русское и славянское языкознание в России середины XVIII—XIX вв. (в биографических очерках и воспоминаниях современников). Л., 1980.
Československé práce o jazyce, dějinách a kultuře slovanskych národů od r. 1760: Biograficko-bibliografický slovník. Praha, 1972.

Заключение

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ СЛАВИСТИКИ

За последние десятилетия резко выросло значение славянских народов в мировом историческом процессе. Этим обусловлен подъем интереса к культуре и языкам славянских народов, развертывание славистических исследований во всем мире. Внимание исследователей привлекают как вопросы развития отдельных славянских народов, культур, языков, так и общеславянские (касающиеся всех славян), а также межславянские (касающиеся отношений между отдельными славянскими народами и их культурами) проблемы. Широкая проблематика славистики может решаться лишь совместными усилиями ученых разных специальностей, выработавших системы исследовательских приемов, подходов к изучаемым явлениям, вытекающие из специфики каждого объекта. Особо выделяются лингвистические, литературоведческие, этнографические, исторические проблемы; некоторые актуальные славистические проблемы относятся к стыкам наук, некоторые требуют комплексного подхода.

1. В основе общности славянских народов — близость и общее происхождение их языков. Поэтому общеславистические проблемы имеют прежде всего языковой характер. Всестороннее изучение каждого из славянских языков является залогом глубокого проникновения в их общие и специфические черты, выявляемые при сравнении. Углубленный анализ каждого из славянских языков и диалектов, больших и малых, имеющих мировое распространение и неизвестных за пределами одной деревни, языков, на которых созданы великие творения мировой литературы, и говоров, не зафиксированных на письме, необходим для полного и правдивого воссоздания целостной картины славянского языкового мира в

его неповторимом своеобразии, делающем его составной частью мировой культуры.

2. Построение широкой и полной картины эволюции праславянского языка является необходимым звеном в раскрытии языковой истории Славии. Особенно важно восстановление картины изменений морфологии и лексики, связей морфологических и звуковых явлений. Сравнительно-исторический метод позволил восстановить звуки и формы праславянского языка, хотя некоторые частные вопросы и не имеют еще убедительных решений. Так, например, не закрыт еще вопрос о праславянских предпосылках возникновения аканья, о происхождении славянского *х*, о генезисе (т. е. происхождении и развитии) ряда именных и глагольных форм и категорий, о составе и структуре праславянского словаря на разных этапах. Признание принципа системности языка позволяет опереться на метод внутренней реконструкции, а также учитывать относительную хронологию исследуемых явлений. Получение ряда срезов, отражающих этапы эволюции системы праславянского языка, существенно для полного представления его истории.

3. Выявление общих, присущих различным славянским языкам черт, установление типов звуковой системы, грамматического строя, лексикона каждого из языков, а также славянских языков в целом позволит раскрыть как многообразие современной славянской языковой общности, так и своеобразие ее эволюции. Можно при этом обнаружить не только тип современного состояния славянских языков, но и тип динамики, развития системы языка в целом и ее отдельных фрагментов. Решению этой задачи служит применение сравнительно-типологического анализа славянских языков, строящегося на сравнении между собой систем языков. Обращение к типологическим аналогиям неславянских языков позволяет вскрыть с определенной долей вероятности такие неявные черты славянских языков, которые обнаруживаются на фоне других языков. Это дает возможность более четко и разносторонне определить место славянских языков среди языков мира.

4. Выявление специфики способов выражения языковых значений в каждом из славянских языков, раскрытие существенных черт в способах передачи одного и того же содержания на разных славянских языках, как

общих, так и специфических, необходимо и в теоретическом плане, поскольку оно дополняет определенным образом типологическую характеристику, и в прикладном отношении, поскольку такие данные важны и для преподавания языков, и для разработки проблем перевода. Для выполнения такого рода исследований разработан контрастивно-сопоставительный метод, в основе которого — сопоставление текстов, считающихся идентичными обычно в двух языках. Близкое родство славянских языков нередко отражается в совпадении основных содержательных характеристик при различии частных особенностей в плане выражения, что и раскрывается в процессе контрастивно-сопоставительного анализа.

5. Актуальной и не терпящей отлагательства является задача исследования славянских диалектов. В наше время диалекты европейских языков подвергнуты быстрым, значительным и необратимым переменам. С годами многие диалектные явления могут быть безвозвратно утрачены. Поэтому совершенно своевременной является работа над общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА), в ходе которой по единой программе были обследованы самые различные говоры всех славянских языков. Издание ОЛА, а также издание или завершение издания национальных диалектологических атласов славянских языков — насущная задача. Знание географического распределения языковых фактов не только позволяет лучше разобраться в их истории, но и дает важные сведения о путях становления отдельных славянских языков. Высококачественная работа по сбору и описанию фактов базируется на осмыслении уже собранного, проанализированного, на тщательных монографических описаниях отдельных говоров и на теоретической разработке проблем диалектографии (описания диалектов).

6. Углубленное проникновение в звуковой строй славянских языков предполагает решение некоторых еще не решенных проблем истории фонетической системы праславянского языка, таких, как причины возникновения тенденции к консолидации слога в праславянском языке и противоречия в его развитии. Для современного этапа важно точное инструментальное исследование звукового строя отдельных славянских языков, сопоставление результатов в этой области, полученных по отдельным языкам, поиски общего и специфического. Очень важно

накопление фонотек, в которых бы отразилась живая (литературная и диалектная) славянская речь нашей и последующих эпох. Даже записи начала века оказываются теперь ценными источниками сведений по истории орфоэпии и фонетики, а с годами ценность таких записей возрастет. Необходимо не только ведение национальной работы в этой области, но и организация планомерной работы по созданию и обработке фонографических архивов во всех славянских странах по единому плану.

7. Среди проблем сравнительно-исторической грамматики существенное место стал занимать вопрос о семантике грамматических категорий, об их содержательной стороне. С одной стороны, изучение ее представляет самостоятельный интерес, потому что позволяет лучше понять содержательную сторону языка и ее изменение, включая отражение тех или иных элементов познания мира в грамматике. С другой стороны, понимание содержательной стороны, семантических отношений важно для установления путей возникновения формальных различий, а следовательно, кристаллизации грамматических категорий как единства семантических и формальных свойств. Так, перед славянским языкознанием стоит задача выяснения истории становления системы частей речи, содержания грамматических категорий, их формирования. Решение этих проблем возможно на основе системно-семантического подхода.

8. Актуальной задачей сравнительной грамматики славянских языков является анализ синтаксических явлений. За последние годы собран значительный материал по историческому синтаксису отдельных славянских языков, неоднократно ставился вопрос о саморазвитии и внешних влияниях в эволюции синтаксического строя. При этом важны и вопросы предложения, и вопросы словосочетания. Особого внимания заслуживает проблема формирования сложного и осложненного предложения. Здесь важен системный подход, обеспечивающий разносторонность в понимании и интерпретации синтаксических фактов.

9. Выявление причин различий в эволюции единого исходного грамматического материала представляет значительный интерес для славянского языкознания. Дело в том, что одни и те же праславянские факты по-разному

развивались в разных славянских языках. Так, в болгарском и македонском утрачено склонение, в русском и польском значительно преобразовано спряжение. Не исключая элемента случайности, необходимо вместе с тем сосредоточить внимание на поиске закономерностей в плане развития систем грамматических и звуковых явлений, поскольку именно системный анализ позволяет четче вскрыть взаимозависимости, а следовательно, и закономерности языкового развития.

10. Подготовка различного рода словарей — одна из наиболее актуальных задач специалистов по отдельным славянским языкам. Имеющиеся словари не всегда удовлетворяют высоким требованиям; их количество, если сравнить, например, с англоязычной лексикографией, невелико. Недостаточно специализированных словарей, например синонимических, обратных (инверсионных), частотных, фразеологических, ономастических, тематических, ассоциативных и прочих. Не все славянские языки имеют завершенные толковые словари. Далеко не все пары славянских языков обеспечены переводными словарями. Подготовка словарей — задача не только собственно научная, но и задача громадной практической ценности. Словари — один из главных результатов, которым лингвистика непосредственно служит обществу.

11. Одной из первейших задач современной лингвистической науки является создание системных описаний лексики различных языков. Естественно, что системное описание возможно на базе высококачественных словарей и мощной теории. Вопрос о системности лексики долго попросту не возникал; лексикон понимался как беспорядочный набор отдельных слов, в котором в лучшем случае обнаруживалось наличие стилистического распластования и группировка слов по синонимическим, антонимическим связям, по омонимии. Очередной задачей системной лексикологии является выработка системы приемов, которые бы позволили объективно, систематически и разносторонне описать лексику.

12. Весьма актуальной задачей является сбор и сведение в единые своды материалов по диалектной лексике. В настоящее время ни один славянский язык не располагает полным диалектным словарем. Имеющиеся польский и русский словари устарели, для других славянских языков в качестве диалектных приходится использовать словари более общего назначения; словари отдельных говоров большей частью труднодоступны. Начатое издание «Словаря русских народных говоров», а также соответствующие работы в других славянских странах, в частности в Польше, показывают, что полные своды диалектной лексики могут дать чрезвычайно много для познания лексической системы в ее истории.

13. Актуальной является и работа по созданию исторических словарей славянских языков. В настоящее время славистика располагает несколькими старославянскими словарями и «Материалами для словаря древнерусского языка» Срезневского. Для остальных славянских языков исторические словари не завершены или касаются отдельных этапов истории. Без фундаментальных лексических собраний по письменным памятникам всех славянских языков славянская историческая лексикология не может успешно развиваться. Составление таких собраний необходимо для создания полной научной истории славянских языков.

14. Почти для всех славянских языков созданы или создаются этимологические словари. Составление новых этимологических словарей продолжает оставаться актуальным в силу того, что они отражают новые материалы, новые исследовательские методики, новые подходы к фактам, результаты изучения других языков. Вместе с тем актуально и создание этимологических словарей общеславянского характера. Темпы создания этимологических словарей, требующих большой эрудиции и огромного труда, пока, к сожалению, низки. Наряду с разработкой праславянской лексики в этимологических словарях необходима также системная ее реконструкция, включающая как материальное восстановление ее элементов, так и характеристику отношений между ними.

15. Было бы важно и полезно получить общие типологические характеристики лексики языков, выработать понятие лексического типа, выяснить существенные его черты. Это позволило бы эффективнее оценивать соотношение лексических систем языков между собой. Но и до этого продуктивно сопоставление отдельных фрагментов лексикона, выявление материальных и семантических схождений и расхождений в лексике славянских языков, использование типологических исследований для семантической реконструкции праславянского лексикона и его дальнейшего развития.

16. Изучение фразеологии стало отдельной дисциплиной в послевоенные годы, хотя различного рода фразеологические собрания издавались еще в прошлом веке. Наряду с анализом фразеологии отдельных славянских языков за последние годы осуществляется сравнение славянской фразеологии как в типологическом, так и в историко-генетическом аспектах. Выявляются древние праславянские фразеологизмы, общие элементы, возникшие в результате параллельного развития, а также в процессе межславянских влияний. Реконструкция праславянской фразеологической системы и создание сопоставительных и типологических характеристик фразеологии современных славянских языков, важное для раскрытия их специфики, относится к числу очередных задач славистики.

17. На базе реконструкции звуковой, грамматической, лексической, фразеологической систем праславянского языка возможна постановка проблемы реконструкции праславянского текста как экспериментального воплощения функционирования указанных систем. Главными трудностями в решении этой проблемы являются, с одной стороны, восстановление плана содержания, а с другой — совмещение на одном хронологическом срезе разновременных праславянских языковых фактов. Восстановление содержания требует комплексного филологического, этнографического, исторического анализа; необходимо восстановить модель мышления, порождающего соответствующее содержание. Реконструкция формы соотносима с построением истории праславянского языка как последовательного ряда синхронических срезов. Ценность решения задачи реконструкции праславянского текста в том, что оно покажет эффективность сравнительного изучения славянских языков и позволит на модели текста, синтагматической по своей природе, проверить взаимодействие элементов реконструируемой системы, парадигматической по сути, осуществить «наладку» системы на основании ее экспериментального функционирования.

18. Продуктивное понятие языковой ситуации, занимающее в последнее время немалое место в социолингвистических исследованиях, целесообразно применить к разновременному и разноязычному славянскому материалу. Чтобы разобраться в функционировании славянских языков на разных этапах развития, в их отношениях между собой и с другими языками, чтобы глубже понять культурную роль славянских языков и их общественные функции теперь и в прошлом, нужно выяснить типовые языковые ситуации в славянских языковых сообщностях.

19. Понятие литературного (стандартного) языка до сих пор еще является дискуссионным применительно к ранним этапам развития; решение проблемы состоит в исследовании формирования общеязыковых норм, соотношения устной и письменной речи на разных этапах развития не только по функциям, но и по особенностям их структуры. Ясно, что у разных славянских народов в этом отношении судьбы не одинаковы, но ясно и то, что имеется немало общего в путях становления и развития нормализованных национальных языков (а также литературных «микроязыков»), а потому возможно построение истории всех отдельных славянских литературных языков на единой теоретической базе с перспективой выявления типологических свойств отдельных языков, их становления и развития.

20. Описание стилистических систем славянских языков и их сопоставительная характеристика важны и в практическом, и в теоретическом плане. Производство различных функциональных разновидностей текстов с использованием различных языковых средств обеспечивается стилистическим разграничением этих средств. В современных славянских языках функционируют различные стилистические системы, в которых отразились особенности их формирования. Соотношение книжно-литературных, с одной стороны, и народно-разговорных средств, с другой, значительно различается по языкам, а потому попытки перенесения стилистических характеристик с одних языков на другие малопродуктивны, несмотря на близость славянских языков. Это в конечном счете является одной из фундаментальных трудностей межславянского художественного перевода.

21. Стилистическая характеристика художественных текстов является комплексной задачей как языковедов, так и литературоведов. В художественном тексте соединяются различные стилистические средства, используются различные функциональные стили, отражается творческая индивидуальность автора; в известном отношении это

приводит к «внестилевому» положению художественной прозы. Художественный текст примечателен и приемами особого художественного воздействия на читателя: он не только передает информацию как текст делового характера, но и является носителем эстетически значимой информации, служит целям вызова у читателя особого эффекта сопереживания. Все это обусловливает требование особого подхода к стилистике художественной речи, непосредственно связывающего лингвистический и литературоведческий анализ текста. Вместе с тем поэтические приемы теснейшим образом связаны с использованием языковых средств, поэтика невозможна поэтому без лингвистического аспекта.

22. Комплексной проблемой славянской филологии является работа по дальнейшему сбору, описанию, публикации и монографическому изучению письменных памятников. Находки последних десятилетий (среди них — берестяные грамоты, Энинский апостол, Букварь Ивана Федорова) показывают, что в этой области сделано далеко не все. В различных хранилищах, а подчас и в частных руках еще могут быть обнаружены неизвестные науке ценные письменные памятники. Необходима организованная работа, направленная на разыскание тех памятников, находка которых предсказуема, на тщательный (в том числе экспедиционный) поиск в местах наиболее вероятного сохранения памятников; не исключены и случайные находки ценнейших письменных источников. Необходимо и продолжение описания многих памятников, хранящихся в архивах, но пока еще не ставших достоянием науки. Чрезвычайно важно продолжить издание ценных письменных памятников, которое доносило бы до читателей все существенное, что есть в оригиналах.

23. Одной из задач славянской филологии недалекого будущего станет отбор и подготовка текстов и прочих словесных материалов для хранения и обработки в машинной памяти. Часть работы по классификации таких материалов уже в течение ближайших десятилетий возможно передать машинам. Но было бы наивно думать, что такая передача станет возможной без огромной предварительной человеческой работы по оценке и обработке таких материалов, а в дальнейшем без работы по интерпретации получаемых результатов. Машинной славистики пока нет. Но уже сейчас важно решить,

какие задачи целесообразно перед ней поставить, какие материалы надо ввести в память электронно-вычислительных устройств, какие методы славистики можно преобразовать в машинные и каков путь развития этих методов.

24. В области славянского литературоведения важно решение задачи сравнительного анализа славянского фольклора и древнейших славянских художественных текстов, направленное на выявление древнейших славянских сходств в словесном художественном творчестве. Здесь возможна и реконструкция древнейшей системы художественных средств и приемов, и поиск древних общеславянских сюжетов, и анализ черт древнейших героев славянского словесного творчества. Вполне правомерно и выявление различий, отражающих специфику истории народа, являющегося творцом новых или преобразователем унаследованных сокровищ словесного творчества.

25. В области изучения художественных литератур славянских народов в последнее время значительное внимание справедливо уделяется типологическим сходствам в развитии соотносимых явлений в литературах, в отражении тех или иных тем, в возникновении тех или иных направлений, в формировании художественных подсистем. Сходные и различные черты в общественном развитии славянских народов нашли своеобразное преломление в литературном процессе, в литературном творчестве, типологический анализ которого представляет немалый интерес.

26. Близость языков, переплетенность исторических судеб обусловили многочисленные и разнообразные взаимные влияния славянских литератур друг на друга, изучение которых продолжает оставаться актуальной проблемой литературоведения; решение этой проблемы помогает раскрыть конкретное содержание понятия «славянское культурное братство». В пору возникновения письменности и последующие века бесспорно огромное влияние болгарской, а затем южнославянской письменности на восточнославянскую. В XIX—XX вв. колоссальное воздействие на все славянские литературы оказывала русская литература. Весьма значительны влияния в определенные периоды чешской и польской литератур на литературы других славянских народов. Особо стоит

вопрос о творческом взаимодействии между отдельными писателями, о влиянии одного славянского писателя на другого. Одной из важных форм литературного взаимодействия является межславянский художественный перевод, изучение которого с различных сторон — актуальная задача славянской филологии.

27. Для истории славян важна проблема этногенеза отдельных славянских народов, а также славян в целом, их древнейшей прародины и дальнейших переселений, их взаимосвязей с другими индоевропейскими и неиндоевропейскими народами в древнейший период; особое место занимают здесь славяно-балтские связи. Процесс формирования этнических групп неотделим от процесса формирования языков, поэтому решение этногенетических вопросов может быть успешным при условии комплексного анализа всей совокупности соответствующих фактов — исторических, археологических, этнографических, лингвистических. С этногенетическими проблемами переплетается сложная проблема изучения древнейших археологических культур на славянских землях, увязки их с тем или иным этносом (племенем или группой племен), с носителями того или иного языка.

28. Несмотря на наличие немалого фонда исследований славянской народной духовной культуры, обычаев и суеверий, обрядов и верований славян, несмотря на наличие обобщающих работ, дальнейший сбор, анализ, обобщение и интерпретация фактов в этой области, как и в области материальной культуры, относится к числу наиболее актуальных задач славянской этнографии. Соединение этих данных с данными о словесном творчестве дает возможность глубже понять древнюю жизнь славян, становление и развитие их культуры, литературы, языка. Плодотворной реализацией оригинальных идей в сфере древнейшей духовной культуры славян в связи со словесным творчеством и словом явится создание этнолингвистического словаря славянских древностей.

29. В собственно исторической проблематике на первое место выдвигаются для историков-славистов проблемы исторического взаимодействия славянских народов, их совместной борьбы с общими врагами, сложных взаимоотношений между славянскими странами. Эти проблемы относятся к различным периодам исторического развития от древнейших времен до наших дней, когда

славянские страны в составе мирового социалистического сообщества строят взаимоотношения между собой на принципиально новой основе. Определенное место в исследованиях историков-славистов занимают некоторые этапы в развитии славянских народов, характеризующиеся общими чертами, которые вызваны не взаимовлияниями, а сходством исторических закономерностей и близостью условий, в которых они действовали.

30. Как бы стремительно ни развивалась наука, каких бы выдающихся результатов она ни достигала, она всегда опирается на опыт предшествующих поколений ученых. В любом открытии — не только гениальное прозрение, но и кропотливый труд множества предшественников и современников открывателя. История славяноведения как история становления современных идей, как история неустанного научного поиска является важным разделом славистики. Обращение к истории науки обеспечивает не только преемственность, но и прогресс в развитии современного славяноведения.

* * *

Названные здесь проблемы отнюдь не исчерпывают всей той многообразной проблематики, которая охватывается исследованиями филологов-славистов, а тем более задач, стоящих перед славистами историками, этнографами, археологами и т. д. Они лишь указывают на некоторые магистральные направления научного поиска современных славистов. Совместные усилия славистов разных стран позволят найти оптимальные решения стоящих перед нашей наукой задач и откроют пути к дальнейшему еще более глубокому познанию славянских языков, славянских литератур, славянских культур. Славянская филология — это комплекс наук, которые через анализ текстов на славянских языках и систем, при помощи которых порождаются эти тексты, стремятся познать духовную жизнь славян как составной части человечества.

ТЕКСТ ДЛЯ АНАЛИЗА НА СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

В. И. ЛЕНИН. ЗАДАЧИ СОЮЗОВ МОЛОДЕЖИ

Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.*

Русский язык

Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и в связи с этим — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще.

На этом вопросе тем более следует остановиться, что в известном смысле можно сказать, что именно молодежи предстоит настоящая задача создания коммунистического общества. Ибо ясно, что поколение работников, воспитанное в капиталистическом обществе, в лучшем случае сможет решить задачу уничтожения основ старого капиталистического быта, построенного на эксплуатации. Оно в лучшем случае сумеет решить задачи создания такого общественного устройства, которое помогло бы пролетариату и трудовым классам удержать власть в своих руках и создать прочный фундамент, на котором может строить только поколение, вступающее в работу уже при новых условиях, при такой обстановке, когда нет эксплуататорского отношения между людьми.

И вот, подходя с этой точки зрения к вопросу о задачах молодежи, я должен сказать, что эти задачи молодежи вообще и союзов коммунистической молодежи и всяких других организаций в частности можно было бы выразить одним словом: задача состоит в том, чтобы учиться.

Белорусский язык

Таварышы, мне хацелася б сёння пагутарыць на тэму аб тым, якія асноўныя задачы Саюза камуністычнай моладзі і ў сувязі з гэтым — якімі павінны быць арганізацыі моладзі ў сацыялістычнай рэспубліцы наогул.

На гэтым пытанні тым больш трэба спыніцца, што ў пэўным сэнсе можна сказаць, што іменна моладзі прадстаіць сапраўдная задача стварэння камуністычнага грамадства. Бо ясна, што пакаленне работнікаў, выхаванае ў капіталістычным грамадстве, у лепшым выпадку зможа вырашыць задачу знішчэння асноў старога капіталістычнага быту, пабудаванага на эксплуатацыі. Яно ў лепшым выпадку здолее вырашыць задачы стварэння такога грамадскага ладу, які дапамог бы пралетарыяту і працоўным класам утрымаць уладу ў сваіх руках і стварыць трывалы фундамент, на якім можа будаваць толькі пакаленне, распачынаючае работу пры новых ужо ўмовах, пры такой абстаноўцы, калі няма эксплуататарскіх адносін паміж людзьмі.

І вось, падыходзячы з гэтага пункту гледжання да пытання аб задачах моладзі, я павінен сказаць, што гэтыя задачы моладзі наогул і саюзаў камуністычнай моладзі і ўсякіх іншых арганізацый у прыватнасці можна было б выказаць адным словам: задача заключаецца ў тым, каб вучыцца.

Украинский язык

Товариші, мені хотілося б сьогодні поговорити на тему про те, які основні завдання Спілки комуністичної молоді і в зв'язку з цим — якими повинні бути організації молоді в соціалістичній республіці взагалі.

На цьому питанні тим більше слід спинитися, що в певному розумінні можна сказати, що саме перед молоддю стоїть справжнє завдання створення комуністичного суспільства. Бо ясно, що покоління працівників, виховане в капіталістичному суспільстві, в найкращому разі зможе розв'язати завдання знищення основ старого капіталістичного побуту, побудованого на експлуатації. Воно в найкращому разі зуміє розв'язати завдання створення такого суспільного устрою, який допоміг би пролетаріатові і трудовим класам вдержати владу в своїх руках і створити міцний фундамент, на якому може будувати тільки покоління, що вступає в роботу вже при нових умовах, при такій обстановці, коли нема експлуататорського відношення між людьми.

* *Ленин В. И.* Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298.

І от, підходячи з цієї точки зору до питання про завдання молоді, я мушу сказати, що ці завдання молоді взагалі і спілок комуністичної молоді і всяких інших організацій зокрема можна було б виразити одним словом: завдання полягає в тому, щоб учитися.

Польский язык

Towarzysze, chciałbym dziś pomówić o tym, jakie są podstawowe zadania Związku Młodzieży Komunistycznej, i w związku z tym — jakie w ogóle powinny być organizacje młodzieży w republice socjalistycznej.

Nad sprawą tą tym bardziej trzeba się zatrzymać, że w pewnym sensie można powiedzieć, iż właśnie przed młodzieżą stoi właściwe zadanie zbudowania społeczeństwa komunistycznego. Jest bowiem rzeczą jasną, że pokolenie ludzi pracy, wychowane w społeczeństwie kapitalistycznym, w najlepszym wypadku zdoła rozwiązać zadanie zniesienia podstaw dawnego bytu kapitalistycznego, opartego na wyzysku. W najlepszym wypadku potrafi ono rozwiązać zadania stworzenia takiej organizacji społeczeństwa, która pomogłaby proletariatowi i klasom pracującym utrzymać władzę w swych rękach i założyć trwały fundament, na którym budować może dopiero pokolenie przystępujące do pracy już w nowych warunkach — w warunkach, w których między ludźmi nie ma stosunków opierających się na wyzysku.

I oto rozpatrując z tego punktu widzenia zagadnienie zadań młodzieży muszę powiedzieć, że zadania młodzieży w ogóle, a związków młodzieży komunistycznej i wszelkich innych organizacji w szczególności, można byłoby wyrazić jednym słowem: zadanie polega na tym, aby się uczyć.

Серболужицкие языки
(верхнелужицкий язык)

Towaršojo, ja bych dźensa chcył porečeć wo tym, što su zakładne nadawki Zwjazka komunistiskeje młodźiny a — w zwisku z tym — kajke dyrbja być młodźinske organizacije w socialistiskej republice docyła.

Na tutym prašenju je trjeba čim bóle pozastać, dokelž možemy we wěstym zmysle prajić, zo steji runje před młodźinu nadawk, natwarić socialistisku towaršnosć. Je dźě jasne, zo może generacija dźěłaćerjow, kiž je w kapitalistiskej towaršnosći wukubłana, w najlěpšim padźe spjelnić nadawk, zničić zakłady stareho kapitalistiskeho žiwjenja, natwarjeneho na wuklukowanju Wona móže w najlěpšim padźe rozrisać nadawki, wutworić tajki towaršnostny system, kiž by proletariatej a dźěławym klasam pomhał wuchować moc w swojich rukach a założić kruty fundament, na kotrymž móže twarić jenož generacija, kiž stupa do dźěła hižo pod nowymi wuměnjenjemi, při tajkich wobstejnosćach, při kotrychž hižo njejsu žane wuklukowarske poćahi mjez ludźimi.

A tuž, přistupujo z tutoho hladaniśća k prašenjam wo nadawkach młodźiny dyrbju rjec, zo hodźa so nadawki młodźiny powšitkownje a zwjazkow komunistiskeje młodźiny a wšelkich druhich organizacijow wosebeje wuprajic z jednym słowom: nadawk wobsteji w tym, wuknyć.

Серболужицкие языки
(нижнелужицкий язык)

Towariše, ja by kśeł žěnsa powědaś wo tom, kake zakładne nadawki Komunistiski zwězk młoźiny ma, a w zwisku z tym teke wo tom, kake by dejali organizacije młoźiny w jadnej socialistiskej republice wewšom byś.

Na to pšašanje musymy se dla togo wěcej wotměriś, dokulaž možomy do wésteje měry groniś, aż rozmjej pśed młoźinu nacasny nadawk stoj, tworiś komunistisku towarišnosć. To ga jo jasno aż zamožo ta generacija źěłaserjow, kenž jo se w kapitalistiskej towarišnosći wotkubłała, w nejžlěpšem paźe społniś nadawk zanicowanja na wucycanje natwarjonych zakładow stareje kapitalistiskeje wašnje žywjenja. Wona zamožo w nejlěpšem paźe nadawk tworjenja takego towarišnostnego poreda społniś, kenž by proletariatoju a źěłabnym klasam pomagał, moc w swojich rukach zdźaržaś a założyś wobstawny fundament, na kotaremž možo taka generacija dalej twariś, kotaraž nastupi jo toś to źěło pod južo nowymi wuměnjenjami, pod takimi wobstojnosćami, aż pomer wucycanja mjazy człowjekami wěcej njewobstoj.

Bližym se něnto z togo glědanišća pšašanjeju za nadawkami młoźiny, musym groniś, aż mogu se tos te nadawki młoźiny powšykno a zwězkow komunistiskeje młoźiny a wšakich drugich organizacijow wosebnje wugroniś z jadnučkim słowom: nadawk wobstoj w tom, aż wuknu.

Чешский язык

Soudruzi a soudružky, chtěl bych dnes promluvit o tom, jaké jsou základní úkoly Svazu komunistické mládeže, a v souvislosti s tím o tom, jaké mají být organizace mládeže v socialistické republice vůbec.

U této otázky je nutno se tím spíše pozastavit, neboť v určitém smyslu lze říci, že zejména mládeži připadá skutečný úkol vybudovat komunistickou společnost. Je totiž jasné, že generace pracujících, vychovaná v kapitalistické společnosti, bude s to v nejlepším případě vyřešiti úkol zničení základů starých kapitalistických sociálních poměrů, založených na vykořisťování. V nejlepším případě bude s to vyřešiti úkoly vytvoření takového společenského zřízení, které by pomohlo proletariátu a pracujícím třídám udržet moc ve svých rukou a vytvořit pevný základ, na kterém může dále budovat jedine generace, přistupující k práci už v nových poměrech, v takové situaci, kdy neexistuje vykořisťovatelský poměr mezi lidmi.

A posuzuji-li s tohoto hlediska úkoly mládeže, musím říci, že by se tyto úkoly mládeže vůbec, a svazu komunistické mládeže a všech jiných organisaci zvláště, daly vyjádřit jedním slovem: úkolem je učit se.

Словацкий язык

Súdruhovia a súdružky, dnes by som chcel prehovoriť na tému, aké sú základné úlohy Svätu komunistickej mládeže a v spojitosti s tým, aké majú byť organizácie mládeže v socialistickej republike vôbec.

Tým skôr sa musíme zastaviť pri tejto otázke, lebo v určitom smysle môžeme povedať, že práve mládeži patrí skutočná úloha utvoriť komunistickú spoločnosť. Lebo je jasné, že pokolenie pracujúcich, vychovávané v kapitalistickej spoločnosti, môže riešiť v najlepšom prípade úlohu

zničenia základov starého kapitalistického spôsobu života, vybudovaného na vykorisťovaní. Prinajlepšom dokáže riešiť úlohy, ako utvoriť také spoločenské zriadenie, ktoré by pomohlo proletariátu a pracujúcim triedam udržať moc vo svojich rukách a utvoriť pevný základ, na ktorom môže ďalej budovať len pokolenie, ktoré sa pustí do práce už v nových podmienkach, v takej situácii, keď medzi ľuďmi nejestvujú vykorisťovateľské vzťahy.

A tak, keď sa dívame s tohto hľadiska na otázku, aké úlohy má mládež vôbec, svätzy komunistickej mládeže a rôzne iné organizácie zvlášť, mohli by sme sa vyjadriť jedným slovom: úlohou je učiť sa.

Болгарский язык

Другари, днес искам да ви поговоря по въпроса, кои са основните задачи на Съюза на комунистическата младеж и във връзка с това, какви трябва да бъдат изобщо организациите на младежта в социалистическата република.

На този въпрос трябва да се спрем още повече поради това, че в известен смисъл можа да се каже, че именно на младежта предстои същинската задача за създаването на комунистическото общество. Защото ясно е, че поколението работници, което е възпитано в капиталистическото общество, в най-добрия случай ще съумее да разреши задачата за разрушаване основите на стария капиталистически бит, изграден върху експлоатацията. То в най-добрия случай ще съумее да реши задачата за създаване на такова обществено устройство, което би помогнало на пролетариата, на трудещите се класи да задържат властта в своите ръце и да създадат здравата основа, върху която може да гради само поколението, което започва да работи вече при новите условия, при обстановката, когато няма експлоататорско отношение между хората.

И ето, като пристъпвам от тая гледна точка към въпроса за задачите на младежта, аз трябва да кажа, че тези задачи на младежта въобще и специално на съюзите на комунистическата младеж и на каквито и да било други организации бихме могли да изразим с една дума: задачата се състои в това, да се учим.

Македонский язык

Другари, јас би сакал денеска да поразговараме на тема за тоа какви се основните задачи на Сојузот на комунистичката младина и во врска со тоа — какви треба да бидат организации на младината во социјалистичката република воопшто.

На тоа прашање толку повеќе заслужува да се задржиме што во извесна смисла може да се рече дека токму на младината и претстои вистинската задача за создавање на комунистичко општество. Зашто е јасно дека поколението работници воспитано во капиталистичкото општество в најдобар случај ќе може да ја реши задачата за уништување основите на стариот капиталистички начин на живеење, изграден врз експлоатацијата. Тоа во најдобар случај ќе соумее да ги реши задачите за создавање на такво општествено устројство што би им помогнало на пролетаријатот и на трудбеничките класи да ја задржат власта во свои раце и да создадат цврст фундамент врз кој може да гради само поколението што стапува на работа веќе при нови услови, при такви прилики кога нема експлоататорски однос мегу лугето.

И ете, приогајќи од таа гледна точка на прашањето за задачите на младината, ас сум должен да речам дека тие задачи на младината воопшто, на сојузите на комунистичката младина и на различните други организации посебно, би било можно да се изразат со еден збор: задачата се состои во тоа да се учи.

Сербскохорватский язык
(сербский вариант)

Другови, данас би хтео да поразговарам о теми који су основни задаци Савеза комунистичке омладине и у вези с тим,— какве уопште треба да буду омладинске организације у социјалистичкој републици.

На томе питању треба се зауставити тим више што се у извесном смислу може рећи да управо омладини претстоји прави задатак стварања комунистичког друштва. Јер јасно је да ће поколење политичких радника, васпитано у капиталистичком друштву, у најбољем случају моћи да реши задатак уништења основа старе, капиталистичке форме живота, изграђене на експлоатацији. Оно

ће најбољем случају моћи да реши задатке стварања таквог друштвеног уређења које ће пролетаријату и радним класама помоћи да задрже власт у својим рукама и да створе чврст темељ, на коме може градити само ново поколење, које на рад ступа већ у новим условима, у таквој атмосфери у којој нема експлоататорског односа међу људима.

И ето, прилазећи питању о задацима омладине с те тачке гледишта, морам рећи да се ти задаци омладине уопште и савеза комунистичке омладине и разних других организација напосе, могу изразити једном речју: задатак се састоји у томе да се учи.

Сербскохорватский язык
(хорватский вариант)

Drugovi, ja bih htio da danas porazgovaramo o tome koji su osnovni zadaci Saveza komunističke omladine i u vezi s tim, kakve treba da su omladinske organizacije u socijalističkoj republici uopće.

Na tom pitanju treba se zadržati utoliko prije što se u izvjesnom smislu može reći da pravi zadatak stvaranja komunističkog društva čeka baš omladinu. Jer jasno je da će pokoljenje radnika koje je odgojeno u kapitalističkom društvu moći, u najboljem slučaju, da riješi zadatak uništenja osnova starog kapitalističkog poretka, izgrađenog na eksploataciji. Ono će, u najboljem slučaju, moći da riješi zadatke stvaranja takvog društvenog uređenja koje će proletarijatu i radnim klasama pomoći da održe vlast u svojim rukama i da stvore cvrst temelj na kome moze graditi samo pokoljenje koje počinje da radi već u novim uvjetima, u situaciji kad eksploatatorski odnos među ljudima više ne postoji.

Prilazeći s tog gledišta pitanju o zadacima omladine, moram reći da bi se ti zadaci omladine uopće, i savezâ komunističke omladine i raznih drugih organizacija napose, mogli izraziti jednom riječju: učiti.

Словенский язык

Tovariši! Rad bi danes povedal nekaj o tem, kakšne so temeljne naloge Zveze komunistične mladine in — v zvezi s tem — kakšne morajo biti na splošno mladinske organizacije v socialistični republiki.

Pri tem vprašanju se je treba ustaviti toliko bolj, ker lahko v nekem smislu rečemo, da čaka ravno mladino resnična naloga, zgraditi komunistično družbo. Jasno je namreč, da pokolenje delavcev, ki je bilo vzgojeno v kapitalistični družbi, lahko v najboljšem primeru samo razbije temelje starega kapitalističnega reda, zgrajenega na izkoriščanju. V najboljšem primeru lahko zgradi tako družbeno ureditev, ki bo pomagala proletariatu in delovnim razredom obdržati oblast v svojih rokah in postaviti trden temelj, na katerem bo moglo graditi šele pokolenje, ki bo prijelo za delo že ob novih pogojih, v takih razmerah, ko ne bo več izkoriščevalskih odnosov med ljudmi.

Ko se torej s tega stališča lotevam vprašanja o nalogah mladine, moram reči, da je naloge mladine na splošno in naloge zvez komunistične mladine in vseh drugih organizacij posebej mogoče izraziti z eno besedo: učiti se.

Русинский язык

Товарише, ми би нєшка сцели побешедовац на тему о тим же яки то основни задачи Союзу комунистичней младежи и, у вязи з тим, як длужни буц орґанизациї младежи у социялистичней републики взагалї.

На тим питаню нательо скорей шлїдзи утвердзиц, цо у певним змислу мож повесц же пред младежу стої терашня задача на вибудови комунистичного дружтва. Бо, ясне же поколєнє роботнїкох, вихованє у капиталистичним дружтве, у найлєпшим винїмку може ришиц задачу знїчтоженя основох старого капиталистичного существа, скратого на експлоатациї. Воно у найлєпшим случаю може ришиц задачи вибудови такого дружтвеного устройства, котре поможе пролетарияту и роботним класом отримац власц у своїх рукох и збудовац моцни фундамент на котрим може будовац лєм поколєнє, котре ступа до роботи у нових условийох, у таких обставинох кед нєт експлоататорского одношеня медзи людзми.

Но, та, походзаци з тей точки патреня ґу питаню о задачох младежи, я длужен повесц, же тоти задачи младих взагалї и союзох комунистичней младежи и шицких других орґанизацийох, з часци, мож виражиц з єдним словом: задача ше змистує у тим, же би ше учело.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

Аванесов Р. И. 36, 41, 51, 52, 55, 340, 373, 396, 400
Аввакум (Петров А.) 261
Августин 275
Адамович А. М. 391
Адельгольт 255
Адриан Э. 428
Адрианова-Перетц В. П. 355
Антцетмюллер Р. 15, 29, 30, 425, 426
Акинер С. 429
Аксамитов А. С. 41
Александрович С. Х. 391, 407
Алексеев А. А. 29
Алексеев М. П. 395, 397, 409
Аль-Марвази 236
Аль-Масуди 236
Амирова Т. А. 433
Анастасий Библиотекарь 268
Ангеларий 281, 282
Ангелов Б. Ст. 420
Андерш И. Ф. 408
Андреев В. Д. 109
Андрейчин Л. 108, 109, 417
Андрич И. 120, 388
Аниченко В. В. 42, 391, 407
Аничков Е. В. 237, 250
Антонович А. К. 11, 43
Антропов Н. П. 42
Артамонов М. И. 153
Арумаа П. 428
Арциховский А. В. 153
Ассемани И. 28
Афанасьев А. Н. 346
Ахматова А. А. 263, 392
Ашкерц А. 126

Бабкин А. М. 51
Бабов К. 418
Багмут А. И. 60, 408
Багряна Е. 107
Бадалич И. 423
Баец А. 128, 129, 422
Бажан М. 59
Байков М. Е. 372
Баквис К. 429
Бакунин М. А. 332
Балецкий Э. 424
Бамбергский О. 236, 251
Бандтке Е. С. 358
Барич Х. 422
Барнет В. 415
Барт-Чишинский Я. 78
Бартуля Ч. 380
Бархударов С. Г. 51
Басай М. 412
Бауманн Х. 424
Бауэр Я. 87, 89, 390, 413
БауэроваМ. 414
Баханьков А. Е. 41, 407
Бевзенко С. П. 64
Беднарски С. 388
Безлай Ф. 128—130, 234, 420, 421
Белинский В. Г. 49
Белич А. И. 18, 29, 89, 121, 123, 361—363, 368, 395, 413, 420
Белодед И. К. 33, 60, 64, 376, 389, 395
Белькевич И. К. 372
Бенвенист Э. 238
Березин Ф. М. 432
Берков П. Н. 409
Бернар Р. 426
Бернекер Э. 18, 25, 347, 364
Бернолак А. 90, 91
Бернштейн С. Б. 19, 24, 29, 52, 109, 139, 269, 314, 373, 401, 403, 417
Берон П. 106
Берында П. 57, 318
Бильфельдт Г. Г. 29, 423
Бирилло Н. В. 33, 41, 391, 407
Бирнбаум Г. (Х.) 19, 25, 429
Благова Э. 29, 414
Благоев Д. 107
Благослав Я. Б. 85, 91
Блажев Б. 418
Бланар В. 92, 416
Блинова Э. 46
Богатырев П. Г. 404
Богдан Д. 425
Богданович М. 39
Богородицкий В. А. 51, 340, 346
Богуславский А. 412
Богушевич Ф. 39
Бодуэн де Куртенэ И. А. (Я.) 50, 69, 78, 127, 267, 337—340, 346, 358, 359, 368, 371
Бодянский О. М. 78, 330, 331
Бокёр 95
Боккаччо 57
Больо Л. 366, 426
Бондарко А. В. 51, 409
Бопп Ф. 320
Бордович А. М. 41
Борисенко В. В. 391
Борковский В. И. 33, 36, 51, 395, 400, 401
Бородулин Р. 41
Борсдорф Р. 307
Ботев Х. 106
Бохорич А. 126, 259, 312, 333
Бошкович Р. 421
Бошняк М. 314

* Составила С. Г. Левина.

Брабец И. 123
Брайль Л. 426
Бранг П. 429
Брандт Р. Ф. 348, 351
Браун М. 425
Браун У. 430
Брезан Ю. 79
Бременский Адам 236, 250, 254
Брехт Р. 430
Бровка П. 41, 391
Броз И. 120, 343
Брозович Д. 121, 421
Бройер Г. 19, 24, 425
Брок О. 15, 366, 367
Броневский В. 70
Брюкнер А. 70, 75, 237
Буга К. 406
Будде Е. Ф. 15
Будилович А. С. 331
Будовниц И. У. 37
Будный С. 260
Бузук П. А. 40, 368, 372, 377, 378
Булатова Р. В. 404
Булахов М. Г. 33, 41, 391, 407, 433
Булаховский Л. А. 19, 36, 60, 374—376, 389, 394, 395, 408
Булыка А. Н. 41, 407
Бунина И. К. 404
Буслаев Ф. И. 36, 50, 325, 331, 343, 346, 363
Буттке К. 424
Быков В. 41
Бэбби Л. 430
Бядуля З. 40
Бялокозович Б. 412

Важный В. 415
Вазов И. 106
Вайан А. 19, 24, 29, 30, 273, 366, 384, 385, 395, 426
Вайс Й. 29, 381, 413, 414
Вакарельский Х. 110, 245
Ваклинов С. 297
Валявец М. 127
Ванагас А. 406
Ван-Вейк Н. 19, 29, 30, 386
Ван Фуцзянь 430
Ваня З. 153, 264
Вапцаров Н. 107
Варбот Ж. Ж. 404
Варихий В. 309
Васева-Кадынкова И. 418
Василевская В. 70
Василевская Е. А. 373
Васильева Е. 93
Васченко В. 425
Вахрос И. 428
Вашица Й. 415
Вей М. 426
Вейнгарт М. 381
Вейран Ж. 426
Величко 57
Велчев В. 420
Веренич В. Л. 406
Верещагин Е. М. 29, 404
Веселовский А. Н. 325, 346, 363
Вечерка Р. 29, 414
Виднэс М. 428
Видоески Б. 112, 114, 422
Виноградов В. В. 36, 47, 51, 55, 335, 352, 361, 372, 393, 395, 398, 399
Винокур Г. О. 51, 372, 393
Витковский В. 412
Вишенский И. 57
Владимир Мономах 195, 234
Волк Левонович И. В. 372
Вольман С. 397, 415
Вольман Ф. 393, 415
Вондрак В. 19, 28, 360, 380
Воранц П. 126
Ворт Д. С. 429, 433
Востоков А. Х. 18, 28, 36, 49, 329, 344
Врабие Э. 425
Врачанский С. 106
Врачиу А. 425
Вук (Караджич В.) 117—119, 123, 191, 245, 289, 329, 333, 343, 346, 356, 362
Вукович Й. 121
Выка К. 412
Высоцкий С. А. 299

Габка К. 424
Гавлова Э. 415
Гавранек Б. 87, 89, 382, 393, 395, 397, 413
Гай Л. 118, 119
Галлис А. 427
Галтон Г. 429
Гальди Л. 424
Гальковский Н. М. 237
Гамкрелидзе Т. В. 25, 138, 159
Ганка В. 86, 330
Ганцов В. М. 372
Гард П. 426
Гардтгаузен В. 15
Гаспарини Э. 152
Гаспаров Б. М. 24
Гаттала М. 91
Гаудерих Веллетрийский 269
Гаупт Л. 78
Гауптова З. 414
Гашек Я. 86, 323, 419
Гвидо де Колумна 306, 307
Гебауэр Я. 86, 330, 343, 353
Гейштор А. 237, 413
Гельмольд (Хельмольд) 236, 254, 255
Георгиев В. 19, 102, 103, 108, 109, 395, 397, 418, 419
Георгиев Л. 109
Георгиев Э. (Е.) 15, 29, 108, 285, 295, 420
Георгиева И. 110
Георгий Амартол 27
Георгий Хировоск (Херобоск) 316
Герборд (Херборд) 251, 254
Гердер И. Г. 333
Геров Н. 106, 108, 109, 343
Геродес С. 414
Геродот 139, 143
Герцен А. И. 331, 332
Гессен Д. 75
Гете И. В. 333, 347, 365
Гилевич Н. С. 407
Гильфердинг А. Ф. 97, 331
Гинце Ф. 74, 75, 424
Гиро-Вебер М. 426
Гирт Г. 153
Глебка П. 41, 391
Гоголь Н. В. 49, 347, 399
Годжа М. 91
Голанов И. Г. 372
Голенищев-Кутузов И. Н. 405
Головко А. 59

Голомб З. 429
Голуб Й. 89, 414
Гомер 270
Гончар А. 59
Гончаров И. А. 49
Гораздд 279—281
Горалек К. 15, 19, 29, 87, 395, 413, 414
Горецкий Я. 92, 416
Горнфельд А. Г. 332
Горшков А. И. 30, 404
Горшкова К. В. 36, 52, 404
Горький А. М. 51, 408
Гошев И. 298, 420
Граппен А. 385
Грек-Пабис И. 75, 412
Греч Н. И. 49
Грибоедов А. С. 49
Гривец Ф. 421
Григорий Богослов (Назианзин) 236, 270, 275, 276
Григорович В. И. 28, 331
Гримм В. 320, 324
Гримм Я. 118, 320, 324, 333
Гриншлат М. Я. 46
Гринченко Б. Д. 60
Гриничк Н. М. 391
Грицкат И. 422
Грот Я. К. 346
Грущо А. П. 41
Гудков В. П. 67, 102, 123, 404
Гуйер О. 381
Гундулич И. 117
Гуннарсон Г. 427
Гурский К. И. 390
Гус Я. 83, 84, 258, 268, 289
Гутенберг И. 306
Гуторов И. В. 391
Гутшмидт К. 423
Гылыбов И. 29, 108, 419
Гюлумянц К. М. 407

Далматин Ю. 126, 259
Даль В. И. 49, 50, 55, 179, 242, 339, 343, 345
Данеш Ф. 415
Даничич Дж. 119
Дебелянов Д. 106
Де Брей Р. 430
Дейна К. 75, 411
Деко Э. 426
Демина Е. И. 404
Державин Г. Р. 345
Державин Н. С. 368, 374, 389
Десницкая А. В. 52
Дечев Д. 418
Джюсти-Фичи Ф. 429
Дзендзелевский И. А. 60
Дильс П. 29, 30, 386, 395, 425
Димитров Г. 107
Димов Д. 107
Динеков П. 269, 420
Дмитриев П. А. 123, 409, 432
Добровский И. (И.) 18, 28, 85, 126, 328, 329, 344, 358, 368, 381
Дограмаджиева Э. 29
Докулил М. 415
Доланский Ю. 415
Долобко М. Г. 353
Домбровская М. 70
Домбровский Я. 331
Доротьякова В. 93
Дорошевский В. 70, 71, 339, 340, 379, 380, 395, 397, 410
Доруля Я. 416
Достал А. 29
Достоевский Ф. М. 49, 323
Драгоманов М. П. 356
Дробленкова Н. Ф. 37
Дуйчев И. 29, 108, 269, 420
Дулар Я. 422
Дулевич И. 75
Дуличенко А. Д. 130, 132, 134
Дунин-Марцинкевич В. И. 39
Дуриданов И. 419
Дурново Н. Н. 36, 340, 372
Дыбо В. А. 25, 403
Дылевский Н. М. 418
Дэвидсон Д. 430
Дювернуа А. Л. 331
Дюмезиль Ж. 238, 247

Евневич М. С. 41, 407
Едличка А. 89, 397, 413
Екояма О. 430
Елин-Пелин 106
Елинек М. 415
Енч Г. 81
Ермакова М. И. 81

Желеховский Е. 60, 343
Жеромский С. 69, 70
Живкович С. 123
Живов В. М. 404
Живов М. С. 405
Жинзифов Р. 112
Жирмунский В. М. 409
Житецкий П. И. 60
Жоанне Ж. 366, 426
Жовтобрюх М. А. 33, 60, 408
Жуковская Л. П. 29, 36, 314, 404, 433
Жуковский В. А. 49, 333, 345
Жупанич О. 126
Журавлев В. К. 404
Журавский А. И. 41, 46, 391, 396, 407

Заградник О. 92
Задравец Ф. 130
Занмов Й. 29
Зайцева Н. И. 244
Зализняк А. А. 52, 305, 403
Затовканюк М. 415
Зволиньский П. 412
Зданцевич Т. 412
Зейлер Г. 78
Зеленин Д. К. 237
Зизаний Л. 38, 57, 312
Зинкявичюс З. 406
Зиновьев К. 57
Злыднев В. И. 405
Зор Я. 29, 421
Зубатый Й. 18, 86, 360

Ибн аль-Факих 193
Ибн Русте 180
Ибн Фадлан 236
Иванов Вал. В. 52, 55
Иванов Вяч. В. 25, 52, 138, 159, 191, 201, 237, 247—249, 251, 264, 402, 403

Иванова-Мирчева Д. 418
Иванович С. 123
Иванчев С. 108, 419
Ивашин В. В. 391
Ивашина Н. В. 89
Ивашкевич Я. 70
Ивекович Ф. 343
Ивич М. 121, 422
Ивич П. 121, 123, 422
Ившич С. 121
Иероним Пражский 258, 289
Иллич-Свитыч В. М. 114, 135, 403
Илчев Ст. 109
Ильенко Ю. 175
Ильинский Г. А. 19, 269, 357, 372, 374
Иоанн Малала 27, 250, 252, 253
Иоанн экзарх Болгарский 104
Иоанн Эфесский 141
Иордан 140
Ирасек А. 86
Исаченко А. В. 416, 426
Истрин В. А. 314
Истрин В. М. 354
Истрина Е. С. 51, 352

Йованович-Змай Й. 119
Йовков Й. 106
Йодловский С. 71, 411
Йона Э. 416
Йонке Л. 121, 422
Йордаль К. 428

Кабберли П. 430
Казлаускас И. 406
Калина А. 358
Калиновский К. 39
Калнынь Л. Э. 403
Калоева И. А. 15
Калужняцкий Е. 15
Кальвин Ж. 259
Капалдо Д. 312
Каравелов Л. 106, 346
Караджич В. *см.* Вук
Карамзин Н. М. 49, 333, 426
Карась М. 71, 411, 412
Караулов Ю. Н. 51
Карлович Я. 69
Карновский Й (Будзыш В.) 74
Кароляк С. 412
Карпов В. А. 109, 407
Карский Е. Ф. 15, 29, 36, 40, 46, 346, 349, 350
Касперович Н. И. 372
Кассий Д. 148
Кашич 312
Кепески К. 112
Кжижановский Ю. 75, 412
Кимура Т. 430
Кипарский В. 428
Кирай П. 424
Кирилл Туровский 302
Кирмагова А. 269
Кишкин Л. С. 405
Кларет 317
Клеменсевич З. 71, 75, 411
Клепикова Г. П. 264
Климент Охридский 104, 269, 281—283, 287, 288, 302, 356
Клих Э. 388
Ключевский В. О. 148
Кнежа И. 424
Ковалев Н. С. 114
Коваленко В. 413
Ковалик И. И. 60
Коваль А. П. 134
Ковтун Л. С. 409
Кодов Х. 29, 420
Кодухов В. И. 33, 409
Кожин А. Н. 36
Козьма Пражский 236
Козырев И. С. 407
Колярич Р. 129
Коларов В. 107
Колас Я. 39, 40
Колесов В. В. 36, 52, 169, 264, 409
Коллар Д. 93
Коллар Я. 91, 330
Колмогоров А. Н. 400
Коломиец В. Т. 189, 264, 408
Колосов М. А. 332, 346
Комарек М. 415
Комаровский Е. М. 42
Комри Б. 430
Кондрашов Н. А. 15, 433
Конески Б. 112, 114, 422
Константин-Кирилл 25, 26, 82, 104, 124, 268—277, 279, 281—285, 287, 289, 291, 301, 302 315, 355, 384
Константин Преславский 104, 283, 287, 288, 302
Константинов К. 298
Копецкий Л. В. 415
Копечный Ф. 87, 89, 264, 414
Копитар Е. (В.) 28, 126, 329, 333, 336, 344, 363
Копыленко М. М. 29, 405
Корбет Дж. Дж. 429
Корецкий-Сатановский А. 57
Коржинек Й. 19
Корнейчук А. Е. 59
Королюк В. Д. 269
Кортландт Ф. 429
Корубин Б. 422
Корш Ф. Е. 347, 348, 351, 356, 362
Косман Ц. 126
Косовел С. 126
Костельник Г. 132, 133
Костомаров В. Г. 398
Костюшко Т. 69
Косык М. 78
Котляревский А. А. 331
Котляревский И. П. 58
Котник Я. 130
Кохман С. 412
Коцюбинский М. М. 59
Кошич М. М. 133, 134
Кошмидер Э. 425
Кошутич Р. 348
Кравцов Н. И. 15, 55, 372, 405
Кравчук Р. В. 41, 432
Крайчович Р. 416
Краль Я. 91
Кранец М. 126
Крапива К. 41, 46, 391, 395
Крейчи К. 415
Крель 259
Кремко И. И. 46
Крефт Б. 397, 423
Кржижкова Г. 415
Кржистек В. 413
Кривицкий А. А. 41, 42, 45

Крижанич Ю. 336
Кристнесен А. 428
Критенко А. П. 408
Крлежа М. 120
Крупская Н. К. 331
Кручковский Л. 70
Крушевский Н. В. 340, 344
Крылов И. А. 49
Крымский А. Е. 59
Крынский А. 358
Кубик М. 415
Куев К. 29, 108, 291, 314, 420
Кузнецов П. С. 24, 33, 36, 52, 373, 400
Кукучин М. 91
Кулин (бан) 116
Кульбакин С. М. 15, 29, 357, 374
Купала Я. 39, 40, 323
Курашкевич В. 15, 71, 381, 388, 410
Курилович Е. 70, 71, 379, 410
Курц Й. 29, 87, 381, 414
Курциус Г. 346
Куцаров И. 15
Кучера Г. 429

Лабуда А. 74
Лабуда Г. 153
Лавров П. А. 15, 269, 314, 348, 374
Лавровский Н. А. 346
Лавровский П. А. 346
Лазарук М. А. 391
Лазутин С. Г. 55
Лалевич М. 121
Лалич Р. 422
Лампрехт А. 415
Ландмац Р. 81
Лант Х. Г. (Г.) 29, 429
Ларин Б. А. 36, 51, 408, 409
Ларченко М. Г. 391, 407
Левин Дж. 430
Левски В. 106
Левстик Ф. 126
Легиша Л. 130
Леже Л. 237
Лейбниц Г. В. 95, 333
Леков И. 19, 108, 393, 395, 418
Лелевель И. 358
Ленин В. И. 51, 59, 446
Ленчек Р. Л. 129
Леонидова М. 418
Леонова Л. В. 123
Леонтьев А. А. 52
Лепешев И. Я. 407
Леписье Ж. 29, 366, 426
Лер-Сплавинский Т. 15, 19, 70, 71, 75, 97—99, 153, 264, 380, 381, 387, 395, 410
Лермонтов М. Ю. 49, 348, 427
Лёсик И. Ю. 372
Лескин А. 28, 334, 335, 343, 364, 386
Лесюв М. 412
Лецеевич Л. 25
Леч Р. 424
Лешка О. 415
Лилич Г. А. 409
Лиминг Г. 412, 428
Линда Й. 86
Линде С. Б. 69, 319, 358
Лиукконен К. 428
Лихачев Д. С. 36, 251, 263, 314, 372, 393, 409
Лобан Н. П. 41, 391
Ловмянский Г. (Х.) 152, 237, 250, 413
Логарь Т. 128, 129, 422
Лойко О. А. 46, 407
Ломоносов М. В. 48, 318, 319
Ломтев Т. П. 36, 40, 45, 400
Лопатин В. В. 51
Лоренц Ф. 74, 75, 424
Лось Я. 70, 358, 359, 380
Лудольф Г. В. 317
Лукинова Т. Б. 408
Лукьяненко А. М. 336
Лунден С. С. 427
Лучина Я. 39
Львов А. С. 29, 36
Людсканов А. 418
Лютер М. 125, 259
Лябуда Г. 413
Ляпунов Б. М. 332, 336, 372, 377

Маенова М. Р. 412
Мажуранич И. 119, 120
Мажюлис В. 406
Мазон А. 366, 376, 395, 426
Майерова М. 86
Майковский А. 74
Мак-Миллин А. 429
Макаёнок А. 41
Макарий 117, 308
Максим Грек 356
Малески В. 112
Мальдис А. И. 407
Мамоничи (братья) 38, 318
Манаенкова А. Ф. 42, 407
Мансикка В. 237
Маньчак В. 153
Марван И. 430
Маретич Т. 120, 123
Мареш В. Ф. 29, 297, 414, 426
Маринов Д. 237
Марков Б. 423
Марков Д. Ф. 397, 405
Марковский В. 112
Маркс К. 59, 83, 259
Марр Н. Я. 372
Мартынов В. В. 41, 42, 153, 264, 406
Марулич М. 117, 131
Марцелев С. В. 391
Марыняк И. 75
Маслов С. И. 390
Маслов Ю. С. 109, 390, 395, 409
Матезиус В. 382
Матичетов М. 423
Маха К. 86
Махал Я. 237
Махек В. 19, 87, 89, 413
Мацкевич Ю. Ф. 41, 42, 407
Мацюсович Я. В. 75
Маяковский В. В. 51
Мегисер И. 126
Медынцева А. 298
Мейе А. 19, 24, 25, 29, 365, 366, 368, 384, 385
Мележ И. 41
Мелих Я. 424
Мельничук А. С. 15, 24, 36, 60, 376, 408
Мериджи Б. 429
Мериме П. 365
Меррилл П. 430
Метельская Е. С. 42, 46
Мефодий 25—27, 82, 104, 124, 268—285, 291, 301, 302, 315, 356, 384
Мечковская Н. Б. 407, 433

Мещанинов И. И. 52, 394
Мещерский Н. А. 52, 55, 409
Миккола Й. 19, 332, 367
Миклошич Ф. 18, 29, 119, 127, 334—336, 344, 363, 426
Миладинов Д. 112
Миладинов К. 112
Милевский Т. 153, 411
Милетич Л. 107, 361
Миллер В. Ф. 341, 342
Минач В. 92
Минисси Н. 429
Минчева А. 29
Мирович А. 75, 412
Мирчев К. 29, 107—109, 417
Мирчева Д. 29
Мисирков К. П. 112
Мистрик Й. 92, 416
Митхоф Г. Ф. 95
Михаиле Г. 425
Михайлов П. А. 42
Михайлович В. 422
Михалк Ф. 79, 81, 423
Михальчук К. П. 60
Михневич А. Е. 41, 42, 45
Мицкевич А. 59, 69, 72, 246, 323, 358, 365
Младенов М. 418
Младенов С. 107, 109, 378
Младенович О. 423
Можаева И. Е. 102, 269, 314
Можейко Н. С. 41
Мокиенко В. М. 15, 409, 432
Моллер А. 309
Мошин В. 421
Мошиньский К. 15, 152, 379
Мошиньский Л. 15, 29, 412
Мразек Р. 415
Мстиславец П. Т. 48, 309
Мука А. (Э.) 78, 81, 97, 360, 361
Мукаржовский Я. 415
Мурко М. 363, 381, 387
Мурьянов М. Ф. 29, 404
Мустайоки А. 428
Мюллер К. 424
Мюллер М. 346
Мясников А. С. 395

Назор В. 120, 131
Найлор К. 429
Наркевич А. И. 41
Нарушевич А. 358
Наум 269, 281—283
Науменко И. Я. 41, 391
Нахтигал Р. 19, 24, 29, 127, 363, 364
Невекловский Г. 426
Негош П. П. 120
Неделковский К. 112
Неделькович О. 29
Недо П. 81
Нейман С. К. 86
Некрасов Н. А. 49
Некрашевич С. М. 372
Немец И. 145
Немцова Б. 86
Непокупный А. П. 408
Неронов И. 261
Неруда Я. 86
Нестор (летописец) 146, 147, 153, 233
Нещименко Г. П. 404
Нидерле Л. 15, 24, 153, 237, 264, 360
Ниеминен Э. 428
Никитевич В. М. 407
Николаев П. А. 398
Николаева Т. М. 403
Никольский С. В. 405
Никон 260
Нильссон Н. А. 427
Нимчук В. В. 433
Нитш К. 70, 74, 359, 380, 387, 389, 410
Новикова А. М. 55
Новомеский Л. 92
Норман Б. Ю. 109, 407
Носович И. И. 39, 343
Нушич Б. 120

Облак В. 127, 337
Обнорский С. П. 36, 51, 352, 372
Обрадович Д. 117, 118
Обрембска-Яблоньска А. 411
Овсянико-Куликовский Д. Н. 332
Огарев Н. П. 331
Ожегов С. И. 51
Ожешко Э. 69, 72
Озолс А. 406
Олехнович М. 412
Олеш Р. 97—99, 425
Олинвериус З. Ф. 415, 430
Ольховиков Б. А. 433
Ондрус П. 416
Ондруш Ш. 92, 416
Орлов А. С. 298, 355
Орлова В. Г. 55
Орловский Й. 416
Орожен М. 128, 422
Осовский Л. 411
Остербю Х. 428
Островский А. Н. 49
Оти Р. 428
Откупщиков Ю. В. 409
Оштир К. 422

Павленко Н. А. 391, 407
Павлик Я. 428
Павлова Р. 418
Павлович М. 421
Палацкий Ф. 330
Палёнис И. 406
Пальцев Г. В. 75
Панов М. В. 33, 51, 52
Панцер Б. 426
Панч П. 59
Панченко П. 41
Панькевич И. 415
Папп Ф. 424
Паркошовиц Я. 268
Патерну Б. 423
Пата Й. 387
Паулини Э. 92, 93, 416
Паунова А. 269
Пашов П. 418
Педерсен П. 428
Перебейнос В. И. 60
Перетц В. Н. 354, 355
Перкин Н. С. 391
Петерсон М. Н. 51, 340, 370
Петр Я. 15, 415, 432
Петранович И. 123
Петрович Э. 424
Пециар Ш. 92, 416

Пешковский А. М. 51, 340, 344, 368, 370
Пигонь С. 412
Пизани В. 429
Пичета В. И. 377
Плавка А. 92
Плетершник М. 127, 130, 245, 343
Плиний 139
Плотников Б. А. 89, 407
Плотникова О. С. 404
Погачник Й. 130, 421
Погорелец Б. 128, 422
Подлужный А. И. 45
Покорны Ю. 25
Поленакович Х. 421
Поливанов Е. Д. 52, 340, 372
Поликарпов Ф. 48
Полянский К. 79, 97—99, 380, 412
Попконстантинов К. 298
Попов К. Г. 418
Попов П. М. 314
Попович И. 121, 422
Попович М. В. 248, 264
Поповска-Таборска Х. 75, 412
Попруженко М. Г. 269
Поржезинский В. К. 18, 340, 342, 357
Потебня Александр А. 36, 50, 60, 325, 331, 332, 346, 375
Потебня Андрей А. 331
Похлин М. 126
Прейс П. И. 330
Преображенский А. Г. 244, 351
Претнар Я. С. 130
Прешери Ф. 126, 347
Приселков М. Д. 352
Прокопий (Кесарийский) 140, 152, 236, 239, 247
Пропп В. Я. 409
Прунч Й. 426
Прус Б. 69
Псевдо-Маврикий 140
Птолемей 139
Путанец П. 420
Пушкин А. С. 49, 323, 336, 345, 347, 348, 365, 399
Пфеффингер И. Ф. 95
Пфуль Х. Т. 78, 343
Пширков Ю. С. 391
Пыпин А. Н. 326

Рагойша В. П. 407
Радичевич Б. 119
Радысерб-Веля Я. 78
Рамовш Ф. 127, 129, 420
Раск Р. 320
Расторгуев П. А. 352, 372
Рацин К. 112
Ревзин И. И. 52, 403
Реймонт В. 69
Реформатский А. А. 51, 340, 400
Решетар М. 120, 361, 362, 380
Ржига В. Ф. 372
Риглер Я. 128, 129, 422
Рождественский Ю. В. 433
Розвадовский Я. М. 18, 70, 145, 153, 358, 359, 380
Ройзензон Л. И. 390
Романович Е. М. 42
Романский С. 107—109, 269, 378
Ромпортл М. 415
Росетти А. 424
Роспонд С. 411
Рост П. 97
Ростафиньский Я. 153
Роте Х. 426
Рудницкий М. 71, 153, 411
Ружичка Й. 29, 92, 93
Ружичка Р. 424
Рупель М. 129
Русакиев С. 420
Русановский В. М. 36, 60, 395, 408
Русек Е. 412
Русинов Р. 109
Руссело Ж. П. 371
Рыбаков Б. А. 237, 239, 249, 251, 261, 264, 298, 299
Рыльский М. 59
Рымша А. 309

Сабаляускас А. 191
Савченко А. Н. 25, 52
Садник Л. 15, 29, 30, 425, 426
Саксон Грамматик 236, 238, 254, 255
Сакулин П. Н. 352, 368
Самуйлёнок Э. 40
Сандфельд К. 102
Сассекс Р. 430
Сато А. 430
Сато Д. И. 430
Сафаревич Я. 71, 411
Сафаревичова Х. 412
Сафронов Г. И. 123
Свене Г. 428
Свенцицкий И. С. 356, 357, 390
Светлик Ю. 77
Свэн О. 430
Сгалл П. 415
Северьянов С. 29, 312
Седов В. В. 144, 264
Секанинова Э. 416
Селищев А. М. 52, 67, 372—374, 389, 401
Семенович А. А. 391
Семереньи О. 25
Семиряга М. И. 81
Сенерт Дж. 99
Сенкевич Г. 69
Серебренников Б. А. 52
Сёрёнсен Г. Х. 428
Сигалов П. С. 24
Сидоров В. Н. 51, 340, 372
Симокатта Ф. 223, 224
Синьорини С. 429
Сиротинин А. 350
Скаличка В. 415
Сковорода Г. 57
Скок П. 121, 123, 420
Скорина Ф. 38, 226, 308, 309, 316, 350
Скорупка С. 411
Скупский Б. И. 29
Славейков П. П. 106
Славинецкий Е. 57
Славский Ф. 15, 25, 29, 71, 75, 102, 381, 411
Словацкий Ю. 69, 72, 347
Слодняк А. 423
Слоньский С. 29, 379
Смирнов А. И. 346
Смирнов Л. Н. 404
Смолер Я. А. 78
Смолич Ю. 59
Смотрицкий М. 38, 48, 57, 312, 318, 319
Смулкова Э. 412

Соболевский А. И. 36, 50, 332, 348—350
Солнцев В. М. 52
Соловьев С. М. 148
Соссюр де Ф. 340, 341, 365
Сосюра В. 59
Спасович В. Д. 326
Сперанский М. Н. 15, 336, 354, 372
Срезневская О. И. 50
Срезневский И. И. 28, 36, 50, 78, 330, 332, 335, 338, 346, 439
Сталин И. В. 372
Станг Х. 426, 427
Станев Е. 107
Станислав Я. 92, 415, 416
Станкевич Э. 429
Станчев С. 298
Статориус 312
Стаховский С. 412
Стеванович М. 121, 123, 422
Стельмах М. 59
Стендер-Петерсен А. 427
Степанов Ю. С. 52
Стефан Пермский 266
Стецко П. В. 42, 407
Стешкович Т. Ф. 42
Стиф К. 428
Стойков С. 108, 109, 416, 417
Стоун Дж. 429
Стоянов И. А. 408
Стоянович Л. 298
Стыпуля Р. 75
Судник М. Р. 33, 41, 396
Супрун А. Е. 29, 41, 99, 132, 406
Схонефельдт К. 429
Сухадолник С. 128, 422
Сыхта Б. 74, 75
Сятковский Я. 412

Тагамлицкая Г. 418
Талев Д. 107
Танк М. 41
Тарашкевич Б. 40
Тахаос А.-Е. Н. 429
Тацит 139
Ташицкий В. 71, 411
Творогов О. В. 307
Телин Н. 427
Теньер Л. 385
Теодоров-Балан А. 107, 361
Тешителова М. 415
Тикоцкий М. Е. 41, 391
Тимберлейк А. 429
Тимофеева В. М. 407
Титмар 236, 254
Тихомирова Т. С. 75
Тицин Я. 77
Ткадльчик В. 294
Токарев С. А. 237
Толмач Д. 318
Толовски Д. 114
Толстой И. И. 123
Толстой Л. Н. 49, 323
Толстой Н. И. 29, 42, 52, 132, 195, 207, 237, 264, 395, 401—403
Томас Дж. 430
Томсон А. И. 340, 377
Томшич Ф. 421
Тополиньска З. 412
Топоришич Й. 128, 129, 422
Топоров В. Н. 52, 145, 237, 247—249, 251, 264, 401—403
Тот И. 424
Травничек Ф. 87, 89, 413
Траутманн Р. 25, 385
Трбухович В. 148
Трембовольский Я. Л. 291
Третьяков П. Н. 153, 264, 395
Трост П. 415
Трофимович К. К. 79, 81, 405
Трубарь П. 125, 126, 259, 309, 312
Трубачев О. Н. 19, 25, 52, 145, 148, 156, 179, 185, 200, 201, 264, 401
Трубецкой Н. С. 29, 97, 135, 295, 384, 388
Трыпуцька Ю. 427
Тувим Ю. 70
Тургенев И. С. 49, 392
Турзон Я. 307
Тыл И. К. 86
Тыменецкий К. 412
Тычина П. 59
Тэйлор А. 292
Тэн И. 346
Тяпинский В. 260

Угринова Р. 422
Ужевич И. 57
Уитни У. 346
Украинка Л. 59, 242
Улашин Г. 411
Улуханов И. С. 51
Ульфила 273
Ульянов Г. К. 340
Унбегаун Б. О. 237, 250, 385, 428, 429
Упырь Лихой 287
Урбаньчик С. 71, 75, 250, 388, 410, 411
Урбутис В. 406
Усикова Р. П. 114, 404
Успенский Б. А. 36, 52, 237, 248, 250, 264, 404
Ушаков Д. Н. 51, 340, 352, 370, 371

Факкани Р. 429
Фальк К.-О. 427
Фаска Г. 79, 81, 423
Фасмер М. 18, 35, 153, 228, 250, 386, 388, 409, 425, 426
Федоров И. 48, 57, 309, 310, 312, 442
Федосик А. С. 391
Феофилакт 281
Феррел Дж. 429
Фет А. А. 347
Филин Ф. П. 33, 36, 51, 52, 389
Филкусова М. 93
Фиоль Ш. 307, 308
Флайер М. 429
Флори Б. Н. 269
Флоринский В. М. 152
Флоринский Т. Д. 5
Фогараши М. 424
Фодор Е. 425
Фонвизин Д. И. 49, 345
Фортунатов Ф. Ф. 18, 28, 50, 335, 340—342, 344, 351, 353, 357, 362, 370
Фотий 269—271, 276, 280
Франко И. Я. 59, 60, 355, 356
Франчич В. 412
Френкель Э. 425
Фринта А. 415
Фукуока С. 430
Фучик Ю. 86
Фучич Б. 297

Хабургаев Г. А. 30, 33, 36, 404
Хадрович Л. 424
Хамм Й. 29, 121, 421, 426
Хантли Д. 430
Хафнер С. 426
Хвойко В. В. 143
Хейдзянка-Пилятова Я. 244
Хейтсо Г. 427
Хельтберг К. 428
Хенниг Х. 94, 95, 97—99, 311
Хенсель В. 153, 264, 413
Хилендарский П. 106
Хмельницкий Б. 58, 68
Хованский А. А. 346
Ходова К. И. 29, 404
Хойнан Я. 77
Хоновска М. 29, 412
Хорват Й. 123
Храбр 27, 104, 228, 267—269, 285, 290, 291, 315, 318
Храпченко М. Б. 398
Храсте М. 121, 123, 422
Хюркканен Ю. 428
Хюттль Фольтер Г. 426

Цанкар И. 126
Цеглёва Б. 412
Цейнова Ф. 74
Цейтлин Р. М. 29, 404
Цесарец А. 120
Цонев Б. 107, 361
Цыбенко Е. З. 405
Цыхун Г. А. 41, 42, 102, 406

Чапек К. 86, 323
Чвани К. 429
Чекановский Я. 153, 264, 379
Челаковский Ф. 86, 330, 346
Черных П. Я. 52
Чернышев В. И. 372
Чернышевский Н. Г. 50, 326, 331
Чехов А. П. 49, 323, 351
Чечот Я. 39
Чешко Е. В. 404
Чжао Юньчжун 430
Чичеров В. И. 237
Чолакова К. 109, 418
Чоп Б. 128, 422
Чопич Б. 120
Чорный К. 40
Чукалов С. К. 109

Шабловская И. В. 407
Шакун Л. М. 41, 46, 391, 407
Шаллер Г. В. 102
Шамякин И. П. 41, 391
Шанский Н. М. 51
Шаталова Л. Ф. 42, 244
Шаур В. 156, 264, 415
Шафарик П. Й. 7, 29, 91, 330, 334
Шахматов А. А. 15, 18, 36, 50, 60, 152, 264, 336, 337, 340, 342, 346, 350—354, 356, 362, 366, 367, 374, 398
Шведова Н. Ю. 52
Шевченко Т. Г. 58, 133, 323, 347
Шенкер А. 429
Шеноа А. 120
Шептунов И. М. 405
Шерлаимова С. В. 405
Шеберг А. 29, 427
Шиллер Ф. 347
Широков О. С. 52
Широкова А. Г. 67, 89, 102, 404
Шишков А. С. 330
Шкерль С. 422
Шкловский В. 338
Шлейхер А. 18, 28, 97, 333—335, 337, 342, 346
Шмелев Д. Н. 51
Шмидт К. Р. 428
Шмилауэр В. 415
Шнайдер Л. 412
Шолохов М. А. 427
Шольц Ф. 426
Шопов А. 112
Штибер З. 19, 24, 67, 71, 380, 410
Штитный Т. 83, 227
Штольц Й. 93
Штур Л. 91
Шуба П. П. 41, 391, 407
Шульце Я. П. 93—95, 97, 99, 317, 358
Шустер-Шевц Г. 79, 81, 423
Шютц Й. 426

Щепкин В. Н. 29, 36, 314, 348
Щерба Л. В. 51, 78, 81, 340, 371, 394, 398

Эббон 251, 254
Эйхлер Э. 424
Экблом Р. 427
Эккерт Р. 424
Энгельс Ф. 59, 258, 259, 334
Эндзелин Я (И. М.) 374, 406
Эрмитт Р. 426
Эрну А. 365

Юглер Й. Г. 97
Юнгмани Й. 85, 343
Юранчич Я. 127, 422
Юревич Е. К. 46
Юрковский М. 412
Юрченко Г. Ф. 42

Яворов П. 106
Ягич В. (И. В.) 15, 29, 119, 237, 287, 288, 312, 314, 330, 335—337, 344, 347, 351, 355, 361, 363—365, 367, 384, 386, 426, 432
Ягодич Р. 426
Яжджевский К. 153
Якобсон Р. 19, 237, 248, 273, 340, 382—384, 395, 429
Якобссон Г. 427
Якопин Ф. 128, 421
Якоубок из Стршибора 258
Якубинский Л. П. 36, 340
Якубица М. 77, 259
Янакиев М. 108, 418
Янаш П. 81
Яневски С. 112
Яниште 95
Янкова Т. С. 42
Янковский Ф. М. 41, 46, 391, 407
Янович Е. И. 46
Янув Я. 412
Ярцева В. Н. 52
Ясеньский Б. 70
Яхнов Х. 426

УКАЗАТЕЛЬ ПРАСЛАВЯНСКИХ СЛОВ *

ablonь 185
ablъko 186
agnę 180
agniti sę 181
agnьcь 180
agoda 185
aje 177, 181
ajьčьnica 177
alovaja 181
ama 196
arębina 185
arębъ 189
arьmъ 181
asenь 187
askyni 196
astrębъ 189
ašcerica 194
ašcerъ 194
atra 176
avorъ 187

baba 156, 157, 193
bagno 197
bagъrъ 230
bajati 172, 218
bajiti 218
balьjь 172
baňa 171
baranъ 180
basnь 218, 220
bata, bat'a, batja 157
batogъ 181
batoriti 217
bebrъ 192
bedro 169
belna 187
bergъ 197
bersta 188
berstъ 187
berza 187
běseda 217
bezdětьnъ 159
bezdъždžьje 205
bezotьnъ 159
bezpotьje 199
bezrodьnъ 159
bezsnežьnъ 205
bezsъpnica 172
bezumьje 172
běda 163, 240
běgati 198
bělavъjь 231
bělesъjь 231
běleti 231
bělica 231
bělidlo 231
běliti 231
bělizna 231
bělobordъ 231
bělogolvъ 231
bělogrivъ 231
bělokvětъjь 231
bělonogъ 231
běloga 231
běluxa 231
bělъjь 231
bělъka 231
bělъkъ 231
bělьmo 172, 231
běsъ 240
bežati 198
bičь 181
bitva 165
blědica 171
blědostь 171
blědъjь 231
blědьnъ 231
bleskъ 232
blinъ 177
bliskati 232
bliskavica 206
blistati 232
blizna 171
bliznьcь 158
blizozorkъ 172
bližьnь 159
bljudo, bl'udo 149, 176
blъxa 193
blьsknoti 232
blьskъ 206
blьščati 232
blьvati 172
bobrъ 192
bobyrь 189
bobъ 184
bodežь 172
bogъ 150, 162, 235
bogačь 162
bogatěti 162
bogatъ 162
bogatьstvo 162
bojati sę 240
bojaznь 174
bojь 165
bojьcь 165
bokъ 169
bolenъ 189
bolězнь 171
bolgo 175
boligolva 187
bolna 170
bolnьje 196
bolto 197
bolь 171
borda 170
bordačь 171
bordavica 172
borna 183
bornь 165
boršьno 177
borvъ 180
borzda 183
borъ 187, 196
borьba 165
borьcь 165
botьjanъ 189
bǫba 172
bǫbьnъ 224
braga 150, 177
bratrъ 158
bratučędъ 157
bredъ 172
bresti 198
brexati 222
brězgati 172
brězgъ 208
brěždžati 208
brękati 223
briditi 172
brinъ 186
briti 171
broditi 198
brodъ 199
brudъ 170
brunьka 172, 185
brusьnica 186
bry 170
bryla 202
brъmęti 223
brъnęti 223
brъstь 185
brъzda 181
brьvь 199
brьvьno 176, 188
bŕuxo 169
bučati 223
buky 220
bukъ 187
buŕa 205
buzina 185
byčati 223
bykъ 179
bylina 186
bylь 186
bylьje 186
bъčela 182
bъči 176
bъčьvarь 167
bъděti 170
bъdrъ 170
bъdьna 176
bъlbotati 220
bъltъ 165
bъlvan 202
bъrmotati 220
bъrščь 186
bъrtь 182
bъrtьnik 182
bъtva 185
bъrakъ 158
bъrdo 196
bъrglězъ 222
bъrliti 223

carъ 180
carь 164
cěna 163
cěrъ 183
cěsarь 164
cěsta 199
cěva 185
cěvь 223
cěvьnica 223
cьrkačь 193
cьsarь 164

čadъ 176
čaja 189
čapja 189
časъ 208
časa 176
čebrъ 186
čečetъ 189
čelesьno 176
čelnъ 169
čelo 170
čelověkъ 157
čelъka 170
čel'adinъ 159
čel'adь 159
čel'adьnikъ 159
čel'ustь 170
čemerica 187
čerpьcь 178
čerda 181
čermuxa 185
čerpraxa 194
čerpъ 170, 176
čersla 169
čersti 240
čerša 185
čertъ 187
červo 169
červьje 178
česati 171
česnъ 184
česuja 189
četa 165
četverъ 213
četvьrgъ 208
četvьrtъ 213
četvьrtъkъ 208
četvьrtь 213
četyre 212
čędo 157, 158
čirъkъ 190
čirь 172
čislo 212
čismę 212
čisti<čitti 212
čistota 170
čistьcь 186
čixati 222
čižь 189
čubъ 170
čuti 223
čutьje 174
čuvьstvo 174
čьbanъ 176
čьbьrъ 177

* Составила С. Г. Левина.

čьlno/-ъ 199
čьmelь 193
čьrmьnъjь 230
čьrnobylь 187
čьrnъjь 231
čьrpadlo 176
čьrsti< čьrtli 229
čьrta 210, 229, 240
čьrtati 229
čьrtoryjь/-a 240
čьrtъ 240
čьrvjenъjь 229
čьrvь 194
čьstьnъ 168
čьvanъ 168

danina 163
dariti 163
darъ 21, 163
daviti 168
davьcь 168
debelъ 170, 211
dervo 188
deŕoga 185
desętъ 213
desęťь 21, 213
desnica 169
devętъ 213
devęťь 213
dědina 163
dědъ/-a 156, 157, 161, 175
dějati 219
dělatelь 167
deliti 162
dělo 166
dělьba 162
děte 157
děva 157
děverь 158
děvica 157
děvъka 157
děža 176
dęsno 170
dętelina 186
dętelъ 189
dikъjь 241
diva/-ъ 240, 241
dlaka 243
doba 208
doblь 166
dobro 175
dobroděj̆ь 168
dobytъkъ 162
dojiti 181
dolbto 187
dolina 196
dolnь 170
dolъ 196
domočędьcь 159
domъ 175
dorga 199
dorgъ 163
dospěxъ 166
dostatъkъ 162
dǫbъ 73, 187
dǫga 181, 206
dǫli 215, 224
drevьnъ 208
dripa 178
driskati 172
drobъ 170
dropъly 190
drozdъ 189
droždža 177
drǫkъ 188
družina 165
drъgъva 177, 197
drъvarь 167, 187
drъvorǫbъ 187
drъvosěkъ 187
drьkolь 188
dsčanъ 176
duda 224
dudarь 224
duděti 224
dudněti 223
duma 215
dumati 215
dupьlo 185
dusa 241
duxati 241
duxъ 215, 241
dvorъ 175
dvьrь 176
dymъ 176
dъbъna 172
dъkter- 157, 158
dъlbiti 188
dъska 188
dъva 212, 214
— desęte 214
— na desęte 214
dъvě 212
— sъtě 214
dъvojь 213
dъxnǫti 241
dъxorъ 192
dъždžь 205
dьlbti 168
dьlgъ 211
dьlžь 195
dьnь 207, 208
dьnьsь 208
dьrgati 168
dьrnъ 176
dьrzъ 166
dьržava 164
d'ad'a 156

edinъ 212
— na desęte 214
edlь 187
elbędь 190
elenę 191
elenica 191
elenina 177, 191
elenь 191
elito 170, 171
elъkъ 177
elьcь 189
esenь 207
esera 189
esetrina 177
esetrъ 189
ezero 197
eževina 186
ežь 191

ěda 177
ědti > ěsti 177, 178

ěsknъjь 232
ěstěja 176
ězdьcь 167
ězva 172
ězvina 196
ězvьcь 191
ězъ 189

ęčati 222
ęčьmy 183
ędro 170
ędrъ 246
ęga 174
ęlro 170
ęlrьnica 177
ęza 174
ęzykъ 170

gadati 216
gajь 196
galǫza 185
gana 175
ganiti 219
garъ/-ь 176
gasati 198
gasiti 176
gatiti 168, 220
gatji 178
gatь 199
gavati 222
graziti 198
gazъ 199
gladidlo 187
gladъkъjь 149, 170, 211
glazъ 170
glěvъkъ 177
glina 202
glistъ 194
glodati 178
glǫbokъ 195, 211
glǫbь 195
gluma 219
glumiti 219
glumъ 219
glupьcь 168
glyba 202
glyza 202
glъtati 178
glьjь 202
gnědъjь 230
gnětiti 168, 176
gněvъ 174
gnězdo 181
gnida 193
gnilь 177
gnojь 172
gnusъ 174
godъ 208
gogolь 190
gogotati 221
gojidlo 172
gojiti 172, 196
gol- 217
goldъ 177
golěmъ 211
golěnь 169
golgolь 166, 217
golmę 196
golobějь 231
golǫbь 190
golsъ 217, 222
golva 149, 169
golvačь 171
golvjь 189
golvьna 176
gomola 202
gomoniti 220
goniti 198
gonьcь 200
gora 196
gorčica 184
gordina 183
gordišče 175
gorditi 176
gordъ 175
gorę 174
goreti 176
gornostajь 192
goruxa 184
gorxъ 184
gorьkъ 177
gorьnakъ 205
gorьnica 175
gospoda 164
gospodь 164
gostь 21, 164, 168
gostьcь 172
govoriti 218
govorъ 218
govędina 177
govędo 179
gǫba 170, 186
gǫděti 224
gǫdьcь 223
gǫgniti 220
gǫsakъ 182
gǫserъ 182
gǫslь/-i 223
gǫsl'arь 223, 224
gǫsti < gǫdti 223
gǫsyni 182
gǫsь 182
gǫžь 181
grabežь 163
grabja 183
gracь 189
gradobitь 205
gradъ 205
gramada 202
granъ 210
grebati 183
grebja 199
greblo 200
grebti 200
greby 171
grebьcь 167, 200
gręsti 200
grějati 176
grędti 198
grězь 197
gribъ 186
griva 181
gromъ 206
grono 185
groxati 223
groza 174
grǫda 202
grǫdь 169
grǫzь 197
grustь 174

gruša 185
gryzti 178
gryzota 174
gryža 174
grъbьtъ 169
grъkъ 167
grъměti 206, 223
gučati 222
gugati 222
gukъ 218
guńa 178
gutoriti 217, 218
gvězda 149, 203
gvizdati 222
gvozdь 187
gyčь 185
gydъ 174
gъbanica 177
gъlъkъ 176
gъnati 198
gъpanъ 164
gъrbačь 171
gъrbъ 169
gъrčati 222
gъrčь 172
gъrdlo 170
gъrdъ 168
gъrnъ 201, 202
gъrnьcь 176, 202
gъrnьčarь 167, 203
gъrstь 170, 184
gъrtanь 170
gъzъ 193

jama 196
jara 205
jarę 180
jarica 183
jaro 207
jarostь 174
jarъkъjь 232
jarъ 183
jarьcь 180
jata 165, 175
jeliko 212
jęvinъ 175
jěxati 198
jězda vьrxomь 200
jězdьcь 200
jętry 158
językъ 220
jugъ 195, 205
junakъ 157
junica 179
junoša 157
junьcь 179
jušьka 177
jutro 195, 207
juxa 177
južina 177
jьgo 164, 181
jьkati 220
jьkra 169, 189
jьlъ 197
jьměnje 162
jьmę 220
jьmьcь 168
jьnjь 206
jьrъ 197
jьskaľь 182
jьskra 176
jьstьba 175
jьti, jьdǫ 198
jьvьlga 189
jьzbyťьkъ 163
jьzcěľati 172
jьzgaga 172
jьzgreby 185
jьzrojь 197
jьzvirъ 197
jьztočьnikъ 197
jьztokъ 195
jьzuti 178
jьzvorъ 197

kadь 150, 176
kadьlbъ 176
kajati sę 163
kalina 185
kališče 197
kaluga 197
kaluža 197
kalъ 170, 197
kamy 202
kaniti 220
kańa 189
kapja 203
kara 163
karasь 189
kaša 177
kašľati 172
katiti 198
kaziti 218
kazni 163
kazobъ 177
kazъ 172
klamati 219
klenъ 187
klestъ 222
klesčь 193, 202
kleveta 164, 219
klevetьnikъ 168
klětь 175
klękъ 172
kletva 219
klinъ 178
klinьcь 188
klobukъ 178
klomja 188
klona, klonъ 188
klopotъ 174
klopъ 193
klobъ 170
kľučiti 168
kľuka 219
kľunъ 181
kľusa 188
kľuvъ 181
klypati 198
kľьčь 197
knorъzъ 180
kobyla 179
kobylica 179
kobьcь 189
kočetъ 182
kočьka 197
kogъtь 170
kokotati 222
kokotъ 182
kolačь 177

kolarь 167
kolbъ 177
kolda 188
koldenьcь 197
koleśьnъ 200
kolěja 199
kolěno 158, 169
koliba 150
koliko 212
kolo 200, 210
kolomazь 200
kolovьrtъ 187
kolsъ 183, 185
kolyba 175
kolъ 188
komarь 193
kǫmęga 199
komolъ 181
komonь 179
komъ 177
koničina 186
konopja 184
konura 175
kony 176
konь 179
konьcь 185
konьnikъ 165
końuxъ 167
kopa 183, 213
kopačь 167
kopriva 186
koprъ 184
kopylъ 157
korъtь 176
korьcь 196
korьje 165, 188
korьjьnikъ 165, 167
kora 185
korabjь 150, 200
korabъ 200
korbъ 177, 200
korěnь 185
korgujь 189
koristь 163
koriti 219
korlь 137, 164
kormola 164
korojědъ 193
korpъ 189
korsta 171
kortiti 212
kortъ 212
kortъkъ 211
korva 179
korvarь 167
koryto 176
korъ/-ъ 172
korьcь 176
kosa 170, 183
kosačь 186
kosarь 167
kosidlo 183
kosišče 183
kositi 183
kosmačь 171
kosmъ 170
kosogorъ 196
kostěnica 186
kostojěda 172
kostolomъ 172, 187
kostrъ 176
kostь 170
kosъ 189, 211
kosьcь 167, 186
košara 175, 181
košota 171
košul'a 178
košuta/-ъ 191
košь 176
kotę 181
kotica 181
kotiti sę 181
kotora 164
kotuxъ 175
koty 200
kotъ 181
kotьlъ 176
kovačь 201
kovalь 167, 201
kovarь 201
kovati 202
koxati 174
koza 180
kozlę 180
kozьlъ 180
kožemęka 167
kožuxъ 178
kǫb(ъ)lo 162
kǫdelь 184
kǫdrь 170
kǫkolь 187
kǫpa 196
kǫpati sę 170
kǫpelь 171
kǫsati 178
kǫtja 175
kǫtъ 175
kǫtьcь 188
krada 176
kradežь 163
kradja 163
krajina 195
krajь 195, 210
krasa 229
krasiti 229
krayьcь 167
krečetъ 189
krekotati 222
kremjь 175
kremy 202
kresati 176
krějati 172
krěky 200
krěslo 176
krękati 222
krězь 196
kričeti 219
kridlo 181
krikunъ 168
krikъ 219
krina 176
krinica 197
krivica 163
krivъ 210
krivьcь 168
krojiti 178
kroma 195, 210
krosno 185
krǫgъ 203, 210
krǫtъ 196, 211
krupa 177, 205
kry 170

krъtъ 192
krьstъ 211
kupa 202
kupala 208
kupiti 163
kupja 163
kupьsę 163
kura 182
kusati 178
kuti 202
kuznь 201
kvasъ 177
květъ 185
kyla 172
kysьlъ 177
kъmetъ 165
kъnędzь 164
kъniga 226
kъrčь 172
kъrmiti 177, 178
kъrtъ 240

lagoda 174
lajati 222
lakati 178
lakomъ 178
lasica 192
lastovica 189
lava 176
laziti 171, 198
laznь, lazьńa 171
lel'a 156
lemešь 183
letěti 198
lękarь 172
lękъ/-a 172
lěnivъ 168
lěpiti 202, 228
lěpъ 228
lěsъ 196
lěščina 186
lětati 198
lěto 207
lězti 198
lędo 182, 196
lędvije 169
lękati sę 174
lice 170
likъ 212, 226
lipa 149, 187
lipnǫti 228
lipъkъ 228
lisa 192
lisica 192
listopadъ 209
listъ 185
lisъ 192
lišajь 171
lixva 163
lizati 178
lopuxъ 187
lososь 189
losь 191
lovъ 188
lovьcь 188
loza 185
lože 176
lǫčьnikъ 165
lǫka 196
lǫkъ 165, 188
lubъ 185
lučь 204
lukъ 184
luna 204
lunь 189
lyko 188
lysъ 172
lъbъ 170
lъgati 219, 221
lъžica 177
lъžь 219
lьdъ 203
lьnъ 21, 184
lьstiti 221
lьstь 219
lьvica 191
lьvъ 191
l'al'a 156
l'ubiti 174

makъ 184
malina 185
malo 214, 215
malъ 211, 214, 215
mama 156
mana 243
mara 243
maslo 171, 177
mati 21, 157
matica 182
matjexa 157
mazati 171
mečь 149, 165
medja 183
medъ 182
medъvědь 191
melko 177
melti 183
melzivo 181
merža 188
mędь 150, 201
mělъkъ 211
měna 162
měsęcь 204, 208
město 195
měxъ 201
męso 73, 177
męta 186
migъ 207, 208
milъ 168
mirъ 166, 235
mlinъ 177
mlъčati 221
mlъva 217
mlъviti 217
modliti 219
modrъjь 231
mogtь 164
moldenьcь 157
moldъ 208
moltъ 202
molь 193
more, morje 21, 197
morkъ 204
morvьjь 193
morzъ 205
morъ 172, 243
mostъ 199
motati 184
motyka 183
motylь 193
mozgъ 170
mozolь 171
mǫdrьcь 168
mǫka 164, 177
mǫžь 157, 158
muxa 193
muxomorъ 187
mydlo 171
mysliti 215
mysľь 215
myšь 192
myti 170
myto 163
mъlniji 206
mъnogo 214, 215
mъnogъ 214
mъrky 184
mъxъ 21, 187
mьgla 206
mьlinъ 183
mьniti 215
mьrtvъ 170
mьstь 160
mьzda 163
mьzati 205

nakovadlьna 202
narodъ 159
nauka 167
navь 173, 242
nebo 150, 203
nedělʼa 208
nemogtь 171
neńa 156
nenavideti 174
nesti 198
netopyrь 191
nevesta 158
nevodъ 188
nęga 174
němъ 172
němьcь 167
nitь 185
niva 182, 196
nizina 196
nizъkъ 195, 211
noga 169
nogavicy 178
nogъtь 170
noktь 207
nositi 198
nosъ 170
noša 183
novъ 208
nozdŕa 170
nožь 177, 187
nuda 174
nudja 163
nyně 207
nyti 242
nъkty 176
ńańa 156

oba, obě 214
obědъ 177
obilьje 183
oblъ 210
obora 175
obrazъ 227, 228
obrinъ 168
obuti 178
obvětъ 218
obvolko 206
ocьtъ 178
oděti 178
ognь 176
ogordъ 183
oko 170
okunь 189
okъno 176
olbǫdь 190
oldьji 199
olějь 177
olkьtь 169
olni 208
olniji 191
olovo 201
olьxa 187
oratajь 186
orati 183
orbę 162
orbota 166
orbъ 161, 162, 165
ordlo 183
orěxъ 186
ormę 169
orskošь 174
orvьnъ 211
orьlъ 189
orzuměti 215
orzumъ 215
osa 193
osika 187
osmъ 213
osmь 213
ostrovъ 197
ostrъ 211
osь 200
osьlę
osьlica 179
osьlъ 179
otava 185
otokъ 197
otrokъ 157
otrǫbi 177
otьcь 157
ovadъ 193
ovьca 180
ovьnъ 180
ovьsъ 183
ozerdъ 183
oźimь 183
ožerlьje 178

ǫda 188
ǫglь 176
ǫgorь 189
ǫgъlъ 210
ǫpyrь 242
ǫla 182
ǫtica 182
ǫtroba 170
ǫtъkъ 185
ǫzъkъ 195, 211
ǫzьlъ 185
ǫžь 194

padъkterica 157
pamętь 215
pasěka 182

pasmo 184
pasti 181
pastuxъ 167, 181
pastyrь 181
pasynъkъ 157
paxati 183
paxarь 185
pekarь 167
pekt- 196
pekti 177
pektь 176, 203
pelna 178
pelnъ 161, 166
pelpelъ 166
pelti 183
pelva 170
pelynъ/-ь 187
perdъkъ 159
pero 181
perpera 190
perti 247
perunъ 247
pervolkъ 200
pestovati 174
petl'a 185
pętьlъ 182
pęnędzь 163
pęsnь 220, 225
pęsъkъ 202
pěti 225
pędь 170
pęstь 170
pęti 168
pętina 214
pętorъ 213
pętъ 213
pętъkъ 208
pętь 213
— desętъ 214
— sъtъ 214
pętьnica 208
pijavica 194
pila 187
piliti 188
pirъ 174
pisati 221, 229
piskjati 225
piskorь 189
piščalь 225
piščati 225
piti 178
pitja 177
pivo 177
plačь 221
plakati 174, 221
plastь 210
plaščь 178
plata 163
plavati 198
plaviti 201
plaxta 178
plemę 159, 160
pletje 169
plěsnь 177
plěšь 170
pleśati 226
plodъ 185
ploskъ 211
pluti 198
plъtь 169
po slědь 208
po tomь 159
pobratimъ 158
podoba 175
podъ 176
podъgorьje 196
podъkova 181
pojasъ 178
pojiti 178
pokojь 166
pokora 164
pole 182
poleno 176, 188
polica 176
polmy 176
poltьno 185
polvъjь 230
polzъ 194
poiъ 214
poiъdьne 195, 207
poiъnokti/-ь 195, 207
pol'ana 196
ponedělъkъ 208
ponedělьnikъ 208
popelъ 176
popъ 149
poraziti 166
porgъ 176
pormъ 199
porporъ 166, 200
porsę 180
porsiti sę 181
porti 178
porxъ 202
postel'a 178
posъlъ 200
potokъ 197
potomъkъ 159
potъ 170
povrьzslo 178
pozdě 207
pozdьno 207
požarъ 176
pǫditi 198
pǫpъ 170
pǫtь 199
pravo 163
pravъ 210
pražiti 177
prěmъ 211
prędxa 167
pręsti 184
pricina 164
prijatelь 168
prositi 219
proso 183
prostorъ 195
prostъ 210
protivьnikъ 166
prǫdъ 197
prǫgъ 210
prǫtъ 188
pryščь 172
prьjati 220
pustina 196
pustynь 196
puxъ 181
pyl 202
pъlkъ 165
pъtaxa 181
pъtica 181
pъtuxa 181

pьjanъ 168, 177
pьlstь 181
pьnь 185
pьrati 171
pьrě 200
pьrsi 169
pьrstenь 178
pьrstъ 170
pьrvъ 212
pьsati 221, 229, 231
pьstrǫgъ 189
pьstrъ 229, 231
pьsъ 180, 231
pьšenica 183
pьšeno 177, 183

radostь 174
radъ 168
rajь 150
rakъ 189
rana 171
rano 207
raziti 166, 212
razъ 166, 212
rebro 169
redьky 184
rekti 216, 241
reseto 183
revěti 222
rěčь 216, 217
rěka 197
rěmy 178
rěpa 184
rěsiti 216
rězati 227
rězьba 227
ręditi 163
rędъ 163
rinǫti sę 198
rodina 159
roditi 158
rodъ 159, 245
rogozъ 187
rogъ 181, 224
rojь 182
rokъ 241
rosa 206
rovъ 196
rozga 188
rǫbati 188
rǫgati 219
rǫka 73, 149, 169
rǫkavica 178
rǫkavь 178
ručějь 197
ruda 201
ru(d)měnъ 230
runo 181
ryba 189
rydjь 186
rydati 172
rysь 191
rъtъ 170
rъžь 183

saditi 183
sadja 176
sadlo 177
sadъ 169, 183
samьsь 168
sani 200
sedmъ 213
sedmь 213
sedьlo 200
selmę 197
selo 213
selzena 170
selzenь 182
sestra 158
sědeti 217
sědъ 231
sějati 183
sekti 188
sękyra 187
sěmę 185
sěmьja 159
sěno 183
sěnь 204
sěra 202
sěrъ 231
sěverъ 195, 205
sijati 231
sila 164, 175
silo 188
silьnъ 170
sinьjь 230, 231
sirota 157
sito 183
sivъ 231
sizъ 231
skakati 198
skala 196
skazъ 220
skepa 188
skoba 188
skomorxъ 226
skopiti 181
skopъ 172
skora 170
skornja 170
skotъ 149, 181
skovornъ 189, 222
skǫpъ 168
skrinja 177
skubsti 181
skučati 174
skvara 177
skvorьsь 222
skvьrna 171
slabъ 170
slava 217, 219
slaviti 181
slěditi 198
slědъ 199
slěpъ 172
slina 170
sliva 185
slonъ 190
slota 205
slověninъ 167
slovo 150, 216, 217, 220
sluga 150, 165
slušati 170, 223
sluti 217
sluxъ 170
slyšati 170, 223
slyti 217
slьza 170
sl'uzь 172
smějati sę 221
smexъ 221

smola 187
smordъ 170
smuga 210
smьrděti 170
smьrdъ 165
smьrkъ 187
smьrza 186
snaga 164
snęgъ 205
snopъ 183
snovati 184
snъxa 158
soboiь 193
sočevica 183
soja 189
sokoiъ 189
sokъ 187
soldъ 177
soldьkъ 177
solma 183
solnina 177
solvьjь 189, 222
soiь 178
soiьnъ 177
somъ 189
sopělь 225
sopěti 225
sopiь 225
sorka 178
sormъ 150
sosna 187
sova 189
soxa 183, 227
sǫditi 163
sǫdъ 163, 176
sǫkъ 185
sǫrь 168
sǫprogъ/-a 158
sǫsědъ 168
sporъ 164
stado 181
stajьna 181
stanъ 185
starъ 208
starьsь 157
statьkъ 162
stegno 169
stegьlъ 189
sterńa 185
stěna 176
stogъ 183
stoiъ 176
stopa 169
storna 210
stǫpati 198
stradati 172
straxъ 174
strava 174
strěla 165, 188
strěliti 166
strělьsь 165
strěxa 176
strigti 171
strogъ 168
strojiti 176
stroпъ 176
strǫkъ 185
struga/-ъ 199
strugati 199
strugъ 187
strujiti sę 197
strumenь 197
struna 223
strupъ 172
stryjь 158
strьmę, strьmy 200
strьženь 185
studenъ 205
studja 205
studńa 197
stvolъ 185
stьlbъ, stьlpъ 175
stьpica 200
stьblo 185
stьga 199
stьklo 202
stьžьka 199
suka 180
sukati 184
sukńa 178
sukъno 185
surovъ 177
svatъ 158
svatьba 158
svatьja 158
svara 164
svaxa 158
svekry 158
svekrъ 158
světiti 232
světъ 204, 232
světьlъ 232
svinija 180
svinina 177
svinьsь 201
svirati 225
svirělь 225
svistati 222
svitati 208
svoboda 175
svojakъ 158
svojь 161
svorbъ 172
svьrčьkъ 193
synъ 21, 157, 158
syrъ 177
sytъ 177
sъbožьje 162
sъčęstьje 162, 174
sъdorvъ 171
sъlnьce 204
sъlъ 200
sъmetana 177
sъmьrtь 173
sъnědь 177
sъpati 170
sъ(p)nъ 170, 172
sъsati 178
sъtelьnaja 181
sъto 213
sъtъ 213
sъvětъ 161
sьrbati 178
sьrdьce 170
sьrebro 201
sьrna 191
sьrpъ 183
sьrpьnь 209
sьrsti 181

šćava 177
šćegьlъ 189, 222

šćenę 181
šćeniti sę 181
šćepa 188
šćetina 181
šćipьci 202
šćitъ 166
šćuka 189
želmъ 149, 166
žeръtati 219
žeръtь 219
žestь 213
žija 169
žiръ 185
žirokъ 211
žirь 195
žiti 178
žuba 178
žujica 169
žumъ 223
žurinъ, žurь 158
žьrtьšenь 193
žьvьsь 167

tata 156, 157
tekti 197, 198
telę 179
teliti sę 181
telьcь 179
telьnaja 181
teplo 176, 209
teplъ 205
termъ 150
terti 168
terzvъ 168, 177
tesati 188
teta 156
tętervъ 190
tělo 169
těmę 170
tęnь 204
tęs(k)nъ 195, 211
tęti 168
tętiva 188
tisъ 187
tixъ 21
tjudjь 161, 166
točiti 168
tokъ 183
toliko 212
topiti 209, 232
topiъ 232
toporъ 187
tor- 217
torkъ 178
tortoriti 217
tǫga 174
tǫkja 206
tǫpъ 211
tǫziti 174
trepati 168
tretina 214
tretь 213
trętьjь 213
trěska 188
tri, trьje 212
— desęti 214
— sъta 214
trizna 173
trojь 213
tropa 199
trǫba 224
trǫbiti 224
trǫdъ 171
trudъ 166
trupъ 173
trъstь 188
turъ 179
tvoriti 177
tvorьsь 167
tyky 184
tyiъ 169
tysǫtji 213
tъkaсь 167
tъkati 184
tъlkti 168
tъlmačь 168
tъlstъ 170, 211
tъrgъ 162
tъleti 176
tъma 204, 232
tъmьnъ 232
tъmьnь 204
tъnъkъ 211
tъrnъ 185
tъrpъkъ 177
tъstja 158
tъstь 158
t'at'a 156

ubogъ 162
učitelь 167
učiti 216
udъ 169
ujь 158
ukroръ 177
ula 199
ulica 199
ulьjь 182, 199
umerti 172
uměti 169, 215, 216
umъ 215
usta 170
ustьje 197
uxo 170
uzda 181

vajati 228
varьno 202
variti 177
varъ 177
večer 207
večeŕa 177
vedro 205
vedti 198
veleti 164, 219
velikъ 211, 215
velьblǫdъ 190
veprь 180, 191
verdъ 164
verskati 222
verteno 185
ver(t)mę 208
veselьje 174
veslo 200
vesna 207
veverica 192
vezti 198
vědati 218
vědeti 215, 216

vědro 177
vějati 183, 205, 241
věko 170
věkъ 172, 208
věnьcь 178
věrьnъ 168
vět- 218
větje 161
větrъ 205
větъxъ 208
věxa 183
věža 175
vędnǫti 185
vęzati 168
vęzъ 187
viděti 170, 216
vidla 183
vidlica 177
vila 241
vina 163
vino 150, 177
virъ 197
višьna 185
vitati 218, 220
viti 150, 205, 228
vixrь 205, 241
voda 177, 203
voditi 198
vodjь 161, 164
vojakъ 165
vojinъ 165
vojьna 165
vojьsko 165
volčiti 200
voldtь 163
voldyka 164
volga 203
volkъ 200
volkъno 185
volsъ 170
volъ 179
volьnъ 168
vol'a 164, 175
voňa 170
voňati 170
vorbьjь 189
vorgъ 166
vorna/-ъ 189
vormъjь 231
voskъ 182
vosь 193
voziti 198
vozъ 200
vǫsъ 170
vračь 172
vrati 172
vydra 192
vymę 181
vysokъ 195, 211
vysь 195
vyti 222
vъlkodlakъ 242
vъlkъ 243
vъnǫkъ/-a 157
vъprositi 219
vъskrěsenьje 208
vъtorъ 213
vъtorъkъ 208
vъtorьnikъ 208
vъztokъ 195
vъzvarъ 178

vъčera 208
vъdova 158
vъdovьcь 158
vъlkъ 191
vъlna 181
vъrba 187
vъrěti 177
vъrstva 210
vъrša 188
vъrxъ 196
vъsь 175

xala 178
xalěpa 205
xalupa 175
xapati 178
xěrъ 231
xlapati 178
xlastati 178
xlebati 178
xlěbъ 149, 177
xlěvъ 175, 181
xlopotъ 174
xlodъ 188
xl'uščь 205
xmara, xmura 205
xoditi 198
xodul'a 199
xolča 178
xoldъ 205
xolpъ 165
xolstъ 159
xoměkъ 191
xomǫtъ 181
xorbrъ 166
xorbrьcь 168
xormъ 175
xorna 177
xorniti sę 178
xorǫgy 166
xoxolъ 170
xoxotati 221
xoxotъ 221
xrakati 222
xrapati 178
xrapěti 222
xrěnъ 184
xrěščь 170
xribъ 196
xripěti 222
xrobakъ 194
xrobati 178
xromati 198
xromъ 172
xromьcь 171
xrǫdьna 171
xrǫstati 178
xrǫščь 193
xrudъ 181
xrьbьtъ 169
xula 219
xuliti 219
xvala 219
xvaliti 219, 221
xvalьcь 168
xvastati 219
xvastunъ 168
xvistati 222
xvoja 185
xvoroba 171

xvorъ 150, 171
xvostъ 181
xvoščь 187
xyniti 219
xyrъ 172
xytrъ 166
xytrьcь 168
xyža 175
xъlmъ 196
xъlpъ 170
xъmelь 184
xъrčati 222
xъrtъ 181

zagnětъ 176
zajęcь 192
zajutro 208
zakonъ 163
zamъkъ 175
zapadъ 195
zapręgati 200
zapręgti 181
zavideti 175
zaxodъ 208
zelenina 177
zelenъjь 230
zelьje 187, 230
zemja 195
zěnica 170
zębnǫti 205
zętь 158
zidati 176
zidъ 176
zima 207
zmьja, zmьjь 194
znati 215, 216
znojь 205
zobъ 181
zola 171
zolto 201, 230
zoltъjь 230
zorьka 204
zorьnica 204
zora<zorja 204
zǫbъ 170
zvěrь 190

zvoniti 223
zvonъ 218
zvǫkъ 218, 222
zvьněti 218, 223
zъlo 164, 175, 214
zъlva, zъly 158
zъlъ 214
zъvati 218
zьrěnica 170
zьrěti 170, 183
zьrno 183

žaba 194
žalь 174
žarъ 176
želbъ 176
želězo 201
želǫdь 185
žely 194
želza 170
žena 157, 158
ženixъ 158
žeravjь 189
žerbaja 181
žerbę 179
žerbiti sę 181
žerbьcь 179
žerdlo 197
žędati 178
žędьnъ 177
žęti 183
žętva 183
židъ 167
žila 170
žirъ 177
žito 183
životъ 169
živъ 170
žužela 193
žьltъjь 230
žьmьňa 184
žьrati 177, 178
žьrdь 188
žьrny 183
žьrtьcь 161
žьvati 178

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Славянские языки 3

1.1. Общие сведения 3
1.2. Праславянский язык 16
1.3. Старославянский язык 25
1.4. Восточнославянские языки 30
1.4.1. Общие сведения 30
1.4.2. Древнерусский язык 33
1.4.3. Белорусский язык 37
1.4.4. Русский язык 46
1.4.5. Украинский язык 55
1.5. Западнославянские языки 64
1.5.1. Общие сведения 64
1.5.2. Польский язык 67
1.5.3. Серболужицкие языки 76
1.5.4. Чешский язык 81
1.5.5. Словацкий язык 90
1.5.6. Полабский язык 93
1.6. Южнославянские языки 99
1.6.1. Общие сведения 99
1.6.2. Болгарский язык 103
1.6.3. Македонский язык 110
1.6.4. Сербскохорватский язык 114
1.6.5. Словенский язык 124
1.7. Славянские литературные микроязыки 130
1.7.1. Общие сведения 130
1.7.2. Русинский язык 132

2. Славяне в древности 135

2.1. Древние славяне и их прародина 135
2.1.1. Вопрос о времени и месте формирования славян 135
2.1.2. Известия древних историков о славянах 139
2.1.3. Данные археологии 141
2.1.4. Данные топонимики 145
2.1.5. Версия «Повести временных лет» и различная оценка ее в современной науке 146
2.1.6. Славяне и их соседи 148
2.1.7. Современные точки зрения на происхождение и прародину славян 151
2.2. Жизнь древних славян по данным их языка 155
2.2.1. Вводные замечания 155
2.2.2. Человек, семья, род 156
2.2.3. Общество 160
2.2.4. Тело и душа, жизнь и смерть 169

2.2.5. Дом, утварь, пища, одежда 175
2.2.6. Домашняя живность; пчелы 178
2.2.7. Культурные растения 182
2.2.8. Живая природа и ее использование 186
2.2.9. Географическая среда 194
2.2.10. Мир минералов и их применение 201
2.2.11. Небо, воздух, время 203
2.2.12. Представления о фигурах и числах 209
2.2.13. Мысль и речь 215
2.2.14. Звуки, образы, краски 222
2.2.15. Мифы и боги 232
2.2.15.1. Источники 232
2.2.15.2. Ранние этапы язычества у славян 239
2.2.15.3. Древнеславянский языческий Олимп 246
2.2.15.4. Некоторые особенности распространения христианства у славян 256
2.2.16. Память 261

3. Возникновение славянской письменности 265

3.1. Предпосылки 265
3.2. Константин (Кирилл) и Мефодий 268
3.3. Азбуки 284
3.4. Памятники письменности 296
3.4.1. Надписи 296
3.4.2. Рукописи 300
3.4.3. Инкунабулы 306
3.4.4. Издания 310

4. Из истории славянской филологии 315

4.1. Истоки 315
4.2. Сравнительное языкознание и сравнительное литературоведение 319
4.3. Успехи науки о славянских языках в XIX в. 327
4.3.1. Основоположники 327
4.3.2. Становление славистики в России 330
4.3.3. Становление славистики в Германии и Австро-Венгрии 333
4.3.4. И. В. Ягич 335
4.3.5. И. А. Бодуэн де Куртенэ 337
4.3.6. Ф. Ф. Фортунатов 340
4.3.7. Организация и результаты развития славистики в XIX в. 343
4.4. Славистика конца XIX — начала XX в. 347
4.4.1. Восточнославянская славистика 347
4.4.2. Славистика у западных и южных славян 358
4.4.3. Западноевропейская славистика 364
4.5. Славистика между первой и второй мировыми войнами . . . 367
4.5.1. Вводные замечания 367
4.5.2. Славистика в СССР 369
4.5.3. Славистика в странах Европы 378
4.6. Слависты и славистика в годы второй мировой войны . . . 387
4.7. Послевоенное развитие славистики 394
4.7.1. Вводные замечания 394
4.7.2. Советская славистика 398

4.7.3. Польская славистика 41
4.7.4. Чехословацкая славистика 41
4.7.5. Болгарская славистика 41
4.7.6. Югославская славистика 41
4.7.7. Славистика в неславянских странах 42
4.8. Итоги развития славистики 42
. 43

Заключение. Актуальные задачи славистики 43
Текст для анализа на славянских языках 44
Указатель имен 45
Указатель праславянских слов 46

Учебное издание

Супрун Адам Евгеньевич

ВВЕДЕНИЕ В СЛАВЯНСКУЮ ФИЛОЛОГИЮ

Редактор *С. Г. Левина*
Мл. редактор *Р. А. Масловская*
Художник переплета *Л. А. Полещук*
Художественный редактор *В. И. Шелк*
Технический редактор *М. Н. Кислякова*
Корректор *Н. Б. Назарева*

ИБ № 2769

Сдано в набор 12.09.88. Подписано в печать 08.09.89. АТ 10428. Формат 84×108/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура литературная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 29,44. Тираж 8500 экз. Зак. 5941. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Вышэйшая школа» Государственного комитета БССР по печати. 220048, Минск, проспект Машерова, 11.

Набрано в типографии Франциска Скорины издательства «Наука и техника». 220072, Минск, Ленинский проспект, 68.

Отпечатано в типографии «Победа». 222310, Молодечно, ул. Тавлая, 11.